

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ
П. Е. КЕППЕНА
№ 587
Отдѣлъ каталога VI
Шкафы XXI
Полка 9
№ 11.

Н. Е. Бранденбургъ.

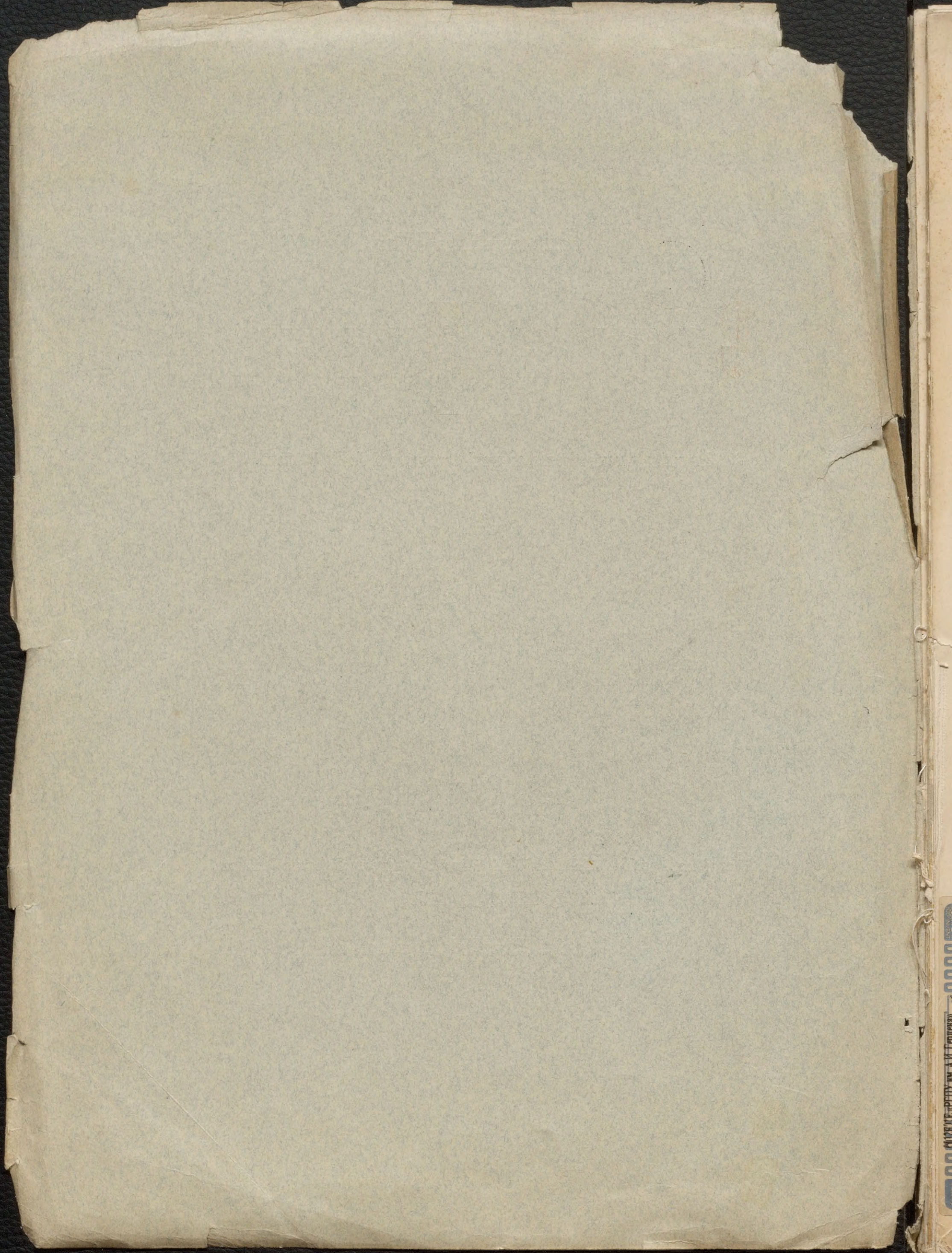
СТАРЫЯ ЛАДОГА.

Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова.

Юбилейное изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Археологическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая ул., д. № 40.
1896.

п. 09

Пров. 52

Съдъ Императорскаго Археологическаго Общества
г. Санктъ-Петербургъ
Президиумъ
1897 г.

37026

Н. Е. Бранденбургъ.

107
к. т. 63

СТАРАЯ ЛАДОГА.

Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова.

Юбилейное изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Археологическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая ул., д. № 40.
1896.

Российская Империя
Министерство Народнаго Просвѣщенія
Библиотека Им. А. И. Герцена

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
1000 UNIVERSITY DRIVE
CHICAGO, ILL. 60607

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.	
а) Часть I. Городъ Ладога (историческій очеркъ).	
Общая топографія	1
Періодъ легендарный и доисторическій	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="margin-right: 10px;">{</div> <div> <div>Происхожденіе названія</div> <div>Альдейгобургъ</div> <div>Саги</div> <div>Лѣтописныя легенды</div> <div>Курганы</div> </div> <div style="margin-left: 10px; text-align: right;"> <div>6</div> <div>9</div> <div>12</div> <div>15</div> <div>16</div> </div> </div>
Періодъ историческій	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="margin-right: 10px;">{</div> <div> <div>Территорія (уѣздъ, погосты и волость)</div> <div>Собственно городъ Ладога:</div> <div> Посадъ</div> <div> Слободы</div> <div> Концы</div> <div> Улицы</div> <div> Общественныя сооруженія</div> <div>Населеніе</div> <div>Управленіе</div> <div>Внутренній бытъ</div> <div>Военныя дѣйствія подъ Ладогой</div> <div>Политическая жизнь Ладоги</div> </div> <div style="margin-left: 10px; text-align: right;"> <div>18</div> <div>28</div> <div>31</div> <div>37</div> <div>39</div> <div>40</div> <div>63</div> <div>74</div> <div>87</div> <div>101</div> <div>112</div> </div> </div>
Примѣчанія къ I части.	128
б) Часть II. Староладожское Городище («Рюрикова крѣпость»).	
Вмѣсто предисловія	133
Мѣстность городища	143
Построеніе городища	145
Ремонты	147
Описаніе Городища	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="margin-right: 10px;">{</div> <div> <div>Воротная башня</div> <div>Участокъ ограды между Воротной и Стрѣлоч- ной башнями</div> <div>Стрѣлочная башня</div> <div>Восточный фасъ</div> <div>Роскатная башня</div> <div>Южный фасъ</div> <div>Климентовская башня</div> <div>Участокъ ограды между Климентовской и Во- ротной башнями</div> </div> <div style="margin-left: 10px; text-align: right;"> <div>152</div> <div>163</div> <div>171</div> <div>180</div> <div>194</div> <div>202</div> <div>208</div> <div>217</div> </div> </div>

	СТР.
Общее обозрѣніе крѣпости.	225
Городъ Деревянный.	227
Вооруженіе.	231
Древніе памятники въ городищѣ.	233
в) Приложенія:	
I. Извлеченіе изъ переписной книги Вотской пятины 1500 г.	243
II. Переписная книга города Ладоги 1646 г.	245
III. Переписная книга города Ладоги 1678.	247
IV. Челобитная ладожскихъ посадскихъ людей 1652 г.	248
V. Челобитная ладожанъ 1649 г.	250
IV. Наказъ ладожскому воеводѣ Желтухину 1671 г.	251
VII. Росписной списокъ Ладоги, около 1628 г.	253
VIII. Пріемная вѣдомость ладожскаго воеводы Неплюева 1628 г.	253
IX. Роспись города Ладоги 1655 г.	255
X. Опись Ладоги 1668 г.	258
XI. Опись Ладоги 1669 г.	260
XII. Переписная роспись пригороду Ладогѣ 1665—67 г.	261
XIII. Описи Ладоги 1676 и 1677 г.	267
XIV. Сводная опись Ладоги 1685—97 г.	270
XV. Грамота ладожскому воеводѣ Неплюеву 1631 г.	275
XVI. Грамота митрополита Корнилія 1678 г.	276
XVII. Опись Георгіевскаго монастыря 1745 г.	277
г) Техническое описаніе древнихъ памятниковъ церковной и военной архитектуры въ селеніи Старой Ладогѣ.	281
д) Часть III. Атласъ рисунковъ и чертежей Староладожскаго городища.	

Предисловіе.

Въ 1883 г., по предложенію одного изъ своихъ сочленовъ, Императорское Русское Археологическое Общество предпріяло изслѣдованіе замѣчательнаго по своей глубочайшей древности памятника военнаго зодчества Новгородской области, который съиздавна уже пользовался извѣстностью, но до сихъ поръ оставался не изученнымъ; это именно развалины «Каменнаго города» (крѣпости), воздвигнутаго новгородцами въ XII вѣкѣ и находящіяся въ прежнемъ городѣ Ладогѣ (нынѣ селеніи Старой Ладогѣ) на Волховѣ, въ 12 верстахъ южнѣ Ладожскаго озера. На изслѣдованіе городища, по ходатайству Министра Народнаго Просвѣщенія, въ Божь почившимъ Императоромъ Александромъ III тогда-же было Всемилостивѣе пожаловано 2000 рублей, непосредственно же веденіе археологическихъ раскопокъ было возложено Обществомъ на автора настоящаго труда, каковыя и были произведены полностью въ теченіи 1884 и 1885 г.

Разныя обстоятельства задержали однако на продолжительное время составленіе описанія сдѣланнаго изслѣдованія, между прочимъ и выяснившаяся неудовлетворительность имѣвшагося графическаго матеріала (чертежей городища); послѣднее обстоятельство побудило Общество приступить къ составленію на мѣстѣ новыхъ чертежей, что было поручено академику В. В. Суслову, которымъ въ теченіи 1893 г. таковое и исполнено съ полнымъ успѣхомъ; при дополнительныхъ повѣрочныхъ работахъ для составленія упоминаемыхъ чертежей, академику Сулову удалось открыть еще нѣкоторыя конструктивныя данныя, ускользнувшія при раскопкахъ 1884—85 г. и, кромѣ того, по порученію Общества воспроизведены точныя снимки съ замѣчательныхъ древнихъ фресокъ, еще цѣлѣвшихъ частью на стѣнахъ Георгиевской церкви въ томъ же городищѣ. Весь полученный такимъ образомъ графическій

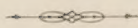
матеріалъ, съ прибавленіемъ трехъ картъ и многихъ фотографическихъ снимковъ съ городища, сдѣланныхъ въ разное время, приложены къ настоящему изданію.

Что касается самаго текста, то таковой раздѣленъ нами на двѣ части: одна посвящена историческому очерку Ладогѣ, другая археологическому описанію непосредственно городища; мы сочли полезнымъ присоединить къ первой изъ нихъ, кромѣ двухъ топографическихъ картъ, еще составленную нами спеціальную карту земельного владѣнія около Ладогѣ во второй половинѣ XVIII ст., по планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., въ виду ея значенія для уясненія разныхъ мѣстностей, пустошей и урочищъ, упоминаемыхъ въ древности (напр. въ Переписной книгѣ Вотской пятины 1500 г.) и болѣею частью нынѣ уже неизвѣстныхъ, въ приложеніяхъ же помѣщена серія документовъ, касающихся непосредственно Ладогѣ и преимущественно еще неизданныхъ; кромѣ того въ отдѣльномъ приложеніи читатель найдетъ пояснительныя примѣчанія академика архитектуры В. В. Сулова къ составленнымъ имъ чертежамъ городища съ находящимися въ послѣднемъ церквями.

Н. Бранденбургъ.

Часть I.

ГОРОДЪ ЛАДОГА (СТАРАЯ).

THESE PAGES ARE LEFT BLANK

ставивъ за собою Варяжское море и направляясь по лѣтописному пути «изъ Варягъ въ Греки», путникъ встрѣчаетъ скучное и однообразное теченіе Невы, за которымъ вступаетъ въ безбрежную даль Ладожскаго озера, древняго Нево, и по волнамъ послѣдняго достигаетъ устья Волхова. Историческая русская рѣка привѣтствуетъ его здѣсь однимъ изъ древнихъ урочищъ Новгородской земли—Медвѣдкой, званіемъ съ 1704 г. глухимъ уѣзднымъ городомъ Новой Ладогой, но много ранѣе здѣсь-же стоялъ Николаевскій монастырь, носившій названіе Медвѣдскаго или Медвѣдникаго и существовавшій еще въ XV столѣтіи. Отсюда путь лежитъ по Волхову, но непривѣтливъ въ началѣ берега послѣдняго, покрытые дюнными песками съ угрюмыми соснами, занявшими мѣсто когда-то плескавшагося на этихъ пескахъ Ладожскаго озера, отступившаго впоследствии въ свои нынѣшніе предѣлы. Мѣстность понемногу поднимается; вотъ еще урочище, напоминающее о вѣкодавнемъ пребываніи здѣсь того-же озера—нынѣшнее селеніе Ивановскій Островъ, расположенное почти на гребнѣ начинающейся затѣмъ возвышенности, а нѣсколько далѣе и первые слѣды мѣстныхъ доисторическихъ поселеній—два уединенно стоящихъ кургана. За ними рѣка дѣлаетъ короткій, но крутой поворотъ на Западъ, на томъ-же берегу открывается еще цѣпь кургановъ, но давно уже разрушенныхъ, и между ними одинъ огромныхъ размѣровъ, также неизвѣстно кѣмъ разоренный еще въ минувшемъ столѣтіи. Курганъ поражаетъ своей выдающейся величавостью, не имѣя далеко кругомъ себѣ соперниковъ, и при взглядѣ на него невольно приходитъ въ голову поэтическая легенда новгородской лѣтописи о смерти и погребеніи гдѣ-то здѣсь, въ окрестностяхъ, на Волховѣ Олега Вѣщаго. Близъ подножія этой огромной насыпи рѣка снова

Общая топографія.

принимаетъ свое прежнее направлѣніе и за поворотомъ показывается старинная церковь Іоанна Предтечи, стоящая на холмѣ, издревле называемомъ Малышевой горой. Въ небольшомъ отдаленіи заблестѣли кресты на главахъ Успенскаго монастыря, еще далѣе заблѣтнѣлъ на темной зелени строенія монастыря Никольскаго, а на противоположномъ берегу картинно обрисовалась выросшая на горѣ, во всей оригинальности своей новгородской архитектуры, древняя церковка (бывшій монастырь) Василія Кесарійскаго. Здѣсь отовсюду повѣяло древней Русью и глаза путника невольно ищутъ центра этой дышащей стариною мѣстности, — передъ нимъ Старая Ладога.

Небольшое грязное селеніе верстахъ въ 12 отъ озера, прильпившееся на лѣвомъ берегу Волхова между двумя монастырями и замѣчаемое, лишь когда къ нему почти подъѣдешь, вотъ, что нынѣ представляетъ слѣдъ этого бывшего центра, когда-то составлявшаго конечный пунктъ плаванія варяговъ, извѣстный торговый этапъ средневѣковой Ганзы и пограничную твердыню Новгорода — бывший здѣсь древній городъ Ладогу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ разочарованнымъ взоромъ путника обрисовывается на берегу и другая картина: передъ нимъ, рядомъ съ убогимъ селеніемъ, гордо воздвигаются, во всей своей величавой красѣ вѣковаго запустѣнія, остатки каменныхъ развалинъ древней крѣпости, хотя изглоданные уже безжалостнымъ временемъ и невѣжествомъ, но до сихъ поръ еще сопротивляющіеся усиліямъ семи столѣтій стереть ихъ съ лица земли. Четыре башни съ зіяющими въ нихъ бойницами, сложенные изъ огромныхъ валуновъ и соединенныя остатками кос-гдѣ уцѣлѣвшихъ стѣнъ, мѣстами въ нѣсколько сажень вышиною, окружаютъ приоткрывшуюся среди нихъ такую-же древнюю церковь св. Георгія и вмѣстѣ съ нею сразу-же переносятъ путника въ далекія времена сѣдой старины, въ эпоху «Господина Великого Новгорода», славные дни котораго такъ хорошо помнятъ эти монументальные обломки давняго прошлаго. Съ особымъ чувствомъ теперь ступаетъ путникъ на эти освященныя историческою древностью мѣста и даже самое убожество современной панорамы селенія нѣсколько смягчается подъ приливомъ новыхъ впечатлѣній. Передъ нимъ устье рѣчки Ладожки, почти перпендикулярно впадающей здѣсь въ Волховъ и раздѣлявшей древній городъ на двѣ половины, но нынѣ селеніе тѣснится только на сѣверной сторонѣ рѣчки, отдѣляющей его отъ развалинъ крѣпости, лежащихъ на южной, и обѣ соединяются перекинутымъ мостомъ, какъ, конечно, было и въ древности; у этого моста, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, когда-то въ старину былъ рынокъ. Не въ дальнемъ разстояніи за нимъ рѣчка развѣтвляется на собственно Ладожку и Заклюку, которыя затѣмъ расходятся въ противоположныя стороны, приблизительно на Сѣверъ и Югъ,

омывая своимъ теченіемъ, по всей вѣроятности, границы прежней Ладogi. Сѣвернымъ своимъ краемъ селеніе почти примыкаетъ къ древнему Успенскому монастырю, ограда котораго когда-то служила мѣстомъ суроваго заточенія Евдокіи Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, въ самомъ-же селеніи сохранились только два обломка сѣдой старины—остатки двухъ каменныхъ церквей, стоявшихъ одна на берегу Волхова, другая на берегу Ладожки, открытых въ новѣйшее время

Рис. 1. Старолadoжская крѣпость въ половинѣ XVII вѣка (по Оlearію)¹⁾.

подъ покрывавшими ихъ курганообразными насыпями, но отмѣченныхъ въ народной памяти стоявшими на нихъ ранѣ старыми развалившимися часовенками. Перейдя черезъ мостъ и повернувъ на берегъ Волхова, путникъ приближается къ жемчужинѣ Ладogi—къ величавымъ развалинамъ ея бывшей каменной твердыни, на которую народная легенда перенесла вѣкодавнее преданіе о призваніи варяжскихъ князей, наименовавъ твердыню «Рюриковой крѣпостью» и приурочивъ къ ней мѣстопробываніе этого перваго князя земли русской; но народная легенда не справляется съ лѣтописью и въ данномъ случаѣ является лишь

¹⁾ Изданіе 1655 г.

поэтическимъ анахронизмомъ, смѣшивающимъ событія, раздѣленныя тремя вѣками (ибо крѣпость воздвигнута въ началѣ XII вѣка) и свидѣтельствующимъ только о томъ историческомъ ореолѣ, которымъ въ глазахъ мѣстнаго населенія окруженъ этотъ монументальный памятникъ глубокой древности. Устланная щебнемъ и свалившимися сверху валунами дорожка, ведетъ путника вдоль грандіозной стѣны въ среднюю башню и внутрь самого городища. Вездѣ кругомъ печать давняго разрушенія: полуразсыпавшіеся своды, каменные массивы, грозящіе ежеминутнымъ наденіемъ, изгрызенные вѣками гребни стѣнъ и башенъ, все это среди общаго безмолвія дышетъ смертью, дышетъ чѣмъ-то давно отжившимъ; впечатлѣніе усугубляется множествомъ могилныхъ крестовъ мѣстнаго Георгіевскаго погоста, занимающихъ внутренность городища, усугубляется жалкимъ видомъ старинной полуразвалившейся, стоящей здѣсь-же деревянной церковки Димитрія Солунскаго, едва держащейся на землѣ, и только маленькій каменный храмъ Св. Георгія, пріотившійся съ вѣкодавнихъ временъ въ стѣнахъ городища, является свѣтлымъ бликомъ на этой унылой картинѣ;—въ немъ уже шесть или семь столѣтій не прерываются молитвы ладожанъ Тому, въ рукахъ Котораго судьбы всего прошедшаго и будущаго!

Миновавъ этотъ храмъ, путникъ приблизится къ южному фасу городища, вѣначающему крутой спускъ въ глубокую балку, которая сбѣгаетъ въ Волховъ и образуетъ такимъ образомъ родъ огромнаго вала на южной сторонѣ крѣпости, существовавшаго еще до сооруженія послѣдней: среди мѣстнаго населенія балка носитъ названіе «тайника», въ которомъ крылатая народная фантазія создала существованіе скрытыхъ подземныхъ ходовъ и тому подобныя таинственности «Рюриковой крѣпости», совершенно впрочемъ сказочныя. Поднявшись на другой берегъ балки, путникъ вступаетъ на разстилающуюся далѣе возвышенность, омываемую Волховомъ, и передъ глазами открывается своеобразное зрѣлище какого-то стихійнаго разрушенія: вся поверхность, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ сажень, изборозждена глубокими отвѣсными провалами, на днѣ которыхъ мѣстами виднѣются фрагменты каменныхъ массивовъ, а нѣсколько далѣе въ сторону отъ рѣки, тянется рядъ какихъ-то неправильныхъ насыпей и среди всего этого доживаютъ послѣдніе свои дни остатки развалившейся деревянной часовенки, неизвѣстно чьими руками когда-то сооруженной. Но не стихійныя силы произвели это разрушеніе: съ одной стороны людская нажива нашего практическаго вѣка усмотрѣла себѣ добычу въ нѣдрахъ берега и путемъ глубокихъ подкоповъ съ рѣки изрыла подпочвенный песокъ обширными пещерами, которыя, обвалившись, поглотили еще недавно находившіяся на поверхности развалины древней бывшей здѣсь церкви

Св. Климента, съ другой-же безжалостное время стерло здѣсь-же слѣды когда-то занимавшаго эту площадь другаго укрѣпленія прежней Ладogi, носившаго въ XVII вѣкѣ названіе Деревяннаго или Землянаго города (крѣпости), и оставило на память о немъ только рядъ упомянутыхъ насыпей. По всей вѣроятности, здѣсь-же нужно видѣть и первоначальное мѣстоположеніе древнѣйшей Ладogi, судя по упомянутой церкви XII вѣка, общимъ топографическимъ условіямъ и культурнымъ слѣдамъ, обнаруженнымъ на значительной глубинѣ подъ почвою.

Немного далѣе, на самомъ берегу Волхова живописно расположенъ Никольскій монастырь, помнящій также времена независимости Великаго Новгорода, а западнѣе и южнѣе его, между Волховомъ и теченіемъ Заклюки, раскинулось возвышенное плато, носящее среди мѣстнаго населенія знаменательное названіе «Побѣдища». Другая огромная балка, упирающаяся въ Волховъ, перерѣзываетъ его поперекъ, выводя путника въ близъ лежащую деревню Княциню, вдоль же восточнаго, береговаго края урочища тянется длинная цѣпь кургановъ, почти всѣ уже въ прежнее время разоренные. Съ Побѣдищемъ мѣстное преданіе связываетъ воспоминаніе о какой-то побѣдѣ, одержанной будто-бы здѣсь Александромъ Невскимъ надъ шведами, но подтвержденій для этого въ нашихъ лѣтописяхъ не имѣется. Можно прибавить только, что быть можетъ, преданіе представляетъ смутный отголосокъ какого-нибудь событія другаго времени и что въ XVII в. здѣсь дѣйствительно существовало селеніе, носившее то-же названіе, но ранѣе въ XV ст. (по писц. книгѣ 1500 г.) такового не значится, а показана лишь волость «Бобедище» владѣльца Побѣдинскаго, въ которой между прочимъ находилась деревня «Большой дворъ у Ладogi», по генеральному межеванію 1778 г. отождествленная съ Побѣдищемъ; въ виду этого, быть можетъ, названіе послѣдняго и не имѣетъ историческаго происхожденія. Любопытно, что лѣтъ 20 тому назадъ на этомъ-же Побѣдинцѣ былъ найденъ глиняный сосудъ съ древними восточными монетами, между которыми оказались сассанидскія VI и VII столѣтій, фактъ, указывающій въ какія далекія времена здѣсь пролегали пути торговыхъ сношеній.

Кругомъ Ладogi раскинулись старинныя селенія, въ большинствѣ которыхъ путникъ встрѣчается съ большими деревянными крестами, которые покрыты вырѣзанными надписями, указывающими на время ихъ сооруженія усердіемъ разныхъ лицъ, для поклоненія православныхъ христіанъ; почти всѣ они относятся къ XVII столѣтію. Таковы деревни: Зеленая Долина и Неважи, стоящія почти рядомъ, причемъ въ Неважахъ имѣются два креста 1664 и 1626 г.; послѣдній замѣчателенъ еще и по большому рѣзному на немъ изображенію

Николая Чудотворца. Деревня Мѣстовка съ крестомъ 1669 г.; Ахматова Гора (Висѣльникъ тожъ) — передъ которой на дорогѣ стоитъ крестъ 1752 г.; въ вышеупомянутой деревнѣ Княщинѣ (прежняя Заклюка) такихъ же крестовъ три (изъ нихъ два 1666 и 1687 г.) и кромѣ того въ часовнѣ съ бережно хранятся миниатюрныхъ размѣровъ древнія царскія врата; наконецъ на берегу Волхова селеніе Извозъ, вблизи котораго указывается ручей, носящій названіе Кроваваго, вѣроятно свидѣтель какого-нибудь тяжкаго, но теперь уже забытаго жителями событія. Здѣсь за Побѣдищемъ, выше по Волхову, начинается древній Ильинскій погостъ, а еще далѣе верстахъ въ восьми погостъ Михайловскій, близъ котораго селеніе Порогъ, лежащее у начала Волховскихъ пороговъ; послѣдніе состоятъ изъ известковыхъ плитъ и простираются вверхъ по Волхову на 8½ верстъ, приблизительно до устья рѣчки Жубинки, причемъ паденіе воды на этомъ пространствѣ равняется 30 футамъ. Черезъ эти пороги въ эпоху Ганзы совершались, однако, бойкія торговыя сношенія Новгорода съ Готландомъ и нѣмцами, а ранѣе того безъ сомнѣнія пробирались и варяги; древняя Ладога составляла конечный пунктъ этого плаванія и въ ней происходила перегрузка судовъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Новгородъ; она-же представляла, вѣроятно, первый этапъ и на пути изъ Варягъ въ Греки.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ общая топографія современной намъ Старой Ладogi, лежащей всего въ 160 верстахъ отъ Петербурга и обратившейся нынѣ въ глухой забытый уголъ, въ который развѣ случайно забредетъ путникъ, хотя драгоцѣнные остатки глубокой старины здѣсь, должны быть близки русскому сердцу и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Періодъ легендарный и доисторическій.

Этотъ замѣчательный уголъ интересенъ и тѣмъ, что имѣетъ свою десяти-вѣковую исторію, начало которой переплетается съ легендарными сказаніями скандинавскихъ сагъ и вмѣстѣ съ ними теряется въ невѣдомомъ прошломъ.

Происхожденіе названія.

Самое имя Ладogi встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ не ранѣе второй половины IX вѣка и притомъ лишь въ связи съ легендой о призваніи князей, относимой къ этому времени, т. е. упоминается подъ 862 годомъ; другая лѣтописная же легенда говоритъ о Ладогѣ въ 922 году, приурочивая къ послѣдней мѣсто погребенія князя Олега, но если обѣ онѣ не составляютъ позднѣйшей вставки, то во всякомъ случаѣ фабулы ихъ дошли до насъ лишь въ текстѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», почему фактически названіе Ладogi можно считать извѣстнымъ собственно лишь во времена Нестора; вопросъ же о томъ, встрѣчалъ ли лѣтописецъ имя ея въ первоисточникахъ своей «Повѣсти», по

неимѣнію данныхъ, остается открытымъ. Кромѣ того, Несторъ говоритъ о ней же и при другомъ случаѣ, именно передавая о видѣнныхъ имъ археологическихъ находкахъ (бусахъ) во время своего посѣщенія Ладоги въ 1114 г. ¹⁾, въ виду чего названіе послѣдней дѣйствительно существовало по крайней мѣрѣ въ XI или началѣ XII столѣтія, съ чѣмъ совпадаетъ и относящееся сюда первое несомнительное лѣтописи, передающее подъ 1105 годомъ извѣстіе о походѣ въ ту же Ладогу Новгородцевъ ²⁾.

Свое значеніе должно имѣть и то обстоятельство, что въ наиболѣе древнемъ спискѣ его лѣтописи Ладожскому озеру присвоивается названіе Нево ³⁾, въ нѣкоторыхъ же другихъ удерживается первое ⁴⁾. Не менѣе любопытенъ вопросъ и о самомъ происхожденіи названія Ладоги, но рѣшить его крайне трудно и мнѣнія объ этомъ весьма различны. Академикъ Шегренъ, въ трудѣ своемъ о финскомъ населеніи С.-Петербургской губерніи ⁵⁾, указываетъ корень слова Ладога или Альдога въ финскомъ *Альтоказъ* = волнующій и слѣдовательно ста-

¹⁾ «Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми ладожане, сдѣ яко есть егда будетъ туча велика и находятъ дѣти наши глазки стеклянными и малыи и великыи, провертаны, а другия подлѣ Волховъ берутъ, еже выполаскиваетъ вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста, суть же различни». (Лѣтоп. по Ипат. сп., изд. Арх. Ком., 1871 г.).

²⁾ Большой интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ извѣстіе Аль-Масуди, арабскаго писателя первой половины X вѣка. Въ сочиненіи своемъ «Золотые луга» онъ упоминаетъ между прочимъ, что Руссы составляютъ многіе народы, раздѣляющіеся на разрозненныя племена; между ними племя, называемое Лудана, есть многочислѣннѣйшее. (А. Гаркави: Сказанія мусульм. писателей о славянахъ и руссахъ, 130).

Неизвѣстность значенія названія «Лудана» или «Лузана», принимаемаго за искаженіе переписчика, вызывало весьма разнообразныя толкованія, въ связи съ различными предлагавшимися конъектурами того-же слова, допускаемыми особенностями арабскаго правописанія: одни читали вмѣсто «Лузана» — Лучане, другіе видѣли въ немъ Лензаниевъ и Ленчанъ, третьи Litbuanien (Литву), четвертые усматривали искаженное Нурмане (норманны). Но наиболѣе любопытная въ данномъ случаѣ, была предложена извѣстнымъ Френомъ, который въ словѣ Лудана видѣлъ Лудагія, равнозначущее съ ладожанами, т. е. новгородцами (ib. 155, 156). Если конъектура эта вѣрна, то извѣстность названія Ладоги, восходитъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ къ началу X вѣка; любопытно, что въ географіи другаго арабскаго писателя Идриси, упоминается также городъ Луджага въ Руссіи, б. м. равнозначущій Ладогѣ.

Но нельзя умолчать и о томъ, что, по указанію А. Гаркави, въ парижскомъ спискѣ «Золотыхъ луговъ» вмѣсто слова Лудана стоитъ «Кудкана», которое наводитъ его на мысль, что у Аль-Масуди въ дѣйствительности рѣчь идетъ не о Ладогѣ, а о Кіевѣ. (ib. Дополненія къ сказаніямъ, 20. См. также Труды II Археол. съѣзда, протоколы 27 и Труды III Археол. съѣзда, т. I, 345—352).

³⁾ «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки... и по Ловоти внити въ Ильмеръ озеро великое, изъ него-же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево...». (Лѣт. по Лавр. сп., издан. Археог. Ком., 1872 г., 6).

⁴⁾ Такъ въ Воскрес. лѣтописи: «И пришедше славѣне съ Дуная и сѣдше у езера Ладожскаго...» (Полн. собр. лѣт. т. VII, 262).

⁵⁾ Über die finnische Bevölkerung des S.-Petersb. Gouvernements... и пр.

вить происхождение самого названія въ зависимость отъ наименованія озера, при которомъ лежитъ городъ.

Почти то-же принимаетъ и академикъ Гротъ въ своихъ «Филологическихъ розысканіяхъ», говоря что Ладога есть переименованное скандинавское Альдога и произошло отъ финскаго *Acelto*=волна ¹⁾).

Карамзинъ думаетъ, что слово Ладога могло образоваться изъ готскаго Альдейгабургъ (послѣднее, если откинуть слогъ *ia*, можетъ значить старый городъ), но болѣе вѣроятнымъ считаетъ, что оно же произошло отъ Ладожскаго озера, которое называлось Альдескъ, Альда, Альдагенъ и даже Альдога.

М. Погодинъ, также обходя филологическую сторону вопроса, ставитъ названіе города въ зависимость отъ рѣчки Ладогги, или Ладожки, протекающей черезъ послѣдній въ Волховъ, и замѣчаетъ на мнѣніе Карамзина, что во первыхъ выкидывать цѣлый слогъ изъ собственнаго названія нельзя, а во вторыхъ—что самъ источникъ, изъ котораго исторіографъ почерпнулъ свое мнѣніе ²⁾, предлагаетъ это толкованіе весьма условно и даже съ отѣнкомъ извѣстнаго недоуверія ³⁾.

Такимъ образомъ, почти всѣ эти объясненія производятъ прямо или косвенно наименованіе города Ладогою—отъ Ладожскаго озера; но не говоря уже о бездоказательности подобнаго положенія, одно уже упоминаніе Несторомъ древняго названія того-же озера—Нево ⁴⁾ дастъ основательный поводъ усомниться въ правильности сказаннаго заключенія и наводитъ на противоположную мысль, что наоборотъ самое озеро получило свое болѣе новое наименованіе именно отъ города Ладогги.

Болѣе значенія представляютъ соображенія, высказанныя по тому-же предмету П. Бутковымъ, который сближаетъ Ладогу съ словомъ Ладугордъ (*Ladugård*), означающимъ, по его указанію, въ Швеціи и Финляндіи привилегированную хозяйственную усадьбу при королевскихъ замкахъ и рыцарскихъ мызахъ. По его мнѣнію Ладога именно и составляла въ началѣ своемъ Рюриковъ Ладугордъ, т. е. животный дворъ ⁵⁾.

¹⁾ Д. Иловайскій, не безъ колкости, замѣчаетъ на это, что въ такомъ случаѣ славянскій богъ Ладо тоже заимствованъ у финновъ! (Розысканія о началѣ Руси, 383).

²⁾ Географ. словарь Рос. государства, Щекатова, 1801 г.

³⁾ Русскій истор. сборникъ 1837 г., т. I: «Пути сообщенія въ древней Россіи», примѣч. къ стр. 17.

⁴⁾ Въ какомъ-то старинномъ спискѣ Псковской лѣтописи, П. Бутковъ нашелъ, что существовало еще названіе Ладожскаго озера, именно—Одло, которое якобы и было превращено иностранцами въ Алда, Алдагенъ и др., присвоенное ими городу Ладогѣ и озеру въ актахъ XIII вѣка. (Сынъ Отечества 1836 г., ч. 177: «Объ Альдейгаборгѣ»).

⁵⁾ Тамъ-же. По объясненію Буткова Ладугордъ состоитъ изъ скандинавскихъ словъ:

Оставляя здѣсь самого Рюрика въ сторонѣ, нельзя не обратить вниманіе на замѣчаніе Буткова, что на южномъ побережьи Финскаго залива нѣкоторые пункты понынѣ носятъ названіе Ладуги, именно двѣ деревни около современнаго Царскаго Села и одна около Петергофа, т. е. въ районѣ бывшей Ингерманландіи; прибавимъ къ этому, что въ 1623 г. существовала пустошь Ладоба и въ Гдовскомъ уѣздѣ на р. Черми ¹⁾. По объясненію Буткова, названіе упомянутыхъ пунктовъ ведетъ свое начало отъ времени шведскаго обладанія Ингерманландіей и происходитъ отъ Ладугордовъ, находившихся при мызѣ Сарисѣ въ Славянскомъ погостѣ, занятой Царскимъ Селомъ ²⁾, и мызѣ Тюрисѣ въ погостѣ Лудоровскомъ—гдѣ Петергофъ.

Весьма возможно, что мнѣніе Буткова стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ прочія, и легко быть можетъ, что дѣйствительно корень названія Ладуги скрывается въ скандинавскомъ Ladugård, который она представляла во времена еще доисторическія, когда Сѣверъ Россіи жилъ въ тѣсной связи съ скандинавами. Объясненіе это тѣмъ болѣе заманчиво, что позволяетъ сдѣлать шагъ еще далѣе, именно связать съ тѣмъ-же корнемъ и самый Альдейгабургъ, отождествляемый многими съ древней Ладогой; является возможнымъ предположеніе, что съ развитіемъ этого первоначальнаго Ладугорда, онъ разросся въ городъ, соответственно чему и явилась въ его названіи прибавка окончанія *бургъ*, вмѣстѣ съ незначительной перестановкой двухъ начальныхъ буквъ, т. е. вмѣсто Ладугобургъ составилось Алдугобургъ или Альдейгобургъ, столь извѣстный въ скандинавскихъ сагахъ; позже то-же названіе, быть можетъ, подъ вліяніемъ славянской рѣчи, упростилось въ Ладугу и перешло на самое озеро (прежнее Невѣ), получившее новое наименованіе Ладожскаго ³⁾.

Что касается топографическаго опредѣленія Альдейгобурга, то едва-ли могутъ быть серьезныя основанія къ сомнѣнію въ тождествѣ его съ Ладогой, хотя на это и существуютъ извѣстные возраженія.

Альдейгобургъ.

Одни выставили, что нескіе пороги должны были препятствовать судоход-

ladu=скотъ, или лада=житница, и gård=дворъ, помѣстье. Финны называютъ такія помѣстья lato kartano, въ смыслѣ деревень свободныхъ отъ податей.

¹⁾ Акты Археогр. Эксп. т. III, № 133.

²⁾ Корень названія сближаютъ съ финскимъ Сари—островъ.

³⁾ Что встрѣчающееся въ актахъ XIII вѣка названіе Альдагенъ, составляющее иностранную передѣлку Ладуги, относилось именно къ городу, ясно видно изъ договора 1270 г. Новгорода съ Готландомъ, въ которомъ между прочимъ говорится, что если будетъ пойманъ воръ между Кетлингеномъ (Котлиномъ) и Альдагеномъ, то его должно везти въ Альдагенъ и тамъ судить по его пошлѣ (закону); а если воръ будетъ пойманъ между Альдагеномъ и Новымъ городомъ (Новгородомъ), то его должно судить въ Новгородѣ. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о Ладогѣ городѣ. (И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ).

ству скандинавовъ и находили страннымъ, что если Альдейгобургъ былъ сплотиномъ Ладоги, то почему скандинавскія суда останавливались въ послѣдней, а не шли прямо въ Новгородъ (Миллеръ); другимъ нескіе пороги не мѣшали, но мѣстомъ для Альдейгобурга они тѣмъ не менѣе указывали не Ладогу, а нынѣшній Шлиссельбургъ (Байеръ и Шеннигъ); третьи считали, что Альдейгобургъ необходимо долженъ былъ находиться не при озерѣ, а именно у моря и, опять таки ссылаясь на препятствія, представлявшіеся нескіими порогами, назначали пунктомъ для Альдейгобурга древній Ругодивъ или Нарву ¹⁾; наконецъ думали найти его-же даже въ нынѣшнемъ Петербургѣ! ²⁾.

Но всѣ эти попытки не могутъ оправдываться даже необходимостью отыскивать для Альдейгобурга какое либо другое мѣсто, ибо самыя причины, къ тому выставившіяся, вовсе не настоятельны. Еще отецъ русской исторической критики, извѣстный Шлецеръ, столь строго относившійся ко всѣмъ ненадежнымъ извѣстіямъ, не только не видѣлъ ничего неправдоподобнаго въ скандинавскихъ сказаніяхъ объ Альдейгобургѣ, передающихъ, что послѣдній, принадлежа норманамъ, стоялъ при озерѣ и имѣлъ извѣстную пристань, откуда сухимъ путемъ отправлялись въ Гольмгардъ (Новгородъ), но находилъ не неосновательной и догадку о томъ, что первый лежалъ на берегу, именно на берегу озера Ладожскаго ³⁾. Затѣмъ уже Карамзинъ указывалъ Миллеру, что нескіе пороги не представляютъ на дѣлѣ препятствія даже для большихъ и грузныхъ судовъ, а въ Ладогѣ скандинавы останавливались по причинѣ близъ лежащаго за ней порога на Волховѣ ⁴⁾. Замѣчанія совершенно вѣрныя, къ которымъ можно прибавить, что тѣ-же нескіе пороги въ древности должны были представлять препятствіе для судоходства еще меньшее, нежели нынѣ. Дѣйствительно, имѣются основанія допускать значительное вѣроятіе въ томъ, что прежній уровень Невы былъ выше нынѣшняго, такъ какъ она въ свое время была много шире чѣмъ теперь и имѣла даже видъ пролива въ Финскій заливъ ⁵⁾, пролива, быть можетъ.

¹⁾ Этой идеей своей Бутковъ посвятилъ цѣлую особую статью «Объ Альдейгаборгѣ» (Сынъ Отечества 1836 г., ч. 177, стр. 241). Въ ней, путемъ вовсе неубѣдительныхъ доказательствъ, устанавливается сначала, что Альдейгаборгу яко-бы несвойственно быть на Ладожскомъ озерѣ, а затѣмъ весьма насильственными сближеніями и толкованіями опредѣляется («ни мало не колеблясь») новое мѣсто—устье р. Наровы. Доказательства Буткова по этому поводу, могутъ только свидѣтельствовать о непремѣнномъ его желаніи пустить въ ходъ новую догадку на счетъ Альдейгобурга, ибо едва-ли онъ и самъ могъ быть серьезно убѣжденъ въ силѣ и непреложности приведенныхъ имъ аргументовъ.

²⁾ См. у Шлецера: Несторъ, ч. I, 274.

³⁾ А. Шлецеръ: Несторъ—русскія лѣтописи. Пер. Языкова, ч. I, 273, 274.

⁴⁾ Ист. Госуд. Рос., т. I, прим. 485 (изд. 1818 г.).

⁵⁾ А. Иностранцевъ: Доисторич. человекъ Ладожск. озера, 239.

неисчезнувшего еще совсѣмъ даже около временъ Нестора, который прямо говоритъ, что—«того озера (Нево или Ладожскаго) виднеть устье въ море Варяжское» ¹⁾, т. е. не называетъ р. Невы, хотя знаетъ Ловать, Волховъ и другія ²⁾. Если сопоставить съ этимъ, что даже и позже по Невѣ шли оживленные торговля сношенія между Новгородомъ, Готландомъ и друг., несмотря на тѣ-же невскіе пороги, то не остается никакого правдоподобія, чтобы послѣдніе могли имѣть какое-либо значеніе пр. сухопутнаго сообщения существовавши Альдейгобурга.

Нельзя усматривать несоотвѣтствія между Альдейгобургомъ и Ладогой также въ томъ отношеніи, что первый по указаніямъ сагъ стоялъ именно при озерѣ и служилъ извѣстной пристанью, а Ладога лежитъ отъ послѣдняго въ разстояніи около 12 верстъ и расположена на рѣкѣ. Границы озера были нѣкогда совсѣмъ иныя, чѣмъ нынѣ и по имѣющимся свѣдѣніямъ существовалъ періодъ, когда уровень того-же озера стоялъ покрайней мѣрѣ на 7½ саж. выше нынѣшняго ³⁾. Правда, что періодъ этотъ былъ за долго до зари первыхъ временъ историческихъ, но хронологическая продолжительность его неизвѣстна и достаточно гораздо низшаго уровня, чтобы воды Ладожскаго озера, по сравнительному спаду своему, достигали до ближайшихъ окрестностей нынѣшней Ладоги ⁴⁾, находящейся и теперь не вдали отъ послѣдняго. Очень вѣроятно, что на быдую близость озера къ Ладогѣ указываетъ и названіе сосѣдняго съ ней селенія «Ивановскій Островъ», лежащаго рядомъ съ ней на Сѣверѣ ⁵⁾.

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археогр. Ком., 6.

²⁾ Авторъ «Опыта исторіи С.-Петербур. биржи»,—г. Немировъ, указываетъ любопытное извѣстіе въ одной рукописи, въ которомъ говорится, что посланцы древняго Новгорода дошли до чудскихъ селеній Пулкъ и Дудора (современныя Пулково и Дудергофъ), гдѣ сѣла «на падь и поплывша», изъ чего выводять, что устье Невы въ то время достигало еще шириною до означенныхъ пунктовъ (Немировъ, вып. I, 20).

³⁾ А. Иностранцевъ Доисторич. человекъ Ладожск. озера, 239.

⁴⁾ Извѣстно, что превышеніе Ильменя надъ Финскимъ заливомъ=107 фут., а Ладожскаго=62 фут., изъ чего видно, что разность между озерами Ильменемъ и Ладожскимъ составляетъ всего 45 фут. (по спеціальной нивелировкѣ истокъ Волхова лежитъ на 48 фут. выше Ладожскаго озера), слѣдов. непосредственно сама Ладога, или ближайшія ея окрестности, не имѣютъ значительнаго превышенія надъ послѣднимъ.

⁵⁾ Вообще около Ладожск. озера могутъ быть указаны и другіе пункты, въ названіяхъ которыхъ звучитъ подобный-же смыслъ. Напр. въ окрестностяхъ Ладоги, по писцовой книгѣ 1500 г., значатся селенія—Горка на Острову, Весь въ Островѣ, Островъ, Княжъ Островъ и друг. Тоже самое можно встрѣтить и восточнѣе Волхова: напр. монастырь Введенскій на р. Ояти (притокъ Свири близъ впаденія послѣдней въ Ладожск. озеро), верстахъ въ 10 отъ ея устья, нынѣ окруженный болотами, означенъ въ актахъ XVII стол.—«въ острову» (Документы Новгород. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи: Выпись на церковныя земли Обонежск. пятины 1685 г.) и т. д.

если-же это такъ, то прибрежность Ладогги констатируется уже для временъ историческихъ, ибо самое названіе селенія едва-ли можетъ быть отнесено къ временамъ сравнительно еще болѣе дальнимъ и указываетъ, что районъ селенія былъ островомъ сравнительно еще недавно ¹⁾, о чемъ среди мѣстныхъ жителей существовало даже глухое преданіе.

Наконецъ, свое значеніе въ томъ-же отношеніи имѣетъ и самое размѣщеніе древнихъ кургановъ, по рѣкамъ, впадающимъ въ Ладожское озеро (Волховъ, Сясь, Воронега, Свирь и притокъ ея Паца), именно то обстоятельство, что курганы эти нигдѣ не доходятъ непосредственно до озера, а исчезаютъ за нѣскольکو верстъ отъ устья тѣхъ-же рѣкъ.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны не усматривается достаточныхъ основаній для топографической несовмѣстимости Альдейгобурга съ Ладогой, то съ другой въ пользу тождества ихъ должна логически говорить та-же роль Ладогги, какъ торговаго этапа на Ладожскомъ озерѣ, въ какой представляется и Альдейгобургъ, а въ довершеніе всего обонхъ связываетъ почти полное созвучіе ихъ названій. Въ первой половинѣ XI вѣка имя Альдейгобурга исчезаетъ, около этого-же времени является названіе Ладогги; первый стоялъ у озера, на пути норманновъ въ Новгородскую область, вторая тамъ-же и уже въ началѣ XIII-го упоминается въ формальныхъ торговыхъ договорахъ съ готландцами и друг., подъ именемъ Альдагена, именно какъ этапъ того-же издревле наѣзженнаго торговаго воднаго пути; все это въ совокупности представляетъ такія совпаденія, которыя прямо и естественно ведутъ къ положительному заключенію, что Альдейгобургъ и древняя Ладога суть синонимы. Можно прибавить впрочемъ, что новѣйшіе писатели уже сошли съ пути насильственныхъ догадокъ для опроверженія этого факта и смотрятъ на Ладогу, какъ на преемницу еще болѣе древняго Альдейгобурга.

Вотъ этотъ то Альдейгобургъ, какъ ея предшественникъ, и является введеніемъ къ исторической жизни самой Ладогги, унося начальныя страницы послѣдней въ невѣдомую даль вѣковъ.

Саги.

Скандинавскія саги много говорятъ о Гардарикѣ, какъ напр. древнѣйшая изъ нихъ—сага Асмунда Криворукаго ²⁾, подъ Гардарикѣй же скандинавы разу-

¹⁾ Вся мѣстность на Сѣверѣ отъ Ивановскаго Острова представляетъ вплоть до озера слегка покатую, совершенно ровную низменность, такъ что въ ясную погоду отсюда хорошо видна Новая Ладога, лежащая на самомъ устьѣ Волхова. Низменность представляется дномъ бывшаго здѣсь озера.

²⁾ Временникъ Общ. ист. и древн. 1852 г., кн. 14 (Бѣляевъ: Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной, стр. 3).

мѣли новгородскія владѣнія, гдѣ главнымъ городомъ былъ Голмгардъ (Новгородъ). Тамъ-же саги не разъ упоминаютъ о городѣ Альдейгобургѣ, имѣвшемъ даже особыхъ владѣтелей, быть можетъ зависѣвшимъ однако отъ Голмгарда ¹⁾, древнѣйшимъ же изъ этихъ послѣднихъ называютъ нѣкоего Біартрама, который, какъ будетъ пояснено ниже, отдѣляется отъ исторически уже извѣстнаго момента (Бровальскій бой 734 г.) болѣе чѣмъ десятию поколѣніями.

Такимъ образомъ, по сагамъ существованіе Альдейгобурга восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., въ послѣдній же разъ названіе его встрѣчается въ 1046 г., по поводу пребыванія въ немъ зятя великаго князя Ярослава Гаральда, за котораго въ 1045 г. была отдана въ супружество Елизавета, дочь Ярослава отъ брака съ шведскою королевной Ингигердой ²⁾.

Этотъ долгій періодъ извѣстности Альдейгобурга въ скандинавскихъ сказаніяхъ, пріобрѣтаетъ въ концѣ своемъ окраску уже вполне историческую, но, конечно, по мѣрѣ удаленія въ глубь вѣковъ извѣстія объ Альдейгобургѣ становятся темнѣе и обращаются въ легенды, которымъ въ ихъ полномъ объемѣ вѣрить трудно; но и отвергать ихъ полностью также нецѣлесообразно, ибо, не смотря на всѣ свои прикрасы, а иногда и искаженія, основа или корни сагъ все-таки можетъ лежать въ дѣйствительности, почему и въ легендахъ, ими передаваемыхъ, можетъ заключаться доля истины.

О послѣднихъ временахъ Альдейгобурга извѣстія сагъ, какъ уже сказано, приурочиваются къ княженію Ярослава (1019—1054 г.): по поводу вышеупомянутаго брака его съ Ингигердой, передается, что въ Альдейгобургѣ тогда-же водворился и въ теченіе долгаго времени имѣлъ постоянное свое пребываніе, въ качествѣ мѣстнаго правителя, шведскій ярль Рогивальдъ съ сыномъ своимъ Эулифомъ, родственникъ Ингигерды, выѣхавшій вмѣстѣ съ нею изъ Швеции и женатый на Ингеборгѣ—сестрѣ норвежскаго короля Олофа Триггезона. Преемникомъ Рогивальда саги называютъ вышеуказаннаго Эулифа и одновременно съ нимъ упоминаютъ, что въ Альдейгобургѣ-же проживалъ состоявшій на службѣ у Ярослава двоюродный братъ жены Рогивальда Гаральдъ, впослѣдствіи король норвежскій. Объ этомъ Гаральдѣ передается также, что онъ въ 1034 г. перебрался въ Константинополь, гдѣ десять лѣтъ начальствовалъ дружиной варяговъ, а въ 1045 г., вернувшись оттуда, вступилъ въ бракъ съ дочерью Ярослава Елизаветой и въ слѣдующемъ году, снова прибывъ въ Альдейгобургъ, отправился въ Скандинавію, гдѣ и овладѣлъ норвежскою короной. За это же

¹⁾ Тамъ-же, 12.

²⁾ Ингигерда—на Руси Ирина, въ монашествѣ Анна, причтенная къ лику святыхъ, скончалась въ 1050 г.; мощи ея почиваютъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

ремя, именно въ 1030—1031 г., въ Альдейгобургѣ двукратно имѣлъ пребываніе норвежскій королевичъ Магнусъ, сынъ Олофа Толстаго, приходившійся свойственникомъ Ярославу (мать Магнуса была сестрою Ингигерды) и искавшій покровительства послѣдняго послѣ гибели отца своего, павшаго въ сраженіи съ датчанами, а нѣсколько ранѣе (между 980 и 995 г.) тамъ-же указывается пребываніе и выше упоминавшагося Олофа Триггезона, спасшагося въ молодости своей бѣгствомъ отъ непріятелей и при Владимірѣ проведшаго цѣлый годъ въ Альдейгобургѣ, въ качествѣ начальника пограничнаго отряда войскъ ¹⁾.

Еще за болѣе раннее время, въ одной изъ сагъ ²⁾ упоминается владѣтелемъ Альдейгобурга нѣкій Эстейнгъ, къ которому явились два потерпѣвшихъ крушеніе скандинавскихъ морехода, но личность этого владѣтеля хронологически не выясняется, если только онъ не можетъ быть отождествленъ съ сыномъ погибшаго въ извѣстномъ Бровальскомъ поединкѣ (734 г.) шведскаго короля Гаральда, Эйстеномъ Бели ³⁾, современникомъ Сигурда Ринга, т. е. отнесенъ быть по этому къ VIII вѣку. Этотъ Сигурдъ Рингъ, умершій въ 750 г., важенъ въ данномъ случаѣ какъ послѣдняя хронологическая дата, дающая хотя-бы слабое указаніе на степень отдаленности той эпохи, къ которой могутъ относиться еще болѣе древнія легендарныя упоминанія сагъ объ Альдейгобургѣ. Въ сагахъ Гервары и Гейдрекъ ⁴⁾ называется прадедомъ Сигурда знаменитый Иваръ Видфадмій, а прапрадедомъ послѣдняго Ангантиръ, сынъ Гейдрекъ, мать котораго (или бабка Ангантира), извѣстная своими морскими разбоями, воспитывалась въ Альдейгобургѣ у дѣда своего Біартрама, владѣвшаго послѣднимъ, и такимъ образомъ этотъ періодъ существованія Альдейгобурга уносится за десять поколѣній отъ временъ вышеупомянутаго Сигурда Ринга, жившаго въ VIII вѣкѣ. Въ сагѣ кромѣ того передается, что съ тѣмъ-же Біартрамомъ Альдейгобургскимъ были въ большой дружбѣ 12 сыновей морскаго разбойника Ангрима, погибшихъ въ битвѣ съ Гіальмаромъ на островѣ Самсеѣ, а Анgrimъ въ свою очередь былъ мужемъ Ейворы, дочери Свавурламія—внука самого Одена, этого сказочнаго родоначальника скандинавскихъ преданій ⁵⁾.

Можно прибавить еще, что по другимъ вариантамъ ⁶⁾ дѣдъ упомянутаго Свавурламія—самъ Сигге (прозванный Оденомъ или Божественнымъ) прибылъ

¹⁾ П. Бутковъ: «Объ Альдейгобургѣ» («Сынъ Отечества», 1836 г., ч. 177).

²⁾ Именно сага Голфадана Эстейнида; Бѣляевъ: «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной» (Временникъ Общ. ист. и древн. кн. 14).

³⁾ Олофъ Далингъ: Исторія шведск. госуд., ч. I, кн. II, 588.

⁴⁾ Бѣляевъ: «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной» (Временникъ Общ. ист. и древн. кн. 14).

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ П. Бутковъ: «О Новгородѣ въ VI вѣкѣ» (Сынъ Отечества 1836 г.).

въ Скандинавію будто-бы въ 379 г. ¹⁾, по паденіи Остготскаго царя Германариха и что смерть Сигурлама (отца Свавурлама), погибшаго по сагамъ въ битвѣ съ великаномъ Тансіемъ, скандинавскія легенды относятъ къ борьбѣ съ гуннами.

Хронологіей сагъ, конечно, руководствоваться трудно, но тѣмъ не менѣе характеръ ихъ содержанія можетъ въ общемъ дать указаніе. съ какими установленными періодами нужно считаться при вопросѣ о существованіи древняго Альдейгобурга.

Не лишена легендъ о преемницѣ Альдейгобурга—Ладогѣ и наша начальная лѣтопись. Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», рассказъ о пресловутомъ призваніи варяжскихъ князей связывается съ преданіемъ, что Рюрикъ, по прибытіи своемъ въ 862 г., имѣлъ первоначально пребываніе именно въ Ладогѣ, а не въ Новгородѣ: «И избрашася тріе брата съ роды сими и придоша къ Словѣномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ»,—говоритъ лѣтописецъ ²⁾, безъ сомнѣнія подразумѣвая при этомъ не постройку Ладоги, какъ города, въ новѣйшемъ смыслѣ, а сооруженіе въ ней какой нибудь крѣпости-городка, города, въ каковомъ смыслѣ подобный терминъ употреблялся и во времена болѣе позднія ³⁾. Но легенда эта, имѣвшая полное господство среди русскихъ историковъ въ минувшемъ столѣтіи, подверглась не безъосновательному сомнѣнію во времена послѣдующія, въ виду дѣйствительно подозрительнаго для достовѣрности обстоятельства, что въ древнѣйшемъ спискѣ Несторовой лѣтописи (Лаврентьевскомъ), а равно и многихъ другихъ послѣдующихъ, извѣстія о прибытіи Рюрика въ Ладогу нѣтъ, почему оно и принято лишь за болѣе позднюю вставку одного изъ переписчиковъ, передавашаго или слышанное имъ народное преданіе, или даже просто прибавившаго это извѣстіе отъ себя, по какимъ-нибудь личнымъ своимъ побужденіямъ, въ видѣ заполнения пропуска, нѣзачто напр. въ спискѣ Лаврентьевскомъ.

Постѣ замѣчаній въ подобномъ смыслѣ, сдѣланныхъ Калайдовичемъ ⁴⁾ и Карамзинымъ ⁵⁾, говоритъ болѣе здѣсь объ этомъ нечего, но можетъ возникнуть слѣдующее недоразумѣніе: Списокъ Ипатьевскій, какъ наиболѣе древній изъ

Лѣтописныя легенды.

¹⁾ По Далину (Ист. шведск. госуд., ч. I, кн. I) это произошло во II вѣкѣ.

²⁾ Лѣтоп. по Ипатс. сп., изд. Археогр. Ком., 11.

³⁾ Напр. въ описяхъ Ладоги XVII ст. (см. приложенія) названіе «города» постоянно при-
своивается именно самой крѣпости, а не поселенію, называвшемуся посадомъ.

⁴⁾ Калайдовичъ: «О пришествіи Рюрика въ Ладогу» (Записки и труды Общества ист. и древн., 1815 г., ч. I. Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. I, примѣч. 27-е (изд. 1818 г.), и друг.

исла тѣхъ, въ которыхъ встрѣчается приведенное о Рюрикѣ извѣстіе, приурочивается къ концу XIV или нач. XV столѣтія, списокъ же Лаврентьевскій, въ которомъ то-же извѣстіе отсутствуетъ, принадлежитъ редакціи 1377 года; въ сущности, разница между обоими весьма малая. Рождается вопросъ—одинъ-ли и тотъ-же текстъ еще болѣе древней рукописи «Новѣсти» служилъ оригиналомъ для обоихъ, или-же нѣтъ? Если могли быть оригиналы разные, то возможно, что и слова Ипатьевского списка о Ладогѣ вовсе не представляютъ позднѣйшей вставки, а перенесены цѣлкомъ изъ другого текста; да наконецъ остается неизвѣстнымъ и то, что именно могло стоять на мѣстѣ пропуска въ томъ оригиналѣ, съ котораго сдѣланъ списокъ Лаврентьевскій, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, пока не будутъ разрѣшены вопросы эти, не можетъ быть и безповоротнаго отрицательнаго рѣшенія о пребываніи Рюрика въ Ладогѣ, который потому долженъ оставаться открытымъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ изслѣдованій, не отвергающихъ существованія и самого Рюрика, какъ личности исторической. Для сомнѣній остается конечно широкое поле, но онѣ еще не могутъ вести къ окончательному рѣшенію вопроса.

Другая лѣтописная-же легенда связываетъ Ладогу съ именемъ вѣснаго Олега, перенося мѣсто дѣйствія поэтическаго разсказа о кончинѣ князя въ окрестности послѣдней, вопреки сказаніямъ южно-русскимъ, которые тотъ-же эпизодъ приурочиваютъ къ Кіеву:—«Иде Олегъ къ Новугороду и оттуда въ Ладогу», говоритъ подъ 922 г. лѣтописецъ ¹⁾,—«друзіи-же скажутъ, яко идущю ему за море, и уклону зміа въ ногу и съ того умре; есть могила его въ Ладозѣ».

Подобныя лѣтописныя легенды, независимо отъ степени своей достовѣрности, во всякомъ случаѣ, могутъ свидѣтельствовать объ извѣстномъ значеніи древней Ладоги въ глазахъ ея современниковъ, почему должны имѣть свою цѣну.

Курганы.

• Сохранились до нашихъ дней и живые, такъ сказать, свидѣтели ея доисторическаго прошлаго, именно разбросанные около Ладоги могильные курганы, но, къ сожалѣнію, изъ показанія ихъ почерпается немногое, частью по причинѣ бѣдности культурнаго содержанія этихъ кургановъ, частью же по причинѣ ихъ дурной сохранности, такъ какъ большинство этихъ памятниковъ языческаго періода Ладоги оказались уже въ разное время разоренными. Тѣмъ не менѣе, результаты новѣйшихъ раскопокъ обнаружили ²⁾, что мѣстное языче-

¹⁾ Новгородская лѣт. по синод. списку, изд. 1886 г.

²⁾ См. нашъ трудъ: «Курганы южнаго Приладожья» (Матеріалы по археологіи Россіи, 1895 г. № 18); также «О признакахъ могилъ языческихъ славянъ» (Труды VII Археол. съѣзда въ Ярославлѣ, т. I).

ское население хоронило своихъ покойниковъ двоякимъ способомъ: по обряду трупопожжения и обыкновеннаго погребенія; что курганныя могилы около Ладоги представляютъ въ одной своей части аналогію съ такими-же могилами, разсѣянными восточнѣе Волхова въ южномъ Приладожьѣ (по рѣкамъ Сяси, Паши и друг.), въ другой-же представляютъ рѣзкое различіе, выражающееся какъ въ частности обряда трупопожжения, такъ и въ своеобразности конструктивнаго устройства самихъ курганныхъ насыпей; что могилы эти очевидно принадлежатъ—однѣ языческому элементу народности финской, другія—языческому населенію происхожденія славянскаго (конечно славянъ или менскихъ); что время сооруженія кургановъ около Ладоги хотя и не датируется какими-либо определенными нумизматическими находками ¹⁾, но по сравненію съ остальными курганами южнаго Приладожья можетъ съ большою вѣроятностью опредѣляться періодомъ VIII—XI стол., такъ какъ монеты этого времени найдены въ послѣднихъ въ значительномъ количествѣ. Наконецъ, по отношенію къ бытовой обстановкѣ той далекой эпохи, тѣ-же раскопки дали нѣсколько предметовъ, къ сожалѣнію, въ крайне ограниченномъ, какъ выше уже замѣчено, количествѣ и болѣею частью лишь въ остаткахъ; находки эти представляютъ: а) предметы украшенія (литой бронзовый браслетъ, въ видѣ толстаго разомкнутаго кольца съ заостренными концами, колечко, обрывки бронзовыхъ цѣпочекъ и тонкихъ бронзовыхъ-же спиралей и мелкія бусы, въ томъ числѣ изъ сердолика); б) домашнюю утварь (глиняныя горшки, костяной гребень, точильный оселокъ и желѣзные ножи); в) нѣсколько разнообразныхъ бронзовыхъ бляшекъ отъ набора конской сбруи и съ ними небольшая желѣзная пряжка; г) нѣсколько когтевыхъ фалангъ медвѣди,—по всей вѣроятности, остатки мѣховой одежды ²⁾. Въ общемъ объ этихъ немногихъ находкахъ можно замѣтить, что онѣ представляютъ аналогію съ курганою-же культурой остальнаго южнаго Приладожья.

¹⁾ Кромѣ неяснаго извѣстія о нѣсколькихъ монетахъ, найденныхъ въ нач. XVIII стол. въ курганахъ около Ладоги евангелическимъ пасторомъ Толле, переданнаго Гюссеномъ, авторомъ описанія С.-Петербурга 1713 г. (H. G. Exacte relation von Festung und Stadt St.-Petersburg). Здѣсь упоминается, что Толле выкопалъ «Парфянскій пфенингъ», на которомъ было видно имя Омара (VIII в.?) и нѣсколько «Hohl-Müntzen», изъ которыхъ на одной также были видны буквы. Тѣ и другія были найдены въ погребальныхъ урнахъ. (См. также Извѣстія Археол. Общ. т. VI, вып. IV. Смѣсь: «Ладожскія древности»). Кромѣ того, имѣется указаніе на находку въ Ладогѣ «золотой арабской монеты нач. VIII вѣка», но не въ курганѣ, а при рытѣ въ новѣйшее время христіанской могилы около древней Георгіевской церкви, въ Староладожск. крѣпости. (В. Прохоровъ: Христіанск. древности и археологія, 1871 г., кн. I, стр. 2); имѣются еще свѣдѣнія о находкахъ близъ Старой Ладоги нѣсколькихъ англо-саксонскихъ и куфическихъ монетъ X и XI в. (См. Кеппена: Списокъ рус. памятниковъ, стр. 64 и Изв. Арх. Общ. т. VI, вып. IV, 1881).

²⁾ Подробности въ указанномъ уже трудѣ: «Курганы южн. Приладожья».

Такимъ образомъ, свидѣтельство доисторическихъ памятниковъ около Ладоги подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту смѣшанность древнѣйшаго состава ея обывателей, которая необходимо должна была вытекать изъ общихъ условій движенія тогдашняго ея населенія. Любопытно замѣтить также, что вопросъ о доисторическомъ прошломъ мѣстности, занимаемой Ладогой, не исчерпывается и упомянутыми памятниками курганнаго періода, ибо какъ въ самой Ладогѣ, такъ и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ, открыты въ новѣйшее время слѣды населенія еще болѣе глубокой древности, — первобытной эпохи каменнаго вѣка ¹⁾, представляющіе культурные остатки аборигеновъ края, во времена отдаленныя отъ насъ на невѣдомыя тысячелѣтія.

**Періодъ историческій.
Территорія.**

Достоверная исторія застаётъ Ладогу уже однимъ изъ мѣстныхъ центровъ Вотской земли Новгородскаго края, позже получившей наименованіе Вотской пятины ²⁾, приблизительныя границы которой простирались на Сѣверъ отъ Новгорода между рѣками Лугой и Волховомъ, охватывали оконечность Финскаго залива, все Ладожское озеро и еще большее пространство сѣвернѣе послѣдняго, теченіе же Волхова и восточный берегъ озера отдѣляли ее отъ прилегавшей съ Востока пятины Обонежской, которая простиралась непосредственно до Бѣлаго моря.

Уѣздъ.

Въ свою очередь Вотская земля, или пятина, подраздѣлялась на уѣзды или присуды, существованіе которыхъ восходитъ къ значительной древности, по крайней мѣрѣ несомнѣнно были еще во времена новгородской самостоятельности, такъ какъ напр. въ переписной книгѣ той-же пятины 1500 года говорится о нѣкоторыхъ погостахъ, что таковыя — «изъ старины Новгородскаго уѣзда» ³⁾; кромѣ того и самый терминъ «присудъ», повторяющійся наравнѣ съ уѣздомъ въ XVI и XVII стол., указываетъ на свое, такъ сказать, родовое

¹⁾ А. Иностранцевъ: Доисторич. человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожск. озера. Также см. статью нашу: О слѣдахъ каменнаго вѣка въ южн. Приладожьѣ (Вѣстникъ археологій и исторіи, изд. Археологич. Инст., 1888 г., вып. VII).

²⁾ Приблизительно въ концѣ XV вѣка, какъ можно заключить изъ древнихъ косвенныхъ указаній; во всякомъ случаѣ, отъ 1500 года уже имѣется переписная книга «Вотской пятины», а также извѣстно, что Вел. Кн. Іоаннъ Васильевичъ въ своей духовной (ок. 1504 г.) благословляетъ сына «Великимъ Новгородомъ со всѣми пятью пятинами» (Собр. Госуд. грам. и догов., т. I, стр. 393). Но существуютъ мнѣнія и другія, относящія то-же дѣленіе Новгородскаго края ко времени гораздо болѣе раннему, даже къ XI вѣку, хотя, какъ кажется, не на вполне достаточныхъ основаніяхъ (См. К. Неволіна: «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ», въ Запис. Рус. Геогр. Общ. кн. VIII, 44—54).

³⁾ Временникъ общества исторіи и древностей, кн. XI.

происхождение, ибо ведетъ начало непосредственно изъ Новгорода. Таковыхъ присудовъ въ Вотской землѣ было нѣсколько и каждый представлялъ извѣстный округъ, тянувшій судомъ и данью къ находившемуся въ немъ административному центру или городу, между прочимъ въ 1500 году значится и уѣздъ Ладожскій, со своимъ центромъ—пригородомъ Ладогой.

Когда именно могло произойти учрежденіе или образованіе Ладожскаго уѣзда, сказать конечно трудно, но судя по общему складу древняго управленія Ладogi и удерживаемому иногда за ея уѣздомъ новгородскому названію присуда, даже въ періодъ московскаго единодержавія (какъ напр. въ 1545 г. въ которомъ упоминается «Рядъ Никольской въ Ладожскомъ присудѣ въ Городенскомъ погостѣ» ¹⁾), можно заключить, что тотъ-же уѣздъ существовалъ задолго и до 1500 года.

Трудно опредѣлить съ точностью и самыя границы его, хотя переписная книга 1500 г. исчисляеть во всѣхъ подробностяхъ земельный составъ погостовъ, въ него входившихъ, во первыхъ потому, что большинство ея указываемыхъ пунктовъ не поддаются опредѣленію, а во вторыхъ—книга касается только территоріи собственно Вотской пятины, изъ чего нельзя еще выводить, чтобы весь Ладожскій уѣздъ заключался именно лишь въ предѣлахъ послѣдней; напротивъ, какъ будетъ пояснено ниже, имѣется извѣстное вѣроятіе, что онъ быть можетъ въ 1500-же году, какъ и позже, захватывалъ также часть пятины Обонежской, за Волховомъ. Сѣверную границу уѣзда въ исходѣ XV вѣка составлялъ южный берегъ Ладожскаго озера, такъ какъ на послѣднемъ лежали упоминаемыя въ 1500 г. селенія Бѣлобородово (на устьѣ Волхова), Лигово, Лиднево и Кабона; западная черта проходила около рѣчки Лавун (нынѣ Лава, впадающая въ озеро), такъ какъ именно на послѣдней указаны переписной книгой разные пункты въ той части Лопскаго погоста, которая ея означена принадлежащею Ладожскому уѣзду, въ отличіе отъ остальной—уѣзда Орѣховскаго, граничившаго, слѣдовательно, здѣсь-же съ Ладожскимъ ²⁾; наконецъ, южную оконечность, по крайней мѣрѣ въ 1500 году, составлялъ погостъ Никольской съ Городища, въ которомъ показано селеніе Тигоръ на Волховѣ,—повидимому,

¹⁾ Акты Археогр. Эксп. т. I, № 205. Точно также въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. показанъ — «Погостъ Рождественской на Сяси, Ладожской присудѣ» (Документы Новгород. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи: Выпись на церковныя и монастырскія земли 1685 г.).

²⁾ Въ XVII ст. границей между означенными уѣздами служила именно р. Лава, какъ видно изъ межевой записи 1649 г., по поводу уступки Орѣховскаго уѣзда Швеціи, причемъ та-же граница продолжалась южнѣе верховья Лавы еще верстъ на 20. (Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 195).

нынѣшнее Тихорицы (верстахъ въ пяти выше устья р. Влоп и селенія Городница), и вѣроятно частью Городенскій ¹⁾).

Такимъ образомъ, съ Сѣвера на Югъ уѣздъ простирался приблизительно на 50 верстъ, что же касается его рубежа восточнаго, то нельзя рѣшить, ограничивался-ли онъ въ 1500 г. непосредственно восточными-же предѣлами самой пятины, прилегавшей къ Волхову, или же захватывалъ и часть пятины Обонежской на противоположномъ берегу. Поводъ къ сомнѣнію могутъ давать извѣстія второй половины XVI стол., напр. въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. указывается—«Погостъ Рождественской на Сяси, Ладожской присудъ» ²⁾, т. е. къ послѣднему опредѣленно приурочивается часть территоріи на правой сторонѣ Волхова и такимъ образомъ въ исходѣ XVI вѣка Ладожскій уѣздъ несомнѣнно лежалъ частью и въ Обонежской пятинѣ, доходя до р. Сяси, гдѣ, быть можетъ, соприкасался съ «присудомъ Оятскимъ», упоминаемымъ въ 1585 году ³⁾, но такъ-ли было и ранѣе—неизвѣстно. Возможно и то, что въ границахъ уѣзда происходили какія-либо измѣненія, подобно тому, какъ въ переписной книгѣ 1500 г. встрѣчаемъ отмѣтку, что погостъ Михайловскій (или часть его въ Вотской пятинѣ) былъ «изъ старины Новгородскаго уѣзда и нынѣ лѣта 7009 придалъ его князь великій къ городу Ладогѣ пятномъ и душегубствомъ» ⁴⁾.

Въ виду всего этого, вопросъ о восточной чертѣ Ладожскаго уѣзда остается

¹⁾ См. далѣе о погостахъ.

²⁾ К. Неволнинъ: О пятинахъ новгородскихъ, 145.

Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. также говорится: «Погостъ Ильинской на Волховѣ Ладожской уѣздъ, а церковь стоитъ за Волховомъ въ Вотцкой пятинѣ» (Тамъ-же, прилож. VI, 142), но тотъ-же погостъ въ 1500 г. значится именно въ послѣдней, почему, можно думать, въ переписную книгу 1500 г. б. м. вошла лишь часть Ильинскаго погоста, находившаяся въ пятинѣ Вотской, которую только тогда и описывали.

Въ подобныхъ-же условіяхъ находился, какъ видно, и погостъ Михайловскій. Въ царской грамотѣ 1622 г., игумену Николаевскаго Гостинопольскаго монастыря Павлу, говорится, что послѣдній представилъ грамоту 7007 года, подтвержденную въ 43, 59, 97 и 108 годахъ, въ которой писаны того монастыря села и деревни—«въ нашей отчинѣ въ новгородской землѣ въ Вотской пятинѣ въ Михайловскомъ погостѣ, да въ Тигонкомъ погостѣ, да въ Обонежской пятинѣ въ Ладожскомъ присудѣ въ Рождественскомъ погостѣ на Сяси, да въ Михайловскомъ погостѣ на Волховѣ...» и т. д. (Документы Новгородской Казенной Палаты въ Археограф. Комиссіи, № 67). Такимъ образомъ, здѣсь Михайловскій погостъ, значившійся по свѣдѣніямъ 1500 г. въ составѣ Ладожскаго уѣзда (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI), показанъ въ двухъ пятинахъ, т. е. по обѣимъ сторонамъ Волхова (ср. К. Неволнина, прилож. VI, 141: «Погостъ Михайловской на Волховѣ, а церковь Михаилъ Архангелъ стоитъ за рѣкою за Волховомъ въ Вотской пятинѣ»).

³⁾ Акты Археогр. Эксп. т. I. № 327.

⁴⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI

неяснымъ. Любопытно, что позже, въ XVIII ст., нерѣдко встрѣчается даже какое-то смѣшеніе въ самыхъ наименованіяхъ уѣздовъ, и ближайшія окрестности Ладоги иногда означаются то въ Новгородскомъ, то въ Ладожскомъ. Напр. въ одной царской грамотѣ 1618 г., Иоанновскому монастырю, говорится: «монастырская ихъ вотчина въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Ладогѣ 50 обжа» ¹⁾, въ другой 1620 г.—«Пожаловали есмь въ Обонежской пятинѣ въ Ладожскомъ уѣздѣ противъ города Ладоги, Васильевского монастыря строителя Сильвестра...» и пр. ²⁾; въ грамотѣ 1649 г. упоминается, что «былъ намъ челомъ Новгородскаго уѣзду изъ Ладоги Никольскаго монастыря келарь старецъ Юна...» ³⁾, въ актахъ же 1651—54 г., о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, указывается, что сошлыхъ крестьянъ, живущихъ въ Ладогѣ и въ Ладожскомъ уѣздѣ 22 семьи и чтобъ воевода до государева указу выводить ихъ изъ Ладоги и Ладожскаго уѣзду не давалъ ⁴⁾, и т. д. Наконецъ, въ документахъ происхожденія неофициальнаго, напр. въ челобитной ладожанъ 1649 г., встрѣчается даже такой оборотъ, что—«быютъ челомъ холопи твои Новгородскаго присуду Ладожскаго уѣзду помѣшники...» и пр. ⁵⁾.

Все это въ совокупности вноситъ значительную путаницу въ разграниченіе древняго Ладожскаго присуда, которую не разъясняетъ и другое дѣленіе Новгородскихъ земель на погосты, входившіе въ составъ разныхъ уѣздовъ, частью по той-же трудности точнаго опредѣленія границъ всѣхъ погостовъ, на основаніи даже подробныхъ данныхъ (но для нашего времени уже во многихъ случаяхъ неясныхъ), сообщаемыхъ писцовыми книгами, частью-же въ виду того, что это другое дѣленіе иногда не совпадало съ первымъ, т. е. что одинъ и тотъ-же погостъ лежалъ иногда въ двухъ разныхъ уѣздахъ.

¹⁾ Подтвердительная грамота 1649 г. строителю того-же монастыря Евстратію (Документы Новгород. Казен. Пал. въ Археогр. Комиссіи, № 161).

²⁾ Акты Археогр. Эксп. т. III, № 114.

³⁾ Грамота Приказа Большаго Дворца новгородск. воеводѣ князю Хилкову (Документы Новгород. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 159).

⁴⁾ Дополн. акт. истор. т. III, № 82. Подобные-же варианты могутъ быть указаны и позже напр. въ описи Ладоги 1665—67 г. оба уѣзда различаются: въ ней говорится о зарубежныхъ выходцахъ, живущихъ въ бѣгахъ какъ въ Новгородскомъ, такъ и въ Ладожскомъ уѣздахъ (см. прил. XII). Въ подтвердительной грамотѣ 1677 г. строителю старцу Александру, его Васильевскій монастырь (противъ Ладоги) отнесенъ къ Новгородскому уѣзду (Документы Новгород. Казен. Пал. въ Археогр. Комиссіи, № 82), равно какъ и въ 1688 г. въ Вотской пятинѣ на устьѣ Волхова монастырь Никольскій Медвѣдскій (Документы Новгород. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Ком.: грамота Митрополита Корнилія), а въ 1686 г. этотъ-же Медвѣдскій монастырь означенъ въ дѣлѣ какъ находящійся—«въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Ладожскомъ присудѣ» (Московск. архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ: Дѣла монастырскія № 14) и пр.

⁵⁾ См. прил. V.

Погосты.

Какъ извѣстно, погостами въ древнемъ Новгородѣ назывались особые правительственные округа, а также главныя мѣстности такихъ округовъ, т. е. ихъ главныя поселенія, съ церковью, кладбищемъ и пр. ¹⁾. Къ этимъ центрамъ погостовъ тянуло, или отбывало повинности, мѣстное сельское населеніе и здѣсь-же былъ его приходской храмъ. Названіе свое погосты получали иногда лишь по главнымъ своимъ церквямъ, иногда же вмѣстѣ съ тѣмъ и по поселеніямъ, въ которыхъ эти церкви находились, такъ что въ подобныхъ случаяхъ оно получалось двойное; иногда, наконецъ, послѣднее вытекало исключительно лишь изъ однихъ болѣе общихъ условій мѣстоположенія того или другаго погоста, не имѣвшаго ни главнаго селенія, ни церкви, какъ напр. въ Ладожскомъ уѣздѣ—Лопца ²⁾. Къ числу упомянутыхъ, съ двойнымъ названіемъ (по храму и по городу), относится въ послѣднемъ погостѣ, именуемый въ переписной книгѣ 1500 г.—Городенскимъ, а позже въ XVI в.—Пречистенскимъ Городенскимъ, какъ состоявшій при городѣ Ладогѣ, въ которой уже въ 1500 г. существовалъ монастырь «Пречистыя изъ Ладоги» (Успенія Пресвятой Богородицы), бывшій слѣдовательно главнымъ храмомъ погоста; но самая Ладога, въ качествѣ главнаго центра всего уѣзда, къ которому тянули всѣ погосты послѣдняго, повидимому стояла особо, на что, повидимому, указываетъ и переписная книга 1500 г., въ которой обозначеніе «Погостъ Городенской» приурочено только къ землямъ уѣзднымъ, т. е. не городскимъ ³⁾, а передъ описаніемъ самаго города значится лишь, что «городъ Ладога въ Вотской пятинѣ на рѣцѣ на Волховѣ» ⁴⁾.

По свѣдѣніямъ 1500 г. въ составъ Ладожскаго уѣзда въ Вотской пятинѣ входили слѣдующіе погосты: Городенской (позже Пречистенской-Городенской), Оедоровской Песоцкой, Егорьевской Теребужской, Лопца, Ильинской, Михайловской и Никольской съ Городища. Составъ этотъ однако въ разное время подвергался извѣстнымъ измѣненіямъ, по крайней мѣрѣ изъ переписной книги 1500 г. видно, что напр. погостъ Михайловской, а вѣроятно и Никольской съ Городища, прежде принадлежали къ уѣзду Новгородскому, а не къ Ладожскому. Непзвѣстно, причислялись ли около 1500 г. къ Ладогѣ какіе-либо погосты и въ пятинѣ Обонежской (см. выше—объ уѣздѣ), но въ исходѣ XVI вѣка въ послѣдней указываются, въ добавокъ къ перечисленнымъ выше, еще погосты Васильевской на Волховѣ и Рождественской на Сяси ⁵⁾, а также упоминаются

¹⁾ К. Неволинъ: О пятинахъ погостахъ новгородск., 85, 91.

²⁾ Тамъ-же, 94, 96.

³⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

⁴⁾ Новгородск. Писц. книги, т. III.

⁵⁾ К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ новгор. 114.

въ Обонежской-же пятинѣ погосты Михайловской и Ильинской (вѣроятно зарѣчныя части тѣхъ-же, показанныхъ въ 1500 г.), причемъ обозначено, что церкви этихъ послѣднихъ стоятъ за Волховомъ въ Вотской пятинѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, вопросъ о точномъ числѣ погостовъ въ Ладожскомъ уѣздѣ, остается не яснымъ; сверхъ того въ переписной книгѣ 1500 г. встрѣчается положительное указаніе, что, какъ выше уже указано, Лоппа (или погостъ Лопскій) лежала даже въ двухъ уѣздахъ—Ладожскомъ и Орѣховскомъ ²⁾), обстоятельство, указывающее на возможность и другихъ случаевъ подобнаго-же несовпаденія границъ уѣзда съ составлявшими его погостами.

Ближайшими къ Ладогѣ погостами были Городенской и Ильинской. Сѣверная половина Городенскаго занимала (по даннымъ переписной книги 1500 г.) все прибрежное пространство Ладожскаго озера на Западъ отъ низовьевъ Волхова до устья впадающей въ озеро р. Кабоны, теченіе которой, повидимому, составляло здѣсь часть нижней границы этой половины погоста ³⁾), что же касается южной половины послѣдняго, то она, охвативъ Ладугу, тянулась затѣмъ клинообразно около Волхова на Югъ, полосой между расположеннымъ непосредственно на Волховѣ погостомъ Ильинскимъ (прилегавшимъ къ Ладогѣ съ Юга) и погостомъ Песочнымъ, лежавшимъ западнѣе; въ этомъ направленіи южная половина захватывала приблизительно верховья р. Влоп ⁴⁾), гдѣ сходилась съ погостомъ Михайловскимъ и весьма вѣроятно, судя по даннымъ половины XVII ст. ⁵⁾), она отсюда снова поворачивала на Западъ до самой границы Ладожскаго уѣзда (см. стр. 19).

¹⁾ К. Невелинъ: О пятинахъ и погостахъ новгор.: Прилож. VI, 141, 142.

²⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

³⁾ Предѣлы эти указываются нѣкоторыми (изъ поддающихся нынѣ опредѣленію) пунктами по переписной книгѣ 1500 г.: на сѣверъ отъ Ладуги—Велеша, Подоль, Семня и Бѣлобородово (всѣ непосредственно на Волховѣ, а послѣднее на самомъ устьѣ его, гдѣ впоследствии основалась Новая Ладога); на берегу озера—Лигово и Кабона; по нижнему теченію р. Кабоны—Боръ, Вирола, Какула и отсюда черта погоста на Востокъ, приблизительно черезъ селеніе Сюрю къ Ладогѣ (Таб. I и III).

⁴⁾ Приблизительно на южномъ концѣ этой полосы указывается въ 1500 г. селеніе Марьино на р. Влопъ, т. е. верстахъ въ 25 южнѣе Какулы на р. Кабонѣ. Кромѣ того въ той же полосѣ извѣстны современныя 1500 г. пункты (селенія и позднѣйшія пустоши)—Трусова Большой Дворъ, Кудриково, Песья Паренина, Каменка, Мякинина Ладжица, Озерца, Щелега у Ладуги (Щерега), Горка на Ладозѣ, Большой Дворъ, Заклюка, Замошье, Кизикино, Труфаново Замошье и др. (Таб. I.)

⁵⁾ Въ межевой записи 1649 г. (состоявшейся вслѣдствіе Столбовскаго договора), по поводу разграниченія Орѣховскаго уѣзда (отходившаго къ Швеціи) отъ Ладожскаго, говорится относительно южной части Городенскаго погоста слѣдующее:

«А межа пошла... отъ устья Лавунъ рѣкою Лавую вверхъ до раздвою рѣки...12 верстъ, лѣвою рукою Лавую къ Осиновому клочу 13 верстъ... и тутъ скончался Ладожской Тере-

Такимъ образомъ, можно заключать, что Городенскій погостъ въ 1500 г. имѣлъ приблизительно дугообразную площадь, обращенную концами къ Западу и, охватывая собой погосты Песоцкій и Теребужскій, примыкалъ на Югъ къ Новгородскому уѣзду.

Ильинской погостъ примыкалъ, какъ уже сказано, къ Ладогѣ съ южной стороны; селеніе и церковь во имя св. Ильи находятся понынѣ на лѣвомъ берегу Волхова, всего въ 4 верстахъ выше Ладоги, и означены въ 1500 году—«Деревня у Ильи св. на погостѣ». Въ немъ въ это время упоминаются въ числѣ другихъ селеній Лисичье, Холмъ, Подъ Рябиною (нынѣ Подребенье), Бышево на р. Заклюкъ, Извозъ и др., изъ коихъ послѣднее лежало на Волховѣ, всего на версту южнѣ Николаевского монастыря, или границы Ладожскаго посада въ древности ¹⁾).

Наконецъ сюда-же можетъ быть причисленъ погостъ Васильевскій, хотя и лежавшій въ Обонежской пятинѣ, но расположенный противъ самой Ладоги, отъ которой онъ отдѣлялся только теченіемъ Волхова.

Изъ числа остальныхъ, погосты Феодоровской Песоцкой и Егорьевской Теребужской находились въ углу, образуемомъ Городенскимъ, т. е. западнѣ Ладоги, причемъ ближе къ послѣдней лежатъ Песоцкой, въ которомъ, по свѣдѣніямъ 1500 г., числились напр. селенія Селиверстово, Весь, Княжъ-Островъ и др., въ недалекомъ разстояніи отъ города ²⁾; въ противоположную сторону (на Западъ) онъ простирался приблизительно до сел. Теребушки, находившагося уже въ сосѣднемъ погостѣ Теребужскомъ. Любопытно, что по тѣмъ-же

бужской погостъ, а начался Ладожской же Городенской погостъ. А отъ Осинового клоча грань пошла рѣкою же Лавуею вверхъ мхами топучими до Илухова верховья, гдѣ та Лавуя вышла изъ мховъ 10 верстъ;.. мхами топучими до Неважскаго островка 10 верстъ... и тутъ на островкѣ Городенской погостъ да и Ладожской уѣздъ скончался, а насталъ Новгородскаго уѣзда Солецкой погостъ» и т. д. (Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 195).

¹⁾ Табл. I. Въ «Экономическихъ примѣчаніяхъ» къ планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петербур. Губернской чертежной), показано подъ № 428: Сло Ильинское съ деревнями Извоза, Виковщины на р. Заклюкъ, Подребеньемъ, Кукина на р. Заклюкъ и съ пустошми, владѣнія Староладожскаго Николаевского монастыря; въ сельцѣ церковь деревянная во имя Ильи пророка». Подъ № 429—«Пустошь Бушева, бывшаго владѣнія Староладожск. Ивановскаго монастыря, на правой сторонѣ р. Заклюки».

²⁾ Въ «Экономич. примѣчаніяхъ» показано: Подъ № 176—«Феодоровской Песоцкой погостъ съ деревней Кисельной; погостъ деревня на правой сторонѣ р. Песошной, а дачею на лѣвой сторонѣ ручья Олховецкаго, да на правой р. Ладожки». На новѣйшихъ картахъ южнаго Приладжья самый погостъ Пески означенъ въ разстояніи около 7 верстъ отъ Ладоги, близъ сел. Черновщины.

Подъ № 184—«Деревня Веси (а по мірскому званію Кисельни) селеніемъ на правой сторонѣ р. Песошной». Подъ № 183—«Пустошь Княжъ-Островъ бывшаго Староладожск. Николаевского монастыря, на правой сторонѣ р. Песошной».

свѣдѣніямъ въ Несономѣ погостѣ значатся селенія Лигово и Лиднево, оба лежація на берегу Ладожскаго озера, т. е. совершенно отдѣльно въ сторонѣ, причѣмъ первое изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ числилось и въ составѣ погоста Городенскаго ¹⁾. Рядомъ съ нимъ, далѣе на Западъ-же, находился погостъ Теребужской, достигавшій приблизительно рѣки Лавы ²⁾ и, повидимому, отдѣлявшійся съ сѣверной стороны отъ Городенскаго теченіемъ рѣки Кабоны, а еще далѣе, примыкая къ Лавѣ ³⁾, занимать крайнюю западную часть Ладожскаго уѣзда погостъ Лопца, переходившій и въ сосѣдній уѣздъ Орѣховской.

Что касается остальныхъ, то изъ нихъ Михайловской находился южнее Иппинскаго, будучи отдаленъ въ 1500 г. На югѣ (т. е. отъ Воловскаго погоста) некоего тѣмъ, которымъ понынѣ существуютъ селенія и деревни Михаила-Архангела), причѣмъ вверхъ по Волхову онъ доходилъ повидимому до нижняго теченія рѣки Влои ⁴⁾, а еще южнѣе за нимъ—погостъ Никольской съ Городница, которымъ Ладожскій уѣздъ, вѣроятно, примыкалъ уже къ Новгородскому.

Затѣмъ остается упомянуть еще объ одномъ, чисто административномъ дѣленіи **Волость.** уѣздныхъ земель, существовавшемъ въ московскихъ владѣніяхъ еще до Іоанна III, именно на волости (въ тѣсномъ значеніи этого слова), составлявшія отдѣльную часть уѣзда изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ и деревень и однозначащія позже со станами ⁵⁾. Наименованіе земель волостями встрѣчается и въ новгородскомъ краѣ, напр. въ переписной книгѣ Вотской Пятницы 1500 г., но, какъ видно, безъ тѣснаго значенія въ административномъ смыслѣ, означая собственно извѣстный земельный надѣлъ, или чью-либо владѣльческую собственность ⁶⁾, въ половинѣ же XVI вѣка слово волость встрѣчается уже и какъ единица

¹⁾ Примѣръ, впрочемъ, не единственный, такъ какъ въ тѣхъ-же свѣдѣніяхъ—«деревня на Лиднѣ у озера Ладожскаго» числится и въ погостѣ Лопцѣ.

²⁾ Въ немъ значится (1500 г.), въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Лавой, нѣкоторыя селенія Колосаръ, Рѣка, Горгола, Теребушка и др. Въ XVII ст. та-же рѣка составляла его западную границу (см. стр. 24).

³⁾ Такъ, въ немъ показана въ 1500 г.: «Деревня на Лавуѣ, Лавуѣ въ Конѣ. Васильково (нынѣ Васильково?) на Лавуѣ, Боръ на Лавуѣ и друг.»

⁴⁾ Въ немъ напр. упоминаются селенія: «Заполекъ, Глажево и Ляховичъ на р. Влоѣ», извѣстныя и понынѣ.

⁵⁾ Н. Бѣляевъ: () помещичьимъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI, 46, 47).

⁶⁾ Такъ, въ книгѣ встрѣчаются обозначенія: «Въ Ладожскомъ уѣздѣ погостъ Городенской, а въ немъ великого князя волости и деревни оброчныя»;—«въ Городенскомъ же погостѣ великого князя волости за бояры и за дѣтьми боярскими: волость Бобедино и Вирола:—«Волостка Григорьевская Ногаткина»;—«Волостка Никольскаго монастыря изъ Ладогои» и др. (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI).

административная (независимо отъ дѣленія земель на погосты), каковою въ 1584 г. упоминается документами волость Силосарская ¹⁾, непосредственно прилегавшая къ Ладогѣ. Она сохранила свое наименованіе въ XVII и даже еще въ исходѣ XVIII ст., какъ напр. встрѣчается въ 1628, 1700 и 1778 г. ²⁾, причемъ по свѣдѣніямъ 1676 г. ³⁾ въ ней значатся близъ Ладогѣ существующія нынѣ деревни: съ западной стороны Мѣстовка, а съ южной — Княщина (бывшая Заклюка, Каменный мостъ тожъ) и также прежняя пустошь Домани ⁴⁾, т. е. Силосарская волость лежала непосредственно кругомъ Ладогѣ, простираясь къ Западу болѣе чѣмъ на 15 верстъ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, дѣленіе на волости, какъ административныя единицы, въ свою очередь не совпадало съ предшествовавшимъ, ибо напр. въ данномъ случаѣ волость Силосарская лежала даже въ трехъ погостахъ, именно Пре-чистенскомъ-Городенскомъ, Ильинскомъ, Ѳедоровскомъ-Песоцкомъ и быть можетъ даже въ Теребужскомъ.

Собственно городъ Ладога.

О первоначальномъ существованіи собственно города Ладогѣ, историческія свѣдѣнія, какъ выше уже изложено, теряются въ туманѣ легендъ, но каково бы ни было ея отношеніе къ вышеупомянутымъ арабскимъ извѣстіямъ, или къ скандинавскимъ сказаніямъ объ Альдейгобургѣ, тѣмъ не менѣе едва-ли могутъ быть разногласія въ томъ, что на мѣстности нынѣшней Ладогѣ (Старой) съ незапамятныхъ еще временъ вообще существовалъ заселенный пунктъ, лежавшій на пути горговыхъ сношеній Востока съ Западомъ, слѣды которыхъ, независимо отъ историческихъ свидѣтельствъ, выражаются въ обиліи монетъ тѣхъ-же странъ,

¹⁾ Въ памяти новгородскаго Сѣзжаго двора 1678 г. приводится, что игуменъ Никольскаго монастыря изъ Ладогѣ (Евонмій) подалъ челобитную на дворцовыхъ крестьянъ Силосарской волости деревни Глинокъ и слѣдуетъ справка: «А къ выпискѣ изъ писцовыхъ книгъ 7092 (1584) года написано: въ Силосарской волости пустошь Часовня словеть Монастырекъ...» и т. д. (Документы новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 362). Названіе «Силосари» встрѣчается и въ переписной книгѣ 1500 г., но въ значеніи не вполне ясномъ (б. м. также въ смыслѣ волости); такъ въ Теребужскомъ погостѣ показано — «Великого князя волости и деревни оброчныя... Деревня Коробово на р. Кабонѣ..., дер. Фларево въ Сивосари» и т. д. (Временн. Общ. ист. и древн., кн. XI). Въ выписи 1649 г. изъ той же книги, келарю Староладожс. Никольскаго монастыря Іонѣ, означено: «Великого князя въ дворцовой (волости?) въ (деревнѣ) Монастырѣ въ Силосари въ Марфинской Исаковы...» и пр. (Докум. Новгор. Каз. Пал. въ Арх. Ком., № 160).

²⁾ См. Прил. VIII. Также выпись изъ дѣла о пустошахъ Николаевскаго монастыря (Докум. Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Ком., № 687) и «Экономическія примѣчанія» къ планамъ генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петербург. губернской чертежной).

³⁾ См. примѣч. 7.

⁴⁾ См. табл. I.

⁵⁾ Повидимому, крайними на западѣ пунктами волости были нынѣшнія деревни Голтово, Монастырекъ, Гнилка и Выдрино.

найденныхъ въ языческихъ могилахъ Приладожья вообще, а равно и въ самой Ладогѣ; въ послѣдней извѣстенъ напр. случай находки даже нѣлаго клада монетъ сассанидскихъ, намекающихъ на ея торговое значеніе, быть можетъ, еще въ VI вѣкѣ по Р. Х.¹⁾

Въ силу этого уже въ далекія времена та-же мѣстность, вѣроятно, имѣла своихъ собственниковъ, частью финской народности, частью изъ числа славянскихъ колонизаторовъ съ Ильмена и варяговъ изъ-за моря; но нѣтъ никакихъ данныхъ, что-бы приподнять даже уголокъ непроницаемой завѣсы, скрывающей отъ насъ первоначальную эпоху Ладогѣ по отношенію къ землевладѣнію, и лишь съ утвержденіемъ христіанства и развитіемъ княжескаго періода, является возможность хотя приблизительно судить о составѣ этого землевладѣнія, но и то не ранѣе эпохи паденія новгородской самостоятельности, тѣмъ болѣе прѣдшествовавшій истеченіи времени. Если опустимъ, юмни до насъ не ранѣе какъ отъ послѣднихъ годовъ XV столѣтія. За періодъ болѣе глубокой древности имѣются только указанія, что часть земельной территоріи Ладогѣ составляла, по всей вѣроятности, собственность варяговъ, судя по тому, что одна изъ ея улицъ въ древности носила названіе «Варяжской»; что тѣ, или другіе земельные надѣлы должны были принадлежать нѣсколькимъ церквамъ, имѣвшимся въ Ладогѣ уже въ глубокой древности, тѣмъ, напр. церкви св. Климента и св. Георгія, а нѣсколько позже такими-же надѣлами пользовалась готландская церковь св. Николая въ Ладогѣ, нѣмецкій гостинный дворъ и т. д.; можно прибавить наконецъ, что уже въ началѣ XII вѣка часть мѣстности города была занята каменной крѣпостью, а другая посадомъ, о которомъ лѣтописи упоминаютъ уже подъ 1164 годомъ, но этимъ всѣ свѣдѣнія въ данномъ отношеніи и исчерпываются.

Можно думать, что первоначальное ядро ладожской территоріи находилось не тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ селеніе Старая Ладога, а нѣсколько южнѣе, за рѣчкой Ладожкой, т. е. на той-же сторонѣ послѣдней, гдѣ нынѣ еще существуетъ каменное городище. Здѣсь мѣстность представляетъ болѣе удобный пунктъ для древняго поселенія, какъ прикрытая съ трехъ сторонъ водою и потому болѣе обезпеченная отъ нападенія; здѣсь-же въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южной стороны, по берегу Волхова тянется цѣпь кургановъ и существуютъ слѣды вышеупомянутой церкви св. Климента, сооруженной еще въ 1153 г., расположеніе которой указываетъ на населенность прилегающей мѣстности; подъ фрагментами фундамента этого древнѣйшаго въ Ладогѣ храма, были въ послѣднее время обнаружены культурные слои чернозема, заключавшіе въ себѣ

¹⁾ См. стр. 5 и 17.

обломки костей рыбныхъ и человѣческихъ, остатки древесной щепы и даже бревень ¹⁾, ясно свидѣтельствующіе о бывшемъ здѣсь въ глубочайшей древности поселеніи. Наконецъ свое значеніе можетъ имѣть и то обстоятельство, что здѣсь-же узкая прибрежная къ Волхову полоса чернозема (между Николаевскимъ монастыремъ и Ивановской церковью, ниже Ладоги) отличается болѣею мощностью и что въ черноземѣ этомъ бывали случаи находокъ древности курганныхъ типовъ ²⁾, чего на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ладоги (т. е. на сторонѣ противоположной, за рѣчкой) не встрѣчалось, или по крайней мѣрѣ совершенно неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что уже въ древнѣйшія времена территорія ладожскаго поселенія распространилась и ниже по Волхову, перейдя на противоположную сторону р. Ладожки. Определить хотя-бы приблизительно время этого расширенія трудно и можно лишь указать, что первый изъ дошедшихъ до насъ историческихъ, сюда относящихся документовъ, — переписная книга Вотской пятины 1500 г. ³⁾, застасть Ладогу уже въ упоминаемомъ объемѣ, такъ какъ говоритъ о посадѣ на обѣихъ сторонахъ р. Ладожки.

Посадъ.

Ко времени составленія этой переписной книги Ладога состояла изъ города (крѣпости — нынѣшняго городища) и упомянутого посада, лежавшаго вдоль Волхова, между нынѣ существующими монастырями Успенскимъ съ Сѣвера и Николаевскимъ съ Юга, разстояніе между которыми составляетъ приблизительно около одной версты, причемъ нижнее теченіе р. Ладожки (т. е. по впаденіи въ нее р. Заклюки, таб. II.) раздѣляло его на двѣ половины. Но въ то время посадъ занималъ только часть этого протяженія и повидному между сѣверной чертой его и Успенскимъ монастыремъ оставалось еще довольно много свободнаго пространства, занятого, какъ видно, мѣстными угодьями разныхъ владѣльцевъ; по крайней мѣрѣ въ той-же переписной книгѣ указывается, что за р. Ладожкой велѣно давать обывателямъ мѣсто подъ дворы, которые отводить по порядку: первый рядъ по берегу Волхова начать отъ Успенскаго монастыря и довести вверхъ до церкви св. Петра, а затѣмъ ставить дворы во второй рядъ позади перваго и довести до Варяжской улицы, причемъ поясняется, что дворы отводить безразлично — «на помѣшниковыхъ мѣстѣхъ и на своеземныхъ и на монастырскихъ и на городскихъ людей полянахъ съ ряду» ⁴⁾. Равнымъ образомъ

¹⁾ Записки Имп. Рус. археол. общества 1886 г., т. I (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о Климентовской церкви близъ Ст. Ладоги).

²⁾ Напр. при постройкѣ въ 1885—86 г. новаго дома мѣстнымъ землевладѣльцемъ г. Балкомъ близъ городища.

³⁾ Новгородскія писцовыя книги, г. III.

⁴⁾ См. прилож. I.

и южная сторона посада около крѣпости, едва-ли доходила до Николаевского монастыря, что дастъ возможность замѣтить неодинаковость топографическихъ опредѣленій послѣдняго въ разновременныхъ документахъ: напр. въ переписной книгѣ 1500 г. оба они упоминаются просто «изъ Ладogi», а позже означаются какъ расположенные «на посадѣ». Восточная сторона послѣдняго обмывалась Волховомъ, что же касается границы западной, то изъ свѣдѣній 1500 г. ¹⁾ надо заключить, что въ ширину (или по нижнему теченію Ладожки) посадъ простирался лишь до впаденія въ послѣднюю р. Заклюки, такъ какъ далѣе, въ углу, образуемомъ ихъ слияніемъ, должна была уже лежать упоминаемая въ тѣхъ-же свѣдѣніяхъ—«Климентъ святого изъ Ладogi деревня Щелега на посадѣ у города у Ладogi» ²⁾.

О величинѣ самага посада въ исходѣ XV вѣка дастъ нѣкоторое понятіе перепись 1500 г., насчитывающая въ немъ «по старому писъму» (т. е. ранѣе 1500 г.) 84 двора, а по «новому»—до 116 и такъ какъ каждый городской дворъ, въ смыслѣ тогдашней единицы мѣры, имѣлъ опредѣленную величину ³⁾, именно 15×10 сажень, то пространство подъ 116 дворами должно было составлять около 17500 кв. саж.; но цифра эта конечно значительно ниже дѣйствительной величины посада, въ виду напр. хотя-бы того, что въ составѣ послѣдняго свѣдѣнія 1500 г. показываютъ также мѣста монастырскія и церковныя, частью занятыя тѣлыми-же дворами, но всѣ ли эти мѣста были сплошь заняты—не видно; кромѣ того, въ посадѣ могли находиться даже пашни и хмѣльники, на что намекаетъ запрещеніе той-же переписи 1500 г., чтобы на вновь отводимыхъ мѣстахъ (см. в.)—«Пашни и хмѣльниковъ не метати и не пахати безъ дворовъ» ⁴⁾; наконецъ неизвѣстенъ и порядокъ размѣщенія самага

¹⁾ Вторая половина переписной книги 1500 г., во Временникѣ Общ. ист. и древн., кн. XI.

²⁾ Участокъ этотъ и понынѣ носитъ названіе «Климентовщина». Въ планахъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петербур. Губернской чертежной) онъ обозначенъ—«Климентовщина, что прежде была деревня Щерега» (см. табл. I.). Въ прошеніи 1736 г. причта Климентовской церкви (въ Новой Ладогѣ) объясняется также, что къ ихъ церкви «имѣется данная изстари по писцовымъ книгамъ государева жалованная пустошь, что была деревня Щерега на посадѣ у города Ладogi (Старой) надъ рѣчкою Ладожницею» (Изъ документовъ принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

³⁾ Въ древнемъ Новгородѣ пахотныя земли росписывались для платежа податей на общ. и городскія земли—на дворы, такъ что дворъ долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI: Н. Бѣляевъ—О помѣстномъ землѣвладѣніи въ Московск. Государствѣ).

⁴⁾ Въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ XVIII ст. указывается, что—«По указу изъ Новгородской Приказной палаты 7077 (1569) года, ладожской посадской земли и сѣнныхъ покосовъ вокругъ Ладogi 45 десятинъ бозъ трети» (Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

дворовъ, т. е. примыкали-ли они вообще непосредственно другъ къ другу, а также могли въ чертѣ посада находиться участки, принадлежавшіе представителямъ другихъ элементовъ населенія и т. д.

Въ XVI вѣкѣ сѣверная граница посада доходила уже до Успенскаго монастыря, по крайней мѣрѣ въ писцовой книгѣ 1569 г. послѣдній показанъ «въ Ладогѣ на посадѣ» ¹⁾, а въ 1582—83 г. такъ-же обозначенъ и монастырь Никольскій, до котораго слѣдовательно достигалъ посадъ со стороны южной ²⁾, причемъ по свѣдѣніямъ 1546 г. показано нѣсколько увеличившимся и самое число дворовъ его, именно всего 138, но въ числѣ ихъ 32 пустыхъ ³⁾. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ сѣверный конецъ его достигалъ уже монастыря Ивановскаго ⁴⁾, а южный по прежнему Никольскаго, такъ какъ въ 1678 и 1646 г. оба они также значатся «на посадѣ» ⁵⁾.

Такимъ образомъ, площадь послѣдняго, на основаніи этихъ косвенныхъ указаній, оказывается въ XVI—XVII ст. значительно раздвинувшейся, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ переписныхъ книгахъ половины XVII в. число самыхъ дворовъ сравнительно съ прежнимъ приводится значительно менѣе, именно въ 1646 г. лишь 34 и въ 1678 всего 52 двора ⁶⁾, т. е. болѣе чѣмъ на половину сократившимся, сравнительно съ свѣдѣніями 1500 г. Объясненіе подобнаго несоотвѣтствія съ ростомъ площади посада можно усматривать въ томъ, что въ переписныхъ книгахъ упомянутыхъ годовъ перечислены лишь дворы жилые (съ поименнымъ перечнемъ ихъ владѣльцевъ и обитателей) и слѣдовательно опущены дворы пустые, безъ сомнѣнія также существовавшіе (ср. в.), особенно послѣ смуты начала XVII стол., а кромѣ того подъ площадью посада, вѣроятно, включались какъ нѣкоторые уголья, такъ даже и кладбище, слѣды чего

¹⁾ Выписъ изъ писцовыхъ книгъ Успенскаго монастыря, 1684 г. (Документы Новгородск. Казенной Палаты въ Археографич. Комиссіи, № 425).

²⁾ К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ новгородск., прил. VI, 142 (Зап. Имп. Географ. общ. 1853 г., кн. VIII).

³⁾ Въ разрядномъ и разметномъ спискахъ этого года, о сборѣ ратныхъ людей, исчисляется между прочимъ, что—«въ городѣ Ладогѣ живущихъ тяглыхъ дворовъ и съ поповыми дворы и дьяковы, которые живутъ на тяглою землѣ на черной, 103 дворы; да дворъ намѣстничъ, да тиунской; а церковныхъ нетяглыхъ 1 дворъ поповъ; а пустыхъ дворовъ тяглыхъ 32 двора» (Акты Археогр. Экспед. т. I, № 205).

⁴⁾ Нылѣ приписная церковь Іоанна Предтечи на Волховѣ, лежащая съ 1/2 версты ниже Успенскаго монастыря.

⁵⁾ Московск. арх. Мин. Юст.: Переписныя книги № 8571, л. 47, 48 и № 8559, л. 74.

⁶⁾ Послѣдняя цифра повторяется и въ 1700 г.: въ одной роспискѣ этого времени читаемъ, что взято «у ладожскаго посаду старосты и у всѣхъ посадскихъ людей денегъ съ 52 дворовъ, съ двора по алтыну» (Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

усматриваются въ позднѣйшихъ указаніяхъ ¹⁾. Наконецъ, возможно предположеніе, что на ладожской территоріи появилось нѣсколько слободъ, въ составъ которыхъ быть можетъ вошли даже нѣкоторыя части самого посада, именно слободъ Ямской, Стрѣленской, Пушкарской и Казачьей.

Объ основаніи Ямской слободы имѣется указаніе, что она возникла въ 1591 году. Въ справкѣ Ямской канцеляріи 1745 г. говорится по этому поводу, что—«Въ прошломъ 99 году по государеву, цареву и великого князя Олѣдора Ивановича всея Россіи указу и по приговору боярина князя Василія Оедоровича Шуйского съ товарищи, Степанъ Кузминской да подъячей Одинецъ Иванъ устроили на Ладожскомъ яму 5 человекъ охотниковъ, а земли тѣмъ охотникомъ Ладожского яму отведено подъ Ямскую слободу и на пашню близко города Ладогги посаду... Да въ прошломъ 105 (1597) году на томъ-же Ладожскомъ яму устроено охотниковъ въ прибавокъ помянутымъ пяти человекъ 5 человекъ, а земли тѣмъ охотникомъ отведено на пашню подъ Ладогою...» ²⁾.

Подробный перечень отведенныхъ земель приводится въ той-же справкѣ ³⁾. болѣе же близкія топографическія указанія выясняются какъ изъ плановъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., такъ и изъ косвенныхъ, имѣющихъ сюда отношеніе, документовъ минувшаго столѣтія ⁴⁾. Изъ этихъ указаній можно

¹⁾ Такъ, въ продажной записи 1755 г. указывается съ южной стороны Успенскаго монастыря существованіе «стариннаго церковнаго кладбища» (см. Примѣч. 1). Оно-же показано (въ чертѣ посадской земли) и въ межевыхъ книгахъ 1778 г., причѣмъ величина его обозначена 1620 кв. саж.

²⁾ Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову.

³⁾ А именно: «Земли отведено (въ 1591 г.) въ Вотской пятинѣ Дмитрея Резанова пустошь Чертова, двѣ обжи пашни въ полѣ 20 четвертей, а въ дву потому-жъ; Озерца Василія Сабурова, обжа, сѣна 20 копенъ; пустошь Сущево Ивана Сабурова, двѣ обжи, пашни въ полѣ 20 четвертей, а въ дву потому-жъ, сѣна 40 копенъ. И всего ладожскимъ охотникомъ отведено подъ дворы и на пашню 5 обожъ, сѣна 100 копенъ».

Въ 1597 г.—«Въ той-же Вотской пятинѣ подъ Ладогою Васильева помѣстья Сабурова, вопче съ прежними охотники, въ Озерцахъ обжа пустошь малая (Малая?—ср. примѣч. 1) обжа, до Ивановаго помѣстья Сабурова пустошь Горка Ахматовская, обжа, да ямскому прикащику Петровскаго помѣстья Родвицково пустошь Песья Паренина, обжа, да Михайлова помѣстья Кузминскаго надъ рѣкою надъ Ладожницею пустошь Трусово-Косероно Амасевина то-е, пашни 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, двѣ обжи.

И всего охотникомъ, которые устроены въ прибавокъ къ прежнимъ, отдѣлено 4 пустоши, пашни въ нихъ 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, пять обожъ, сѣна 50 копенъ; да ямскому прикащику обжу, сѣна 30 копенъ.

Да ладожскимъ-же охотникомъ отведено на сѣнные покосы, по концѣ Ладожскаго посаду отъ Новгорода, на р. Волховѣ подъ Никольскимъ монастыремъ пожня сѣна 50 волоковъ копенъ; да тѣмъ-же охотникомъ сѣнныхъ покосовъ на Ладожскомъ озерѣ...

Да огородной земли тѣмъ-же охотникомъ отведено въ длину 45 саж., а поперегъ 15 сажень.

⁴⁾ См. табл. I.

Въ началѣ XVIII ст. земли Ямской слободы были уже пустопорожними, какъ видно

видѣть, что Ямская слобода должна была находиться въ сѣверной половинѣ посада, приблизительно въ близкомъ сосѣдствѣ съ Успенскимъ монастыремъ, съ сѣверной и сѣверо-западной его стороны ¹⁾ и частью кажется даже съ южной ²⁾, причемъ она, повидимому, примыкала и къ Волхову ³⁾.

Ямская слобода, или Ладожскій ямъ, упоминаются въ Ладогѣ въ теченіи всего XVII стол. (напр. въ 1688 г.) и, какъ видно изъ предыдущаго, была упразднена лишь въ 1714 году.

вслѣдствіе перевода ямщиковъ на новый пунктъ, послѣ возникновенія города Новой Ладогѣ (на устьѣ Волхова), покрайней мѣрѣ въ сенатскомъ указѣ 1753 г. приводится справка Вотчинной конторы, въ которой говорится, что «Въ 1714 г. велѣно для поселенія ямщиковъ въ С.-Петербургѣ, на половинѣ до Волхова и на Волховѣ выбрать губернаторамъ лучшихъ и семьянистыхъ и лошадиныхъ людей 216 вытей и поселить тѣхъ ямщиковъ на новопроложенной дорогѣ». Часть этихъ запустѣвшихъ и другихъ земель въ Старой Ладогѣ, была въ 1716 г. отведена въ собственность Василя Римскаго-Корсакова и его дочери (въ замужествѣ Мельгуновой), взаменъ 103 десятинъ, отчужденныхъ отъ него въ Никольскомъ Полицскомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда подъ поселеніе ямщиковъ Соснинскаго яма, и въ половинѣ прошлаго столѣтія послужила поводомъ къ тяжбѣ между Мельгуновыми и посадскими людьми Ст. Ладогѣ, обвинявшими первыхъ въ захватѣ лишнихъ участковъ. Въ сохранившихся по этому поводу документахъ встрѣчаются существенно важныя для вопроса о мѣстоположеніи Ямской слободы указанія, или разъясненія о первоначально отведенныхъ подъ послѣднюю пустошей (см. примѣч. 2).

¹⁾ Въ одномъ изъ документовъ XVIII ст., по поводу процесса жителей Ладогѣ съ Мельгуновыми (см. стр. 31 вын. 4), приводится между прочимъ слѣдующее «Извѣстіе Ладожскаго посаду о посадской землѣ :

«Въ выписи данной изъ Новгородской бывшей Приказной палаты въ 176 (1668) году, за справою подъячего Данила Омелянова, написано: 7106 (1598) года Юля въ 19 день по наказу отъ воеводы Данила Ногтева, а по осмотру и по мѣрѣ подъячего Ивана Галактионова, явилось вышеписанной посадской земли въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ—въ Пречистенскомъ концѣ отъ р. отъ Волхова въ гору возлѣ ямскую пашню, до улицы что въ Ямскую слободу, пашни въ длину 40 саж., а поперегъ 44 сажени. Да за тою улицей отъ ямскіе пашни и что за монастыремъ (Успенскимъ?) до ручья Грубицы позади стрѣлецкихъ огородовъ и до пушкарской земли въ длину 170 сажень, а поперегъ стрѣлецкихъ огородовъ къ мельничьимъ сопкамъ (курганамъ) 100 сажень». (Изъ документовъ принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

Упомянутый ручей Грубица нынѣ протекаетъ черезъ Успенскій монастырь, мельничія-же сопки—вѣроятно курганы, находящіеся на берегу Волхова ниже Ивановской церкви.

²⁾ Такъ въ выписѣ 1726 г. объ отдачѣ Успенскому монастырю нѣсколькихъ строеній и пустыхъ земель, между прочимъ упоминается: «Да близъ онаго Успенскаго дѣвичья монастыря, отъ Грубицкаго ручья вверхъ подлѣ рѣки Волхова, по дворъ бывшаго ямщика Пневскаго, огороднаго пустаго мѣста въ длину 54 сажени, а поперекику въ гору 7½ сажень..., а что показано въ сыску за ручьемъ Грубицею подлѣ полсада къ Ивановскому монастырю и къ прежде бывшей Ямской слободѣ огородное мѣсто..., также что отъ прежде бывшаго Староладожск. ямщика Пневскаго отъ двора его къ городу къ р. Ладожкѣ въ разныхъ мѣстахъ показано солдатскихъ собственныхъ 15 дворовъ, которые обывателемъ проданы..., то велѣно писать въ Кабинетъ» (Изъ старыхъ дѣлъ Успенскаго монастыря).

³⁾ По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ документовъ 1679 г. упоминается бывшая на оброкѣ за попомъ Успенскаго монастыря тonya—«что на Волховѣ подъ Ладожской Ямской слободой» (Изъ старыхъ дѣлъ Николаевскаго монастыря).

Существованіе слободы Стрѣлецкой упоминается также съ XVI вѣка. Въ 1599 году быи челомъ ладожскіе отставные стрѣльцы, въ числѣ 70 человекъ, что «по указу оставили ихъ отъ стрѣльчества князь Иванъ Карповъ, за худоу и за старость и за увѣче, а распущати ихъ не велѣно, а велѣно имъ жити въ старыхъ своихъ дворѣхъ въ Стрѣлецкой слободѣ... А они де не промышляютъ ничѣмъ, пащны не пахутъ и не торгуютъ никакими товара, а кормятся Христовымъ именемъ, а служили де они всякія службы лѣтъ по 20 и по 30, а иные по 40 и по 50 и болыше, а до отставки служили они безъ жалованья пять лѣтъ и они къ отсидкамъ великимъ долги и платятъ имъ податей нечѣмъ: и ихъ-бы пожаловати, податей и съ судныхъ лѣтъ пошлинъ правити на нихъ не велѣти»¹⁾.

Отсюда видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что ладожская Стрѣлецкая слобода въ XVI в. состояла исключительно лишь изъ однихъ стрѣлецкихъ дворовъ, не имѣя другихъ земельных наѣловъ. Въ половинѣ XVII стол. былъ, однако, возбужденъ вопросъ относительно ладожскихъ казаковъ, что послѣднимъ «даютъ денежное и хлѣбное жалованье ежегодно многое и въ томъ казнѣ истеря большая», почему состоялось распоряженіе, чтобы казаковъ вмѣсто жалованья надѣлать землею «въ самыхъ ближнихъ въ подгородныхъ мѣстѣхъ». Въ послѣдовавшемъ по этому повелѣнію указѣ упомянутое распоряженіе было распространено и на ладожскихъ стрѣльцовъ, которыхъ наравнѣ съ казаками было велѣно устроить изъ порожнихъ земель по близости Ладогѣ²⁾.

О мѣстоположеніи Стрѣлецкой слободы и принадлежавшихъ къ ней земельных участковъ прямыхъ свѣдѣній не имѣется и только изъ указаній позднѣйшаго времени можно замѣтить, что она лежала съ западной стороны Успенскаго монастыря, повидимому въ смежности съ слободой Ямской, и примыкала къ рѣкѣ Ладожкѣ³⁾, причемъ въ документахъ упоминается даже до половины XVIII ст., какъ видно напр. изъ одного дѣла 1736 г., что въ

¹⁾ Дополн. акт. историч. т. I, № 150.

²⁾ Тамъ-же т. III, № 36.

³⁾ Судя напр. по тому, что съ западной стороны того-же монастыря упоминаются «стрѣльцкіе огороды» (см. стр. 32 выш. 1). Вообще на смежность бывшихъ земель ямскихъ, стрѣлецкихъ, солдатскихъ и пушкарскихъ, указывается и въ документахъ прошлаго вѣка, по упомянутому уже выше тяжбному дѣлу Мельгуновыхъ съ обывателями Ладогѣ. Въ «Записной книгѣ всякихъ крѣпостей, писанныхъ въ Ладогѣ въ Приказной избѣ» 1701 г. занесенъ между прочимъ обмѣнъ двухъ стрѣльцовъ: одинъ уступаетъ «дворъ свой и избу, стоящій подлѣ прогонной улицы противъ креста на горней слободы (sic) на стрѣлецкомъ мѣстѣ» и получаетъ дворъ — «въ Стрѣлецкой слободѣ на берегу Ладожки рѣки» (Дѣла Новоладожск. воеводскаго правленія, въ Московск. арх. Мин. Юстиціи, оп. 8, дѣло № 183).

«Стрѣлецкую слободу» въ Ладогѣ былъ высланъ на житье какой-то разстриженный монахъ изъ ладожскаго же Васильевскаго монастыря ¹⁾.

Слѣды бывшей Пушкарской слободы приурочиваются также къ XVI вѣку, покрайней мѣрѣ въ 1598 г. встрѣчаемъ упоминаніе о «пушкарской землѣ», притомъ смежной съ угодьями слободъ Ямской и Стрѣleckой (см. стр. 32, вып. 1), въ переписныхъ же книгахъ 1646 г. она названа уже настоящимъ своимъ именемъ ²⁾. О мѣстоположеніи Пушкарской слободы извѣстно только, что она должна была находиться также на сѣверной или сѣверо-западной сторонѣ Успенскаго монастыря, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ обѣими вышеупомянутыми слободами, повидимому нѣсколько далѣе за ними.

Что касается наконецъ слободы Казачьей, то выше уже было указано, что въ 1647 г. ладожскіе казаки были взамѣнъ жалованья надѣлены землями (см. стр. 33), почему можно думать, что ранѣе и казаки, подобно стрѣльцамъ, въ Ладогѣ составляли свой особый безземельный поселокъ. Непосредственно названіе Казачьей слободы встрѣчаемъ въ 1663 г. и, какъ видно, она состояла изъ двухъ станицъ, упоминаемыхъ въ 1655 и 1698 г. ³⁾, причемъ изъ косвенныхъ указаній слѣдуетъ заключить, что она была расположена около южной части посада, по близости Никольскаго монастыря, вѣроятно, даже южнѣе послѣдняго ⁴⁾.

¹⁾ Дѣла Новгородск. духовн. консисторіи, въ архивѣ Святѣйш. Синода.

²⁾ См. прилож. II.

³⁾ См. прилож. IX и Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новгородскимъ пригородамъ).

⁴⁾ Въ оброчныхъ книгахъ 1663 г. Казачья слобода означена противъ тони «Подмогилыа что на рѣкѣ Волховѣ на Обонежской сторонѣ» и та-же тоня по свѣдѣніямъ 1677 г. указана противъ ладожскаго посада; въ свѣдѣніяхъ 1668 г. она-же (тоня) опредѣляется—«противъ Покрова Пресвятой Богородицы» (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археограф. Комиссіи, № 415: Память Новгородск. Приказа о рыбныхъ ловляхъ).

Принадлежность тони Никольскому монастырю и названіе «Подмогилыа» приурочиваютъ ее къ сосѣдству съ тѣмъ-же монастыремъ, рядомъ съ которымъ лежитъ урочище Побѣдище, съ цѣпью разбросанныхъ на немъ кургановъ; отсюда, вѣроятно, и самое названіе тони, находившейся на противоположномъ берегу, что можетъ подтверждаться однимъ изъ документовъ Никольскаго монастыря 1649 г., изъ котораго видно, что послѣднему дѣйствительно принадлежала какая-то тоня «противъ Побѣдища», вѣроятно именно Подмогилыа. Прочія тони, упоминаемыя древними документами около Ладogi (какъ-то Липка, Омутница, Бабина и др.), топографически приурочиваются къ инымъ пунктамъ и сюда не относятся. Къ сожалѣнію, весьма важное въ данномъ случаѣ указаніе на церковь Покрова Пресвятой Богородицы не разрѣшаетъ вопроса, такъ какъ самое мѣстоположеніе ея остается неяснымъ.

На то-же сосѣдство Казачьей слободы съ Никольскимъ монастыремъ можетъ намекать напр. подобная надпись на одной челобитной 1649 г., что «вмѣсто Никольскихъ крестьянъ съ посаду съ Ладogi атаманъ Казачей Стаднековъ по ихъ велѣнію руку приложилъ» и, наконецъ, свое значеніе имѣетъ еще то обстоятельство, что въ вышеупоминавшемся тяжбномъ дѣлѣ

Кроме этих четырех слободъ, составныхъ или корпоративныхъ, въ документахъ XVII в. встрѣчается еще существованіе въ Ладогѣ еще двухъ — Никольской и Подмонастырской. Изъ нихъ первая упоминается въ 1676 г. и современными свѣдѣніями указывается на берегу Волхова, на южной оконечности посада, между «Землинымъ или Деревяннымъ городомъ» и Никольскимъ монастыремъ¹⁾; вторая же известна несколько ранѣе, такъ какъ встрѣчается уже въ 1646 г., и лежала на Волховѣ-же полѣ Ивановскимъ монастыремъ (нынѣ приходская церковь Іоанна Предтечи), съ южной стороны посада²⁾, или на сѣверной оконечности посада. Подмонастырская слободка была, впрочемъ, очень невелика (въ 1646 г. въ ней значилось всего 8 дворовъ: «пять служивыхъ и три бобыльскихъ») и заселена монастырскими служками, почему можно думать, что подобное-же назначеніе имѣла и слобода Никольская, о которой впрочемъ, никакихъ другихъ свѣдѣній не встрѣчается.

Такимъ образомъ, на сѣверной половинѣ посада въ XVI—XVII ст. существовали четыре слободы: Ямская, Стрѣлечная, Пушкарская и Подмонастырская, а на южной двѣ: Никольская и Казачья. Чѣмъ, вѣроятно, и могутъ отчасти объясняться извѣстныя указывающія, какъ уже замѣчено выше, границами посада въ XVII ст. съ сѣвера монастырь Ивановскій, а съ Юга Николаевскій, разстояніе между которыми составляетъ около 1½ верстъ.

Въ XVIII вѣкѣ территорія прежней Ладогѣ уже въ значительной своей части дѣлается постояннымъ частной собственности. Въ связи съ переносомъ большинства ея жителей на устье Волхова (1704 г.), гдѣ основалась Новая Ладога, въ которую перешелъ и центръ мѣстнаго управленія изъ Старой Ладоги, а равно и постепенномъ затѣмъ упраздненіемъ большинства упомянутыхъ выше слободъ, на территоріи прежней Ладогѣ получились запустѣлые земельные участки, начавшіе переходить въ собственность частныхъ лицъ. На сѣверной сторонѣ р. Ладожки, какъ уже было сказано ранѣе, часть бывшихъ ямскихъ земель была отведена Римскому-Корсакову уже въ 1716 г., перейдя затѣмъ въ фамилію Мельгуновыхъ, по новому челобитію которыхъ имъ-же въ 1753 г. были отведены еще добавочные участки, смежныя съ прежними и обнимавшіе собою пустыя земли пушкарскія, стрѣлечныя

XVIII ст. относительно бывшихъ земель ямскихъ, стрѣлечскихъ, пушкарскихъ и солдатскихъ (какъ лежавшихъ по сѣверную сторону рѣчки Ладожки), казачьихъ земель не упоминается вовсе, изъ чего можно заключить, что послѣднія лежали совсѣмъ въ другомъ районѣ.

¹⁾ См. прилож. XIII.

²⁾ Переписная книга монастырскихъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 981). Слободка эта известна въ Ладогѣ и нынѣ. См. также табл. I.

солдатскія и даже посадскія ¹⁾. При этомъ, какъ можно заключать изъ современныхъ документовъ, во владѣнн Мельгуновыхъ оказалась такимъ образомъ и большая половина сѣверной стороны бывшаго Ладожскаго посада: въ 1755 г. часть ея (между Успенскимъ монастыремъ и устьемъ р. Ладожки) была продана Мельгуновыми ладожскимъ обывателямъ ²⁾, но другая осталась въ ихъ владѣнн, составляя нынѣ усадьбу г. Томпловой (урожденной Мельгуновой, недавно скончавшейся), на берегу Волхова, рядомъ съ Успенскимъ монастыремъ.

Относительно части посада по южную сторону р. Ладожки свѣдѣнн гораздо скуднѣе, но тѣмъ не менѣе изъ плановъ Генеральнаго межеванн также можно видѣть, что въ 1788 г. вся ближайшая площадь, окружающая съ Запада и Юга оба древнихъ городища (т. е. Каменное и земляное,—см. ч. II), въ количествѣ болѣе 16 десятинъ, а слѣдовательно бывшая когда-то подъ посадомъ, находилась уже во владѣнн голландскаго купца Лилара ³⁾ и только небольшой участокъ (ок. 4¹/₃ дес.), занимаемый непосредственно городищами, значился землей казенной ⁴⁾. Позже, кажется по родственнымъ связямъ, земля Лилара перешла къ фамилии Балкъ, во владѣнн которыхъ остается и нынѣ.

Такимъ образомъ къ концу XVIII вѣка, отъ древней территорн Ладоги остался лишь участокъ на сѣверной сторонѣ р. Ладожки, ограниченный съ одной стороны Успенскимъ монастыремъ, а съ другихъ теченіемъ Волхова и той-же Ладожки, т. е. участокъ, занимаемый и въ настоящее время селеніемъ Старой Ладогой; южнѣе (за рѣчкой Ладожкой) остался только грандіозный

¹⁾ Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову, по тяжбному дѣлу съ Мельгуновыми.

²⁾ Такъ, изъ сохранившейся продажной записи этого года видно, что Мельгуновою (дочерью Римского-Корсакова) былъ проданъ участокъ вдоль Волхова, отъ Успенскаго монастыря до р. Ладожки, заключающій въ себѣ до 11¹/₂ тысячъ кв. сажень, т. е. значительная часть именно территорн прежняго ладожскаго посада (см. Примѣч. 1).

³⁾ Табл. I.

⁴⁾ Имѣется еще довольно любопытное извѣстіе (любезно указанное намъ академикомъ А. А. Куникомъ): По словамъ Шерера (нѣмецкаго переводчика Несторовой лѣтописи — I. Scherer: Des heiligen Nestors älteste Jahrbücher, Leipzig, 1774 г.) въ его время даже самое городище въ Старой Ладогѣ составляло будто-бы частную собственность. Шереръ говоритъ: — «Мѣсто крѣпости и окрестность, среди которой она находится, составляетъ частное имущество и принадлежитъ достопочтенному русскому помѣщику надворному совѣтнику Сабурову, который хотя-бы могъ воспользоваться развалинами, какъ строительнымъ матеріаломъ, съ большой для себя выгодой, но изъ уваженія и любви къ отечественнымъ древностямъ хранить крѣпость неприкосновенно въ прежнемъ видѣ».

Надворный совѣтникъ М. А. Долгово-Сабуровъ дѣйствительно былъ въ то время однимъ изъ ближайшихъ, въ этой сторонѣ Ладоги, землевладѣльцевъ, но, въ виду вышеуказанныхъ официальныхъ свѣдѣнн 1778 г., извѣстіе Шерера подлежитъ сомнѣнію.

свидѣтель многовѣковаго прошлаго Ладогѣ—развалины ея «Каменнаго города» (крѣпости).

Можно замѣтить еще, что слѣды той-же древней территоріи какъ-то обозначаются прибрежной къ Волхову полосой чернозема, мѣстами до 100 саж. шириною, начинающагося приблизительно отъ Никольскаго монастыря и кончающагося у ручья за церковью Іоанна Предтечи, т. е. нѣсколько сѣвернѣе монастыря Успенскаго. Наконецъ прибавимъ, что извѣстная часть той-же территоріи, именно отошедшая, какъ выше указано, въ собственность Мельгуновыхъ, получила во время Генеральнаго межеванія даже новое названіе «Села Успенскаго», которое едва не распространилось и на остатки самаго посада, т. е. едва не стерло такимъ образомъ самаго имени Старой Ладогѣ, по крайней мѣрѣ въ челобитной жителей послѣдней 1779 г. говорится, что при упомянутомъ межеваніи землемѣръ Шамшевъ требовалъ, чтобы они — «и названіе Староладожскаго посаду перемѣнили-бъ на новое и именовали-бъ оный селомъ Успенскимъ, какого села во всемъ Городенскомъ погостѣ не состоитъ» ¹⁾.

Вмѣстѣ съ изложенными данными о территоріи Ладогѣ, непосредственно въ земельномъ отношеніи, до насъ дошло нѣсколько свѣдѣній и объ устройствѣ послѣдней какъ города (въ новѣйшемъ смыслѣ), т. е. его подраздѣленіи, улицахъ и общественныхъ сооруженіяхъ.

Подобно древнему Новгороду, Ладога также дѣлилась на «концы», какъ видно изъ переписной книги 1500 г. ²⁾, но дѣленіе это безъ сомнѣнія существовало еще и ранѣе, во времена новгородской самостоятельности. По свѣдѣніямъ 1500 г. концовъ въ Ладогѣ было пять: Климентіево, Никольское, Спаское, Богородицкое и Семеновское, причемъ названія эти очевидно стоятъ въ связи съ нѣкоторыми церквами и монастырями, находившимися въ самыхъ концахъ, или въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ. Такимъ образомъ, конецъ Климентіевскій безъ сомнѣнія получилъ свое названіе отъ древнѣйшей въ Ладогѣ церкви св. Климента, Никольскій—отъ Николаевскаго монастыря, Спасскій—отъ церкви во имя Спаса, Богородицкое—отъ монастыря во имя Успенія Богородицы и Семеновскій—отъ церкви во имя св. Симеона. Всѣ эти монастыри и храмы упоминаются и въ переписной книгѣ 1500 г., такъ что топографическое ихъ положеніе можетъ указывать и на расположеніе самихъ концовъ Ладогѣ.

Но, кромѣ того, изъ свѣдѣній 1500 г. почерпается еще указаніе, что концы Климентіевскій и Никольскій лежали въ ближайшемъ взаимномъ сосѣдствѣ и

Концы.

¹⁾ Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину В. Парфенову.

²⁾ См. прилож. I.

оба находились на южной сторонѣ рѣчки Ладожки. Такъ, въ одномъ мѣстѣ переписной книги встрѣчаемъ выраженіе—«да въ Никольскомъ концѣ у Климента святаго дворъ намѣстничъ, да дворъ тиунъ», изъ чего слѣдуетъ, что конецъ этотъ прилегалъ, или сосѣдиль съ Климентовскою церковью, о Климентцкомъ же концѣ прямо говорится, какъ о лежащемъ «за рѣкою за Ладогою» и слѣдовательно оба находились въ южной части посада, около «Каменнаго города» (крѣпости).

Болѣе затрудненій представляетъ опредѣленіе трехъ прочихъ концовъ, изъ которыхъ только районъ Богородицкаго ясно указывается мѣстоположеніемъ нынѣшняго Успенскаго монастыря, т. е. на сѣверной сторонѣ посада, объ остальныхъ же двухъ можно судить лишь въ зависимости отъ церквей, давшихъ имъ свои названія, но нынѣ не существующихъ. Ниже, при обзорѣ древнихъ храмовъ Ладogi, вопроса о топографіи послѣднихъ придется коснуться подробнѣе, здѣсь же достаточно ограничиться указаніемъ, что какъ церковь Спасская, такъ и Симеоновская, должны были находиться по сѣверную сторону р. Ладожки, на берегу Волхова, изъ которыхъ открытыя въ послѣднее время развалины церкви, по всей вѣроятности, Спасской, лежатъ въ серединѣ нынѣшняго селенія Старой Ладogi, а церковь Симеоновскую слѣдуетъ искать нѣсколько ниже по теченію Волхова, не доходя Успенскаго монастыря. Такимъ образомъ, мѣстоположеніе Спасскаго конца болѣе или менѣе можетъ также поддерживаться вещественными доказательствами ¹⁾, но о концѣ Симеоновскомъ приходится лишь догадываться, во всякомъ-же случаѣ, оба они вмѣстѣ съ Богородицкимъ составляли сѣверную часть посада (т. е. по сѣверную сторону р. Ладожки), какъ слѣдуетъ заключать и изъ редакціи переписной книги 1500 года.

Выраженіе послѣдней—«въ Никольскомъ концѣ у Климента святаго», какъ уже сказано, дастъ замѣтить, что конецъ этотъ и Климентовскій не лежали одинъ за другимъ, а сходились близъ упомянутой церкви, т. е. были, вѣроятно, расположены полукружіемъ около Каменнаго города (крѣпости), причемъ Никольскій лежалъ восточнѣе къ Волхову, а Климентовскій отъ него западнѣе. Какъ видно, подобное-же расположеніе приблизительно имѣли и три прочихъ на сѣверной сторонѣ, судя по относительно небольшому разстоянію между

¹⁾ О мѣстоположеніи Спасскаго конца, догадка въ томъ-же смыслѣ была сдѣлана академикомъ А. А. Куникомъ еще ранѣе, на основаніи существованія старинной деревянной часовенки, стоявшей на насыпи, покрывавшей упомянутыя выше развалины, существованіе которыхъ въ то время было еще неизвѣстно. На мѣстѣ часовни этой, сгорѣвшей въ пожарѣ 1857 года, г. Куникомъ былъ сооруженъ деревянный крестъ, какъ память о бывшемъ здѣсь Спасскомъ концѣ древней Ладogi.

церквами, по которымъ они именовались, причемъ южнымъ изъ нихъ былъ Спасской, а сѣвернымъ—Богородицкой, повидимому, лежавшій вдоль Волхова. То-же самое было и въ Новгородѣ, концы котораго на Софійской сторонѣ также лежали полукружіемъ ¹⁾ и съ которымъ Ладога вообще представляетъ въ данномъ случаѣ близкую аналогію какъ по числу самыхъ концовъ, такъ и по дѣленію города на двѣ части теченіемъ рѣки, въ одномъ случаѣ Волхова, въ другомъ—Ладожки.

Что касается величины самыхъ концовъ, то судя по числу дворовъ, исчисляемыхъ въ Ладогѣ въ 1500 году, самымъ большимъ долженъ представляться Никольскій, въ которомъ послѣднихъ указано 40, а наименьшими Климентовскій и Спасскій, въ которыхъ дворовъ было всего 10 и 8; выдающееся значеніе повидимому, принадлежало концамъ Никольскому и Богородицкому, такъ какъ въ первомъ помѣщались дворы намѣстничій и тиунской, а во второмъ сосредоточивалась болѣе зажиточная и вліятельная часть посадскаго населенія—все «люди лутчіе и середніе», по переписной книгѣ 1500 года.

Неизвѣстно, до какого времени существовало упомянутое административное дѣленіе города, но во всякомъ случаѣ слѣды его встрѣчаются и во второй половинѣ XVII столѣтія ²⁾.

Въ свѣдѣніяхъ 1500 г. сохранились названія нѣсколькихъ улицъ древняго Ладожскаго посада, именно Даниславля, Микитина, Ѳедорова и Варяжская, но о первыхъ трехъ указанія не совсемъ ясны, такъ какъ о нихъ упоминается лишь въ перечнѣ владѣльцевъ волостей и деревень Городенскаго погоста, а не при переписи самой Ладогі: «Волостка Григорьевская Нагаткина да... съ Даниславли улицы, да Потани Степанова сына Учаникова съ Микитины улицы, да Иванка Луккина сына Бабкина съ Ѳедоровы улицы» ³⁾; по всей вѣроятности, однако, названія эти приурочиваются именно къ самой Ладогѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ перечисляемыхъ деревень тѣхъ-же владѣльцевъ (напр. деревня Трусова Нагаткина и Заклюка Бабкина) почти непосредственно граничили съ нею. Что касается улицы Варяжской, то она въ 1500 г. указывается совершенно опредѣленно на сѣверной сторонѣ посада: по поводу отвода новыхъ мѣстъ подъ посадскіе дворы, въ переписной книгѣ говорится, чтобъ мѣста давать — «отъ рѣки отъ Ладогі отъ мельницы отъ Егорьевскіе что за стѣною, да на могилникъ къ Варяжской улицѣ, да прямо къ часовнѣ, да къ Пречистой», т. е. въ районѣ между нижней частью р. Ладожки (по сліяніи ея съ Заклюкой) и

Улицы.

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-рус. народоправства, т. II, гл. 6.

²⁾ См. стр. 32, вын. I.

³⁾ Переписная книга Вотской пятины 7008 г. (Временникъ Общ. ист. и древн. кн. XI).

Успенскимъ монастыремъ ¹⁾). Изъ того-же документа можно вывести еще болѣе близкое заключеніе, что улица эта должна была имѣть направленіе перпендикулярное къ Волхову, такъ какъ въ переписной книгѣ указывается, что первый рядъ дворовъ слѣдуетъ начать отъ Успенскаго монастыря «берегомъ (Волхова) по горѣ, а изоставятъ тотъ рядъ и велѣти ставить въ другой рядъ позади тѣхъ дворовъ до Варяжской улицы»; отсюда является значительное вѣроятіе, что послѣдняя быть, можетъ быть, совпадала именно съ поперечной улицей, пересекающей нынѣшнее селеніе Старую Ладугу съ Востока на Западъ и обращающейся вѣдѣмъ въ дорогу на Лаву и Шельдиху, т. е. выходящую на нынѣшній шлиссельбургскій трактъ и далѣе къ устью Невы ²⁾).

Если это такъ, то Варяжская улица, повидному, принадлежала къ Спасскому концу Ладогѣ; такая-же улица существовала также въ древнемъ Новгородѣ въ концѣ Славенскомъ и судя по ихъ названію можно заключать, что онѣ были обитаемы иноземцами варягами.

Общественныя сооружеія.

Изъ общественныхъ сооруженій въ древней Ладогѣ первое мѣсто занимаютъ сохранившіяся понынѣ монументальныя развалины ея «Каменнаго города» или крѣпости, воздвигнутой еще въ XII вѣкѣ и представлявшей въ свое время неприступную твердыню Великаго Новгорода. За этимъ древнѣйшимъ въ Россіи представителемъ зодчества военнаго, описанію котораго посвящается особый отдѣлъ настоящаго труда, слѣдуетъ цѣлый рядъ памятниковъ зодчества церковнаго, часть которыхъ сохранилась до нашихъ дней въ цѣлости или въ видѣ лишь развалинъ, другая же извѣстна лишь изъ современныхъ документальныхъ указаній и нынѣ исчезла уже безслѣдно.

Въ Ладогѣ, въ «городѣ» и на посадѣ, насчитывалось въ разное время до 5 монастырей и 8 церквей, но изъ числа послѣднихъ сравнительно въ цѣлости существуетъ только одна, а отъ трехъ остальныхъ болѣе или менѣе замѣтныя развалины, изъ числа же монастырей всѣ, кромѣ одного, существуютъ и понынѣ, хотя половина ихъ уже утратила свое значеніе въ смыслѣ обителей и обратились въ приходскія или даже просто приписныя церкви.

Тѣ и другія извѣстны; вотъ ихъ перечень:

¹⁾ Упоминаемые здѣсь въ частности пункты, къ сожалѣнію, нынѣ уже не могутъ быть указаны на мѣстности. Ни о какомъ «могильникѣ» южнѣе Успенскаго монастыря въ настоящее время неизвѣстно и возможно лишь замѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, быть можетъ, о томъ-же «старинномъ церковномъ кладбищѣ», которое было еще извѣстно въ 1755 году (см. примѣч. 1). Равнымъ образомъ остается совершенно темнымъ и упоминаніе о часовнѣ.

²⁾ Улица эта упирается въ Волховъ и проходитъ мимо развалинъ древней церкви (вѣроятно во имя Спаса); здѣсь изстари существуетъ перевозъ черезъ Волховъ, а по словамъ ладожскихъ старожиловъ—на берегу стоялъ когда-то «гостинный рядъ»

Церкви.

Климентовская.
Симеоновская.
Воскресенская.
Св. Петра.
Двѣ во имя Спаса.
Покрова Богородицы.
Димитріевская.

Монастыри.

Ивановскій.
Георгіевскій Застѣнный.
Успенскій.
Рождественскій.
Николаевскій.
Васильевскій.

1) Церковь во имя Св. Климента, какъ единственный храмъ въ Ладогѣ, основаніе котораго точно указано лѣтописью (именно въ XII в.), должна считаться древнѣйшею: Новгородскій архіепископъ Нифонтъ, черезъ три года по прибытіи своемъ изъ Кіева, по словамъ лѣтописи—въ 1153 г. «иде въ Ладогу, и заложи церковь камяну святого Климента»¹⁾. Изъ соображенія указанія относительно близкаго ея мѣстоположенія слѣдуетъ заключить, что она должна была находиться именно на берегу Волхова, немного южнѣе нынѣшняго каменнаго городища; такъ, въ свѣдѣніяхъ 1500 г. она показана у Никольскаго конца Ладогѣ, а въ 1646 г.—въ Земляномъ городѣ²⁾, которые оба находились за рѣчкой Ладожкой, южнѣе ея устья. Слѣды ея еще до послѣдняго времени были замѣтны среди валообразныхъ насыпей, здѣсь лежащихъ и представляющихъ остатки вышеупомянутаго «Землянаго или Деревяннаго города» (см. ч. II и табл. XLVIII), но нынѣ на всемъ этомъ участкѣ рядъ глубокихъ проваловъ, образовавшихся вслѣдствіе подземныхъ вымоковъ песка со стороны Волхова и только въ нѣкоторыхъ изъ этихъ проваловъ можно наблюдать остатки каменныхъ массивовъ отъ бывшей церкви³⁾. Кроме этого, здѣсь-же существовала старинная развалившаяся часовенка⁴⁾ и въ одномъ изъ упомянутыхъ проваловъ былъ найденъ большой деревянный крестъ, сооруженный въ 1728 г., какъ видно изъ вырѣзанной на немъ надписи. По всей вѣроятности, крестъ этотъ когда-то находился въ той-же часовнѣ и нынѣ хранится въ Димитріевской церкви городища; на немъ между прочимъ означено: *«Поставленъ сей животворящій крестъ Господенъ на церковномъ мѣстѣ священикомученика Климента*

Табл. XLVIII.

¹⁾ Новгородская лѣтоп. по синод. сп. и другія; въ нѣкоторыхъ спискахъ слово «камяну» опущено.

²⁾ См. прилож. I и II.

³⁾ Записки Импер. Рус. Археол. Общ. 1886 г., т. I (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о древней Климентовской церкви).

⁴⁾ Возобновленная въ 1884 г. Импер. Рус. Археол. Обществомъ.

папы римскаго, по обѣщанію Григорія Федорова сына Куснищева, мѣта 1728 г.,
Юня въ 24 день».

О самой церкви свѣдѣній почти не имѣется, но нѣкоторые данныя позволяютъ заключать, что она состояла изъ верхняго и нижняго помѣщеній ¹⁾ и была первоначально каменною, но впоследствии замѣнена деревянною, съ сохраненіемъ, повидимому, нижней подсводной части въ прежнемъ видѣ. Когда именно и почему произошло это — неизвѣстно, но уже въ переписной книгѣ Ладogi 1646 г. ²⁾ значится: «Да въ Земляномъ городѣ церковь древяная ктѣтцки во имя Климонта папы римскаго, образа и книги и ризы и колокола строенье приходское». Въ документахъ второй половины XVII ст. она называется соборною и въ ней упоминаются священнослужители: Андрей Ѳедоровъ (1646 г.), Григорій Ѳедоровъ (1685—89 гг.) и Климентъ Монсѣевъ съ Аонасіемъ Васильевымъ (1696—1700 г.). Извѣстно также, что съ переводомъ большинства обывателей Старой Ладogi на устьѣ Волхова въ Новую Ладogu, туда-же была перенесена и описываемая церковь, о чемъ свидѣлствуется въ челобитной 1707 г. (упомянутаго священника Аонасія Васильева) новгородскому митрополиту Іову, что «въ прошломъ 1703 году по твоему архіерейскому указу и грамотѣ, соборная церковь священномученика Климента перевезена въ Новую Ладogu и поставлена, и мы богомольцы твои перевезлися и живемъ домишками и окладного жалованья намъ не положено..., а которые посадскіе люди были въ Старые Ладogi у нашей церкви были въ приходѣ, и тѣ нынѣ приходятъ въ Новые Ладogi въ Николаевской Медвѣдской монастырь» ³⁾. Какъ видно, эта старая деревянная церковь просуществовала въ Новой Ладогѣ до 1741 года, когда была замѣнена вновь выстроенною каменною, во имя того-же св. Климента ⁴⁾.

2. Церковь св. Симеона. Объ основаніи церкви не имѣется никакихъ данныхъ, но существованіе ея въ XV вѣкѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ она нѣсколько разъ указывается въ переписной книгѣ 1500 г.; напр. при исчисленіи нетяглыхъ дворовъ въ Богородицкомъ концѣ Ладogi упоминается «дворъ попѣ Микулѣ Семеновскій» ⁵⁾, а при описи города Орѣшка показана въ Ярвосоляскомъ погостѣ — «Семіона святого изъ Ладogi деревня Порѣчье на горкѣ на

¹⁾ Записки Имп. Рус. Археол. Общ. 1886 г., т. I. (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о древней Климентовской церкви).

²⁾ См. прилож. II.

³⁾ Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгородск. Духовной Консисторіи (безъ нумераціи).

⁴⁾ Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петербург. епархіи, вып. IX, 85.

⁵⁾ См. прилож. I.

р. Назъѣ»¹⁾. Непзвѣстно также, когда могъ исчезнуть самый храмъ, послѣ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ и лишь изъ одной надписи на большомъ старинномъ крестѣ, находящемся въ Староладожскомъ Успенскомъ монастырѣ (табл. I), видно, что церковь не существовала уже въ 1711 г.; но надпись эта, въ которой между прочимъ означено — «Поставленъ сей святой крестъ Господень... во имя церкви святого Симеона Богопріимца, по обѣщанію ладоженина посадскаго человека Артемія Григорьева Сяского, мѣсяца 7219 году Января въ ...день, свидѣтельствуеъ мѣстѣ съ тѣмъ, что память о Симеоновской церкви была еще жива въ началѣ XVIII стол. и поэтому исчезновеніе ея едва-ли могло произойти за долго до того-же времени. Можно признать впрочемъ, что она уже не упоминается въ переписной книгѣ Ладogi 1646 г.

Табл. I.

Относительно мѣстоположенія Симеоновской церкви нѣкоторый свѣтъ бросаютъ свѣдѣнія 1500 года: при указаніи на порядокъ отвода новыхъ мѣстъ подъ посадскіе дворы между рѣчкой Ладожкой и Успенскимъ монастыремъ, въ переписной книгѣ этого года говорится: «А ставити дворы первой рядъ отъ Пречистыя берегомъ по горѣ къ Семену святому и ко Воскресенью и до Петра святого», т. е. Симеоновская церковь упоминается какъ ближайшая къ Успенскому монастырю и стоящая нѣсколько выше послѣдняго, около Волхова. Съ этимъ свидѣтельствомъ совпадаетъ и мѣстное преданіе, указывающее, что вышеупомянутой крестъ нѣкогда стоялъ въ часовенкѣ, находившейся тогда еще снаружи ограды Успенскаго монастыря, на южной сторонѣ послѣдняго²⁾, т. е. рядомъ съ нимъ, на холмовидномъ возвышеніи, снесенномъ при построеніи на этомъ мѣстѣ (1862 г.) нынѣшней Крестовоздвиженской церкви того-же монастыря и теперь находящейся уже внутри расположенія послѣдняго.

3. О церквяхъ Воскресенской и св. Петра извѣстно только изъ выше приведеннаго уже мѣста переписной книги 1500 г., въ которой, сверхъ того, упоминаются на церковныхъ мѣстахъ «Воскресенскіе поземщики въ Семеновскомъ концѣ», т. е. люди, проживавшіе на землѣ, принадлежащей церкви Воскресенія

¹⁾ Временникъ Общ. ист. древн., кн. XI, 463.

²⁾ Сторона эта ранѣе не имѣла прямолинейнаго очертанія; ея западный конецъ былъ значительно вынесенъ впередъ, сравнительно съ восточнымъ, такъ что соединеніе обоихъ составляло уголъ, въ которомъ и находилась упомянутая часовня (то и другое можно видѣть на старомъ изображеніи монастыря, см. н. опис. Успенс. мон. и рис. 3), сдѣланномъ еще до постройки сказанной Крестовоздвиженской церкви). Что касается креста (нынѣ стоящаго у монастырскаго колодца), то имѣется свѣдѣніе, что онъ временно былъ взятъ игуменомъ Никольскаго монастыря архиман. Аполлосомъ (1846—63 г.) и водруженъ на вновь пріобрѣтенномъ имъ участкѣ земли около того же Никольскаго монастыря; въ 80-хъ годахъ крестъ былъ возвращенъ обратно и поставленъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ.

Христова ¹⁾. Такимъ образомъ, является извѣстное вѣроятіе, что быть можетъ непосредственно и послѣдняя находилась въ томъ-же концѣ; во всякомъ случаѣ, какъ Воскресенская церковь, такъ и св. Петра, по свѣдѣніямъ 1500 г., стояли на сѣверной сторонѣ устья Ладожки, близъ берега Волхова, и, какъ видно изъ тѣхъ-же данныхъ, первая лежала ближе къ Успенскому монастырю и къ Симеону святому, а церковь св. Петра стояла отъ нихъ далѣе. Въ такомъ порядкѣ исчисляются онѣ въ упомянутыхъ свѣдѣніяхъ, послѣ которыхъ болѣе извѣстій объ обѣихъ уже не встрѣчается.

4. Двѣ церкви во имя Спаса. Немногія и разновременныя о нихъ извѣстія даютъ, однако, ясно замѣтить, что церквей во имя Спаса было въ Ладогѣ двѣ: одна болѣе поздняя—во имя Спаса Нерукотвореннаго, другая—во имя Всемилостиваго Спаса происхожденія честнаго и Животворящаго Креста, болѣе древняя.

По свидѣтельству храмовданной грамоты преосвященнаго Іова (1698 г.), прихожане Климентовской церкви въ Ладогѣ были челомъ въ томъ-же 1698 г., что «въ прошломъ-де годѣ Корнилій Митрополитъ далъ изъ приписнаго Ивановскаго монастыря, что въ Ладогѣ, древнюю церковь и тое церковь они изъ того Ивановскаго монастыря перевели и поставили близъ тое церкви священомученика Климента, а по сіе число не освящена. И чтобъ намъ пожаловать ихъ, приходскихъ людей, благословить тое церковь освятить во имя Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и о томъ дать грамоту и антиминсъ» ²⁾. Прошеніе это, вызванное повидимому желаніемъ прихожанъ имѣть теплую церковь, было исполнено, и переведенный храмъ освященъ Староладожскаго Николаевскаго монастыря игуменомъ Макаріемъ. Позже, съ перенесеніемъ въ началѣ XVIII в. Климентовской церкви въ Новую Ладогу (см. в.), сюда-же была перенесена и упоминаемая церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса ³⁾, которая просуществовала здѣсь еще 28 лѣтъ, а затѣмъ по причинѣ полной своей ветхости, препятствовавшей даже совершенію богослуженія, была въ 1731 г. замѣнена вновь построенною деревянною-же ⁴⁾ и наконецъ въ 1758 г.—каменною.

Такимъ образомъ, можно видѣть, что эта церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса должна была находиться по южную сторону рѣчки Ладожки, въ ближай-

¹⁾ Поземщиками назывались не занимавшіеся земледѣліемъ, а жившіе иными промыслами (напр. рыболовствомъ и др.) и платившіе денежный оброкъ землевладѣльцу.

²⁾ Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петербур. епархіи, вып. IX, 85. Въ свѣдѣніяхъ объ Ивановскомъ монастырѣ 1628 и 1646 г., о церкви этой однако еще ничего не упоминается.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгор. духовн. консисторіи (безъ нумераціи).

шемъ сосѣдствѣ съ Климентовской, и что она не должна быть смѣниваема съ другою церковью «Спаской», свидетельства о которой восходятъ гораздо ранѣе.

О существованіи послѣдней уже въ XV вѣкѣ даетъ косвенное указаніе та-же переписная книга 1500 г., въ одномъ мѣстѣ которой упоминается «дворъ попъ Оеонасей Спаской», а въ другомъ перечисляются на церковныхъ мѣстахъ—«Спаскіе поземщыки люди молодые въ Спаскомъ кониѣ». Далѣйшихъ свѣдѣній болѣе о ней не имѣется, но нѣтъ никакой возможности отождествлять эту Спаскую церковь съ вышеписанной, бывшей въ Ивановскомъ монастырѣ и, повидимому, въ болѣе раннее время даже не существовавшей ¹⁾, въ силу хотя бы того, что самое названіе конца «Спаскимъ» указываетъ на извѣстную самостоятельность церкви, иначе онъ (подобно концамъ Никольскому и Богородицкому) былъ бы конечно наименованъ по названію Ивановскаго монастыря, который существовалъ уже въ XIII вѣкѣ и имѣлъ главный престолъ во имя Іоанна Предтечи. Поэтому слѣды второй церкви «Спаской» должно искать въ другомъ мѣстѣ.

По сѣверную сторону р. Ладожки, въ районѣ нынѣшняго селенія Старой Ладогѣ, почти въ серединѣ ея и саженьяхъ въ 25 отъ Волхова, съ давнихъ поръ находилась деревянная часовня, стоявшая на курганообразной насыпи и значившаяся, вмѣстѣ съ находившейся при ней «черной кельей съ малыми сѣнцами», по монастырскимъ описямъ половины прошедшаго столѣтія принадлежащею Николаевскому монастырю. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія часовня этой, повидимому, не существовало, или, быть можетъ, она была въ полномъ разрушеніи, по крайней мѣрѣ въ указѣ С.-Петербургской Консисторіи 1813 г. снова говорится о разрѣшеніи построить часовню на этомъ-же мѣстѣ, для постановленія въ ней образа Св. Николая Чудотворца, что и было осуществлено. Затѣмъ извѣстно еще, что въ 1831 г. та-же часовня была передана въ собственность Успенскаго монастыря и просуществовала до большаго пожара, истребившаго Ладогу въ 1857 году, во время котораго сгорѣла также и самая часовня, съ тѣхъ поръ болѣе не возобновлявшаяся ²⁾. Самое важное въ данномъ случаѣ, что въ упомянутыхъ описяхъ Николаевскаго монастыря 1745 и 1752 г. о ней говорится, что монастырю принадлежитъ «у города Старой Ладогѣ

¹⁾ По крайней мѣрѣ о ней ничего не упоминается въ монастырскихъ описяхъ нач. XVII ст. (Арх. Амвросій: Ист. Рос. Іерархіи, т. IV, 313).

²⁾ На мѣстѣ ея послѣ пожара стоялъ деревянный крестъ, въ послѣдствіи упавшій и затѣмъ возобновленный академикомъ А. А. Куникомъ, въ виду его значенія для мѣстоположенія древнихъ храмовъ въ Старой Ладогѣ.

часовня во имя *Животворящаго Креста* ¹⁾, въ которой «Животворящій Крестъ большой (по описи 1752 г.—«съ распятіемъ Господнимъ»), предъ нимъ предстоятъ Пресвятая Богородица и Св. Іоаннъ Богословъ на особыхъ дскахъ» ²⁾, то есть что существованіе часовни связано съ праздникомъ Всемиловитаго Спаса происхожденія древъ честнаго и животворящаго креста ³⁾. Принимая во вниманіе, что происхожденіе подобныхъ мѣстныхъ сооружений, какъ древнія часовни и кресты, столь напр. свойственныя окрестностямъ Старой Ладogi, имѣетъ обыкновенно связь съ тѣми или другими событіями, или исчезнувшими уже памятниками, становится яснымъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ упоминаемая часовня является намъ завѣтомъ народной памяти именно о бывшей здѣсь нѣкогда церкви во имя Спаса Всемиловитаго ⁴⁾.

Археологическое изслѣдованіе насыпи, на которой стояла самая часовня, произведенное въ 1884—85 г., дѣйствительно обнаружило здѣсь существованіе фундамента и даже частью остатки стѣнъ небольшого каменнаго храма, имѣвшаго три абсиды, четыре внутреннихъ опорныхъ столба, притворъ и хоры, а въ altarѣ остатки бывшаго каменнаго престола и полукруглаго сопрестолія съ горнимъ мѣстомъ.

Весь храмъ внутри былъ покрытъ росписной штукатуркой, матеріаломъ же для постройки служилъ длинный тонкій кирпичъ, въ перемежку съ плитою, на извести смѣшанной съ толченымъ кирпичемъ. Кромѣ того, при раскопкѣ развалинъ были найдены разные предметы, какъ-то части большого бронзоваго панциря (хорось) XV или начала XVI в., серебряная шейная гривна, нѣсколько большихъ очень древней формы серегъ, желѣзные трехножныя подсвѣчники

¹⁾ Въ описи 1752 г. поясняется еще: «Часовня подлѣ каменнаго города Старой Ладogi, досчатая, покрыта тесомъ, ветхая». Мѣсто часовни дѣйствительно приходится близъ каменнаго городища (противъ сѣвернаго конца его), но отдѣляется отъ послѣдняго р. Ладожкой).

²⁾ Документъ Николаевскаго монастыря. Упоминаемый крестъ нынѣ находится, если не ошибаемся, въ томъ-же монастырѣ. По указанію описей, въ часовнѣ еще находились: образа Симеона Богопріимца, Іоанна Предтечи, Покрова Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Флора и Лавра, образъ Спасителя, образъ Знаменія и др. (въ 1752 г. прибавлено: «Да надъ дверьми съ приходу узенькой образъ Спасителя съ предстоящими святыми, весьма ветхо»). По устнымъ рассказамъ, въ часовнѣ передъ пожаромъ 1857 г. находился еще большой образъ Спаса, перенесенный въ Успенскій монастырь.

³⁾ Какъ извѣстно, установленнаго въ XII вѣкѣ Андреемъ Боголюбскимъ и празднуемаго 1-го Августа (такъ называемый «Спасъ на водѣ»).

⁴⁾ Преданіе о томъ-же было еще живо въ Ладогѣ до пожара 1857 г. Такъ одной изъ ближайшихъ заботъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія въ упомянутомъ году было объ ускореніи отвода мѣстъ въ Ладогѣ—«какъ для постройки домовъ священнослужителей, такъ и принадлежавшей монастырю часовни, которая по существующему издревле преданію была построена на мѣстѣ существовавшей здѣсь церкви Всемиловитаго Спаса».

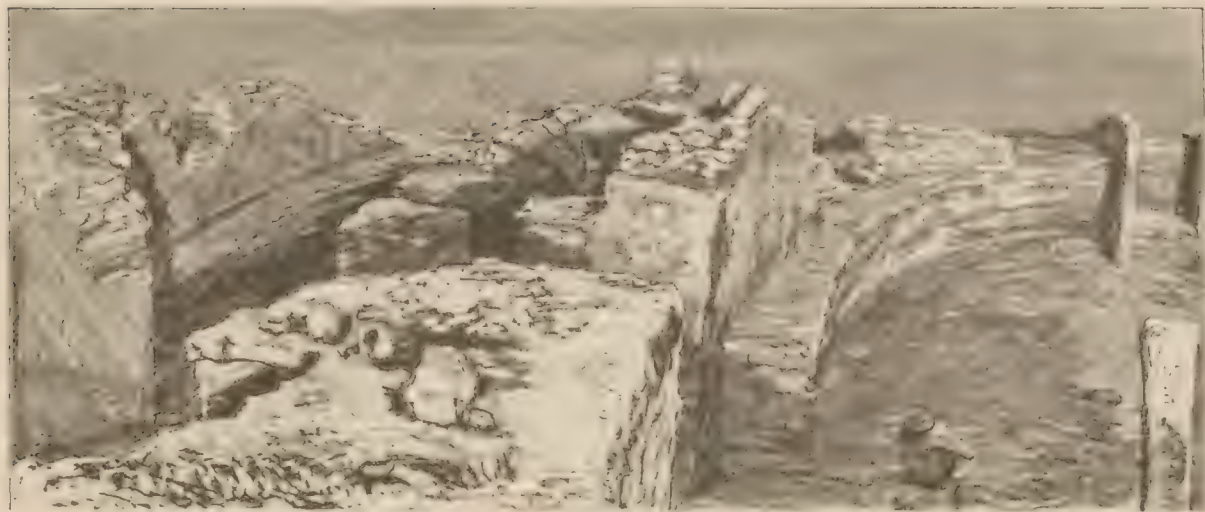

Рис. 2. Видъ развалинъ храма во время раскопки (жертвенникъ и часть средней абсиды).

съ остриями для насадки воцанищъ, обломки самыхъ воцанищъ и проч., а въ при-
творѣ—серебряная новгородская монета XV столѣтія ¹⁾.

Развалины принадлежатъ несомнѣнно храму глубокой древности: такъ о
немъ не встрѣчается никакихъ указаній ни въ переписныхъ книгахъ Ладogi
XVII ст., ни въ другихъ документахъ того-же времени; въ насыпи, покрывавшей
развалины, были, при раскопкѣ, найдены человѣческіе скелеты, очевидно погре-
бенные въ очень давнее время и по какимъ нибудь исключительнымъ обстоя-
тельствамъ (оба они находились здѣсь какъ-бы случайно, внѣ кладбищенскаго
расположенія); характеръ самой постройки, представляющей аналогію съ древ-
нимъ храмомъ Св. Георгія въ каменномъ городищѣ, строительные матеріалы и
пріемы, а также древность сдѣланныхъ находокъ,—все свидѣтельствуетъ о давности
существованія храма. Еще болѣе важно указаніе на древность постройки даетъ
разновременность слоевъ внутренней его штукатурки, нѣкоторые фрагменты которой
рѣзко отличаются своей тонкостью, твердостью и полировкой ²⁾, отъ другихъ болѣе
грубыхъ, сравнительно позднихъ, и на нихъ сохранились отрывки вырѣзанныхъ
надписей, весьма характерныхъ въ палеографическомъ отношеніи, какъ напр.
слѣдующая: «мѣѣ номѣѣ въ ѣѣ прѣставилъ Гава дилевниъ мѣхѣ...»; въ другихъ отрывкахъ
нерѣдко повторяется древняя форма «рабо», вмѣсто рабъ и пр. (табл. LXI и LXII).

Судя по положенію находокъ сдѣланныхъ въ средней части развалинъ
открытаго храма, лежавшихъ на смазномъ известковомъ полу (подъ грудой

¹⁾ Подробности см. примѣч. 3 и табл. LIX.

²⁾ Подобная-же штукатурка была замѣчена и подъ древними фресками Георгіевской
церкви въ каменномъ городищѣ (см. въ концѣ книги о древнихъ памятникахъ въ послѣднемъ).

щебенки и массивовъ упавшаго свода), церковь разрушилась вѣроятно въ теченіи XVI или не позже начала XVII стол. и притомъ, быть можетъ, даже непредвидѣнно, иначе въ немъ едва-ли могли бы сохраниться тѣ-же находки.

Такимъ образомъ, изъ совокупности существованія здѣсь старинной часовни во имя Животворящаго Креста, съ присутствіемъ погребенныхъ подъ нею развалинъ церкви, древность которой по многимъ соображеніямъ должна восходить къ XIII вѣку, можетъ получаться достаточно оснований для заключенія, что именно къ этому пункту должны приурочиваться и вышеприведенныя указанія переписной книги 1500 г., т. е. что описанныя развалины представляютъ остатки именно стоявшей здѣсь церкви во имя Спаса Всемилостиваго, независимо отъ другой, болѣе поздней церкви во имя Спаса Нерукотвореннаго, находившейся гораздо южнѣе за р. Ладожкой, около церкви Св. Климента.

5. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. О существованіи ея встрѣчается, не совсѣмъ впрочемъ ясное, указаніе въ документахъ второй половины XVII в., именно въ одной памяти изъ Новгородскаго приказа 1683 г., о размѣрѣ оброка и пошлинъ съ рыбныхъ ловель на Волховѣ, въ которой подъ 1668 г. упоминается на Обонежской (правой) сторонѣ Волхова тonya Подмогилъе—«противъ Покрова Пресвятой Богородицы» ¹⁾. Tоня эта, по приведеннымъ уже выше соображеніямъ ²⁾, вѣроятно находилась въ сосѣдствѣ съ Николаевскимъ монастыремъ, но на противоположной сторонѣ Волхова, почему самую церковь, какъ стоящую противъ тони, слѣдуетъ отыскивать на южной сторонѣ Ладожскаго посада, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ-же монастыремъ. Косвенные слѣды существованія храма встрѣчаются и въ другихъ документахъ того-же времени, напр. въ межевыхъ и отводныхъ книгахъ Староладожскаго Ивановскаго монастыря 1688 г. и въ отказной записи Васильевскому монастырю 1689 г. ³⁾, упоминается (въ числѣ понятыхъ взятыхъ изъ Ладogi)—«покровскій попъ Прокофій Елисѣевъ»; наконецъ можно прибавить, что быть можетъ о той-же церкви говорится и въ переписной книгѣ 1500 г., такъ какъ исчисляя дворы на «церковныхъ мѣстахъ», книга упоминаетъ дворы — «Богородицкихъ поземщиковъ въ Богородицкомъ концѣ», причемъ здѣсь едва-ли можно подразумѣвать поземщиковъ Успенскаго монастыря, ибо церковныя и монастырскія мѣста въ ней видимо различаются и въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о монастырѣ, а о церкви именно Покрова Богородицы. Если это вѣрно, то послѣдняя, слѣдовательно, существовала уже

¹⁾ Документы Новгородск. Казен. Палаты въ Археограф. Комиссіи, № 415.

²⁾ См. стр. 34, вын. 4.

³⁾ Документы Новгородск. Духовной Консисторіи, въ Археографической Комиссіи.

в XV столѣтіи, хотя нельзя не замѣтить, что въ перенесенной книгѣ Ладогн 1646 г. о ней ничего не упоминается.

6. Церковь Св. Димитрія Селунскаго, одна изъ позднѣйшихъ, сооруженная вѣроятно не ранѣе XVII ст., существуетъ понынѣ, но въ перестроенномъ и разрушенномъ видѣ въ каменномъ городишѣ Ладогн. почему немногіе извѣстныя о ней свѣдѣнія принадлежатъ къ описанію послѣднего (см. и II).

Такимъ образомъ, изъ восьми церквей въ древней Ладогѣ четыре находились въ южной части посада и четыре въ сѣверной, кромѣ еще церкви Георгіевской въ самомъ городишѣ (обращенной уже въ первой половинѣ XV стол. въ монастырь и потому здѣсь опускаемой). Но независимо отъ нихъ, въ послѣднее время найдены еще развалины девятаго храма, лежащія на лѣвомъ берегу р. Ладожки, немного ниже впаденія въ послѣднюю р. Заклюки, и расположенныя близъ довольно крутаго обрыва, саженьяхъ въ 60 отъ уровня рѣчки. Здѣсь также была курганообразная насыпь, на которой стояла деревянная развалившаяся часовенка, а по изслѣдованіи самой насыпи, состоявшей изъ мусора и щебенки, подъ ней также обнаружались остатки фундамента и стѣнъ небольшой церкви, бывшей построенною изъ кирпича съ плитою, съ тремя абсидами, притворомъ, хорами и четырьмя внутренними столбами; въ алтарной части сохранился каменный престолъ, полукруглое сопрестоліе съ горнимъ мѣстомъ и на полу найдены обломки росписной штукатурки, мѣстами уцѣлѣвшей кое гдѣ и на остаткахъ стѣнъ храма. На нѣкоторыхъ ея фрагментахъ сохранились отрывки вырѣзанныхъ надписей, напр.: «пр. (еcтaвнcя) (кня) жнѣ ѿ (ль) апа на сѣго...» и др. ¹⁾.

Такимъ образомъ, развалины эти представляютъ въ общемъ извѣстную аналогію, съ остатками другаго храма, уже описанными выше (см. стр. 47), что можетъ говорить также и за ихъ значительную древность, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ-же имѣютъ и свои особенности, заключающіяся, кромѣ разности въ нѣкоторыхъ деталяхъ, еще и въ томъ, что здѣсь алтарная часть церкви обращена не на Востокъ, а на ЮВ., и притворъ расположенъ у СВ. стѣны, т. е. сбоку, а не противъ алтаря, какъ въ остаткахъ перваго храма. Что-же касается того, во чье имя могла быть сооружена эта вновь открытая церковь, то о ней не сохранилось никакихъ извѣстій, или хотя бы правдоподобныхъ преданій ²⁾ и.

¹⁾ Подробности см. примѣч. 4 и табл. LX.

Табл. LX.

²⁾ Кромѣ ни на чемъ не основанныхъ показаній нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ обывателей, будто бы здѣсь находилась церковь Св. Климента. Но это совершенно невѣрно, ибо послѣдняя, какъ ясно свидѣлствуется документальными источниками, стояла совсѣмъ не здѣсь, а въ «Земляномъ городѣ», т. е. на другой сторонѣ р. Ладожки, южнѣе нынѣшняго каменнаго городища.

по своему топографическому положенію, она не можетъ быть приурочена ни къ одной изъ перечисленныхъ выше церквей, указываемыхъ древними документами.

Кромѣ изложенныхъ свѣдѣній о древне-ладожскихъ православныхъ храмахъ, сохранилось еще указаніе на существованіе здѣсь-же и храмовъ иновѣрческихъ, т. е. католическихъ, какъ то было и въ самомъ Новгородѣ. Не говоря уже о сомнительномъ извѣстіи, передаваемомъ древними сагами, что католическая церковь въ Ладогѣ была построена, проживавшими въ послѣдней нѣмецкими купцами, еще въ 1060 г. ¹⁾, сохранились достовѣрные указанія о томъ-же въ XIII вѣкѣ, именно въ найденномъ въ Любскомъ архивѣ проектъ торговаго договора Новгорода съ Готландомъ (между 1209—1270 гг.), въ одномъ изъ пунктовъ котораго говорится, что — «церкви св. Петра и св. Николая въ Ладогѣ пользуются, какъ и въ старину, особыми отведенными имъ лугами» ²⁾. Такимъ образомъ изъ словъ проекта ясно видно, что церковь св. Николая (по всей вѣроятности готландская) была именно въ Ладогѣ, но здѣсь-ли также находилась и первая, или же рѣчь идетъ о церкви св. Петра въ Новгородѣ, — можно думать различно, смотря по тому, относить-ли указаніе на Ладогу къ нимъ обѣмъ, или только непосредственно къ одной церкви св. Николая. Повидимому, правильнѣе принять именно послѣднее, въ виду фактического существованія церкви св. Петра въ Новгородѣ ³⁾, и такъ какъ договоръ заключался непосредственно съ новгородцами, то о ней и упомянуто безъ всякихъ прочихъ объясненій, а о св. Николаѣ прибавлено, что она именно въ Ладогѣ ⁴⁾.

¹⁾ И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ, стр. 1.

²⁾ Карамзинъ: Ист. госуд. рос., III, примѣч. 244 (изд. 1818 г.).

³⁾ Такъ, это видно изъ разныхъ мѣстъ новгородской скры:—«Никто не имѣетъ права выносить изъ церкви Св. Петра сію скру печатями утвержденную, но ее должно списывать для русскихъ и нѣмцевъ»; или въ другомъ мѣстѣ говорится, что скра должна быть ежегодно прочитываема во дворѣ новгородскомъ два раза, и т. д. (И. Андреевскій: Договоръ Новгор. съ Готландомъ, 90, 91). Очевидно, что подлинникъ скры долженъ былъ храниться въ церкви Св. Петра именно въ Новгородѣ.

⁴⁾ Карамзинъ (Ист. госуд. рос., III, 208, изд. 1818 г.) также не считаетъ церковь Св. Петра за ладожскую; по его словамъ—«Готландцы имѣли въ Новгородѣ божницу Св. Олава, нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами». Л. Плошинскій въ своей передачѣ текста того-же проекта договора на русскомъ языкѣ (Городское состояніе русск. народа, стр. 58) придерживается двусмысленнаго образа выраженія самаго проекта. И. Андреевскій (Договоръ Новгорода съ Готл., 29) по тому-же поводу выражается: «Церкви нѣмекія въ Ладогѣ пользуются...» и пр., слѣдов. приурочиваетъ обѣ къ Ладогѣ. Къ сожалѣнію, въ самомъ договорѣ, формально заключенномъ въ 1270 году, статья о лугахъ редактирована въ данномъ отношеніи еще темнѣе, ибо просто говорится, что—«луга, которыми нѣмцы или готландцы владѣютъ, должны имъ принадлежать въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявляютъ» (ibid.).

Изъ того-же проекта договора видно, что католическая церковь въ Ладогѣ существовала еще значительно раньше, такъ какъ въ немъ упоминаются старые церковные дѣла: что-же касается ее мѣстополюженія, то можно думать, что она находилась близъ той-же Варяжской улицы, на которую указываетъ переписная книга 1500 г. (см. стр. 39), тамъ, гдѣ долженъ быть группироваться варяжскій элементъ Ладогн.

Относительно католическихъ монастырей Ладогн сообщается, что въ время основанія большинства ихъ точныхъ данныхъ не сохранилось, кромѣ Іоанновскаго и Георгіевскаго, но и о послѣднемъ лѣтописное свидѣтельство касается собственно основанія монастырскаго общежитія при храмѣ св. Георгія, уже задолго ранѣ существовавшемъ, хотя также неизвѣстно когда построенъ. Тѣмъ не менѣе, о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются историческія извѣстія, восходящія къ XV и даже къ началу XIV стол. и въ этомъ отношеніи древнѣйшимъ является именно монастырь Іоанновскій.

I. Монастырь во имя Іоанна Предтечи, нынѣ приходская церковь староладожскаго Николаевскаго монастыря, стоящая на лѣвомъ берегу Волхова, въ полуверстѣ ниже монастыря Успенскаго, на возвышенности, извѣстной уже въ XIV вѣкѣ подъ названіемъ «Малышево» (въ 1604 г.—«Малышева гора»). Начальники обители связываются съ именемъ новгородскаго архіепископа Климента (1276—1299 г.), на основаніи бывшаго въ этой церкви синодика 1734 г., въ которомъ Климентъ наименованъ однимъ изъ ея создателей ¹⁾, во всякомъ случаѣ монастырь несомнѣнно существовалъ уже въ началѣ XIV стол., такъ какъ въ Синодальной библіотекѣ хранится памятникъ этого времени—Трїодъ, писанный для Іоанновскаго монастыря въ 1311 году ²⁾. По переписной книгѣ 1500 г. ³⁾ за нимъ числился земельный надѣлъ: въ Городенскомъ погостѣ по старому письму «Ивана святого изъ Ладогн волостка», состоявшая изъ 14 деревень

¹⁾ Историко-стат. свѣд. о С.-Петерб. епархіи, вып. II, 104; нынѣ синодикъ находится въ библіотекѣ Николаевскаго монастыря: въ немъ послѣ именъ царей, патріарховъ и др., говорится «Блаженныхъ создателей святыхъ обители сія—преосвященнаго архіепископа Климента новгородскаго, Іоанна и Маріи» (игум. Іоаннъ: Ист.-стат. описаніе староладожск. Николаевскаго монастыря, 1865 г., стр. 37). О Климентѣ упоминается и въ писевой книгѣ 1583 г., что принадлежавшую обители тону Ляхово на Волховѣ, монастырь держитъ по грамотѣ данной тѣмъ-же архіепископомъ Климентомъ (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 506: Выпись 1686 г. на земли и угоды Іоанновск. монастыря).

²⁾ Извѣстіе объ этомъ, любезно указанное намъ графомъ Н. С. Лавинскимъ, находится въ Описаніи рукописей Синод. библіотеки, составлен. архимандритомъ Саввою, гдѣ подъ № 896 (стр. 261) значится писанная уставомъ на пергаментѣ «Трїодъ велика, писана въ 1311 году дьякомъ Сергіемъ въ Ладогѣ въ монастырѣ на Малышево».

³⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

(въ которыхъ, однако, числилось всего 17 дворовъ) и $\frac{1}{2}$ тони на Волховѣ «противу Любшина омуту» ¹⁾. Въ переписной книгѣ Вотской пятины 1646 г. упоминается—«На посадѣ на Малышевѣ горѣ монастырь Ивана Предтечи, а въ немъ церковь Вознесенья Господне, другой храмъ Ивана Предтечи, деревяныя клѣтки, образы и книги и ризы и колокола строенье монастырское» ²⁾, по другимъ-же свѣдѣніямъ въ немъ въ 1628 г. еще состояло пять монашескихъ келій и забранная тыномъ ограда ³⁾, а въ 1695 г. игуменомъ сооруженъ уже каменный храмъ во имя Іоанна Предтечи ⁴⁾. Наконецъ въ 1763 г. въ монастырѣ показаны каменные церкви Рождества Іоанна Предтечи и св. мученицы Параскевы, каменная-же колокольня съ пятью колоколами ⁵⁾ и деревянные — ограда и кельи ⁶⁾.

Въ 1649 г. Іоанновскому монастырю была вновь пожалована грамота, подтверждавшая прежнія его земельныя права и другія льготы, данныя грамотами 1618 и 1624 гг., какъ-то объ освобожденіи крестьянъ на принадлежавшихъ монастырю 50 обжахъ земли отъ всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, кромѣ ямскихъ и стрѣлеческихъ хлѣбныхъ запасовъ и городского или острожного дѣла; о правѣ собственнаго монастырскаго суда надъ его крестьянами, кромѣ душегубства и татбы съ поличнымъ; объ освобожденіи отъ постоя и взиманія подводъ, а также городского платежа («Ладощины») съ рыбныхъ ловель; о безплатномъ проѣздѣ въ Москву и проч., и та-же грамота еще разъ подтверждена въ 1685 г. ⁷⁾. Наконецъ, имѣется извѣстіе, что въ декабрѣ 1685 г. въ Іоанновскомъ монастырѣ состояло братіи съ строителемъ всего лишь три человѣка и что по челобитью монаховъ Зеленецкой обители онѣ были приписаны

¹⁾ Усадьба Любша, принадлежащая В. М. Максимова, существуетъ и по нынѣ, на правомъ берегу Волхова, ниже Ладоги. Тоня «Омутница» показана въ одной грамотѣ Іоанновскому монастырю 1618 г.—подъ сел. Велешю (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 161).

²⁾ Моск. арх. Мин. Юстиціи, № 984, л. 185. По свѣдѣніямъ 1569 г. монастырю принадлежала еще церковь Флора и Лавра на р. Кабонѣ (Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком.: Выпись Іоанновскому монастырю 1682 г.

³⁾ Арх. Амвросій: Исторія рос. іерархіи, т. IV, 313.

⁴⁾ Извѣстія Церковно-археол. общества при Кіевской Духовной академіи, 1883 г. вып. VI, 28.

⁵⁾ Одинъ изъ колоколовъ, существующій и понынѣ, замѣчательнъ по вылитой на немъ надписи: «Лѣта 7112 (1604 г.) къ Вознесенью Господню и Рождеству Іоанна Предтечи на Малышеву гору въ Ладогу слито два колокола при благовѣрномъ господарѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ всея Руси и его благовѣрной царицѣ великой княгинѣ Маріи и при ихъ благородны чадѣ и царевичѣ Ѳеодорѣ, царевичѣ Ксеніи и при освященномъ митрополитѣ Исидорѣ великого Новаграда и при настоящемъ игуменѣ Діонисіи».

⁶⁾ Арх. Амвросій: Исторія рос. іерархіи, т. IV, 313.

⁷⁾ Грамота Іоанновскому монастырю 1649 г. (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Ком., № 161).

къ послѣдней ¹⁾, за которой повидимому и числился до окончательнаго своего упраздненія въ 1764 году ²⁾.

2. Георгіевскій Застѣнный, нынѣ приходская церковь во имя св. Георгія, находящаяся внутри каменнаго городища; храмъ представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковнаго зодчества въ Россіи, относимый къ XI—XII стол. (табл. L—LV), но уже съ половины XV вѣка обращенный въ Табл. L—LV. монастырь и получившій, въ зависимости отъ своего расположенія внутри каменной крѣпости, названіе «Застѣннаго», или «за стѣною», каковое ему присвоиваетъ уже и переписная книга 1500 года. Немногія сохранившіяся о немъ свѣдѣнія помѣщены въ описаніи самаго городища (см. ч. II).

3. Монастырь во имя Успенія Богородицы, существующій по настоящее время, находится на сѣверномъ концѣ нынѣшняго селенія Старой Ладogi, на берегу Волхова, но о времени его возникновенія не сохранилось никакихъ извѣстій ³⁾. Тѣмъ не менѣе существованіе его уже въ XV вѣкѣ, а вѣроятно даже и ранѣе, не подлежитъ сомнѣнію, какъ въ виду упоминанія о немъ въ переписной книгѣ 1500 г., такъ и того, что по имени его носилъ даже свое названіе одинъ изъ пяти «концовъ» древней Ладogi, еще во времена новгородской самостоятельности, именно конецъ Богородицкой. Въ переписной книгѣ онъ упоминается подъ названіемъ «монастыря Пречистыя изъ Ладogi» ⁴⁾, а иногда при топографическихъ указаніяхъ (напр. по случаю отвода новыхъ дворовъ) о немъ говорится еще короче—«къ Пречистой» ⁵⁾. Въ писцовой книгѣ 1569 г. показанъ—«въ Ладогѣ на посадѣ монастырь дѣвичъ Успенія Пресвятой Богородицы» ⁶⁾, въ писцовой же книгѣ Обонежской пятины 1583 г. онъ названъ просто

¹⁾ Грамота Іоанновскому монастырю (тамъ-же №№ 495 и 497).

²⁾ Изъ игуменовъ и строителей Іоанновскаго монастыря, въ разныхъ изданіяхъ и документахъ упоминаются слѣдующіе: Въ 1583 г. игуменъ Даніилъ; въ 1604—Діонисій; въ 1624—строитель Варсонофій; въ 1628 игуменъ Іона, въ 1642 и 1646—Пименъ; въ 1649 строитель Евстратій; въ 1651 игуменъ Пименъ, въ 1655—Герасимъ, въ 1668—Феодоритъ, въ 1672 Невфалимъ, въ 1673 и 1674—Оеодосій, въ 1674—Феодоритъ, въ 1676 и 1678—Іосифъ; въ 1680, 1682, 1685 и 1692—Антоній; въ 1695—Лаврентій; въ 1697 строитель Ефремъ, въ 1701—Оеодосій, въ 1720—Іосифъ Соколовъ и въ 1734—Михаилъ.

³⁾ Въ описаніи монастыря, изд. въ 1865 г., высказывается совершенно неосновательное заключеніе о возникновеніи Успенскаго монастыря уже въ половинѣ XII вѣка, что съ достаточной убѣдительностью и опровергнуто въ другомъ описаніи того-же монастыря 1871 г. Заключеніе явилось результатомъ совершенно произвольнаго толкованія лѣтописнаго извѣстія, о построеніи въ 1153 г. другаго Успенскаго монастыря, но не въ Ладогѣ, а близъ Новгорода.

⁴⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

⁵⁾ См. прилож. I.

⁶⁾ Выпись Успенскому монастырю 1684 г. (Документы Новгородск. Казенной Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 425).

Богородицкимъ¹⁾, такъ что неточность названій можетъ давать поводъ смѣшивать его съ существовавшей въ Ладогѣ церковью во имя Покрова Богородицы (см. стр. 48).

Монастырь, по переписной книгѣ 1500 г., имѣлъ земельныя надѣлы, часть которыхъ (напр. пустошь Горка) находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ древнимъ посадомъ ладожскимъ, а позже нѣкоторые участки лежали даже въ самомъ посадѣ, какъ напр. монастырскіе огороды и амбары, упоминаемые писцовой книгой 1569 г., и двѣ полянки «у городской земляной стѣны» (т. е. около нынѣшняго Землянаго городища), упоминаемыя въ 1618-мъ²⁾. Кроме того, монастырь былъ изъ числа ружныхъ, получая «по 70 чети ржи и овса, да по 10 рублевъ денегъ на годъ», какъ то видно изъ одной челобитной 1621 г., въ которой говорится, что—«жаловальную грамоту на монастырскую вотчину, по чему владѣть и денежную и хлѣбную ругу имать, во 125 (1617) году взяли нѣмецкіе люди, въ то время какъ имали Ладогу»³⁾, и въ свѣдѣніяхъ 1646 г. монастырь вмѣстѣ съ каменною церковью во имя Успенія Богородицы, съ образами, книгами, ризами и колоколами, значится какъ «строенье государево»⁴⁾. Въ новѣйшее время въ немъ сооруженъ еще каменный храмъ во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста (освященный въ 1862 г.), на мѣстѣ бывшей здѣсь часовни, съ которою связано преданіе о существовавшей на этомъ мѣстѣ въ древности церкви св. Симеона Богопріимца (см. стр. 42); что касается ограды, то первыя извѣстія о ней не восходятъ ранѣе начала XVIII стол., когда при Петрѣ Великомъ монастырь былъ окруженъ деревяннымъ полисадомъ, впоследствии замѣненнымъ деревянною рубленой стѣною, а еще позже (въ текущемъ столѣтіи)—каменною, при чемъ она получила и свое нынѣшнее очертаніе, значительно измѣненное сравнительно съ прежнимъ, главнымъ образомъ съ южной стороны, представлявшей ранѣе того ломанную линію, снаружи которой и находилась вышеупомянутая часовенка.

Въ виду значенія этого послѣдняго обстоятельства для вопроса о мѣстоположеніи древней Симеоновской церкви въ Ладогѣ, помѣщаемъ здѣсь копію съ стараго изображенія Успенскаго монастыря, до построенія въ немъ Крестовоздвиженской церкви и соотвѣтственнаго исправленія линіи ограды на южной сторонѣ его.

¹⁾ Выпись 1685 г. (Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком.)

²⁾ См. примѣч. 5 и табл. I.

³⁾ Дополненія къ акт. историч., IX, № 94.

⁴⁾ Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 984, л. 188).

Рис. 1. Видъ прѣдела города Успенскаго монастыря, со стороны Ладожскаго озера.

Въ исторической жизни монастыря бѣдственную эпоху составляетъ начало XVII столѣтія, въ которомъ онъ подвергся полному раззоренію и оставался запустѣлымъ до 1617 года, пока не былъ возстановленъ трудами и заботами строительницы его старицы Акилины. Въ царской грамотѣ 1621 г. новгородскому воеводѣ князю Мезенскому излагается, что—«въ прошломъ 125 (1617) году, какъ намъ нѣмецкіе люди Великій Новгородъ съ пригороды отдали, а они-де (монастырскія сестры) отъ нѣмецкаго разоренья скитались межъ дворъ и кормилися Христовымъ именемъ, и по нашему указу велѣли имъ въ тотъ монастырь прибѣгати и монастырь строити и сестеръ сбирати и вотчинною владѣть по прежнему. И она-де старица Акилина каменный храмъ покрыла и Божья милосердія образы и книги и всякое церковное и монастырское строенье устроила, собравъ вклады и сестеръ, и собрала въ тотъ монастырь 23 старицы». Далѣе говорится, что въ виду утраты при раззореніи монастыря прежней жалованной и ружной грамоты, старица Акилина подала въ 1621 г. челобитье о выдачѣ новой, что и повелѣвается исполнить, со включеніемъ земель и угодій пожалованныхъ монастырю также въ 1619 году ¹⁾.

Кромѣ того, въ лѣтописи Успенскаго монастыря еще особо выдаются послѣдніе восемь лѣтъ царствованія Петра Великаго, такъ какъ въ теченіи ихъ эта обитель служила мѣстомъ заточенія инокини Елены, бывшей царицы Евдокии Ѳедоровны Лопухиной. Время пребыванія ея здѣсь (съ 1718 г. до

¹⁾ Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 57. Также Дополн. къ акт. истор. т. IX, № 94 и Русск. историч. библіотека т. II, № 126.

кончины Петра I) сопровождалось большими стѣсненіями: отъ монастыря были отчислены всѣ приходскіе дворы и въ немъ поселенъ военный караулъ; запрещенъ входъ бывшимъ прихожанамъ, пріостановлено даже постриженіе новыхъ монахинь и самый монастырь для разобщенія съ вѣншимъ міромъ окруженъ двойнымъ деревяннымъ полисадомъ ¹⁾. По преданію инокиня Елена жила здѣсь въ особой, нынѣ уже разобранной кельѣ, которую она сама обсадила липами, частью существовавшими еще въ 1849 г., ²⁾ и, какъ говорятъ, въ монастырѣ сохраняется въ частныхъ рукахъ икона Божіей Матери (именуемая Треручицей)—наслѣдіе отъ узницы, полученное когда-то ея бывшими келейницами ³⁾.

4. Монастырь во имя Рождества Христова, извѣстенъ уже съ XV в., но лишь по упоминанію о немъ въ древнихъ актахъ. Такъ въ переписной книгѣ 1500 г., въ числѣ монастырскихъ деревень Ильинскаго погоста показана «Рождества Христова изъ Ладуги съ посада деревня Бышева на Заклокѣ» ⁴⁾, а въ Никольскомъ концѣ самой Ладуги въ числѣ поземщиковъ на монастырскихъ мѣстахъ — «дворъ попъ Осѣй Рождественской» ⁵⁾. Тотъ-же монастырь упоминается въ писцовыхъ книгахъ 1569 и 1583 г.; въ послѣдней указываются въ Никольскомъ погостѣ на Сяси «церковныя земли Рождества Христова что въ Ладогѣ» и въ обѣихъ онъ названъ дѣвичимъ ⁶⁾. О мѣстоположеніи монастыря можно догадываться по присвоенному ему нѣкоторыми документами добавочному названію «съ Горицъ» (см. примѣч. 5), т. е. стоявшій на горахъ ⁷⁾, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ находился въ южной

¹⁾ Староладожскій Успенскій монастырь, 1871 г., стр. 14, 15.

²⁾ А. Терещенко: О древностяхъ въ Ст. Ладогѣ (С.-Петербург. Губернск. Вѣдомости 1849 г., № 22).

³⁾ Изъ игуменій и строительницъ Успенск. монастыря, упоминаются въ разныхъ матеріалахъ слѣдующія: въ 1617 и 1621 г. строительница Акилина; въ 1628—Марѳа, въ 1638—Параскева; въ 1648 игуменья Анисія; въ 1664 г. строительница Феодора; въ 1669 игуменья Іуліана; между 1650 и 1675 Іулита и Зинаида; въ 1675 и 1677 г. игуменья Мареміана, въ 1678—Параскева; въ 1682 строительница Каптелина, въ 1684—Феодора, въ 1689—Акилина, въ 1693 и 1696—Александра; въ 1703 г. игуменья Іуліана; въ 1727—1739 г. игуменья Сусанна; въ 1740—1749 г. игуменья Александра (Обернибѣсова), въ 1750—1753—Февронія, въ 1754—Марѳа, въ 1761—Евоимія, въ 1775—Александра (Шубина); въ 1779—1822 игуменья Евпраксія, въ 1822—Поликсенія; въ 1829—1854—Февронія (Анфимова); въ 1854—1856 г. игуменья Маврикія (Хитрово) и съ 1856 года—Діонисія.

⁴⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI. (См. также табл. I).

⁵⁾ См. прилож. I.

⁶⁾ Выписи 1685 и 1684 г. на церковныя и монастырскія земли (Документы Новгород. Губернск. Правленія и Казен. Палаты, въ Археогр. Комиссіи).

⁷⁾ Въ Исторіи рос. іерархіи (ч. III, 746, 749) названіе «Горицкій» приурочивается также староладожскому Успенскому монастырю, но видимо ошибочно, такъ какъ въ имѣющихся документахъ упомянутое наименованіе исключительно присвоивается монастырю Рождественскому.

половинѣ древней Ладогѣ (т. е. по южную сторону р. Ладожки), гдѣ-то въ сѣверѣ съ монастыремъ Николаевскимъ, такъ какъ здѣсь еще при Генеральномъ межеваніи 1778—79 гг. существовали двѣ почти смежныхъ пустоши «Горицы»¹⁾.

Рождественскій монастырь вѣроятно подвергся раззоренію еще въ началѣ XVII ст. и, окончательно запустѣвъ съ тѣхъ поръ, болѣе не возобновлялся, по крайней мѣрѣ уже съ 1618 г. онъ показывается пустымъ и земли его перешли во владѣніе монастыря Успенскаго (см. прим. 5).

5. Монастырь во имя святителя Николая Чудотворца, существующій по настоящее время, расположенъ на лѣвомъ берегу Волхова, въ полувёрстѣ выше нынѣшняго селенія Старой Ладогѣ, или южнѣе каменнаго городища послѣдней. Время основанія обители неизвѣстно, но судя по упоминанію о ней въ житіи св. Николая Качанова²⁾, существованіе ея восходитъ уже къ половинѣ XIV ст.; за значительную древность монастыря можетъ говорить и то, что по его имени носилъ названіе «Никольскій конецъ» древней Ладогѣ, во всякомъ же случаѣ документальныя свидѣтельства о немъ имѣются отъ XV вѣка, ибо «Никольскій монастырь изъ Ладогѣ» неоднократно упоминается въ переписной книгѣ 1500 г.

Въ XVI вѣкѣ онъ составлялъ южную оконечность ладожскаго посада, примыкая къ Никольской слободѣ, вѣроятно бывшей здѣсь уже и въ то время, по крайней мѣрѣ упоминаемой въ половинѣ XVII ст., но неизвѣстно, впрочемъ, принадлежавшей-ли самому монастырю, или только называвшейся по его имени, земельныя же надѣлы послѣдняго находились, какъ видно, въ сторонѣ отъ самаго посада и изъ нихъ ближайшіе лежали южнѣе, въ смежномъ Ильинскомъ погостѣ, какъ напр. упоминаемая уже въ 1500 г. деревня Извозъ, дер. «Подъ Рябиною» (позднѣйшее Подребенъе) и другія³⁾ или дер. Кикино на р. Заклюкъ, упоминаемая въ 1646-мъ, изъ болѣе-же отдаленныхъ — дер. Монастырь и

¹⁾ См. табл. I.

Игуменомъ старолдожскаго Николаевскаго монастыря Аполлосомъ (1846—63 г.) былъ приобретенъ участокъ земли, находившійся здѣсь по близости на сѣвѣ возвышенности; участокъ этотъ весьма близко совпадаетъ съ мѣстоположеніемъ одной изъ упомянутыхъ выше пустошей Горицъ и, быть можетъ, именно здѣсь слѣдуетъ отыскивать мѣсто бывшаго Рождественскаго монастыря. Здѣсь-же нѣсколько лѣтъ тому назадъ была начата разработка плитныхъ залежей (позже остановленная), причемъ, по рассказамъ, были находимы обломки разныхъ предметовъ, какъ бы церковной обстановки, и много человѣческихъ костей.

²⁾ Въ житіи упоминается, что еще при жизни послѣдняго получилъ исцѣленіе какой-то пономарь того-же монастыря (Старолдожскій Никольскій монастырь, 1862 г., стр. 7).

³⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI. Также переписная книга Вотской пятины 1678 г. (Моск. Арх. Мин. Юст., № 8571, л. 47).

Городенскомъ погостѣ (см. прим. 6) и др. Кромѣ того, Николаевскому монастырю въ 1646 г. принадлежала въ Ильинскомъ-же погостѣ на Волховѣ деревянная церковь во имя Пророка Иліи, съ землею и нѣсколькими дворами ¹⁾.

Непосредственно въ самомъ монастырѣ въ древности находились двѣ церкви: одна изъ нихъ, во имя Николая Чудотворца, вѣроятно существовала еще задолго до времени составленія переписной книги 1500 г., но уже въ свѣдѣніяхъ 1628 г. значится разсыпавшеюся ²⁾, почему въ документахъ нѣсколько позднѣйшихъ указывается въ монастырѣ только «церковь каменная во имя Ивана Златоуста, образы и книги и ризы и колоколы строенье монастырское» ³⁾; неизвѣстно, однако, когда построенная и въ 1815 г. также окончательно разобранная по ветхости. Судя по существовавшимъ въ монастырѣ древнимъ антиминсамъ Никольской церкви 1541, 1566, 1575 и 1668 г. ⁴⁾, слѣдуетъ заключать, что послѣдняя была возобновлена въ періодъ 1646—1668 г., что же касается нынѣшней церкви Златоустовской, то сооруженіе ея относится уже къ самому новѣйшему времени.

Во время своего существованія Николаевскій монастырь пережилъ двѣ тяжелыхъ эпохъ, подвергнувшись раззоренію въ началѣ XVII ст. и полному упадку—во второй половинѣ XVIII. Въ 1622 г. строитель монастыря черныи попъ Θεодосій билъ челомъ государю, что—«монастырь Николы Чудотворца въ Ладогѣ на посадѣ отъ нѣмецкихъ людей стоитъ разоренъ до основанья, а вотчинки де за тѣмъ монастыремъ въ Вотской да въ Обонежской пятинѣ 48 обожъ съ полуобожею и та де вотчинка по государевѣ грамотѣ дана на оброкъ дьяку Мих. Милославскому, а онъ де попъ Θεодосей скитается нынѣ межъ дворъ» ⁵⁾. Въ 1649 г. келарь монастыря подалъ вторично челобитье, что во время того-же нѣмецкаго раззоренья монастырь утратилъ свою прежнюю жалованную грамоту на вотчину и на рыбныя ловли, почему просилъ о возвращеніи таковыхъ ⁶⁾, вслѣдствіи чего монастырь по обѣимъ чело-

¹⁾ Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 184).

²⁾ Игуменъ Іоаннъ: Ист.—стат. описаніе Староладожск. Николаевского монастыря, 1865.

³⁾ Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 984, л. 183). Въ документахъ Николаевского монастыря существуетъ однако договорная запись 1678 г., о постройкѣ въ монастырѣ каменной церкви Іоанна Златоуста, почему можно думать, что храмъ послѣ 1646 г. перестраивался, быть можетъ, по причинѣ обветшалости.

⁴⁾ Игум. Іоаннъ: Ист.—стат. Опис. Старол. Никол. монастыря, 1865 г.

⁵⁾ Память князя Мезецкаго объ отводѣ пустошей Николаевскому монастырю, 1622 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 66).

⁶⁾ Грамота новгор. воеводѣ князю Хилкову, 1649 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. ком., № 159).

битнымъ былъ восстановленъ въ своихъ правахъ. Темъ не менѣе, по свѣдѣніямъ 1771 г., Николаевская обитель находилась снова въ самомъ плачевномъ состояніи: Никольская церковь вся растрескалась и частью даже обвалилась, въ Златоустовской упала часть сводовъ и стѣны дали трещины, братскія кельи сгнили и развалились ¹⁾, вслѣдствіе чего въ 1772 г. послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи обители и о переводѣ братіи въ Троицкую Зеленецкую пустынь. Однако, въ 1797 г., благодаря просьбамъ ладожскихъ прихожанъ, продолжительное запустѣніе Николаевского монастыря наконецъ окончилось и онъ былъ восстановленъ вторично ²⁾.

Къ числу тѣхъ-же описываемыхъ монастырей можетъ быть еще причисленъ Васильевскій, хотя и расположенный на противоположномъ (правомъ) берегу Волхова, но находящійся въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ Ладогой, отъ которой онъ отдѣляется только рѣкою и въ древнихъ документахъ иногда называемый Ладожскимъ.

6. Монастырь во имя св. Василия Кесарійскаго, нынѣ церковь за Волховомъ противъ Ладogi, судя по имѣвшейся въ немъ въ 1555 г. жалованной грамотѣ объ освобожденіи отъ платежа корма ладожскому намѣстнику ³⁾, существовалъ уже въ началѣ XVI в. и въ писцовой книгѣ 1582—83 г. о немъ значится, что—«стоитъ на царя и великаго князя землѣ, напущенъ въ перекѣ, не дано» ⁴⁾. Изъ другой жалованной грамоты 1620 г. ⁵⁾ видно, однако, что уже при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ монастырь владѣлъ 15 обжами земли съ деревнями и, въ числѣ ближайшихъ къ Ладогѣ угодій, тремя рыбными тонями: подъ Побѣдищемъ, подъ Извозомъ и противъ самой Ладogi ⁶⁾. По свѣдѣніямъ того-же года въ немъ находилась церковь во имя Благовѣщенія Богородицы и другая—Василія Кесарійскаго, причемъ показаны принадлежащими монастырю двѣ сосѣднихъ

¹⁾ Донесеніе преосвящ. Гавріила (Старолад. Николаевскій монастырь, 1862 г.).

²⁾ Изъ числа настоятелей монастыря, длинные перечни которыхъ (во многомъ, однако, между собою несогласные) помѣщены въ двухъ изданныхъ описаніяхъ того-же монастыря 1862 и 1865 г., и въ «Спискѣ іерарховъ монастырей» П. Строева, 1877 г., встрѣчаются въ документальныхъ источникахъ слѣдующіе: Въ 1622 г. Строитель Ѳеодосій, въ 1646 игуменъ Ферапонтъ, въ 1649 келарь Іона, въ 1660 и 1661 игуменъ Феодоритъ, въ 1674 и 1678—Евоимій, въ 1700—Макарій, въ 1701—Варлаамъ, въ 1707 архимандритъ Боголѣпъ, въ 1720 строитель Гавріиль, въ 1743 строитель Митрофанъ и въ 1770 архимандритъ Веняминъ.

³⁾ Дополн. акт. истор., т. I, № 54.

⁴⁾ К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ Новгородск. (Зап. Рус. Географ. Общ., кн. VIII, прилож. VI, 143).

⁵⁾ Акты историч. т. III, № 114; также 1624 г.—т. III, № 129 и 1627 г.—т. III, № 146.

⁶⁾ «Побѣдище»—урочище на берегу Волхова, рядомъ съ Николаевскимъ монастыремъ съ южной стороны. Извозъ—селеніе южнѣе того-же монастыря.

деревни Чернавино, Лопино и др., но о Васильевской церкви уже въ то время говорится, что ее разорили нѣмецкіе люди и храмъ осыпался ¹⁾; впрочемъ, объ церкви упоминаются существующими еще въ 1647 г., но въ 1666 послѣдняя окончательно уже развалилась, а церковь Благовѣщенская значится деревянною «на подошвѣ каменной» ²⁾. Вновь выстроенъ каменный храмъ Василія Кесарійскаго лишь въ 1686 г., на частныя средства, именно Т. И. Бестужевымъ, и тогда-же освященъ по грамотѣ митрополита Корнилія ³⁾, что же касается деревянной церкви во имя Благовѣщенія, то по нѣкоторымъ указаніямъ она позже (неизвѣстно, впрочемъ, когда) была перевезена на Валаамъ, гдѣ однако подверглась существеннымъ измѣненіямъ.

Монастырь, какъ видно, пережилъ не мало тяжелыхъ для него дней; о Васильевской его церкви уже въ 1582—83 г. говорится, что она стоитъ «безъ пѣнья» ⁴⁾, въ 1618 оставшіеся безъ пріюта валаамскіе монахи указывали въ своемъ челобитѣ, что «тотъ-де Васильевской монастырь стоитъ пустъ» и просили, чтобы—«тѣмъ монастыремъ и вотчиною и рыбными ловлями велѣно-бы имъ владѣть, какъ владѣлъ того монастыря игумень и братья» ⁵⁾. Вслѣдствіе этого челобитья въ дозорной книгѣ 1620 г. уже значится, что на томъ монастырѣ келья, а въ ней живутъ старцы и слуги Валаамскаго монастыря строитель Сильвестръ (всего 8 человекъ)—«ставятся послѣ войны нѣмецкихъ людей вновь» ⁶⁾; тѣмъ не менѣе, положеніе обителіи было трудно, такъ какъ въ новомъ своемъ челобитѣ братія указывала, что «въ томъ-де монастырѣ служатъ церковную службу съ

¹⁾ Выпись о вотчинахъ Антонова монастыря, 1620 г. (Документы Новгор. Духовной консисторіи въ Археогр. Комиссіи).

²⁾ Въ современномъ (1666 г.) описаніи монастыря о немъ передается: «Въ Васильевскомъ монастырѣ церковь бывала каменная, а нынѣ развалилась до основанья, во имя Василія Кесарейскаго, другая церковь деревянная на подошвѣ каменной, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, съ трапезою и съ келарскою, да колокольня деревянная на 8 столбахъ, а на ней 6 колоколовъ среднихъ и меньшихъ, да колоколъ у трапезы, двѣ кельи новыхъ, трапеза да хлѣбня на взмоствѣ, а промежъ ихъ сѣни новые-жъ, да три кельи старыхъ, двѣ житницы... А кругъ монастыря ограды деревянныя больше половины дѣлана заборомъ въ столбахъ, ветха, а достальное мѣсто изгородью загорожено. Въ томъ-же монастырѣ строитель да три старца, да слугъ и служебниковъ 9 человекъ».

(Рус. историч. библіотека, т. V, № 221: Досмотръ зданій и проч. Васильевскаго монастыря, 1666 г.).

³⁾ Документы Новгор. Духовн. консисторіи въ Археогр. Комиссіи.

⁴⁾ К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ Новгор. (Зап. Рус. Геогр. общ., кн. VIII, прилож. VI, 143).

⁵⁾ Акты Археогр. Экспед., т. III, № 96.

⁶⁾ Выпись о вотчинахъ Антонова монастыря, 1620 г. (Документы Новгор. Духовн. консист. въ Археогр. Комиссіи).

лучиною и свѣчь-то и на свѣчи воску покупать имъ нѣчимъ» ¹⁾. Въ такомъ-же незавидномъ положеніи находился Васильевскій монастырь и позже, по крайнему мѣрѣ въ 1687 г. о немъ говорится, что «брагги въ томъ монастырѣ всего строитель да два человека старцовъ и божественной службы за пустотою по многія времена въ томъ монастырѣ не бываеъ и монастырское строеніе все опустѣло безъ остатку». почему въ томъ-же году послѣдовало распоряженіе о припискѣ его къ Троицкой и Зеленецкой пустыни ²⁾, при которой онъ и состоялъ до окончательнаго своего въ 1764 г. упраздненія ³⁾.

Изъ приведеннаго обзора ладожскихъ храмовъ можно видѣть, что въ древней Ладогѣ отражался вообще характеръ всѣхъ сѣверныхъ городовъ тогдашней Руси, изобилловавшихъ множествомъ церквей. Въ ней, на сравнительно небольшой территоріи, насчитывалось вмѣстѣ съ монастырями до 15 православныхъ храмовъ, изъ которыхъ по крайнему мѣрѣ два (св. Климента и св. Георгія) восходятъ уже къ первымъ временамъ утвержденія въ новгородскомъ краѣ христіанства. Но бѣтъ сомнѣнія, и эти два храма не могутъ считаться первыми сооруженными въ Ладогѣ, такъ какъ оба были каменные; имъ конечно предшествовали болѣе простыя деревянныя постройки, о которыхъ извѣстія до насъ не дошли и которыхъ должно было быть нѣсколько. Въ виду неимѣнія ихъ внутренняго помѣщенія, такъ какъ новгородскія церкви вообще были малыхъ размѣровъ, чѣмъ обуславливалось и ихъ большое количество. Наконецъ можно прибавить, что по нѣкоторымъ указаніямъ каждый новгородскій пригородъ имѣлъ свою главную, или патрональную церковь, считавшуюся покровительницею послѣдняго, и таковою въ Ладогѣ былъ именно храмъ св. великомученика Георгія ⁴⁾.

Кромѣ перечисленныхъ сооружений характера религіознаго, весьма интереснымъ представляется вопросъ о томъ, существовали-ли въ древней Ладогѣ общественныя сооружения характера торгово-промышленнаго, подобныя тѣмъ, которыя, уже въ весьма раннее время будучи извѣстными въ Новгородѣ подъ названіями готландскаго и нѣмецкаго дворовъ, представляли мѣстныя факторіи

¹⁾ Выправка объ отдачѣ Валаамскаго монастыря деревни Пирозера, 1627 г. (Московск. арх. Мин. Иностр. Дѣла: Дѣла Приказныя, св. 23).

²⁾ Грамота изъ Патріаршаго розряда митрополиту Корнилию (документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 535).

³⁾ Изъ числа прежнихъ настоятелей монастыря извѣстны слѣдующіе: Въ 1555 г. игуменъ Макарій; въ 1617—1629 строитель Сильвестръ, въ 1642—Германъ, въ 1645—Евоимій; въ 1673 и 1674 игуменъ Адріанъ; въ 1676 строитель Герасимъ, въ 1677—Александръ; въ 1677 и 1678—Сергій, въ 1680—Корнилій, въ 1684 и 1685—Іеремія; въ 1685 и 1686—игуменъ Варлаамъ.

⁴⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-Рус. народоправства, т. II, кн. IX.

иноземныхъ купцовъ, ведшихъ торговлю съ Новгородомъ. Значеніе Ладоги, какъ пункта, игравшаго роль промежуточной станціи въ этой торговлѣ, или мѣста перегрузки товаровъ для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія черезъ Волховскіе пороги, уже одно даетъ поводъ думать, что и въ ней, по всей вѣроятности, должно было существовать нѣчто подобное такой-же факторіи; указаніе на это можетъ выводиться и изъ источниковъ документальныхъ. Такъ въ проектѣ торговаго договора 1209—1270 г. Новгорода съ нѣмецкими городами, между прочимъ говорится, что—«отъ церкви св. Николая до Гостиннаго двора и самой улицы, не должно застраивать никакого мѣста» ¹⁾, изъ чего слѣдуетъ, что запрещеніе это относилось именно къ Ладогѣ, такъ какъ въ ней находилась упомянутая церковь (см. стр. 50), а слѣдовательно здѣсь-же долженъ былъ стоять и Гостинный дворъ, упоминаемый въ связи съ послѣднимъ.

Готландскій и нѣмецкій дворы въ Новгородѣ существовали уже въ XIII вѣкѣ; они-же упоминаются еще въ 1438 и 1439 г. ²⁾, причемъ въ новгородскихъ скрахъ ³⁾ встрѣчаются нѣкоторые указанія объ устройствѣ этихъ дворовъ, какъ жилыхъ и складочныхъ помѣщеній, напр. что дворъ, обнесенный заборомъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько домовъ для жилья, съ кухнями и общими столовыми, имѣлъ клѣти и погреба для товаровъ и башню, служившую вмѣстѣ съ тѣмъ арестантской. Всѣ строенія оберегались ночной стражей и спускавшимися съ цѣпей собаками, общее-же управленіе дворомъ ввѣрялось выборнымъ альдерманамъ. Безъ сомнѣнія, нѣчто подобное долженъ былъ представлять и иноземный Гостинный дворъ въ Ладогѣ, что же касается его мѣстоположенія, то изъ цитированнаго выше запрещенія надобно заключить, что онъ стоялъ гдѣ-то по близости готландской церкви св. Николая и улицы, по всей вѣроятности Варяжской (см. стр. 39), т. е. въ сѣверной половинѣ Ладоги. Можно прибавить еще, что въ переписной книгѣ 1500 г. никакого извѣстія о ладожскомъ Гостиномъ дворѣ уже не встрѣчается, обстоятельство, быть можетъ, стоящее въ связи съ отводомъ новыхъ мѣстъ подъ дворы посадскихъ людей въ томъ-же районѣ въ 1500 году (см. стр. 39).

Что касается временъ болѣе позднихъ, то здѣсь можетъ быть еще отмѣчено лишь существованіе въ городѣ особаго, состоявшаго изъ лавокъ, торговаго ряда, упоминаніе о которомъ встрѣчается въ 1652 году ⁴⁾.

¹⁾ Карамзинъ: Ист. госуд. рос., III, примѣч. 244 (изд. 1818 г.). Также И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ, 1270 г., стр. 29.

²⁾ И. Андреевскій: Договоръ Новгорода 1270 г., стр. 26. Также Hanserecesse 1431—1476 г., ч. II.

³⁾ Тамъ-же—прилож. I: Новгородск. скрн.

⁴⁾ См. прилож. IV.

Таковы общія черты древней Ладогѣ собственно въ территориальномъ отношеніи. Для вопроса объ ея населеніи въ болѣе раннюю эпоху того-же историческаго ея періода, данныя имѣются лишь самыя общія. Филологическія изысканія новѣйшаго времени показали, что уже въ незапамятныя времена южное приладожье было обитаемо финскимъ племенемъ Вепсами, среди которыхъ позже широкой струей разлилась колонизація славянъ съ Ильменя, а также прибавился еще новыи элементъ—варяги нашей начальной летописи: курганныя раскопки обнаружили на низовьяхъ Волхова слѣды какъ этой колонизаціи, такъ и присутствіе языческихъ могилъ финской народности, въ изобиліи разсыянныхъ въ остальномъ Приладожьи на Востокъ отъ Волхова ¹⁾, обнаружили также, что черепа, извлеченные изъ тѣхъ-же могилъ, представляютъ какую-то смѣсь въ краниологическомъ отношеніи, почему все это даетъ право на заключеніе, что въ первоначальную историческую эпоху мѣстное населеніе было весьма смѣшаннымъ и что въ частности то-же самое должно было отразиться на первоначальномъ населеніи самой Ладогѣ. Тѣмъ не менѣе сказать можно сомнѣваться, что по крайней мѣрѣ уже въ началѣ XII вѣка господствующимъ населеніемъ послѣдней были Славяне, судя напр. по тому, что въ Ладогѣ встрѣчаются уже слѣды существованія новгородскихъ порядковъ и народоправства, управленіе посадниками, участіе ладожанъ во внутреннихъ неурядицахъ Новгорода, вѣроятное существованіе мѣстнаго вѣча, прочное положеніе церкви и т. д.

Какіе разряды могло представлять собою древнѣйшее населеніе Ладогѣ.—вопросъ также очень мало освѣщенный. Новѣйшія изысканія устанавливаютъ вообще ²⁾, что все населеніе на Руси искони распадалось на свободныхъ и холоповъ: что древнѣйшая Русь не знала сословій, народившихся только въ Московскую эпоху, и лишь слабыя зародыши которыхъ усматриваются во времена предшествовавшія; сословныхъ различій не было — всякій изъ свободныхъ могъ избирать любой родъ занятій, и по степени удачи въ своей профессіи выдвигался впередъ изъ остальной среды людей «лучшихъ», какъ челоуікъ «лучшій», а затѣмъ начинаютъ выдѣляться княжескіе служебники—«дружины» или княжьи мужи», въ отличіе отъ «людей» вообще. Въ новгородскомъ населеніи въ составѣ этихъ «людей» замѣчаются также два слоя: люди большіе и меньшіе—иначе черные люди, въ зависимости отъ степени своей экономической обезпеченности.

Нѣсколько позже въ Новгородѣ-же различаются уже слѣдующія названія

¹⁾ Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго приладожья (Матеріалы по Археологій Россіи, № 18); его же: О признакахъ могилъ языческихъ славянъ (Труды VII Археол. съѣзда, т. I).

²⁾ В. Сергѣевичъ: Русскія юридическія древности, т. I, кн. 2: Населеніе.

населения ¹⁾: огнищане и гриди, бояре и дѣти боярскія, купцы или гости, житые люди, земцы и собственно черные люди, т. е. смерды и холопы. Изъ нихъ огнищане и гриди посылались въ пригороды въ качествѣ элемента военнаго, бояре были представителями болѣе крупнаго землевладѣнія и дѣти боярскія—болѣе мелкаго (позже помѣщики, обязанные военной службой), купцы или гости—какъ классъ торговый, земцы или своеземцы—часть селянъ собственниковъ и смерды или поземщики—другая, безземельная, т. е. проживавшіе на чужихъ земляхъ, или неимѣвшие собственной недвижимости, если были обывателями города.

Высшимъ классомъ были бояре, низшимъ—смерды.

Приблизительно таковымъ-же былъ, безъ сомнѣнія, и составъ населенія въ древней Ладогѣ, но прямыя извѣстія, сюда относящіяся, начинаются не ранѣе XV вѣка. Переписная книга 1500 г., исчисляя дворы непосредственно ладожскаго посада «по старому письму», раздѣляетъ мужское населеніе послѣдняго на «людей лутчихъ (или старѣйшихъ, переднихъ, большихъ), середнихъ и молодыхъ» (или меньшихъ, черныхъ людей), а также упоминаетъ еще о «своеземцахъ, поземщикахъ» и нѣсколькихъ лицахъ духовнаго званія; подраздѣленіе это, какъ уже сказано, выражало собою въ первомъ случаѣ степень зажиточности и вліятельности этихъ «людей», владѣвшихъ тяглыми дворами на посадѣ, а во-второмъ—окрестныхъ землевладѣльцевъ собственниковъ, частью имѣвшихъ дворы и на посадѣ, за которые они по выраженію той-же книги—«съ городчаны въ оброкъ тянутъ-же»; что касается «поземщиковъ», то названіе таковыхъ идетъ отъ платы—«позема», дававшейся ими владѣльцамъ тѣхъ земель, на которыхъ они проживали, не имѣя своей собственной ²⁾. Къ сожалѣнію переписная окладная книга, по самой цѣли своего назначенія—исчисления оброка, касается только тяглаго населенія Ладоги, почему въ ней нѣтъ свѣдѣній объ остальныхъ элементахъ послѣдняго, какъ напр. мѣстномъ купечествѣ ³⁾, или классѣ военно-служиломъ, какъ ближайшемъ защитникѣ Ладоги. Главный контингентъ послѣдняго «боярскіе дѣти» ⁴⁾, какъ представители мѣстнаго новгородскаго

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народоправства, т. II, гл. VII.

²⁾ Слово «поземъ», въ смыслѣ названія мѣстности, извѣстно въ Ладогѣ и въ настоящее время.

³⁾ Въ Русѣ, Ладогѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ существовали значительныя торжища и особое мѣстное купечество, хотя и не въ смыслѣ лицъ обладавшихъ какими либо особыми правами, такъ какъ въ Новгородѣ торговля была занятіемъ доступнымъ для всѣхъ (Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народоправства, т. II, гл. VII и VIII).

⁴⁾ Потомки древнихъ бояръ—болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ первенствовавшаго мѣстнаго сословія, существовавшаго во всѣхъ краяхъ Новгородской земли; были напр. бояре

ополченія, жили на отведенныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ окрестностяхъ Ладоги¹⁾, о чемъ свидѣтельствуется та-же переписная книга, въ которой, между прочимъ, показаны—«Въ Городенскомъ погостѣ великого князя волости за бояры и за дѣтьми боярскими и за служилыми людьми въ помѣстьѣ», равно какъ и въ сосѣднемъ погостѣ Ильинскомъ²⁾, но извѣстная часть того-же служилого контингента, вѣроятно, находилась и въ самомъ городѣ. Впрочемъ, постоянное число тѣхъ и другихъ собственно въ городѣ, во всякомъ случаѣ, не могло быть значительнымъ³⁾.

Еще позже въ составѣ населенія Ладоги, или вѣрнѣе слободъ ея, встрѣчается классъ ямщиковъ, а въ военно-служиломъ элементѣ обособляются стрѣльцы, казаки и пушкарн.

Учрежденіе ямовъ и «ямскихъ охотниковъ», появляющеся вообще въ началѣ XVI стол. (1504 г.), выслѣживается въ Ладогѣ не ранѣе 1591 года, гдѣ

Ладожскіе, Повоторжскіе и др. (Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народопр., т. II, гл. VII). Слѣды ихъ встрѣчаются и въ переписной книгѣ 1500 г., въ которой напр. упоминаются три «боярщинки», составлявшія волостку въ Теребужскомъ погостѣ въ 10 деревень. (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI).

¹⁾ Боярскія дѣти, за право пользованія землею, были обязаны являться на службу вполнѣ вооруженными, съ нѣсколькими вооруженными своими челядинцами.

²⁾ Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

Въ 1657 г. велѣно было привести въ извѣстность путемъ распросовъ: «кого имянно новгородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ усадьбы отъ тѣхъ-же городовъ (Олонца и Ладоги) неподалеку», по поводу чего были, между прочимъ, доставлены въ Москву въ Приказъ тайныхъ дѣлъ слѣдующія свидѣнія:

«Сказки дворянъ Богдана Нелединского да Ильи Колюбакина, которые живутъ близко Ладоги, а подошла же Вотская да Обонежская пятнина, а въ тѣхъ пятинахъ усадьбы къ Ладогѣ подошли близко:

Въ Обонежской пятинѣ (т. е. на правомъ берегу Волхова)—Илья Колюбакинъ съ дѣтьми, живетъ отъ Ладоги въ полуверстѣ. Ѳотѣй Есиповъ, да Кичай Безстужевъ съ дѣтьми, да Иванъ Безстужевъ въ верстѣ. Василей Есиповъ въ полоторѣ верстѣ. Василій да Ѳедоръ Обернибесовы въ двухъ верстахъ. Ѳома Неплюевъ да Григорьевы дѣти Уварова въ трехъ верстахъ. Григорей Есиповъ въ четырехъ верстахъ. Василей Бѣлохрѣсной, Любимъ да Елизарей Байдины въ семи верстахъ. Степанъ Есиповъ въ девяти верстахъ. Ѳедоръ Неплюевъ да Ѳедоръ да Ѳома Апрѣлевы въ 15 верстахъ.

Вотскіе пятинны (т. е. на лѣвомъ берегу Волхова)—Иванъ Романовъ сынъ Кушелевъ въ одной верстѣ. Василей да Тимоѳей Желтухины, Иванъ Уваровъ въ трехъ верстахъ. Петръ Резанцовъ въ семи верстахъ. Вдова Ждановская жена Сабарова (Сабурова?) въ 10 верстахъ. Романъ да Ѳоанасей Сабуровы въ 13 верстахъ. Вдова Микитина жена Секѣрина въ 13 верстахъ. (слѣдуетъ подобное-же перечисленіе около Олонца и Тихвина). А больше того дворянъ и дѣтей боярскихъ тамошнихъ помѣщиковъ, которые живутъ близко Ладоги и Тихвина монастыря, распросить неково». (Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 8009).

³⁾ Напр. около 1628 г. ихъ показано въ самой Ладогѣ 16 и 17 человекъ.

изъ ямщиковъ составила особая корпоративная слобода (см. стр. 31). Во время смутъ начала XVII ст. корпорация ладожскихъ ямщиковъ, какъ видно, совершенно распалась и была вновь организована не ранѣе 1618 года, въ которомъ встрѣчаются распоряженія, что—«велѣно на тѣхъ ямѣхъ (Хрестецкомъ, Вышневолоцкомъ и др.) и въ Ладогѣ устроить охотниковъ, какъ тѣ ямы строили напередъ сего до нѣмецкаго разоренія», почему у «устройщика» ихъ Ао. Ежевскаго была вытребована роспись — «сколько прибрано охотниковъ и дворовъ поставлено и хлѣба у охотниковъ сѣяно и сколько на которомъ яму охотниковъ и хоромъ поставлено»¹⁾. Изъ другихъ распоряженій по тому-же поводу усматривается также, что ямщики не были вольны покидать свою профессию по собственному желанію, по крайней мѣрѣ встрѣчаются указанія такого рода, что «которые охотники Хрестецкаго и Ёдровскаго и Вышневолоцкаго яму разбѣжались и тѣмъ охотникомъ присланы поручныя записи, а велѣно по тѣмъ поручнымъ записямъ тѣхъ бѣглыхъ охотниковъ сыскати поручникомъ, а сыскавъ велѣно жити на ямѣ по прежнему»²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ 1638 г. между ладожскими ямщиками встрѣчаются уже «отставные охотники», которыхъ по челобитію ихъ сотоварищей велѣно было «перевести жити изъ Ямскіе слободы на посадъ и ямскою землею тѣмъ отставнымъ охотникамъ владѣть не велѣно», но по встрѣчному челобитію послѣднихъ это распоряженіе было отмѣнено, хотя, какъ видно, подъ условіемъ возобновленія участія ихъ въ гоньбѣ по прежнему³⁾. Что касается района послѣдней, то, какъ показываютъ Загонныя книги 1650—1651 г., на обязанности ладожскихъ ямщиковъ лежалъ гонѣ «отъ Ладогѣ до Новгорода и до свейскаго рубежа до Лавунъ рѣки и до Пашского яму», за

¹⁾ Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи (Книга разнымъ грамотамъ и пр. съ 135 по 169 годъ, л. 5). Какъ кажется, однако, возобновленіе Ладожскаго яма не было еще окончено и въ 1621 году, потому что въ послѣднемъ писали, что—«со Пашского яму велѣно охотниковъ перевести въ Ладогѣ и устроить въ Ладогѣ осьми человекъ, или по самую нужду шти человекъ. А будутъ новгородскіе охотники учнутъ бити челомъ, что въ Псковѣ гоняти далече и Пашского яму для ихъ легости сводити не велѣно....., а велѣно въ Ладогѣ изъ новгородскихъ охотниковъ перевести въ тожъ число». (Тамъ же л. 16).

²⁾ Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком. (Книга разнымъ грамотамъ и пр. съ 135 по 169 г., л. 5).

³⁾ Тамъ-же, л. 103: «И подъ выпискою боярскій приговоръ, велѣно отставнымъ всѣхъ ямовъ охотникомъ жити по прежнему на тѣхъ-же ямѣхъ въ старихъ своихъ дворѣхъ до государева указу; а ямскою землею велѣно владѣть кто на чемъ жилъ и ямскую гоньбу гонять велѣно со старыми охотники вмѣстѣ, а государево жалованье велѣно имъ имати съ старыми-жъ охотники вмѣстѣ со 147 году, а верстаться имъ велѣно государевымъ жалованьемъ и пашнею и сѣнными покосы противъ ихъ гонныхъ вытей межъ себя самимъ. И по приговоромъ отписка въ Ладогѣ къ восводѣ къ Никитѣ Сумарокову, велѣно старымъ и новымъ охотникомъ гоняти вмѣстѣ по прежнему».

что имъ казною уплачивались прогонныя деньги ¹⁾, причемъ обязанность эта, какъ видно, была не изъ легкихъ, такъ какъ уже въ 1638 г. право взиманія ямскихъ подводъ подверглось значительнымъ ограниченіямъ ²⁾.

Составъ военно-служилого элемента въ Ладогѣ становится болѣе яснымъ не ранѣе XVI—XVII стол., когда представителями его здѣсь являются сословія стрѣльцовъ и казаковъ, а также упоминаются солдаты, пушкарни и воротники.

Начало организациі постоянной войска стрѣльцовъ вообще ведется съ XVI вѣка, и такъ какъ въ Ладогѣ уже въ 1599 г. проживали отставные стрѣльцы, насчитывавшіе до 40—50 лѣтъ своей службы, то слѣдовательно они были поселены здѣсь съ самого начала своей организациі, образовавъ особую корпоративную слободу (см. стр. 33). Относительно поселенія въ Ладогѣ пѣшихъ и конныхъ казаковъ имѣющіяся свѣдѣнія не восходятъ ранѣе начала XVII ст., причемъ казаки эти жили также особою слободою (см. стр. 34), подъ начальствомъ своихъ атамановъ ³⁾. Точно также въ XVI в. жили и пушкарни въ своей Пушкарской слободѣ, хотя число ихъ было весьма ограничено; къ нимъ примыкають воротники, также числившіеся въ древности при нарядѣ (артиллеріи), что же касается солдатъ, то хотя въ старинныхъ документахъ и попадаются указанія на прежніе собственные солдатскіе дворы ⁴⁾, но положеніе этого разряда военно-служилыхъ людей въ составѣ ладожскаго населенія имѣло, повидимому, характеръ лишь военно-постоянный ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же, л. 20, 235 и др. Ямы эти находились одинъ на р. Пашѣ (Притокъ Свири), другой на р. Лавѣ—впадающей въ Ладожское озеро западнѣе Волхова.

²⁾ «Велѣно изъ городовъ воеводамъ всякимъ приказнымъ людямъ писать и отписки ко государю къ Москвѣ присылать съ ненарочными гонцы о невеликихъ дѣлѣхъ, изжида изъ иныхъ городовъ гонцовъ, а подводъ имъ велѣно давать лѣтомъ по одной подводѣ съ тѣлѣгою, а зимою съ саньми, а для государевыхъ великихъ скорыхъ дѣлъ велѣно давать гонцомъ по подводѣ съ проводникомъ, а зимою по одной-же подводѣ съ саньми; а посадскимъ людямъ и цѣловальникомъ и инымъ никакимъ неслужилымъ людямъ подводъ давать не велѣно, чтобъ государевы казны въ прогонехъ большіе убыли не было, а охотникамъ и инымъ ямскіе гоньбы» (Тамъ же, л. 112).

³⁾ Таковыми напр. упоминаются въ 1649 г. Стаднеговъ, въ 1685 Ростигаевъ и Лосовиковъ, въ 1697 Сноповской и Гостюхинъ.

⁴⁾ Какъ напр. въ 1726 г. (см. стр. 32, вын. 2).

⁵⁾ Такъ въ 1658 г. изъ Приказа тайныхъ дѣлъ былъ командированъ въ Новгородскій и Ладожскій уѣзды (между прочимъ, и въ самую Ладугу) иѣкто Малово, для провѣрки наличности размѣщенныхъ тамъ солдатъ, такъ какъ вѣдомо учинилось, что солдатского строю начальныя люди въ Ладогѣ и на Лавуѣ и...., солдатъ которые собираются съ Новгородского уѣзда и отсылаются къ нимъ начальнымъ людямъ для ученья, отпускаютъ за взятки въ отпускъ на разное время и объ ученьи ихъ не радѣютъ.

Обстоятельство это вызвало весьма суровыя мѣры: Малово велѣно было взять въ Новгородѣ именныя списки и свѣрить наличность людей въ указанныхъ пунктахъ, а затѣмъ, если гдѣ окажется недочетъ и обнаружится что люди уволены въ отпускъ, то тѣхъ начальныхъ людей

Участіе военного сословія въ общей жизни ладожскаго населенія выражалось двояко: какъ элемента служебнаго и какъ общеобывательскаго. — «Для остереганія, или обереганія города»,—писалъ Кошихинъ въ XVII вѣкѣ ¹⁾,—«въ большихъ городѣхъ устроены стрѣльцы и казаки вѣчнымъ житьемъ, пушкарни и защитники и воротники, а въ иныхъ мѣстахъ солдаты, и бываютъ около казны и по городу и у воротъ на сторожѣ и посылаютъ во всякія посылки; а въ иныхъ не въ порубежныхъ городѣхъ для обереганія города устроены только одни пушкарни и защитники»; въ частности для Ладоги можно прибавить, что независимо отъ городской караульной службы ²⁾, на стрѣльцахъ, казакахъ и пушкаряхъ лежала обязанность содержанія еще отдѣльных небольшихъ постовъ, въ нѣсколькихъ порубежныхъ и заставныхъ пунктахъ, по сосѣдству съ Ладогой ³⁾. Въ этихъ прямыхъ своихъ обязанностяхъ, военное сословіе (исключая развѣ солдатъ) являлось элементомъ, не отличавшимся по роду своихъ занятій отъ прочихъ обывателей; занимались ремеслами, торговали въ лавкахъ, держали мельницы и проч., такъ что представляли вполне классъ промышленниковъ, работавшихъ даже въ ущербъ торговымъ интересамъ настоящихъ посадскихъ людей, которые напр. въ 1652 г. жаловались, что—«у насъ спротъ твоихъ въ Ладогѣ анбаровъ и лавокъ въ ряду нѣтъ, а сидятъ въ Ладогѣ въ ряду въ лавкахъ и въ анбарахъ по посадкамъ и въ Стрѣлецкой слободѣ торгуютъ все стрѣльцы и казаки и пушкарни, а мы спроты твои посадскіе людички отъ того обнищали и одолижали великими долги» ⁴⁾.

Весьма любопытенъ въ данномъ случаѣ вопросъ объ общей численности населенія древней Ладоги, но для рѣшенія его за періодъ болѣе отдаленный, не имѣется еще никакихъ данныхъ и существующія извѣстія начин-

за ихъ воровство бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку безо всякія пощады; затѣмъ розыскавъ отпусныхъ бить ихъ также кнутомъ, по данныя ими взятки возвращать въ двойномъ размѣрѣ, взыскавъ таковыя съ начальныхъ же людей (Дополн. акт. ист., т. IV, № 147).

¹⁾ О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, гл. VIII.

²⁾ Напр. въ 1665—67 г.—«Въ каменномъ городѣ у городовыхъ воротъ и великого государя зелейной и свинцовой казны стоятъ на караулѣ безпрестанно стрѣльцовъ и казаковъ по 6 человѣкъ, да въ деревянномъ городѣ у городовыхъ воротъ по 4 человѣка, а перемѣняются они пооченно въ сутки» (см. прилож. XII).

³⁾ Такъ въ 1665—67 г. «По указу великого государя стоятъ на заставѣ на нѣмецкомъ рубежѣ въ Лавуйскомъ острожкѣ и по нѣмецкому рубежу отъ Ладоги за 40 верстъ съ заставнымъ головою безпрестанно по 20 человѣкъ, да изъ пушкарей въ Лавуйскомъ острожкѣ у наряду по 2 человѣка, а перемѣняются они въ двѣ недѣли. Да на заставѣ-жъ съ заставнымъ головою на Волховскомъ устьѣ отъ Ладоги за 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ отъ Ладоги за 20 верстъ изъ тѣхъ-же стрѣльцовъ и изъ казаковъ стоятъ безпрестанно по 5 человѣкъ, а перемѣняются они въ три недѣли» (см. прилож. XII).

⁴⁾ См. прилож. IV.

наются не ранѣе конца XV вѣка. Но и эти извѣстія освѣщаютъ вопросъ лишь приблизительно, такъ какъ касаются единственно тяглаго населенія самага посада, не сообщая ничего даже о численности военно-служилаго элемента населенія, болѣе ясныя свѣдѣнія о которомъ начинаются только съ XVII стол.

Первое указаніе о размѣрѣ этого тяглаго населенія даетъ переписная окладная книга 1500 г., въ которой «по старому письму»,—слѣдовательно еще до ея составленія, насчитывается всего «лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ поземщики и съ тѣми что на монастырскихъ мѣстѣхъ и на церковныхъ—174 человекъ» мужскаго пола, а по «письму новому» (1500 г.)—значительно менѣе, именно лишь 137 человекъ¹⁾. Любопытно при этомъ, что наиболѣе зажиточная и вліятельная часть численнаго населенія, «люди лутчіе и середніе», въ числѣ 33 человекъ, показаны обывателями исключительно Богородицкаго конца посада, тогда какъ «люди молодые» (въ числѣ ихъ поименованы нѣсколько ремесленниковъ) показаны живущими въ разныхъ концахъ.

Сколько могло быть въ Ладогѣ въ этотъ періодъ людей военно-служилыхъ, сказать трудно, но если въ первой половинѣ XVII стол. таковыхъ насчитывалось здѣсь около 200, то едва-ли число ихъ могло быть болѣе и въ упомянутое время, почему на него можно смотрѣть какъ на максимальное. Но и въ такомъ случаѣ цифра населенія самой Ладогѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой посадскіе и военно-служилые люди составляли, конечно, главную часть въ численномъ отношеніи, представляется въ концѣ XV вѣка довольно скромной, что впрочемъ согласуется, во-первыхъ, съ характеромъ городского населенія древнѣйшей Руси, которое вообще не могло быть значительнымъ (особенно въ такихъ пунктахъ какъ новгородскіе пригороды), а во-вторыхъ, весьма вѣроятно, что въ цифрѣ населенія чувствительно должны были отразиться и такія народныя бѣдствія, какъ страшный моръ 1352 г. (Черная смерть), или моровое повѣтріе, опустошавшее Новгородъ и Ладогу въ началѣ XV столѣтія, и др.

Концы XVI и начало XVII в. также тяжело отозвались на населеніи Ладогѣ, по причинѣ непріятельскихъ вторженій и политическихъ смутъ, почти непрерывно опустошавшихъ край въ теченіи всего этого періода (см. военныя дѣйствія подъ Ладогой) и повидимому доводившихъ постѣднюю временно до полнаго запустѣнія; такъ напр. въ 1614 г. захваченные непріятельскіе плѣнники показывали, что—«русскихъ людей въ Ладогѣ нѣтъ никого»²⁾, а въ

¹⁾ См. прилож. I.

²⁾ Акты Московск. государства, т. I, стр. 116.

1652 г. посадскіе люди ея писали въ своей челобитной, что—«въ прошлыхъ, государь годѣхъ послѣ нѣмецкаго разоренья и мирнаго договору, собралосѣ насъ сиротъ твоихъ посадскихъ тяглыхъ людишекъ съ разныхъ городовъ на твое государево имя въ твою государеву отчину въ городъ Ладогу 49 семей» ¹⁾ и т. д. Вообще съ этихъ поръ число посадскихъ людей въ теченіи всего XVII столѣтія, т. е. почти до конца существованія Ладоги какъ города, значительно уже не повышалось; такъ, въ 1628 г. ихъ показано всего 33 человѣка, а въ 1646-мъ — 68 ²⁾; въ 1652 г., въ вышеупомянутой челобитной ладожанъ говорится, что—«тѣ старинные посадскіе тяглые люди многіе померли, а иные разбрелися врознь, а насъ бѣдныхъ достальныхъ посадскихъ людишекъ осталось въ тягѣ всего 23 человѣка по нынѣшней по 160 годѣ»; къ 1655 году число ихъ опять достигаетъ 58-ми, въ 1682-мъ показано 60, въ 1692, 1693 и 1697-мъ—49, 41 и 79 и наконецъ въ 1698-мъ—83 человѣка ³⁾.

Цифры эти могутъ быть, впрочемъ, нѣсколько увеличены еще родней посадскихъ людей, именно ихъ «братьями, дѣтьми и племянниками», упоминаемыми въ подобныхъ-же свѣдѣніяхъ за нѣкоторые годы, но численность таковыхъ прибавляетъ немного; напр. въ 1670 г. посадскихъ людей съ братьями и дѣтьми значится 50 человѣкъ, въ 1678-мъ — тѣхъ-же посадскихъ 60, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ—26 ⁴⁾, а въ 1682-мъ этой-же родни показано 13 человѣкъ. Наконецъ, къ составу посадскихъ людей должно присоединить еще такъ называвшихся ихъ «подсосѣдниковъ, бообылей и захребетниковъ», число которыхъ съ 1646 по 1698 г. указывается отъ 5—10 человѣкъ.

Любопытно замѣтить вообще, что контингентъ посадскихъ людей въ разные, даже не очень удаленные другъ отъ друга промежутки времени, представляется весьма измѣнчивымъ и по отношенію своего личнаго состава, ибо напр. изъ числа 68 лицъ, исчисленныхъ въ перечнѣ посадскихъ людей 1646 г., повторяются въ подобномъ-же перечнѣ 1678 г. всего лишь около 13 тѣхъ-же самыхъ фамилій ⁵⁾.

Что касается населенія слободскаго, то въ немъ элементъ неслужилый представляется только сословіемъ ямскихъ охотниковъ, заключавшимъ въ себѣ отъ 20—30 человѣкъ: напр. въ 1655 г. ихъ означено 20, въ 1665—67-мъ—27, въ

¹⁾ См. прилож. IV.

²⁾ См. прилож. VIII и II.

³⁾ См. прилож. IX и XIV; также Моск. арх. Мин. Юст. (Дѣла Моск. стола 1682 г., кн. 126, л. 430) и журналъ Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду).

⁴⁾ Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгор. стола, св. 8024. Дополн. актовъ историч. IX, № 306.

⁵⁾ См. прилож. II и III.

1692-мъ—13 и ямшниковъ отставныхъ 17 и въ 1698-мъ—всего съ отставными 28 человекъ ¹⁾).

Остается еще упомянуть, что во второй половинѣ XVII столѣтія въ составѣ посадскаго населенія Ладогѣ появляются еще «зарубежные выходцы», которые какъ видно привлекались даже правительственными поощреніями, ибо напр. въ свѣдѣніяхъ 1668 г. показаны въ Ладогѣ, между прочимъ, и такіе изъ нихъ (числомъ 30)—«которые порядились въ посадъ и взяли государево жалованье, а нынѣ живутъ за монастыри и за помѣшники», или въ 1665—67 «зарубежскіе выходцы (4 семьи), которые рядились въ прошлыхъ во 167 и во 168 годѣхъ и имали великого государя жалованье по рублю денегъ да по четверти ржи на семью и въ Ладогѣ нынѣ не живутъ и дворовъ себѣ не строятъ, а живутъ въ бѣгахъ своимъ самовольствомъ» ²⁾. Кромѣ таковыхъ, число выходцевъ, дѣйствительно водворившихся въ Ладогѣ, насчитывалось въ 1668 и 1670 г. по 17 человекъ, въ 1669—«зарубежскихъ выходцовъ орѣшковыхъ и орѣшковаго уѣзду, которые живутъ въ посадѣ—23 ³⁾ и въ 1665—67 годахъ—27 человекъ ⁴⁾).

Гораздо болѣе существенную по численности и, можно даже сказать, устойчивую часть населенія, представляетъ въ XVII ст. сословіе военно-служилое, состоявшее главнымъ образомъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Число первыхъ за періодъ съ 1628—1698 г. остается почти неизмѣннымъ, именно 100 человекъ, кромѣ ихъ родни «дѣтей, братьевъ и племянниковъ», которыхъ наиболѣе показано въ 1682 г., именно 76 человекъ ⁵⁾. Почти такова-же и численность казаковъ (отъ 81—124), исключая 1665—68 г., въ теченіи которыхъ ихъ считалось лишь около 50, причемъ наибольшее количество упомянутой выше родни ихъ значится 84 человека (1682 г.). Наконецъ, въ исходѣ XVII вѣка (1698 г.) показано еще 100 солдатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣльцовъ не значится вовсе ⁶⁾.

Что касается пушкарей и воротниковъ, принадлежавшихъ къ тому-же служилому сословію, то число ихъ было весьма невелико: первыхъ за весь періодъ

¹⁾ См. прилож. IX, XII и XIV. Журн. Минист. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду и пр.).

²⁾ См. прилож. X и XII.

³⁾ Моск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 8024.

⁴⁾ См. прилож. XII.

⁵⁾ См. прилож. VII, VIII, XI, XII и XIV. Также Моск. арх. Мин. Юст.: Дѣла Московск. стола 1682 г., кн. 126, л. 430.

⁶⁾ Журн. Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду и Новгородск. пригородамъ).

1628—1698 г. неизмѣнно оставалось по 6 человекъ, послѣдніе же показаны только въ нѣкоторыхъ годахъ и всего лишь по двое.

Такимъ образомъ, въ общей сложности военно-служилый элементъ является главной и постоянной частью населенія Ладогѣ, хотя, какъ исключенія, могутъ быть указаны и примѣры даже полного временнаго его отсутствія. Такъ напр. въ свѣдѣніяхъ 1655 г. значится, что ладожскій голова стрѣлецкій и казачій, у котораго 81 человекъ казаковъ,—«нынѣ на государевѣ службѣ въ Витебскѣ и съ козаки» ¹⁾, вѣроятно въ связи съ чѣмъ тамъ перечисляются вооруженные поди другихъ не служилыхъ классовъ:—«посадскихъ людей 58 человекъ съ самопалы и съ топоры и съ копы, да Ладожскаго яму охотниковъ 20 человекъ съ топоры и съ коньемъ»; въ 1656 г. ладожскій воевода Бухвостовъ доносилъ, что ему велѣно было отдать стольнику Потемкину 100 стрѣльцовъ и 100 казаковъ, послѣдній же забралъ даже посадскихъ людей (вѣроятно вооруженныхъ), новоприбранныхъ изъ стрѣлецкихъ дѣтей 30 стрѣльцовъ и пушкарей, такъ что «въ Ладогѣ служилыхъ и жилецкихъ людей не осталось ни единого человека и карауловъ ни въ одномъ городѣ (т. е. въ каменной и деревянной крѣпостяхъ) нѣтъ и караулить некому, чтобы въ городѣ Ладогѣ отъ свейскихъ людей никакой порухи не учинилось» ²⁾.

Можно прибавить, что примѣры подобнаго привлеченія неслужилыхъ классовъ населенія въ ряды сословія военного встрѣчаются и въ другихъ годахъ; напр. въ 1665—67 показаны въ числѣ посадскихъ людей съ братьями и племянниками «7 человекъ съ ружьемъ съ самопалы и съ сабли, 24 человека съ самопалы, а 17 человекъ съ копы а иные съ топоры, да Ладожскаго яму охотниковъ 27 человекъ съ боемъ съ топоры, да подсосѣдниковъ и бобылей Ладожскаго-же яму 5 человекъ съ топоры-же», или въ 1692, 1693 г., когда весь наличный контингентъ посадскихъ людей (49 человекъ) перечисленъ съ оружіемъ: одни съ пищалями и саблями, другіе съ бердыщами, копьями и топорками ³⁾.

Примѣрами состава и приблизительной численности населенія Ладогѣ въ XVII ст. могутъ служить нѣсколько слѣдующихъ выдержекъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ современными документами ⁴⁾.

¹⁾ См. прилож. IX.

²⁾ Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 7857.

³⁾ См. прилож. XII и XIV.

⁴⁾ См. прилож. VII—XII и XIV. Также Моск. арх. Мин. Юст.: Дѣла Разрядн., вязка I, № 12, 3; Журн. Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новгороду и пр.).

	Нѣсколько ранѣе 1628 г.	1628 г.	1655 г.	1665— 1667 г.	1668 г.	1669 г.	1670 г.	1692 г.	1693 г.	1697 г.	1698 г.
Подручные	17	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стрѣльцовъ	100	100	100	100	100 (б)	100	100	100 (о)	100 (п)	100 (т)	—
Казаковъ	124	105	82	52 (к)	50 (в)	52 (ж)	52	101 (м)	102 (н)	101 (у)	99 (х)
Солдаты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100 (и)
Пушкарей	6	6	6	6	6	6	6	6 (з)	6 (л)	6	6 (п)
Воротниковъ	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посалскихъ людей	40	33	58	48 (и)	37 (а)	46	50 (я)	49	41	79	83
Ямщиковъ	—	—	20	27	24 (г)	26	26	16 (р)	18 (с)	23 (ф)	23
Отставныхъ ямщиковъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	17	14	—	—
Ямскихъ дѣтей и бобылей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Ямскихъ бобылей и приим- ныхъ людей	—	—	—	—	—	—	—	9	8	—	—
Подсосѣдниковъ, бобылей и захребетниковъ	—	—	—	5	6	5	5	—	—	—	—
Бобылей Застѣннаго мѣста стиря	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Зарубежныхъ выходцевъ . .	—	—	—	27	17 (д)	23	17	—	—	—	—
Всего ¹⁾	289	262	266	260	230	258	256	298	289	314	334

Слѣдуетъ однако замѣтить, что общій подсчетъ населенія, выводимый изъ приведенныхъ цифръ, разнится, иногда даже значительно, отъ таковыхъ-же итоговъ, показанныхъ непосредственно въ самыхъ документахъ за тѣ-же годы (исключая свѣдѣній до 1628 г.). Такъ, въ семи годахъ общая численность населенія въ документахъ приведена слѣдующая: въ 1628—336 человекъ, въ 1665—67 г.—277, въ 1668 г.—271, въ 1692 г.—383, въ 1693 г.—369, въ 1697 г.—407 и въ 1698 г.—446 (т. е. отъ 17 до 112 человекъ болѣе), а въ 1669 г.—162 и въ 1670 г.—156 (т. е. на 100, приблизительно, человекъ менѣе).

Но какъ бы то ни было, въ обоихъ случаяхъ итоги населенія собственно самой Ладогѣ за XVII ст., также не представляются болѣе или менѣе значительными.

Вообще, или по крайней мѣрѣ въ періодъ XV—XVII в., за который имѣются хотя отрывочныя свѣдѣнія въ указываемомъ отношеніи, значеніе Ладогѣ видимо лежало не въ количествѣ ея постоянныхъ обывателей, а въ роли ея, какъ административнаго центра, къ которому тянуло окрестное насе-

¹⁾ Кромѣ того: а) 14 дѣтей, братья и племянниковъ; б) 7 дѣтей и племянниковъ; в) 3 дѣтей; г) 2 дѣтей; д) 6 дѣтей, братьевъ и племянниковъ; ж) 4 дѣтей; з) Съ братьями и дѣтьми; и) Съ дѣтьми, братьями и племянниками; к) 10 дѣтей и племянниковъ; л) 2 дѣтей; м) 38 дѣтей; н) 35 дѣтей; о) 23 дѣтей; п) 24 дѣтей; р) 17 отставныхъ и 14 дѣтей; с) 14 отставныхъ и 12 дѣтей; т) 26 дѣтей; у) 33 дѣтей; ф) Съ отставными; х) 23 дѣтей; и) 1 сынъ; ч) 74 дѣтей; ш) Съ отставными и ихъ дѣтьми.

леніе. Возможно даже, что къ Ладожскому посаду были приписаны иѣлигеревни, составлявшія съ нею одно административное иѣлое, подобно тому, какъ это бывало въ посадахъ другихъ городовъ, а также что въ составѣ посадскаго населенія могли быть и напленные крестьяне ¹⁾, но для сужденія объ этомъ въ частности по отношенію къ Ладогѣ данныхъ никакихъ еще не имѣется.

Управление.

Какъ въ административномъ центрѣ гянувшей къ нему волости, въ Ладогѣ сосредоточивалось мѣстное управленіе, представляющее три періода: посадниковъ, намѣстниковъ и воеводъ.

Первоначальное управленіе было въ духѣ новгородскихъ порядковъ, существовавшихъ въ самомъ Новгородѣ въ эпоху его самостоятельности, въ которомъ, какъ извѣстно, кромѣ князя, главными административными распорядителями въ военно-финансовомъ отношеніи были посадники, упоминаемые лѣтописями уже съ X столѣтія. Точно также они находились и въ новгородскихъ пригородахъ, въ томъ числѣ и въ Ладогѣ, но здѣсь извѣстія о нихъ встрѣчаются не ранѣе XII вѣка. Первое лѣтописное указаніе, сюда относящееся, связано съ сооруженіемъ въ Ладогѣ каменной крѣпости, когда въ 1114 или 1116 году—«Павель посадникъ заложи Ладугу городъ камянь», причемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ показано, что онъ былъ посадникомъ именно въ послѣдней ²⁾; это-же подтверждаетъ Несторъ и въ другомъ случаѣ, такъ какъ передавая о бытности своей въ Ладогѣ, ссылается на него-же, какъ на свидѣтеля, говоря,—что «сему же мѣсть послухъ посадникъ Павель ладожскый и вси ладожаны» ³⁾; о Павлѣ еще извѣстно, что сынъ его Иванко Павловичъ посадничалъ въ Новгородѣ и въ 1134 г. былъ убитъ въ сраженіи съ суздальцами ⁴⁾. Вторымъ посадникомъ въ Ладогѣ лѣтописецъ называетъ Рагуила, назначеннаго въ 1132 г., а слѣдующимъ въ 1164 г.—Нежату, бывшаго ранѣе посадникомъ въ Новгородѣ, но смѣненнаго въ 1161-мъ ⁵⁾. При Нежатѣ Ладога подверглась нападенію шведовъ, спасаясь отъ которыхъ ладожане заперлись въ своей крѣпости и отсиживались въ ней до прибытія помощи изъ Новгорода ⁶⁾. Въ 1228 г. посадникомъ въ Ладогѣ упоминается Володиславъ, по поводу истребленія имъ отряда финскаго племени

¹⁾ В. Сергѣевичъ: Русск. юридич. древности, т. I, 253.

²⁾ Новгородск. лѣтопись по Синодальн. сп., 1886 г. Тверская лѣтоп. (Полн. собр. русск. лѣт., т. XV).

³⁾ Лѣтопись по Ипат сп., 1871 г., 199.

⁴⁾ Д. Прозоровскій: Розысканія о новгородск. посадникахъ (Вѣстникъ археологій и исторіи, 1892 г. вып. IX, 102).

⁵⁾ Тверск. лѣтоп. (Полное собр. русск. лѣт., т. XV). Новгородск. I лѣт. (Тамъ же, т. III).

⁶⁾ Новгородск. лѣтоп. по Синод. сп., 1886 г.

Еми, сдѣлавшаго набѣгъ на прибрежья Ладожскаго озера, а передъ 1257—Михаилъ Ѳеодоровичъ, назначенный въ этомъ году въ Новгородъ ¹⁾. По случаю такого-же перемѣненія въ послѣдній, называется въ 1280 г. посадникомъ въ Ладогѣ Семень Михайловичъ ²⁾, считающійся сыномъ вышеупомянутаго ³⁾ и наконецъ въ 1291 г.—Матѳеи Семеновичъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ Ладогѣ, почти за 200-лѣтній періодъ, извѣстны имена всего лишь семи посадниковъ, и болѣе указаній о нихъ не встрѣчается.

Неизвѣстно были-ли въ числѣ ихъ выборные самими ладожанами, но изъ словъ лѣтописи можно заключить, что нѣкоторые (какъ напр. Рагуиль и Матѳей) были назначены непосредственно новгородцами; кромѣ того, инициатива Новгорода въ дѣлѣ назначенія и увольненія посадниковъ видна и въ упомянутыхъ обратныхъ перемѣненіяхъ посадниковъ изъ Ладоги въ Новгородъ, такъ что, быть можетъ, и всѣ они были назначаемы именно послѣднимъ, какъ главою надъ своими пригородами. Извѣстно напр., что въ половинѣ XIV ст. Псковъ имѣлъ право управляться уже самобытно, что и выражено въ томъ, что Новгородъ не назначалъ туда своихъ посадниковъ, не звалъ къ себѣ на верховный судъ и проч., изъ чего слѣдуетъ, что въ Ладогѣ и другихъ пригородахъ дѣло, должно быть, обстояло иначе ⁵⁾.

Любопытенъ вопросъ, существовалъ-ли также въ древней Ладогѣ другой элементъ общиннаго новгородскаго начала — свое самостоятельное народное собраніе, или мірской сходъ—Вѣче?

Прямыхъ указаній на это не имѣется; напротивъ того, одно мѣсто лѣтописи, передающей подъ 1176 г., что—«Новгородци бо изначала и смоляне и кыяне и полочане и вси власти, якоже на думу на вѣча сходятся; на что старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» ⁶⁾, давало поводъ къ заключенію противоположному, что пригороды по всѣмъ дѣламъ, касавшимся общаго устройства, должны были слѣдовать опредѣленію городовъ старѣйшихъ ⁷⁾, но мнѣніе это не согласуется съ нѣлымъ рядомъ другихъ указаній косвенныхъ и нѣкоторые изслѣдователи признаютъ несомнѣннымъ существованіе вѣчъ также во всѣхъ городахъ второстепенныхъ (пригородахъ) ⁸⁾. Последніе, независимо отъ

¹⁾ Новг. лѣт. по Синод. сп., 1886 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Д. Прозоровскій: Розысканія о новгор. посадникахъ, 110.

⁴⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. IV, прим. 182 (изд. 1818 г.).

⁵⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народоправства, т. II, гл. 7.

⁶⁾ Лѣтопись по Лаврент. сп., 1872 г., стр. 358.

⁷⁾ Л. Плошинскій: Городское состояніе русск. народа, стр. 8.

⁸⁾ Н. Костомаровъ: Историч. монографіи и изслѣдованія, т. I., 373, 383; его же: Сѣв.-русс. народопр., т. II, гл. 7 В. Сергѣевичъ: Русск. юридич. древности, т. II, гл. 1 и 3.

своихъ особыхъ вѣчевыхъ собраний, нерѣдко принимали участіе и въ вѣчахъ старшихъ городовъ, по ихъ приглашенію, какъ было напр. въ 1136 г., когда новгородцы призвали исковичей и ладожанъ для общаго совѣщанія по поводу князи Всеволода. Старшіе города дѣйствительно ставили свои рѣшенія, какъ обязательными для всѣхъ остальныхъ, но значеніе подобныхъ фактовъ, ясно указанное напр. въ трудѣ проф. В. Сергіевича ¹⁾, несколько не указываетъ, что бывали вѣчевыя собранія лишь въ городахъ старшихъ. Есть примѣры, что пригороды прямо отказывались подчиняться такимъ рѣшеніямъ и дѣйствовали на основаніи своего собственнаго рѣшенія, но это конечно было возможно лишь для тѣхъ изъ нихъ, которые чувствовали себя достаточно сильными, прочіе же должны были покоряться, каковой смыслъ и имѣютъ слова лѣтописца—«что старѣйшіе здумаютъ, на томъ-же пригороды стануть».

Вообще, по справедливому замѣчанію Н. Костомарова, новгородское народоправленіе не составляло исключительнаго достоянія въ тѣсномъ смыслѣ лишь самого Новгорода;—оно было общимъ для всѣхъ подчиненныхъ послѣднему пригородовъ и даже селъ, въ которыхъ вообще допускалась мѣстная автономія, а народное собраніе составляло главнѣйшую черту новгородскаго общиннаго устройства. Напримѣръ, въ Исковѣ вѣче существовало еще во времена извѣстной его зависимости отъ Новгорода; имѣются также указанія, что жители нѣкоторыхъ городовъ корпоративно приносили свои жалобы главному вѣчу въ Новгородѣ, чѣмъ ясно обуславливаются ихъ предварительныя между собою совѣщанія, путемъ частныхъ народныхъ сходокъ или собраний, такъ что вообще существованіе въ пригородахъ своихъ вѣчъ можетъ считаться внѣ сомнѣнія. Можно прибавить, что народный обычай сбора на вѣче для общаго совѣщанія, существовалъ издревле во всей Руси, какъ напр. въ 1261 г., когда по словамъ лѣтописца происходили «вѣча по всѣмъ городамъ русскимъ» ²⁾.

Въ виду всего этого, вопросъ о вѣчѣ въ частности по отношенію къ Ладогѣ, долженъ быть также рѣшенъ утвердительно.

Второй періодъ,—управленіе Ладогой намѣстниками, начинается въ концѣ XV столѣтія, когда пораженіе новгородцевъ Іоанномъ III на Шелони (1471 г.) повело къ паденію независимости Новгорода, а вторичный походъ 1477 г. закончился уничтоженіемъ какъ самаго вѣча, такъ и званія посадника. Въ концѣ этого похода, когда Іоаннъ былъ уже подъ Новгородомъ, послѣдній вынужденъ былъ предложить великому князю дань, право держать своихъ намѣстниковъ и въ пригородахъ новгородскихъ, какъ и въ Новгородѣ, лишь бы судъ

¹⁾ Русск. юридич. древности, т. 2, гл. III:—Вѣчевая жизнь пригородовъ.

²⁾ Л. Плошинскій: Городское состояніе русск. народа, 73.

остался по старинѣ, и покорился требованію Іоанна, чтобы въ Новгородѣ вѣчу, колоколу (вѣчевому) и посаднику не быть, взамѣнъ чего Іоанномъ были поставлены четыре намѣстника ¹⁾. Въ 1487 г. Новгородъ, какъ извѣстно, лишился окончательно всякой самостоятельности.

Немедленно послѣ новгородскаго погрома появляются, какъ видно, первые намѣстники и въ Ладогѣ, такъ какъ въ переписной книгѣ послѣдней 1500 г. показаны между прочимъ дворы намѣстника и тиуна, которые находились въ Никольскомъ концѣ, близъ церкви св. Климента, т. е. на южной сторонѣ посада (за р. Ладожкой). Тѣ-же дворы упоминаются и въ 1546 г., а позднѣе извѣстны и имена двухъ изъ намѣстниковъ, именно въ 1555 г. Ѳедора Димитріевича Аксакова и въ 1584-мъ—Ѳедора Колычева ²⁾.

Въ должноти намѣстника сосредоточивалась главная власть какъ по отношенію къ городскому управленію, такъ и надъ жителями города съ тянувшей къ послѣднему волостью. При немъ состоялъ тиунъ, какъ ближайшій его замѣститель, должноть котораго главнымъ образомъ была судейская, или, вѣрнѣе сказать, исполненіе суда, такъ какъ разбирательство дѣлъ не входило въ тиунскія обязанности и въ новгородской землѣ производилось особыми судьями передъ намѣстникомъ или тиуномъ, постановлявшимъ приговоръ ³⁾, но въ сферѣ дѣлъ уголовныхъ въ рукахъ намѣстника находилась часть слѣдственная — сыскъ преступника, заключеніе въ тюрьму, казни и проч. ⁴⁾. Другимъ ближайшимъ помощникомъ намѣстника былъ, дѣйствовавшій его именемъ и властью, дьякъ: его административное вліяніе распространялось даже на сословіе военно-служилое, онъ, напр., разбираетъ степень годности къ службѣ стрѣльцовъ и рѣшаетъ увольненіе ихъ въ отставку, причемъ отъ него-же принимаютъ приказанія такіа крупныя въ своей сферѣ дѣйствія лица, какъ осадный голова—начальникъ военныхъ силъ города, облеченный также извѣстными правами въ кругѣ административной дѣятельности. Такъ, въ 1598 г. были челомъ стрѣльцы изъ Ладоги, что «отставилъ ихъ отъ стрѣлчества дьякъ Иванъ Карповъ, за худобу и старость и за увѣче, и приказалъ ихъ вѣдати осадному головѣ Ивану Муравьеву, и осадный-де голова ихъ никуда не роспускаетъ и на поруки ихъ даетъ и въ тюрьму сажаетъ и съ судныхъ дѣлъ пошлинъ правитъ» ⁵⁾. Наконецъ въ тотъ же періодъ намѣстниковъ упоминаются въ Ладогѣ въ 1500 г. еще должноти

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народопр., т. I.

²⁾ Дополн. актовъ историч., т. I, № 54. Древняя рос. вивліюонка, т. XIV—Розряды.

³⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-русс. народпр., т. 2, гл. VII.

⁴⁾ И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.

⁵⁾ Дополн. акт. историч., т. I, № 150.

доводчика и старосты, изъ которыхъ на обязанности перваго лежалъ позывъ въ судъ тяжущихся; старостою былъ Аврамко Василевъ, имѣвшій свой дворъ въ Никольскомъ концѣ города.

Характерною особенностью намѣстническаго управленія было, что содержаніе намѣстника лежало на населеніи волости, въ данномъ случаѣ—ладожской, отъ котораго онъ получалъ обязательный «кормъ» трижды въ годъ (на Рождество, Петровъ день и Пасху), каковой и исчисляется въ переписной книгѣ 1500 г., напр. «Деревня Конецъ у Ладогѣ на посадѣ (всего съ однимъ обывателемъ), намѣстника корму съ тое деревни намѣстнику и съ тивуномъ и съ доводчикомъ во весь годъ на три праздника 9 денегъ безъ четвертинъ» ¹⁾ и т. д. По другимъ указаніямъ намѣстники приблизительно получали съ сохи на Рождество еще полоть мяса, 10 хлѣбовъ, бочку овса и возъ сѣна; на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ, на Петровъ день—барана и 8 хлѣбовъ ²⁾. Можно легко догадываться, какимъ бременемъ «кормы» эти должны были ложиться на населеніе!

Система управленія намѣстниками начала исчезать съ 1555 г., но не повсемѣстно ³⁾; въ частности для Ладогѣ они упоминаются въ теченіи всего XVI и въ началѣ XVII стол. Такъ, въ несудимой грамотѣ Николаевскому Медвѣдскому монастырю (на устьѣ Волхова) 1584 г., между прочимъ, говорится, что «наши намѣстники новгородскіе и ладожскіе и ихъ тиуны монастырскихъ слугъ и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ... а корму даютъ ладожскому намѣстнику на стану по книгамъ старецъ или слуга монастырской, а ладожской намѣстникъ корму брать людей своихъ къ нимъ не посылаетъ» ⁴⁾. Равнымъ образомъ тѣ-же намѣстники ладожскій и новгородскій упоминаются и нѣсколько позже, какъ напр. въ подтвердительной 1605 г. грамотѣ Тихвинскому Успенскому монастырю ⁵⁾.

Весьма любопытную характеристику намѣстниковъ даютъ слова дополнительнаго къ Судебнику указа 1556 г., что — «намѣстники и волостели, изъ многихъ лѣтъ презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ (городахъ и волостяхъ) учиниша и не быша имъ пастыри и учителя, но сотворишася гонители и разорители» ⁶⁾.

¹⁾ Временникъ общ. ист. и древн., кн. XI.

²⁾ И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Дополн. акт. историч., т. I, № 130.

⁵⁾ Акты историч., т. II, № 60.

⁶⁾ Л. Плошинскій: городское состояніе русск. народа, 94.

Третьимъ и послѣднимъ періодомъ, обнимающимъ все XVII столѣтіе, составляетъ въ Ладогѣ управленіе воеводъ, замѣнявшихъ прежнихъ намѣстниковъ, причемъ этихъ воеводъ иногда бывало въ городахъ по два, какъ напр. и въ Ладогѣ въ 1618, 1641, 1645 и 1649 гг.: въ подобныхъ случаяхъ одинъ управлялъ военной частью, другой гражданской.

Своеобразностью воеводской системы была кратковременность управленія или службы воеводъ, продолжавшейся всего два или три года, причемъ и самыя назначенія на воеводство нерѣдко мотивировались въ смыслѣ награды за боевыя заслуги. Такъ въ 1665 г. Семень Колобакинъ, прося о своемъ назначеніи, билъ челомъ, что «въ прошломъ государь во 172 году вывелъ я холопъ твой изъ плону изъ Польши и пожалованъ за рану и за полное терпѣніе — велѣно мнѣ быть на твоей государевой службѣ въ Ладогѣ на Терентьево мѣсто Елагина (воевода въ Ладогѣ-же) и ему государь Терентью срокъ доходить, а мнѣ, холопу твоему, чтобъ быть на его мѣстѣ наказъ не данъ»; въ справкѣ Розряда по поводу этого-же указывается, что Елагинъ отпущенъ на воеводство въ 1663 г., а Колобакина велѣно назначить—«какъ Терентью дойдутъ два года» ¹⁾. Другой кандидатъ, Симонъ Желтухинъ, просилъ въ 1671 г., чтобы ему быть воеводой въ Ладогѣ, такъ какъ онъ служилъ многія лѣта въ польской и литовской землѣ и въ нѣмецкихъ городѣхъ, терпѣлъ многія нужи и на бояхъ вездѣ былъ и при взятіи Бреста раненъ въ голову, въ справкѣ же показано, что тогдашній ладожскій воевода—жилецъ Иванъ Панафидинъ отпущенъ на воеводство за службу и раны въ 1669 г., а непосредственно въ челобитной этого-же Панафидина говорилось, что онъ просилъ воеводства—«за службу и смерть его отца, а также и его (собственную) службишку» ²⁾. Вообще, какъ эти мотивы назначеній за раны, такъ и связанныя съ ними указанія на двухлѣтніе сроки самого воеводства, повторяются въ цѣломъ рядѣ современныхъ указовъ, такъ что эти новые правители перемѣнялись въ городахъ безпрестанно. Поэтому и въ Ладогѣ за періодъ 1617—1701 г. извѣстны имена слѣдующихъ 32 воеводъ:

Въ 1618 г. (Юль)—Вас. Фед. Неплюевъ и
Вас. Ив. Змѣевъ.

Въ 1628 г. (Апр.) — Князь Вас. Петровичъ
Крапоткинъ.

Въ 1628 г. (Юль)—Вас. Фед. Неплюевъ.

Въ 1631 г. (Юнь)—онъ-же.

Въ 1635 — 38 г. — Григорій Негановскій
(воевода?).

Въ 1638—39 г.—Никита Сумароковъ.

Въ 1641 г.—Онъ-же и Ив. Степ. Тучковъ.

Въ 1642 г.—Ив. Степ. Тучковъ.

Въ 1644 г. (Мартъ)—Князь Богданъ Пу-
тинъ.

Въ 1645 г.—Онъ-же и Вас. Оничковъ.

Въ 1646 г. (Январь) и 1647-мъ—Вас. Мих.
Оничковъ.

¹⁾ Моск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгор. стола, св. 8024.

²⁾ Тамъ-же.

Въ 1649 г.—Яковъ Лопухинъ и Надежа Кулибакинъ.	Въ 1671 г. (Февр.)—Симонъ Вас. Желтухинъ.
Въ 1650 г.—Надежа Кулибакинъ.	Въ 1673 г.—Родионъ Кокошкинъ.
Въ 1651—54 г.—Тихонъ Зыковъ.	Въ 1679 г.—Дорофей Лихачевъ.
Въ 1656 г.—Никита Бухвостовъ.	Въ 1686 г.—Дим. Игн. Полибинъ.
Въ 1660 г.—Пав. Мартыановъ.	Въ 1687 г. (Янв.)—Пав. Андр. Неплюевъ.
Въ 1660 г.—Фед. Бекетовъ.	Въ 1689 г. (Сент.)—Ив. Никитичъ Бужалиновъ.
Въ 1663 — 65 г. — Терентій Прок. Елагинъ.	Въ 1692 г. Ив. Тих. Бестужевъ.
Въ 1665 г. (Янв.)—1667 г. Семенъ Никитичъ Колюбакинъ.	Въ 1693 г.—Дан. Григ. Бачмановъ.
Въ 1667 г. (Юнь) — 1670 г. — Ао. Матв. Арцыбашевъ.	Въ 1697 г.—Сем. Мих. Лисицкой.
Въ 1669 г. (Юнь) и 1671 г. Иванъ Григ. Панафидинъ.	Въ 1698 г.—Фед. Ром. Камынинъ.
	Между 1682 и 1696 гг.—Степанъ Осиповичъ Полтевъ.
	Въ 1701 г.—Ив. Дан. Чириковъ.

Управление воеводъ было весьма разносторонне,—они вѣдали какъ государево (ратное) дѣло, такъ и земское; ихъ администраціи вообще подлежали и некоторые духовныя дѣла, дѣла иностранныя, военныя, помѣстныя, судебныя, полицейскія и финансовыя, но такое поле дѣйствій предоставлялось въ частности не всемъ воеводамъ, по крайней мѣрѣ судя по содержанию некоторыхъ дававшихся имъ наказовъ, касавшихся только извѣстныхъ сторонъ будущей дѣятельности того или другаго воеводы ¹⁾.

Такъ въ наказѣ 1671 г., данномъ ладожскому воеводѣ Желтухину, предписывалось:

Пріѣхавъ въ Ладогу принять городовыя ключи, нарядъ (пушки), зелье, разные пушечные и хлѣбные запасы, письменныя дѣла, денежную казну и списки военно-служилыхъ и прочихъ людей.

По городу держать караулы и сторожки; оберегать чтобы городу и всякимъ городовымъ крѣпостямъ и наряду и зелейной и свинцовой казнѣ ни отъ кого порухи не было.

Въ управныхъ дѣлахъ судить по челобитнымъ и сыски всякими сыскивать и по сыску управу дѣлать безволонитно.

Пошлины съ судныхъ дѣлъ имать съ рубля по гривнѣ, да пересуду и праваго десятка по 7 алтынъ 2 деньги съ суда, а спорныхъ судныхъ дѣлъ не вершить и отсылать для вершенія въ Новгородъ.

О всякихъ государевыхъ дѣлахъ и о вѣстяхъ писать въ Новгородъ-же, а мимо къ Москвѣ не писать, для того что Ладога новгородской пригородъ.

Въ Ладогѣ жить неоплошно и во всемъ государеву дѣлу искать прибыли.

¹⁾ Б. Чичеринъ: Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., 105.

Беречь накрѣпко, чтобы въ Ладогѣ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, корчемъ, зерни, табаку и непотребства ни у кого не было, въ противномъ случаѣ воровство унимать, корчемное питье отбирать и сдавать въ кабакъ, а на корчемникахъ и на питухѣхъ имать заповѣди и чинить наказаніе, отписывая о томъ въ Новгородъ.

Беречь накрѣпко и учинить заказъ всѣмъ, чтобы лѣтомъ въ жаркіе дни избѣ и мыленъ не топили и вечеромъ поздно съ огнемъ не сидѣли и не ходили, а для печенья хлѣбовъ и варки пинци подѣлать земляныя печи въ огородахъ и на удаленныхъ отъ хоромъ мѣстахъ.

На случай пожара велѣть въ городѣ на анбарахъ, въ рядахъ и по всѣмъ хоромамъ во дворахъ держать кади съ водою и съ вѣнниками.

Посадскимъ и всякимъ людямъ никакихъ обидъ и притѣсненій ради корысти не дѣлать; служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жильцкихъ людей отъ проѣзжихъ отъ всякихъ людей оберегать, чтобы обидъ и продажъ и никакихъ налогъ ни отъ кого не было; проѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей въ Ладогѣ не задерживать ¹⁾.

Такого-же содержанія и другіе указы ладожскимъ воеводамъ, почти дословно повторяющіе другъ друга ²⁾, но иногда яснѣе отмѣняющіе уголовную юрисдикцію воеводы, или заключающіе въ себѣ нѣкоторыя изъятія изъ сферы его управленія, какъ напр. одинъ изъ наиболѣе раннихъ наказовъ ладожскому воеводѣ Неплюеву (1628 г.), въ которомъ говорится, что—«которые люди учнутъ воровать, бить и грабить, и ему воровъ велѣти имати и про всякое воровство сыскивати накрѣпко и наказанье надъ тѣми воры чинити, смотря по винѣ, а монастырей, которые въ Ладогѣ, ни въ чемъ не вѣдати и въ доходные ему дѣла ни въ какія не вступаться» ³⁾.

Въ качествѣ присутственнаго мѣста воеводскаго управленія, въ документахъ касающихся Ладогѣ упоминается, за болѣе раннее время (1646—1678 г.), Съѣзжая изба ⁴⁾, а нѣсколько позднѣе (1665—1701 г.)—Приказная изба, представившія однако лишь разныя названія одного и того-же учрежденія, или бывшія синонимами, какъ по составу, такъ и по дѣлопроизводству; напр. въ Съѣзжей избѣ въ 1646 г. воевода точно также разбираетъ дѣло о спорной землѣ между ладожскими стрѣльцами и казаками ⁵⁾, какъ впослѣдствіи вершитъ судъ въ

¹⁾ См. прилож. VI.

²⁾ Напр. 1662 г. воеводѣ Елагину, 1667 г.—Арцыбашеву, 1669 г.—Панафидину и др. (Московск. арх. Мин. Юст.: Столбы Новгород. стола, № 8024).

³⁾ Тамъ-же, св. 7760.

⁴⁾ Дополн. акт. историч., т. III, № 36. Также Прилож. IV и IX.

⁵⁾ Документы Новгород. Казен. палаты въ Археограф. Комис., № 143.

Приказной; въ той и другой упоминаются подъячіе и пр. Въ Избѣ хранилась государева городская печать, денежная казна и все дѣлопроизводство, руководителемъ котораго былъ дьякъ, какъ ближайшій помощникъ воеводы; кромѣ него личный, составъ избы состоялъ изъ подъячихъ, приставовъ или недѣльниковъ, разсылщиковъ и сторожей, причемъ число подъячихъ было вообще различно ¹⁾ и напр., въ частности, въ Ладогѣ (въ періодъ 1665—1701 г.) ихъ упоминается лишь по одному, за исключеніемъ 1698 г., въ которомъ таковыхъ показано два ²⁾; что касается дьяковъ, то можно догадываться объ одномъ Семенѣ Углетикомъ, именемъ котораго скрѣплена по листамъ опись Ладоги 1665—67 г., вообще-же о нихъ въ документахъ умалчивается.

Въ какихъ отношеніяхъ къ администраціи стояли еще такъ называвшіеся площадные дьяки и подъячіе, сказать трудно, но въ послѣдніе годы XVII ст. они упоминаются въ Ладогѣ нѣсколько разъ. Напр. въ 1698 г. такихъ дьяковъ въ ней показано пять, а въ 1697 г. «площадныхъ дьячка» четыре ³⁾. Въ 1696 г. площаднымъ подъячимъ былъ Самсоновъ и производилъ досмотръ о ржи, свезенной съ земель Ивановскаго монастыря ⁴⁾, слѣдовательно функція его здѣсь носитъ характеръ оффиціальный, а отъ 1700 г. сохранилась заемная росписка сторожа Приказной избы ладожскому старостѣ, въ которой сказано, что «писать площадной подъячій Никитка Воробьевъ» ⁵⁾, т. е. здѣсь онъ играетъ роль какъ-бы публичнаго писца. Быть можетъ даже, что приказные подъячіе совмѣщали въ себѣ иногда и званіе площадныхъ, по крайней мѣрѣ въ документахъ 1699 и 1701 г., повидимому, одно и то-же лицо Иванъ Козловъ, показано въ Ладогѣ однажды подъячимъ Приказной избы, а въ другомъ случаѣ подъячимъ площаднымъ.

Наконецъ, при Приказной-же избѣ упоминается еще должностъ бпрюча (публичнаго глашатая), каковымъ въ 1687 г. былъ въ Ладогѣ посадской чело-вѣкъ Ждановъ.

Извѣстное участіе въ воеводскомъ управленіи было отведено и системѣ выборной, такъ какъ нѣкоторыя отрасли финансовой дѣятельности воеводъ

¹⁾ И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. Б. Чичеринъ: Областные учрежденія Россіи въ XVII в.

²⁾ По имѣющимся документамъ, подъячими въ Ладогѣ были: въ 1636 г. Иванъ Панфиловъ, въ 1670 г. — Вас. Кармалѣвъ, въ 1665—67 гг. — Федотъ Зеленинъ, въ 1678 г. — Богданъ Толкачевъ, въ 1689—92 гг. Ив. Алексѣвъ, въ 1693 г. Андр. Григорьевъ, въ 1694—1701 гг. — Андр. Недорѣзовъ и въ 1701 г. — Ив. Козловъ.

³⁾ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Опись Новугороду и пр.); также см. Прилож. XIV.

⁴⁾ Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комис., № 652.

⁵⁾ Изъ документовъ принадлежащ. Староладожск.: мѣщанину В. Парфенову.

находились въ вѣдѣніи особыхъ выборныхъ (подъ наблюденіемъ воеводы) лицъ, стоявшихъ во главѣ сбора таможенныхъ и питейныхъ пошлинъ.

Таможенное управленіе обыкновенно соединялось съ управленіемъ питейныхъ сборовъ ¹⁾, какъ дѣйствительно было во второй половинѣ XVII в. и въ Ладогѣ, но ранѣе тѣ-же управленія существовали тутъ, повидимому, отдѣльно и состояли въ завѣдываніи одно у головы таможенного сбора, другое — у головы кабацкаго сбора. Такими лицами упоминаются въ Ладогѣ въ 1641 г. Тим. Обросимовъ и Ив. Голубинъ, на которыхъ жаловался игуменъ Тихвинскаго монастыря, что «ѣхали монастырскіе крестьяне за рубежъ въ нѣмецкіе города къ Орѣшку для торговли Ладожскимъ озеромъ, за 20 верстъ отъ Ладого, а тотъ де Тимошка съ Ивашкомъ были въ Ладогѣ въ головахъ у таможенного и кабацкагобору и умысли для своей бездѣльной корысти...» и т. д. ²⁾. Позже однако встрѣчаются прямые указанія на совмѣщеніе этихъ должностей и въ Ладогѣ. Головы эти утверждались въ Новгородѣ: какъ напр. въ 1694 г. Ив. Замятинъ писалъ, что «по грамотѣ изъ приказа большіе казны и по наказной памяти князя Прозоровскаго (воевода въ Новгородѣ) велѣно ему быть въ Ладогѣ и на Пашѣ ³⁾ и на порогѣ ⁴⁾, у таможенногобору и на приписныхъ кружечныхъ дворѣхъ у питейной прибыли, въ нынѣшнемъ 202 году головою» ⁵⁾. Подъ надзоромъ этихъ головъ находились таможенныя, или таможенные дворы, и дворы кружечные, которыхъ иногда въ уѣздѣ было по нѣскольку ⁶⁾, причемъ въ Ладогѣ таможня существовала, повидимому, уже въ 1610 г., такъ какъ въ челобитной игумена Коневскаго монастыря испрашивается (по случаю уступки Корельскаго уѣзда шведамъ), чтобы при переѣздѣ монастырской братіи въ Новгородъ—«съ ихъ животомъ и съ хлѣба и съ судовъ въ Ладогѣ и на ладожскомъ порогѣ явки и пошлинъ имать не велѣть» ⁷⁾. О томъ-же сборѣ пошлинъ въ Ладогѣ, упоминается и въ 1629 г., въ виду уклоненія торговыхъ людей отъ ихъ уплаты, что «пріѣзжаютъ изъ нѣмецкихъ городовъ изъ Ивана-города, изъ Ямы, изъ Копорья, изъ

¹⁾ Б. Чичеринъ: Обл. учред. Россіи въ XVII в.

²⁾ Акты Археогр. Экспед., т. III, № 312.

³⁾ Притокъ р. Свири.

⁴⁾ Вѣроятно Волховскомъ, южнѣе Ладого.

⁵⁾ Документы Новгород. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи. Память Духова монастыря архим. Никодиму, 1694 г.

⁶⁾ Въ 1684 г. напр. показано: «Въ Великомъ Новгородѣ въ государевой казнѣ въ Приказной палатѣ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, которыя взяты у ладожскаго и панскаго и порожскаго у головъ съ цѣловальники, 800 рублей» (Дополн. акт. историч., т. XI, № 16).

⁷⁾ Русская историч. библіотека, т. II, № 101.

Орѣшка, изъ Корѣлы, торговые русскіе и нѣмецкіе люди и торгуютъ ѣзди по деревнямъ беспошлинно, а въ Новгородѣ и въ Ладогѣ и въ Порховѣ для пошлины не являются» ¹⁾, а въ 1670 г. и позже встрѣчается прямо и самое названіе «Ладожской таможи» ²⁾, какъ напр. въ 1694 г., когда въ Новгородѣ послѣдовало донесеніе, что старцы Софійскаго дома купили на Ладожскомъ озерѣ рыбу—«а на покупку тое рыбы денегъ въ ладожской таможи не явили и, купя тое рыбу, провезли судномъ мимо Ладогѣ, не явя-же и пошлины не плати, а довелось съ тое покупные рыбы уѣздные пошлины взять съ рубли по 10 денегъ» ³⁾. Въ 1670 г. упоминается въ Ладогѣ и кружечный дворъ, головой котораго показанъ Вавилко Гагринъ.

Любопытной стороной этихъ учрежденій является отдача ихъ на откупъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, тѣмъ-же головамъ и при томъ на откупъ даже обязательный ⁴⁾, что напр. было въ 1670 г. въ Ладогѣ. Такъ въ переписной книгѣ 176—178 г. великого государя грамотамъ и пр. ⁵⁾ упоминается «челобитная и выписка о отдачѣ на откупъ ладожскіе таможи и кабака новгородцу Золотареву», а также въ связи съ этимъ челобитная послѣдняго и память ладожскому воеводѣ «о перепискѣ и оцѣнкѣ таможеннаго и кружечнаго двора кабацкихъ заводовъ», причемъ довольно характерно, что въ случаѣ откупныхъ недоборовъ отвѣтчиками за нихъ являлись посадскіе люди, какъ видно напр. изъ одной сохранившейся росписки 1679 г. ⁶⁾, о пріемѣ денегъ, добранныхъ съ посадскихъ людей Ладогѣ, за голову пашскаго кабака и таможи.

Что касается отношеній воеводы къ упомянутымъ выборнымъ чинамъ, то ему принадлежало право финансоваго контроля надъ ними, какъ видно изъ одной памяти ладожскаго воеводы Камынина (1698 г.), въ которой онъ даетъ приказаніе ладожскому старостѣ Минину и посадскимъ людямъ выбрать изъ себя нѣсколькихъ довѣренныхъ, чтобы сдѣлать учетъ головы и цѣловальниковъ пашскаго кружечнаго двора, по продажѣ вина, пива и меда ⁷⁾.

Изъ другихъ служебныхъ чиновъ въ Ладогѣ, за періодъ воеводскаго

¹⁾ Акты Археогр. Экспед., т. III, № 180.

²⁾ Документы Новгород. Губериск. правленія въ Археограф. Комиссіи: Переписная книга 176—178 гг. великого государя грамотамъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ и столпомъ большого приходу».

³⁾ Документы Новгород. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи: Память Духова монастыря архим. Никодиму, 1694 г.

⁴⁾ Б. Чичеринъ: Облaсти. учрежд. Россіи въ XVII в., 403, 404.

⁵⁾ Документы Новгородск. Губериск. Правленія въ Археогр. Комиссіи.

⁶⁾ Изъ документовъ принадл. Староладожск. мѣщанину В. Парфенову.

⁷⁾ Также.

управления, встрѣчаются еще городничие у казны, съ ихъ цѣловальниками, и старосты; такимъ городничимъ первый разъ упоминается въ 1676 г. Матвѣй Быковъ, причемъ, какъ видно изъ современнаго документа ¹⁾, на рукахъ его состояли разные запасы боевые и кормовые, какъ-то—сложенныя въ анбары пищали, государева зелейная казна (порохъ, свинецъ, фитиль), сухари, соль и проч., что же касается старостъ, то они носили названіе посадскихъ и, слѣдовательно, въ Ладогѣ выбирались по одному на посадъ ²⁾.

Воеводское управленіе представляется въ весьма темныхъ краскахъ, ничѣмъ не лучшимъ предшествовавшаго намѣстническаго. Уже самая система кратковременныхъ сроковъ воеводства, притомъ въ смыслѣ извѣстной награды, указываетъ на извлекавшіяся воеводами матеріальныя выгоды изъ своего положенія, хотя этимъ правителямъ и полагалось извѣстное денежное отъ казны содержаніе, но весьма ограниченное. Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ исходѣ XVI в., передаетъ, что воеводы въ городахъ получаютъ отъ 30—100 руб. въ годъ, почему прибѣгаютъ къ притѣсненіямъ населенія, чтобы успѣть нажить въ теченіи своего воеводства, чѣмъ и возбуждаютъ противъ себя величайшую ненависть въ народѣ. Дѣйствительно, злоупотребленія, лихоимство и насилія, крайне разнообразныя и развитыя въ высшей степени, широко практиковались въ воеводскомъ управленіи и существовали повсюду, несмотря на всѣ запрещенія ³⁾, такъ что въ словахъ Флетчера нельзя видѣть преувеличенія; напр. въ царской грамотѣ 1620 г. указывается вообще, что—«въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ чинить насильства и убитки и продажи великія и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе» ⁴⁾. Не составляло, конечно, исключенія въ этомъ отношеніи и управленіе воеводъ въ Ладогѣ, въ которомъ равнымъ образомъ практиковались всевозможныя вымогательства, указывавшіяся напр. въ грамотѣ изъ Приказа Большаго двора воеводѣ Неплюеву (1687 г.), по поводу притѣсненія имъ крестьянъ Ивановскаго монастыря, что «нынѣ ты для своей бездѣльной корысти и многихъ взятковъ, того Ивановскаго монастыря въ вотчины посылаешь стрѣльцовъ и пушкарей, и крестьянъ и бобылей волочишь и убитчишь

¹⁾ См. прилож. XIII.

²⁾ Таковыми упоминаются: Въ 1649 г. Артемій Нѣмковъ, въ 1652—Ив. Полянскій, въ 1695 Артемій Охряевъ, въ 1698 Ефимъ Мининъ и въ 1700 Вас. Анфимовъ.

³⁾ См. Б. Чичерина: Обл. учр. Россіи въ XVII в., 310—317.

⁴⁾ Акты Археогр. экспед., т. III, № 115.

напрасно и отъ того твоего разоренія крестьяне и бобыли бредутъ врознь» ¹⁾. Обычность этихъ темныхъ сторонъ воеводскаго управления сквозитъ и въ самыхъ наказахъ ладожскимъ воеводамъ: въ этихъ наказахъ, при назначеніи воеводъ прибавлялось, что «ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ, для своей корысти обидѣ и иныхъ никакихъ налогъ не дѣлать и напрасно на нихъ не намечиваться», подѣ угрозой быть за то въ великой опалѣ.

Къ этимъ общимъ чертамъ мѣстнаго ладожскаго управления можно еще прибавить, что оно во многомъ стояло въ зависимости отъ административныхъ распоряженій, непосредственно исходившихъ изъ самого Новгорода, по крайней мѣрѣ въ періодъ управления воеводъ и намѣстниковъ, примѣровъ чему сохранилось довольно. Такъ, когда въ 1598 г. ладожскіе стрѣльцы были челомъ о своемъ тяжеломъ положеніи, то изъ Москвы присылается грамота на имя новгородскаго воеводы князя Ногтева съ товарищи, въ которой предписывается освободить стрѣльцовъ отъ покатей и пошлинъ и велѣно, чтобы—«въ Ладогѣ къ приказнымъ людемъ отписали-жъ и прочеть сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень оставили у себя, а сю нашу грамоту отдали естя ладожскимъ стрѣльцамъ»; въ этомъ-же указѣ говорится также, что упомянутыя подати взимали сборщики «пріѣзжая отъ васъ изъ Великого Новгорода». Въ 1555 г. въ грамотѣ новгородскимъ дьякамъ предписывается возвратить неправильно допращенныя ими деньги (намѣстничій кормъ) игумену Васильевскаго монастыря въ Ладогѣ и въ нѣкоторыхъ челобитныхъ ладожскихъ монастырей указывается позже, что «въ прошлыхъ годѣхъ ихъ братію и слугъ и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей судомъ и расправою вѣдали въ Великомъ Новгородѣ преосвященный митрополитъ, а великихъ государей всякія подати за вотчинныхъ крестьянъ и бобылей платили въ Великомъ Новгородѣ въ Приказной полатѣ», причемъ имѣются случаи спеціальнаго назначенія особыхъ лицъ для взысканія податныхъ недоборовъ, какъ напр. въ 1677 г., когда изъ Новгорода былъ посланъ боярскій сынъ Шульгинъ, доправитъ на игуменахъ нѣкоторыхъ ладожскихъ монастырей доимочныя полонянничныя деньги ²⁾. Въ подобныхъ примѣрахъ сквозитъ какая-то неясность финансовыхъ отношеній между Новгородомъ и его пригородомъ, или неясность финансовой дѣятельности намѣстниковъ, а позже воеводъ, но то-же замѣтно и въ сферѣ прочихъ отношеній тѣсно администра-

¹⁾ Акты историч., т. V, № 146.

²⁾ Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Ком. (Также Доп. акт. историч., т. I, № 150). Дополн. акт. историч. т. I, № 54. Грамота Приказа Большого двора 1687 г. (Акты историч., т. V, № 146). Документы Новгор. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи.

живныхъ. Имѣются указанія, что Ладога находилась въ завѣдываніи московскаго приказа «Новгородской Четверти» ¹⁾, а Новгородъ былъ промежуточной инстанціей, черезъ которую шли указы или распоряженія въ Ладогу и изъ последней присылались донесенія; такъ напр. въ указѣ 1610 г. новгородскимъ воеводамъ, о невзятіи пощлины съ имунства монаховъ Коневскаго монастыря, говорится—«и какъ къ вамъ сіи наша грамота придетъ и вы ей изъ Великого Новгорода въ Ладогу къ воеводамъ отписали...» и пр. ²⁾. Встрѣчается цѣлый рядъ памятей изъ Новгорода въ Ладогу, по разнымъ предметамъ: напр. въ 1649 г., грамотою изъ Приказа Большого двора новгородскому воеводѣ князю Хилкову, предписывается объ отводѣ угодьевъ Николаевскому ладожскому монастырю, а въ 1651-мъ по памяти изъ новгородской Сѣзжей избы дѣлается отводъ земли ладожскому-же Ивановскому монастырю; въ 1687 г. грамотою изъ Помѣстнаго приказа къ новгородскому воеводѣ Шереметеву, предписывается о взиманіи податей съ крестьянъ того-же Ивановскаго монастыря, а въ 1694-мъ, по памяти изъ Новгорода отъ воеводы князя Прозоровскаго, производится отводъ земли Зелененскому монастырю, донесеніе о чемъ требуется прислать въ Новгородъ и подать въ Приказной палатѣ и т. д., въ нѣкоторыхъ же воеводскихъ наказахъ встрѣчается даже запрещеніе, чтобы мимо Новгорода къ Москвѣ не писать—«для того, что Ладога новгородскій пригородъ». Но изъ самаго факта подобныхъ запрещеній можно заключить, что требуемый порядокъ сношеній, вѣроятно, нерѣдко подвергался нарушеніямъ, точно также какъ встрѣчаются случаи, что и изъ центральныхъ органовъ писали прямо въ Ладогу, минуя Новгородъ, какъ напр. въ 1687 г., когда Приказъ Большого двора непосредственно даетъ предписаніе ладожскому воеводѣ Ненюеву, относительно крестьянъ Ивановскаго монастыря ³⁾.

Все это подтверждаетъ и относительно управленія въ Ладогѣ ту запутанность, которая вообще характеризуетъ порядокъ отношеній и подчиненія областныхъ властей между собою и къ такимъ центральнымъ учрежденіямъ, какъ московскіе Приказы XVII столѣтія ⁴⁾.

Все вышесказанное о территоріи, населеніи и управленіи Ладоги, даетъ приблизительное понятіе о главнѣйшихъ формахъ ея административной, или внѣшней жизни, какъ города, но сохранилось нѣсколько фактовъ, могущихъ

Внутренній бытъ.

¹⁾ См. прилож. IV.

²⁾ Русская Историч. библіотека, т. II, № 104.

³⁾ Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 159, № 168, № 541. Документы Новгор. Губернск. Правленія (тамъ же). Акты историч., т. V, № 146.

⁴⁾ См. у Чичерина: Области. учрежд. Россіи въ XVII ст., 262, 267.

хотя слабо освѣтитъ и внутреннюю сторону той-же жизни, насколько она могла отразиться въ отношеніи церкви, промышленности, гражданскаго быта и въ разныхъ выдающихся событіяхъ такого общественнаго значенія, какъ народныя бѣдствія, военныя разоренія и проч.

Весьма любопытенъ вопросъ о томъ, когда приблизительно могла была быть просвѣщена Ладога христіанствомъ, такъ какъ извѣстно, что въ концѣ X вѣка первый митрополитъ русскій Михаилъ на пути въ Новгородъ вездѣ встрѣчался съ населеніемъ, утонавшимъ еще во мракѣ язычества, и хотя имъ были насажены здѣсь первыя сѣмена истинной вѣры, но онѣ даже въ самомъ Новгородѣ оставались почти безплодными. На сѣверъ, въ глубинѣ новгородскаго края, этимъ зачаткамъ христіанства проникнуть было еще труднѣе и въ немъ язычество господствовало съ полной силой въ теченіи всего XI столѣтія, о чемъ свидѣлствуетъ множество языческихъ курганныхъ могилъ этого времени, разсыянныхъ въ южномъ приладожьѣ и датированныхъ находками въ нихъ монетъ преимущественно XI вѣка ¹⁾. Приблизительно то-же самое было, конечно, и въ самой Ладогѣ, около которой также находятся упомянутыя могилы, но можно думать, что по крайней мѣрѣ къ началу XII вѣка, непосредственно въ ней язычество уже пало и явилась потребность въ сооруженіи каменныхъ христіанскихъ храмовъ, каковыми и были двѣ древнѣйшихъ ладожскихъ церкви—Св. Георгія, быть можетъ относящаяся къ XII стол. ²⁾, и Св. Климента—время построенія которой извѣстно вполне точно, именно указывается лѣтописью подъ 1153 годомъ. Постройка этихъ храмовъ, какъ сооруженій относительно монументальныхъ, дастъ въ свою очередь поводъ повторить здѣсь высказанное уже заключеніе (см. стр. 61)—что въ Ладогѣ, вѣроятно, уже ранѣе ихъ существовали какія нибудь молитвенные дома, или хотя малыя деревянныя церковки, свидѣтели первыхъ зачатковъ насажденнаго въ ней христіанства, которое потому можно считать болѣе или менѣе утвердившимся здѣсь по крайней мѣрѣ въ концѣ XI стол. Позже въ Ладогѣ встрѣчается уже значительное, для ея ограниченной территоріи, число церквей и монастырей, каковыхъ напр. въ XIV вѣкѣ въ ней насчитывается до десяти, въ виду чего надобно думать также, что собственно въ ней христіанство достигло полного развитія уже въ очень раннее время. Изъ области религіоз-

¹⁾ Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго приладожья (Матеріалы по археологій Россіи, № 18).

²⁾ Въ статьѣ А. Терешенко «О древностяхъ въ Старой Ладогѣ» (С.-Петербург. Губернск. вѣдомости 1849 г., № 22) передается преданіе, что будто бы на мѣстѣ Георгіевской церкви стояло прежде языческое капище, но преданіе это едва ли имѣетъ за собой какое либо основаніе, и конечно относится къ числу тѣхъ же легендъ, которыми вообще изукрашена Ладога.

наго быта Ладogi, одинъ фактъ нашелъ себѣ мѣсто даже въ лѣтописи, въ которой подъ 1554 г. занесено любопытное извѣстіе о чудѣ, совершившемся надъ слѣпой ладожанкой во время богослуженія: «Мѣсяца іюня въ 2 на Духовъ день на заутренѣ, Духъ Святый простилъ окомъ женушку, а та жена изъ Ладogi отъ Троицы съ посаду» ¹⁾.

Что касается болѣе глухихъ мѣстностей новгородскаго края и даже волости ладожской, то въ нихъ борьба христіанства съ язычествомъ продолжалась очень долго, о чемъ могутъ напр. свидѣтельствовать находки монетъ XIII в. въ языческихъ могилахъ Вотской пятины ²⁾, а изъ источниковъ письменныхъ извѣстно даже, что борьба эта не окончилась еще и въ началѣ XVI столѣтія. Такъ, въ 1534 г. новгородскій владыка Макарій писалъ къ Іоанну про «прелестъ кумирскую», что въ Вотской пятинѣ, въ Чудѣ, въ Ижерѣ, около Ивангорода, Копорья, Ладogi и др.—«прельцаемъ челоѣци отъ невидимаго врага діавола, а обычая держакхуся отъ древнихъ прародителей», что въ Чудѣ и въ Ижерѣ и въ Корѣлѣ и во многихъ мѣстахъ скверныя мольбища идольскія удержались даже до его, Макарія, владычества и—«суть-же скверныя мольбища ихъ лѣсъ и каменіе и рѣки и блага, горы и холмы, солнце и мѣсяць, просто всеі твари поклоняхуся яко Богу и жертву приношаху кровную бѣсомъ и проста челоѣка у себя держакху и почитаху яко священника, еже наришаху арбуемъ».

Результатомъ посланія Макарія было возложеніе на инока Ілію порученія — «искоренять прелести кумирскія и скверныя мольбища и которые не крещены, просвѣщати святымъ крещеніемъ» ³⁾.

По отношенію къ промышленной сторонѣ быта Ладogi сохранились немногія указанія, свидѣтельствующія, что послѣдняя уже изстари имѣла свое выдающееся значеніе въ нѣкоторыхъ видахъ натуральной промышленности древней Руси, именно въ пчеловодствѣ и промыслѣ рыбномъ.

Рыболовство практиковалось на Руси съ незапамятныхъ временъ и въ широкихъ размѣрахъ, причемъ часть рыбныхъ угодьевъ была въ распоряженіи князей и духовныхъ учрежденій, которые или пользовались ими сами, или собирали извѣстный оброкъ съ своихъ ловлей, другою-же пользовались частныя лица, такъ какъ тотъ-же промыселъ былъ распространенъ и въ народѣ. Такъ было и въ новгородской области, въ которой уже въ XII вѣкѣ занимались рыбной ловлей на Волховѣ, Бѣлоозерѣ, Ловати и др., причемъ имѣются указанія, что вообще въ тогдашнихъ рѣкахъ и озерахъ рыба водилась во

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III (Новгородск. II лѣтопись).

²⁾ Курганныя раскопки Л. Ивановскаго, въ Имп. Археолог. Комиссіи.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, прибавленія, 73.

множествѣ: напр. въ житіи Антонія Римлянина передается, что рыболовы по совѣту послѣдняго—«звергоша мрежи своя въ Волховъ и извлекоша на брегъ множество великихъ рыбъ, едва не проторжеса мрежа»; или въ лѣтописи подъ 1353 г., что «Новгородскіе людіе рыбы руками имаше у берега, сколько кому надобѣ» ¹⁾. Подобнымъ-же обиліемъ рыбы должна была отличаться и древняя Ладога, на что указываетъ цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ князьями, въ которыхъ излагаются извѣстныя ограниченія послѣднихъ, относительно права посылать своихъ ѣзовниковъ и осетрниковъ (т. е. рыбныхъ ловцевъ) въ Ладогу. Такъ, уже въ половинѣ XIII в. новгородцы договаривались съ великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ, что «осетрынику твоему ѣздити въ Ладогу по отца твоего грамотѣ», а позже то-же самое повторяется и въ договорахъ съ потомками его — великими князьями Михаиломъ Ярославичемъ и Александромъ Михайловичемъ ²⁾, или въ XV вѣкѣ (1434 — 1471 г.) съ великими князьями Василиемъ Васильевичемъ и Иоанномъ Васильевичемъ: въ этихъ грамотахъ также указывается, что «въ Ладогу слати осетреники по старымъ грамотамъ» ³⁾. Еще позже имѣется извѣстіе, что въ XVI в. ладожскіе рыболовы были обложены оброчной рыбой на государя: «Идетъ съ Ладожскаго озера на государевъ обиходъ оброчные поледные ладожскіе рыбы 640 сиговъ, 640 ладогъ, 640 сыртей, а иного году больши, а иного менши, какъ въ которомъ году государь укажетъ. А ловятъ ту оброчную рыбу рыбные ловцы города Ладоги и Ладожскаго присуду, да съ рядковъ на Ладожскомъ озерѣ и въ рѣки въ Волховъ по тонямъ» ⁴⁾. Наконецъ о томъ-же обиліи рыбы свидѣтельствуетъ самое число рыбныхъ тоней, которыхъ какъ въ Ладогѣ, такъ и на смежномъ съ нею теченіи Волхова, насчитывается въ древнихъ документахъ до 14. Изъ нихъ наиболѣе точно извѣстны лишь слѣдующія: а) Тоня Зимняя Подмогилицы, или Подмогилье, упоминаемая уже въ переписной книгѣ 1500 г. и находившаяся, по свѣдѣніямъ 1663 г., на Оболенской сторонѣ (т. е. на правомъ берегу Волхова), противъ Казачьей слободы, а 1677 г. — противъ ладожскаго посада и церкви Покрова Пресвятой Богородицы, т. е., по всей вѣроятности, противъ нынѣшняго урочища Побѣдища, или немного выше сел. Лопина (на правомъ берегу), гдѣ на обѣихъ сторонахъ Волхова находятся могильныя насыпи, отъ которыхъ и самая тоня могла получить

¹⁾ Н. Аристовъ: Промышленность древней Руси.

²⁾ Собрание Госуд. грамотъ и догов., т. I, №№ 2, 3, 6, 7, 8 и 15.

³⁾ Акты историч. т. I, № 258. Акты археогр. эксп. т. I, №№ 57 и 91.

⁴⁾ Грамота ладожскимъ рыбнымъ сборщикамъ и ловцамъ, 1585 г. (Акты археогр. эксп., т. I, № 327).

свое названіе; б) Тоня «противъ Любшина омуту», какъ она названа въ 1500-мъ же году, или по свѣдѣніямъ 1618—49 г. «Омутница» подѣ деревнею Велешею, принадлежавшая Ивановскому монастырю, и слѣдов. находившаяся въ разстояніи около двухъ верстъ (по прямой линіи) ниже Ладogi, гдѣ и понынѣ на лѣвомъ берегу находится селеніе Велеша, а на правомъ усадьба Любша; в) Тоня Бабина, принадлежавшая Васильевскому монастырю и въ 1666 г. показанная въ 3-хъ верстахъ ниже послѣдняго, подѣ пустошью Бабинымъ; г) Тоня Липка, Успенскаго монастыря, по свѣдѣніямъ 1619 г. указываемая на правомъ берегу Волхова, противъ монастыря Ивановскаго ¹⁾. Что касается сортовъ рыбъ, ловившихся въ Волховѣ, то въ документахъ XVI и XVII в. упоминаются: осетръ, сигъ, сырть, судакъ, лещъ, щука, ладога и сигѣтки.

Можно прибавить, что рыболовнымъ промысломъ занимаются и до сихъ поръ многіе изъ жителей Ладogi ²⁾, но нынѣ Волховъ уже не кишитъ, какъ въ старину, рыбою и уловъ сдѣлался весьма скуднымъ.

Относительно пчеловодства извѣстно вообще, что оно составляло отрасль промышленности древней Руси еще во времена язычества ³⁾ и напр. торговля воскомъ процвѣтала въ Новгородѣ уже съ раннихъ поръ, а варка меда была одною изъ важнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ, такъ какъ съ приготовленія его шелъ оброкъ въ казну князя ⁴⁾; кромѣ того, самый медъ, какъ напитокъ, имѣлъ издревле широкое распространеніе. Въ частности для Ладogi, о томъ-же свидѣлствуютъ выше упоминавшіеся договоры новгород-

) Прочія тони упоминаются еще слѣдующія:

Въ 1500 г.—Въ Обонежской пятинѣ (слѣдов. на прав. бер. Волхова) полъ-тони Скуделнича.

Въ 1618—49 г.—На Троицкомъ плесѣ подѣ Ляховскимъ боромъ тоня Ляхово, принадлежавшая Ивановскому монастырю.

Въ 1666 г. рыбныя ловли Васильевскаго монастыря: Полъ-тони Зимней подѣ Побѣдищемъ (выше Ладogi); полъ-тони Зимней подѣ Извозомъ (также); тоня съ «зачепомъ», противъ Васильевскаго монастыря, подѣ городомъ Ладогою; на Стачевѣ (?) мѣсто зимнее; тоня подѣ боромъ, въ 7 верстахъ ниже того же монастыря.

Въ 1677 г.—на Вотской сторонѣ (на лѣв. бер. Волхова) тоня Семня, вѣроятно Васильевскаго монастыря.

Въ 1678 г.—На Обонежской сторонѣ (т. е. на правомъ берегу) подѣ села Мыслова тоня Луговая.

²⁾ Весьма любопытенъ современный способъ ловли сига въ Волховскомъ порогѣ (южнѣе Ладogi), гдѣ рыбаки высматриваютъ ихъ и подхватываютъ небольшими сачками, стоя въ кожаныхъ одеждахъ среди стремнины.

³⁾ Извѣстны даже два случая находки кусковъ пчелинаго воска, въ курганныхъ могилахъ этого періода въ южномъ Приладожьѣ восточнѣе Волхова (Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго Приладожья).

⁴⁾ Н. Аристовъ: Промышленность древней Руси.

цевъ XIII, XIV и XV стол., въ которыхъ, рядомъ съ рыболовствомъ, обставляется извѣстными условіями и право князя относительно посылки своихъ медоваровъ, какъ напр. въ 1270 году:—«А въ Ладогѣ княже слати осетрникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава» ¹⁾).

Что касается самыхъ способовъ пчеловодства, то, безъ сомнѣнія, и въ Ладогѣ, какъ въ прочихъ мѣстахъ, оно въ древнѣйшія времена было простымъ бортничествомъ, т. е. пользованіемъ дикими пчелами въ бортахъ (природныхъ, или искусственно выдолбленныхъ дуплахъ); путешественникъ Кампензе даже еще въ 1523 г. сообщалъ, что Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревья, безъ всякаго присмотра; объ искусственномъ разведеніи пчелъ въ пасѣкахъ, или пчельникахъ, извѣстія начинаются вообще не ранѣе XIV столѣтія.

Наконецъ, еще одинъ видъ промышленныхъ занятій древнихъ ладожанъ было лоцманство на Волховѣ, по проводкѣ торговыхъ судовъ отъ Ладогѣ въ Новгородъ и обратно. Сношенія Новгорода съ нѣмецкими купцами извѣстны уже съ XI вѣка и одинъ изъ путей иностранной торговли пролегалъ издревле по Балтійскому морю, Невѣ, Ладожскому озеру и Волхову, а въ XIII в. уже извѣстны и письменные договоры Новгорода съ нѣмецкими городами, въ которыхъ между прочимъ встрѣчаются постановленія, касающіяся порядка плаванія по этому пути. Такъ въ договорѣ 1270 г. ²⁾ упоминается о наймѣ лоцмановъ для сопровожденія судовъ въ двухъ раіонахъ: по Невѣ и по Волхову отъ Алагеа (Ладогѣ) до Новгорода, а кромѣ того въ особой статьѣ еще прибавлено о лоцманахъ торговыхъ, которыхъ нѣмцы и голштинцы должны были требовать по прибытіи къ Волховскому порогу; отсюда ясно, что конечнымъ пунктомъ первой половины пути должна была быть именно Ладога, въ которой происходила остановка судовъ, перегрузка товаровъ на другія, для дальнѣйшаго слѣдованія вверхъ или внизъ по рѣкѣ, и вообще временное пребываніе иноземныхъ купцовъ, что доказывается, какъ существованіемъ здѣсь ихъ факторіи съ католическою церковью (см. стр. 50), такъ и одною изъ статей вышеупомянутаго договора, въ которой опредѣляется, что если во время пути будетъ пойманъ воръ между Котлиномъ и Ладогой, то его должно везти для суда именно въ послѣднюю, а если между Ладогой и Новгородомъ — то въ Новгородъ. Очевидно, что при такой роли Ладогѣ, въ ней-же долженъ былъ производиться и самый наемъ лоцмановъ, какъ въ центральномъ, лежащемъ по сосѣдству съ порогами пунктѣ, отстоявшемъ отъ

¹⁾ Собраніе Госуд. грамотъ и догов. т. I, № 3.

²⁾ И. Андреевскій: О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ.

послѣднихъ всего на приблизительно 10 верстъ, причемъ люцманѣ эти, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ¹⁾, были организованы въ артели, съ особыми старостами во главѣ каждой.

Къ этимъ свѣдѣніямъ о торгово-промышленной сторонѣ внутренняго быта Ладоги можно еще прибавить, что въ ней уже въ XVI ст. извѣстно существованіе двухъ ярмарокъ, происходившихъ въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ: въ писцовой книгѣ 1569 г. указывается, что «въ Ладогѣ-же на посадѣ анбары, а торгуютъ въ нихъ въ годъ по два праздника, на Успенье Пречистыя Богородицы (15 Авг.) да на Рождество Пречистыя Богородицы (8 Сент.), прѣзжіе посадскіе люди» ²⁾.

О другихъ сторонахъ быта представляется возможнымъ судить по отдѣльнымъ фактамъ выдающихся событій, отмѣченныхъ лѣтописью въ смыслѣ общественныхъ бѣдствій, время отъ времени постигавшихъ новгородскую область и въ частности Ладогу, рядъ которыхъ выслѣживается съ самыхъ отдаленныхъ временъ и которыя повторяясь почти періодически каждое столѣтіе, конечно должны были тяжело отражаться на внутреннемъ бытѣ населенія. Древнѣйшее свѣдѣніе, сюда относящееся, восходитъ къ концу X вѣка, когда по скандинавскимъ извѣстіямъ былъ взятъ, разоренъ и сожженъ городъ Альдейгобургъ (Ладога) норвежскимъ ярломъ Эрикомъ Гоканзономъ ³⁾. Въ XII вѣкѣ она двукратно была опустошена пожарами: первый разъ въ 1164 г., когда по словамъ лѣтописи—«придоша съѣе подѣ Ладогу и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася во градѣ съ посадникомъ съ Нежатою» ⁴⁾, т. е. городъ былъ зажженъ самими жителями, искавшими спасенія отъ шведовъ за стѣнами крѣпости, а второй спустя всего 30 лѣтъ, когда почти одновременно выгорѣли также Новгородъ и Руса; изъ лѣтописи видно, что это вторичное несчастіе постигло Ладогу, вѣроятно, ранней весной 1194 г., такъ какъ лѣтопись передаетъ, что «зажжеся пожаръ въ Новгородѣ въ недѣлю на всѣхъ святыхъ (въ первую недѣлю послѣ Троицына дня), томъ-же лѣтѣ и Ладога погорѣ переди (прежде) Новагорода» ⁵⁾. Въ первой половинѣ XIII в. самъ Новгородъ и новгородскій край были дважды поражены страшнымъ голодомъ, именно въ 1215 г., когда въ Вотской пятинѣ (въ которой лежала и Ладога) почти все населеніе вымерло или разбѣжалось, и въ 1230 г., унесшемъ также множество

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.—рус. народопр., т. II, гл. 8.

²⁾ Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комис., № 425.

³⁾ П. Бутковъ: О Альдейгаборгѣ (Сынъ Отечество, 1836 г.).

⁴⁾ Новгород. лѣт. по Синод. списку.

⁵⁾ Тамъ-же.

жертвъ по той-же причинѣ ¹⁾. Еще болѣе роковымъ было XIV столѣтіе, ознаменовавшееся рядомъ новыхъ бѣдствій: въ первой половинѣ его Ладога въ теченіи 24 лѣтъ была два раза выжжена шведами: одинъ разъ въ 1313 г., въ то время когда сами ладожане участвовали въ походѣ ²⁾, причемъ по нѣкоторымъ указаніямъ городъ былъ разграбленъ и часть населенія уведена въ полонъ ³⁾, другой разъ въ 1338 г., во время войны новгородцевъ съ шведами изъ за Карелии—«нѣмцѣ пригонивше Ладогу пожгоша посадъ, нъ города (крѣпости) не взяша» ⁴⁾; не успѣло населеніе оправиться отъ этихъ двукратныхъ погромовъ, какъ осенью 1352 г. Ладогу постигъ бичъ Божій «Черная смерть», опустошавшая уже съ 1346 г. восточныя и южныя страны, затѣмъ перебравшаяся въ Европу и черезъ три года обнаружившаяся въ Скандинавіи, а наконецъ и во всей Россіи, въ томъ числѣ въ Новгородѣ и Ладогѣ. О заразѣ этой лѣтопись упоминаетъ очень коротко:—«той-же осени (1352 г.) бысть моръ спленъ въ Новгородѣ и въ Ладозѣ» ⁵⁾, но съ какою силою она вообще свирѣпствовала, можно судить по тому, что напр. въ Псковѣ отъ нея уцѣлѣла едва одна треть жителей. Еще болѣе въ ужасныхъ размѣрахъ та-же зараза повторилась и въ началѣ XV столѣтія, когда въ одномъ Новгородѣ отъ нея въ теченіи полугода погибло до 8000 народа ⁶⁾; по словамъ лѣтописца, она свирѣпствовала лѣто и зиму 1417 года—«Бѣ моръ страшенъ въ Новгородѣ на людѣхъ и въ Ладозѣ и Псковѣ и во Тѣферн и по властемъ и по погостамъ» ⁷⁾, причемъ число ежедневно погибавшихъ было такъ велико, что ихъ не успѣвали предавать погребенію:—«умножишася умершихъ въ градѣхъ и селѣхъ, тѣмъ-же едва успѣваху живѣи мертвыхъ опрятывати, на всякъ день умираху толко, яко не успѣваху погребати ихъ»,—передаетъ лѣтопись и даже сообщаетъ самыя симптомы ужасной заразы—«прежде яко рогатиною ударитъ и явится желѣзъ, или начнетъ кровію харкати и потомъ дрожъ иметъ и огнь рождѣтъ по всѣмъ суставамъ»!

Но едва-ли даже этими двумя эпидеміями могутъ ограничиваться бѣдствія Ладоги въ томъ-же отношеніи, такъ какъ имѣются указанія, что моровыя

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв. рус. народопр., т. II, гл. 7.

²⁾ Новгород. лѣтоп. по Синод. списку.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт., т. X, 178 (Никоновск. лѣтоп.).

⁴⁾ Новгород. лѣтоп. по Синод. списку.

⁵⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, 62.

⁶⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. V, 215 (изд. 1818 г.).

⁷⁾ Новгород. лѣтоп. по Синод. списку. По III Новгород. лѣтописи (Полн. собр., т. III), бѣдствіе это случилось въ 1418 г.

болѣзни посѣщали Новгородъ еще въ 1390 и 1423—24 г.¹⁾ и хотя неизвѣстно, спускались-ли тогда эпидеміи по Волхову, но при тѣсной связи Новгорода съ Ладогой весьма вѣроятнымъ является, что зараза поражала и послѣднюю. Подобное-же значеніе можетъ имѣть извѣстіе и о голодѣ, вмѣстѣ съ эпидеміей свирѣпствовавшемъ въ Новгородѣ въ томъ-же 1423 г. и, вѣроятно, также отозвавшимся въ Ладогѣ.

О выдающихся событіяхъ въ Ладогѣ за XVI вѣкъ ничего неизвѣстно, но едва-ли и онъ миновалъ благополучно, ибо имѣются указанія, что въ 1582 или 1583 г. ближайшія окрестности Ладоги пострадали отъ шведовъ. По этой причинѣ напр. не могло быть закончено составленіе писцовой книги 1582 г., именно части Новгородскаго, Орѣховскаго и Ладожскаго уѣздовъ, потому что въ нихъ—«писцы не дописали для войны нѣмецкихъ людей 13 погостовъ, какъ стояли подъ Орѣшкомъ и подъ Ладогою нѣмецкіе люди»²⁾, а вѣроятно на тѣ-же разбои въ областяхъ Заонежской, на Ладогѣ и Двинѣ жаловались русскіе послы шведамъ и во время съѣзда 1586 г. на р. Плюсь³⁾.

Одну изъ самыхъ тяжелыхъ годинъ, пережитыхъ Ладогой, составляетъ эпоха смуты начала XVII ст., въ водоворотѣ которыхъ она съ ближайшими своими окрестностями снова подверглась разгрому и опустошеніямъ. Ниже, при обзорѣ военныя дѣйствій подъ Ладогой, событія эти изложены въ подробностяхъ, здѣсь же можно остановиться на фактахъ, рисующихъ то ея состояніе, которое явилось результатомъ этого бѣдственнаго для всей Россіи періода. Кругомъ Ладоги, начиная съ Никольскаго Медвѣдскаго монастыря (на устьѣ Волхова) и до Гостинопольскаго Николаевскаго (на Волховѣ, въ 20 верстахъ выше Ладоги), царствовало полное разореніе, о размѣрѣ и характерѣ котораго можно составить понятіе изъ современныхъ документовъ. Напр. въ грамотѣ 1620 г., данной игумену Медвѣдскаго монастыря Кириллу, перечисляется, между прочимъ, что—«Въ прошломъ (?) году ладожскій воевода...»⁴⁾

¹⁾ Н. Костомаровъ: Сѣв.-рус. народопр., т. II, гл. 7.

²⁾ Временникъ Общества ист. и древн., кн. XI, 48. Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ, на земли ладожскаго Ивановскаго монастыря, 1686 г., также повторяется, что «въ писцовыхъ книгахъ 7090 года того Иванскаго монастыря вотчинныя земли писаны не сполна, за войною отъ нѣмецкихъ людей» (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 506).

³⁾ Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. X, 107 (итд. 1818 г.).

⁴⁾ Грамота эта оказалась въ Новоладожской городской управѣ, но, къ сожалѣнію, въ повѣйшемъ спискѣ, весьма неисправномъ, съ пропусками и искаженіями нѣкоторыхъ словъ, очевидно не разобранныхъ переписчикомъ. Въ ней имя упомянутого «воеводы» (непріятельскаго) прописано «Андрекинберъ», по всей вѣроятности представляющее искаженіе имени того изъ шведскихъ начальниковъ, который въ русскихъ донесеніяхъ 1615 г. названъ «Кобринимъ» и

того Никольскаго монастыря бывшаго игумена Феодорита и служителей монастырскихъ пыталъ всякими разными пытками и покинули въ тюрьму замертва, а въ монастырь прислали многихъ нѣмецкихъ людей и монастырь разорили, образы и колокола и свѣчи и паникадила и всякую монастырскую казну, лошадей и коровъ и хлѣбъ монастырской въ житницахъ въ монастырѣ и по селамъ весь пограбили и по полямъ сѣяной хлѣбъ и у крестьянъ пожавъ, смолотивъ свезли въ Ладогу, и старцевъ и слугъ и крестьянъ многихъ побили до смерти и монастырь и монастырскіе гумна все выжгли и церкви каменные разломали и ихъ разорили до основанія». Равнымъ образомъ былъ разоренъ и монастырь Гостиннопольскій, въ которомъ—«церковь живоначальныя Троицы да 20 келій сожгли нѣмецкіе люди» ¹⁾, а также и Васильевскій противъ Ладоги, о которомъ валаамскіе старцы писали въ 1618 году, что онъ—«стоитъ пусть, игумена и братья въ немъ нѣтъ, лишь-де живутъ три служки» ²⁾; упоминаемый Васильевскій монастырь былъ въ такой крайности, что когда въ 1620 г. онъ началъ «ставиться послѣ войны нѣмецкихъ людей вновь», то до 1627 г. богослуженіе въ немъ совершалось при освѣщеніи дранью и братія, скорбя о томъ, приносила жалобы, что «у нихъ-де въ церкви Божіи, служащи съ лучиною, образы закомпѣли» ³⁾.

Не лучше была участь обитателей, находившихся и въ самой Ладогѣ. Въ 1621 г. старица Акилина съ сестрами, заботясь о восстановленіи благосостоянія Успенскаго дѣвичьяго монастыря, заявляла въ своей челобитной, что «онѣ отъ нѣмецкаго разоренія скитались между дворовъ и кормились Христовымъ именемъ и ихъ прежнюю жалованную грамоту и всякую монастырскую казну помнили и сестеръ побили нѣмецкіе люди, въ тѣ поры какъ имали Ладогу». Ревнитель другаго монастыря (Николаевскаго) черный попъ Феодосій, въ своемъ челобитѣ 1622 г. о возвращеніи монастырской вотчины, указывалъ, что—«онъ-де попъ Феодосій, постриженникъ монастыря, скитается до нынѣ межъ дворовъ, а государево-де богомолье монастырь Николы Чудотворца, что въ Ладогѣ на посадѣ, отъ нѣмецкихъ людей стоитъ разоренъ до основанія» ⁴⁾. Наконецъ, о Георгіевскомъ Застѣнномъ монастырѣ (внутри Ладожской крѣпости)

дѣйствительно былъ въ Ладогѣ въ описываемое время (см. ниже—военныя дѣйствія подъ Ладогой).

¹⁾ Докум. Новг. Каз. Пал. въ Археогр. Ком., № 174.

²⁾ Акты Археогр. Эксп.; т. III, № 96.

³⁾ Документы Новгор. Духовной Консист. въ Археогр. Ком., № 52. Документы Новгор. Казен. палаты, № 92 (Тамъ-же).

⁴⁾ Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком. №№ 57 и 66.

известно, что, въ виду постигшаго его разоренія, онъ былъ снова освященъ лишь въ 1618 году.

Такимъ образомъ, кругомъ и на самой Ладогѣ всюду лежала печать насилия и грабежа непріятеля, подъ власть котораго она дважды попадала на продолжительное время, начиная съ 1610 г., до окончательнаго умиренія края Столбовскимъ миромъ (1617 г.), послѣ котораго начало только вновь собираться разбѣжавшееся населеніе и понемногу стали изглаживаться слѣды этого бѣдственнаго для нея періода.

Наконецъ послѣднимъ несчастіемъ, постигшимъ Ладугу за время ея существованія, какъ города, былъ новый пожаръ, испепелившій ее въ ночь на 24 Апрѣля 1702 г., извѣстіе о чемъ занесено въ старинный синодикъ ладожскаго Успенскаго монастыря, сдѣлавшагося также жертвой огня при этомъ случаѣ.

Изъ совокупности всѣхъ этихъ бѣдствій, періодически обрушивавшихся на Ладугу, въ составѣ которыхъ лѣтописями насчитывается 5 опустошительныхъ пожаровъ, 2 моровыхъ эпидемій, 2 голода и не менѣе шести непріятельскихъ нашествій, едва-ли можетъ слагаться выгодное представленіе относительно условій внутренняго ея быта, тѣмъ болѣе, что сохранилось нѣсколько указаній и объ обременительномъ положеніи населенія отъ тягостей характера тѣсно административнаго. Уже въ самыхъ системахъ намѣстническаго и воеводскаго управленія въ XVI и XVII столѣтіяхъ, заключался источникъ многихъ темныхъ сторонъ современнаго имъ гражданскаго быта, но на послѣднія есть указанія и самостоятельныя, т. е. независимыя отъ сопряженныхъ съ этимъ управленіемъ злоупотребленій. Къ сожалѣнію, указанія эти въ данномъ случаѣ довольно скудны и имѣются только за время сравнительно позднее, но безъ сомнѣнія они представляютъ лишь отрывки изъ цѣлой цѣпи фактовъ, сюда относящихся.

Такъ въ 1649 г. населеніе Ладожскаго уѣзда и посадскіе люди Ладуги жаловались, что «въ Великомъ Новгородѣ городовое дѣло дѣлаемъ и всякіе подати платимъ вмѣстѣ съ пятинами и на нѣмецкомъ рубежѣ на Лавци рѣки (на р. Лавѣ) крестьяншка и посадскіе людшка безпрестанно стоятъ съ подводами подъ послы и подъ посланники и подъ гонцы и для всякихъ государевыхъ дѣлъ и мосты мостимъ отъ нѣмецкаго рубежа и до Ладуги по дорогѣ»¹⁾. Далѣе—имѣются жалобы на обремененія населенія ладожскаго двойнымъ тягломъ: въ Новгородъ и въ Ладугу;—въ одномъ указѣ 1674 г. говорится, что въ 1671 г. Ладожскаго уѣзда помѣщики, дворяне и дѣти

¹⁾ См. прилож. V.

боярскіе били челомъ великому государю, что «отъ того-де лишняго тягла крестьяне и бобыли ихъ оскудали и многіе разбреліся врознь и пожаловать-бы ихъ велѣть крестьяномъ и бобылямъ ихъ всякіе наши великого государя подати платить въ Новгородъ съ иными новгородскими крестьяны вмѣстѣ, а лишняго тягла города Ладоги и Лавуйскаго острожка ¹⁾ тянуть и въ Ладогѣ ихъ вѣдать не велѣть», и что просьба была уважена — «велѣно противъ ихъ челобиття новгородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые испомѣщены около города Ладоги, въ податѣхъ быть къ тому городу (Новгороду), а въ Ладогѣ податями быть не велѣть» ²⁾; за то все бремя прежняго двойнаго тягла легло на прочее населеніе и, напр. относительно крестьянъ монастырскихъ, въ томъ-же указѣ приводится, что въ 1674 г. вновь били челомъ ладожскіе игумены Осодоритъ и Евѣимій (Ивановскаго и Николаевскаго монастырей), ссылаясь на упомянутое освобожденіе, что съ тѣхъ поръ—«со 179 года воеводы правятъ на ихъ монастырскихъ крестьянѣхъ за весь Ладожской уѣздъ, а прежде сего дворцовые и помѣщичьіе крестьяне Ладожскаго уѣзду платили въ городѣ Ладогѣ всякое тягло и въ городовую подѣлку и во всякіе расходы и въ хоромное строеніе и въ бѣрѣичи и въ заплечные мастера и Приказные избы и въ теремные сторожи и въ воротники и въ цѣловальники и въ перевозчики, съ ихъ крестьяны вмѣстѣ. И нынѣ-де то все тягло въ городѣ Ладогѣ платятъ ихъ монастыря крестьяне съ дву монастырей за весь Ладожской уѣздъ и въ Великій Новгородъ съ уѣздными людьми всякіе подати платятъ-же и отъ того двойнаго тягла и неоплатнаго правяку крестьяне-де ихъ въ конецъ разорились и врознь разбреліся». Поэтому монастырская братія просила, чтобы ихъ крестьянамъ также платить тягло въ Новгородѣ, а не въ Ладогѣ, или велѣть дворцовымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ Ладожскаго уѣзда платить всякія подати по прежнему съ ними вмѣстѣ, вслѣдствіе чего прежнее рѣшеніе относительно крестьянъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ, тѣмъ-же указомъ 1674 г., распространено и на монастырскихъ: «всякіе подати и поборы и въ городовое строеніе собирать въ Великомъ Новгородѣ, а въ Ладогу имъ никакихъ податей и поборовъ платить не велѣть. А буде въ Ладогѣ прилучится какое городовое строеніе и иныя какія починки небольшія, безъ которыхъ быть не мочно, о томъ о всемъ изъ Ладоги воеводамъ писать въ Великій Новгородъ и на такія городовые строенія и на починки и на иные расходы деньги посылать изъ Великаго Новгорода изъ новгородскихъ доходовъ».

¹⁾ Пограничный пунктъ на р. Лавѣ, верстахъ въ 35 западнѣе Ладоги.

²⁾ Указъ 1674 г., безъ начала (изъ документовъ Староладожск. Николаевск. монастыря).

Но, какъ видно, и при этихъ условіяхъ, повинности все таки оставались обременительными, судя напр. по челобитію Никодима, игумена Зеленецкаго монастыря, который въ 1688 г., ходатайствуя, чтобы крестьянъ приписныхъ къ послѣднему Ивановскаго и Васильевскаго монастырей въ Ладогѣ, судомъ и управою вѣдать въ Новгородѣ, писалъ, что—«тѣхъ-де монастырей за крестьянъ и за бобылей стрѣлцкой хлѣбъ и иные всякіе подати платятъ они изъ монастырской своей казны въ Великомъ Новгородѣ и подъ пословъ и подъ всякую великихъ государей казну за тѣхъ крестьянъ подводъ ставятъ съ иными новгородскими монастыри вмѣстѣ и сверхъ тѣхъ подводъ ямскія и полоничныя денги платятъ по вся годы и мостовое и городовое дѣло въ Великомъ Новгородѣ по розвытку строятъ; а изъ Великаго Новгорода и изъ Ладogi присылаютъ для всякихъ и челобитческихъ дѣлъ посыльныхъ всякихъ чиновъ людей и тѣ-де посыльщики пріѣзжая тѣхъ монастырей въ вотчины у крестьянъ и у бобылей емлютъ подводъ и кормы сильно, и отъ того-де насильства крестьяне и бобыли ихъ многіе разбѣлись и достальныя оставя домишки свои бредутъ врознь»¹⁾. Слѣдствіемъ челобитія было повелѣніе, чтобы монастырскихъ людей вѣдать въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ и въ уѣздѣ ихъ не убытчить, не волочить безъ указу подводъ и кормовъ лишніхъ отнюдь не имать.

Собственно посадскіе люди Ладogi, жаловались на свои тягости еще въ 1652 г., причемъ любопытно, что они уже въ то время указывали на непричастность къ ихъ тяглу тѣхъ-же дворцовыхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ, о которыхъ шла рѣчь выше, изъ чего можно заключить, что вышеупомянутые указы 1674 и 1688 г. вѣроятно были уже повторительными. Посадскіе люди писали, что сначала, послѣ нѣмецкаго разоренья (т. е. послѣ Столбовскаго мира), они «всякіе подати и тягла городовые и посадскіе отпуски и въ подводъ и въ цѣловальники и къ Сѣзжей избѣ и къ тюремѣ въ сторожи и въ полача и въ бѣрюча и черезъ рѣку Волховъ въ перевозчика, все тинули вмѣстѣ съ ладожскими уѣздными людьми и дворцовыми и помѣщичьими и съ монастырскими крестьяны въ седьмую выть, а какъ пріѣзжаютъ въ Ладogu государевы послы и посланники и въ прошломъ во 159 году были межевые судьи и подводъ ставили все мы и стояли у насъ въ посадѣ многое время и дрова и лучину у насъ держали, а того Ладожскаго уѣзду дворцовые и помѣщичьіе и монастырскіе крестьяне тѣхъ подводъ и становъ и ни въ чемъ намъ не помогаютъ, чинятся сильны, только во всякихъ городскихъ расходѣхъ и въ подводѣхъ погибаемъ одни мы посадскіе людишка; а нынѣ

¹⁾ Грамота новгородскому воеводѣ князю Прозоровскому, 1688 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 554).

Ладожского уѣзду дворцовые и помѣщичіе и монастырскіе крестьяне въ томъ во всемъ городскомъ тяглѣ и въ податяхъ въ Ладогѣ не судимы и ни въ чемъ съ нами не считаются». Далѣе прибавлено, что въ 1648 г. они-же были челомъ на тѣхъ крестьянъ о томъ-же тяглѣ, податяхъ и подводахъ, и что по поводу этого имъ дана изъ Новгородской Четверти счетная грамота, чтобы крестьянамъ съ ними во всемъ считаться и во всякіе государевы доходы тянуть» ¹⁾).

Кромѣ указанныхъ условій, на экономическую сторону быта извѣстнымъ гнетомъ должны были ложиться и разныя повинности по сооруженію или ремонтамъ городскихъ укрѣплений, по нарядамъ для перевозки военныхъ грузовъ, по отправленію военной службы и т. д. Напр. въ 1649 году, по случаю ремонта ладожской крѣпости, все населеніе уѣзда, равно какъ и посадскіе люди самой Ладоги, прося объ облегченіи ихъ въ этомъ дѣлѣ указывали, что въ ней обѣ крѣпости (каменную и деревянную) ремонтировали изстарѣ всѣмъ Новгородскимъ присудомъ и иными многими городами, уѣздами и погостами, а въ 1646 г. крупный ремонтъ былъ, по распоряженію воеводы, произведенъ исключительно силами одного «малаго и раззореннаго» уѣзда Ладожскаго, въ виду чего многіе изъ посадскихъ людей и крестьянъ ушли за рубежъ, да и остальные бредутъ розно ²⁾). Въ книгахъ Ямского стола, между 1657 — 1661 г. записано распоряженіе, чтобы «около Ладоги и въ Обонежской пятинѣ у сошныхъ людей переписать, сколько у кого лошадей, и тѣхъ лошадей посылать въ подводы подъ нарядъ и подъ всякіе пушечные и хлѣбные запасы въ острожекъ на Лавую для походу за рубежъ» ³⁾). Въ 1655, 1672, 1692 и 1693 годахъ все невоенное населеніе Ладоги показано вооруженнымъ ⁴⁾), и т. д.

Наконцѣ, болѣе мелкими штрихами въ картинѣ внутренняго быта, могутъ также служить разныя указанія на раздоры между обывателями Ладоги, какъ напр. упоминаемые въ челобитѣхъ братіи Васильевского монастыря 1642 г., что «дворяне и дѣти боярскіе и подъячіе и ладожскіе стрѣльцы и казаки имъ старцамъ и служакамъ ихъ чинятъ шкоту и продажу, и животину ихъ монастырскую бьютъ и хвосты сѣкутъ и гривы стригутъ и отъ того они въ конецъ погибли» ⁵⁾), или какъ въ жалобѣ Зеленецкаго игумена Никодима 1688 г., что

¹⁾ См. прилож. IV.

²⁾ См. прилож. V.

³⁾ Книга разнымъ грамотамъ и проч. съ 135 по 169 г., л. 303 (Документы Новгород. Губернск. правленія въ Археограф. Комиссіи).

⁴⁾ См. прилож. IX, XII и XIV.

⁵⁾ Грамота объ отдачѣ Васильевскому монастырю пустоши Макаровщины (Документы Новгор. Казенной палаты въ Археогр. Ком., № 126).

приписныхъ Ивановскаго и Васильевскаго ладожскихъ монастырей «всякаго чину люди живутъ въ городѣ Ладогѣ съ подъячими и съ иными приказными людьми смежно и межъ ими бываютъ ссоры, и мстя тѣ ссоры, подъячіе и иныхъ чиновъ приказные люди въ челобитческихъ дѣлахъ тѣхъ монастырей всякихъ чиновъ людямъ и крестьяномъ и бобылямъ чинятъ волокиты и убытки великіе» ¹⁾. Рядъ подобныхъ мелочей, въ общемъ вопросѣ о внутреннемъ бытѣ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть свое значеніе, ибо можетъ давать извѣстный отбѣнокъ теченію современной имъ общественной жизни.

Въ качествѣ пограничнаго пункта, Ладогѣ уже съ самыхъ раннихъ временъ неоднократно приходилось видѣть непріятеля какъ въ своихъ окрестностяхъ, такъ непосредственно и самой выносить всю тяжесть подобныхъ нашествій. Выше уже упоминалось извѣстіе о разореніи Ладоги норвежцами еще въ X стол., а затѣмъ имѣется указаніе на вторженіе шведовъ въ Ладужскую область въ 1144 г., не коснувшееся, впрочемъ, непосредственно самого города ²⁾. Древнѣйшее извѣстіе, по нашимъ лѣтописямъ, о непріятельскомъ нападеніи на самую Ладогу относится къ 1164 г., т. е. спустя около 50 лѣтъ послѣ возведенія въ послѣдней каменной крѣпости; въ Маѣ мѣсяцѣ шведы на 55 шнекахъ явились испытать силу недавно сооруженной твердыни, но ладожане въ виду нападенія сами зажгли свои жилища и заперлись въ послѣдней, пославъ въ Новгородъ гонца съ извѣстіемъ. Въ Субботу (23 Мая, какъ надо заключить изъ словъ лѣтописи) ³⁾ непріятель подступилъ къ Ладогѣ, но вѣроятно неудачно попытавшись овладѣть ею открытою силою, или быть можетъ провѣдавъ о приближеніи выручки изъ Новгорода, столь-же быстро отступилъ въ Ладужское озеро и скрылся въ устьѣ рѣчки Ворона ⁴⁾, гдѣ Мая 28-го былъ настигнутъ княземъ

Военныя дѣйствія подъ
Ладогой.

¹⁾ Тамъ-же, № 554.

²⁾ Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. II, 198 (изд. 1818 г.).

³⁾ Новгород. лѣтопись по Синод. сп., 145: «Придоша съѣе подѣ Ладугу и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомъ съ Нежатою, а по князя послаша и по новгородци. Они-же приступиша подѣ городѣ въ Суботу и не успѣша ничтоже къ граду, нѣ большю рану воспріаши и отступиши въ рѣку Воронай. Пятый-же день приспѣ князь Святославъ съ новгородци и съ посадникомъ съ Захаріей и навориши на нѣ мѣсяца Мая въ 28, на св. Елалія въ четвркъ въ часѣ 5 дни и побѣдиша я Божією помощію, овы исѣкоша, а инны изимаша, приши бо бяху въ полушестадьсѣтъ шнекъ, изимаша 43 шнекъ, а мала ихъ убѣжаша и ти ѣзвыни».

Тверская лѣтопись (Полн. собр. рус. лѣт., т. XV, 236), вопреки прочимъ, датируетъ сраженіе 20-мъ Мая.

⁴⁾ Быть можетъ нынѣшня р. Воронега, впадающая въ Ладужское озеро восточнѣ Сяси. Здѣсь недалеко отъ устья (близъ дер. Шахновой) существуетъ большое курганное кладбище, но происхожденіе его едва-ли имѣетъ связь съ описаннымъ сообщеніемъ, такъ какъ судя по раскопкамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ, они представляютъ бытовныя могилы языческаго періода.

Святославомъ Ростиславичемъ съ посадникомъ Захаріей и потерпѣлъ полное пораженіе.

Слѣдующее насильственное занятіе Ладоги произошло спустя болѣе ста лѣтъ, когда она неожиданно была захвачена дружиною князя Довмонта псковскаго, что случилось 1 Января 1281 г., во время усобицы между великимъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и братомъ его Андреемъ. Подробностей объ этомъ набѣгѣ не имѣется, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ лишь, что «того-же дни (Января 1) изгони Довмонтъ Ладогу» ¹⁾, но ближайшимъ толчкомъ къ нему послужили—съ одной стороны захватъ княземъ Димитріемъ и зятемъ его Довмонтомъ Копорья, а съ другой—новгородцами семьи того-же Димитрія, въ виду чего Довмонтъ и ворвался въ Ладогу, изъ которой вывезъ казну своего тестя «и задрюша и ладожского» (?), какъ прибавлено въ лѣтописи.

Въ первой половинѣ XIV вѣка Ладога дважды подверглась непріятельскому нападенію. Въ 1313 г. шведы, быть можетъ, воспользовавшись отсутствіемъ ладожанъ, бывшихъ въ какомъ-то походѣ, разграбили и сожгли городъ, уведя съ собою много полона ²⁾; въ другой разъ въ 1338 г. тѣ-же шведы, поддерживая измѣну и безпорядки, начавшіеся между русскими корелами, снова успѣли неожиданно напасть на Ладогу и, хотя опять выжгли посадъ, но по словамъ лѣтописи самую крѣпость взять не могли ³⁾.

Затѣмъ до исхода XVI вѣка, извѣстій о какихъ-либо военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ладогой не встрѣчается, но въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго послѣдняя, вѣроятно, опять видѣла подъ своими стѣнами стараго исконнаго непріятеля. Во время нашествія поляковъ, когда войска Стефана Баторія осадили Псковъ, шведы подъ предводительствомъ Понтуса Делагарди вооруженною рукою заняли Нарву, Ямбургъ и Копорье, побывали подъ Орѣшкомъ, а летучіе ихъ отряды достигли до Волхова и въ 1582 г. опустошили ближайшія окрестности Ладоги; подробностей объ этомъ до насъ не дошло, но извѣстно напр., что тогда былъ разоренъ Николаевскій Медвѣдскій монастырь, находившійся при устьѣ Волхова, т. е. всего верстахъ въ 12 отъ Ладоги, такъ какъ во вновь данной жалованной грамотѣ 1584 года, игумену монастыря Іосифу съ братією, говорится, что—«въ прошломъ 90 (1582) году приходили подъ

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп., т. III, 64.

²⁾ Въ Новгород. лѣтописи объ этомъ упоминается очень кратко:—«Выѣха посадникъ ладожскій съ ладожаны на войну и по грѣху нашимъ изѣхаша нѣмци Ладогу и пожгоша», въ Никоновской-же (т. X, 178) прибавлено—«и нѣмцы пришедше Ладогу взяша и сожгоша и люди въ полонъ повѣдоша и со многимъ богатствомъ возвратишася въ свояси».

³⁾ Новгород. лѣт. по Синод. списку, 334: «Воеваша нѣмцѣ съ корелою много по Обонижью, послѣ-же и Ладогу пожгоша, пригонивше, посадъ, и города не взяша».

Орѣшокъ нѣмецкіе люди воевати и ихъ деп монастырь вывоевали и старцовъ и слугъ пристѣкли, а иныхъ въ полонъ поймали» ¹⁾. Въ другой челобитной игумена Медвѣдскаго монастыря Феодорита 1588 г., упоминаемое раззореніе отнесено къ 1583 году и говорится, что «въ прошломъ 91 году приходили подъ Ладогу нѣмецкіе воинскіе люди и тотъ-де монастырь воевали и монастырская де ихъ вотчина отъ нѣмецкой войны стала пуста и прокормиться нечѣмъ» ²⁾; можно прибавить, что извѣстіе о томъ-же, хотя и менѣе определенное, встрѣчается также въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. ³⁾, въ которой про Введенской погостъ на р. Ояти ⁴⁾ показано—«нынѣ монастыри Введенской въ острову, а въ немъ церковь Богоявленіе Господне, да мѣсто церковное, что была церковь Веденье Пречистые, да мѣсто церковное, что была церковь Петра и Павла, а церкви пожгли нѣмецкіе люди».

Наконецъ сохранилось еще указаніе, что тѣ-же шведы воевали въ южномъ Приладожьѣ и въ началѣ Сентября 1592 г., почему легко быть можетъ, что появлялись тогда-же и около самой Ладоги. Такъ, въ перенписной книгѣ Софійскихъ вотчинъ 1592 года читаемъ: «Въ нынѣшнемъ въ сотомъ году на Рождество Пречистые день, приходили на Сермаксу нѣмецкіе люди войною и тое церковь (во имя Вознесенія Господня и великомученицы Параскевы) и крестьянскіе и бобыльскіе дворы пожгли» ⁵⁾.

Начало XVII вѣка,—бѣдственная година самозванцевъ и междоусобицъ, составляетъ не менѣе тяжкую эпоху и въ военныхъ лѣтописяхъ самой Ладоги, снова подвергнувшейся тяжести иноземнаго нашествія, несмотря на свою отдаленность отъ театра роковыхъ событій того времени. Договоръ съ Швеціей заключенный въ виду безвыходнаго положенія царемъ Васи́ліемъ, для полученія вооруженной помощи противъ поляковъ и скопницъ втораго самозванца, имѣлъ

¹⁾ Дополн. акт. историч., т. I, № 130. Вѣроятно въ связи съ этими военными дѣйствіями находится и фактъ находки, при раскопкахъ въ Староладожск. городищѣ, шведской монеты 1573 г. (См. ч. II).

²⁾ Акты историч., т. IV, № 44. Любопытно, что указаніе на тотъ же годъ приводится и въ грамотѣ 1663 г. Савво-Стороженскому монастырю, въ которой упоминается—«Рядокъ изъ устьѣ Волховскомъ, а въ немъ 19 дворовъ крестьянскихъ пусты, хоромы пожгли и крестьянъ побили нѣмецкіе люди въ 91 (1588) году». (Документы Московск. архива Минист. Юстиціи, № 8450).

³⁾ Выпись на церковныя земли Обонежской пятины Заонежской половины, 1685 г. (Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Ком.).

⁴⁾ Верстахъ въ 60 отъ Ладоги. Рѣка Оять впадаетъ въ Свирь недалеко отъ Ладожскаго озера.

⁵⁾ Документы Новгор. Духовн. Конс. въ Археогр. Комиссіи. Сермакса—въ XVI ст. митрополичье дворцовое село, нынѣ же селеніе на р. Свири, у впаденія въ послѣднюю р. Ояти, верстахъ въ 60 отъ Ладоги.

результатомъ прибытіе въ 1609 г. 4,000 отряда подѣ предводительствомъ Якова Делагарди, который явился въ качествѣ союзника князя Михаила Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ и отсюда оба открыли военныя дѣйствія, направленныя прежде всего къ освобожденію самой Москвы отъ сподвижниковъ Тушинскаго вора. Ходъ дальнѣйшихъ событій извѣстенъ: 2 Марта 1610 г. союзники совершили уже торжественный въѣздъ въ Москву, но къ несчастію, здѣсь нашелъ преждевременную кончину самъ князь Скопинъ, а со смертію его послѣдовалъ новый переломъ въ теченіи дѣлъ, имѣвшій пагубныя послѣдствія и для оставшейся до сихъ поръ внѣ театра военныхъ дѣйствій—Ладogi.

Ближайшимъ толчкомъ, обрушившимъ на послѣднюю непріятельское нападеніе, послужило несчастное Клушинское пораженіе (24 іюня 1610 г.), неожиданно нанесенное гетманомъ Жолкевскимъ войскамъ, двигавшимся съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ и Делагарди изъ Можайска къ Цареву-Займищу. Здѣсь застигнутые врасплохъ русскіе и шведы были разсѣяны, самъ Шуйскій бѣжалъ, а Делагарди съ остатками своего отряда, вынужденный дать Жолкевскому слово не служить болѣе царю Василю, былъ отпущенъ и двинулся обратно къ Новгороду, оставаясь все таки въ душѣ прежнимъ противникомъ поляковъ.

Послѣдовавшія затѣмъ событія—низведеніе Шуйскаго съ престола, правленіе Боярской думы и избраніе въ Москвѣ на царство королевича Владислава, породившія вновь разныя партіи, не замедлили отозваться и на сѣверныхъ окраинахъ Россіи, такъ какъ дали поводъ Делагарди начать тамъ непріязненныя дѣйствія, въ качествѣ противника польской партіи, результатомъ чего явилось занятіе бывшими союзниками Кексгольма и Ладogi, а нѣсколько позже и самаго Новгорода.

Объ этомъ эпизодѣ исторической жизни Ладogi сохранилось довольно много подробностей и имѣются даже мемуары одного изъ современниковъ, участвовавшего въ походѣ Делагарди. Войска послѣдняго, кромѣ шведовъ, состояли еще изъ значительнаго процента разныхъ наемныхъ авантюристовъ—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и другихъ, въ числѣ которыхъ отрядомъ французовъ командовалъ нѣкто Петръ Делавиль, лично проведеній болѣе полугода въ Ладогѣ и составившій въ 1611 г. свои записки о тогдашнихъ событіяхъ въ Россіи ¹⁾. Съ другой стороны, о томъ-же Делавиль и военныхъ съ нимъ

¹⁾ Записки эти, любезно указанныя намъ многоуважаемымъ академикомъ А. А. Куникомъ, носятъ слѣдующее названіе: «Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis de Ivan Wassiliwich empereur, jusques à Vasilı Ivanovitz Soushy, par Pierre de Laville, sieur de Dombasle, 1611» и напечатаны въ парижскомъ изданіи 1834 г. т. I—«La chronique de Nestor par Louis Paris», стр. 404.

столкновеніяхъ въ Ладогѣ, неоднократно упоминается и въ нашихъ отечественныхъ документахъ того времени, подтверждающихъ правдивость его сообщенія, почему сличеніе обоихъ источниковъ представляетъ значительный интересъ въ данномъ случаѣ.

Въ той части своего разсказа, которая касается упоминаемаго эпизода, Делаویلъ передаетъ, что послѣ Клушинской битвы (24 іюня) они отступили къ Новгороду, имѣя всего отъ 200—300 коней, но тамъ къ нимъ присоединились еще три роты или отряда французовъ, вновь прибывшихъ уже по низведеніи Шуйскаго съ престола, и Делаویلъ съ ними отправился подъ Ладогу, а Делагарди, усилившись пограничными шведскими войсками, осадилъ Кексгольмъ.

Когда именно произошло занятіе французами самой Ладогы, точныхъ указаній не имѣется, но, принимая во вниманіе, что 6 іюля Делаویلъ лежалъ еще больной въ окрестностяхъ Можайска ¹⁾, что отступление къ Новгороду должно было потребовать около мѣсяца и что занятіе крѣпости (ладожской) по словамъ его продолжалось семь мѣсяцевъ, а между тѣмъ въ концѣ Февраля 1611 г. Делаویلъ былъ уже за Орѣшкомъ, упоминаемое нападеніе должно было произойти около половины августа 1610 года ²⁾. Относительно самага занятія ладожской крѣпости Делаویلъ упоминаетъ лишь въ двухъ словахъ, что она была взята помощью взрыва, за неимѣніемъ петарды, причемъ не невозможно, что онъ прибѣгнулъ еще къ какой нибудь военной хитрости, такъ какъ въ польскихъ источникахъ встрѣчается какъ-бы намекъ на это, именно глухо передается, что Делаویلъ обманулъ русскихъ и завладѣлъ Ладогой ³⁾. Какъ-бы то ни было, но, засѣвъ въ постѣдней, онъ продержался въ ней цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, стараясь увѣрить въ Новгородѣ, что занялъ Ладогу въ интересахъ русскаго царя (Шуйскаго), противъ котораго возстали его-же подданные, и что онъ будетъ защищать ее отъ непріятеля, какъ вѣрный слуга отечества русскихъ. Однако, въ Новгородѣ начали сразу же принимать мѣры, чтобы выжить непрошенныхъ защитниковъ и еще до принесенія присяги Владиславу отправили подъ Ладогу князя Мещерскаго съ войсками, но экспедиція эта кончилась ничѣмъ, такъ какъ войско отъ нужды и безкормицы разбрелось само собою ⁴⁾. Затѣмъ

¹⁾ Русская историч. библіотека, т. I, стр. 618—630.

²⁾ Точно также и бояринъ Салтыковъ, приведшій Новгородъ къ присягѣ Владиславу 12 Октября, доносилъ Сигизмунду III, что—«Ладогу, государь, взяли иѣмни до меня» (Собр. гос. грам. и догов., т. II, № 209). Салтыковъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ даже значительно ранѣе, но жители долго не впускали его въ городъ и вели предварительно переговоры.

³⁾ Русская историч. библіотека, т. I, стр. 684—686.

⁴⁾ Салтыковъ писалъ къ польскому королю изъ Новгорода: «Да посланъ былъ подъ Ладогу, до моего пріѣзду въ Новгородъ, князь Иванъ Мещерской съ ратными людьми, и

по прибытіи въ Новгородъ Салтыкова и принесеніи упомянутой присяги жителями, Делавиллю прислали сказать, что русскіе уже имѣютъ избраннаго всей страной царя Владислава, что по общему соглашенію Шуйскій низложенъ и что-бъ Делавиль сдалъ крѣпость, иначе они придутъ выгонять его русскими и польскими пушками; послѣдній однако отказался исполнить требованіе, повторяя снова о своей готовности защищать крѣпость отъ поляковъ и обѣщая сражаться всегда для пользы русскихъ, какъ онъ дѣлалъ и прежде ¹⁾, почему для освобожденія Ладоги пришлось снова снаряжать военную экспедицію изъ Новгорода.

Делавиль рассказываетъ, что для изгнанія его сдѣлано со стороны русскихъ нѣсколько попытокъ, окончившихся однако полной неудачей, и хотя въ нашихъ отечественныхъ источникахъ передается только объ одной, болѣе поздней, подъ предводительствомъ князя Григорія Волконскаго, но нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить словамъ Делавиля, а также его рассказамъ о предшествовавшихъ диверсіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ съ нѣкоторыми подробностями. Делавиль сообщаетъ, что его хотѣли сначала выжить голодомъ, лишивъ возможности добывать продовольствіе въ окрестностяхъ Ладоги, для чего отрядъ русскихъ силою въ 700—800 человекъ расположился гдѣ-то въ двухъ верстахъ (полъ льѣ) отъ крѣпости за рѣкой ²⁾, съ цѣлью препятствовать фуражировкамъ французовъ, но что онъ, посадивъ въ двѣ лодки 30 пѣхотинцевъ, взявъ съ собою пушку и 50 кавалеристовъ, сдѣлалъ вылазку и заставилъ русскихъ не только уйти, но и сжечь свой лагерь. Подобный успѣхъ, достигнутый такимъ ничтожнымъ отрядомъ, можетъ показаться нѣсколько неправдоподобнымъ, но надо взять во вниманіе и боевыя качества обоихъ противниковъ, такъ какъ Делавиллю приходилось драться очевидно съ толпой свѣже набранныхъ вооруженныхъ мужиковъ (даточныхъ людей), не болѣе ³⁾. Быть можетъ объ этомъ-же эпизодѣ упоми-

ратные государь люди, которые были съ нимъ, отъ него съ бѣдности поразошлись...» (Собр. госуд. грамотъ и догов., т. II, № 209).

¹⁾ Discours sommaire... и пр.

Въ донесеніи Салтыкова Сигизмунду (отъ 17 Ноября) говорится: «А къ нѣмецкимъ государь людямъ въ Ладогу, язъ отъ себя писалъ-же, чтобъ они со всѣми нѣмецкими людьми, которые нынѣ въ Ладогѣ, прежнія свои правды, которую за нихъ всѣхъ далъ гетману Желтковскому подъ острожкомъ и Царевъ-Займищѣ Яковъ Пунтусовъ (т. е. обѣщаніе Делавиль Жолкевскому, послѣ Клушинскаго пораженія, не служить Шуйскому), не нарушивали, изъ Ладоги вышли всѣ вонъ и вашей государской земли не воевали и не пустошили; а будетъ изъ Ладоги вскорѣ не выйдутъ и язъ имъ молчать не буду и что надъ ними отъ вашихъ государевыхъ ратныхъ людей учинится и то имъ будетъ отъ себя отъ ихъ непослушанья и неправды». (Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 209).

²⁾ По всей вѣроятности за р. Ладожкой.

³⁾ Такъ напр. игуменъ Тихвинскаго монастыря Іосифъ, около этого же времени писалъ Салтыкову въ Новгородъ, что—«велѣно съ Тихвина монастыря съ вотчины собрать даточныхъ

нается и въ челобитной 1610 г. Тихвинскаго монастыря, въ которой говорится: «А подъ Ладогу государь послано нашихъ ратныхъ людей 20 человекъ съ Успенева дня Пречистыя Богородицы и по ся мѣста, а на первомъ дѣлѣ подъ Ладогой нѣмецкіе люди служекъ нашихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали» ¹⁾.

О второй попыткѣ къ освобожденію крѣпости Делавиль передаетъ, что она была предпринята отрядомъ русскихъ въ 500 человекъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и конницы, причемъ начальникомъ называетъ князя Ивана Можайскаго (Mageasque). По его словамъ, отрядъ нападающихъ расположился подъ крѣпостью въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, но Делавиль на другой-же день атаковалъ его съ сотней всадниковъ и артиллеріей и, совершенно разбивъ, освободился снова отъ осады. Когда именно произошло это событіе, опредѣлить въ точности трудно, но если указаніе Делавиля, что передъ слѣдующей, третьей экспедиціей противъ него (въ половинѣ Января) Салтыковъ имѣлъ время обратиться въ Москву за помощью, вѣрно, то въ такомъ случаѣ послѣ второй экспедиціи долженъ былъ пройти болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и слѣдовательно описанное столкновеніе должно было произойти поздней осенью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что о фактѣ присылки подмоги изъ Москвы, въ донесеніяхъ Салтыкова не упоминается ничего и напр. въ отпискѣ своей королю Сигизмунду отъ 17 Ноября, онъ просто сообщаетъ, что—«я, холопъ вашъ, приѣхавъ въ Великій Новгородъ, поговоря съ бояры послалъ подъ Ладогу на нѣмецкихъ людей воеводу князя Григорія Волконскаго, со многими ратными людьми и съ нарядомъ и велѣлъ, государь, ему надъ нѣмецкими людьми промышлять, сколько Богъ помочи подастъ» ²⁾.

Эта новая экспедиція, по словамъ Делавиля, состояла уже изъ 2000 человекъ, подъ начальствомъ князя Григорія Константиновича, который по прибытіи сюда расположился въ трехъ льѣ (ок. 12½ верстъ) отъ крѣпости, что совершенно согласуется и съ нашими отечественными извѣстіями, указывающими мѣстомъ стоянки Волконскаго Медвѣдскій монастырь, т. е. устье Волхова (гдѣ нынѣ Новая Ладога), приблизительно въ томъ-же разстояніи. Волконскій сначала расположился было въ острожкѣ на Гостиномъ полѣ ³⁾, верстахъ въ 8 выше

людей подъ Ладогу съ выти по четыре человека, со всѣмъ ратнымъ боемъ» (Акты Археогр. экспед., т. II, № 168).

¹⁾ Акты Археогр. экспед., т. II, № 168.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 209.

³⁾ Нынѣ такъ называемая Гостинопольская пристань, или село Гостинополе на Волховѣ, выше Старой Ладогои и села Михайловскаго.

крѣпости, но по распоряженію Салтыкова, имѣвшаго, вѣроятно, въ виду стѣснить Делавила съ двухъ сторонъ и воспрепятствовать полученію подкрѣпленій, перенелъ къ Медвѣдскому монастырю, а упомянутый острожекъ послали занять голову Солового-Протасьева и обоимъ приказали по взаимному соглашенію дѣйствовать противъ французовъ ¹⁾.

Избалованный легкими предшествовавшими побѣдами, Делаویل не сталъ выжидать появленія непріятеля подъ стѣнами самой крѣпости, а предпринялъ рекогносцировку, для чего и отправилъ противъ Волконскаго отрядъ подъ начальствомъ своего брата Якова Делавила, объ исходѣ же предпріятія рассказывать, что внезапное появленіе рекогносцировочнаго отряда въ расположеніи русскихъ, произвело между послѣдними панику, вслѣдствіе которой большинство ихъ разбѣжалось и Яковъ Делаویل съ 60 всадниками ворвался въ самый станъ непріятеля; но здѣсь зарвавшихся французовъ постигла катастрофа: они были въ свою очередь атакованы подоспѣвшимъ отрядомъ русскихъ, разбиты и захвачены въ плѣнъ, такъ какъ, прибавляетъ Делаویل, — непріятель состоялъ почти изъ 2000 человекъ. Объ остальныхъ участникахъ рекогносцировки онъ не передаетъ болѣе ничего, но замѣчаетъ, что послѣ упомянутой потери у него осталось лишь около 60 человекъ ²⁾, болышею частью даже безоружныхъ, хотя здѣсь автора можно заподозрить въ умышленномъ сокращеніи или уменьшеніи своихъ силъ, съ которыми, какъ онъ сообщаетъ далѣе, имъ были выдержаны еще два или три враждебныхъ покушенія со стороны русскихъ!

По нашимъ отечественнымъ источникамъ, дѣло это произошло уже въ глухую зиму 1611 года и представляется болѣе серьезнымъ. Въ отпискѣ московской Боярской думы Сигизмунду, приводится донесеніе о томъ-же Салтыкова изъ Новгорода, въ которомъ онъ, на основаніи извѣстій отъ Волконскаго отъ 17 Января, излагаетъ, что—«Генваря въ 15 день въ вечеру приходили на него (Волконскаго) изъ Ладогѣ нѣмецкіе люди воеводка Яковъ Делаویل съ товарищи, безвѣстно, и хотѣли своимъ воровскимъ умысломъ украдомъ поискъ учинити; и воевода-де князь Григорій Волконской и головы съ нѣмецкими

¹⁾ Въ донесеніи Салтыкова Боярской думѣ въ Москву, объ этомъ говорится: «А къ воеводѣ ко князю Григорію Волконскому и къ головамъ, которые посланы подъ Ладогу, къ Исинею Мусаитову и къ Тимофею Шарову отъ себя писалъ, а велѣлъ-де имъ со всѣми людьми идти и стоять въ Медвѣдскомъ монастырѣ, близко Ладогѣ; а на Гостино поле въ острожекъ, гдѣ стоялъ воевода князь Григорій Волконской, послалъ отъ себя голову Солового-Протасьева съ дѣтьми боярскими и съ сотники и съ стрѣльцы и съ казаки астраханскими и иныхъ понизовыхъ городовъ, и велѣлъ-де имъ стояти въ острожкѣ и сославшись съ воеводою со князь Григоріемъ Волконскимъ, надъ нѣмецкими людьми, которые сидятъ въ Ладогѣ промышляти, сколько милосердый Богъ помочи подастъ» (Акты историч., т. II, № 316).

²⁾ «Il me resta trente maistres dans la ville et trente valets, la plupart sans armes».

людьми бились и нѣмецкихъ людей побили всѣхъ на голову и топтали ихъ на 15 верстахъ, и воеводку Якова Делавила и ротмистровъ и поручиковъ и прапорщиковъ и трубачевъ и иныхъ нѣмецкихъ людей взяли въ полонъ (64 человекъ)¹⁾. Такимъ образомъ, здѣсь въ общихъ чертахъ хотя и подтверждается показаніе французскаго источника, но въ то-же время свидѣтельствуется о бѣгствѣ непріятеля и преслѣдованіи его до самой Ладогѣ, что уже не вяжется съ остальнымъ.

Какъ-бы то ни было, но ближайшимъ послѣдствіемъ неудавшейся вылазки, быть переходъ войскъ Волконскаго непосредственно подъ самую Ладогу, причемъ сюда-же прибылъ изъ Новгорода и Салтыковъ²⁾; послѣдній мотивировалъ свое прибытіе, во первыхъ, опасеніемъ, какъ бы къ Делавилю не явилась выручка со стороны—«хочетъ-де онъ Иванъ учинить съ воеводой, который сидитъ въ Ладогѣ, договоръ вскорѣ, для того, чтобъ къ тѣмъ нѣмецкимъ людямъ въ Ладогу не пришли прибыльные люди», а во вторыхъ—полученными отъ Волконскаго и плѣнныхъ французовъ указаніями о возможности соглашенія съ Делавилемъ насчетъ капитуляціи послѣдняго. Дѣйствительно, Волконскій сообщалъ, будто-бы Делавиль, безпокоясь объ участи своего брата и нѣкоторыхъ болѣе выдававшихся плѣнниковъ³⁾, заявилъ, что—«только-де братъ его Яковъ и ротмистры живы и онъ ихъ самъ увидитъ, и онъ-де изъ Ладогѣ выйдетъ и Ладогу очиститъ», а плѣнники предлагали съ своей стороны послать одного изъ нихъ къ осажденнымъ, обѣщая уговорить Делавила на то-же, но послѣдній въ своихъ запискахъ передаетъ иначе, именно что наоборотъ Салтыковъ самъ предлагалъ ему возвратитъ плѣнныхъ, подъ условіемъ сдачи крѣпости, угрожая въ противномъ случаѣ предать ихъ смерти, и что онъ (Делавиль) не согласился на это, считая удержаніе укрѣпленія долгомъ своей чести, а предлагать съ своей стороны выкупъ за плѣнниковъ, на что, въ свою очередь, не

¹⁾ Акты историч. т. II, № 316.

²⁾ Въ донесеніи его Боярской думѣ отъ 25 Января, сообщается, что онъ—«со всѣми людьми и съ нарядомъ пошелъ подъ Ладогу наспѣхъ и учнетъ надъ нѣмецкими людьми промышляти» (Тамъ же).

³⁾ Всѣ они были немедленно отправлены въ Новгородъ къ Салтыкову, но какъ видно изъ донесенія, участь ихъ была различна: 21 человекъ умерли въ острожкѣ и на дорогѣ отъ ранъ; изъ достигшихъ Новгорода Салтыковъ отобралъ 10 человекъ «шляхтичей французскіе, цесарскіе и англійскіе земли» и отправилъ ихъ въ Москву;—«воеводку Якова (Делавила) да ротмистровъ, всего 15 человекъ лучшихъ людей» онъ же оставилъ при себѣ, а остальныхъ затѣмъ 18 человекъ вкинули въ Новгородъ въ тюрьму. Извѣстно еще, что изъ десяти плѣнниковъ, персланныхъ въ Москву, шестеро попали также въ тюремное заключеніе, а четверыхъ «французской земли шляхтичей Синера Октона, Гаврила Сабантѣва, Андруса Болвозина и Дюря Верженя», нашли нужнымъ отправить къ польскому королю. (Акты историч., т. II, № 316).

соглашались русскіе. Онъ рассказываетъ даже, — что Салтыковъ, видя упорство осажденныхъ, прибѣгнуть къ хитрости и сдѣлать видъ, что собирается казнить брата Делавиля, для чего передъ глазами французовъ, сидѣвшихъ въ крѣпости, были дѣйствительно умерщвлены какихъ-то два плѣнника. но когда и этимъ не достигъ ничего, то открылъ канонаду по крѣпости и произвелъ въ ней пожаръ, который французамъ удалось, однако, погасить. Происшествіе это, прибавляетъ Делаویلль, произвело настолько удручающее впечатлѣніе на осажденныхъ, что четверо изъ нихъ перелѣзли черезъ стѣны и передались непріятелю.

Какъ бы то ни было, но положеніе французовъ въ Ладогѣ наконецъ должно было стать критическимъ, въ виду ихъ малочисленности и тѣснаго обложенія значительными силами русскихъ; запертые въ самой крѣпости въ суровое зимнее время, они, безъ сомнѣнія, выносили тяжкія лишенія, что безъ помощи извнѣ не могло долго продолжаться. Но опасенія Салтыкова насчетъ возможности выручки осажденныхъ были напрасны, да и самъ Делаویلль потерялъ наконецъ всякую надежду на обѣщанную подмогу отъ Делаярди, вслѣдствіе чего, хотя и успѣлъ, по словамъ его, отразить еще два или три приступа со стороны русскихъ, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ капитулировать и на почетныхъ условіяхъ сдался Салтыкову. Французамъ былъ предоставленъ свободный выходъ изъ крѣпости, при звукахъ трубъ, со знаменемъ, оружіемъ и багажемъ, имъ возвратили бывшихъ у Салтыкова плѣнныхъ, равно какъ и брата Делавиля, и подъ конвоемъ князя Ивана Можайскаго (?Magasse) выпроводили за шведскую границу, гдѣ бывшіе непріатели разстались, по словамъ Делавиля, не только друзьями, но французы получили даже приглашеніе составить новый отрядъ и прибыть опять на службу въ Россію.

Такимъ образомъ окончилось это ладожское сидѣніе, продолжавшееся, по свидѣтельству Делавиля, плѣныхъ семь мѣсяцевъ, т. е. до второй половины Февраля 1611 г. ¹⁾, такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ въ концѣ этого мѣсяца Делаویلль былъ уже на Ковголѣ за Орѣшкомъ, гдѣ встрѣтился съ Делаярди и затѣмъ направился далѣе къ Выборгу ²⁾.

¹⁾ При раскопкахъ, производившихся въ старолдожск. городищѣ, были сдѣланы разныя вещественныя находки (см. ч. II), часть которыхъ, какъ напр. экземпляры желѣзныхъ привязныхъ шпоръ и пр., вѣроятно представляютъ слѣды именно этого долговременнаго занятія крѣпости непріателемъ. Весьма быть можетъ также, что въ городищѣ существуютъ даже и нѣсколько могилъ тѣхъ-же авантюристовъ, такъ какъ напр. намъ доводилось слышать отъ одной интеллигентной старушки монахини Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ Ладогѣ, что въ давнее время она лично видѣла въ крѣпости древнюю заросшую надгробную плиту съ иностранной надписью и высѣченными рыцарскими арматурами. Къ сожалѣнію однако, плиты этой найти намъ не удалось, да и указать, хотя бы приблизительно, ея мѣсто никто не могъ.

²⁾ Акты Археогр. экспед., т. II, № 184.

Но не прошло и полгода, какъ Ладога снова сдѣлалась достояніемъ непріятеля, въ лицѣ того-же Делагарди, явившагося послѣ взятія имъ Кексгольма на берега Волхова и направлявшагося къ Новгороду въ видахъ поддержки кандидатуры на русскій престолъ шведскаго королевича Карла-Филиппа. Въ это время Ладога, занятая уже русскимъ гарнизономъ изъ 200 стрѣльцовъ, была снова обложена шведами, о чемъ стрѣльцы били челомъ въ іюль 1611 г., что—«сидятъ-де они въ Ладогѣ отъ нѣмецкихъ людей въ осадѣ и на караулѣхъ живутъ безпрестанно, днемъ и ночью, и нужды-де имъ въ корму въ Ладогѣ великая» ¹⁾, а Делагарди расположился подъ самымъ Новгородомъ и велъ съ послѣднимъ переговоры. Подробностей объ этой осадѣ Ладоги не имѣется, но извѣстно только, что послѣ того, какъ самому Делагарди удалось вооруженной рукой овладѣть Новгородомъ (15 Іюля) и заключить съ нимъ договоръ объ избраніи на русское царство шведскаго королевича, сдалась на тѣхъ-же условіяхъ и Ладога ²⁾.

Этимъ исчерпываются свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII стол., свидѣтелями которыхъ были древнія стѣны старолadoжской крѣпости, событіяхъ, закончившихся для Новгородской области не ранѣе Столбовскаго мира въ 1617 году. Какъ видно изъ современныхъ шведскихъ документовъ, Ладога все это время, послѣ своей сдачи, была занята непріятельскимъ гарнизономъ, причемъ имѣется свѣдѣніе, что начальникомъ крѣпости до 1613 г. былъ шведскій полковникъ Гансъ Рехенбергъ, а въ концѣ 1616-го въ ней повидимому имѣлъ пребываніе и самъ Делагарди ³⁾. Изъ

¹⁾ Акты историч., т. II, № 331.

²⁾ По всей вѣроятности, именно объ этомъ случаѣ упоминается въ одной челобитной братіи Валаамскаго монастыря: «Въ прошломъ 119 году велѣно того Валаамскаго монастыря старцомъ и слугамъ ѣхать, для Корельскія городовыя отдачи, въ Ладогу, и они-де пріѣхали со всею монастырскою казною и стали у Никола (въ Никольскомъ монастырѣ) на посадѣ; и пришли-де въ Ладогу французскіе нѣмцы и Ладогу взяли и у нихъ-де монастырскую казну поимали, а многихъ старцовъ побили, а они-де остальные старцы и слуги съ достальною монастырскою казною ушли на Тихвину» (Акты Археогр. экспед., т. III, № 96).

³⁾ Такъ, въ письмахъ послѣдняго, хранящихся въ Стокгольмскомъ военномъ архивѣ и любезно сообщенныхъ намъ капитаномъ шведскаго генеральнаго штаба Петрелли, встрѣчаются слѣдующія сюда относящіеся указанія:

Въ Мартѣ 1613 г. (подъ № 28) Делагарди пишетъ рейхсканцлеру Акселю Оксенштирнѣ, что было бы полезно воспользоваться службой полковника Ганса Рехенберга, который по разнымъ причинамъ хотя и не могъ представить денежнаго отчета за время своего управленія крѣпостью Ладогой, но былъ честный и храбрый солдатъ.

Въ письмѣ отъ 1 Авг. 1613 г. (№ 144) Делагарди сообщаетъ, что онъ уже нѣсколько времени тому назадъ послалъ въ Нотебургъ и Ладогу большія пушки, которыя тамъ нужны и что необходимо охранять дороги отъ казаковъ, которые скрытно подстерегаютъ шведовъ.

Въ Февралѣ и Маѣ 1616 (№№ 40 и 51) онъ же проситъ Оксенштирну о снабженіи

русских документов известно также, что еще в 1615 г. в Новгород и Ладогу с окрестностями хозяйничали шведы, под предводительством Эверта Горна, занимавшего своими отрядами разные пункты, между прочим и около Ладоги ¹⁾. Напр. в февраль 1615 г., когда уже обнаружилось открытое недовольство и возмущение населения против шведов, Ладога служила сборным пунктом для последних, о чем сообщали в Бьлозерск, что—«велѣлъ деп Ивенгоръ (Эвертъ Горнъ) нѣмецкому воеводѣ Самойлу Кобрину собирать всѣхъ нѣмцевъ въ Ладогу, которые ходили въ Обонежской пятинѣ и на Масельгѣ, а собрався съ тѣми нѣмцы велѣлъ имъ идти къ Тихвинѣ-жъ, и нынѣ-де нѣмецкіе люди сошлись въ Ладогу» ²⁾. Съ другой стороны, против шведов начали открываться и активныя наступательныя дѣйствія, въ связи съ задачами московскаго правительства, имѣвшаго уже новозбраннаго царя Михаила; русскіе отряды стояли на Мстѣ и Ловати, воевода и князь Волконскій сообщалъ въ половинѣ Февраля, что онъ изъ Бьлозерскаго уѣзда двинулся на государеву службу подъ Тихвинъ, Ладогу и Орѣшекъ, со всѣми атаманы и казаки, и назначилъ сборный пунктъ у Рождества Христова на Пашѣ ³⁾, и т. д.

Какъ отозвался весь этотъ періодъ смуты XVII ст. на положеніи Ладоги, о томъ уже говорено выше, но, повидимому, это была уже послѣдняя скорбная страница въ ея военной лѣтописи, такъ какъ затѣмъ всякія извѣстія о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ около Ладоги уже прекращаются.

Политическая жизнь Ладоги.

Доисторическое прошлое Ладоги не отдѣляется никакимъ, болѣе или менѣе ясно обозначеннымъ рубежомъ отъ того періода, съ котораго она появляется на страницахъ исторіи, или другими словами—обѣ эпохи сливаются слишкомъ незамѣтно, чтобы было возможно намѣтить гдѣ кончается одна и начинается другая, гдѣ кончаются легенды и гдѣ начинается исторія достоверная. Поэтому трудно назначить съ точностью и тотъ періодъ, которымъ открывається ея поли-

провіантомъ ладожскаго гарнизона, опасаясь чтобы, въ виду претерпѣваемой солдатами крайней нужды, не вспыхнулъ бунтъ между ними.

Наконецъ въ письмахъ изъ Ладоги, отъ 9 Сент. и 20 Дек. того-же года (№№ 53 и 54) Делагарди проситъ объ уплатѣ нѣкоторымъ купцамъ по ихъ счетамъ и о возвращеніи ему затраченныхъ на это денегъ.

¹⁾ Такъ въ Декабрѣ 1614 г. изъ Тихвина писали въ Бьлозерскъ: «Стоять-де на Волховѣ отъ Ладоги за 10 верстъ нѣмецкихъ людей 500 человекъ, да пришло-де отъ Ивана города и отъ Ямы и отъ Копорьи нѣмецкихъ людей 1500 и стали въ Масельскомъ погостѣ, да на Лунгачѣ стоитъ нѣмецкихъ людей прежнихъ съ 500 человекъ, а съ Рождества Христова однолично идти всѣмъ нѣмецкимъ людямъ къ Тихвинѣ на осадъ» (Дополн. акт. историч., т. II, № 30).

²⁾ Акты археогр. экспед. т. III, № 62.

³⁾ Акты Археогр. экспед., т. III, № 63. Рѣка Паша впадаетъ въ Свирь, протекая восточнѣе Сяси.

тическая жизнь. Известно напр., что в IX вѣкѣ в сѣверно-рускомъ краѣ хозяйничали скандинавы, подъ властью которыхъ находился и самый Новгородъ, платившій имъ ежегодную дань еще в X стол., и хотя в XI-мъ эта зависимость прекратилась, но в частности Ладога осталась в ихъ рукахъ, подпавъ подъ управленіе шведскаго ярла Рогнвальда, какъ о томъ уже упоминалось при обзорѣ доисторическаго періода ея существованія. По нѣкоторымъ указаніямъ, это было в 1019 году ¹⁾, Рогнвальдъ же умеръ в преклонныхъ лѣтахъ, почему, вѣроятно, и Ладога находилась в шведскомъ владѣніи довольно продолжительное время, но когда именно она была опять возвращена Новгороду, остается неизвѣстнымъ. Изъ лѣтописныхъ извѣстій можно, однако, заключить, что XII вѣкъ засталъ ее уже новгородскимъ пригородомъ, в виду напр. того, что она послужила исходнымъ пунктомъ похода новгородскаго князя Мстислава на Чудь в 1105 г. ²⁾, а также в виду того, что къ этому времени относится и фактъ постройки каменной крѣпости в Ладогѣ, какъ новой порубежной твердыни Новгородской области.

Такимъ образомъ, приблизительно лишь съ этихъ поръ можетъ начинаться и достовѣрная жизнь Ладоги в политическомъ отношеніи, тѣсно связанная съ внутренней и внѣшней политической жизнью самаго Новгорода. Какъ пригородъ послѣдняго, Ладога зависѣла отъ его рѣшеній в весьма разнообразныхъ отношеніяхъ, любопытные примѣры чего встрѣчаются уже в XIII вѣка; в однихъ случаяхъ рѣшенія совпадали съ ея интересами, в другихъ-же послѣдними жертвуютъ в видахъ болѣе общихъ политическихъ цѣлей. Такъ имѣется цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ великими князьями, ограничивающихъ права ихъ на посѣщеніе Ладоги для звѣриной ловли, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1265 г. и предоставляетъ великому князю Ярославу тверскому вѣзжать на охоту в Ладогу лишь черезъ два года в третій:—«На семъ ти княже крестъ цѣловати.... в Ладогу ѣхати на третіе лѣто» ³⁾; то-же самое повторяется и в другихъ договорахъ XIII, XIV и XV стол., даже в 1471 г. съ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, т. е. наканунѣ паденія самаго Новгорода ⁴⁾, а в относящейся къ этому-же времени договорной грамотѣ послѣдняго съ польскимъ королемъ Казимиромъ, оговариваются напр. условія

¹⁾ М. Погодинъ: Древн. русск. исторія, т. I, 302.

²⁾ М. Погодинъ: Древн. русск. исторія, т. I, 306. Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ в двухъ словахъ: «въ томъ же лѣтѣ идоша в Ладогу (новгородцы) на войну» (Новгор. лѣтоп. по синод. списку). В нѣкоторыхъ другихъ спискахъ тотъ же походъ отнесенъ къ 1108 году.

³⁾ Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. I, № 2.

⁴⁾ Тамъ же: №№ 3, 6, 7, 8, 15 и 20. Акты историч. т. I, № 258. Акты археогр. экспед., т. I, №№ 57 и 91.

сбора денегъ за проѣзжей судъ: «Въ Водской землѣ имати за проѣзжей судъ черезъ годъ тридцать рублевъ, а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублевъ» ¹⁾. Извѣстны также другія ограниченія относительно оброчнаго сбора и ловли рыбы, медоваренія и пр. (см. стр. 90 и 92). Иной характеръ напротивъ носятъ такіе факты, какъ отдача тѣмъ-же новгородцамъ «въ отчину и дѣдину» нѣкоторыхъ городовъ «въ кормленіе» литовскимъ князьямъ, въ число каковыхъ надѣловъ попадала нѣсколько разъ и Ладога и мотивами къ чему служили виды новгородцевъ на поддержку со стороны Литвы, при своихъ несогласіяхъ съ Москвою. Такъ произошло впервые въ XIV столѣтіи, когда, по словамъ лѣтописи, въ 1333 г. — «вложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримунту (сыну Гедимина) поклониться св. Софіи и послаша новгородши по него и пріѣха въ Новгородъ мѣсяца Октября и цѣловаша крестъ къ Великому Новуграду и даша ему Ладогу и Орѣховый и Корельскую землю и половину Копорья, въ отчину и въ дѣдину и его дѣтемъ» ²⁾. Отдавая въ кормленіе и управленіе эти окраины князю литовскому, Новгородъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и огражденіе своихъ границъ отъ покушеній со стороны шведовъ, такъ какъ удѣльный князь, пользуясь извѣстными доходами съ своего надѣла, обязанъ былъ и защищать его, но верховнымъ собственникомъ и властителемъ послѣдняго все таки оставался самъ Новгородъ. Неизвѣстно долго-ли пробыла Ладога во владѣніи Наримунта, но вѣроятно въ теченіи того-же XIV столѣтія былъ перерывъ въ ея зависимости отъ литовскаго князя, такъ какъ когда, спустя 50 лѣтъ послѣ вызова Наримунта, новгородцы снова обратили свои упованія на Литву и пригласили къ себѣ на тѣхъ-же основаніяхъ сына Наримунтова, Патрикія, то въ данномъ послѣднемъ надѣлѣ Ладога уже не упоминается, а только Орѣховъ, Кексгольмъ и половина Копорья. Непредвидѣнные обстоятельства, впрочемъ, снова измѣнили положеніе Ладоги, такъ какъ среди подвластнаго Патрикію населенія вспыхнуло общее недовольство на его управленіе, повлекшее за собой рѣшеніе новгородцевъ дать ему другой надѣлъ: подъ 1384 г. въ лѣтописи отмѣчено: «Пріѣхоша городцане орѣховци и корельскыи съ жалобою къ Новугороду на Патрикія на князя; отъяша у князя тѣ города, а даша ему Русу и Ладогу» ³⁾. Спустя два года такая-же отдача повторилась еще разъ, такъ какъ по окончательномъ изгнаніи Патрикія, новгородцы вызвали изъ Литвы-же третьяго князя Лугвенія Ольгердовича, который, въ свою очередь, получилъ въ пользованіе тѣ-же Русу и Ладогу;

¹⁾ Акты Археогр. экспед., т. I, № 87.

²⁾ Новгородск. лѣтоп. по синод. списку.

³⁾ Тамъ же.

произошло это, по однимъ указаніямъ, въ 1386 г. ¹⁾, по другимъ-же нѣсколько позже ²⁾, но повидимому, подчиненіе Ладоги и этому владѣльцу не было особенно продолжительнымъ, такъ какъ когда смоленскій князь Юрій Святославичъ лишился своего удѣла и прибылъ въ Новгородъ, то лѣтопись упоминаетъ, что «новгородци пріяша его въ честь и даша ему 13 городовъ и цѣлова крестъ къ Новугороду въ животъ и смерть» ³⁾, а въ числѣ этихъ городовъ показаны опять Руса и Ладога, независѣвшіе уже слѣдовательно отъ князя Лугвенія. Событіе это приурочивается къ 1404 году, но любопытно, что въ Воскресенской лѣтописи еще подъ 1412 г. прибавляется, что—«того-же лѣта князь Семень Лугвень съѣде изъ Новгорода (въ Литву) и намѣстники свои съ пригородовъ свѣде» ⁴⁾.

Съ паденіемъ независимости Новгорода порядки эти исчезаютъ и Іоаннъ, великій князь московскій, въ своей духовной 1504 г., равно какъ и позже царь Иванъ Грозный, благословляютъ своихъ преемниковъ вотчиной великимъ княженемъ Новгородскимъ со всѣми пятью пятнами, городомъ Ладогою и другими ⁵⁾.

По причинѣ своей тѣсной связи съ Новгородомъ, Ладога оказывалась въ близкомъ соприкосновеніи со многими внутренними политическими событіями въ послѣднемъ уже съ весьма ранняго времени, древнѣйшій примѣръ чего извѣстенъ еще въ первой половинѣ XII вѣка. Въ 1132 г. въ Новгородѣ былъ княземъ Всеволодъ Мстиславовичъ, по словамъ лѣтописи, цѣловавшій крестъ новгородцамъ—«яко хоцю у васъ умерети», т. е. поклявшійся никогда съ ними не разставаться, а между тѣмъ, получивъ въ томъ-же году отъ дяди своего, великого князя Ярополка Переяславль, переехалъ въ послѣдній, чѣмъ и вызвалъ величайшее негодованіе въ новгородцахъ. Потерявъ въ скорости затѣмъ Переяславль, Всеволодъ вернулся-было въ Новгородъ, но здѣсь тогда произошло возстаніе, въ которомъ приняли участіе и прибывшіе сюда псковичи съ ладожанами: «И бысть встань велика въ людехъ и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду», передаетъ лѣтопись,—«и выгоніша князя Всеволода изъ города» ⁶⁾.

¹⁾ Карамзинъ: Ист. Госуд. рос., т. V, 97 (изд. 1818 г.).

²⁾ По Воскресенской лѣтоп. въ 1388 г.—«Князь Лугвень присла послы своя въ Новгородъ Великій, хотя бытъ у нихъ въ Новѣгородѣ и сѣсти на городкѣхъ чѣмъ владѣлъ Наримонтъ» (Полн. собр. русск. лѣт., т. VIII).

³⁾ Новгородск. IV лѣтопись (Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV).

⁴⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VIII.

⁵⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. I, № 144. Дополн. актовъ историч. т. I, № 222.

⁶⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III, (Новгородск. I лѣт.). Также Лѣтописецъ новгородск. 1017—1352 г. (изд. 1819 г.).

Дѣло, впрочемъ, на этотъ разъ окончилось для Всеволода благополучно, такъ какъ новгородцы скоро вернули его снова къ себѣ, но спустя четыре года они-же мѣняли освободиться отъ него окончательно, почему пригласили опять прибыть ладожанъ и псковичей, на общемъ вѣчѣ съ которыми и порѣшили низложить князя—«призваша пльсковичи и ладожаны и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода», говоритъ лѣтопись,—«и всадиша и въ епископлѣ дворъ мѣсяца Мая въ 28 и сѣде два мѣсяца и пустиша изъ города Юля въ 15» ¹⁾.

Въ примѣрахъ этихъ выразились любопытные факты соучастія пригородовъ Новгорода въ вѣчевыхъ собраніяхъ послѣдняго, а также и извѣстное значеніе самой Ладogi, такъ какъ подобныя приглашенія посылались только пригородамъ важнѣйшимъ ²⁾, но бывали случаи и вооруженнаго участія ладожанъ въ новгородскихъ междоусобицахъ. Такъ, въ 1270 г. новгородцы подняли мятежъ противъ великаго князя Ярослава и заставили его удалиться въ Русу, откуда онъ сталъ грозить имъ оружіемъ, въ виду упорства въ отказѣ признать его своимъ княземъ; тогда, по словамъ лѣтописи—«совокупися въ Новгородѣ вся волость новгородская—пльсковичи, ладожане, корела, ижеры, вожане и подоша въ Голино и стояша недѣлю на бродѣ, а Ярославъ полкъ обѣ ону сторону» ³⁾, т. е. обѣ враждующихъ стороны встрѣтились съ оружіемъ въ рукахъ на половинѣ пути между Новгородомъ и Русой, гдѣ и готовилось произойти столкновеніе, отвращенное только вмѣшательствомъ митрополита и закончившееся примиреніемъ князя съ новгородцами. Подобный-же случай извѣстенъ и въ 1315 или 1316 г., при столкновеніи новгородцевъ съ великимъ княземъ Михаиломъ владимірскимъ, когда опять—«сойдеса вся волость новгородская—пльсковичи, ладожане...» и др., для защиты Новгорода ⁴⁾, которому грозила опасность отъ войскъ Михайловыхъ. Вообще Ладога видимо вторила тону политическихъ событій въ Новгородѣ, такъ что, когда напр. въ 1254 г. Ярославъ тверской успѣлъ привлечь на свою сторону новгородцевъ, стараясь попасть къ нимъ на княженіе, то прибылъ зимой послѣ Крещенія съ своими боярами въ Ладогу, гдѣ по словамъ лѣтописи «ладожане почтиша и достойною честью» ⁵⁾. Въ подобномъ-же освѣщеніи представляется и любопытный фактъ ссылки новгородскаго князя Святослава Ростиславича въ Ладогу въ 1160 г., наиболѣе подробно рассказанный въ Ипатьевской лѣтописи, но относимый ею къ

¹⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

²⁾ В. Сергѣевичъ: Русскія юридич. древности, т. II, гл. III.

³⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Поли. собр. русск. лѣтоп., т. I, 202.

1161 году: «Въче створиша новгородци на Святослава... сѣдящу бо князю на городищи у св. Благовѣщеня и се поиде множество народа людѣй и емше князя запроша въ истопкѣ, а княгиню послаша въ монастырь, а дружину его исковаша, и потомъ послаша князя въ Ладогу, приставивше сторожѣ многы къ нему», въ Густинской же лѣтописи прибавлено, что «яша самого Святослава и оковавше послаша на заточеніе въ Ладогу» ¹⁾. Впрочемъ, заключеніе послѣдняго продолжалось недолго, такъ какъ въ томъ-же 1161 г. онъ успѣлъ бѣжать изъ Ладоги—«избави Богъ отъ узъ Святослава Ростиславича» и ушелъ, по однимъ извѣстіямъ, въ Кіевъ, по другимъ—въ Смоленскъ. Зимой 1327 г. Ладога еще разъ видѣла въ своихъ стѣнахъ двухъ князей Константина и Василія Михайловичей, братьевъ Александра тверского, но на этотъ разъ просто искавшихъ въ ней пріюта отъ мести татаръ, разгромившихъ Тверь, такъ какъ при этомъ случаѣ «только Новгородъ убоуде Богъ», говоритъ лѣтопись ²⁾.

Весьма любопытенъ вопросъ, какую долю участія проявила Ладога въ событіяхъ конца XV вѣка, поведшихъ къ окончательному паденію независимости Новгорода и подчиненію его Москвою, но, къ сожалѣнію, объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній и только сохранилось извѣстіе, что въ числѣ новгородскихъ депутатовъ, сопровождавшихъ владыку Теофила при поѣздкѣ въ Москву для переговоровъ (Дек. 1478 г.), было пять человекъ черныхъ людей, по одному отъ каждаго конца города, и между ними отъ Неровскаго какой-то «Аврамъ ладоженинъ» ³⁾.

Какъ волость Великого Новгорода, Ладога съ тянувшей къ ней территоріей давала извѣстный контингентъ военной силы въ общій составъ новгородскаго ополченія, составляя особый отдѣлъ или «полкъ» послѣдняго, подобно тому, какъ и другіе пригороды участвовали такимъ образомъ въ оборонительныхъ и наступательныхъ военныхъ дѣйствіяхъ новгородцевъ, при столкновеніяхъ ихъ съ внѣшними врагами; но въ цѣломъ рядѣ относящихся сюда событій, отмѣченныхъ лѣтописью за три столѣтія (XII—XIV в.), имѣется нѣсколько и такихъ примѣровъ, въ которыхъ выражается самостоятельная инициатива Ладоги въ вооруженной борьбѣ съ непріятелемъ, т. е. случаевъ, въ которыхъ ладожане по своему почину дѣйствовали исключительно лишь собственными силами. Такъ было дважды при набѣгахъ на новгородскую землю финскаго племени Еми въ XII и XIII столѣтіяхъ: первый разъ въ 1142 г., когда, по

¹⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, изд. Археогр. Ком.; Полн. собр. русск. лѣтоп., т. II, 307; также Новгор. лѣтоп. по синод. сп. и др.

²⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VI, 214; также т. VIII (Воскрес. лѣт.).

краткому извѣстію лѣтописи, дѣло окончилось поголовнымъ избіеніемъ ладожанами вторгнувшагося въ новгородскіе предѣлы непріятеля—«Въ то-же лѣто приходиша Емь и воеваша область новгородскую; избиша я ладожане 400 и не пустиша ни мужъ» ¹⁾, а второй въ 1228 г., когда та-же Емь, но въ гораздо большемъ количествѣ (около 2000 человекъ) прибывъ въ лодкахъ Ладожскимъ озеромъ, опустошила окрестности Олонца; получивъ вѣсть объ этомъ, ладожскій посадникъ Володиславъ, не ожидая прибытія новгородцевъ, посадилъ отрядъ ладожанъ на суда и погнался за непріятелемъ, усиѣвшимъ захватить уже много плѣнныхъ. Въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи Емь понесла настолько полное пораженіе, что стала просить пощады, но встрѣтивъ отказъ побросала свои лодки и, безжалостно перерѣзавъ плѣнниковъ, кинулась искать спасенія въ окрестныхъ лѣсахъ, въ которыхъ и была почти совершенно истреблена корелами и ижерянами ²⁾. Изъ за этой-же Еми ладожанамъ приходилось вступать въ схватки и съ болѣе сильнымъ непріятелемъ—шведами, стремившимися утвердить надъ нею свое господство и даже производившими насилие надъ обонежскими купцами новгородцами, по поводу чего въ 1283 г. лѣтопись снова упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о военныхъ дѣйствіяхъ собственно однихъ ладожанъ, сразившихся съ шведами гдѣ-то на Невѣ:—«взѣзднша нѣмци ратью въ озеро Ладоское, избиша обонискихъ купецъ, идоша ладожане въ Неву и бишася съ ними» ³⁾.

Но независимо отъ случаевъ самостоятельныхъ дѣйствій, «ладожане» въ смыслѣ отдѣльной части общаго новгородскаго ополченія, упоминаются въ цѣломъ рядѣ новгородскихъ походовъ того-же періода (XII—XIV в.), совмѣстно съ военной силой прочихъ волостей Новгорода. Первое извѣстіе объ этомъ встрѣчается подъ 1135 г. и связано съ несчастнымъ исходомъ похода новгородцевъ на Ростовъ и Суздаль, подъ предводительствомъ того-же князя Всеволода, котораго они вмѣстѣ съ ладожанами прогнали съ княженія въ слѣдующемъ году, поставивъ ему, между прочимъ, въ вину, что онъ раньше всѣхъ бѣжалъ съ поля сраженія съ упомянутыми ростовцами. По Воскресенской лѣтописи это было зимой 1135 г. и въ битвѣ происшедшей на Ждановой горѣ, новгородцы понесли тяжкія потери: «Иде Всеволодъ Мстиславичъ на Суздаль и на Ростовъ съ новгородци и исковичи и ладожаны и всею областію новгородскою, и срѣтоша ихъ суздальцы и ростовци на Жданѣ горѣ и бысть имъ брань крѣпка зѣло и одолѣша ростовци и избиша множество много

¹⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

²⁾ Тамъ же и др.

³⁾ Тамъ же.

новгородецъ и убиша же ту посадника Иванка и иныхъ мужей добрыхъ много погнѣ» ¹⁾. Въ 1198 г. ладожане, въ составѣ новгородской рати, ходили противъ полочанъ, но походъ окончился благополучнымъ примиреніемъ безъ кровопролитія, а въ 1207—на Оку, причемъ участвовали во взятіи Пронска и занятіи Рязани и отпущены «съ честью» княземъ Всеволодомъ домой; по поводу этого въ Воскресенской лѣтописи находится еще любопытная прибавка, что послѣдній «отпусти новгородци и псковичи и новоторжци и ладожане съ честью во свояси и дастъ имъ уставы старыхъ князей, егоже хотяху новгородци» ²⁾.

Спустя 30 лѣтъ ладожанамъ пришлось сряду два года совершать походы къ побережьямъ Финскаго залива: одинъ разъ для отраженія шведовъ, другой—противъ ливонскихъ рыцарей, пытавшихся утвердиться въ Копорьѣ, причемъ первый походъ закончился полной побѣдой Александра Невского около рѣчки Ижоры, 15 Іюля 1240 г. Объ этомъ дѣлѣ извѣстно, что шведская флотилія подъ предводительствомъ Биргера, прибывъ въ Неву, расположилась около устья Ижоры, намѣреваясь пройти затѣмъ въ Волховъ и захватить Ладугу, а въ случаѣ возможности даже и Новгородъ, но когда вѣсть о томъ достигла послѣдняго, то новгородцы и ладожане, предводимые княземъ Александромъ, немедленно двинулись на непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя нанесли шведамъ полное пораженіе: «И ту бысть великая сѣча свѣмъ», прибавляетъ лѣтопись,—«и накладше корабли два вятскихъ мужей, преже себѣ пустиша къ морю, а прокъ ихъ (прочихъ убитыхъ) ископавша яму вметаша въ ню безъ числа и въ ту ночь не дожавше свѣта посрамлени отыдоша» ³⁾. Что касается похода на Копорье въ 1241 г., то онъ былъ вызванъ непріязненными дѣйствіями ливонскихъ рыцарей, которые, задумавъ сбирать дань съ финскаго племени Води, населявшаго часть новгородской области, прибыли въ Копорье и, построивъ здѣсь свою крѣпость, грабили даже купцовъ русскихъ; результатомъ похода было взятіе Копорья и плѣненіе всего бывшаго тамъ непріятельскаго гарнизона ⁴⁾.

Особенно памятнымъ и славнымъ событіемъ для новгородцевъ съ псковичами и ладожанами, ознаменовался 1268 г., въ которомъ произошла знаменитая битва ихъ съ тѣми-же ливонскими рыцарями подъ Раковоромъ, или нынѣшнимъ Везенбергомъ. Стремясь завладѣть этимъ пунктомъ, соединенныя силы

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VII.

²⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. сп.; также Полн. собр. лѣтоп., т. VII, 115.

³⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. сп. и др.

⁴⁾ Тамъ же.

новгородцевъ зимой упомянутого года подступили подъ Раковоръ, но еще не дойдя до него, встрѣтились на р. Кеголъ ¹⁾ съ нѣмцами, явившимися на защиту послѣдняго, и тутъ «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни дѣди», говоритъ лѣтопись, побоище, въ которомъ пало до 5000 новгородцевъ и 1350 нѣмцевъ ²⁾, потери дѣйствительно огромныя для того времени; по словамъ лѣтописи—«ту створи ся зло велико, убиша посадника Михаила и много добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа, а плсковичъ такоже и ладожанъ» ³⁾. Главной причиной такихъ тяжкихъ потерь была особая фаланга, или строй закованныхъ въ желѣзо рыцарей, именуемая въ лѣтописяхъ желѣзной свиньею—«мнози убо новгородцы отъ желѣзныи свиньи избѣени быша и мнози псковичи и ладожане» ⁴⁾, но въ концѣ концовъ нѣмцы понесли поражение и были преслѣдуемы на протяженіи цѣлыхъ семи верстъ, почти до самаго Раковора, послѣ чего побѣдители простоявъ еще три дня «на костяхъ», вернулись назадъ, привезя съ собою тѣла наиболѣе именитыхъ своихъ сподвижниковъ.

Дальнѣйшія внѣшнія военныя событія въ концѣ XIII и нач. XIV стол., происходили на почвѣ соперничества и столкновений Новгорода съ шведами, такъ какъ подъ 1284 г. лѣтописью отмѣченъ походъ новгородцевъ съ ладожанами, подъ предводительствомъ посадника Симеона, къ устью Невы, гдѣ они, выждавъ въ Сентябрѣ возвращенія съ своей ратью шведскаго воеводы Трунды, забравшагося въ Карелію для сбора дани, сдѣлали на него успѣшное нападеніе и, перебивъ многихъ шведовъ, обратили остальныхъ въ бѣгство ⁵⁾, весною же 1301 г. ладожане, въ составѣ войскъ великаго князя Андрея Александровича, снова совершили походъ туда-же, для овладѣнія вновь построенной шведами на Невѣ крѣпостью. Послѣдняя находилась рядомъ съ нынѣшнимъ Петербургомъ, именно на устьѣ впадающей въ Неву р. Охты (въ 7 верст. отъ города) и названа шведами Ландскроною, или «Вѣнцомъ земли» по нашимъ лѣтописямъ, но не была занята достаточно сильнымъ гарнизономъ, что и повлекло съ быстрое паденіе, послѣ кратковременной осады новгородцами, послѣдовавшее 18 Мая: «Градъ взятъ бысть, овыхъ избѣиша, а градъ запалиша и разгребоша», кратко передаетъ лѣтопись, прибавляя—«а князю Андрею умножи Господи много лѣтъ съ своими мужи съ новгородци и съ ладожаны» ⁶⁾. Затѣмъ имѣется

¹⁾ По Никоновской лѣтоп.—р. Кигорѣ.

²⁾ Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. IV.

³⁾ Новгор. лѣт. по синод. списку.

⁴⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. X (Никоновск. лѣт.).

⁵⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

⁶⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

еще отрывочное извѣстіе о какомъ-то походѣ послѣднихъ въ 1313 г., о чемъ лѣтопись упоминаетъ лишь вскользь, что «выѣха посадникъ ладожскій съ ладожане въ войну» ¹⁾. Походъ этотъ памятенъ для Ладogi тѣмъ, что въ отсутствіе ихъ она была сожжена шведами. Упоминается объ умерщвленіи зимою 1337 или 1338 года въ Кареліи ладожскихъ купцовъ—«побилиа новгородцовъ много и ладожанъ гостей» ²⁾, повлекшемъ за собой новое столкновеніе Новгорода съ шведами и новое сожженіе Ладogi и, наконецъ, передается указаніе, что въ 1348 г. Ладога была сборнымъ пунктомъ для всего новгородскаго ополченія, собравшагося идти противъ шведскаго короля Магнуса, который въ порывѣ своего поборничества католицизму вторгнулся съ оружіемъ въ рукахъ, для вразумленія новгородской области къ принятію латинства.

Этимъ исчерпываются лѣтописныя извѣстія объ участіи Ладogi во внѣшнихъ военныхъ событіяхъ Новгорода, за періодъ его самостоятельности. Съ подчиненіемъ скипетру Іоанна III, Новгородъ съ своею волостью, въ обширномъ смыслѣ, какъ область Московскаго государства, и въ частности Ладога, вступаютъ уже непосредственно въ сферу политической жизни послѣдняго и сливаются съ его исторіей, которая дѣлается для нихъ общою. Съ этихъ поръ прекращаются и всякія отдѣльныя извѣстія объ участіи собственно ладожанъ во внѣшнихъ войнахъ Московскаго государства, хотя безъ сомнѣнія извѣстный контингентъ новгородцевъ и ладожанъ долженъ былъ въ нихъ участвовать. Только событія начала XVII вѣка поставили Ладогу временно въ особые политическія условія: извѣстно, что 11 Іюля 1611 года новгородцы заключили договоръ съ Делагарди, о призваніи на царство шведскаго королевича Карла-Филиппа и обѣщали, что какъ Новгородъ, такъ и другіе города, къ новгородскому княжеству принадлежащіе, въ томъ числѣ и Ладога, будутъ пребывать въ вѣрности къ нему ³⁾, послѣ чего въ скорости Делагарди удалось захватить самый Новгородъ, а равно и Ладогу, которые затѣмъ присягнули на подданство королевичу; въ челобитной новгородскаго митрополита Исихора королю Густаву-Адольфу (1614 г.) говорится объ этомъ, что «какъ королевича Карлуса Филиппа на Новгородское государство отпустили (Апр. 1612 г.) и то крестное цѣлованіе свершилося, а въ городѣхъ, государь, въ Орѣшкѣ, въ Ладогѣ въ Ивангородѣ и во всѣхъ городѣхъ крестъ цѣловали на его пресвѣтлѣйшества имя» ⁴⁾. Нѣкоторыя подробности событій смутнаго періода, по отношенію въ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 264.

⁴⁾ Дополн. акт. историч., т. II, № 21.

частности къ Ладогѣ, уже изложены выше при описаніи военныхъ дѣйствій (см. стр. 101—111), здѣсь же можно прибавить, что съ тѣхъ поръ по 1617 г., т. е. до заключенія Столбовскаго мира, она оставалась подъ властью шведовъ, пока наконецъ, по словамъ лѣтописи—«нѣмцы съ государемъ помирились и отдаша города Новгородъ и Порховъ и Ладогу» ¹⁾.

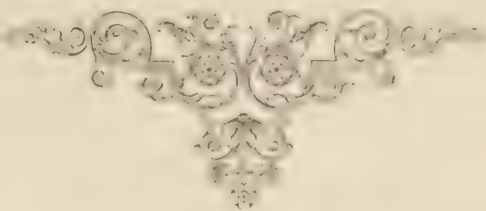
Дальнѣйшій періодъ существованія послѣдней не представляетъ уже ничего выдающагося въ политическомъ отношеніи, да и близился конецъ самой жизни Ладогѣ какъ города, ибо въ началѣ XVIII столѣтія по указу Петра Великаго, большинство ея жителей было переведено на устьѣ Волхова, гдѣ въ видахъ проведенія Ладожскаго канала и большихъ удобствъ для судоходства, была основана Новая Ладога, въ которую перешло и административное значеніе Ладогѣ прежней, получившей съ этихъ поръ названіе Старой. Когда именно это совершилось, въ точности неизвѣстно (самаго указа не имѣется), почему, быть можетъ, упомянутый переводъ жителей состоялся вслѣдствіе словеснаго повелѣнія Петра I, какъ о томъ дѣйствительно и говорится въ нѣкоторыхъ бумагахъ прошлаго столѣтія, но во всякомъ случаѣ онъ относится къ 1703 или 1704 году. Такъ, въ одной копіи сенатскаго указа 1754 г. упоминается о бывшихъ старолдожскихъ посадскихъ людяхъ, «которые по Высочайшему устному указу 1704 года переведены на житіе въ Новую Ладогу» ²⁾, но имѣется и другое извѣстіе, почти современное, въ которомъ тотъ-же переводъ приуроченъ къ 1703 году: въ прошеніи 1707 г. причта Климентовскаго собора въ Новой Ладогѣ митрополиту Іову, приводится, что «въ прошломъ 1703 году переведены изъ Старые Ладогѣ въ Новую на Волховское устьѣ посадскіе и служивые и всякихъ чиновъ жители, и по твоему архіерейскому указу соборная церковь священномученика Климента перевезена-жъ въ Новую Ладогу» ³⁾. Такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія оказываются несогласными, однако, въ виду большей официальности перваго, остается признать его и за болѣе правильное, почему концомъ существованія Ладогѣ какъ города долженъ быть отмѣченъ именно 1704 годъ.

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV.

²⁾ Изъ документовъ принадлежащихъ старолдожск. мѣщанину В. Парфенову.

³⁾ Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгор. духовн. консисторіи (безъ нумераціи).

Таково прошлое Ладogi, насколько оно воскрешается имѣющимися матеріалами. Нынѣ она представляетъ забытый уголь, лишь простое селеніе, въ которомъ только однѣ величавыя развалины ея древняго каменнаго городища, съ пріютившимся въ немъ маленькимъ, почти современнымъ городищу, храмомъ Св. Георгія, молчаливо свидѣтельствуютъ объ историческомъ ея прошломъ, о многихъ вѣкахъ, надъ ней пронесшихся, и напоминаютъ случайному путнику о тѣхъ дальнихъ временахъ, за которыми уже теряется документальная исторія нашего отечества.

Примѣчанія къ I части.

Примѣчаніе 1.

Въ продажной записи 1755 г. приводятся топографическія подробности, что проданные Мельгуновою крѣпостные дворы и огородныя мѣста находятся въ слѣдующихъ урочищахъ:

«По лѣвую сторону р. Ладожки, отъ колѣна гдѣ оная рѣка въ послѣдней поворотилась налѣво теченіемъ въ р. Волховъ ¹⁾, а отъ онаго колѣна до устья 66 сажень, гдѣ въ Волховъ пала р. Ладожка, а отъ устья внизъ по Волхову по лѣвую сторону до земли Успенскаго монастыря мѣрою 84 сажени, а подлѣ той монастырской земли поворота налѣво, прямо въ гору подлѣ стариннаго церковнаго кладбища (оставя его на лѣвой рукѣ), 60 сажень и дошедъ до дороги поворотясь по оной направо, къ полуденнымъ воротамъ изъ ограды Успенскаго монастыря, мѣрою 20 саж. и не дошедъ до тѣхъ оградныхъ воротъ за 12 саж. поворота прямымъ угломъ налѣво по дорогѣ до столба 30 саж., а отъ ограды въ 12-ти-жъ саженьяхъ поворотясь налѣво отъ онаго столба прямымъ угломъ и черезъ поле къ построенной мосѣ (Мельгуновой) мельницѣ черезъ Пстербургскую (sic, Новгородскую?) дорогу мѣрою 160 саж.; и на томъ мѣстѣ на полѣ, учиня прямой уголъ поворотясь налѣво къ старинному церковному кладбищу и дошедъ до того кладбища, а оставя оное на лѣвой рукѣ, къ мосту, лежащему черезъ р. Ладожку по объявленной Новгородской (sic) дорогѣ черезъ ту дорогу мимо показаннаго мосту внизъ по р. Ладожкѣ до вышеписаннаго перваго урочища отъ послѣдняго угла мѣрою 115 сажень.

А отъ показаннаго перваго столба, который учиненъ отступя отъ ограды Успенскаго монастыря 12 саж., черезъ поле до послѣдняго столба, который учиненъ отъ помянутаго столба въ 160 саженьяхъ, а отъ того столба до показаннаго-жъ церковнаго кладбища, а отъ кладбища до р. Ладожки, по правую сторону моя (Мельгуновой) земля, а по лѣвую сторону имъ посадскимъ проданныя мною дворовыя мѣста, въ которыхъ 11463 кв. саж., за выключеніемъ дорогъ.

И сверхъ означеннаго числа оставляю за собой отъ показанной моей земли и принадлежащей къ мельницѣ, внизъ по р. Ладожкѣ отъ мосту черезъ оную лежащаго, до устья павшаго въ р. Волховъ и отъ устья внизъ по Волхову до земли Успенскаго монастыря, берега отъ воды въ гору на 5 саж., а въ прочихъ мѣстахъ оныя остаются въ моихъ дачахъ; да лежащее на показанной Новгородской дорогѣ направо, шедъ отъ Успенскаго монастыря длиною 20, поперегъ 18, а квадратныхъ 360 сажень, да дворовыя-жъ и огородныя мѣста позади ихъ дворовъ, на которыхъ живутъ Успенскаго монастыря попъ, діаконъ, дьячекъ и пономарь, а въ нихъ мѣрою

¹⁾ Т. е. послѣдній поворотъ р. Ладожки . . .

1600 кв. саж. А взяла я (Мельгунова) у нихъ посадскихъ людей за вышеписанныя продольныя усадебныя мѣста денегъ 1,000 рублей и вольно имъ посадскимъ людямъ на означенныхъ мѣстахъ какое похотятъ строеніе стронть, сады и огороды разводить...

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Старолдожск. мѣщанину В. Парфенову.)

Примѣчаніе 2.

Такъ въ показаніи повѣреннаго Мельгуновыхъ 1745 г. читаемъ, что за довѣрителями его состоятъ слѣдующія «отмежеванныя въ селѣ Успенскомъ (что прежде была дер. Чертова) земли:

Пустошь Чертова (пашенной земли 6 дес. 40 кв. саж.), да къ той пустоши отъ дороги, которая лежитъ въ полѣ, прямо черезъ прогонную улицу межъ посадскою и Успенского дѣвичья монастыря землею, полянка (1½ дес. 2 кв. саж.).

Пустошь Сущево (7½ дес. 15 кв. саж.).

Пустошь Озерца (5½ дес. 3 кв. саж.).

Пустошь Горка Ахматовская (3 дес. 2 кв. саж.)

Пустошь Песья Паренина.

Пустошь Трусово-Коярова-Амаселцина тожъ, которая по мірскому званію называется Макинкинымъ.

Пустошь Малоя, по мірскому званію Индриково.

Да къ тѣмъ пустошамъ отказано сѣннаго покосу, по конецъ Ладожскаго посаду отъ Новгорода на р. Волховѣ подъ Никольскимъ монастыремъ 1¼ десятины; подъ горою Ахматовской Горки до большой дороги (на Лаву?) 1 дес., да отъ той-же большой дороги вверхъ по р. Ладожкѣ межъ пустошей Озерницъ и Песей Паренины 5 дес., пустошью Песей Паренины до Хмѣлеваго ручья земли М. Желтухина до пустоши Горки 2 дес.; да Ладожскомъ озерѣ... Итого въ вышеписанныхъ ямскихъ пустошахъ пашенной земли и прочихъ угодій отказано 78 дес. 53 кв. саж.; да по сенатскому указу 1753 г., изъ оставшихъ бывшихъ въ той Старой Ладогѣ владѣнія посадскихъ, стрѣлцкихъ, пушкарскихъ и солдатскихъ людей земли и прочихъ угодій 29 дес. 53 кв. сажени».

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Старолдожск. мѣщанину В. Парфенову.)

Примѣчаніе 3.

Какъ видно на чертежахъ храма (Табл. LIX), восточный фасадъ его состоялъ изъ трехъ абсидъ, изъ которыхъ средняя, наибольшая, заключала въ себѣ алтарь; въ послѣднемъ на мѣстѣ престола сохранились четыре вертикально врытыхъ тонкихъ столба изъ мѣстной плиты, а въ вершинѣ абсиды горнее мѣсто, въ видѣ каменнаго сѣдалища, отдѣленное по бокамъ вертикально вставленными плитами; по сторонамъ горняго мѣста расположено сопрестоліе, въ видѣ полукруглаго каменнаго рундука, выведеннаго по окружности абсиды. Въ другой абсидѣ (сѣверной), имѣется по срединѣ четырехугольный каменный жертвенникъ, съ подножіемъ передъ нимъ изъ большой квадратной плиты, а за жертвенникомъ еще родъ невысокаго плитянаго помоста и въ сѣв.-западн. углу абсиды на полу отгороженный изъ двухъ на ребрѣ плитъ-же—родъ низкаго четырехугольнаго ящика, закрывавшагося сверху также плитой, обломокъ которой на немъ найденъ. Наконецъ третья абсида (южная) представляла вѣроятно діаконникъ, или предъалтаріе, кругомъ котораго находился родъ каменнаго плитянаго приступка и остатки отгораживавшаго діаконникъ отъ церкви стѣнки.

Табл. LIX.

Внутри храма сохранились нижнія части четырехъ толстыхъ квадратныхъ столбовъ, поддерживавшихъ куполь церкви, а въ толщѣ западной стѣны (на двухъ противоположныхъ концахъ ея) слѣды ступенчатыхъ входовъ на хоры. Съ той-же западной стороны сохранился фундаментъ бывшаго здѣсь, вымощеннаго плитами притвора съ главнымъ входомъ, другіе же два входа находились еще въ сѣверной и южной стѣнахъ храма; вдоль этихъ-же стѣнъ, внутри послѣдняго, были расположены еще два каменныхъ рундука, служившіе для отдохновенія прихожанъ. Размеры храма весьма небольшіе, что же касается вышины, то судя по остаткамъ единственнаго уцѣлѣвшаго окна въ сѣверной абсидѣ, расположеннаго довольно низко, надобно заключить, что и высота была очень не велика, ибо въ древнихъ церквахъ окна прорубались обыкновенно въ верхнихъ частяхъ стѣнъ.

Внутренность храма была вся покрыта росписной штукатуркой, большею частью, къ сожалѣнію, обвалившейся; штукатурка не вездѣ однообразна: въ однихъ мѣстахъ болѣе грубая и толстая, въ другихъ тонкая, твердая и блестящая, такъ что видимо она разновременно возобновлялась, о чемъ свидѣлствуютъ также разныя отпечатки шестиконечныхъ и четырехконечныхъ крестовъ на ея фрагментахъ, на частяхъ же болѣе древнихъ имѣются отпечатки кирпичныхъ клеймъ (въ видѣ четырехконечнаго креста), видимаго кое гдѣ и на обнаженной стѣнной кладкѣ. Живопись, украшавшая внутренность храма, весьма грубая и состоитъ изъ разноцвѣтныхъ орнаментовъ, обведенныхъ красными прямоугольными полями, которыя примыкаютъ другъ къ другу; рисунокъ орнаментовъ во всѣхъ поляхъ разный. Такою-же живописью покрыты и внутренніе столбы храма, а надъ сопредѣломъ въ средней абсидѣ сохранились еще слѣды бывшихъ здѣсь изображеній св. угодниковъ, совершенно почти стершіяся. На многихъ фрагментахъ обвалившейся штукатурки, а мѣстами на уцѣлѣвшей еще на стѣнахъ, остатки иногда нацарапанныхъ, иногда болѣе старательно выдѣланныхъ, изображеній разной формы крестовъ, между которыми встрѣчаются грубые наброски человѣческихъ фигуръ, а въ одномъ мѣстѣ даже изображеніе повидимому бѣса, въ видѣ какого-то хвостатаго звѣря на заднихъ лапахъ. На тѣхъ-же фрагментахъ, преимущественно со столбовъ храма, уцѣлѣли также остатки надписей, частью также лишь просто нацарапанныхъ, частью вырѣзанныхъ, но къ сожалѣнію лишь въ безсвязныхъ отрывкахъ, съ содержаніемъ, или чисто религіознымъ (молитвы), или поминальнымъ, о времени кончины того или другаго лица, вѣроятно, изъ числа древнихъ ладожскихъ обывателей, причемъ обыкновенно упоминается лишь мѣсяцъ и день его кончины, безъ означенія года (Табл. LXI и LXII). Такъ на одномъ обломкѣ ясно читается: «мѣца новбра въ ѣв прѣстависа савѣ диловиць аніхор...», на другомъ видны остатки надписи:—(помяни ду)шю нас(илия?), и т. д. Почеркъ также весьма различенъ: однѣ надписи вырѣзаны глубокими, крупными буквами, другія мелкими и едва замѣтны; однѣ очевидно весьма древнія, другія много позднѣе. Къ числу древнѣйшихъ можно напр. отнести первую, въ которой замѣтна большая аналогія съ одной изъ подобныхъ-же надписей, бывшихъ въ Георгіевской церкви ладожскаго городища, которую специалисты относятъ къ XIII столѣтію ¹⁾.

При расчисткѣ средней части храма, заваленной щебенкой и массивами упавшаго свода, найдено на смазномъ известковомъ полу древнее бронзовое паникадило ²⁾, судя по положенію,

¹⁾ Надпись слѣдующая: «Мѣца Августа день прѣстависа ра(бъ) Божіи Петро Домажировицъ...» (Арх. Амвросій: Ист. рос. іерархіи, IV, 138).

²⁾ Нынѣ находится въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

вѣроятно упавшее вмѣстѣ со сводомъ, но сохранившееся сравнительно хорошо. Оно состоитъ изъ прорѣзнаго полушара, обведеннаго широкимъ горизонтальнымъ кружевомъ, на которомъ укрѣплены фигурныя бронзовыя остроконечія для насадки вощаницъ и крючки для колѣчатыхъ бронзовыхъ цѣпей, которыми паникадило прицѣплялось къ большому прорѣзному кресту. Заслуживаетъ вниманія, что несмотря на древность паникадила (не позже XV или нач. XVI в.), оно уже во время разрушенія храма было настолько ветхо, что нуждалось въ починкѣ, современные слѣды которой на немъ ясно усматриваются. По близости найдены въ мусорѣ еще два желѣзныхъ треножныхъ подсвѣчника, также съ остріями для насадки вощаницъ и довольно много разной величины обломковъ послѣднихъ.

На томъ-же полу, нѣсколько въ сторонѣ отъ паникадила, оказалось нѣсколько серебряныхъ вещей: шейная гривна, въ видѣ большаго проволочнаго кольца, спирально обвитаго вызолоченной серебряной лентой; нѣсколько большихъ древнихъ серегъ, состоящихъ изъ согнутой проволоки съ нанизками изъ дутыхъ вызолоченныхъ шариковъ; нѣсколько пирамидальныхъ золоченыхъ бляшекъ отъ набора и небольшой кумофаренный вѣшникъ отъ образа. Кромѣ того въ храмѣ найдена серебряная монета «Великаго Новгорода», XV вѣка. (Табл. LXIII и LXIV).

Нѣкоторыя изъ этихъ вещей должны быть по своему характеру отнесены къ еще болѣе древнему періоду, вѣроятно къ XII вѣку, такъ какъ напр. гривна и серьги сближаются съ курганными типами, и могли попасть сюда вслѣдствіе донинѣ сохранившагося обычая жертвовать къ иконамъ разные старинные предметы украшеній, вышедшіе изъ употребленія, почему надобно думать, что упомянутыя вещи, вѣроятно, находились при образахъ церкви до ея разрушенія ¹⁾.

Примѣчаніе 4.

Таб. LX.

Юго-восточная сторона храма состоитъ изъ трехъ абсидъ (Табл. LX), изъ которыхъ въ средней сохранился оштукатуренный кирпичный, съ квадратной плитой на верху, престолъ и занимъ въ вершинѣ абсиды горнее мѣсто, отдѣленное на абсидномъ рундукѣ двумя вертикально установленными плитами. Въ лѣвой абсидѣ отдѣленіе для жертвенника, отгороженное кирпичной стѣнкой, въ правой—ризница или діаконникъ, отдѣленный стѣнкой изъ плитъ. Посреди сѣв.-западн. стѣны выходъ изъ храма, а на двухъ оконечностяхъ ея-же входы на хоры, изъ которыхъ въ одномъ уцѣлѣло нѣсколько каменныхъ ступеней отъ бывшей лѣстницы. Въ серединѣ юго-западн. стѣны другой выходъ и снаружи стѣны, вдоль ея довольно большая площадь, сплошь выстланная огромными плитами, вѣроятно надгробными, такъ какъ хотя на нихъ ничего не означено, но подъ ними были найдены погребенныя человѣческія кости. Внутри храма, вдоль сѣв.-восточн. и юго-западн. стѣнъ, два невысокихъ каменныхъ рундука, для отдохновенія прихожанъ, и по срединѣ четыре столба для поддержки купола. На сѣв.-восточ. сторонѣ остатки бывшаго притвора, вымощеннаго плитами, подъ которыми также были найдены погребенные человѣческіе скелеты, въ остальной-же части храма полъ покрытъ крѣпкой известковой смазкой. Мѣстами на остаткахъ стѣнъ и на обломкахъ отпавшей штукатурки слѣды орнаментальной живописи, почти вездѣ красныхъ колеровъ, на средней-же абсидѣ замѣтны слѣды бывшихъ изображеній св. угодниковъ, равно какъ и на нѣкоторыхъ фрагментахъ штукатурки, очевидно бывшей на сводѣ, наконецъ на внутреннихъ столбахъ храма сохранилось нѣсколько вырѣзанныхъ и нацарапанныхъ надписей, частью молитвеннаго, частью поминальнаго содержанія, но неполныхъ

¹⁾ Нынѣ онѣ хранятся въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

и безъ означенія годовыхъ датъ, напр. «(мѣ)сѣа... прѣстави(я) кнѣжа матрѣи(а)...», или—«... прѣстави(я) (кнѣ)жнѣ Ѹ(ль)ѣна на сѣго...», а нѣкоторыя и просто безъимяныя—«мѣа сѣнтабрь а прѣстави(я) рабѣ» (имени не означено) и др.

Изъ вещественныхъ находокъ при раскопкѣ храма ничего замѣчательнаго не открыто: въ отдѣленіи жертвенника найдено лишь нѣсколько грубыхъ горшечныхъ черепковъ и остатки углей, а въ діаконникѣ небольшой обломокъ неизвѣстнаго предмета изъ бронзы и нѣсколько кусковъ послѣдней въ подурасплавленномъ видѣ.

Примѣчаніе 5.

Въ выписи на земли и угодья, данной строителниці Успенскаго монастыря Ѳеодорѣ, 1684 г., между прочимъ, говорится:

«А въ писцовыхъ книгахъ 7077 (1569) г. написано: Въ Ладогѣ на посадѣ монастырь дѣвичъ Успеніе Пресвятой Богородицы, подъ монастыремъ въ огородѣ пашни $\frac{1}{4}$ десятины; да въ Ладогѣ-жъ на посадѣ анбары на монастырской земли (числомъ три), да анбары Успенскаго монастыря (числомъ 12), а торгуютъ въ нихъ прѣзжіе въ годъ на два праздника на Успеніе Пречистыя Богородицы да на Рождество Пречистыя Богородицы, посадскіе люди, а даютъ въ монастырь на темьянъ по два алтына съ анбара. Да въ Городенскомъ погостѣ деревня Горка надъ рѣкою надъ Ладужицею..., деревня Падиногина надъ рѣкою надъ Ладужицею..., деревня Чернешина надъ рѣкою надъ Ладужицею.

А въ даточныхъ книгахъ Вотскіе пятинны 126 (1618) г. написано: Дано Успенскаго дѣвичья монастыря изъ Ладуги строителницы старицы Акилины, пустаго Рождественскаго дѣвича монастыря изъ Ладуги съ Горицъ въ Вотской пятинѣ въ Ильинскомъ погостѣ на Волховѣ деревня Бышево на Заклюкѣ, деревня Мересали вопче съ Никольскимъ монастыремъ изъ Ладуги..., да въ дву полянкахъ что у городской земляной стѣны, а въ нихъ пашни полчетверти съ третникомъ.

Да въ жаловальной грамоты великаго государя Михаила Ѳеодоровича 129 (1621) г., какову подала Успенскаго дѣвича монастыря игуменья Ульянія..., дано имъ Рождественскаго монастыря изъ Горицъ въ вотчинѣ полосы выше, да оброчная рыбная ловля въ тонѣ Липкѣ три четверти на р. Волховѣ, противъ Иванскаго монастыря тоня Липка..., да вотчина Успенья дѣвича монастыря въ Городенскомъ погостѣ въ ладожскомъ пустошъ Горка на Ладожкѣ $1\frac{1}{2}$ обжи, пустошъ Мякин(кина) на Ладужицы $1\frac{1}{2}$ обжи, пустошъ Кадышева..., всего 96 четвертей съ осьминою».

(Документы Новгор. Казенной Пал. въ Археограф. Комисіи, № 425).

Примѣчаніе 6.

Въ Отводной и Межевой книгѣ 1661 г., по поводу размежеванія деревни Монастырь, приводятся слѣдующія, не лишенныя своего мѣстнаго значенія, подробности:

«Лѣта 7169 Октября въ 23 день, подъячей Ос. Протопоповъ въ Вотской пятинѣ въ Пречистенскомъ Городенскомъ погостѣ въ пустоши Силосари въ деревнѣ Монастырь¹⁾ двѣ обжи земли по писцовымъ книгамъ Вотской пятинны письма Д. В. Китаева да М. Губы Моклокова 7008 г. и по сказкѣ обчей, отвелъ по старымъ межамъ Никольскаго монастыря игумену Ѳеодориту съ братією ихъ монастырскую пашню и сѣнные покосы, которая вопчѣ пополамъ и попо-

¹⁾ По всей вѣроятности верстахъ въ 20 западнѣе Ладуги, около р. Кабоны.

лосно съ государевою .съ дворцовой землею пустоши Монастыря отъ Богдановы земли Нелединского отъ пашни и отъ сѣнокоса и всякіе признаки учинилъ:

Въ Пречистенскомъ Городенскомъ погостѣ въ Силосарской волости деревня Монастырь ¹⁾ государева дворцовая, да Никольскаго монастыря что въ Ладогѣ обчая. А межа той государевой дворцовой и Никольской обчей пополосной земли деревни Монастыря пашни и сѣннымъ покосамъ, отъ Богдановы Нелединского отъ пашни и отъ сѣнокосу, старая валовая отъ деревни Монастыря къ полудни подлѣ дороги стоитъ крестъ, у того креста могильнягъ и камень могильное вросло въ землю, а на могильнягѣ. признакъ сосна да ель. И отъ того креста и отъ могильнягу на Востокъ до колѣна межа старая валовая, съ обѣихъ сторонъ вышиною въ колѣно, а по межи камень вросло въ землю, а въ колѣнѣ на межи каменная сопочка; отъ той сопочки къ Сѣверу до другаго колѣна межа валовая-жъ, по межѣ камень вросло въ землю, а въ томъ колѣнѣ на межи камень да рябина, да ель безъ верха; отъ той отъ ели подъ зимней Востокъ валовую-жъ большою старою межею на ель, да отъ той ели межою-жъ на тополь, а на тополѣ высѣченъ крестъ; а отъ того тополя большою-жъ валовую старою межею на Востокъ-же по конецъ пашенные большіе межи камень да три березы, да отъ тѣхъ березъ и отъ камня на полдень на тополь по конецъ сѣнаго покосу сверху отъ того тополя подлѣ изгороди въ черной лѣсѣ до мховъ.

Отъ креста и до мховъ по межѣ и по признакамъ по правой сторонѣ пашня и сѣнные покосы Богдана Нелединского, а по лѣвую сторону земля, пашня и сѣнные покосы Никольская да государева дворцовая деревни Монастыря смежная полосная покопенная пополамъ».

(Документы Новгор. Губернск. Правл. въ Археограф. Комисіи)

Примѣчаніе 7.

Въ спискѣ съ писцовой книги 7182, 7183¹⁾ и 7184 г. дворцовыхъ деревень, пустошей и дворовъ:

(Извлеченіе): «... Въ Вотской-же пятинѣ государевы дворцовыя деревни и пустоши въ Силосарской волости деревня что была пустошь Наволокъ. Деревня что была пустошь Заклюка на рѣчкѣ на Заключкѣ, а Каменной Мостъ тожъ, а въ волости зовутъ Княщина; а межа той деревнѣ Заклюкѣ ѣдучи отъ Ладоги прогонною старинною улицею къ Никольской мельницѣ направе земля государева деревни Заклюки, а налѣвѣ земля помѣщичья деревни Побѣдища Ао. Арцыбашева, а отъ мельницы въ гору по старой изгородѣ гдѣ нынѣ стоитъ налеве земля монастырская, а направе земля дворцовая деревни Заклюки лѣсомъ и до болота; а по другую сторону отъ деревни Заклюки къ помѣщичьей пустоши Заклюкѣ-жъ Быковыхъ отъ рѣчки Заклюки налѣво по старой межѣ пока прежь сего и нынѣ владѣютъ отъ рѣчки въ гору и до болота, а черезъ рѣчку Заклюку направо къ прогонной городской улицѣ по середнюю дорогу, а что у помѣщиковъ старинная межа разорана была поперегъ больши сажени и на межѣ вереснягъ и ель ссѣчена.

Деревня что была пустошь Замошье на рѣчкѣ на Мѣстовкѣ; а межа той деревни вышелъ ручей Меньшой изъ болота черезъ дорогу мимо Долгую Ниву и обшелъ кругомъ поля дворцовой земли и палъ на дорогѣ въ рѣчку Мѣстовку, а та рѣка течетъ мимо ихъ деревни и пала

¹⁾ По писцовой книгѣ 1584 г.—«Въ Силосарской волости пустоши. Часовня слыветъ Монастырскѣ, вобче Никольскимъ монастыремъ изъ Ладоги» (Памяти 1678 г.—Документы Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Ком. № 362. Та же книга 1676 г. въ Москов. Архивѣ Мин. Юст. № 763. л. 3—44).

въ Ладожку рѣку, и по тому ручью налѣво земля государева той деревни Замошья, а направо помѣщичья, а отъ дороги налѣво внизъ-же земля государева и сѣнной покосъ той-же деревни, а направо земля помѣщичья; а по другую сторону межъ деревень Замошья и Мѣстовки ручей-же вышелъ изъ болота и палъ въ тужь рѣчку Мѣстовку.

Деревня что была пустошь Месткина, а въ волости зовутъ Мѣстовка на рѣчкѣ на Мѣстовкѣ, а межа той деревнѣ Мѣстовкѣ писана съ деревнею Замошьемъ выше сего, а по другую сторону межа по дороге большую, которая лежитъ изъ Ладоги въ Теребушку.

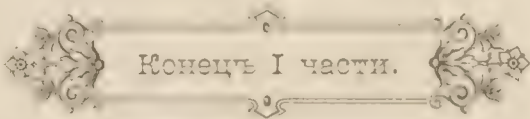
Деревня что была пустошь Глинка Большая, да другая-жъ Глинка-жъ Меньша. Деревня что была пустошь Выдрино. Деревня что была пустошь Островъ Большой да Островецъ Меньшой Цеплино тожъ; а межа той деревнѣ Острову Большому а Меньшой тожъ межъ помѣщичьей земли деревни Кипы изшедъ лѣсовую пашенную землю черезъ ручей на камень большой, и отъ того камня изшедъ лѣсовую-жъ пашню до другога ручья до болота и черезъ болота мостомъ большою дорогою, которою ѣздить отъ Ладоги на Лавую и за свейской рубежъ, и на томъ ручью на правой сторонѣ поставленъ вновь столбъ дубовой, а отъ того столбу на Чистой Мохъ, а отъ Чистаго Мху до р. Кабоны...

Деревня что была пустошь Часовня Монастырь тожъ. Деревня Кротово. Деревня что была пустошь Голтова. Деревня что была пустошь Пали. Деревня что была пустошь Нурмиева. Деревня что была пустошь Вланевская. Деревня Кустъ, а межа той деревнѣ съ помѣщичьей землею Сабурова..., а межъ той сосны и куста на межѣ-жъ старинной колодезь, а у того колодезя часовня. Деревня что была пустошь Черная, Райкоча на Черной Горкѣ тожъ. Деревня что была пустошь Лавнея. Деревня что была пустошь Черная а Ушовая тожъ.

Да въ прошломъ во 183 году отписано на великого государя во Дворецъ въ Силосарской волости пустошь Домани, которою владѣли изъ Ладоги Успенского дѣвичья монастыря игуменья съ сестрами безъ крѣпостей».

(Московс. архивъ Мин. Юст.: Списокъ съ Переписной книги, № 763, л. 3—44).

Въ Экономическихъ примѣчаніяхъ къ планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., подъ № 19: «Силосарской волости деревни Нурма, Поля, Голпише, Кресога, Глинка, Выдрина, Чаплина, Кустъ, Раиноги, Лавня, Черная—на суходолѣ и по обѣ стороны большой столбовой Шлиссельбургской дороги, а дачею по обѣ стороны рѣчекъ Винной, Каголки, Чижевны, Елены, Кобанки, Каревы и вершины рѣки Кабоны, ручьевъ Черновскаго и безымянныхъ, при озерахъ Велецкомъ, Райковскомъ и безымянныхъ и по обѣ стороны означенной большой дороги». (Архивъ С.-Петербур. Губернской чертежной).

Часть II.

СТАРОЛАДОЖСКОЕ ГОРОДИЩЕ

(„РЮРИКОВА КРѢПОСТЬ“).

Вмѣсто предисловія.

Вѣкодавнія развалины каменнаго городища въ Старой Ладогѣ принадлежатъ безспорно къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ военнаго зодчества въ древней Руси. Воздвигнутая въ началѣ XII вѣка, новгородская твердыня эта, если и не занимаетъ перваго мѣста въ хронологическомъ списокѣ древнѣйшихъ русскихъ крѣпостей ¹⁾, тѣмъ не менѣе имѣетъ первенствующее значеніе какъ памятникъ, который сохранился до нашихъ дней почти въ первоначальномъ своемъ видѣ, безъ болѣе или менѣе капитальныхъ измѣненій первоначальной своей конструкціи; онъ дошелъ до насъ пострадавшимъ въ сущности лишь отъ тяжести семи вѣковъ, надъ нимъ тяготѣющихъ.

Подобное явленіе, столь рѣдкое въ наше время, легко впрочемъ объясняется какъ величавымъ, можно сказать, циклопическимъ характеромъ этого сооруженія и своеобразностью его устройства, такъ и топографическими условіями его расположенія. Простота конструкціи крѣпости, построенной въ эпоху, еще задолго предшествовавшую появленію огнестрѣльнаго оружія и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе отстававшей отъ движенія впередъ военнаго искусства, дѣлали самую крѣпость все болѣе и болѣе несоотвѣтственной развивавшимся требованіямъ послѣдняго, а между тѣмъ устройство въ ней соотвѣтственныхъ приспособленій, или измѣненій въ самомъ начертаніи крѣпости, представляло большія техническія затрудненія, быть можетъ для тогдашняго искусства даже непреодолимые, въ силу чего она и продолжала сохранять свой первоначальный типъ почти въ неприкосновенности, низойдя въ послѣднія времена до значенія лишь простой каменной ограды. Въ подобномъ взглядѣ на упадавшее значеніе крѣпости можно повидимому искать объясненія тому, что она уже въ XVII ст. находилась въ самомъ жалкомъ видѣ, въ ней оставались неисправленными такіа существенныя поврежденія, какъ разрушеніе башенныхъ крышъ, половъ въ башенныхъ этажахъ и проч.; съ тѣмъ-же въ связи находится быть можетъ и появленіе рядомъ съ древней каменной твердыней еще другой крѣпости деревянной, получившей названіе «Деревяннаго Города». Въ силу всего этого старая постройка продолжала сохранять свой прежній видъ,—детали ея разрушались и исчезали, но типъ и главныя конструктивныя данныя оставались безъ измѣненія.

Наконецъ неприкосновенности этого древняго памятника должно было много способствовать и топографическое его положеніе. Утративъ въ послѣднія времена значеніе пограничнаго

¹⁾ Старѣйшими по времени могутъ считаться существовавшія каменныя стѣны въ мѣст. Бѣлогородкѣ Киев. губ. (990 г.), въ Юрьевѣ (1030) и въ Киевѣ (1037 г.).

пункта и очутившись въ глухомъ забытомъ углу при упраздненіи Ладоги какъ города при Петрѣ Великомъ, Староладожская крѣпость окончательно обратилась въ заброшенныя развалины, къ которымъ не прикасалась ничья рука съ цѣлью ихъ для чего либо утилизировать. Въ то время какъ напр. древнія новгородскія стѣны приспособлялись въ позднѣйшія времена къ военнымъ цѣлямъ, мѣстность Старой Ладоги оставалась въ сторонѣ отъ всякихъ военныхъ соображеній и такимъ образомъ развалины Староладожской крѣпости сохранились до нашихъ дней безъ всякихъ измѣненій, насколько пощадила ихъ рука всеокрушающаго времени.

Отсюда можно видѣть все важное значеніе этого памятника въ археологическомъ отношеніи, какъ древнѣйшаго, неискаженного позднѣйшими передѣлками въ теченіи болѣе чѣмъ семи столѣтій представителя новгородскаго военного зодчества.

Какъ бытовой историческій памятникъ, Староладожское городище уже съ давнихъ временъ представляло глубокий интересъ для нашего народнаго самопознанія, окутавшаго эти развалины фантастическими преданіями и легендами, проникнувшими затѣмъ въ литературу, даже историческую, отъ чего научное значеніе городища не выиграло, конечно, ничего. Мѣстное преданіе безъ всякаго основанія приурочило происхожденіе городища къ легендѣ о Рюрикѣ и издавна окрестило развалины названіемъ «Рюриковой крѣпости», подъ каковымъ онѣ сливуть и понынѣ; оно-же создало цѣлый циклъ поэтическихъ вымысловъ о существованіи въ «Рюриковой крѣпости» таинственныхъ подземныхъ ходовъ, разныхъ тайниковъ и подземелій, которыя, будто, вели изъ внутренности крѣпости къ различнымъ окрестнымъ пунктамъ. Тоже самое не замедлило войти въ составъ крайне поверхностныхъ описаній городища, разновременно появлявшихся въ печати до послѣдняго времени. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи нѣмецкій переводчикъ Несторовой лѣтописи—Шереръ ¹⁾ необинуясь описалъ наше городище, какъ бывшее жилище самого Рюрика. По словамъ Шерера «Его (Рюрика) дворецъ, или лучше сказать замокъ, существуетъ доннынѣ и составляетъ рѣдкость, которая заслуживала бы въ Россіи большаго вниманія. Замокъ этотъ въ древнемъ готическомъ стилѣ, съ четырьмя башнями, сооруженъ изъ дикаго, нетесаннаго, сложеннаго на цементѣ камня».

Любопытно, что такое неосновательное указаніе, повидимому впервые пущено въ ходъ именно издателемъ русской лѣтописи, въ древнѣйшихъ спискахъ которой находится и категорическое опроверженіе тому-же вымыслу.

Подобныя-же фантазіи повторялись при удобномъ случаѣ и другими, иногда условно съ оговорками, иногда прямо какъ фактъ положительной достовѣрности. Напр. даже митрополитъ Евгеній, слѣдуя Татищеву, повторилъ, что въ Старой Ладогѣ и доннынѣ еще видны развалины его (Рюрика) замка ²⁾, а за нимъ и въ изданіяхъ официальныхъ встрѣчаемъ извѣстія такого рода, что Староладожская крѣпость была, если вѣрить преданію—Рюриковымъ замкомъ ³⁾, или что—«въ посадѣ Старой Ладогѣ развалины древней крѣпости св. Георгія относятъ ко временамъ Рюрика» ⁴⁾; въ одномъ изъ таковыхъ-же изданій ⁵⁾ перейдены даже всѣ границы баснословія

¹⁾ I. Scherer: «Des heiligen Nestors älteste Iarbücher», Leipzig, 1774.

²⁾ Разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, 10.

³⁾ Матеріалы для статистики Рос. имперіи, изд. Мин. Вн. Дѣлъ, 1839 г.

⁴⁾ Извѣстія Рус. Археол. Общ. 1861 г., т. III, 297. Здѣсь авторъ даетъ развалинамъ даже собственное ихъ названіе «Крѣпости св. Георгія»!

⁵⁾ Историко-стат. свѣд. о С.-Петербур. епархіи 1871 г., вып. 2, стр. 81.

въ этомъ отношеніи: здѣсь читаемъ напр. не только вымыселъ, что—«Онъ же (Рюрикъ), а по другимъ свидѣтельствамъ (?) Олегъ, построилъ (въ Ладогѣ) изъ булыжнаго камня и лещадной плиты крѣпость, доселѣ существующую и извѣстную подъ именемъ Олеговой» (!?), но и опроверженіе самаго свидѣтельства лѣтописи, опредѣляющей время постройки крѣпости 1116 годомъ¹⁾. Далѣе идти уже некуда. Конечно послѣ этого отъ печати болѣе легкаго, поверхностнаго содержанія нечего и требовать какой-либо исторической вѣрности²⁾.

Нарожденію самого преданія среди темнаго мѣстнаго населенія удивляться конечно нечего и оно можетъ свидѣтельствовать только объ извѣстномъ значеніи и интересѣ даннаго памятника для народнаго самопознанія, но приводитъ подобныя баснословія въ литературѣ, въ виду существованія документальныхъ свидѣтельствъ, таковыя опровергающихъ, по меньшей степени странно!

Еще болѣе вымысловъ о Старолadoжской крѣпости сложилось среди мѣстнаго населенія относительно разныхъ конструктивныхъ ея особенностей; народное воображеніе создало въ ней существованіе таинственныхъ подземныхъ сооружений, скрытыхъ ходовъ, подземелій и тому подобныя легенды, упорно циркулирующія среди мѣстнаго населенія и понынѣ, несмотря на то, что произведенныя въ городишѣ археологическія изслѣдованія вполне обнаружили ихъ несостоятельность. Но здѣсь поэтической вымыселъ имѣлъ хотя какое нибудь основаніе и создавался такъ сказать отчасти на реальной почвѣ, ибо внѣшнее состояніе городища до его изслѣдованія доставляло къ тому извѣстные поводы. Фактическое существованіе многихъ сводчатыхъ оборонительныхъ приспособленій, входовъ и помѣщеній въ заваленныхъ снаружи и внутри стѣнахъ и башняхъ крѣпости, существованіе нѣсколькихъ, тогда еще неизвѣстнаго назначенія, узкихъ каменныхъ спусковъ или лѣстницъ, едва изъ подъ заваловъ виднѣвшихся и таинственно куда-то внизъ исчезающихъ, зіявшія кое-гдѣ мѣстами загадочныя отдушины, все это заросшее землей, заваленное щебнемъ, лишенное свѣта и ненаходившее себѣ простѣйшихъ объясненій, должно было питать народное воображеніе, незамедлившее поэтому опозитизировать развалины разными таинственными разсказами. Создались легенды о могилѣ Рюрика, о мрачныхъ казематахъ съ цѣпями на стѣнахъ, о желѣзныхъ дверяхъ, преграждавшихъ подземные проходы, о сокровенныхъ сводчатыхъ ходахъ проведенныхъ изъ городища подъ Волховомъ на другой берегъ и т. д. Нашлись и смѣльчаки, пытавшіеся проникнуть въ эти таинственныя ходы и хотя конечно видѣвшіе только то, или небольшую часть того, что обнаружено произведенными нынѣ изслѣдованіями, но безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ субъективныхъ впечатлѣній, выносившіе фантастическіе разсказы о видѣнномъ; такимъ образомъ, эти любители таинственнаго давали новую пищу стоустой молвѣ, съ теченіемъ времени еще болѣе искажавшейся.

И здѣсь можно повторить вышесказанное, что легенды, какъ вполне отвлеченныя созданія народнаго воображенія, могутъ имѣть значеніе лишь какъ характеристика извѣстнаго отношенія мѣстнаго населенія къ тому памятнику, къ которому онѣ приурочиваются; въ этомъ смыслѣ онѣ вполне безвредны и имѣютъ лишь свой поэтической оттѣнокъ, но другое дѣло, если онѣ проникаютъ въ литературу и возводятся на степень фактической достовѣрности.

¹⁾ Пріемъ автора слѣдующій: «Лѣтописецъ считаетъ временемъ основанія крѣпости 1116 годъ, но большинство древнихъ свидѣтельствъ (?) и устные преданія искони живущія въ Ладогѣ и называющія крѣпость то Рюриковой, то Олеговой, побуждаютъ (!) относить основаніе ея ко временамъ первыхъ русскихъ князей».

²⁾ Какъ напр. въ «Нивѣ» (1870 г. № 30), гдѣ при описаніи городища между прочимъ прямо заявляется, что «замокъ этотъ служилъ мѣсто пребыванія Рюрика въ 862 году».

Съ этой точки зрѣнія не важны, напримѣръ, бездоказательные рассказы темнаго Староладожскаго люда, голословно повторяющаго небылицы, слышанныя имъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ¹⁾, но мы не можемъ игнорировать показаній людей интеллигентныхъ, передающихъ въ литературѣ наблюденія и факты, изъ источниковъ болѣе достовѣрныхъ, факты, прямо свидѣтельствующіе въ пользу якобы правдивости народныхъ фантазій.

Къ числу таковыхъ должны быть отнесены напр. два свидѣтельства, хотя и раздѣленные почти полустолѣтнимъ промежуткомъ времени, но оба носящія болѣе или менѣе характеръ фактической достовѣрности.

По первому изъ нихъ—въ 1811 году нѣкто генералъ-маіоръ Герардъ произвелъ слѣдующую экскурсію въ развалинахъ: черезъ одно изъ выходившихъ наружу отверстій онъ проникъ «на каменную лѣстницу, которая привела его въ пространную четырехугольную комнату, изъ коей опять по лѣстницѣ онъ спустился въ другую, подобную первой. Отсюда простирались подземные ходы на большое пространство, но онъ не могъ продолжать своихъ изысканій—чрезвычайно густой и сырой воздухъ препятствовалъ дыханію и множество нетопырей совершенно преграждали ему путь²⁾».

Другой рассказъ, отличающійся большими романическими подробностями, хотя появился въ печати сравнительно недавно, но относится къ 50-мъ годамъ и заключаетъ позднѣйшій пересказъ, слышаннаго тогда авторомъ, повѣствованія о походахъ цѣлой экспедиціи изъ трехъ лицъ, рискнувшихъ проникнуть въ пресловутыя таинства «Рюриковой крѣпости». Участниками экспедиціи были: не безъизвѣстный въ литературѣ А. Башуцкій, отецъ Антоній Бочковъ (впослѣдствіи игуменъ Черменецкаго монастыря) и ладожскій старожилъ діаконъ Савва Бѣляевъ, о походахъ которыхъ авторъ разсказа передаетъ слѣдующее³⁾: «Подъ юговосточною угловою башнею замка, уцѣлѣла до сихъ поръ низкая ветхая дверь по направленію къ рѣкѣ съ желѣзнымъ засовомъ и цѣпью на замкѣ, черезъ которую упомянутыя лица, получивъ ключъ отъ двери отъ священника Георгіевской церкви и запасшись фонаремъ, лопатами и ломомъ, отправились на осмотръ любопытнаго прохода. Скоро путникамъ пришлось съ опасностью

¹⁾ Напр. одинъ изъ такихъ разсказовъ переданъ покойнымъ В. Прохоровымъ (Христіанск. древности и археологія 1871 г., кн. 1). Онъ заключаетъ въ себѣ показаніе (1851 г.) нѣкоего мѣщанина Ананьева 60-ти лѣтъ, который еще въ дѣтствѣ своемъ сопровождалъ отца, при попыткѣ послѣдняго проникнуть въ какой-то тайникъ Староладожской крѣпости. Ананьевъ разсказывалъ, что съ юго-западной стороны и угловой башни видно и понынѣ отверстіе въ подземный корридоръ, въ который они входили. Ходъ этотъ, какъ онъ полагаетъ, ведетъ къ Волхову, вдоль южной крѣпостной стѣны, и хотя Ананьевъ не помнитъ сколько они прошли, но будто-бы достигли желѣзныхъ воротъ напертыхъ на замокъ; весь ходъ до воротъ со ступенями внизъ, ширина корридора менѣе сажени и высота болѣе человеческого роста; стѣны и сводъ плитняные. Тутъ было много летучихъ мышей, которыя бросаясь задѣвали ихъ по лицу крыльями. Тогда была молва, что ходъ этотъ идетъ и подъ Волховомъ, а выходъ его у бѣлаго креста близъ мызы Загвозья, верстахъ въ 8 отъ крѣпости, но самъ Ананьевъ этого не знаетъ.

Тотъ-же Ананьевъ передавалъ о существованіи ходовъ и въ другихъ башняхъ (юго-восточн. и сѣверной), но самъ онъ въ нихъ не лазилъ.

Съ своей стороны мы можемъ добавить, что упоминаемый ходъ есть, по всей вѣроятности, обнаруженная при изслѣдованіи городища каменная лѣстница, устроенная въ толщѣ стѣны юго-западной башни и служившая для сообщенія съ нижнимъ этажемъ послѣдней. На лѣстницу эту можно было попасть внизу башни черезъ тайникъ (см. ниже описаніе Климентовской башни), а на верху или извнѣ — черезъ свѣтовое окно, или изнутри черезъ выходъ изъ лѣстницы въ средній этажъ башни. Многое въ разсказѣ, передававшемся по воспоминаніямъ дѣтства, конечно, уже прикрашено, или создано воображеніемъ, но отвергать въ основаніи самый фактъ повода не имѣется и для объясненія его нѣтъ надобности въ существованіи какихъ-либо еще особыхъ таинственныхъ ходовъ въ крѣпости.

²⁾ «Соревнователь» 1821 г., т. 14, стр. 30.

³⁾ «Гражданинъ» 1894 г., № 23: «Думы на развалинахъ тысячелѣтняго города»

выбираться въ полумракѣ, между рыхлыми отъ сырости и нависшими каменными сводами подводной галлерей; стѣны послѣдней были покрыты густою массою блѣднозеленой плесени, въ которую уходили руки, не встрѣчая ничего твердаго для опоры. Воздухъ становился удушливѣмъ, надъ головами стоялъ гулъ отъ перекатывавшихся воды; кругомъ раздалось жужжанье отъ движенія отвратительныхъ гадюкъ, все это угнетало мозгъ до того, что терялось соображеніе и вязнувшія въ грязной тинѣ ноги отказывались служить. Наконецъ отъ спертости атмосферы погасъ огонь въ фонарѣ и спички не загорались... Смѣлые искатели приключеній едва, едва, гдѣ-нибудь, гдѣ-нибудь, выбрались изъ мрачныхъ и душныхъ переходовъ подземелья, черезъ ту-же дверь, и оказалось, что они протомились въ немъ около часа и, насколько можно предположить по странствованію ихъ въ извилинахъ хода, они заключили, что прошли только нѣскольکو сажень отъ крѣпости, удовлетворяясь однимъ этимъ опытомъ и выведя изъ него дѣйствительности существованія древняго сообщенія крѣпости, черезъ прорытый подъ водою ходъ.

Разсказъ отличается весьма реальными подробностями, но къ сожалѣнiю какъ онъ, такъ и ему предшествовавшiй, не составляютъ изложенiя личныхъ впечатлѣнiй и наблюденiй самого изслѣдователя, а оба поредаются по крайней мѣрѣ уже изъ вторыхъ рукъ и писаны много лѣтъ спустя послѣ совершениа упомянутыхъ экскурсiй; послѣднiй изъ нихъ, кромѣ того, очевидно не лишень (судя напр. по его стилю) поэтическихъ украшенiй автора, писавшаго къ тому-же по старымъ тридцатилѣтнимъ воспоминанiямъ!

Но относясь до известной степени скептически къ некоторымъ подробностямъ приведенныхъ фактовъ ¹⁾, мы не считаемъ себя въ правѣ отвергать послѣдніе въ самомъ ихъ основаніи, въ виду того, что при иномъ освѣщеніи ихъ, для достовѣрности упомянутыхъ экскурсій не приходится допускать существа нѣкоторыхъ изъ нихъ, а потому, если бы было видно въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ, соединяемыхъ съ обнаруженіемъ растопки, действительность.

Такъ, по поводу подметенныхъ холмовъ упоминается Герардомъ въ 1811 году, замѣтимъ, что за таковыя имъ были приняты, конечно, глубокія естественныя изобразы и проходившій по южной башнѣ, которая въ то время должны были быть достаточно завалившимися, чтобы внести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго ихъ назначенія. Къ тому-же мы не знаемъ и степени точности редакціи самаго описанія этой экскурсіи, изданнаго спустя десять лѣтъ по ея совершении.

Экспедицію Башуцкаго об'яснить нѣсколько трудноѣ. Нѣтъ основанія отвергать вполнѣ правдивость разсказа о ней, ибо во всякомъ случаѣ свѣдѣнія эти переданы лицомъ заслуживающимъ довѣря. Но въ то-же время несомнѣненъ и фактъ, что лѣстница, по которой спускались участники экспедиціи, не имѣеть другаго выхода, какъ только во внутренность нижняго этажа юго-вост. башни. Думаемъ, что противурѣчія эти можно согласить тѣмъ, что тогда въ грунтѣ завала, заповнявшаго башню, могла на подошвѣ за лѣстницею образоваться какая нибудь случайная пустота *), сквозь которую Башуцкін съ своими спутниками пробрались до ближающей башенной

амбразуры въ стѣнахъ нижняго этажа; амбразура эта, оказавшаяся при изслѣдованіи не вполне засыпанною, а завалившеюся лишь отчасти и преимущественно на своихъ оконечностяхъ, притомъ-же имѣвшею значительную длину (въ зависимости отъ толщины башенной стѣны), безъ сомнѣнія и была принята за ходъ подъ Волховъ, тѣмъ болѣе, что эти амбразуры здѣсь выходятъ непосредственно на рѣку и, попавъ сюда, экскурсанты могли даже дѣйствительно слышать плескъ волнъ, омывающихъ подножіе башни. Остальное, конечно, дополнило воображеніе.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти легенды фактически опровергаются полнымъ изслѣдованіемъ городища, не обнаружившимъ въ послѣднемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ либо скрытыхъ приспособленій. Тѣмъ не менѣе, существованіе тайниковъ не разъ указывалось даже въ серіозной литературѣ, какъ нѣчто положительно достовѣрное. Напримѣръ, даже Н. Костомаровъ, говоря о Старолadoжской крѣпости, прямо утверждаетъ: «Въ стѣнѣ были слѣданы потайные ходы, идущіе внизъ подъ землею. Неизвѣстно, на какое пространство тянутся эти подземелья и въ какихъ направленіяхъ; народное преданіе ведетъ ихъ подъ Волховъ ¹⁾». То-же самое повторяетъ покойный В. Прохоровъ ²⁾, безусловно заявившій по поводу переданныхъ имъ-же легендъ, что—«одно только вѣрно вполне: дѣйствительно есть тайники, есть туда и входы, но въ настоящее время завалены!» Наконецъ, одинаковыя басни, но еще съ большими подробностями и безъ всякихъ оговорокъ встрѣчаемъ на страницахъ одного ученаго журнала ³⁾, гдѣ въ довольно подробной статьѣ о «Рюриковой крѣпости» между прочимъ передается, что—«въ угловыхъ башняхъ крѣпости находятся входы въ подземные тайники или тоннели, которые вели къ Волхову и рѣкѣ Лadoжкѣ и сдѣланы были, безъ сомнѣнія, съ военной цѣлью на случай осады».

Не мудрено, что при подобной постановкѣ фактовъ убѣжденіе о тайнахъ Старолadoжскаго городища настолько окрѣпло, что его не въ состояніи разрушить даже дѣйствительность ⁴⁾, представленная произведеніями въ городищѣ раскопками, въ силу чего мѣстные обыватели и до сихъ поръ продолжаютъ по прежнему повторять старыя басни о пресловутыхъ тайникахъ «Рюриковой крѣпости» ⁵⁾.

Надо надѣяться, что хотя-бы съ появленіемъ настоящаго труда дѣйствительное значеніе и интересъ Старолadoжскаго городища будутъ оцѣнены надлежащимъ образомъ, и что вышеуказаннымъ повѣствованіямъ послѣ этого отведется подобающее мѣсто въ области чистѣйшей фантазіи.

¹⁾ «Сѣверно-русскія народоправства», т. II.

²⁾ «Христіанскія древности и археологія» 1871 г., кн. I.

³⁾ «Древняя и Новая Россія». 1876 г., № 1.

⁴⁾ Такъ напр. въ статьѣ Н. Тюменева «По пути изъ Варягъ въ Греки», помѣщенной въ Историческомъ Вѣстникѣ, за Апрель 1893 г., слѣдовательно уже по окончаніи раскопокъ, произведенныхъ въ Старолadoжскомъ городищѣ, снова повторяются старыя разсказы о тайникахъ послѣдняго и говорится въ заключеніе, что—«теперь входы въ эти тайники завалены камнями и мусоромъ и доступъ къ нимъ почти невозможенъ!» (стр. 151). Но если авторъ писалъ свою статью дѣйствительно около 1893 года и обозрѣвалъ на мѣстѣ развалины, послѣ изслѣдованій, произведенныхъ здѣсь въ 1884—85 г., то совершенно непонятно, какіе завалы могли препятствовать ему для доступа въ минимые «тайники» крѣпости, такъ какъ всѣ конструктивныя подробности послѣдней той были уже вполне выяснены и доступны къ нимъ, послѣ ихъ очистки при тѣхъ же работахъ, оставались и остаются совершенно свободными.

⁵⁾ Еще въ примѣчаніи къ этому же сочиненію, напр. слѣдующее: мѣстные жители называютъ мѣсто «протима» (т. е. пространство между двумя башнями) «тайникомъ» (гдѣ нинѣ проходитъ дорога къ Волхову) и утверждаютъ, что «протима» — это тайникъ крѣпости. Но названіе это (какъ будетъ пояснено ниже въ этомъ сочиненіи) не болѣе, чѣмъ случайное, такъ какъ нинѣ и совершенно не правдоподобно и прилагать къ мѣсту, гдѣ нинѣ проходитъ дорога, названіе тайникъ.

Обращаясь затѣмъ къ фактическому описанію городища, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, которые находились въ нашемъ распоряженіи, дополнительно къ даннымъ, добытымъ непосредственно раскопками городища, и къ чертежамъ, исполненнымъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества академикомъ В. В. Суловымъ.

А. Матеріалы археологическіе.

1. Видъ Старолadoжской крѣпости со стороны Волхова, 1634—36 г., помѣщенный въ путешествіи Олеарія и воспроизведенный выше (см. стр. 3. рис. 1).

Матеріаломъ этимъ, хотя и представляющимъ древнѣйшее изъ имѣющихся изображеній Ладогги, слѣдуетъ, однако, пользоваться съ большою осторожностью; онъ не освѣщенъ никакимъ пояснительнымъ текстомъ и самый рисунокъ въ деталяхъ, повидимому, даже не вполне точенъ, такъ какъ не согласуется съ показаніями нашихъ древнихъ письменныхъ документовъ близкаго къ тому-же времени (второй половины XVII вѣка); напр. по свидѣтельству послѣднихъ, сѣверная башня городища была круглою, у Олеарія же она представлена четырехугольною; такою-же (судя по шатровой крышѣ) изображена у него и юго-западная, между тѣмъ, какъ она равнымъ образомъ въ документахъ показывается круглою-же.

2. Довольно большой акварельный рисунокъ городища съ юго-западной стороны, второй половины XVII стол., въ Эрмитажной библіотекѣ ¹⁾, исполненный вѣроятно по поводу путешествія Екатерины II. Изображеніе очевидно рассчитано лишь на художественный эффектъ, безъ всякихъ научныхъ цѣлей и, страдая капитальными искаженіями, не имѣетъ никакого археологическаго значенія. Достаточно указать, что художникъ не стѣснился напр. даже прибавить на западномъ фасѣ городища еще лишнюю, никогда не существовавшую здѣсь башню! Рисунокъ очевидно исполненъ не на мѣстѣ, а позже, на основаніи ошибочно и кое какъ составленнаго наброска.

3. Нѣсколько акварельныхъ рисунковъ въ довольно большую величину, а также планы и разрѣзы городища, составленные во время археологическаго путешествія сенатора Бороздина (въ сопровожденіи г. Ермолаева, архитектора Максютинъ и рисовальщика Иванова) въ 1809—1810 г.; хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ ²⁾.

На планахъ и разрѣзахъ представлены только нынѣшніе верхніе этажи башенъ ³⁾, причемъ самые планы видимо составлены безъ точныхъ обмѣровъ и частью даже лишь по соображенію, вѣроятно въ зависимости отъ степени доступности самихъ развалинъ, уже въ то время бывшихъ полузаваленными. Вслѣдствіе этого, въ чертежахъ замѣчаются существенныя невѣрности и болѣе значенія имѣютъ рисунки, изъ которыхъ можно почерпнуть нѣсколько полезныхъ указаній о нынѣшнемъ состояніи городища и нѣкоторыхъ его деталей, въ началѣ текущаго столѣтія.

4. Планъ и нѣсколько разрѣзовъ городища, составленные въ 1852 г. инженеромъ Погожевымъ и хранящіеся въ библіотекѣ Старолadoжскаго Николаевскаго монастыря. Чертежи эти однако, очевидно, характера схематическаго и, не представляя научнаго значенія, служатъ лишь иллюстраціей къ пояснительному при нихъ тексту, или запискѣ, составленной, какъ видно, по поводу вопроса о предохраненіи городища отъ дальнѣйшаго разрушенія. Что касается самого текста, то изъ него не только нельзя извлечь никакихъ полезныхъ указаній, но даже могутъ быть сдѣланы

¹⁾ Любезно сообщенный намъ академикомъ А. А. Куниковъ.

²⁾ Подробный перечень Бороздинскаго собранія рисунковъ, см. въ Трудахъ I Археологич. съѣзда, 1871 г.

³⁾ Кромѣ сквозной средней башни, въ которой изображенъ этажъ нижній.

заключенія совершенно ложныя. Здѣсь напр. говорится, что Старолadoжская крѣпость имѣетъ видъ прямоугольника.—Объясняется отсутствіе какой-то башни на четвертомъ (сѣверо-восточномъ) углу!.. и пр., хотя достаточно бросить одинъ взглядъ на крѣпость, чтобы убѣдиться, что въ гѣйствительности планъ городища имѣетъ форму треугольника, или вѣрнѣе утѣгообразную, слѣдовательно о четвертомъ углу не можетъ быть и рѣчи.

5. Планъ и нѣсколько видовъ городища издались въ 1871 г. покойнымъ В. Прохоровымъ¹⁾, съ небольшимъ пояснительнымъ при нихъ текстомъ. Часть изданія посвящена, впрочемъ, изображенію древней церкви Св. Георгія, находящейся въ крѣпости, другая же, касающаяся непосредственно городища, представляетъ видѣнность послѣдняго съ нѣсколькихъ сторонъ и нѣкоторыя детали одной изъ башенъ, по плановъ послѣднихъ лѣтъ. Сравнительно съ перепечатанными уже выше, рисунки г. Прохорова являются лучшими, такъ какъ исполнены довольно тщательно и добросовѣстно, но тѣмъ не менѣе, самостоятельнымъ научнымъ матеріаломъ служить и они не могутъ, сохраняя за собой лишь извѣстное вспомогательное значеніе, какъ довольно вѣрной художественной копій съ видѣннаго вида развалинъ. Что касается текста, то собственно для городища онъ въ техническомъ отношеніи не прибавляетъ къ рисункамъ ничего, ибо содержитъ въ себѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ изъ исторіи Ладоги и повтореніе пресловутыхъ легендъ о подземельяхъ «Рюриковой крѣпости».

6. Къ этой-же серіи графическихъ матеріаловъ могутъ быть еще отнесены чертежи вѣршен части одной изъ башенъ крѣпости, помѣщенные въ трудахъ г.г. Ласковского и Савельева²⁾, а также можно прибавить, что изображенія городища неоднократно появлялись и на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій, какъ напр. въ Нивѣ (1870 г. № 30 и 1883 г. № 39), Древней и Новой Россіи (1876 г. № 1) и Историческомъ Вѣстникѣ (1893 г., т. LII), въ которыхъ помѣщены плохіе, впрочемъ, рисунки городища, мало что даже объясняющіе въ иллюстрируемомъ ими текстѣ. Что касается послѣдняго, то онъ по отношенію непосредственно къ развалинамъ крѣпости вездѣ изобилуетъ разными баснями и не представляетъ ни новизны, ни значенія³⁾.

7. Наконецъ, остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ новѣйшемъ матеріалѣ, видимо претендующемъ на извѣстное научное значеніе и носящемъ слѣдующее названіе: «Старолadoжская крѣпость въ чертежахъ и фотографіяхъ, съ приложеніемъ реставраціи крѣпости до и послѣ 1500 года».

Трудъ этотъ, сохраняющійся въ библіотекѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, очевидно потребовалъ не мало времени; онъ заключается въ объемистомъ атласѣ съ

¹⁾ Христіанскія древности и археологія, кн. 1.

²⁾ Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.

³⁾ Такъ напр. въ Древней и Новой Россіи передается, между прочимъ, что — «Извѣстна крѣпость укрѣплена была окопами, рвами и насыпнымъ валомъ, слѣды которыхъ еще замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ». Въ С.-Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1849 г. № 22) встрѣчаемъ такое описаніе: «Внутри стѣны (крѣпости) были бойницы и помѣщенія для стражи, съ подземными ходами. Остатки стѣны, тянувшейся болѣе чѣмъ на полуверсту, сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. По правому берегу рѣки идетъ другой рядъ насыпей, пересѣкаемый каналами, соединившимися съ Ладожкою. За каналами разоросаны новыя ряды насыпей и между ними были прорыты другіе каналы». Въ Памятной книжкѣ С.-Петербургск. губерніи (1868 г., отд. II, 20) читаемъ о городищѣ: «Башенъ было четыре: снаружи онѣ имѣли четыре угла, а внутри круглыя. Ровъ, окружавшій замокъ, наполненъ былъ водой, нанесеннымъ волнами Волхова и заваленъ камнями. Кроме того, замокъ онепеснѣлъ бѣлыми отъ извѣстнаго слѣды и до сихъ поръ видны».

краткой пояснительной запиской и составлен автором на основании работ по исследованію городища, произведенныхъ въ 1881 г. Обществомъ.

Атласъ состоитъ а) изъ рисунковъ и фотографій городища въ его современномъ состояніи и б) изъ рисунковъ, изображающихъ реставрацію крѣпости до и послѣ 1500 года.

Первая часть, какъ фактическая, слѣдовательно въ данномъ случаѣ важнѣйшая, носитъ характеръ набросковъ, исполненныхъ въ мелкомъ масштабѣ, но не чертежей, правильно составленныхъ, точно воспроизводящихъ всѣ детали своего оригинала; масштабъ мелкій, общій для плановъ и разрѣзовъ, мало пригодный для точнаго пользованія; многихъ размѣровъ въ наброскахъ совершенно не видно, другіе на планахъ и разрѣзахъ между собою разнятся, третьи являютъ ошибку; нѣкоторыя сохранившіяся детали городища пропущены, другія-же нанесены произвольно, и т. д.; серьезнаго отношенія къ задачѣ здѣсь не видно и болѣе интереса представляетъ въ томъ-же атласѣ серія малыхъ фотографическихъ снимковъ съ разныхъ деталей городища, которая частью въ видѣ копированій и частью въ составѣ рисунковъ и краткаго описанія Ладого.

Подобный же характеръ носить и другая половина атласа. Уже самое дѣленіе реставраціи на періоды до и послѣ 1500 года не имѣетъ никакого научнаго основанія, да и не соответствуетъ фактическому состоянію крѣпости въ тѣ-же періоды, ибо напр. съ 1500 года въ рисункахъ показывается несуществующая цѣлая башня на восточномъ фасѣ, тогда какъ въ дѣйствительности послѣдняя разобрана лишь въ 1672 г. Затѣмъ бросается въ глаза незамысловатость рѣшенія авторомъ разныхъ сомнительныхъ вопросовъ реставраціи первоначальнаго вида крѣпости; напр. южная половина восточнаго фаса послѣдней изображена имъ въ видѣ какого-то исходящаго угла, — начертаніе совершенно здѣсь неумѣстное въ фортификационномъ смыслѣ и невызываемое никакой исключительной конфигураціей мѣстности; у стѣны на южномъ фасѣ, около юго-западной башни показаны какія-то канцелярскія похлѣбныя, доходящія до изображать каменные монашескія кельи, на что въ дѣйствительности не имѣется даже никакого намека; у вѣздной башни расположенъ отводной острогъ, о которомъ въ ту пору рѣшительно ничего неизвѣстно, и т. д., и т. д.

Что касается пояснительной къ атласу записки, то она также соответствуетъ атласу. Въ ней между прочимъ исчисляется рядъ якобы источниковъ и пособій, служившихъ автору, какъ-то: Олеарій, Бороздинъ, Погожевъ, Віоле-Ледюкъ и др., добрая половина которыхъ въ сущности безплодна для реставраціи, но за то русскія лѣтописи авторомъ игнорированы совершенно, и между тѣмъ изъ нихъ онъ могъ узнать хотя бы то, что «Рюрикова крѣпость» чинилась уже въ половинѣ XV стол. и слѣдов. для вышеупомянутыхъ періодовъ, до и послѣ 1500 года, нѣтъ никакого историческаго основанія.

Б. Документы архивные.

1. Матеріалы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Ближайшее и самое важное значеніе непосредственно для Староладожскаго городища, представляютъ здѣсь дѣла Разрядныя¹⁾, а именно: а) Росписные списки и Сметныя книги, б) Годовыя сметныя книги, в) Десятни и г) Дѣла разныхъ городовъ. Документы, въ нихъ заключающіеся, по отношенію собственно къ Ладогѣ, представляютъ частью отписки о служившихъ людяхъ и вооруженіи послѣдней, частью

¹⁾ Н. Оглоблинъ: «Обзорніе ист.-географ. матеріаловъ въ книгахъ Разряднаго приказа» (Опис. документ. Моск. Архив. Мин. Юстиц. т. IV).

же описи состоянія ея города (крѣпости), но за періодъ не ранѣе XVII столѣтія; количество ихъ, къ сожалѣнію, весьма ограничено, содержаніе же въ большинствѣ имѣетъ много общаго, такъ что число тѣхъ, въ которыхъ заключаются болѣе или менѣе значительные варианты, сводится еще къ меньшему. Старѣйшій изъ извѣстныхъ 1628 года, позднѣйшій 1697-го; наиболѣе важныя по подробностямъ принадлежатъ 1676—1697 г.

Документы эти имѣютъ первостепенное значеніе, какъ источникъ, заключающій драгоцѣнныя въ настоящемъ случаѣ указанія о различныхъ, нынѣ уже не существующихъ частяхъ городища, вмѣстѣ съ нѣкоторыми подробностями и прежняго устройства его.

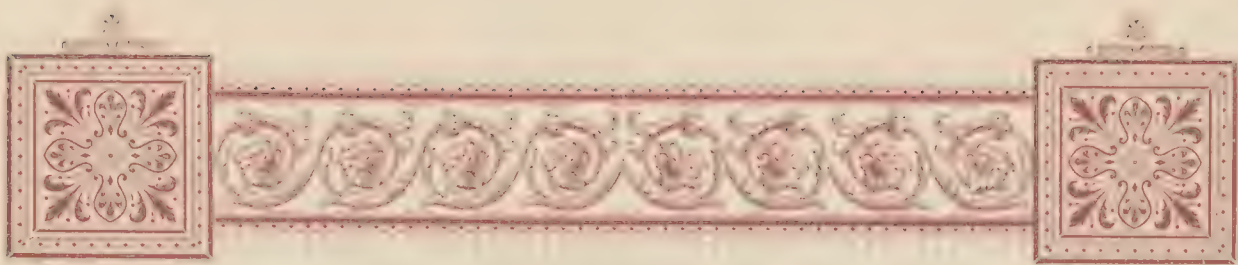
2. «Переписная роспись Ладуги», принадлежавшая покойному П. Муханову, новѣйшій списокъ которой былъ намъ любезно сообщенъ академикомъ А. А. Куникомъ. Время составленія Росписи неизвѣстно, но по всѣмъ вѣроятіямъ ее слѣдуетъ отнести къ 1665—1667 году¹⁾; она весьма важна по своимъ подробностямъ, но въ то-же время нерѣдко грѣшитъ²⁾ относительно приводимыхъ въ текстѣ ея цифровыхъ данныхъ по детальнымъ размѣрамъ городища, сравнительно съ другими имѣющимися документальными свѣдѣніями о томъ-же.

3. Наконецъ сюда-же относятся двѣ описи городища, уже изданныя: одна 1655 года, напечатанная Н. Поповымъ въ Актахъ Московскаго государства (т. II, № 777), другая 1698 года—П. Бутковымъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1838 года, ч. 29, по подлиннику графа О. Толстого. Болѣе важною изъ нихъ является первая, какъ древнѣйшая.

¹⁾ Роспись составлена при Семенѣ Колюбакинѣ, о которомъ извѣстно, что онъ былъ воеводой въ Ладогѣ въ указанное время (см. ч. I: Управленіе). Кромѣ того въ документѣ значится еще въ цѣлости одна изъ башенъ городища, которая въ 1672 г. была уже разобрана, какъ угрожавшая близкимъ и неминуемымъ паденіемъ.

²⁾ По крайней мѣрѣ въ томъ спискѣ, которымъ мы пользовались.

Мѣстность, занимаемая каменнымъ городищемъ, представляетъ небольшой возвышенный, слегка покатый къ сѣверу мысъ, образуемый впаденіемъ рѣчки Ладожки въ Волховъ, съ лѣвой стороны послѣдняго. Извилистое вообще теченіе Ладожки имѣетъ близъ своего впаденія почти перпендикулярное направленіе къ Волхову, но недоходя сажень 40 до послѣдняго, круто поворачиваетъ на сѣверъ и такимъ образомъ составляетъ острый уголъ, или мысъ длиною около 60 саж. Съ южной стороны своей (отступя отъ вершины ок. 75 саж.) онъ отдѣляется большой поперечной къ Волхову дюнной или балкой, такъ что площадь мыса почти со всѣхъ сторонъ представляется изолированной и только въ юго-западной своей части незамѣтно сливается съ прилегающей мѣстностью.

Являясь такимъ образомъ пунктомъ выгоднымъ въ фортификаціонномъ отношеніи для занятія его болѣе или менѣе сильнымъ укрѣпленіемъ, упомянутый мысъ представлялъ извѣстныя удобства для того-же и по своимъ грунтовымъ условіямъ, ибо подножіе его составлялъ плотный унгулитовый песчаникъ, могшій служить естественнымъ фундаментомъ для громаднаго массива каменныхъ башенъ крѣпости¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону для соору-

¹⁾ По имѣющимся спеціальнымъ наблюденіямъ, общій характеръ геологическаго строенія нижней половины долины Волхова выражается господствомъ силлурійскихъ известняковъ, смѣняющихъ здѣсь формацию девонскую, которая занимаетъ верхнюю половину его теченія. Близъ Старой Ладogi пласты силлурійскаго известняка исчезаютъ и подъ наносами прямо является унгулитовый песчаникъ, толщи котораго тянутся непрерывно почти до Ладожскаго озера. Нѣсколько ниже Ладogi, на лѣвомъ берегу Волхова наблюдается естественный разрѣзъ

Мѣстность городища.

женіи, можно представить глинистыя пласты, состоявшія изъ верхнихъ холма, ибо какъ показали новѣйшія развѣдки внутри городища¹⁾, площадь его состоитъ изъ черноземнаго пласта, подъ которымъ слѣдуютъ слои глины, покоящіеся на гонцахъ материковаго песчаника, причемъ эти подчерноземные слои образуютъ покатости, или склоны внизъ къ краямъ городища.

Подобное обстоятельство, какъ присутствіе подпочвенныхъ глинъ, могло оказать вредное вліяніе на прочность тѣхъ промежуточныхъ частей постройки,

мѣстныхъ породъ, въ которомъ на упомянутомъ песчаникѣ видны наслоенія глины, причемъ порядокъ напластованій слѣдующій: а) черноземъ, б) наносный песокъ съ валунами и обломками силурійскаго известняка, в) пластъ глины, г) слой плитнаго песчаника, д) пластъ глины, е) слой песчаника. (Іремѣвъ: «Геогностическія замѣтки по берегамъ Волхова»—Горн. Журн. 1855 г., ч. 1).

При производившемся въ 1884—1885 г. изслѣдованіи городища, внутреннее пространство послѣдняго для развѣдки грунта было пересѣчено (въ сѣверной половинѣ близъ бывшей Тайничной башни) широкой (въ 4 арш.) поперечной траншеей, до 4½ арш. глубиной, причемъ выяснилось, что верхній черноземный (перемѣшанный съ плитовой щебенкой) пластъ идетъ на 1½ аршина и покрываетъ собою слой крѣпкой сѣрозеленоватой глины, толщиною около 1½ аршина. Затѣмъ слѣдуетъ аршинной толщины пластъ, состоящій въ верхней половинѣ изъ красноватой песчанистой глины, переходящей ниже въ глинистый песокъ, съ обломками силурійскаго известняка и галькой, и наконецъ еще ниже идетъ болѣе чистый и твердый красноватый песокъ съ гальками и валунами, однородный съ обнаруженнымъ и на днѣ сѣверной башни того-же городища.

Относительно направленія указанныхъ пластовъ обнаружилось, что лежащіе подъ черноземомъ слои принимаютъ въ восточномъ концѣ траншеи наклонное къ уровню Волхова положеніе, т. е. образуютъ какъ-бы скатъ къ руслу рѣки. Обстоятельство это, быть можетъ, слѣдуетъ поставить въ связь и съ фактомъ окончательнаго разрушенія выходящей на Волховъ стороны городища.

Подобное-же паденіе подчерноземныхъ слоевъ должно быть установлено и въ другомъ направленіи, именно въ южной половинѣ городища—на югъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: хотя въ этой южной половинѣ городища не представилось возможности провести развѣдочную траншею (по нахожденію здѣсь христіанскаго кладбища), но изъ всѣхъ случаевъ рытья здѣсь глубокихъ могилъ извѣстно, что глины никогда встрѣчаемо не было, слѣдов. послѣдняя на кладбищѣ пролегаетъ значительно глубже, сравнительно съ серединой городища, или иначе говоря, слой ея имѣетъ паденіе также и въ эту сторону. То-же самое можно наблюдать еще яснѣе и внѣ городища, на другомъ берегу р. Ладожки. Здѣсь, въ концѣ послѣдней, близъ поста, снятъ на довольно большомъ протяженіи верхній пластъ грунта, причемъ на боковыхъ образахъ (профиляхъ) усматривается то-же довольно крутое паденіе подчерноземнаго слоя глины, по направленію къ берегу Ладожки, т. е. на югъ, и затѣмъ на противоположномъ берегу ея онъ болѣе не выслѣживается, или по крайней мѣрѣ пролегаетъ настолько глубоко подъ толщею чернозема, что при прокапываніи послѣдняго (во время возводившихся здѣсь построекъ) болѣе чѣмъ на три аршина, глины обнаруживаемо не было.

Наконецъ подобный-же скатъ, или паденіе слоя глины, но на сѣверъ, можетъ быть указано и въ сѣверномъ концѣ городища, гдѣ при проводкѣ небольшой траншеи у находящейся здѣсь башни, пластъ чернозема оказался также сравнительно толще (въ 2 аршина), т. е. слой глины пролегалъ здѣсь уже на полъ аршина глубже, сравнительно съ уровнемъ его въ серединной траншеѣ городища.

которыя не покоились непосредственно на толщах основного песчаника, что повидимому не было достаточно оценено древними строителями крепости и можетъ нынѣ давать объясненіе тому неравномерному разрушенію, которое замѣчается въ послѣдней въ настоящее время, ибо, какъ будетъ ниже указано, нѣкоторыя части стѣнъ обнаруживаютъ нынѣ послѣдствія разрушенія отъ опалзываній, или перемѣщеній цѣлыми массивами, происшедшими уже въ очень давнее время.

Какъ-бы то ни было, но описанный мысъ послужилъ, какъ уже сказано, пунктомъ, на которомъ въ XII вѣкѣ воздвиглась порубежная каменная твердыня, составившая крепкій для своего времени оплотъ Великого Новгорода. Событіе это одними лѣтописными сводами относится къ 1114-му, другими—къ 1116 г., но, безъ сомнѣнія, ни тотъ, ни другой, не могутъ быть принимаемы въ тѣсномъ смыслѣ за періодъ, въ теченіи котораго произошло все сооруженіе крепости: на такую гигантскую постройку долженъ былъ потребоваться не одинъ, не два года времени, а быть можетъ цѣлое десятилѣтіе. Поэтому, хронологическое свидѣтельство лѣтописи должно быть понимаемо, какъ указаніе года основанія крепости или года окончанія ея постройки, придерживаясь же буквального смысла лѣтописи, должно скорѣе остановиться на первомъ предположеніи, потому что лѣтопись именно говоритъ—«Томъ-же лѣтъ Павль посадникъ Ладожскій заложи Ладогѣ городъ камянь»¹⁾; это выраженіе повторяется во всѣхъ спискахъ. Отсюда-же узнаемъ и имя главнаго строителя, или основателя крепости,—Павла посадника, по однимъ указаніямъ Новгородскаго, по другимъ—Ладожскаго, но вѣрнѣе однако послѣднее, такъ какъ Несторъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о немъ и по другому поводу, при своемъ личномъ посѣщеніи Ладogi²⁾. Въ Ипатьевскомъ спискѣ, кромѣ того, читаемъ варіантъ о zaloженіи Ладogi «каменіемъ на приспѣ»³⁾, надъ чѣмъ также нельзя не остановиться. Подъ терминомъ «приспа» мы должны понимать нѣчто въ родѣ искусственной насыпи, ибо въ таковомъ смыслѣ онъ ясно употребленъ напр. въ лѣтописномъ-же свидѣтельствѣ объ осадѣ Владиміромъ Корсуны: Владиміръ взявъ послѣдній—«постави церковь на горѣ, еже ссыпаша среди града крадуше приспу»⁴⁾, слѣдовательно выходитъ,

Построеніе городища.

¹⁾ Новгородск. лѣтопись по Синод. списку, изд. 1886 г.

²⁾ «Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскій и вси Ладожани» (Лѣтоп. по Ипат. сп., изд. 1871 г., 199).

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Полн. собр. лѣтоп. (Воскресенск. лѣт.). Тамъ-же видно, что упомянутая приспа образовалась слѣдующимъ образомъ: Владиміръ осадивъ Корсунъ «повелѣ приступати ко граду и прьсть

что и ладожская крѣпость была воздвигнута какъ-бы на искусственномъ возвышеніи, чего однако допустить никакъ нельзя, въ виду данныхъ, добытыхъ въ городищѣ раскопками ¹⁾. Объясненіе выраженія лѣтописи можетъ почерпаться однако изъ своеобразной формы мѣстности, занятой городищемъ, именно въ видѣ плоскаго изолированнаго холма, которая до построения городища могла представляться насыпью искусственнаго происхожденія.

Итакъ, въ 1114 или 1116 году, въ княженіе новгородскаго князя Мстислава, послѣдовало основаніе каменнаго города (крѣпости) Ладоги, остатки котораго и понынѣ возбуждаютъ удивленіе своимъ циклопическимъ характеромъ. При составленіи плана постройки, строители видимо руководились исключительно конфигураціей занятой мѣстности, ибо очертанія городища вполне совпадаютъ съ контуромъ занятаго подъ постройку мыса, почему и самая крѣпость получила своеобразную форму гигантскаго утюга, обращеннаго острымъ концомъ внизъ по теченію Волхова. Кругомъ этого мыса были возведены пять большихъ каменныхъ башенъ, изъ коихъ три были расположены по угламъ и двѣ на серединѣ длинныхъ боковыхъ фасовъ, отлогости же мыса на восточной и западной сторонахъ, между башнями, были срубаны и контрфорсированы каменными стѣнами, кромѣ стороны нижней, гдѣ огромный отдѣлявшій ее обрывъ (лощина) былъ усиленъ лишь землянымъ валомъ по гребню его и на валѣ выведена также каменная стѣна, сравнительно, однако, меньшихъ размѣровъ. Грандіозныя остатки всего этого можно видѣть и по настоящее время (табл. IV), исключая только одной башни на серединѣ восточнаго фаса, которая уже исчезла окончательно, будучи по необходимости разобрана еще во второй половинѣ XVII столѣтія.

Табл. IV.

Матеріаломъ для сооруженія крѣпости послужили крупные необдѣланные

сыпати; корсуняне-же подкопавъ стѣну градную и крадуще сыплемую прѣсть и ношаху къ себѣ во градъ, сыплуще посреди града».

Въ подобномъ-же смыслѣ передается напр. подъ 1386 г.—«Поставиша новгородци острогъ, по спу хоромы» (Полн. собр. лѣт., т. VIII, 50).

¹⁾ Вся внутренняя площадь городища представляетъ культурные остатки только въ предѣлахъ верхняго черноземнаго слоя и соприкасающейся съ нимъ поверхности глины, ниже-же слѣдуетъ грунтъ материковый, нетронутый людьми, въ который не углублялись даже встрѣченныя здѣсь старыя могилы; въ районѣ траншеи оказалось шесть гробовъ, которые всѣ лежали въ верхней поверхности глины, т. е. всего на глубинѣ, недоставшей двухъ аршинъ. Культурный слой не разъ очевидно былъ перекопанъ, ибо кромѣ остатковъ костей животныхъ въ немъ попадались перемѣшанными предметы весьма разныхъ эпохъ, напр. привѣсный оселокъ и черепки глиняной посуды съ древнихъ волнообразнымъ орнаментомъ, встрѣчаемымъ на горникахъ курганнаго періода, а вмѣстѣ съ ними предметы несомнѣнно новѣйшіе — свинцовая пуля, сундучный замокъ и т. под. Выдающихся въ какомъ либо отношеніи находокъ здѣсь сдѣлано не было.

валуны, изъ которыхъ и сложена вся громада послѣдней, причемъ нѣкоторые изъ нихъ оказывались такихъ значительныхъ размѣровъ (болѣе аршина въ поперечникѣ), что освободиться отъ нихъ вовремя раскопокъ можно было не иначе, какъ разбивая на части. Изъ этого можно составить себѣ понятіе, сколько усилій и энергіи потребовало сооруженіе подобной твердыни, какое огромное количество матеріала нужно было доставить и сколько тяжкаго труда было затрачено на втаскиваніе этихъ каменныхъ глыбъ при кладкѣ стѣнъ и башенъ крѣпости! Другимъ матеріаломъ послужила мѣстная плита, которою изобилуютъ берега Волхова и которая главнымъ образомъ была употреблена на облицовку всей постройки и выводъ сводовъ; мѣстами та-же плита встрѣчается въ видѣ прокладокъ въ валунномъ массивѣ башенъ, или стѣнъ крѣпости, вѣроятно для болѣе прочной связи сооруженія; то же назначеніе надобно видѣть и въ присутствіи въ стѣнной кладкѣ дубовыхъ бревенъ, замѣчаемыхъ нынѣ въ разныхъ частяхъ развалинъ; наконецъ кое-гдѣ встрѣчается и кирпичная кладка, преимущественно на внутреннихъ частяхъ постройки. Связующимъ цементомъ служилъ известковый растворъ весьма высокаго качества, которымъ въ изобиліи залита вся кладка и который по твердости своей нынѣ мало уступаетъ камню: и въ настоящее время можно видѣть въ полуразрушенныхъ стѣнахъ крѣпости почти висящіе на воздухѣ валуны, которые удерживаются на своемъ мѣстѣ, единственно благодаря прочности скрѣпляющаго ихъ раствора.

Въ зависимости частью отъ нѣкоторыхъ конструктивныхъ приѣмовъ постройки, каковыя будутъ указаны при дальнѣйшемъ описаніи городища, частью же отъ вліянія условій климатическихъ, но сооруженная твердыня уже съ очень давняго времени начала клониться къ упадку. Весьма вѣроятно, что извѣстное вліяніе въ этомъ отношеніи оказали и историческія событія, ибо изъ лѣтописей извѣстно, что въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ Ладога была не разъ выжигаема непріателемъ (послѣдній разъ въ 1338 г.), причемъ военныя дѣйствія могли существенно отразиться на состояніи крѣпости. Быть можетъ, наконецъ, извѣстный упадокъ ея могъ явиться и результатомъ недостаточнаго своевременнаго попеченія о поддержкѣ постройки въ исправности, напр. въ виду возведенія новгородцами другой каменной же твердыни, далеко впереди Ладоги,—Орѣшка ¹⁾, но какъ бы то ни было, а начало процесса разрушенія Ладужской крѣпости выслѣживается уже съ XV столѣтія, такъ какъ ко временамъ архіепископа

Ремонты.

¹⁾ Построеніе здѣсь каменной крѣпости относится къ 1352 г. (Полн. собр. лѣтоп. III, 227), деревянная же была возведена въ 1323 году.

Евѣмій поврежденія въ ней оказались уже настолькоъ существенными, что онъ нашелъ нужнымъ произвести ремонтъ ея, и ремонтъ, вѣроятно, не малый, ибо упоминаніе о немъ занесено даже на столбцы лѣтописи. Последняя подъ 1446 г. передаетъ, что при обращеніи существующей и понынѣ въ Ладожскомъ городищѣ древней церкви св. Георгія въ монастырь, архіепископъ Евѣмій—«Въ городкѣ въ Ладогѣ стѣну каменную понови и церковь св. Георгія понови, идѣже отпало, и покры ю чешуюю и бысть крестьяномъ прибожище ¹⁾». При этомъ нельзя не обратить вниманія, что лѣтописное указаніе касается именно обновленія крѣпостныхъ стѣнъ, составлявшихъ, какъ будетъ пояснено въ своемъ мѣстѣ, слабѣйшую часть всей постройки.

Затѣмъ слѣдующія извѣстія о какихъ либо строительныхъ работахъ въ крѣпости, встрѣчаются не ранѣе XVII столѣтія, если не останавливаться на неопредѣленномъ указаніи 1584 г., что въ Ладогѣ велѣно быть намѣстникомъ О. Колычеву, а В. Головину тамъ же—«у городского дѣла ²⁾», ибо это послѣднее выраженіе, быть можетъ, имѣетъ смыслъ общаго завѣдыванія городомъ въ военномъ отношеніи. Изъ документовъ XVII вѣка видно, что въ 1649 году населеніе Ладожскаго уѣзда, по поводу новаго наряда на строительныя работы, коллективно было челомъ объ облегченіи этой повинности, причемъ упоминается вскользь о прошлыхъ давнихъ ремонтахъ крѣпости:—«А прежь сего государь, изстари дѣлали тотъ городъ Ладогу всѣмъ новгородскимъ присудомъ и иными многими городами» ³⁾. Въ чемъ заключались эти прежніе ремонты, въ документѣ также умалчивается, но за то изъ него же видно, что къ 1646 году стѣны крѣпости пришли уже настолькоъ въ плохое положеніе, что частью совершенно разрушились:—«И въ прошломъ государь во 154 (1646) году», говорится въ челобитной,—«прислана съ Москвы твоя государева грамота въ Ладогу къ воеводѣ Василью Оничкову, а велѣно въ каменномъ городѣ починить нужныхъ мѣстъ, и онъ Василій велѣлъ Ладожскимъ уѣздомъ по каменному городу зарубить деревянную стѣну и мы государь по каменному городу поставили деревянную стѣну». Въ 1647 году изъ Москвы изъ Новгородской Четверти былъ даже спеціально командированъ въ Ладогу каменныхъ дѣлъ подмастерье Ромашко Невѣровъ, для составленія смѣты общаго ремонта крѣпости; имъ было сдѣлано подробное исчисленіе «во что то городовое дѣло станеть и въ сколько мѣсяцевъ и сколькими людьми мочно дѣлать и надобно всякихъ запасовъ

¹⁾ Полное собр. лѣтоп., IV, 123. По другимъ спискамъ ремонтъ производился въ 1445 году.

²⁾ Древняя російская вивліоѳика, т. XIV: Розряды.

³⁾ См. Приложение V.

и камня и песку и извести и лѣсу и тесу и гвоздья и мастеровъ ¹⁾). Но смета осталась, какъ видно, неосуществленною; вѣроятно, въ связи съ этимъ проектомъ капитальнаго исправленія крѣпости, 1647 г., и послѣдовало въ 1649-мъ распоряженіе, ограничившееся полумѣрою: ладожскому воеводѣ Надежѣ Кулюбакину предписывалось—«Въ каменномъ городѣ башни мостить и крыть и плохія мѣста починивать и въ башняхъ подшвы и бои вычистить Ладожскимъ уѣздомъ ²⁾». Какъ видно, однако, это распоряженіе осталось лишь на бумагѣ, или было сдѣлано очень немного, ибо въ 1655 г. изъ Ладogi доносили, что «тѣ оба города (каменный и деревянный) и по се время не подѣланы и достальныя башни и каменные прясла безъ кровлей нынѣ безъ остатку валятся, а мимо Ладogi ѣздытъ нѣмецкіе посланники и гонцы и городовое нестроенье видять ³⁾»..

Состояніе крѣпости во второй половинѣ XVII вѣка ухудшалось съ каждымъ годомъ. Въ 1668 г. ладожскій воевода Арцыбашевъ писалъ, что одна изъ, проѣздныхъ башенъ стоитъ безъ кровли и что какъ она, такъ и три другихъ, отъ дождя во многихъ мѣстахъ осыпались, а сверхъ того о пятой башнѣ указывалъ, что послѣдняя—«отъ городовые стѣны до подошвы вся отсѣла и только тое башни не починить и воды въ каменномъ городѣ не будетъ ⁴⁾». Въ 1669 г. онъ же снова доносилъ, что «въ осадное время въ томъ колодезѣ (подъ упоминаемой башней) воды не будетъ, потому что тайникъ осыпался, а иного колодезя въ каменномъ городѣ нѣтъ и того города стѣна во многихъ мѣстахъ осыпалась». Но наиболѣе полную картину состоянія Ладожской крѣпости въ это время, встрѣчаемъ въ донесеніи воеводы Кулюбакина 1665—1667 г. ⁵⁾, изъ котораго въ общихъ чертахъ получается слѣдующее: ни на одной башнѣ крышъ уже не было и всѣ сверху начинали обваливаться, а пятая изъ нихъ, отдѣлившись отъ стѣны, накренилась къ Волхову и угрожала неминуемымъ паденіемъ. Стѣны были также безъ покрытій и сохранились еще почти полностью только въ двухъ мѣстахъ, именно на части сѣверной половины западнаго фаса и на части фаса восточнаго, но и онѣ уже въ это время осыпались; кромѣ того въ значительной степени оставалась еще сохранившеюся стѣна;

¹⁾ См. Приложение IX.

²⁾ См. Приложение V. Вѣроятно въ связи съ тѣмъ же находится заявленіе новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, что крестьяне ихъ—«дѣлали въ прошлыхъ годѣхъ (до 1675 г.) на Софійской и на Торговой сторонахъ два города, а третей во многихъ мѣстахъ починивали, да пригородъ Ладogu, и то городовое строенье учинилось имъ во многія тысячи» («Акты историческіе», т. V, № 33)

³⁾ См. Приложение IX.

⁴⁾ См. Приложение X.

⁵⁾ См. Приложение XII.

составлявшая южную половину западного фаса, на которой только исчезли зубцы, замѣненные деревянными тарасами ¹⁾, по всему же остальному протяженію ограды тянулись уже мѣстами деревянныя постройки изъ тарасовъ-же, взамѣнъ обвалившейся каменной кладки, мѣстами же вновь возведенныя цѣликомъ «деревянныя рубленныя стѣны» (южный фасъ и южная половина фаса восточнаго). Но и всѣ эти пристройки, во время составленія описи, были уже гнилыми и развалились, хотя по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ была возведена сравнительно въ недавнее время, т. е., какъ указано выше, всего около 25 лѣтъ назадъ.

Въ 1672 году на восточномъ фасѣ исчезла уже средняя башня, которую пришлось разобрать «по нижній сводъ», и замѣнена рубленой стѣной, а затѣмъ къ 1676 году провалились всѣ полы въ остальныхъ башняхъ и засыпался самый колодезь въ бывшемъ тайникѣ, такъ что донесеніе этого года ²⁾, повторяя уже изложенное состояніе крѣпости, говоритъ что — «тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многіе лѣта и въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣнѣ».

Въ 1685 г. бои въ стѣнахъ ограды, а также потайной выходъ изъ юго-западной башни, были уже совершенно завалены; обрушились стѣны лѣстницы, ведшей къ колодезю подъ разобранной башней и сохранившаяся еще нижняя часть послѣдней, съ покрывавшимъ ее сводомъ, стала также валиться въ Волховъ; держались еще попрежнему три четверти стѣнъ на западномъ фасѣ и сѣверная половина восточнаго, но къ 1692 году рухнули и эти, за исключеніемъ устоявшей до нашихъ дней южной половины западнаго фаса, какъ-бы пощаженной неумолимымъ временемъ на память потомству. На всемъ лежала уже печать полного разрушенія и Ладожское городище, какъ видно, было къ концу XVII вѣка уже вполне предоставлено своей судьбѣ, безъ всякаго попе-

¹⁾ Лазковскій — Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи: Стѣны рубленныя тарасами состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно между собою на толщину ограды. Онѣ соединялись подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами, образуя глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями. Участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно тарасу, протяженіе котораго въ длину измѣнялось вообще между 3 — 4 саженьми, если же оно было приблизительно на половину менѣе, то назывался полутарасою. Позже устройство это измѣняется: при усиленіи ограды Полоцка (XVI в.) употреблены тарасы изъ трехъ продольныхъ стѣнъ; въ оградѣ Коротояка 1648 г. поперечныя стѣны сходились углами, образуя треугольныя клѣтки.

Въ 1684 г. въ г. Опочкѣ: «обрублено къ валу по обѣ стороны городского мосту 68 сажень тарасами въ вышину 7 вѣшцовъ». (Дополн. акт. историч., т. XII, № 3).

²⁾ См. прилож. XIII.

ченія о немъ со стороны правительства ¹⁾, ибо и въ послѣднемъ имѣющемся донесеніи 1698 г. читаемъ о немъ то-же самое, что — «тотъ городъ, башни и прясла всѣ стоятъ безъ кровли и безъ починки многіе годы и на башняхъ кровлей и въ башняхъ мостовъ нѣтъ; отъ дождя и снѣга все сгнило безъ остатку и провалилось и нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великою нуждою»!

При описаніи городища, къ которому мы теперь приступаемъ, будемъ держаться слѣдующаго порядка:

а) Современный намъ внѣшній и внутренній видъ городища въ томъ состояніи, въ какомъ его застало начало предпринятаго изслѣдованія (1884 г.).

б) Указанія о немъ изъ древнихъ документовъ (не восходящихъ впрочемъ ранѣе XVII стол.), а также и изъ позднѣйшихъ изображеній городища.

в) Факты, обнаруженные произведенными въ послѣднемъ раскопками.

г) Результаты, вытекающіе изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, относительно возможной на основаніи ихъ реставраціи первоначальнаго вида крѣпости.

По поводу послѣдняго необходимо однако замѣтить, что реставрація эта иногда представляетъ почти неразрѣшимыя затрудненія, если отрѣшиться отъ произвольныхъ заключеній, и потому въ разныхъ случаяхъ она можетъ быть произведена лишь съ извѣстнымъ вѣроятіемъ. Причиной тому, между прочимъ, является нерѣдкая сбивчивость и неясность относящихся сюда древнихъ документальныхъ указаній и даже ихъ противорѣчія, не дающія точныхъ данныхъ,

¹⁾ Сохранилось еще указаніе, но весьма, впрочемъ, глухое, о предполагавшемся быть можетъ ремонтѣ крѣпости въ 1635 г., такъ какъ въ одной челобитной Николаевского Медвѣдскаго монастыря (гдѣ нынѣ Новая Ладога) говорится:—«Въ прошломъ 193 (1635) году по великого государя указу велѣно городъ Ладогу каменное и деревянное строеніе вновь починить» (Московск. Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ: Дѣла Монастырскія 1636 г. № 14). Но изъ содержанія челобитной надо заключить, что произведенныя работы (по крайней мѣрѣ средствами Медвѣдскаго монастыря) касались лишь такъ называвшагося «Деревяннаго города», т. е. укрѣпленія сосѣдняго съ каменнымъ городищемъ. Въ челобитной именно говорится, что — «Медвѣдскаго монастыря крестьянъ городского деревяннаго строенія въ Ладогѣ башня, до 20 сажень стѣны, да зелейнаго погреба часть», т. е. рѣчь идетъ видимо лишь о «Деревянномъ городѣ»; было-ли что сдѣлано и въ каменномъ, въ документѣ умалчивается.

на которыхъ можно было-бы безошибочно основаться. Такъ напр., въ существенномъ вопросѣ о первоначальной вышинѣ башенъ городища хотя и имѣются цифровыя данныя XVII стол., но онѣ могутъ быть принимаемы лишь условно; неизвѣстно напр., до какого именно уровня считана тогда вышина построекъ: основаніе послѣднихъ безъ сомнѣнія и тогда уже было до извѣстной степени замаскировано наростомъ почвы и осыпями, почему становится неясныхъ—представляютъ-ли сообщаемыя цифры именно размѣры до черты фундамента, или же вышину постройки только надъ уровнемъ почвы? Въ послѣднемъ случаѣ сообщаемыми данными можно пользоваться лишь съ крайнею осторожностью и, хотя онѣ не должны представлять крупной разницы отъ настоящихъ размѣровъ, но въ связи съ другими недочетами документальныхъ указаній могутъ имѣть рѣшающее значеніе для реставраціи. Сверхъ того встрѣчаются даже явныя несообразности, при сравненіи съ обнаруженной раскопками дѣйствительностью, встрѣчаются случаи условности въ самой терминологіи, и т. д., что хотя и можетъ отчасти быть устранено критическимъ отношеніемъ къ документамъ, но тѣмъ не менѣе нерѣдко порождаетъ и значительныя затрудненія.

Описаніе городища.

Табл. IX.

Воротная башня.

Табл. IX.

Какъ уже сказано выше, западный фасъ городища, обращенный къ нынѣшнему селенію Старой Ладогѣ, омывается въ сѣверной своей половинѣ устьемъ рѣчки Ладожки (см. табл. IV), которая почти перпендикулярно подходитъ къ срединѣ его и затѣмъ круто поворачиваетъ въ сторону, впадая затѣмъ въ Волховъ. Здѣсь-же, у поворота стоитъ въ видѣ прямоугольнаго выступа въѣздная въ городище башня, въ южномъ фасѣ которой находится устроенная въ 1849 г. вновь кирпичная въѣздная арка съ деревянными воротами.

а) *Современное состояніе* (1884 г.) (табл. IX).

Подходя западной стѣны съ наружной стороны уходитъ въ щебенчатую осыпь, выше которой видны два отверстія бойницъ нижняго этажа; въ верхней части стѣны два большихъ сквозныхъ полукруглыхъ пролета отъ амбразуръ верхняго этажа, до половины заросшихъ травою и кустами, и затѣмъ гребень стѣны весьма уже тонкій, угловые части котораго находятся сравнительно въ большемъ разрушеніи. Сѣверная сторона башни выше половины закрыта щебенчатой осыпью, надъ которой видѣнъ также большой полукруглый пролетъ, подобный и соотвѣтственный вышеупомянутому, южной-же стѣны башни надъ кирпичной аркой уже не существуетъ. Поверхность западной стѣны въ нижней своей половинѣ сохранилась довольно хорошо и въ разныхъ мѣстахъ на ней уцѣлѣли остатки первоначальной плитняной облицовки, равно какъ сохранились

как и оба наружных угла, облицованных такою-же тесаною плитою, но верхняя половина стѣны въ толщину уже сильно разрушилась, такъ что идетъ покатою, дѣлаясь къ гребню все болѣе и болѣе тонкой.

Со стороны двора городища (см. рис. 4), обращенная сюда восточная стѣна башни имѣетъ почти ту-же высоту и почти сливается съ примыкающими къ ней съ Сѣвера и Юга осыпями крѣпостной ограды, не образуя большого выступа изъ ихъ общей линіи; стѣна съ этой стороны пострадала также сравнительно мало, ибо поверхность ея представляется отвѣсною и въ нижней ея поло-

Рис. 4. Видъ Воротной башни со стороны двора.

винѣ въ разныхъ мѣстахъ сохранились еще остатки бывшей плитняной облицовки, углы же пострадали болѣе, такъ какъ верхняя часть южнаго и нижняя сѣвернаго, въ особенности первый,—уже разрушились. Ближе къ южному углу находится другая проѣздная арка, а къ сѣверному — видно сводчатое отверстіе, прикрываемое снаружи осыпью и ведущее въ небольшую внутри стѣны камеру, заваленную щебнемъ; еще сѣвернѣе и нѣсколько выше отверстія находится четырехугольное окно.

Состояніе внутренности башни, черезъ которую производится сообщеніе съ крѣпостью и понынѣ, таково: самая внутренность башни свободна отъ завала, но западная и сѣверная стѣны на половину своей высоты маскируются крутыми осыпями, занимающими значительную часть помѣщенія. Поверхность стѣнъ находится

въ сильномъ разрушеніи и притомъ весьма неравнобѣрномъ, особенно на восточной сторонѣ, гдѣ части, пострадавшія менѣе, представляются почти висящими, ничѣмъ не поддерживаемыми, по причинѣ бѣльшаго снизу разрушенія; въ одномъ мѣстѣ на восточной стѣнѣ (надъ аркой) уцѣлѣлъ еще кусокъ плитняной облицовки, на остальной же поверхности вездѣ видны обнаженные, грозящіе паденіемъ валуны. Самыя верхнія части стѣнъ разрушены наиболѣе, такъ что гребень представляетъ уже ширину весьма незначительную, по которой лишь мѣстами можно едва пробраться. Въ верхней части западной стѣны два сквозныхъ

Рис. 5. Амбразуры верхняго этажа Воротной башни.

полукруглыхъ пролета, уже упоминавшихся выше (см. рис. 5), и рядомъ съ въѣздной аркой внизу еще, почти совершенно заваленное щебнемъ, сводчатое полукруглое отверстіе, составляющее входъ въ амбразуру нижняго этажа, бойница которой была видима и снаружи. Въ верхней части сѣверной стѣны также сквозной полукруглый пролетъ и нѣсколько въ сторонѣ ниже его неправильное горизонтальное въ массивѣ стѣны отверстіе, за которымъ внизъ слѣдуютъ остатки каменной, заваленной щебнемъ лѣстницы. Наконецъ по сторонамъ древней проѣздной арки въ восточной стѣнѣ, видны два массивныхъ, вдѣланныхъ въ кладку желѣзныхъ устоя или крюка, для навѣски бывшихъ воротъ. Что касается подошвы или пола, то таковой состоитъ изъ каменной земляной осыпи, слегка покатой къ выходу изъ башни въ наружу и очевидно позднѣй-

шаго происхожденія, такъ какъ уровень его сравнительно съ амбразурами нижняго этажа нынѣ уже значительно выше надлежащаго.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Изъ сравненія нынѣшняго состоянія башни, съ рисунками ея, снятыми Бороздинымъ въ 1809 г., видно, что съ того времени башня, хотя и не уменьшилась замѣтно въ вышину, но много пострадала относительно сохранности своихъ боковыхъ поверхностей. Такъ въ 1809 г. внутренняя (въ восточной стѣнѣ) проѣздная арка была значительно выше, чѣмъ нынѣ (см. рис. 6), т. е. что

Рис. 6. Видъ внутренней проѣздной арки Воротной башни въ 1809 г., съ восточной стороны.

уровень почвы у ее основанія съ тѣхъ поръ значительно повысился; что самая поверхность этой стѣны со стороны двора городища, а равно бока и сводъ арки, сохраняли еще сплошь плитяную облицовку; что въ амбразурахъ верхняго этажа въ то время существовали еще замыкавшія ихъ снаружи каменные стѣнки, съ небольшими прямоугольными отверстіями, замѣнившими первоначальныя бойницы, а слѣдовательно и верхняя часть западной стѣны снаружи была еще въ сравнительно хорошемъ состояніи; наконецъ — что въ то время была еще цѣла несуществующая нынѣ часть южной стѣны башни надъ наружной въѣздной аркой (кирпичной), а слѣдовательно была цѣла еще и древняя первоначальная въѣздная арка, надъ которой у Бороздина показана четвертая амбразура верхняго этажа, т. е. деталь важная въ конструктивномъ отношеніи, нынѣ несуществующая.

Изъ древнихъ письменныхъ источниковъ видно, что описанная башня въ 1628 г. носила названіе *Воротной* ¹⁾, конечно, въ зависимости отъ своей конструкціи и назначенія для проѣзда. Объ ея устройствѣ передается слѣдующее:

Опись 1655 г. ²⁾:

«Каменная четверугольная башня Воротная стоитъ безъ кровли и отъ мокроты та башня сверху посыпалась во многихъ мѣстѣхъ; да подъ тою-жъ башней стоитъ въ полаткѣ государева зелейная казна и пушечныя ядра и свинецъ. И та полатка гораздо мала и государевѣ казнѣ стоятъ въ той полаткѣ тѣсно и отъ мокроты каплетъ..... А мѣрою та Воротная башня и съ стѣною въ длину и поперегъ по 8 сажень, стѣна толщиною въ 2 сажени, вверхъ отъ подшвы та башня 7 сажень».

Опись 1665—1667 г. ³⁾:

«Башня каменная Воротная четверугольная, въ длину и поперегъ по 8 сажень, въ верхѣ съ потшвы и съ загородные стороны 7 сажень; толстина башнѣ въ верхнихъ и въ среднихъ и въ подошвенныхъ боехъ противъ Климентовской проходной башни; а стоитъ та башня безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу и отъ мокроты сверху во многихъ мѣстахъ посыпалось. Да на той-же башни въ верхнихъ боехъ пищаль..... Да въ той-же башни въ нижнемъ бою городовые проѣзжіе ворота.... Да подъ тою-же Воротнею башнею въ полаткѣ стоитъ великого государя зелейная свинцовая казна. А стоитъ та Воротная башня безъ кровли и отъ дождю каплетъ и государевѣ зелейной казнѣ ⁴⁾ чинится отъ того великая поруха».

Опись 1676 г. ⁵⁾:

«А та башня мѣрою въ ширину 8 сажень, въ вышину 7 сажень 2 чети и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплетца. А тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта и въ башняхъ мосты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣнѣ».

¹⁾ См. прилож. VIII.

²⁾ См. прилож. IX.

³⁾ См. прилож. XII.

⁴⁾ Въ упомянутой выше полаткѣ.

⁵⁾ См. прилож. XIII.

Опись 1677 г. ¹⁾:

«И запускная решетка сверху у приходной каменной башни огнила-жъ вся».

Опись 1865 г. ²⁾:

«А та башня мѣрою отъ подошвы вверхъ 7 сажень 2 чети, поперегъ 8 сажень и сверху та башня и до подошвы отъ мокроты камень сыплется врознь. И у тое Воротней башни запускная решетка сверху и та решетка огнила и отъ башни отвалилась».

Описи 1692—1697 г. ³⁾:

«А на той башнѣ въ верхнемъ бою пищаль..., да въ нижнемъ бою двѣ пищали....»

Примѣчанія: 1) Сравненіе размѣровъ толщины стѣнъ Воротной башни съ Климентовской (оп. 1665—1667 г.) вѣроятно только приблизительное, ибо въ лучше сохранившихся частяхъ обѣихъ башенъ (нижніе этажи) эти размѣры значительно разнятся.

2). Въ свѣдѣніяхъ 1692 — 1697 г. упоминаются лишь два боя, что даетъ поводъ заключать о третьемъ какъ уже приходшемъ въ разрушеніе и что въ данномъ случаѣ подъ «верхнимъ» боемъ слѣдуетъ подразумѣвать средній.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Исключительное положеніе Воротной башни, какъ служащей понынѣ входомъ въ городище съ его приходской церковью и кладбищемъ, не дозволяло произвести въ ней всѣхъ надлежащихъ работъ, какъ напр. полную раскопку внутренности башни, подошва которой нынѣ покрайней мѣрѣ на 1 аршинъ закрыта новѣйшими наносами, или наростомъ почвы, въ виду чего пришлось ограничиться работами лишь въ надземныхъ частяхъ башни.

Рис. 7. Нижній амбразуръ Воротной башни съ внутренней стороны

¹⁾ См. прилож. XIII.

²⁾ См. прилож. XIV.

³⁾ Тамъ-же.

По удаленіи значительной осыпи, маскировавшей западную и сѣверную стѣны внутри башни, въ нижней части послѣднихъ обнаружилась три сводчатыхъ амбразуры (двѣ въ западной и одна въ сѣверной стѣнѣ) нижняго этажа, заваленныя до верху мусоромъ и щебнемъ (см. рис. 7), причемъ подошва ихъ приходилась около аршина ниже нынѣшняго уровня почвы въ башнѣ. Внутренность амбразуръ сохранилась хорошо и вся покрыта плитняной облицовкой; своды выведены тоже изъ плитъ, а полы вымощены крупными валунами. Амбразуры изнутри открыты, а извнѣ замыкаются бойницами, причемъ наружныя отверстія послѣднихъ оказались уже въ разрушенномъ видѣ ¹⁾; что касается трехъ соответственныхъ амбразуръ верхняго этажа, то отъ нихъ уцѣлѣли лишь остатки съ внутренней стороны.

Рис. 8. Входъ на лѣстницу изъ полатки.

Затѣмъ представилась возможность еще изслѣдовать устроенную внутри восточной стѣны башни камеру (полатку), входъ въ которую находился стороны двора городища. По удаленіи наполнявшаго камеру и заваливавшаго ее снаружи щебня, открылось почти квадратное сводчатое помѣщеніе, или родъ кладовой, имѣвшей небольшой (ниже человѣческаго роста), довольно узкій входъ съ крѣпостнаго двора и свѣтовое окно съ этой же стороны, а въ южной стѣнѣ камеры оказался входъ на начинающуюся непосредственно за нимъ узкую каменную лѣстницу (см. рис. 8), ступени которой круто поднимались въ массивѣ стѣны, ведя въ слѣдующій этажъ;

¹⁾ Амбразура сѣвернаго фаса: внутреннее отверстіе бойницы цѣло; по произведеннымъ обмѣрамъ высота его=1 арш. 2 верш., ширина=1 арш. 5 верш.; сохранился также внутренній откосъ лѣвой щеки, длина котораго 1 арш. 8 1/2 верш.; наружныя щеки разрушены.

Амбразуры западнаго фаса: Сѣверная—внутреннее отверстіе бойницы цѣло, высота и ширина его=1 арш. 4 1/2 верш.; наружныя щеки разрушены, внутреннія почти въ цѣлости. Южная—внутреннее отверстіе бойницы почти цѣло, высота его=1 арш. 1 верш., ширина 1 арш. 6 1/2 верш.; наружныя щеки разрушены.

лѣстница имѣла въ длину около сажени и заканчивалась отверстіемъ, о которомъ уже говорилось выше, при описаніи современнаго состоянія башни (см. рис. 9). Очевидно такимъ образомъ, что она представляла остатокъ внутренняго сообщенія кладовой со вторымъ этажемъ постройки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный выходъ внизъ изъ послѣдняго; остается еще прибавить, что въ верхней части продольныхъ стѣнъ камеры сохранились углубленія или гнѣзда отъ вставныхъ балокъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, нѣкогда были устроены полати.

Снаружи башни, для опредѣленія уровня ея фундамента, была произведена раскопка осыпи, причемъ оказалось, что чистая плитная облицовка башенной стѣны простирается отъ нижняго края амбразурныхъ бойницъ

на $8\frac{1}{4}$ аршинъ, гдѣ уже начинается бутовая булыжная кладка фундамента; нужно, однако, замѣтить, что ближайшіе къ фундаменту ряды лицевыхъ плитъ (на протяженіи $\frac{1}{2}$ арш.) сложены изъ плитъ отесанныхъ очень грубо, или даже безъ всякой отески и образуютъ, притомъ, какъ-бы выступъ изъ общей плоскости стѣны, почему можно думать, что и эта кладка составляетъ часть фундамента, не выступавшая первоначально изъ уровня почвы, т. е. что приведенная цифра ($8\frac{1}{4}$ арш.) можетъ быть убавлена до $7\frac{3}{4}$ арш.

Наконецъ остается еще упомянуть, что близъ подошвы той-же западной стѣны (т. е. нынѣшней ея осыпи) были обнаружены три круглыхъ (діам. около 4 верш.) отверстія, представлявшихъ на первый взглядъ довольно загадочными. Онѣ находились въ двухъ аршинахъ подъ устьями бойницъ нижняго этажа, въ лѣвой половинѣ стѣны, и будучи расположены въ 4—5 арш. другъ отъ друга, уходили перпендикулярно къ стѣнѣ въ глубину кладки, представляя собою родъ трубчатыхъ отдушинъ. По расчисткѣ ихъ оказалось, что въ разстояніи аршина отъ поверхности стѣны, онѣ пересѣкались четвертой отдушиной, проходившей горизонтально, непосредственно поверхъ ихъ вдоль стѣны,

Рис. 9. Выходъ той же лѣстницы во 2-мъ этажѣ.

причемъ внутренность всѣхъ этихъ цилиндрическихъ каналовъ имѣла поверхность гладкую, какъ бы покрытую известковой обмазкой, съ незначительными слѣдами дерева. Изъ этого надобно заключить, что эти отдушины представляютъ не болѣе, какъ слѣды заложенныхъ здѣсь, но совершенно уже истлѣвшихъ бревенъ, быть можетъ лѣсовъ при постройкѣ крѣпости, хотя безъ сомнѣнія мѣстная молва приписывала въ прежнія времена этимъ отверстіямъ какос-нибудь таинственное значеніе.

Дополнительно къ вышензложенному можно еще прибавить, что при новыхъ повѣрочныхъ работахъ, произведенныхъ спустя 9 лѣтъ академикомъ В. В. Суловымъ, при составленіи издаваемыхъ нынѣ чертежей Староладожской крѣпости, ему удалось въ 1893 г. обнаружить еще нѣсколько конструктивных подробностей Воротной башни, какъ то древнюю вымощенную валунами подошву внутренности башни, найденную на глубинѣ около 1½ арш. ниже нынѣшней, и слѣды запиравшагося дверью выхода съ верха башни на стѣну сосѣдняго, примыкавшаго съ Сѣвера участка крѣпостной ограды ¹⁾.

Таблицы XXIV—XXIX.

Чертежи Воротной башни въ ея нынѣшнемъ положеніи помѣщены на таблицахъ XXIV—XXIX.

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Башня имѣла три боя, т. е. трехъярусную оборону (оп. 1665—67 г.).
2. Въ южной стѣнѣ башни, во второмъ этажѣ (надъ наружной вѣздной аркой), была также амбразура, существовавшая еще въ 1809 г. (Бороздинъ).
3. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами (полами).
4. Башня была покрыта деревянной крышей и запиралась снаружи опускной решеткой.

Относительно вопроса о первоначальной вышинѣ башни и что могла представлять несуществующая нынѣ верхняя часть ея, приблизительныя указанія объ этомъ почерпаются изъ сопоставленія вышины сохранившихся по настоящее время остатковъ башни, съ указаніями о томъ же документовъ XVII столѣтія. Изъ чертежей башни можно видѣть, что внутренняя вышина ея отъ помоста амбразуръ нижняго этажа ²⁾ до сохранившагося верхняго гребня, имѣетъ не

¹⁾ См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ особомъ приложеніи.

²⁾ При изслѣдованіи остальныхъ башенъ городища, внутренняя подошва ихъ вездѣ оказалась на одномъ, или почти одномъ, уровнѣ съ помостами нижнихъ амбразуръ, что, слѣдовательно, можетъ быть примѣнено и къ башнѣ Воротной.

менѣе 4 сажень ¹⁾, наружная же, по произведеннымъ измѣреніямъ, составляетъ нынѣ также не менѣе 6 саж. $\frac{3}{4}$ арш. ²⁾. Такимъ образомъ, сопоставляя эту послѣднюю цифру съ показаніями документовъ 1655 и 1665—1676 гг. (когда, судя по нимъ, башня была еще почти въ цѣлости,—по крайней мѣрѣ въ ней упоминаются всѣ три «боя») ³⁾, показаніями опредѣляющими вышину башни (снаружи) отъ 7 до 7 саж. съ полуаршиномъ, выходитъ, что послѣдняя въ настоящее время утратила отъ своей первоначальной вышины всего около 1 сажени ($2\frac{3}{4}$ арш.), считая до нижней точки сохранившагося ея гребня ⁴⁾, а въ другихъ мѣстахъ даже и того менѣе.

Если бы основанія для этого (именно показанія документовъ) могли считаться непреложными, то въ виду указанной ограниченности пространства (въ вышину) для верхняго «боя», или яруса башни ничего бы не оставалось принять, какъ то, что онъ былъ не въ видѣ закрытаго этажа, а состоялъ просто изъ площадки, обнесенной зубцами ⁵⁾, но съ этимъ не могутъ быть согласованы нѣкоторыя дальнѣйшія (какъ увидимъ ниже) указанія тѣхъ-же документовъ XVII столѣтія, почему надо думать, что приводимая послѣдними цифра вышины должна быть значительно увеличена и искать объясненіе въ томъ, что при промѣрахъ 1655 и 1665—1676 гг. вѣроятно имѣлось въ виду не указаніе высоты башни именно до черты фундамента, а лишь до почвы или осыпи, уже тогда маскировавшей основаніе самой башни, что конечно можетъ составлять замѣтную разницу.

Для второй половины вопроса о той же исчезнувшей части Воротной башни, т. е. именно что могли представлять ея «верхній бой», упоминаемый въ 1665—67 г., существенное указаніе даетъ опись 1676 г., въ которой читаемъ:

¹⁾ Т. е. отъ подошвы нижней амбразуры до свода верхней 3 саж. 2 арш. + наименьшая высота уцѣлѣвшаго гребня около 1 арш.; всего 4 саж.

²⁾ См. стр. 159, гдѣ разстояніе отъ бойницы (нижней) до фундамента исчислено въ $7\frac{3}{4}$ арш.; отнимая отсюда стулъ бойницы (или превышеніе ея нижняго края надъ поломъ амбразур), т. е. около 1 арш., получаемъ, что отъ помоста нижней амбразур до черты фундамента снаружи $6\frac{3}{4}$ арш., или всего до гребня башни $6\frac{3}{4}$ арш. + 1 саж. = 6 саж. $\frac{3}{4}$ арш.

³⁾ Верхній, средній и подошвенный (см. приложение XII).

⁴⁾ Т. е. надъ верхними амбразурами западнаго фаса; но мѣстами гребень нѣсколько выше.

⁵⁾ Что подъ «верхнимъ боемъ» понимались иногда и зубцы, вѣнчавшіе башню, можно видѣть напр. изъ описи Смоленска 1609 г., въ которой между прочимъ читаемъ: «Въ верхнемъ бою въ зубцахъ двѣ пицали полуторныя; въ верхнемъ бою въ зубцахъ пицаль девятипядная, и т. д. (Акты историческіе, т. II, № 259). Аналогію съ тѣмъ же можно встрѣтить и въ описи Ладоги 1665—67 г.: указывая плохое состояніе одного участка крѣпостной ограды, опись упоминаетъ о зубцахъ на ней и въ то же время говоритъ, что нижніе бои въ стѣнѣ уже засыпались, т. е. такимъ образомъ подъ зубцами подразумѣвается какъ бы бои верхніе.

«сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплется», откуда должно слѣдовать, что рѣчь идетъ не о зубахъ (выше которыхъ уже не могло быть никакой кладки и слѣдовательно осыпаться было нечему), а объ извѣстномъ массивѣ стѣны надъ амбразурами верхняго этажа; косвенно то-же самое подтверждается и описью 1665—67 г., проводящей аналогію (хотя и не вполне основательную) между толщиной стѣнъ Воротной башни въ верхнихъ, среднихъ и подошвенныхъ бояхъ, съ башней Климентовской (юго-западной), которая (какъ увидимъ ниже) имѣла трехъярусную оборону закрытую. Нѣкоторое возраженіе можетъ однако усматриваться въ свѣдѣніяхъ 1697 г., которыя, говоря о Воротной башнѣ, упоминаютъ лишь о двухъ бояхъ—верхнемъ и нижнемъ¹⁾, но это свидѣтельство должно быть принимаемо условно: во-первыхъ потому, что въ 1697 г. третій бой могъ быть уже разрушенъ до такой степени, что имъ нельзя было и пользоваться для вооруженія²⁾ и слѣдов. наименованіе верхняго боя могло быть перенесено на средній, а во-вторыхъ, потому, что то-же самое можно указать и въ описи 1665—1667 г., которая, упомянувъ въ началѣ о трехъ бояхъ Воротной башни, нѣсколько далѣе затѣмъ говоритъ уже лишь о двухъ (также верхнемъ и нижнемъ).

Такимъ образомъ, все это заставляетъ остановиться на заключеніи, что по всѣмъ вѣроятіямъ Воротная башня имѣла три закрытыхъ этажа. Последніе должны были раздѣляться полами, или помостами, очевидно деревянными, какъ то видно наприм. изъ описи 1676 г., передающей, что «въ башняхъ мосты отъ мокроты, отъ дождю и отъ снѣгу всѣ сгнили и провалились». Въ среднемъ этажѣ фактически было четыре амбразуры съ бойницами, — двѣ въ западной стѣнѣ и по одной въ сѣверной и южной, сколько-же ихъ именно было въ верхнемъ — неизвѣстно (весьма быть можетъ, что также четыре, какъ и въ среднемъ); что касается нижняго этажа, то здѣсь амбразуръ было лишь три, такъ какъ низъ южной стѣны былъ занятъ въѣздными воротами. Этажи (покрайней мѣрѣ, нижній и средній, а по всей вѣроятности, и верхній) сообщались узкой, устроенной въ массивѣ стѣны каменной лѣстницей, которая началась изъ особой камеры (полатки), въ нижнемъ ярусѣ имѣвшей выходъ на крѣпостной дворъ, а кромѣ того, какъ обнаружено раскопками, повидимому существовалъ проходъ изъ верхняго этажа (въ СВ. углу) на примыкавшую съ сѣвера къ башнѣ стѣну.

¹⁾ См. прилож. XIV.

²⁾ Уже въ 1677 году (см. прилож. XIII) деревянные полы во всѣхъ башняхъ провалились, такъ что къ артиллерійскому вооруженію, стоявшему въ башенныхъ амбразурахъ, нельзя было и подойти.

По документам XVII вѣка упомянутая камера (полатка) служила кладовой и въ ней помѣщалась «Великого государя зелейная и свинцовая казна», но первоначальное назначеніе ея было, вѣроятно, иное, ибо трудно допустить идею устройства такой кладовой, которая была проходною, ибо помимо нея другаго выхода внизъ изъ втораго этажа башни не было ¹⁾. По всей вѣроятности здѣсь первоначально былъ родъ караулки съ полатыми, обращенной въ кладовую лишь въ послѣдствіе, когда, быть можетъ, не было уже и надобности проходить черезъ нее въ верхнія помѣщенія башни, по причинѣ ветхости послѣднихъ.

Что касается размѣровъ стѣнъ въ толщину, то хотя описъ 1665 — 1667 г. и приравниваетъ ихъ къ размѣрамъ сосѣдней Климентовской башни (юго-западной), но въ дѣйствительности онѣ не сходны, по крайней мѣрѣ въ хорошо сохранившихся нижнихъ этажахъ, почему упомянутое сравненіе должно приниматься лишь относительно.

Наконецъ о внѣшности башни можно еще прибавить, что поверхность ея, внутри и снаружи, была покрыта плитняной облицовкой, а внутренность амбразуръ, кромѣ того, вѣроятно, еще и выштукатурена, по крайней мѣрѣ, остатки такой штукатурки были обнаружены въ другой сосѣдней башнѣ (сѣверной). Проѣзды башни, наружный и внутренний, запирались массивными воротами, причемъ къ первому проѣзду была приспособлена еще опускаемая решетка; наконецъ, по свѣдѣніямъ 1697 года, на Воротной башнѣ висѣлъ вѣстовой или «всполошный» колоколъ (вѣсомъ 50 фн.), упоминаемый и въ 1655 г., но тогда находившійся на сосѣдней съ башнею оградѣ, съ южной стороны.

Отъ Воротной башни къ сѣверу, до слѣдующей, находящейся на стрѣлкѣ мыса, тянутся остатки бывшей здѣсь каменной ограды западнаго фаса, сохранившейся лишь въ той своей части, которая примыкаетъ къ упомянутой Воротной башнѣ, такъ какъ въ остальной она представляетъ уже полное разрушеніе (табл. IV).

Участокъ ограды между Воротной и сѣверной (Стрѣлочной) башнями.

Табл. IV.

¹⁾ По свѣдѣніямъ 1665 — 1667 г. эта маленькая полатка должна была быть такъ набита, что и пройти было негдѣ. Здѣсь было сложено: «Зелья ручного 40 пудъ, да пушечного 90 пудъ съ четвертью, наголо безъ дерева; 3 свиньи свинцу, а въ нихъ по вѣсу 26 пудъ, да въ трехъ кусахъ свинцу-жъ 10 пудъ, да сѣченого свинцу въ пулякахъ 2 пуда. Фитилю 9 пудъ, 3 знамени киндячныхъ, 102 мушкета съ жаграми, да порченныхъ 27 мушкетовъ, 30 топорниковъ и бердышевъ. А стоитъ та Воротная башня безъ кровли и отъ дождю каплетъ и государевъ зелейной казнѣ чинится отъ того великая поруха».

Табл. IX и X.

а) Современное состояніе (1884 г.).

Наружный видъ остатковъ ограды представляетъ здѣсь въ сѣверной своей половинѣ родъ вала, или огромной крутой осыпи, заросшей до подошвы городища травой и кустами (табл. IX и X), южная же половина ограды нѣсколько выше и сохранила видъ стѣны, выдающейся изъ маскирующей ее нижнюю часть также значительной осыпи. Со стороны внутреннего двора городища остатки ограды также представляютъ почти сплошную осыпь $1\frac{1}{2}$ —2 саж. вышиною, изъ подъ которой кое-гдѣ видны обнаженія стѣны и въ одномъ мѣстѣ (въ южной половинѣ) сводчатое отверстіе заваленнаго входа въ амбразуру. Что касается гребня, то въ южной половинѣ ограды онъ мѣстами имѣетъ еще до 2 арш. толщины, въ сѣверной же нынѣ едва ужеходимъ.

б) Указанія прежнихъ временъ.

На изображеніяхъ городища 1809 года (Бороздина), общій характеръ состоянія этого участка ограды одинаковъ съ нынѣшнимъ, равно какъ и относительная высота разныхъ частей послѣдней, на приложенномъ же къ изображеніямъ планѣ показаны въ стѣнѣ три амбразуры, хотя видимо схематически, такъ какъ ниже увидимъ, что отъ двухъ изъ нихъ оставались только незначительные остатки уже во второй половинѣ XVII столѣтія.

Въ древнихъ документахъ мы находимъ слѣдующія, сюда относящіеся указанія:

Опись 1655 г. ¹⁾:

«Отъ тое Воротной башни до наугольной Стрѣлочной каменной башни каменной стѣны прясло подлѣ рѣки Ладожки, въ длину по стѣнѣ 28 сажень, вверхъ стѣна отъ подшвы къ зубцамъ 4 сажени, толщина стѣны 3 сажени безъ чети. И того прясла отъ Стрѣлочной башни въ длину на 20 сажень половина толщины той каменной стѣны съ загородной стороны обвалилась въ рѣку въ Ладожку до подшвы, и которое цѣлое мѣсто того прясла 8 сажень, и та стѣна стоитъ безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно».

Опись 1665—1667 г. ²⁾:

«Отъ той Воротной башни до Стрѣлочной каменной башни прясло каменные стѣны возлѣ рѣки Ладожки, въ длину 28 сажень съ полусаженіемъ. И той каменной стѣны отъ Воротней башни 15 сажень съ полусаженіемъ цѣло, только стоитъ непокрыто и отъ мокроты камень сыплется розно. Высота стѣны съ загородной стороны 3 сажени съ третью сажени, толщина стѣны и съ зубцами 3 сажень, а безъ зубцовъ въ 2 сажени, а зубцы вышиною и толстиною по сажени.

Да того-же прясла къ Стрѣлочной башнѣ 13 сажень каменные стѣны съ загородной стороны обвалилось за городъ по валу и въ рѣку Ладожку, а обвалилось той стѣны и съ зубцами толстины на 2 сажени съ третью сажени, а осталось цѣле стѣны того-жъ прясла

¹⁾ См. прилож. IX.

²⁾ См. прилож. XII.

всего толщиною на сажень съ третью, и надъ тѣмъ обрушеннымъ мѣстомъ поставлены были деревянныя тарасы и тѣ огнили безъ остатку; а стоитъ то прясло все безъ кровли».

Опись 1676 г. ¹⁾:

«И отъ тое башни (Воротной) прясло каменное до Стрѣлочной каменной башни въ длину 29 сажень, въ вышину 4 сажени съ четвертью и съ зубцами, въ ширину 2 сажени 2 аршина; да того-жъ прясла половина обвалилась въ рѣку Ладожку въ длину 13 сажень и съ зубцами и вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянныя тарасы и тѣ огнили; а то прясло съ приходу съ лица отъ нѣмецкаго рубежа.

Въ прочихъ спискахъ размѣры приводятся тѣ-же, что и въ 1676 г., причемъ добавляется:

Въ 1677 г., что—«отъ мокроты то прясло сыплется и валится врознь».

Въ 1685 г., что—«нижніе бои въ томъ пряслѣ камнемъ засыпало».

Въ 1692 г., что—«городовая стѣна сверху и до подошвы вся разсыпалась въ рѣку Ладожку».

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Произведенными здѣсь работами выяснилось слѣдующее:

При окапываніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ внутренней поверхности остатковъ стѣны, въ ея сѣверной (болѣе разрушенной) половинѣ были обнаружены слѣды двухъ, прежде существовавшихъ здѣсь амбразуръ. Отъ первой изъ нихъ (сѣверной), имѣвшей въ ширину около 3 аршинъ и находившейся въ разстояніи 1½ сажени отъ соединенія стѣны съ слѣдующей, сѣверной (Стрѣлочной) башней, уцѣлѣли только боковыя ея щеки (ок. 2 арш. вышиною), безъ всякихъ остатковъ покрывавшаго ихъ свода, промежутокъ же между щеками оказался заложеннымъ (на всю глубинну амбразуры) внизу обломками плитъ, а выше заваленъ щебнемъ и камнями, причемъ обломки плитъ хотя и расположены правильно, въ видѣ кладки, но сложены на сухо (безъ цемента). Непосредственно подъ амбразурой, отдѣляясь отъ нее лишь однимъ рядомъ плитъ, стѣной каменіи начинался фундаментъ (толщиною въ 1 аршинъ), состоявшій изъ сложенныхъ на извести валуновъ, за которыми слѣдовалъ уже грунтовой черноземъ (глубиною ок. 1½ арш.), а еще ниже материковая зеленоватая глина. Что касается прилегающихъ къ амбразурѣ остатковъ стѣны, то они оказались покрытыми плитиною, отвѣсно выведенною облицовкою.

Такимъ образомъ, сторона стѣны, обращенная внутрь городища, была выведена лишь отъ поверхности послѣдняго, покоясь на фундаментѣ аршинной толщины, верхній край котораго соотвѣтствовалъ тому-же уровню, на которомъ находился и входъ въ сосѣдную (Стрѣлочную) башню.

Отъ второй изъ упомянутыхъ амбразуръ, находившейся въ 6 саженяхъ южнѣе вышеописанной, сохранились также нѣкоторые остатки, причемъ съ лѣвой (южной) ея стороны уцѣлѣла небольшая, боковая часть покрывавшаго

¹⁾ См. прилож. XIII.

ее свода, а внутренность была также на половину заложена плитами (безъ цемента) и сверху завалена щебнемъ съ камнями; прочія конструктивныя условія оказались тѣ-же. Дальнѣйшее окапываніе стѣны къ Югу, на протяженіи около 4 сажень, не обнаружило болѣе ничего; поверхность стѣны представляла тотъ-же видъ, имѣя отвѣсную плитяную облицовку въ нижней своей части и обнаженную, утонившуюся къ гребню, кладку изъ валуновъ — въ верхней. Отсюда начинается уже другая, южная часть ограды, сохранившаяся, какъ уже сказано выше, сравнительно въ лучшемъ положеніи.

Въ южной половинѣ стѣны, какъ уже замѣчено, видна была часть входа въ третью амбразуру. По раскопкѣ заваливаемаго ее щебня, амбразура эта оказалась сравнительно въ цѣлости, такъ какъ въ ней разрушилась лишь часть лѣвой стороны (при входѣ), сводъ-же и правая щека сохранились вполне, равно какъ и толщина стѣны (ок. 3 арш.) надъ амбразурой. Глубина послѣдней составляла 6 арш. 6 верш., высота 3 аршина, что-же касается ширины, то таковая отъ 4 аршинной при входѣ, уменьшалась къ устью вдвое, т. е. амбразура къ концу на половину суживалась. Устье ее замыкалось поперечной стѣнкой выведенной изъ плитъ, съ неправильнымъ отверстіемъ въ серединѣ отъ бывшей бойницы; полъ вымощенъ булыгами, у входа-же находился плитяной приступокъ, въ $1\frac{1}{2}$ аршина вышиною ¹⁾. (Табл. XXIX).

Табл. XXIX.

При производствѣ развѣдочныхъ работъ съ внѣшней стороны ограды, представлявшей въ сѣверной своей части огромную, въ видѣ крутаго вала осыпь, неожиданно оказалось, что верхній щебенчатый слой послѣдней простирался въглубь не болѣе какъ на аршинъ, а ниже его находился родъ каменной коры изъ плитъ и валуновъ, связанныхъ известковымъ растворомъ. Для выясненія этого обстоятельства, верхній слой осыпи былъ снятъ (близъ упомянутой выше амбразуры) до самой подошвы, причемъ подъ нимъ вездѣ оказалась каменная кладка, шедшая скатомъ къ подошвѣ осыпи, соответственно наружной покатоности послѣдней. Кладка эта состояла изъ обильно залитыхъ известью слоевъ плитъ, ряздѣлявшихся слоями валуновъ, причемъ первые имѣли весьма харак-

¹⁾ При очисткѣ пола отъ покрывавшаго его черноземнаго слоя, въ послѣднемъ было найдено довольно много различныхъ предметовъ, какъ-то: ручной мельничный жерновъ (въ видѣ тонкаго каменнаго сегмента, въ 10 вер. діам., съ отверстіемъ въ центрѣ), желѣзная оправа отъ заступа, обломокъ копья, пѣль съ крюкомъ, желѣзный ковшъ, 3 пожа, таганъ, кирка, ключъ, большой лѣвшой замѣкъ, конская подкова, сапожная подковка, родъ костяного свистка, черепки глиняной посуды (нѣкоторые съ поливой, другіе же грубые — съ древней орнаментацией, свойственной курганному періоду), обломки желѣза, гвозди, много костей животныхъ, осетровая шелуха и кости, угли и 5 чугуновыхъ ядеръ. Подобный характеръ находокъ можетъ указывать, что въ этой амбразурѣ находились въ свое время болѣе или менѣе постоянные обитатели, даже здѣсь жившіе и готовившіе себѣ пищу

терное положеніе, именно: въ самомъ верху осыпи они сохраняли свое нормальное горизонтальное положеніе, а ниже по скату принимали уже наклонное: плиты лежали подъ угломъ—передней частью вверхъ, въ самомъ же низу онѣ стояли уже почти вертикально (какъ-бы опрокинувшись на ребро). Ясно, что подобное измѣненіе первоначальнаго ихъ положенія могло получиться лишь въ томъ случаѣ, если-бы отвѣсная стѣна подалась нижнею частью впередъ и въ то-же время осьвъ верхнею внизъ, опрокинулась нѣсколько назадъ, иными словами—произошло-бы оползаніе ея по наклоненной плоскости.

Нѣчто подобное, хотя и не столь характерно, оказалось и на южной части ограды; здѣсь также подъ верхнимъ слоемъ осыпи, маскировавшей низъ стѣны, встрѣченъ родъ каменнаго ската изъ обвалившейся кладки, причемъ плиты въ верхней части имѣли надлежащее горизонтальное положеніе, а въ нижней шли наклонно по отлогости ската, такъ что въ общемъ также получалось впечатлѣніе какъ-бы отъ оплыва или сдвига фрагментовъ стѣнной кладки, хотя и въ меньшихъ сравнительно размѣрахъ.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ приведеннымъ выше текстомъ описи 1655 и 1665—1667 г. можно видѣть, что указываемое оползаніе стѣны дѣйствительно имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, такъ какъ документы прямо говорятъ, что около половины или двухъ третей толщины стѣны (въ сѣверной половинѣ) снаружи была уже въ тѣ времена обвалившеюся, а на мѣстѣ оставалась только оставшая часть ея. Въ томъ-же смыслѣ надо понимать и указаніе 1676 г. объ обвалѣ «половины» той-же стѣны въ Ладожку, такъ что вышеописанный каменный скатъ долженъ имѣть именно объясненное происхожденіе.

Подобное обстоятельство могло легко вытекать изъ конструктивных приѣмовъ при возведеніи стѣнъ городища (какъ будетъ пояснено въ дальнѣйшемъ описаніи послѣдняго), которые въ связи съ присутствіемъ глинъ въ подпочвѣ (см. стр. 144) могли вызвать упоминаемое явленіе, т. е. что стѣна раскололась вдоль и наружная часть ея отдѣлившись, оползла впередъ, образовавъ такимъ образомъ тотъ каменный скатъ, который нынѣ и представляется въ видѣ огромнаго, заросшаго зеленью вала.

Надо думать, однако, что описанное разрушеніе въ сѣверной и южной частяхъ ограды произошло не одновременно. Изъ показанія описи 1665—1667 г., что въ ея время деревянные тарасы, поставленные на мѣстѣ упомянутого обвала (въ сѣверной части ограды), были уже совершенно развалившимися — «огнили безъ остатку», слѣдуетъ, что они были выстроены значительно ранѣе (хотя опись 1665 г. о нихъ и умалчиваетъ), по крайней мѣрѣ напр. въ 1646 г., когда, какъ извѣстно изъ другихъ свѣдѣній, въ Ладогѣ вѣльно было—«по каменному

городу зарубить деревянную стѣну», но вѣроятно, что постановка тарасовъ произошла еще того ранѣе, т. е., что самый обвалъ въ сѣверной сторонѣ могъ имѣть мѣсто даже въ началѣ XVII столѣтія.

Что касается времени закладки плитами двухъ сѣверныхъ амбразуръ той-же ограды, то вѣроятно это сдѣлано было по окончательномъ разрушеніи здѣсь стѣны, о которой въ 1692 г. говорится, что она уже вся рассыпалась сверху до подошвы, слѣдовательно и закладка плитами можетъ быть отнесена къ концу XVII вѣка; ранѣе же, когда внутренняя часть стѣны еще оставалась необвалившейся и была дополнена поставленными впереди ея тарасами, остатки упомянутыхъ амбразуръ должны были служить входомъ въ примыкавшіе къ нимъ соответственные амбразуры тарасовъ, которыя конечно были продѣланы въ послѣднихъ, для возстановленія существовавшихъ ранѣе «нижнихъ боевъ» стѣны ¹⁾.

Наконецъ, относительно южной половины ограды, о которой въ 1655 и 1665—67 г. свидѣлствуется наоборотъ, что она въ то время стояла еще въ цѣлости (на ней существовали тогда даже зубцы), то надо думать, что значительное разрушеніе ея ²⁾ послѣдовало именно вскорѣ послѣ упомянутого времени, потому что въ противномъ случаѣ сохранившаяся въ этой части стѣны амбразура не была бы исправлена приспособленіемъ поперечной стѣнки съ бойницею ³⁾, такъ какъ позднѣе (1704 г.) крѣпость и сама Ладога утратили окончательно всякое военное и административное значеніе и, слѣдовательно, ни какихъ починкахъ крѣпости заботиться было уже нечего. На указываемое время разрушенія могутъ намекать и свѣдѣнія 1685 г., въ которыхъ говорится, что «нижніе бои (т. е. амбразуры) въ томъ пріслѣ камнемъ засыпало».

¹⁾ О тарасахъ, ихъ конструкціи и устройствѣ въ нихъ же «боевъ», читаемъ въ любопытной описи Олонца 1649 г.: «А рубленъ городъ въ тарасы въ четвероугольные, до нижнихъ боевъ рубленъ въ двѣ стѣны, а между стѣнъ пущено три чети аршина, насыпанъ землею для защиты пушечной и пищальной стрѣльбы; а тарасы рублены по городу въ сажень, а въ городъ 2 сажень безъ четверти, а въ тарасѣхъ простѣчены бои пищальные, а въ тарасы изъ города двери простѣчены для вмѣстки осадныхъ людей, а къ тарасамъ изъ города ставлены столбы для связи и кровли городской, на тѣхъ столбахъ кровля укрѣплена; а между тарасовъ стѣны по 2 сажени, простѣчены между тарасовъ по два боя нижнихъ». (Дополненія актовъ историческихъ, т. III, стр. 228—230).

²⁾ Изъ сравненія нынѣшней толщины стѣны въ сохранившейся амбразурѣ (южной), съ толщиной той-же стѣны по документамъ XVII вѣка, выходитъ, что здѣсь ограда потеряла отъ 2—3 аршинъ кладки съ наружной стороны и, очевидно, въ очень уже давнее время, такъ какъ нынѣшнее присутствіе въ амбразурѣ поперечной стѣнки съ бойницею показываетъ, что упомянутое разрушеніе должно было произойти еще до приспособленія этой стѣнки.

³⁾ Приспособленіе очевидно устроенное уже по разрушеніи части стѣны съ наружной стороны, потому что вся длина этой амбразуры нынѣ съ небольшимъ 2 сажени, тогда какъ при цѣлой стѣнѣ она должна была быть болѣе 8 аршинъ.

г) Данныя для реставраціи, почерпаясь изъ прежнихъ указаній, дополнены къ результатамъ, ообытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.

1) Стѣна была съ зубцами. 2) имѣла двухъ оруженую оборону и 3) была покрыта деревянной кровлей (Оп. 1655 и 1665—67 гг.).

Примечаніе. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о томъ, какъ была устроена кровля стѣны. Но существованіе подобной кровли въ то время, когда стѣна была еще въ употребленіи, не подлежитъ сомнѣнію. Въ то время, когда стѣна была еще въ употребленіи, она была покрыта кровлей, которая была быстро разрушена, и осталась только одна стѣна. Въ то время, когда стѣна была еще въ употребленіи, она была покрыта кровлей, которая была быстро разрушена, и осталась только одна стѣна.

Разрушенное состояніе описаннаго участка ограды и видимая условность нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, передаваемыхъ древними документами, представляютъ для полнаго возстановленія ограды извѣстныя затрудненія, ибо хотя протяженіе ея точно опредѣляется сохранившимися остатками двухъ башенъ (Воротной и сѣверной-Стрѣлочной), но относительно вышины ея точныхъ данныхъ не имѣется.

Наружные размѣры стѣны опредѣляются описью 1665—67 г. въ $3\frac{1}{2}$ сажени, а внутренніе сѣверными въ 4—4 $\frac{1}{2}$ сажени, причемъ въ послѣднихъ поясняется, что стѣнка считана съ зубцами. Но подобныя данныя приняты быть не могутъ, и быть не могутъ.

Не говоря уже о показаніи 1665—67 г., которое дастъ почти одинаковыя цифры какъ для вышины, такъ и для толщины той же стѣны и стоитъ отдѣльно отъ прочихъ, нельзя остановиться и на цифрѣ прочихъ документовъ (4 $\frac{1}{4}$ сажени), по несоотвѣтствію ея какъ съ вышиной самого городища (т. е. внутренняго двора), такъ и съ размѣрами сосѣдней части ограды (между башнями Воротной и юго-западной Климентовской), съ вышиной которой еще и нынѣ почти равняются нѣкоторыя, лучше сохранившіяся части описываемаго участка. Несоотвѣтствіе это можетъ находить себѣ объясненіе въ томъ, что вѣроятно подошва стѣны была закрыта осыпью уже во время составленія документовъ, почему и цифры послѣднихъ получились менѣе надлежащихъ. По измѣренію той же стѣны со стороны двора городища рядомъ съ ея южной амбразурой (т. е. въ пунктѣ лучше сохранившемся), оказалось, что считая отъ подошвы амбразуры, или уровня крѣпостнаго двора, до гребня, она здѣсь имѣетъ 2 сажени ¹⁾, такъ что если даже принять этотъ нынѣшній гребень за близкій къ первоначальному и прибавить сюда еще сажень на зубцы, то получимъ, что полная вышина стѣны изнутри была не менѣе 3 сажени.

¹⁾ Въ томъ числѣ почти 1 сажень кладки выше амбразуры.

въ дѣйствительности она должна была быть болѣе (такъ какъ извѣстная часть ея конечно уже исчезла) и достигала вѣроятно около 4 сажень ¹⁾. Что же касается вышины наружной, то въ виду упомянутой сомнительности относящихся сюда документальныхъ показаній и неизмѣня данныхъ фактическихъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное, но конечно она была (также какъ и въ южной половинѣ ограды западнаго фаса) не менѣе 5 сажень. Толщина ограды («съ зубцами»,—слѣдовательно верхняя) въ 1655 и 1665—67 гг. показано 3 сажени безъ чети и 3 сажени, въ прочихъ же свѣдѣніяхъ говорится болѣе глухо, что таковая имѣетъ $2\frac{2}{3}$ саж., т. е. одинаковая какъ и въ южной половинѣ западнаго фаса. Болѣе правильно представляется послѣдняя цифра, такъ какъ она соотвѣтствуетъ и результатамъ измѣреній лучше сохранившихся нижнихъ частей въ сосѣднемъ участкѣ (южномъ), гдѣ нижняя толщина оказалась въ $9\frac{1}{4}$ аршинъ. Отвѣсныя остатки плитной облицовки внутренней поверхности стѣны указываютъ, что съ этой стороны стѣна была выведена вертикально, а нѣкоторую отлогость имѣла лишь наружная поверхность.

Наконецъ относительно конструктивныхъ приѣмовъ постройки можно замѣтить, что, безъ сомнѣнія, здѣсь былъ примѣненъ такой-же приѣмъ, какъ и обнаруженный на упомянутомъ сосѣднемъ участкѣ, т. е. что подопы или основанія стѣны (внутри и снаружи) находились на разныхъ высотахъ.

Въ общемъ, стѣна представляла прямолнейное начертаніе съ небольшимъ изгибомъ въ сѣверной части—къ угловой сѣверной (Стрѣлочной) башнѣ, и возвышалась надъ поверхностью городища до 4 сажень. Боковыя поверхности ея были облицованы плитой, а гребень снаружи вѣнчался рядомъ зубцовъ (вышиною и толщиною въ 1 сажень) и былъ покрытъ деревянной кровлей. Зубцы составляли верхій бой, для нижняго же служили прорѣзанныя въ стѣнѣ амбразуры съ бойницами и, такимъ образомъ, ограда получала двухъярусную фронтальную оборону, причемъ могла фланкироваться сѣвернымъ фасомъ Воротной башни.

Наконецъ, можно еще прибавить, что сѣверная половина ограды въ XVII столѣтіи была уже деревянною, устроенною изъ тарасовъ (деревянныхъ, набитыхъ землею срубовъ), которыми была замѣнена отпавшая часть каменной кладки и которые въ концѣ того-же столѣтія находились въ свою очередь въ полномъ разрушеніи.

¹⁾ Судя по результатамъ наблюденій надъ остатками ограды въ южной половинѣ того же западнаго фаса (т. е. между башнями Воротной и юго-западной Климентовской), гдѣ измѣреніе внутренней вышины сохранившихся остатковъ стѣны (близъ Воротной башни) дало болѣе 3 аршинъ.

На оконечности мыса, занимаемого городищемъ, при слияніи Ладожки съ Волховомъ, расположена сѣверная башня крѣпости (таблица IV), имѣвшая особо важное значеніе, такъ какъ она защищала доступъ водою внутрь города; этимъ, конечно, обусловливается и большая, сравнительно съ прочими, величина ея, а равно и большее число устроенныхъ въ ней для обороны приспособленій (амбразуръ).

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Внѣшній видъ башни въ настоящее время представляетъ полную развалину. Высота ея до 4½ саж. (таблица X и XI), которою замыкаются сходящіеся восточный и западный фасы крѣпости. Подонка башни маскируется щебенчатой, весьма значительныхъ размѣровъ осыпью, а наружная поверхность сплошь представляетъ обнаженную кладку изъ крупныхъ, почти висящихъ на воздухѣ валуновъ, среди которыхъ видны четыре большихъ неправильныхъ отверстия отъ бывшихъ амбразуръ средняго этажа. Наружная форма развалины даетъ впечатлѣніе слегка конической и нѣсколько возвышается надъ прилегающими участками смежныхъ фасовъ крѣпости.

Съ внутренней стороны городища башня представляется лишь въ видѣ слегка закругленнаго вала, до 2 саж. вышиною, взойдя на который, видна внутренность самой башни на подобіе мелкой котловины, сплошь загроможденной щебнемъ и огромными валунами. Котловину окаймляютъ остатки стѣнъ, маскируемые осыпями, въ которыхъ видны верхнія части четырехъ сводчатыхъ амбразуръ; гребень стѣны уже настолько тонокъ, что проходимъ лишь на нѣсколько аршинъ вправо и влево, далѣе же кругомъ башни уже недоступенъ. Въ общемъ картина полного разрушенія.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ) можно замѣтить, что въ то время еще существовалъ незаваленный крытый входъ въ башню со двора городища и надъ нимъ значительный массивъ стѣнной кладки, а на приложенномъ къ изображеніямъ планѣ второго этажа показаны четыре амбразуры съ бойницами, входъ на внутреннюю въ массивѣ башенной стѣны лѣстницу и общее очертаніе башни съ наружной и внутренней сторонъ, на уровнѣ того же этажа.

Изъ древнихъ письменныхъ источниковъ видно, что башня эта въ 1628 году носила названіе *Стрѣлочной*, безъ сомнѣнія отъ положенія ея на стрѣлкѣ, образуемой здѣсь слияніемъ Ладожки съ Волховомъ. Общія указанія о конструкціи передаются слѣдующія:

Стрѣлочная башня.

Табл. IV.

Табл. X и XI

Опись 1655 г. ¹⁾:

«Башня каменная наугольная круглая Стрѣлочная, въ длину и поперегъ 8 сажень; вверхъ отъ подшвы та башня 7 сажень, кровля на той башнѣ огнила и сверху отъ мокроты та башня осыпается».

Опись 1665—67 г. ²⁾:

«Башня глухая Стрѣлочная каменная круглая, межѣ рѣкъ Волхова и Ладожки. Вышина башни съ подошвы вверхъ полшесты сажени, въ длину и поперегъ та башня во всѣ стороны по полдесяты сажени. Въ окнахъ толстина въ сажень, да отъ оконъ быки по сажени; и всего въ верхнемъ бою въ окнахъ и въ быкахъ толстина башни 2 сажени, а въ среднемъ бою 3 сажени, а въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и во многихъ мѣстахъ поосыпалось».

Опись 1676 г. ³⁾:

«Башня каменная Стрѣлочная круглая, въ ширину 9 сажень безъ четверти, въ вышину 6 сажень съ полусаженію, и сверху та башня безъ кровли сыплется по верхніе бои».

Въ прочихъ спискахъ 1685—98 г. размѣры показаны тѣ же, что и въ 1676 г., незначительные же варианты заключаются въ слѣдующемъ:

Опись 1685 г. ⁴⁾:

«И та башня сверху до подошвы отъ мокроты камень сыплется врознь».

Опись 1697 г. ⁵⁾:

«И та башня безъ кровли, сыплется и валится врознь и мосты огнили и провалились» ⁶⁾.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Исслѣдованіе башни было начато раскопками со стороны ея, обращенной внутрь городища (южной), откуда, судя по свѣдѣніямъ 1809 г., долженъ былъ существовать входъ въ самую башню. По удаленіи съ этой стороны покрывавшей ее осыпи ⁷⁾, представлявшей, какъ уже сказано, родъ закругленнаго вала, обнаружилась прямая отвѣсная стѣна, вышиною 5 аршинъ и въ ней обозначился пролетъ (4 арш. шириной) упомянутаго входа, сплошь заваленный щебнемъ и камнями, но однако настолько еще хорошо сохранившійся, что въ одномъ изъ наружныхъ угловъ его уцѣлѣлъ желѣзный крюкъ, или устой, для навѣски воротъ, которыми должна была запирается башня. По расчисткѣ пролета онъ

¹⁾ См. Приложение IX.

²⁾ См. Приложение XII.

³⁾ См. Приложение XIII.

⁴⁾ См. Приложение XIV.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Последнее обстоятельство указывается впрочемъ и болѣе ранними документами, но обовсемъ городищѣ вообще.

⁷⁾ При очисткѣ попадались разные предметы, какъ-то: обломки желѣза, часть подковы и пружиннаго замка, пружинное раздвижное кольцо, ножъ съ черенкомъ, обломокъ серпа, сапожная подковка и т. под. предметы позднѣйшаго происхожденія.

Рис. 10 Входъ въ Стрѣлочную башню со стороны двора.

представилъ прямой входъ въ послѣднюю, подошва котораго находилась на одномъ уровнѣ съ поверхностью городища (см. табл. XII) и была вымощена булыгами и плитами, бока же сохранили также облицовку плитою; сверху проходъ оказался открытымъ, но по сторонамъ его можно еще замѣтить слѣды бывшаго свода, нынѣ совсѣмъ уже исчезнущаго. Лицевая (южная) сторона

Таблица XII.

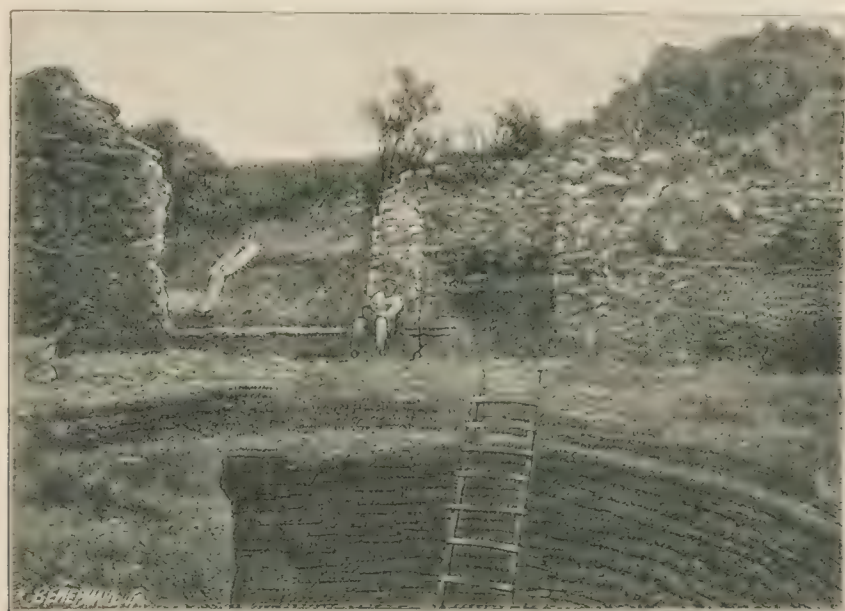

Рис. 11 Тотъ-же входъ со стороны внутренности башни.

стѣны была перпендикулярна къ проходу, такъ что съ этой стороны поверхность башни имѣла плоскій срезъ, который на западѣ доходилъ до соединенія (подъ тупымъ угломъ) съ прилегающей частью вышеописанной ограды, причемъ на немъ сохранилась и облицовка плитою, на востокъ же отъ прохода срезъ выслѣживался лишь на протяженіи 4 сажень и далѣе заканчивался какъ-бы поперечнымъ обломомъ башеннаго или стѣннаго массива, имѣвшимъ перпендикулярное къ срезу направленіе (съ юга на сѣверъ) и состоявшимъ въ верхней своей половинѣ изъ обнаженной валунной кладки, а въ нижней изъ песку и щебня. Очевидно, что здѣсь оказались слѣды разрушенія, или отрыва прилегающей съ Востока къ башнѣ части ограды ¹⁾ въ зависимости отъ сдвига или оползанія послѣдней, вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ-же грунтовыхъ условій, на которыя уже указывалось выше (см. стр. 167).

Кромѣ указанныхъ работъ, съ этой-же стороны башни непосредственно передъ входомъ со двора городища была проведена траншея, обнаружившая, что здѣсь башенный фундаментъ или массивъ простирается вглубь всего лишь на три аршина, причемъ грунтъ траншеи состоялъ сначала (на два аршина) изъ чернозема, перемежающагося съ разными культурными остатками ²⁾, а ниже слѣдовала уже материковая бѣловатая вязкая глина, не содержащая въ себѣ ничего.

Раскопки внутри башни представляли, независимо отъ своего большаго объема, значительные неудобства и затрудненія, по причинѣ крайне невыгодныхъ условій работы въ тѣсномъ пространствѣ и необходимости пользоваться при углубленіи въ башню единственнымъ только оставшимся на верху выходомъ. Верхняя часть завала оказалась состоявшею исключительно изъ обрушившихся валуновъ отъ стѣнной кладки, безъ всякихъ другихъ примѣсей, изъ чего можно заключить, что онъ образовался во времена, сравнительно лишь недавнія, и простиралась въ глубину на 4 аршина, т. е. занимала внутренность башни почти до края амбразуръ нижняго этажа. По очисткѣ верхняго яруса башни до уровня подошвы входа, планъ этой части оказался въ южной половинѣ прямоугольнымъ, въ сѣверной-же полукруглымъ; южная часть представляла вымощенную валунами площадку, на одномъ уровнѣ съ подошвой примыкавшаго

¹⁾ Въ связи съ этимъ конечно находится и перемѣщеніе, или выпученіе оконечности той-же ограды восточнаго фаса у нижняго этажа башни (см. далѣе).

²⁾ Въ немъ кромѣ обломковъ костей животныхъ, были найдены нѣсколько предметовъ разнo-временнаго происхожденія: грубые (безъ поливы) глиняные черепки, изъ коихъ на одномъ характерный орнаментъ курганнаго періода (волнообразный), часть конской подковы древняго образца (въ видѣ двулистника, подъ переднюю часть копыта), желѣзный вбивной въ стѣну свѣтецъ, подсвѣчникъ, ножъ, желѣзное кольцо, нѣсколько гвоздей и плоская глиняная бляшка съ отверстиемъ.

къ ней входа, въ сѣверной же заваль продолжался вглубь, принявъ полукруглое очертаніе, соотвѣтственно наружному виду башни. Въ стѣнахъ этого этажа, сохранившихся въ вышину отъ 6—7 аршинъ, устроены четыре амбразуры, изъ которыхъ одна въ западномъ фасѣ той-же площадки, а три прочихъ въ полукруглой части башни; устья амбразуръ замыкаются поперечными, сильно разрушенными стѣнками, въ которыхъ частью сохранились неправильныя отверстія отъ бывшихъ бойницъ, подошвы вымощены булыгами и своды выведены изъ

Рис. 12 Западные амбразуры верхняго этажа Стрѣлочной башни.

плитъ. У основанія правой (восточной) стѣны, ограничивающей ту-же площадку, во всю ея длину небольшой (въ $1\frac{1}{2}$ арш. вышиною), сложенный изъ плитъ на извести приступокъ, за которымъ слѣдуетъ узкій прямоугольный входъ ¹⁾, на устроенную въ массивѣ стѣны каменную лѣстницу, служившую для сообщенія этажей башни между собою, а за входомъ направо вверхъ и налѣво внизъ—марши самой лѣстницы. Изъ нихъ первый имѣетъ 8 ступеней и затѣмъ, поворотивъ подъ прямымъ угломъ на западъ, выводитъ (семью ступенями) на поверхность разрушеннаго гребня башни, причемъ вся эта часть лѣстницы сверху уже открыта и только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой остатокъ бывшаго надъ ней свода. Наконецъ, при расчисткѣ того-же входа, обнаружено, подъ находившимся

¹⁾ На наружныхъ краяхъ входнаго пролета имѣется угловой уступъ, какъ видно для навѣски дверей.

Рис. 13 Входъ и выходъ лѣстницы въ стѣну Стрѣлочной башни.

передъ нимъ приступкомъ, круглое отверстіе (ок. 3 верш. діам.), уходившее вглубь въ горизонтальномъ направленіи и пересѣкавшееся поперегъ (т. е. вдоль приступка) другимъ такимъ-же, представлявшими, какъ видно, слѣды лежавшихъ здѣсь деревянныхъ баласинъ отъ лѣсовъ при постройкѣ башни.

Остается прибавить, что на всей нижней половинѣ стѣны этого этажа сохранились остатки покрывавшей его плитняной облицовки.

При раскопкѣ нижняго этажа незамедлительно обозначилось, что планъ его представляетъ круговой отрѣзокъ (нѣсколько болѣе полуокружности), съ прямоугольнымъ выступомъ у восточнаго угла (см. рис. 11). Грунтъ завала башни продолжалъ состоять изъ обвалившихся камней, къ которымъ ниже начали примѣ-

шиваться обломки плитъ съ известковой щебенкой. На глубинѣ около сажени показались верхніе края нижнихъ сводчатыхъ амбразуръ и отсюда вмѣсто каменьева пошелъ сырой черный слой, чрезвычайно вязкій, въ разныхъ мѣстахъ котораго попадались отдѣльные, болѣею частью ломанья, кости животныхъ (между прочимъ два черепа собаки и коровы) и немного обломковъ плитъ. Около $\frac{1}{2}$ арш. глубже, характеръ этого чернаго слоя началъ замѣтно измѣняться, въ немъ снова появилась значительная примѣсь плитняго и известковаго щебня, при дальнѣйшемъ же углубленіи онъ перешелъ уже вполнѣ въ известковощебенчатый, рѣзко отличавшійся и составомъ и цвѣтомъ отъ выше надъ нимъ лежавшаго. За нимъ опять послѣдовалъ новый слой вязкой черной земли ¹⁾, простиравшійся до подошвы нижнихъ амбразуръ, далѣе еще прослоекъ щебенки (на уровнѣ

¹⁾ Въ немъ также были встрѣчаемы отдѣльные черепки горшковъ и обломки костей животныхъ, а кромѣ того найдены: обломки желѣза, острое желѣзное долото, хорошо сохранившееся, подковный гвоздь, обломокъ косы, два звена желѣзной цѣпи, пряжка и маленькій сосудъ изъ глины съ поливой, украшенный волнообразными дорожками.

подошвы послѣднихъ) съ примѣсью гнилого дерева и затѣмъ пѣлый слой (толщиною около $\frac{1}{2}$ арш.) остатковъ такого-же дерева ¹⁾, ниже котораго лежала уже подошва башни изъ материковаго грунта (песокъ съ галькой). При углубленіи въ послѣдній траншею вдоль южной и западной стѣнъ оказалось, что дѣлѣ кладка прекращается, но что сѣверная половина башни подбѣтована постепенно утолщающимся слоемъ булыгъ, вѣроятно въ зависимости отъ мѣстной покатости материковаго песчаника къ Сѣверу.

Одновременно съ тѣмъ-же очистились четыре амбразуры нижняго этажа, находившіяся почти на самомъ уровнѣ внутренней подошвы башни (на $\frac{1}{2}$ арш. выше) и открылся выходъ внутренней лѣстницы, расположенный въ каменномъ уступѣ въ восточномъ углу башни (см. рис. 13). Двѣ среднихъ (сѣверныхъ) амбразуры находятся почти рядомъ и направлены по теченію Волхова, двѣ остальныхъ—на Востокъ и на Западъ: всѣ сохранились очень хорошо, но бойницы въ нихъ уже нѣсколько пострадали, въ особенности снаружи, крохѣ выроекъ въ одной (восточной), которая еще совершенно въ цѣлости ²⁾; тыловые детали ихъ однако болѣею частью еще въ довольно хорошемъ состояніи ³⁾. Стѣны и своды амбразуръ облицованы плитою, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились остатки покрывавшей ихъ штукатурки, подошва же вымощена крупными булыгами и покрыта тѣмъ-же вязкимъ чернымъ слоемъ (въ $\frac{3}{4}$ арш. толщиною), который на соответствующемъ уровнѣ былъ уже встрѣченъ внутри башни ⁴⁾. Кроме того, на сводахъ амбразуръ оказались въ изобиліи известковые натеки (мѣстами даже въ видѣ длинныхъ тонкихъ сталактитовъ), отъ просачиванія воды сквозь стѣнную кладку.

Что касается до упомянутаго выхода въ каменномъ уступѣ, то непосредственно за нимъ слѣдовала лѣстница, ведшая двумя колѣнами въ средній

¹⁾ Въ немъ найдены: желѣзная дверная петля, обломки стеклянной посуды, немного ломаныхъ костей животныхъ и большая бронзовая обложка неизвѣстнаго назначенія, украшенная сквозными дырочками.

²⁾ Размѣры ея: Высота тыловаго отверстія 1 арш. 4 вер., ширина 1 арш. 7 вер.; наклонъ лѣкъ одинаковый, причемъ длина щеки 1 арш. 7 вер.; высота средняго пролета 1 арш., ширина 5 вер. Вся облицована плитою.

³⁾ Такъ въ сѣв.-восточной бойницѣ высота тыловаго отверстія 1 арш. 3 вер., ширина 1 ар. $7\frac{1}{2}$ вер., но средній пролетъ и наружныя части уже повреждены. Бойница сѣв.-западная повреждена вся. Бойница западная: высота тыловаго отверстія 1 ар. $2\frac{1}{4}$ вер., ширина 1 ар. 9 вер.; длина щеки 1 ар. 7 вер., наклонъ шекъ одинаковы.

⁴⁾ Къ оконечностямъ амбразуръ слой этотъ значительно утолщился, такъ что съ одной стороны онъ видимо представлялъ наплывъ изъ башни; въ немъ также попадались культурныя остатки—обломки желѣза и костей животныхъ, между прочимъ на каменномъ полу въ сѣверныхъ амбразурахъ были найдены грубая глиняная свистулька и желѣзный наконечникъ стрѣлы.

этажъ башни (первый маршъ въ 9 ступеней по направленію на Востокъ, второй въ 4 ступени—на Югъ); лѣстница шириною около аршина, вся устроена изъ плитъ и сохранилась хорошо, кромѣ нѣсколькихъ разрушившихся ступеней нижняго марша. Соответственно слоямъ завала башни, нижняя часть лѣстницы была заполнена вязкимъ чернымъ грунтомъ, остальная же сплошь до верха завалена щебнемъ, причемъ въ срединѣ былъ найденъ черепъ и нѣсколько костей лошади, вмѣстѣ съ желѣзной, старинной формы подковой.

Въ общемъ раскопка Стрѣлочной башни обнаружила, что вопреки казавшемуся на первый взглядъ полному разрушенію башни, она въ значительной своей части сохранилась очень хорошо, такъ что многія детали уцѣлѣли полностью, еще со временъ ея первоначальнаго построения.

Внѣ башни, раскопки были ограничены проведеніемъ сквозь ея большую наружную осыпь четырехъ глубокихъ траншей, на встрѣчу бойницамъ нижняго этажа, причемъ у восточной амбразуры, расположенной близъ соединенія башни съ береговымъ (по Волхову) участкомъ прилегавшей ограды, обнаружено довольно любопытное обстоятельство: траншея, проведенная здѣсь отъ рѣки, перпендикулярно къ фасаду башни, недоходя послѣдней за нѣсколько шаговъ встрѣтила

Рис. 14. Выпученность стѣны ограды у восточной амбразуры башни.

каменную кладку, которая крутымъ закругленіемъ направлялась къ устью упомянутой амбразуры. Низъ кладки значительно болѣе подался впередъ, нежели верхъ, такъ что поверхность ея шла покатостью, причемъ на 5 аршинъ въ вышину на ней сохранилась плитная облицовка, далѣе же верхъ стѣны не выслѣживался, исчезая въ береговомъ обрывѣ городища. Въ такомъ видѣ кладка загибалась до самой башни и упиралась въ поверхность послѣдней непосредственно у амбразуры бойницы, нижняя же, наиболѣе выпученная часть той-же кладки значительно переходила за отверстіе бойницы (см. рис. 14), и такимъ образомъ, до половины закрывала послѣднюю (см. также таблицу XV).

Въ мѣстѣ упора стѣны въ башню замѣтны двѣ длинныя вертикальныя трещины.

Подобное относительное положеніе ограды очевидно немислимо какъ нормальное и потому должно было явиться результатомъ какого-то смѣщенія участка ея, прилегающаго къ башнѣ, что должно быть поставлено въ связь съ указаннымъ уже выше фактомъ исчезновенія каменной кладки башенной стѣны со стороны двора городища (см. стр. 174), приурочивающагося сюда-же. По всей вѣроятности, прилегавшая къ башнѣ часть ограды отдѣлилась (ср. вышеупом. трещины) и сдвинувшись съ первоначальнаго мѣста отъ оползанія, приняла свое нынѣшнее ненормальное положеніе, причиною же подобнаго явленія могли служить тѣ-же конструктивныя и мѣстныя грунтовыя условія, на которыя уже приходилось указывать ранѣе.

Общіе результаты раскопокъ въ Стрѣлочной башнѣ и обнаруженные конструктивныя данныя представлены на чертежахъ (Табл. XXX—XXXIII).

Табл. XXX--XXXIII.

г) Данныя для реставраціи, почерпнутыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы:

1. Башня была круглая, имѣла три боя (трехъярусную оборону) и была покрыта деревянною крышею (Оп. 1665—67 г.).
2. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами (Оп. 1697 г.).

Въ общихъ чертахъ все вышеизложенное даетъ возможность возстановить конструкцію Стрѣлочной башни довольно близко, хотя относительно точнаго опредѣленія ея прежней вышины, въ документальныхъ указаніяхъ встрѣчаются значительныя разногласія.

Такъ, въ описи 1655 г. вышина башни означена въ 7 сажень; въ 1665 г. башня со всѣми тремя боями показана лишь въ $5\frac{1}{2}$ саж. и во всѣхъ прочихъ— $6\frac{1}{2}$ саж.; принимая однако во вниманіе, что редація 1655 г. представляетъ башню почти въ цѣлости (она упоминаетъ только огнившую крышу и, видимо, лишь еще начинающееся сверху осыпаніе кладки), необходимо остановиться и на размѣрахъ, приводимыхъ этой описью, т. е. что башня первоначально имѣла въ вышину именно 7 сажень.

Такимъ образомъ, отъ нея въ настоящее время исчезла болѣе чѣмъ третья часть.

Башня была несомнѣнно трехъ-этажною, что вытекаетъ изъ свѣдѣній 1676 г., передающихъ, что она осыпается «по верхніе бой», изъ указаній 1665—67 г. на размѣры толщины стѣнъ во всѣхъ трехъ этажахъ ея и изъ остатковъ

лѣстницы, ведущей изъ средняго яруса въ верхній; при этомъ изъ расчета вышины башни ¹⁾ получается, что на всѣ три этажа ей требовалось около 6 сажень; седьмая сажень, показанная въ описи могла приходиться на вѣнчавшій башню зубцы. Снаружи она имѣла круглую (форму ²⁾), вѣроятно цилиндрическую (покрайней мѣрѣ судя по внѣшнему виду башни юго-восточной, или Роскатной, на которой эта форма выражается ясно) и была покрыта конической крышей. Въ каждомъ изъ этажей, кромѣ верхняго, было по 4 амбразуры съ бойницами ³⁾, самые же этажи раздѣлялись деревянными полами и сообщались между собой посредствомъ узкой лѣстницы, устроенной въ стѣнѣ башни и имѣвшей выходы во всѣ три яруса послѣдней. Входъ въ башню былъ черезъ средній этажъ и здѣсь она запиралась воротами ⁴⁾, что же касается толщины стѣнъ, то по свѣдѣніямъ 1665—67 г. таковая въ нижнемъ этажѣ равнялась 4 саженимъ, въ среднемъ—3-мъ и въ верхнемъ 2 саж. Прочія подробности частью уже пояснены выше и показаны на прилагаемыхъ чертежахъ.

Восточный фась.

Отъ Стрѣлочной башни вдоль самага берега Волхова, на протяженіи около 60 сажень, тянутся къ Югу остатки, или вѣрнѣе слѣды восточнаго фаса крѣпости, примыкающіе на противоположномъ концѣ къ юго-восточной башнѣ городища (Табл. IV).

Табл. IV.

а) Современное состояніе (1884 г.).

Весь фась нынѣ находится въ состояніи окончательнаго разрушенія, такъ что остатки бывшей здѣсь каменной ограды выслѣживаются лишь по наружной отлогости береговъ обрыва городища и только мѣстами (въ сѣверной половинѣ)

¹⁾ Нынѣшнее превышеніе гребня надъ внутренней подошвой башни=4 саж. $1\frac{1}{2}$ арш.; полагая верхнюю (уже не существующую) амбразуру вышиною, какъ и другія, въ 3 аршина и притомъ непосредственно лежавшую на нынѣ сохранившемся гребнѣ, а надъ нею еще сажень сплошной стѣнной кладки (указаніе на что можно почерпнуть изъ другихъ мѣстъ описи 1665—67 г. упоминающей, что напр. юго-западная, или Климентовская башня городища осыпалась «на сажень по верхній бой»), получаемъ, что всего для трехъ этажей могло требоваться $18\frac{1}{2}$ арш. Наружная высота башни не должна многимъ розниться отъ приведенной цифры, въ виду условій мѣстоположенія самой башни.

²⁾ На рисункѣ у Олеарія (см. стр. 3) башня изображена увѣнчанною зубцами, но безъ крыши и почему-то четырехугольною, хотя во всѣхъ источникахъ XVII вѣка она показывается круглою.

³⁾ Сколько именно ихъ было въ верхнемъ, рѣшить трудно, но конечно не менѣе четырехъ, а вѣроятно даже пять.

⁴⁾ Весьма возможно, что въ верхній этажъ было еще сообщеніе со стѣнѣ прилегавшей ограды, подобно тому какъ въ башняхъ Роскатной и Климентовской.

еще выдаются надъ уровнемъ поверхности послѣдняго, представляя здѣсь родъ небольшого неправильнаго вала (Табл. XIII). Въ разныхъ мѣстахъ по отлогости того-же обрыва, изъ подъ поросшей дерномъ и древесной растительностью осыпи, видны обнаженія стѣнной кладки, въ которой кое-гдѣ чернѣются небольшія отдушины, или отверстія, подобныя уже встрѣчавшимся въ массивахъ Воротной и Стрѣлочной башенъ и одного, конечно, съ ними происхожденія; близъ середины фаса послѣдній прерывается большой, глубокой сѣдловинной, вдающейся вглубь городища, по сторонамъ которой съ берега видны наиболѣе сохранившіяся части обнаженной каменной кладки, состоящей изъ плитняка и валуновъ, сложенныхъ на извести. Въ общемъ все это представляетъ, какъ уже

Табл. XIII.

Рис. 15. Видъ городища со стороны Волхова, въ 1809

сказано, картину полного и очень давняго разрушенія, совершенно уничтожившаго описываемую сторону городища.

Почти въ такомъ-же состояніи находился упоминаемый фасъ и въ 1809 г., судя по современному рисунку Бороздина, на которомъ не видно лишь отлогого спуска къ рѣкѣ, устроеннаго позже на южной половинѣ фаса, вдоль по остаткамъ идущей здѣсь стѣнной кладки, для удобнѣйшаго сообщенія внутренности городища съ рѣкою.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Въ документахъ XVII вѣка дошли весьма важныя свѣдѣнія, относительно сооруженій, существовавшихъ на восточномъ фасѣ, свѣдѣнія тѣмъ болѣе цѣнныя, что послѣдняго можно сказать нынѣ не существуетъ.

Такъ, изъ нихъ усматривается, что близъ середины его на Волховѣ стояла давно уже исчезнувшая башня, которая въ 1628 г. носила названіе *Тайничнаго роската*, а въ 1655-мъ—*Тайничной башни*. Въ документахъ читаемъ о ней:

Опись 1628 ¹⁾:

«На Тайничномъ роскатѣ отъ Волхова пицаль полковая»

Опись 1655 г. ²⁾:

«Башня Тайничная каменная, отъ подшвы вверхъ 4 сажени, въ длину 5 сажень съ полу-саженью, толщина 2 сажени; и та башня стоитъ безъ кровли и вся до подошвы отъ каменной стѣны отсѣла больше сажени и отвисла. И только тое башни вскорѣ не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскорѣ вся безъ остатку до подшвы обвалится въ рѣку Волховъ, и колодезь въ той Тайничной башнѣ обрушится и вода камнемъ и известью и пескомъ засыплется. А колодезь подъ той башней съ водою, а вода въ тотъ тайникъ и въ колодезь проведена была трубами изъ рѣки Волхова, и тѣ трубы не почищены и нынѣ засыпались и воды въ томъ Тайничномъ колодезѣ нѣтъ. А надъ тѣмъ колодеземъ въ той башнѣ своды каменные, а около того колодезя мостъ намошенъ плитою. И отъ того колодезя въ каменный городъ въ палатку выведенъ тайникъ противъ стѣны, въ длину въ 3 сажени, а стѣны и своды и лѣстница у того тайника каменные, а полатка, въ которую тотъ тайникъ проведенъ, въ длину 4 сажени, поперегъ въ сажень, вверхъ полдвѣ сажени, а стѣна толщиною полсажени. А надъ тою полаткою были рубленые тарасы деревянные и покрыта была полатка тесомъ и дерномъ, и та кровля вся безъ остатку обвалилась и тайникъ и полатка отъ мокроты сыплется розно и вода въ колодезѣ землею засыпалась. А опричь того тайника воды въ каменномъ городѣ нигдѣ нѣтъ».

Опись 1665—1667 г. ³⁾:

«Тайничная круглая каменная глухая башня, отъ рѣки отъ Волхова вверхъ 3 сажени, въ длину и поперегъ по 5 сажень; и та башня вся до подошвы отъ каменные стѣны осѣла сверху на $1\frac{1}{2}$ сажени, а у подошвы на $\frac{1}{2}$ сажени, а стоитъ безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу отъ мокроты съ обѣ стороны сыплется розно. А подъ тою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою и сверху надъ колодеземъ своды каменные; а въ тотъ тайникъ изъ каменнаго города входъ полаткою и лѣстница каменная, и только той башнѣ до подошвы не разобрать и вновь вскорѣ не сдѣлать и та башня вся безъ остатку до подошвы обвалится въ рѣку Волховъ и вода въ томъ тайникѣ въ колодезѣ камнемъ засыплется и въ осадное время въ Ладогѣ въ каменномъ городѣ воды не будетъ, потому что иного колодезя и воды въ каменномъ городѣ опрочѣ тайничнаго колодезя нѣтъ».

Опись 1676 г. ⁴⁾:

«Тайничная каменная башня въ ширину 6 сажень, и та башня по указу великого государя розобрана сверху по нижней сводъ, для того что начала валиться и сыпаться въ рѣку Волховъ. А то полосе мѣсто зарублено вновь деревянною стѣною и та стѣна въ вышину пять сажень съ

¹⁾ См. Приложение VIII.

²⁾ См. Приложение IX.

³⁾ См. Приложение XII.

⁴⁾ См. Приложение XIII.

поль сажені. Да подѣ той башней колодезь, а вода проведена съ рѣки Волхова, и тот колодезь землею и каменьемъ засыпало, только надобно почистить, въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно».

Опись 1685 г. ¹⁾:

А подѣ ту башню къ колодезю выкладено было по обѣ стороны стѣна каменная и та стѣна тожѣ обвалилась и окна каменьемъ и землею засыпало и заросли и подошва у тое башни отсѣла и валится въ рѣку Волховъ».

Опись 1692 г. ²⁾:

И та башня въ прошломъ въ 180 году по нижней сводѣ разобрана».

Опись 1697 г. ³⁾:

И осталою нижній сводѣ тое башни сыплется и валится въ рѣку Волховъ».

Кромѣ того въ тѣхъ-же источникахъ приводятся нѣсколько данныхъ и объ участкахъ прилегавшей оградѣ, прилегающихъ съ обѣихъ сторонъ къ Тайничной башнѣ, а именно:

1. О сѣверномъ (т. е. до Стрѣлочной башни).

Опись 1655 г.:

Отъ той Стрѣлочной башни до Тайничной каменной башни подѣ рѣки Волхова, прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 23 сажени, вверхъ стѣны отъ подшвы и съ зубцами $5\frac{1}{4}$ сажень; и та стѣна осыпалась во всю стѣну на $\frac{1}{2}$ сажени; а стоитъ та стѣна безъ кровли, а нынѣ то достальное каменной стѣны прясло сыплется розно и валится въ рѣку Волховъ».

Опись 1655—1667 г.:

«Прясло каменные стѣны, стоитъ непокрыто безъ кровли, въ длину по стѣнѣ 18 сажень, вышина стѣнѣ отъ рѣки отъ Волхова полчетверты сажени, толстина въ сажень съ четвертью; а подошвенные бои у тое стѣнѣ землею засыпались заросли, и то прясло все обвисло въ рѣку въ Волховъ, а отъ мокроты камень сыплется розно на обѣ стороны».

Въ свѣдѣніяхъ 1676 г. и послѣдующихъ, упомянутые размѣры показываются опять нѣсколько иначе, а именно: длина стѣны $23\frac{1}{2}$ саж., толщина $1\frac{1}{2}$ саж. и вышина $5\frac{1}{2}$ саж., причемъ относительно послѣдней въ 1677 и 1685 г. поясняется, что таковая считана — «и съ зубцами», о состояніи же оградѣ приводятся слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1677 г.:

И то прясло отъ мокроты безъ кровли сыплется въ рѣку Волховъ и въ городъ».

Въ 1685 г.:

И то прясло отъ мокроты и до подошвы половина стѣны осмывается въ рѣку Волховъ и въ городъ и верхніе бои землею и каменьемъ засыпало и заросли».

¹⁾ См. прилож. XIV.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

Въ 1692 г.:

«И то прясло отвалилось въ рѣку Волховъ и въ городъ и верхни бои камнемъ и землею насыпало и заросло травой и то полое мѣсто зарублено было тарасами и тѣ тарасы огнили и обвалились въ рѣку Волховъ».

2. Объ южномъ (т. е. до башни юго-восточной. Роскатной):

Опись 1655 г.:

«Отъ тое Тайничной башни до большого каменного роскату, подлѣ рѣки Волхова, по валу прясло деревянное, рубленыя стѣны въ длину 28 сажень, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли. А прежь сего по тому мѣсту была каменная стѣна, и та каменная стѣна вся до подошвы обвалилась въ рѣку въ Волховъ безъ остатку, а каменная подшва у той стѣны цѣла, а съ подшвы вверхъ та каменная стѣна была вышиною и съ зубцами $5\frac{1}{4}$ сажень, а поперекъ тое стѣны была толщина полдвѣ сажени».

Опись 1665—1667 г.:

«Городовые деревянные рубленые стѣны съ тарасы прясло, въ длину 29 сажень, а та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и огнила и развалилась, а прежь сего по тому мѣсту была каменная стѣна и та стѣна вся обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку».

Опись 1676 г.:

«Прясло подлѣ рѣки Волхова въ длину 38 сажень съ полусаженью, а на томъ пряслѣ бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годѣхъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а въ то мѣсто поставлена была деревянная рубленая стѣна и вся огнила и развалилась».

Въ свѣдѣніяхъ послѣдующихъ годовъ длина стѣны и проч. повторяются тѣ-же, что и въ 1676-мъ.

в) Факты, обнаруженные раскопками.

Состояніе полного разрушенія, представляемое нынѣ восточнымъ фасомъ, давало мало надеждъ на открытіе здѣсь раскопками какихъ-либо новыхъ, дополнительныхъ къ вышеизложенному подробностей, почему принимая во вниманіе значительное превышеніе поверхности городища надъ уровнемъ рѣки, оставалось попытаться лишь открыть въ глубинѣ материка его какіе-либо остатки вышеупомянутаго подземнаго сооруженія — «тайника». Быть можетъ, еще тамъ сохранившіеся. Съ этой цѣлью раскопки были начаты непосредственно на мѣстѣ бывшей Тайничной башни, гдѣ, какъ уже сказано, находилась большая сѣдловина, покато спускавшаяся къ Волхову. Вскорѣ по началу работъ, среди этой сѣдловины былъ обнаруженъ незначительный остатокъ каменной сводчатой перемычки, при окапываніи которой оказались по бокамъ двѣ каменныхъ параллельныхъ стѣны, шедшихъ по направленію къ рѣкѣ, а между ними (на три аршина глубже) ступени каменной лѣстницы, спускавшейся туда-же. Очевидно, что здѣсь были найдены остатки именно того тайника, который велъ къ колодезю подъ башней. При дальнѣйшемъ производствѣ раскопокъ на Востокъ

Западъ отъ перемычки, открылась и вся лѣстница, имѣвшая въ ширину 4 аршина и составлявшая одинъ маршъ въ 21 ступень, на протяженіи 4 сажень (табл. XIV).

Табл. XIV.

Лѣстница сохранилась хорошо до самаго низа, но боковыя стѣны въ нижней половинѣ ея совершенно уже разрушились, такъ что здѣсь вмѣсто нихъ остались лишь груды щебня и мусора. У нижняго конца лѣстницы (на 10 аршинахъ впереди ея) былъ открытъ врытый въ материкъ древній дубовый срубъ, состоявшій изъ 8 вѣнцовъ и имѣвшій два аршина въ поперечникѣ. Срубъ оказался заваленнымъ колодезъ (въ два аршина глубиною), дно котораго состояло изъ крѣпкаго бѣлаго песчаника, причемъ верхній уровень колодезя находился на 1½ арш. ниже конца лѣстницы, такъ что между ними былъ

Рис. 17. Тайникъ въ материкѣ.

устроенъ еще приступокъ изъ валуновъ. По раскопкѣ верхняго конца лѣстницы, онъ оказался выходящимъ на небольшую прямоугольную, вымощенную плитами площадку, находившуюся около двухъ аршинъ ниже поверхности городища и обнесенную остатками стѣнъ, сложенныхъ изъ плитъ на извести, въ южной же сторонѣ площадки находилась еще небольшая (въ 8 ступеней) каменная лѣстница, выводившая на поверхность городища (см. рис. 17).

Такимъ образомъ, въ общемъ обнаружился весь планъ бывшаго здѣсь тайника (табл. XXXIV и XXXV), причемъ открытая вначалѣ каменная перемычка (въ верхней части главной лѣстницы) очевидно представляла незначительный остатокъ покрывавшаго весь спускъ «нижняго свода» башни, по которой послѣдняя была разобрана въ 1672 году, а площадка—остатки упоминаемой въ древнихъ описяхъ «полатки», служившей входомъ въ самый тайникъ. Остаетс

Табл. XXXIV и XXXV.

Рис. 17. Выходная лѣстница изъ полатки—у Тайничной башни.

прибавить еще, что около указанного колодца (южнѣе его), среди огромной груды щебня, составляющаго отлогость самой сѣдловины, удалось найти остатки кладки башенной подошвы, въ видѣ прямого, двухъаршиннаго, облицованнаго плитою выступа, перпендикулярно выдававшагося изъ сосѣдней ограды; остатки послѣдней здѣсь еще сохранились въ нижнихъ частяхъ своихъ, такъ что можно различить наружную облицованную ея поверхность, ниже которой въ грунтѣ берега лежатъ, неглубоко впрочемъ, бутовая кладка (безъ облицовки)—какъ-бы небольшой фундаментъ. Такимъ образомъ, упомянутый выступъ представляетъ слѣдъ исчезнувшей башни, имѣвшей, по показанію документовъ, закругленное очертаніе (см. табл. XXXIV').

Что касается непосредственно остатковъ самой ограды, то на восточномъ фасѣ представилась возможность сдѣлать въ одномъ мѣстѣ не безынтересное наблюденіе надъ внутренностью стѣнной кладки. Близъ Стрѣлочной башни, почти въ самой подошвѣ ограды находилось небольшое (около фута) неправильное отверстіе, изъ котораго замѣтно тянуло холоднымъ воздухомъ, такъ что могло даже рождаться предположеніе, не скрывается-ли въ глубинѣ за отверстіемъ какой-либо пустоты. Въ виду этого кругомъ отверстія было выломано изъ кладки нѣсколько валуновъ и, такъ какъ за ними оказалась лишь земля, перемѣшанная съ щебнемъ и камнями, явилась возможность углубиться и далѣе, почти на цѣлую сажень; при этомъ обнаружилось, что внутри подошва стѣнной кладки шла наклонно вверхъ, такъ что надъ выбранной пустотой получился какъ-бы родъ наклоннаго къ низу каменнаго потолка, или ската, круто спускающагося къ наружному краю подошвы и состоявшаго изъ

крупныхъ камней, связанныхъ известью. Очевидно, такимъ образомъ, что и на восточномъ фасѣ стѣна представляла лишь родъ каменной коры, скошенной сзади соотвѣтственно прикрываемому ею земляному откосу и постепенно поэтому къ низу утонявшейся, т. е. что и здѣсь приложенъ строителями тотъ-же пріемъ, на который было указываемо ранѣе, при описаніи западнаго фаса городища.

При описанныхъ работахъ по открытію тайника, было также сдѣлано нѣсколько находокъ, относящихся впрочемъ къ разнымъ эпохамъ; такъ, между прочимъ, найденъ зубъ медвѣдя съ начатой въ немъ сверлиной и небольшою каменный дискъ съ отверстіемъ въ центрѣ, т. е. предметы, могущіе быть относимыми еще къ доисторической эпохѣ той-же мѣстности, но въ томъ-же завалѣ оказалась и мѣдная полушка 1735 г.; на днѣ упомянутого выше колодца найдена древняя желѣзная коса, очевидно попавшая туда не позже XVII столѣтія, когда онъ не былъ еще засыпанъ, и проч. ¹⁾

Къ вышензложенному о восточномъ фасѣ можно прибавить, что при новыхъ повѣрочныхъ работахъ 1893 года, для снятія чертежей городища ²⁾, были обнаружены въ развалинахъ стѣны на сѣверномъ ея участкѣ (т. е. между Тайничной и Стрѣлочной башнями) еще слѣды или остатки шести амбразуръ, а въ участкѣ южномъ (близъ юго-восточной Роскатной башни) того-же фаса при обнаженіи стѣны открыты слѣды какого-то прохода со двора крѣпости и ступенчатого входа снаружи стѣны (со стороны Волхова) (Табл. XV), остающіеся совершенно загадочными въ конструктивномъ отношеніи, если только не допустить въ нихъ какихъ либо приспособленій позднѣйшаго времени (напр. схода къ рѣкѣ и т. под.).

Табл. XV.

¹⁾ *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

Относительно башни:

1. На башнѣ существовалъ роскатъ (оп. 1628 и 1655 г.).
2. Башня была круглая и имѣла кровлю (оп. 1665—67 г.).
3. Подъ башнею былъ тайникъ къ колодезю, покрытому каменнымъ сводомъ (оп. 1655 г. и др.).

¹⁾ Большинство вещей не представляетъ археологическаго интереса (обломки неизвестныхъ желѣзныхъ предметовъ, слюдяныя фонарныя окна, костяной гребень и т. под.), нѣкоторое же вниманіе обращаетъ часть большой желѣзной привязной шпоры, вѣроятно современной занятію крѣпости иноземцами во время смутъ начала XVII стол., и особый типъ желѣзной заклепки, встрѣчавшійся неоднократно при раскопкахъ кургановъ въ южномъ Приладожьѣ.

²⁾ См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Сулова, въ особомъ приложеніи; еще нѣкоторыя подробности, обнаруженныя этими работами, помѣщены согласно запискѣ на табл. XXXV и XXXVI.

Табл. XXXV и XXXVI.

4. Входъ въ тайникъ былъ изъ особой каменной пристройки съ тыла башни (оп. 1655 и 1665—67 г.).

Относительно прилегавшихъ участковъ ограды:

5. Стѣны были съ зубцами (оп. 1655. 1677 и 1685 г.).

6. Въ стѣнахъ были подошвенные бои (амбразуры съ бойницами) (оп. 1665 67 г.); въ свѣдѣніяхъ 1685—1692 г. бои названы «верхними».

7. Стѣны были покрыты кровлями.

Несмотря на всю важность вышензложенныхъ данныхъ, первоначальное возстановленіе восточнаго фаса встрѣчаетъ все таки болѣе или менѣе значительныя затрудненія, такъ какъ въ конструктивномъ отношеніи оно остается не яснымъ.

Прежде всего необходимо остановиться на сравнительно древнѣйшемъ названіи самой башни, именуемой еще въ 1628 г. «Тайничнымъ роскатомъ», что можетъ наводить на нѣкоторые соображенія.

Названіе башни «Тайничною» обусловливалось, какъ можно видѣть изъ вышензложеннаго, существованіемъ въ ней скрытаго хода (тайника) къ водяному резервуару, или колодцу, для снабженія гарнизона крѣпости водою (въ случаѣ обложенія непріателемъ), что не представляетъ ничего исключительнаго, такъ какъ подобный конструктивный приѣмъ былъ въ нашемъ военномъ зодчествѣ общепотребительнымъ ¹⁾, что же касается названія башни «роскатомъ», то таковое неизбежно приводитъ къ заключенію о существованіи на верху ея приспособленія для открытой обороны, — площадки, обнесенной парапетомъ или зубцами, позже примѣненной для установки огнестрѣльных орудій, т. е. обращенной въ роскатъ.

Подъ «роскатомъ» у насъ въ древности собственно разумѣлось особое возвышенное мѣсто, для открытой установки пушекъ ²⁾, т. е. нѣчто въ родѣ

¹⁾ Такъ въ 1485 г. — «Заложена бысть на Москвѣ на рѣкѣ стрѣльница, а подъ стрѣльницею выведенъ тайникъ, а поставилъ ее Онтонъ Фрязинъ». Въ 1488-мъ — «Заложилъ Онтонъ Фрязинъ стрѣльницу вверхъ по Москвѣ, гдѣ стояла Свиблова стрѣльница, а подъ нею вывелъ тайникъ» (Полн. собр. лѣтоп., т. VIII, 216 217). Въ описи Брянска 1684 г. — «Башня Тайничная четверугольная..., а подъ тою башнею сдѣланъ былъ тайникъ, проведенъ былъ къ колодцю...» (Дополн. акт. ист., т. XI, № 81).

²⁾ Такъ въ 1688 г. въ Москвѣ, около Спасскихъ воротъ въ Китаѣ городѣ, велѣно было — «Построить роскатъ и на томъ роскатѣ поставить двѣ пушки, а подъ тѣмъ роскатомъ сдѣлать погребы и лавки, а дѣлать роскатъ въ каменныхъ припасѣхъ» (Акты истор., т. V, № 158); вѣроятно о томъ-же читается и въ 1695 г.: — «Въ Китаѣ-городѣ у Лобнаго мѣста на роскатѣ пушка Царева (Царь пушка), ядро каменное вѣсомъ 52 фунта..., вѣсу въ ней 2400 пудовъ; пушка Павлинъ, ядро каменное вѣсомъ 15 пудовъ..., вѣсу въ ней 1020 пудовъ» (Приходо-расходная книга Пушечнаго двора 1695 г., рукопись Историческаго Артил. Музея въ С.-Петербурѣ). Объ укрѣпленіяхъ Кіева 1677 г. говорится (при описи вала): «Отъ того мѣста

крѣпостнаго валганга, или батареи нашего времени, для стрѣльбы черезъ банкъ, и такъ какъ подобные роскаты устраивались не только въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи крѣпостной ограды ¹⁾, но и на самыхъ башняхъ ²⁾, то и въ данномъ случаѣ названіе Тайничной башни «Тайничнымъ роскатомъ» получаетъ надлежащее объясненіе, подобно тому (какъ увидимъ далѣе) и юго-восточная башня городища (Роскатная) носила названіе «Большого роската».

Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ вѣроятными размѣрами башни по вышину, обуславливается, что Тайничная башня должна была быть одноэтажною, т. е. что въ ней надъ тайникомъ существовалъ еще только одинъ закрытый ярусъ. Соображенія, приводящія къ этому заключаются въ слѣдующемъ:

Описи 1655 и 1665—67 г. какъ самыя важныя въ данномъ случаѣ, ибо составлены въ то время, когда башня еще существовала, передаютъ, что вышина послѣдней была по одной 4 сажени, по другой—всего 3, а въ опредѣленіи прилегающаго къ ней сѣвернаго участка ограды расходятся еще болѣе: въ 1655 г. таковая означена $5\frac{1}{4}$, а въ 1665—67 г. лишь $3\frac{1}{2}$ сажени, т. е. въ обоихъ случаяхъ выходитъ, что башня была ниже сосѣднихъ съ нею крѣпостныхъ стѣнъ! Кромѣ того оказывается, что при подобныхъ размѣрахъ ея, она едва командовала надъ превышеніемъ самаго городища, или другими словами—надъ горизонтомъ внутренности послѣдняго ³⁾; допустить то или другое нѣтъ никакого вѣроятія ⁴⁾. Принимая во вниманіе, что опись 1665—67 г. вообще нерѣдко грѣшитъ въ своихъ цифровыхъ данныхъ, нельзя остановиться и на приводимыхъ ею размѣрахъ, но трудно принять также и цифру, сообщаемую въ 1655 г. (4 сажени); исходя

роскатъ кругомъ 15 сажень, а на роскатѣ старыя деревянныя рубленныя облами развалились и вмѣсто тѣхъ деревянныхъ обломовъ доведется быть земляному бою» (Дополн. акт. историч., т. VII, № 25).

¹⁾ Такъ въ Новгородѣ въ 1649 г.—«Пищаль полуторная стояла на деревянномъ роскатѣ, а нинѣ перенесена въ Покровскую башню». Въ Кіевѣ въ 1677 г. (см. в.)—«А отъ того роската до Вылазныхъ воротъ въ длину 31 сажень..., а отъ того мѣста въ длину 12 сажень до Угольнаго роскату...; кругомъ того роскату 11 сажень стоячей тинъ гнилъ». Въ Исковѣ въ 1683 г.

По городу и по воротамъ и по башнямъ и въ роскатѣхъ наряду: на Егорьевскихъ воротахъ на роскатѣ пищаль Волконетъ, да двѣ пищали мѣдная полковыя...; да на большомъ роскатѣ межъ Васильевскихъ и Плоскихъ воротъ пищаль...» (Дополн. акт. ист., т. III, № 53; т. VII, № 28; т. X, № 96).

²⁾ Напр. въ Тулѣ въ 1676 г.: «Башня Ивановская, а на верху тое башни роскатъ рубленой, а на роскатѣ пищаль мѣдная, вѣсу 148 пудовъ» (Дополн. акт. истор., т. IX, № 13).

³⁾ Напр. на западномъ фасѣ (см. Воротную башню) это превышеніе составляетъ не менѣе 7 аршинъ, что видно изъ промѣровъ башни отъ половны ея нѣж изъ архитектуръ до вала фундаментъ.

⁴⁾ Ничего подобнаго нельзя замѣтить и на рисункѣ у Олсarıя.

изъ того положенія, что верхъ башни вѣнчался роскатомъ, должно съ большимъ вѣроятіемъ допустить, что она, по меньшей мѣрѣ, имѣла такую-же вышину, какъ и прилегавшія къ ней стѣны ограды, что можетъ находить подтвержденіе и въ размѣрахъ сосѣдней юго-восточной башни Роскатной (также вѣнчавшейся роскатомъ), о которой въ современныхъ документахъ говорится еще, что она съ сосѣднимъ валомъ южнаго фаса—«наровно». Эта вышина стѣны ограды около Тайничной башни была, по имѣющимся указаніямъ, отъ $5\frac{1}{4}$ — $5\frac{1}{2}$ сажень ¹⁾, слѣдов. менѣе того-же не могла быть и самая башня ²⁾, но возможно, что послѣдняя равнялась аналогичной съ нею башнѣ Роскатной, т. е. имѣла въ вышину до 6 саж., не считая еще зубцовъ, ее вѣнчавшихъ.

Какъ бы то ни было, но и при вышинѣ въ 6 сажень командованіе башни надъ дворомъ равнялось едва 3 саженьямъ, а такъ какъ входъ въ тайникъ находился почти на уровнѣ двора, то надъ этимъ входомъ едва-ли могло оставаться еще мѣсто для двухъ закрытыхъ ярусовъ, почему башню слѣдуетъ возстановить какъ одноэтажную.

По свѣдѣніямъ 1665—1667 года размѣры ся-же по фасаду и въ глубину были одинаковы — «въ длину и поперегъ по 5 сажень», въ 1655-же длина показана $5\frac{1}{2}$, а въ 1676-мъ—«ширина» 6 сажень; послѣднія двѣ цифры обозначаютъ, слѣдовательно, въ соотвѣтственные имъ годы и глубину башни. Ихъ-же надобно признать и за болѣе вѣроятныя, т. е. что поперечникъ башни во всѣ стороны былъ отъ $5\frac{1}{2}$ —6 саж., такъ какъ иначе изъ расчета длины всего гайника съ колодезю получается, что при поперечникѣ въ 5 сажень толщина наружной стѣны, ограждавшей колодезь со стороны Волхова, была-бы всего около одного аршина ³⁾.

Мѣстоположеніе башни опредѣляется совершенно точно, на основаніи найденныхъ, уже слѣдовъ ея основанія съ южной стороны колодца, причемъ

¹⁾ Кромѣ свѣдѣній 1665—67 г., опредѣляющихъ ту-же вышину всего въ $3\frac{1}{2}$ сажени,—цифра болѣе чѣмъ сомнительная.

²⁾ Такъ напр. въ свѣдѣніяхъ 1676 г. говорится, что по сломкѣ башни оставшееся пустое мѣсто было заполнено деревянною стѣною, вышиною въ $5\frac{1}{2}$ сажень.

³⁾ Наружный (западный) край упоминавшейся выше перемычки (см. описаніе раскопокъ на восточномъ фасѣ) видимо находится у начала бывшей здѣсь башенной стѣны, гдѣ къ послѣдней примыкала входная въ тайникъ «полатка», и представляетъ начало свода, покрывавшаго ниже всю лѣстницу, такъ какъ у этого края ясно оканчивается и пята свода. Разстояніе отсюда (т. е. отъ тыла башни) до начала колодца, составляетъ немного менѣе 12 аршинъ по горизонту (4,1 саж. измѣряя по наклону спуска), прибавляя къ чему ширину колодца (т. е. 2 арш.) получается всего до 14 аршинъ; отсюда изъ 5 сажень остается для стѣнки лишь около 1 аршина. При поперечникѣ же башни $5\frac{1}{2}$ —6 саж., таковая получается отъ $2\frac{1}{2}$ —4 арш., что конечно болѣе вѣроятно.

изъ современныхъ документовъ извѣстно, что она имѣла закругленную форму. Опись 1655 года упоминаетъ еще о «толщинѣ» башни, которая равнялась 2 сажнямъ, что должно понимать какъ указаніе на величину выступа самой башни изъ прилегавшихъ стѣнъ ограды, а такъ какъ послѣднія имѣли здѣсь около 1½ саж., то слѣдовательно тылъ башни представлялъ также выступъ и съ внутренней стороны ограды, т. е. не совпадалъ съ линіей смежныхъ стѣнъ ея.

Башня, какъ уже сказано, имѣла (кромѣ тайника), по всей вѣроятности, еще одинъ закрытый этажъ, расположенный на уровнѣ, или немного выше, внутренняго двора городища, и, безъ сомнѣнія, приспособленный для обороны изъ устроенныхъ въ немъ амбразуръ, число которыхъ должно было быть не менѣе трехъ (во всѣ три стороны), верхъ же самой башни вѣнчался, подобно сосѣдней Роскатной, зубцами въ сажень вышиною, окружавшими роскатъ, или площадку на ея вершинѣ и, такимъ образомъ, получалась двухъярусная оборона. Что касается входовъ въ башню, то таковыхъ, по всей вѣроятности, было два: одинъ сквозъ пристроенную къ тылу ея каменную полатку велъ въ тайникъ съ колодцемъ, другой же, какъ и во всѣхъ прочихъ башняхъ городища, долженъ былъ со двора послѣдняго вести прямо въ закрытый второй этажъ (верхній) и слѣдовательно могъ быть расположенъ надъ упомянутой полаткой, въ связи съ чѣмъ, быть можетъ находилось и самое устройство послѣдней. Что-же касается входа на самый роскатъ, или на вершину башни, то возможно, что онъ былъ прямо съ прилегавшихъ смежныхъ участковъ стѣнъ ограды, подобно тому, какъ и на слѣдующей башнѣ, юго-восточной («Большомъ роскатѣ»), могла также существовать и внутренняя каменная лѣстница.

Остается замѣтить еще о той-же полаткѣ, что она по свѣдѣніямъ 1655 г. имѣла въ вышину 1½ сажени, была покрыта тесомъ и дерномъ и что на ней еще были помѣщены деревянные тарасы, назначеніе которыхъ въ данномъ случаѣ остается совершенно неяснымъ; кромѣ того, полатка была углублена въ грунтъ городища и ступенчатый спускъ въ нее былъ не съ тыла, а съ боку, что представляетъ нѣкоторыя особенности, быть можетъ, обусловливавшіяся частью указаннымъ расположеніемъ входа въ средній этажъ башни, частью же, вѣроятно, необходимостью сохранить извѣстный опредѣленный уклонъ спуска (лѣстницы) къ колодцу въ башнѣ, для выгрыша помѣщенія внутри послѣдней въ вышину и облегченія выноса воды, въ виду чего выходной пролетъ тайника оказывался отчасти ниже уровня двора городища.

Наконецъ можно прибавить, что верхъ башни, вѣроятно, былъ покрытъ конической деревянной крышей, какъ о томъ можно заключать изъ имѣю-

щихся свѣдѣній ¹⁾, и что самая башня существовала до 1672 г., въ которомъ ее пришлось разобрать почти до основанія, такъ какъ она стала угрожать неминуемому паденіемъ. Относительно приктавшихъ къ башнѣ съ сѣвера и юга крѣпостныхъ стѣнъ извѣстно, что южный участокъ не существовалъ уже въ 1655 г. и былъ замѣненъ деревянными срубамъ, сѣверный же хотя, въ то время и былъ уже близокъ къ окончательному разрушенію, но еще держался и, повидимому, развалился около 1685 года, по крайней мѣрѣ въ 1665—1667 еще приводятся размѣры толщины находившейся здѣсь стѣны и существовали (вѣроятно остатки) зубцы на ней; въ 1692 году, впрочемъ, показана уже исчезнувшіе не только стѣна, но и замѣнявшіе ее деревянные тарасы. Немногія данныя, сохранившіяся объ этомъ сѣверномъ участкѣ, позволяютъ составить понятіе и объ южномъ, о которомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, такъ какъ конструкція обоихъ, вѣроятно, была довольно схожею.

Не останавливаясь особо на разницѣ въ показаніяхъ документовъ, относительно общей длины обоихъ участковъ ²⁾, какъ обстоятельствъ второстепенномъ, въ виду существованія остатковъ двухъ башенъ, ограничивающихъ весь восточный фась ³⁾ и слѣдов. точно опредѣляющихъ его протяженіе, необходимо обратить вниманіе на упоминаніе тѣми-же документами — въ одномъ случаѣ «боевъ подошвенныхъ» (опись 1665—1667 г.), въ другомъ — «боевъ верхнихъ» (опись 1685 г. и др.), изъ чего можетъ какъ будто слѣдовать, что стѣна имѣла два ряда амбразуръ ⁴⁾. Но придерживаться буквального смысла этихъ выраженій было-бы ошибочно, такъ какъ настоящее ихъ значеніе затемнено условностью употребленія обоихъ названій; въ одномъ случаѣ бой (амбразуры) называются подошвенными, очевидно, по отношенію ихъ къ внутренней сторонѣ стѣны, или къ уровню двора городища, на горизонтѣ котораго они находились и, слѣдовательно изнутри крѣпости они казались лежащими у подошвы возвышавшейся надъ дворомъ стѣны ⁵⁾, когда послѣдняя была еще сравнительно въ цѣлости (1665—1667 г.); въ другомъ случаѣ они-же называются верхними, очевидно по

¹⁾ На рисунокъ у Олеарія башня изображена безъ крыши, но какъ уже замѣчено, рисунокъ тотъ не во всемъ вѣренъ и носитъ болѣе характеръ схематическій.

²⁾ Такъ, по свѣдѣніямъ 1665—1667 г. общая длина обоихъ показана $18+29=47$ сажень. по другимъ же $23\frac{1}{2}+38\frac{1}{2}=62$ сажени; принимая, что въ послѣднюю цифру входитъ и протяженіе разобранной въ 1672 г. Тайничной башни (т. е. 6 саж.), выходитъ все-таки разность въ показаніяхъ документовъ на 9 сажень!

³⁾ Т. е. Стрѣлочной и юго-восточной Роскатной.

⁴⁾ Принимать здѣсь за «верхній бой» зубцы, вѣнчавшіе стѣну, нельзя, по общему смыслу относящихся сюда документальныхъ извѣстій, ибо при разрушеніи стѣны зубцы конечно должны были обвалиться первыми, а не только лишь засориваться и засыпаться землею.

⁵⁾ Какъ можно видѣть и пониѣ на западномъ фасѣ.

положенію своему съ лицевой стороны стѣны (со стороны Волхова), спускался здѣсь гораздо ниже горизонта двора и слѣдовательно извнѣ крѣпости находились лежащими высоко въ стѣнѣ, тѣмъ болѣе, что верхняя часть послѣдней въ то время потерпѣла уже сильное разрушеніе (1685 — 1692 г.). Не могло быть двухъ ярусовъ амбразуръ и въ силу самыхъ размѣровъ стѣны въ вышину, которая (см. ниже) опредѣляется въ $5\frac{1}{2}$ сажень¹⁾; не найдено никакихъ слѣдовъ нижнихъ амбразуръ и при изслѣдованіи восточнаго фаса; наконецъ, не существовало двухъ ярусовъ тѣхъ-же амбразуръ и на фасѣ западной, тѣмъ сравнительно болѣе доступномъ для непріятеля, хотя и тамъ упоминаются также «бѣны нижніе».

Такимъ образомъ, указанное несогласіе документовъ находитъ себѣ достаточное объясненіе.

Вышина стѣны отъ рѣки, во всѣхъ свѣдѣніяхъ показана $5\frac{1}{4}$ — $5\frac{1}{2}$ саж.²⁾, кромѣ описи 1665 — 1667 г., которая даетъ ей всего $3\frac{1}{2}$ сажени, т. е. цифру не вѣроятную, по сравненію съ превышеніемъ самого берега, или уровнемъ внутренняго двора городища, почему должна быть принята первая; она будетъ согласоваться и съ указаніями 1676 г., передающими, что оставшееся въ серединѣ восточнаго фаса пустое мѣсто (послѣ сломки Тайничной башни) было забрано деревянною стѣною въ вышину на тѣ-же $5\frac{1}{2}$ сажени.

Толщина стѣны показывается документами около $4\frac{1}{2}$ аршинъ, слѣдовательно, значительно менѣе, чѣмъ на западномъ фасѣ (что впрочемъ можетъ объясняться ея болѣею обеспеченностью со стороны Волхова), къ низу же, т. е. къ самой подошвѣ городища, стѣна нигдѣ не сломана, представляя собой каменную, утоняющуюся къ низу облицовку береговаго обрыва городища, опирающуюся на небольшой фундаментъ. Поверхность стѣны была покрыта плитами, гребень же вѣнчался рядомъ каменныхъ зубцовъ (толщиною и вышиною въ сажень) и въ массивѣ ея (на уровнѣ горизонта внутренняго двора городища, были прорѣзаны нѣсколько амбразуръ, съ входами изъ крѣпостнаго двора. Число амбразуръ на южномъ участкѣ не извѣстно, но, по аналогіи со стѣною западнаго фаса, ихъ вѣроятно и здѣсь было три; что касается сѣвернаго участка, то раскопками открыто здѣсь двойное число амбразуръ, т. е. шесть, быть можетъ, въ видахъ усиленія обороны входа въ устье р. Ладожки. Начертаніе самой

¹⁾ По меньшей мѣрѣ 3 сажени приходится на нижнюю часть (ниже горизонта двора городища), самая конструкція которой (см. стр. 186) исключаетъ возможность устройства амбразуръ; затѣмъ изъ остающейся вышины должны были занимать 2 сажени зубцы и существовавшій рядъ амбразуръ, почему для второй линіи послѣднихъ мѣста уже не достаетъ.

²⁾ Считая таковую съ зубцами, согласно свѣдѣніямъ 1655, 1677 и 1685 годовъ.

стѣны (въ концѣ, примыкавшемъ къ сѣверной, Стрѣлочной башнѣ) представляло нѣкоторую кривизну, или небольшое закругленіе, симметричное съ таковымъ-же на сѣверной оконечности западнаго фаса и соотвѣтственно конфигураціи самаго мыса; наконецъ стѣна была покрыта по верху кровлею, имѣла двухъярусную фронтальную оборону (изъ амбразуръ и изъ-за зубцовъ) и могла фланкироваться изъ Тайничной башни.

Все сказанное примѣняется и къ участку южному, но послѣдній долженъ былъ имѣть начертаніе полигональное (прямолинейное), подобно тому, какъ то-же видно и на западномъ фасѣ.

Роскатная башня.

Табл. I.

Юго-восточный уголъ городища, находящійся непосредственно у Волхова, занятъ четвертой башней, составлявшей другую оконечность восточнаго фаса крѣпости (табл. IV), причемъ подонива башни лежитъ у самой воды.

а) Современное состояніе (1884 г.).

Современное состояніе башни снаружи довольно характерно, по неравно-мѣрности ея разрушенія, такъ какъ послѣднее, въ силу какихъ-то особыхъ условій, мало коснулось ея лицевой поверхности, на восточной (обращенной къ рѣкѣ) сторонѣ. Такимъ образомъ, башня, хотя уже лишилась своей верхней части, но тѣмъ не менѣе значительно сохранила свою внѣшность, тогда какъ напр. описанная выше Стрѣлочная, а равно и нижеслѣдующая (юго-западная) представляютъ лишь обнаженный, утратившій первоначальную форму остовъ, или оголенную внутреннюю кладку.

Съ внѣшней стороны (восточной) остатки башни представляютъ и понынѣ прѣ-
Табл. XVI и XVII. вильное цилиндрическое сооруженіе (табл. XVI и XVII), около 5 саж. вышиною, имѣющее два яруса и почти до самаго верха сохранившее свою наружную облицовку; южная сторона пострадала болѣе, значительная же часть сѣверной маскируется прилегающей осыпью бывшей стѣны восточнаго фаса ограды. На поверхности башни видны въ верхней ея части отверстія трехъ, а въ нижней—двухъ бойницъ, обращенныхъ въ разныя стороны и частью сохранившихся еще въ сравнительной цѣлости (кромѣ верхней южной), причемъ за отверстіями бойницъ нижняго яруса можно разсмотрѣть сводчатые камеры, сплошь заплывшія изнутри землей и камнями. Однако и на той-же лучше сохранившейся (восточной) сторонѣ ясно видны нѣсколькихъ вертикальныхъ, разной величины трещинъ, и въ числѣ ихъ три длинныхъ (до верхнихъ амбразуръ), изъ которыхъ средняя (надъ нижней восточной амбразурой) наиболѣе замѣтна.

Табл. XVIII.

Со стороны крѣпостнаго двора (табл. XVIII) стѣны башни открыты только въ сѣверной части, гдѣ онѣ имѣютъ около 2 сажень превышенія надъ поверх-

ностью крѣпостнаго двора, остальная же часть тыла постройки маскируется осыпью и валомъ южнаго фасада городища. Черезъ ту-же осыпь можно изнутри крѣпости пройти и въ самую башню, которая заполнена землянымъ заваломъ, достигающимъ въ сѣверной сторонѣ до самаго ея прѣдела, а въ остальныхъ линіяхъ до подошвы амбразуръ верхняго яруса; амбразуръ этихъ здѣсь три, но южная находится уже въ полномъ разрушеніи, представляя лишь незначительные остатки въ видѣ неправильнаго полукруглаго проема, съ свѣш державшемся надъ нимъ перемычкой бывшаго свода; остальные двѣ амбразуры находятся сравнительно въ цѣлости и съ внѣшней стороны замкнуты выведенными въ нихъ поперечными каменными стѣнками съ бойницами. На западъ отъ южной амбразуры, почти съ нею рядомъ, видно темное четырехугольное отверстіе, наполовину заплывшее землей и щебнемъ и углубляющееся косвенно внизъ въ массивъ стѣны. Что касается гребня башни, то по немъ можно пройти лишь тамъ, гдѣ прилегаютъ земляныя осыпи (вообще лишь по сторонѣ обращенной внутрь городища), въ прочихъ же мѣстахъ, по причинѣ сильнаго и неравномѣрнаго разрушенія, гребень уже недоступенъ.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ), можно замѣтить, что съ того времени наружный видъ башни измѣнился мало, на планѣ же верхняго этажа показаны три амбразуры съ бойницами, входъ въ башню со двора городища и внутренняя (въ стѣнѣ башни) ведущая внизъ лѣстница, намѣченная, впрочемъ, видимо лишь схематически ¹⁾.

Изъ древнихъ источниковъ видно, что башня носила въ 1628 г. названіе *Большого роската*, встрѣчающееся и въ 1655-мъ: позже она именуется *Роскатной башней*, что, какъ будетъ показано ниже, имѣетъ свои причины. Въ документахъ того времени значится:

Опись 1628 г. ²⁾:

«На болшомъ роскатѣ пицаль полоторная.... На той-же башни другая пицаль полоторная-жъ....».

Опись 1655 г. ³⁾:

«Башня каменная роскатная ⁴⁾ наугольная круглая, подлѣ рѣки Волхова, межъ городовъ каменного и земляного; вышина башни вверхъ подшвы до зубцовъ 6 сажень, въ длину и поперегъ по 8 сажень, толщина стѣны 2 сажени. А на верху тое Роскатной башни нынѣ вмѣсто

¹⁾ Напр. повороты ея показаны совершенно невѣрно, конечно вслѣдствіе того, что башни и лѣстница въ то время были завалены.

²⁾ Прилож. VIII.

³⁾ Прилож. IX.

⁴⁾ Ранѣе въ той-же описи она дважды названа «Большимъ каменнымъ роскатомъ».

субловъ стоять деревянныя тарасы и тѣ тарасы огнили и развалились безъ остатку; вверху тѣ тарасы въ сажени а стоять та Роскатная башня безъ кровли и отъ мокроты сыплется и валится врозно».

Опись 1665—1667 г. ¹⁾:

«Башня глухая каменная Роскатная круглая, вышиною въ полшесты сажени, вдоль и поперегъ во всѣ стороны по полдевяти сажени; толщина съ окнами въ верхнемъ бою въ 2 сажени, въ среднемъ бою въ 3 сажени, въ нижнемъ бою 4 сажени; а стоитъ та башня безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу отъ мокроты съ обоихъ сторонъ осыпалась на сажень по верхній бой».

Отъ тое Роскатной башни до Климентовской башни... земляной валъ съ Роскатною башнею наравно».

Опись 1676 г. ²⁾:

Башня... надъ рѣкою Волховомъ, въ ширину 8 сажень съ полусаженью, въ вышину 6 сажень безъ полуаршина; и та башня сверху сыплется».

Опись 1685 г. ³⁾:

«...И та башня отъ мокроты сверху до подошвы камень сыплется и валится врозно».

Опись 1692 г. ⁴⁾:

«...Мѣрю вверхъ отъ подошвы 6 сажень, поперегъ въ ширину 8 сажень безъ полуаршина; на башнѣ кровли и мостовъ нѣтъ и та башня отъ мокроты сыплется вся врозно».

Примѣчанія: 1. Размѣры толщины стѣнъ башни, по свѣдѣніямъ 1665—1667 г., не соответствуютъ нѣмъ на сохранившихся частяхъ башни.

2. Свѣдѣтельства 1685 — 1692 г. о степени разрушенія башни не согласуются съ степенью ее разрушенности даже по настоящее время и могутъ указывать вообще на извѣстную шаблонность самихъ редакцій описей.

в) Факты, обнаруженные раскопками.

Къ изслѣдованію башни было приступлено съ внутренней ея стороны, что представляло работу весьма трудную, такъ какъ для удаленія завала и каменье въ можно было воспользоваться только одной южной амбразурой (уже полуразрушенной) верхняго этажа, причемъ нѣкоторые изъ обвалившихся камней оказывались такъ велики, что освободиться отъ нихъ можно было только разбиваніемъ ихъ на части спеціально призванными для того каменщиками.

По снимкѣ верхнихъ слоевъ завала не замедлило оказаться, что въ западной сторонѣ башни долженъ существовать сохранившимся выходъ внутрь городища (наравнѣ съ горизонтомъ двора послѣдняго), но совершенно замаскированный валообразной осыпью, черезъ которую также переходила протоитанная тропинка: въ этой осыпи (внутри башни) обнаружилась еще уцѣлѣвшая перемычка свода, а затѣмъ по раскопкѣ былъ открытъ и весь выходъ, прорѣзывавшій стѣну башни на СЗ. и вымощенный булыгами, причемъ у надворныхъ угловъ его

¹⁾ Прилож. XII.

²⁾ Прилож. XIII.

³⁾ Прилож. XIV.

⁴⁾ Тамъ-же.

Рис. 18. Башня Роскатская (С. 100).

сохранились два желѣзныхъ крюка или устоя, для навѣски воротъ, запиравшихъ башню. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что въ верхнемъ этажѣ послѣдней находились три полукруглыхъ сводчатыхъ амбразуры (соотвѣтственно виднѣвшимся снаружи бойницамъ), изъ которыхъ двѣ сохранились очень хорошо ¹⁾, а отъ третьей (южной) уцѣлѣли только остатки. Обѣ упомянутыхъ амбразуры устроены исключительно изъ плиты и вымощены булыгами. Что касается состоянія стѣнъ башни, то поверхность ея представляетъ почти вездѣ уже обнаруженные камни внутренней кладки, кое гдѣ прикрытые растительностью, такъ что напр. въ ЮВ. сторонѣ видны задѣланные въ кладку продольныя бревна.

¹⁾ Приводимъ здѣсь нѣкоторыя конструктивныя подробности, въ виду хорошей сохранности самихъ бойницъ.

Сѣверная: Вышина тыловаго отверстія 1 ар. 6 вер., ширина $1\frac{1}{2}$ ар.; наклонъ внутреннихъ щекъ разный (лѣвая почти перпендикулярна къ поперечной стѣнѣ амбразуры, правая же сильно скошена, причемъ длина первой $1\frac{1}{4}$ ар., длина второй 1 ар. 13 вер.). Вышина наружнаго отверстія равна тыловой, ширина же 1 ар. $9\frac{1}{2}$ вер.; наклонъ наружныхъ щекъ также разный (лѣвая направлена вдоль восточнаго фаса городища, правая—на Волховъ, причемъ длина первой 2 ар. 3 вер., второй— $1\frac{3}{4}$ ар.). Ширина среднего пролета бойницы 6 вер., вышина же 1 ар. $1\frac{1}{2}$ вер. (пролетъ въ верхней своей части перекрытъ еще плитой, что дѣлаетъ его ниже общей вышины бойницы). Наконецъ длина директрисы 3 ар. $5\frac{1}{2}$ вер. Вся облицовка бойницы изъ плитъ.

Восточная: Вышина тыловаго отверстія 1 ар. $8\frac{1}{2}$ вер., ширина 1 ар. $7\frac{1}{4}$ вер.; длина щекъ 1 ар. 7 вер. Вышина наружнаго отверстія равна тыловой, ширина же 1 ар. $7\frac{1}{2}$ вер.; длина щекъ 1 ар. 14 вер. Наклонъ щекъ наружныхъ и внутреннихъ одинаковый. Ширина среднего пролета $6\frac{1}{2}$ вер., вышина 1 ар. 1 вер. (пролетъ также перекрытъ плитой, какъ и въ сѣверной). Длина директрисы 3 ар. 2 вер.; вышина стула бойницы 1 ар. Облицовка вся изъ плитъ.

Рис. 19. Восточная амбразура верхняго этажа.

Одновременно съ тѣмъ-же шло и разслѣдованіе таинственнаго отверстія рядомъ съ южной амбразурой, очевидно представлявшаго начало узкой, спускавшейся куда-то внизъ лѣстницы, такъ какъ на верху оказались заплывшія мусоромъ каменные ступени. Это была та самая лѣстница, существованіе которой служило одной изъ причинъ для пресловутыхъ мѣстныхъ легендъ о таинственныхъ подземельяхъ «Рюриковой крѣпости» и по которой было совершено уже описанное нисхожденіе А. Башуцкаго въ мнимые тайники Староладожской крѣпости (см. стр. 136). Для воображенія здѣсь дѣйствительно пиши было довольно, ибо даже и при настоящихъ раскопкахъ получалась обстановка съ

романическимъ колоритомъ: глазамъ представлялся вѣявшій мракомъ и сыростью ступенчатый спускъ, въ которомъ едва можно было повернуться одному человеку, вынужденному работать на колѣняхъ, при тускломъ свѣтѣ масляной лампочки; едва освѣщаемыя, покрытыя вѣковой плѣсенью стѣны, съ нависшимъ сводчатымъ потолкомъ, уходили куда-то внизъ, куда уже не проникалъ лучъ дневнаго свѣта, неизвѣстность ожиданія и проч., все это невольно производило особое впечатлѣніе и настраивало воображеніе....; но скоро вся таинственность назначенія спуска не замедлила разсѣяться. По очисткѣ перваго марша лѣстницы, имѣвшаго направленіе прямо въ глубь стѣны (на югъ), за седьмой ступенькой оказалась площадка, съ которой слѣдующій маршъ повелъ уже на востокъ, а затѣмъ спустившись еще пятью ступенями, лѣстница опять повернула назадъ, по направленію или въ сторону верхняго входа (т. е. на сѣверъ) и здѣсь послѣдній маршъ ся (также въ семь ступеней) уперся внизу уже въ сплошной заваль. Стало яснымъ, что она снова вышла во внутренность башни, и дѣйствительно, отсюда уже можно было слышать гулъ производившихся на верху работъ, когда же была сдѣлана попытка проникнуть далѣе въ заваль, то сверху внезапно произошелъ обвалъ и открылся дневной свѣтъ. Такимъ образомъ,

назначеніе лѣстницы опредѣлилось, какъ сообщеніе средняго этажа башни съ нижнимъ, причемъ никакихъ слѣдовъ дверей, о которыхъ ходило столько разсказовъ среди мѣстныхъ жителей, нигдѣ не оказалось.

Дальнѣйшія раскопки въ башнѣ открыли весьма хорошо сохранившійся нижній этажъ съ одинаковаго плана съ верхнимъ и отличающійся отъ послѣдняго только отсутствіемъ наружнаго сообщенія и нѣсколько инымъ расположеніемъ башенныхъ амбразуръ, причемъ на внутренности башни сохранилась плитная облицовка, а дно было заравнено къ одной сторонѣ кладкой изъ камней на извести, такъ какъ крѣпкій материковый песчаникъ подошвы представлялъ скатъ

Рис. 20. Входъ и выходъ соединительной лѣстницы.

къ руслу Волхова. По очисткѣ всей внутренности башни, въ южной сторонѣ ее открылся выходъ, или нижній пролетъ упоминавшейся лѣстницы, нижній край котораго былъ аршина на полтора выше дна башни, а въ сѣв.-восточн. сторонѣ обнаружилась третья амбразура, устье которой извнѣ маскировалось осыпью и потому не было видно. Благодаря этой осыпи, прикрывавшей низъ сѣверной стороны башенной стѣны, послѣдняя здѣсь снаружи сохранилась почти въ полной неприкосновенности¹⁾; уцѣлѣлъ даже полукруглый каменный карнизъ, опоясывавшій верхъ нѣсколько наклоннаго цоколя башни, которымъ, конечно, была обведена кругомъ вся послѣдняя.

¹⁾ Нѣкоторыя подробности конструкціи бойницъ нижняго этажа слѣдующія.

Сѣверная: Высота тыловаго отверстія $1\frac{1}{2}$ ар., ширина 1 ар. 7 вер.; наклонъ щекъ разный (правая скошена болѣе) и длина ихъ: правой — 1 ар. $7\frac{1}{2}$ вер., лѣвой — 1 ар. 2 вер. Высота наружнаго отверстія—тыловой, ширина-же 1 ар. $8\frac{1}{2}$ вер.; длина правой щеки 1 ар. $11\frac{3}{4}$ вер.; лѣвой — 2 ар. $1\frac{3}{4}$ вер. Ширина средняго пролета бойницы $5\frac{1}{2}$ вер., высота 1 ар. $1\frac{1}{2}$ вер. (пролетъ перекрытъ въ верхней своей части еще камнемъ, что дѣлаетъ его ниже общей вышины бойницы). Длина директрисы 3 ар. $3\frac{1}{2}$ вер. Облицовка бойницы вся изъ плитъ.

Что касается вещественных находокъ, сдѣланныхъ здѣсь во время раскопокъ, то таковыя были крайне скудны. Въ верхнихъ слояхъ завала башни попадались мелкіе фрагменты древнихъ фресокъ, не имѣющихъ впрочемъ отношенія къ самой башнѣ ¹⁾, а глубже (на уровнѣ подошвы верхняго этажа) найдено нѣсколько малозначущихъ предметовъ, какъ-то: скоба, или ручка отъ сундука, родъ длиннаго желѣзнаго шила, сапожная подкова, желѣзная пряжка, родъ большаго костянаго шила, горшечные черепки, ножъ, обломки желѣза и длинная мѣдная трубка неизвѣстнаго назначенія; при раскопкѣ же нижняго этажа найдены: желѣзный крюкъ (повидимому, для подвѣски косяка), два чугуновыхъ ядра и изъ одной изъ амбразуръ — человѣческіе черепъ, очевидно, впрочемъ, брошенный сюда извнѣ башни ²⁾.

Табл. XIX.

При новыхъ поверочныхъ работахъ 1893 г., при снятіи чертежей городища ³⁾, были обнаружены на заплывшемъ осыпью гребнѣ башни остатки, или подошвы четырехъ амбразуръ третьяго этажа (Таб. XIX) и пролетъ, представляющій, быть можетъ, выходъ на прилегающую стѣну восточнаго фаса ограды крѣпости, а внутри самой башни открыты остатки каменной соединительной стѣны, ведшей изъ средняго этажа въ верхній, совершенно скрывавшіеся ранѣе подъ слоемъ затянувшейся ихъ почвы и растительности.

Результаты изслѣдованія Роскатной башни показаны на прилагаемыхъ чертежахъ (табл. XXXVII—XL).

г) *Данныя для реставраціи, почерпнутыя изъ прежнихъ указаній, дополнены къ результатамъ, добытымъ раскопками, и обіи заключительные выводы.*

1. На башнѣ, вѣроятно, существовалъ роскатъ (опись 1628 г.).

Вѣшняя: Сохранилась хуже и пролетъ поврежденъ. Вышина тыловаго отверстія 1 ар. 6¹/₂ вер., ширина 1 ар. 4 вер.; длина правой щеки 1 ар. 3¹/₂ вер., наклонъ щекъ одинаковыи. Ширина наружнаго отверстія 1 ар. 8³/₄ вер., вышина=тыловой. Длина директрисы 2 ар. 5³/₄ вер. Облицовка бойницы вся изъ плита.

Южная бойница значительно уже повреждена.

¹⁾ Они принадлежали стѣнамъ древняго Георгіевскаго собора, находящагося здѣсь рядомъ, внутри городища, и представили собою новое печальное воспоминаніе о судьбѣ, постигшей эту драгоценную живопись XII—XIII вѣка; какъ извѣстно, Георгіевскія фрески значительной частью были когда-то варварски отбиты отъ стѣнъ и въ качествѣ мусора свалены въ стоявшую рядомъ съ соборомъ Роскатную башню, откуда были растасканы мѣстными жителями. Покойный В. А. Прохоровъ безуспѣшно старался составить что либо цѣлое изъ обломковъ этой росписной штукатурки, еще существовавшихъ въ его время.

²⁾ Кромѣ того, при раскопкѣ наружной осыпи у сѣверной стороны башни, были также сдѣланы крайне разновременныя находки: каменное орудіе и головка обдѣланнаго бедра (б. м. человѣческаго) — представители культуры доисторическаго періода, а вмѣстѣ съ тѣмъ найдены и предметы позднѣйшихъ временъ: бѣловатая буса, пряжка, три желѣзныхъ кольца, сапожная подкова и довольно большой желѣзный ключъ.

³⁾ См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ особомъ приложеніи.

2. Башня была съ зубцами (оп. 1655 г.).
3. Башня имѣла четырехъярусную оборону, т.-е. три закрытыхъ этажа и роскатъ.
4. На башнѣ была кровля; этажи раздѣлялись деревянными мостами (опись 1655 и 1692 г.).

Названія всѣхъ башенъ Староладожскаго городища, какъ можно было уже замѣтить выше, не носятъ характера случайныхъ, а вытекали изъ тѣхъ или другихъ условій, присущихъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, напр., въ зависимости или отъ мѣстоположенія, или отъ назначенія, или наконецъ отъ извѣстныхъ конструктивныхъ особенностей, въ виду чего и наименованіе описываемой башни «Роскатною» также должно имѣть свою прямую причину. Отвѣтъ на послѣднее даютъ свѣдѣнія 1628 г., въ которыхъ она называется «Большимъ роскатомъ», т.-е. что на ней, какъ и на описанной уже башнѣ Тайничной, долженъ былъ находиться роскатъ (см. стр. 188), предположеніе же о томъ, что послѣдній могъ быть устроенъ гдѣ нибудь непосредственно на оградѣ крѣпости, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ упоминаемой башней, въ зависимости отъ чего получилось и самое ее названіе, было-бы совершенно произвольнымъ, такъ какъ въ древнихъ описяхъ городища нѣтъ на то ни малѣйшаго указанія, да и тѣ-же описи (напр. 1628 и 1655 г.) отождествляютъ «Большой роскатъ» именно съ башней, употребляя оба наименованія, какъ синонимы. Наконецъ, и самое устройство роската на вершинѣ башни не составляетъ, какъ уже выше замѣчено (см. стр. 189), ничего исключительнаго. Въ данномъ случаѣ роскатъ этотъ былъ окруженъ рядомъ каменныхъ зубцовъ, на существованіе которыхъ указываетъ опись 1655 г. (но уже въ этомъ году замѣненные деревянными тарасами), входъ же на него могъ быть непосредственно со стѣнъ примыкавшей къ башнѣ ограды.

О первоначальной вышинѣ башни показанія документовъ довольно согласны: такъ какъ въ большинствѣ опредѣляютъ ее равною 6 саженимъ, за исключеніемъ свѣдѣній 1665—67 г., по которымъ она была лишь 5½ саж. (очевидно до зубцовъ), причемъ въ описи 1655 г., во время которой верхній этажъ былъ еще въ цѣлости ¹⁾, указывается, что вышина тогда считана именно до зубцовъ, и, слѣдовательно, полный размѣръ башни составлялъ 7 сажень, каковая цифра должна быть принята за настоящую. Нынѣ отъ башни цѣлы еще два этажа и

¹⁾ Такъ какъ вмѣсто зубцовъ упоминаются еще замѣнявшіе ихъ тарасы.

сохранилась нижняя часть третьяго, занимающая въ вышину до 5 сажень ¹⁾, изъ чего видно, что, по сравненію съ своими первоначальными размѣрами, башня (кромѣ зубцовъ) уменьшилась приблизительно лишь на 1 сажень; нынѣ она почти не превышаетъ гребня вала примыкающаго къ ней южнаго фаса крѣпости (таб. XVIII—XX) и въ такомъ-же соотношеніи къ этому валу она была въ 1665—67 г., слѣдовательно съ тѣхъ поръ вышина башни измѣнилась мало.

Въ общемъ внутреннее устройство послѣдней представляется проще всѣхъ остальныхъ, такъ какъ она имѣла видъ неправильнаго овала, одинаковаго во всѣхъ трехъ этажахъ начертанія; нижній и средній имѣли по три амбразуры, изъ которыхъ сѣверныя (направленныя по теченію Волхова) доставляли восточному фаса крѣпости фланговую двухъ-ярусную оборону, что же касается верхняго этажа, то въ немъ было четыре амбразуры.

Этажи раздѣлялись деревянными мостами и всѣ три сообщались посредствомъ внутренней (въ массивѣ стѣны) лѣстницы, а изъ средняго былъ, кромѣ того, широкій сводчатый выходъ на внутренній крѣпостной дворъ, гдѣ башня закрывалась воротами. Верхъ ея вѣнчался зубцами въ сажень вышиною и на немъ находился роскатъ, вѣроятно покрытый деревянной конической крышей. Что касается наружнаго вида башни, то она была круглою или цилиндрическою, имѣла близъ подошвы низкій наклонный поколь, обведенный каменнымъ карнизомъ и вся была облицована плитою.

Южный фась.

Южный фась городища, на одномъ концѣ котораго расположена вышеописанная Роскатная башня, а на другомъ — Климентовская, имѣетъ направленіе перпендикулярное къ Волхову, или съ Востока на Западъ (таб. IV).

Табл. IV.

а) Современное состояніе (1884 г.).

Табл. XX.

Смотря на фась извнѣ крѣпости (съ южной стороны), онъ представляется громаднымъ крутымъ валомъ, около 5 саж. отвѣсной вышины, причемъ гребень его находится почти на одномъ уровнѣ съ верхушками упомянутыхъ выше башенъ (табл. XX), но въ сущности скатъ этотъ въ значительной своей части есть лишь отлогость лощины или балки, перерѣзывающей мысъ, на которомъ стоитъ городище, такъ какъ лишь верхняя часть (около трети) всего ската составляетъ искусственный, до 6 арш. вышиною, земляной валъ, вѣнчающій верхній край балки и составляетъ съ послѣднимъ снаружи одну общую, зарос-

¹⁾ По произведенному измѣренію, нынѣ превышеніе гребня Роскатной башни на восточной ея сторонѣ, надъ низшей точкой, имѣющейся у подошвы ея осыпи (вообще незначительной) составляетъ 4 саж. $2\frac{3}{4}$ арш.; разрушеніе гребня въ разныхъ точкахъ неодинаково.

шую сплошь дерномъ отлогость, причемъ на гребнѣ того-же вала замѣтно въ разныхъ мѣстахъ присутствіе въ насыпи плитъ и камней. Южнѣе, за ложбиной, снова идетъ возвышенное плато, на которомъ еще въ XVII столѣтіи существовала деревянная крѣпость, такъ называвшійся «Деревянный городъ», подошва же ложбины представляетъ слегка покатый спускъ, упирающійся въ Волховъ у основанія Роскатной башни.

Вся эта ложбина, или спускъ, извѣстна мѣстнымъ старожиламъ подъ названіемъ «тайника». Но названіе это хотя и есть отголосокъ давнихъ временъ, но отчетливо сохраненный народной памятью, тѣмъ не менѣе для объясненія его нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ предположеніямъ о нахожденіи здѣсь какихъ-либо скрытыхъ подземныхъ ходовъ или помѣщеній, къ чему такъ склонна мѣстная молва¹⁾; происхожденіе этого названія очевидно основывается на существованіи въ сосѣдней юго-западной (Климентовской) башнѣ небольшого секретнаго выхода наружу, единственнаго во всемъ городищѣ, кромѣ главныхъ проѣздныхъ воротъ въ башнѣ Воротной. Въ описи 1698 г. этотъ выходъ прямо названъ «проходнымъ тайникомъ» и, такимъ образомъ подобное названіе перешло на всю прилегающую ложбину, утративъ свое первоначальное значеніе, нынѣ никому уже неизвѣстное. Но за то послужившее поводомъ къ появленію

¹⁾ Для образчика передадимъ хотя слѣдующее:

Еще въ 60-хъ годахъ, при первомъ нашемъ посѣщеніи Старой Ладogi, довелось слышать, что нѣсколько лѣтъ ранѣе однимъ изъ крестьянъ въ районѣ «тайника» былъ обнаруженъ въ землѣ сводъ, при устройствѣ здѣсь известково-обжигательной печи, причемъ сводъ этотъ былъ рабочими проломанъ и подъ нимъ оказалась глубокая пуста (по другой версіи подъ сводомъ были даже найдены какія-то кости); о находкѣ дали знать мѣстному священнику, который, долго думая, запретилъ тревожить кости и велѣлъ снова все засыпать. Случай этотъ могъ имѣть мѣсто въ 1844 г., когда по имѣющимся письменнымъ указаніямъ дѣйствительно велась переписка съ мѣстнымъ благочиннымъ, по поводу произвольнаго устройства гдѣ-то за крѣпостнымъ валомъ (въ 20 саж. отъ Георгіевской церкви) подобной печи, причемъ въ 1845 г. священникъ упомянутой церкви Федоровъ доносилъ, что печь уже скрыта и мѣсто, гдѣ она стояла заровнено; изъ переписки-же видно, что печей этихъ было устроено три, вблизи другъ отъ друга, и что мѣсто ихъ расположенія находилось именно за южнымъ фасомъ городища (т. е. въ описанной уже ложбинѣ). Позже намъ лично удалось видѣть одного изъ крестьянъ, устраивавшихъ сказанныя печи и якобы видѣвшихъ открытый сводъ, но старикъ (по фамиліи Уткинъ) оказался уже совершенно глухимъ и толкомъ добиться отъ него чего-либо было нельзя; тѣмъ не менѣе, для провѣрки его смутныхъ показаній, была произведена повѣрочная раскопка, посредствомъ длинной траншеи, но подозрительнаго не обнаружено ничего. Еще позже (въ 1884 г.), во время изслѣдованія городища, на работы прибрелъ столѣтній старецъ, мѣстный житель Ремневъ (нынѣ уже умершій) и объявилъ, что ему «нѣтъ смерти, пока онъ не укажетъ мѣста гдѣ копать» (по поводу тѣхъ-же печей и свода). точно указать, однако, и онъ не могъ, а лишь приблизительно опредѣлялъ мѣсто—противъ Георгіевской церкви, у южнаго ската ложбины, близъ Волхова. Произведенныя здѣсь раскопки обнаружили только дѣйствительно слѣды бывшей печи (остатки плитъ, изъ которыхъ она была сложена), болѣе же, конечно, ничего.

цѣлаго ряда неосновательныхъ розсказней, которыя можно услышать и въ настоящее время ¹⁾).

Наконецъ на южномъ фасѣ глазамъ представляются еще остатки двухъ перпендикулярныхъ къ нему валовъ, расположенныхъ по его оконечностямъ. Одинъ изъ нихъ (восточный) находился близъ берега Волхова, именно у западной стороны Роскатной башни, но отъ него сохранилась лишь небольшая часть (въѣрнѣе даже остались только слѣды его, въ видѣ выступа, выдающагося изъ общей отлогости южнаго фаса), что же касается другаго (западнаго), то таковой видѣется нѣскольکو на его-западъ, на протяженіи около 12 сажень, и представляя насыпь (вышиною отъ 1½—2 саж.), упирающуюся въ стоящую здѣсь Климентовскую, башню проходитъ такимъ образомъ поперекъ всей вышеупомянутой лощины, преграждая доступъ въ послѣднюю.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Въ дополненіе къ нынѣшнему состоянію южнаго фаса, изъ древнихъ документовъ почерпаются еще слѣдующія указанія:

Опись 1655 г. ²⁾:

«А около деревяннаго города, отъ рѣки Волхова до рѣчки Ладожки ровъ, а около того рову надолобъ и честику нѣтъ и ровъ во многихъ мѣстѣхъ осыпался.

Отъ большого каменнаго роскату къ рѣкѣ Ладожкѣ до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменнаго и деревяннаго по валу деревянной стѣны прясло въ длину 19 сажень съ четью сажени, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и впредь непрочна; а прежь сего то прясло было каменное и обрушилось безъ остатку до подшвы».

Опись 1665—1667 г. ³⁾:

Отъ тое Роскатной башни, до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменнаго и деревяннаго земляной валъ съ Роскатной башней наравно, вышиной полушестыхъ сажень, а къ тому валу прясло городовые деревянные рубленные стѣны стоитъ безъ кровли и огнило, въ длину 18 сажень.

«А промежъ каменнаго и деревяннаго городовъ.... (пропускъ: ровъ) въ глубину двѣ сажени и та ровъ оплыла во многихъ мѣстѣхъ».

Трудно удивляться упорности или живучести разныхъ басенъ среди темнаго люда, если даже въ послѣднее время одинъ изъ интеллигентныхъ обозрѣвателей городища, усмотрѣвъ въ той-же лощинѣ (приблизительно близъ упомянутой уже ранѣе печи) нѣсколько торчавшихъ изъ земли камней, не усомнился письменно заявить въ одномъ изъ ученыхъ обществъ, что онъ открылъ—«едва замѣтные но драгоцѣнные слѣды каменной кладки, по расчисткѣ которыхъ вполне увѣренъ, что обнаружится сводъ!» Къ сожалѣнію и здѣсь остается повторить то-же, что и выше, т. е. что вызвавшіе такую наивную увѣренность «драгоцѣнные слѣды кладки», были просто валявшіяся плиты (въѣр. отъ подобной-же печи), подъ которыми не оказалось рѣшительно ничего, что-бы могло хотя немного оправдать столь поспѣшное заключеніе автора упоминаемаго сообщенія.

¹⁾ См. Прилож. IX.

²⁾ См. Прилож. XII.

Опись 1676 г. ¹⁾

«...И по тому валу бывала каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ тарасы все огнили и валятся врознь; а въ длину то прясло 19 сажень съ полусаженью».

Опись 1692 г. ²⁾:

«...И тѣ тарасы все сгнили и развалились безъ остатку».

Въ прочихъ документахъ повторяются указанія 1676 г. и новаго болѣе нѣтъ.

Примѣчаніе. Упоминаніе о рѣѣ между каменнымъ и деревяннымъ городомъ встречается только въ описи 1665—1667 г., во всехъ-же прочихъ описяхъ упоминается только о каменномъ городѣ (т. е. крѣпости каменной, лежащей рядомъ южной).

Что касается остатковъ вышеупомянутыхъ земляныхъ валовъ на оконечностяхъ южнаго фаса, то о нихъ имѣются слѣдующія указанія:

О восточномъ, близъ Волхова.

1665—1667 г.:

«Отъ той Бережной башни (въ Деревянномъ городѣ)... до каменного города до Роскатной каменной башни, подлѣ рѣки Волхова, по земляному валу городовые деревянные рубленые простые стѣны прясло...»

1676 г.:

«И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло подлѣ рѣки Волхова въ длину и съ отводными быки 73 сажени съ полусаженью, въ вышину 2 сажени безъ четверти, въ ширину 1 сажень съ аршиномъ».

1692 г.:

«И отъ тое башни... по земляному-жъ валу городовые стѣны подлѣ рѣки Волхова 73 сажени съ полусаженью, въ вышину стѣна 2 сажени съ аршиномъ».

О западномъ.

1665—1667 г.:

«Отъ каменнаго города отъ Климентовской каменной проходной башни, съ приходу стѣны, по валу деревянные рубленые крытые стѣны съ тарасы, до деревянной Воротней (въ Деревянномъ городѣ) башни 12 сажень».

1676 г.:

«Отъ каменной Климентовской проходной башни до Воротней деревянной башни прясло въ длину 13 сажень; въ вышину полдвѣ сажени, въ ширину сажень съ аршиномъ».

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Работы на южномъ фасѣ, произведенныя, впрочемъ, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, имѣли лишь развѣдочный характеръ, частью для провѣрки и уточненія уже документальныхъ указаній, частью-же вызванныя разными явленіями мѣстныхъ обывателей, о бывшемъ якобы здѣсь въ давнее время случайномъ открытіи подземнаго свода. По поводу послѣдняго обстоятельства, въ лоцинѣ, упомянутой выше при описаніи южнаго фаса, были произведены

¹⁾ См. Прилож. XIII.

²⁾ См. Прилож. XIV.

нѣсколько траншей, но, какъ уже объяснено (см. стр. 203, 204), никакихъ слѣдовъ существованія скрытыхъ подземныхъ сообщеній здѣсь не обнаружено. Затѣмъ, для выясненія конструкціи поперечнаго къ южному фасу вала (западнаго), послѣдній былъ пересѣченъ сквозной траншеею, но при этомъ выяснилось только, что валъ представляетъ лишь простую земляную насыпь, безъ всякихъ дополнительныхъ сооружений (напр. каменной стѣнной кладки или чего либо подобнаго) и, наконецъ, въ одномъ пунктѣ была произведена раскопка внутренней стороны верхняго вала. Финальною отлогость южнаго фаса, причемъ, согласно указаніямъ древнихъ описей городища, въ немъ дѣйствительно обнаружены остатки каменной стѣны, тянувшейся нѣкогда по тому-же валу, между Роскатной и юго-западной Климентовскими банями¹⁾.

1) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ приведенныхъ указаній, дополнены еще и результатами добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Къ восточной оконечности фаса (у Волхова) примыкает каменная стѣна, тянувшаяся черезъ ложину и далѣе вдоль берега.
2. Фасъ вѣнчался каменной стѣной.
3. Вдоль фаса, внизу по ложинѣ, проходила роща.

Несмотря на существенность всѣхъ приведенныхъ выше указаній, въ разрѣшеніи вопроса о первоначальной конструкціи южнаго фаса могутъ возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія, именно въ отношеніи степени древности какъ обоихъ поперечныхъ къ фасу валовъ (нижняго и верхняго), такъ и находящагося вдоль его рва.

Оба упомянутыхъ вала пересѣкали поперекъ лежащую здѣсь ложину: одинъ, внизу, близъ самаго Волхова, другой на верху—у западной оконечности того-же фаса. Мотивы сооруженія ихъ могли имѣть мѣсто какъ въ эпоху болѣе раннюю, такъ и въ болѣе позднюю: они могли имѣть цѣлью не только преградить доступъ непріятелю въ ту-же ложину, но и укрыть послѣднюю отъ его взоровъ. Это прямо вытекаетъ напр. изъ расположенія тиннаго выхода («тинника»), устроеннаго въ сосѣдней юго-западной (Климентовской) бани и прикрываемаго извнѣ однимъ изъ этихъ валовъ, такъ какъ иначе подобный тинникъ, будучи открытымъ снаружи, не соответствовалъ-бы своему назначенію. Но въ то-же время сооруженіе упоминаемыхъ валовъ могло являться целесообразнымъ лишь при условіи, чтобы и противоположная сторона ложины была недоступна для непріятеля.

1) Еще нѣкоторыя подробности повѣрочныхъ работъ 1893 г. для снятія чертежей, см. въ Табл. ХLI. Пояснительной въ послѣднемъ запискѣ В. В. Сулова въ отдѣльномъ приложеніи и на табл. ХLI.

быть чего-то послѣднимъ оставленнымъ открытымъ съ тѣмъ, иначе говоря — чтобы противоположная сторона была занята другимъ укрѣплениемъ и, такимъ образомъ, оба вала связывали-бы съ нимъ каменную крѣпость. Въ XVII вѣкѣ условію этому удовлетворяло расположеніе на упомянутой сторонѣ деревянной крѣпости¹⁾, существованіе которой извѣстно фактически, въ эпоху же построения каменной ту-же роль могло играть земляное городище, которое, по всей вѣроятности, существовало тамъ еще ранѣе. Такимъ образомъ, отъ достовѣрности этого послѣдняго предположенія, можетъ зависѣть въ извѣстной степени и рѣшеніе самого вопроса о времени сооруженія упоминаемыхъ валовъ.

Второй вопросъ—о степени древности рва²⁾, трудно разрѣшить въ полноту его одновременности съ первоначальной постройкой каменной крѣпости, или принадлежности къ ея первоначальной конструкции, такъ какъ устройство его здѣсь едва-ли можетъ имѣть достаточное основаніе. Гораздо вѣроятнѣе видѣть въ немъ лишь продолженіе того-же рва, которымъ былъ дѣйствительно окруженъ сосѣдній «Деревянный городъ» (крѣпость). Во всѣхъ имѣющихся описяхъ, упоминанія про ровъ приурочиваются именно къ описанію этого «Деревяннаго города» и о немъ умалчивается въ городѣ каменномъ; всѣ онѣ повторяютъ одно и то-же—«А около того города (деревяннаго) ровъ и та ровъ осыпалась и заросла» и единственно опись 1665—1667 г. составляетъ исключеніе, повторяя про ровъ дважды, т. е. въ обоихъ случаяхъ; но и она выражается довольно неопредѣленно, говоря одинъ разъ о рвѣ «промежъ каменнаго и деревяннаго городовъ», а другой про ровъ—«около деревяннаго города»³⁾. Изъ этого можно заключить, что составители описей смотрѣли на упоминаемый ровъ вообще какъ на принадлежность именно сосѣдней крѣпости, деревянной, т. е. получается косвенное указаніе на его болѣе позднее происхожденіе.

Существенное свѣдѣніе о немъ-же сообщается въ 1655 году, именно, что ровъ этотъ былъ проведенъ отъ Волхова до р. Ладожки, но и здѣсь также онъ приуроченъ къ Деревянному городу.

Несомнѣнно древнею, хотя и исчезнувшею уже нынѣ частью южнаго фаса, остается существованіе по гребню его каменной стѣны, бытность которой

¹⁾ Ея крайняя въѣздная башня стояла у конца западнаго вала, который такимъ образомъ соединялъ деревянную крѣпость съ каменной; что касается вала восточнаго, то онъ составлялъ непрерывное продолженіе ограды, которою былъ защищенъ обращенный къ Волхову фасъ деревянной крѣпости.

²⁾ Нынѣ совершенно уже исчезнуваго.

³⁾ Глубина ихъ описью 1665—1667 года хотя и показывается разная, но, во-первыхъ, это можетъ объясняться причинами совершенно случайными, а, во-вторыхъ, — въ ней-же нерѣдко встрѣчаются ошибки въ цифрахъ даже еще болѣе существенныя, почему упоминаемое обстоятельство не можетъ имѣть особаго значенія.

прежнія времена указывается какъ описями XVII ст., такъ и обнаруженными слѣдами ея при изслѣдованіи городища. О размѣрахъ самой стѣны не сохранилось, впрочемъ, никакихъ извѣстій, но надобно думать, что она не превышала вышины сосѣдней Роскатной башни, съ вершиною которой (занятою роскатомъ) она, быть можетъ, имѣла даже прямое сообщеніе. Остается прибавить, что уже въ XVII ст. на мѣстѣ этой исчезнувшей стѣны тянулся по валу рядъ деревянныхъ гарасовъ, но и они къ концу того-же столѣтія уже совершенно разрушились.

Климентовская башня.

Табл. IV.

На противоположномъ отъ Волхова концѣ южнаго фаса, расположена юго-западная башня городища (табл. IV), занимавшая пунктъ, не менѣе важный, чѣмъ сѣверная (Стрѣлочная), ибо ею прикрывался ближайшій и непосредственный доступъ къ крѣпости съ сухопутной (западной) стороны, совершенно открытой, подобно тому, какъ башня сѣверная имѣла важное значеніе обороны доступа изъ Волхова въ Ладожку водою. Въ зависимости отъ подобной общности и важности положенія обѣихъ башенъ, вѣроятно, находится и то обстоятельство, что даже въ самомъ устройствѣ ихъ оказалось извѣстное сходство, относительно какъ плана, такъ и внѣшней конструкціи.

а) Современное состояніе (1884 г.)

Табл. XXI.

Внѣшній видъ башни представляетъ полное разрушеніе. Подходя къ ней извнѣ городища, передъ глазами является громадная развалина полукруглой постройки (выш. до 5 саж.), поверхность которой состоитъ изъ обнаженныхъ висящихъ валуновъ стѣнной кладки, ежеминутно грозящихъ паденіемъ (табл. XXI); мѣстами между камнями видна прокладка изъ плитъ, основаніе же постройки маскируется щебенчатой осыпью. На двухъ разныхъ высотахъ видны въ четырехъ мѣстахъ темныя отверстія бойницъ, а съ юго-вост. стороны къ подонвѣ башни примыкаетъ сравнительно низкій земляной валъ, о которомъ уже сказано выше, при описаніи южнаго фаса. Непосредственно за этимъ валомъ, близъ подонвы башни видно еще сводчатое полукруглое отверстіе, почти закрытое осыпью и ведущее въ какую-то крытую сводомъ камеру, почти до верха заваленную щебнемъ, такъ что проникнуть въ нее можно только ползкомъ. Со стороны внутренняго двора городища, башня возвышается всего около 2 сажень и представляетъ лишь заросшую дерномъ осыпь, такой-же вышины, какъ прилегающій южнаго фаса; гребень ея настолько уже осыпался, что доступенъ для прохода лишь въ сѣверной своей сторонѣ, на протяженіи нѣсколькихъ аршинъ отъ того-же вала. Внутренность башни почти до верха заполнена землянымъ заваломъ, образовавшимъ поросшую мѣстами деревьями котловину, у краевъ

которой видны верхушки двухъ засыпанныхъ сводчатыхъ амбразуръ (табл. XXII), Табл. XXII. выше же завала слѣдуетъ уже обнаженная кладка внутренней поверхности башни, но въ состояніи полного разрушенія.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Изображенія городища 1809 года (Бороздинъ) даютъ замѣтить, что въ то время башня извнѣ находилась почти въ томъ-же состояніи, что и нынѣ; замѣтна только бѣлая сохранность гребня ея, который былъ выше прилегающаго къ нему вала южнаго фаса. Что касается внутренности башни, то на планахъ, приложенныхъ къ тѣмъ-же изображеніямъ, начертаніе втораго этажа носитъ видимо характеръ схематическій, такъ какъ оно страдаетъ существенными графическими невѣрностями и вообще отличается отъ дѣйствительности, выясненной раскопками. Тѣмъ не менѣе, планы указываютъ, что составителю было извѣстно существованіе амбразуръ, выхода изъ башни на крѣпостной дворъ и внутренней въ массивѣ стѣны ея лѣстницы, получить же правильное, или болѣе точное понятіе о планѣ постройки, препятствовали, конечно, завалы, загромождавшіе и тогда башню почти до верха.

Изъ документовъ XVII в. видно, что башнѣ этой уже въ 1628 году было присвоено названіе *Климецкой*, т. е. *Климентовской*, безъ сомнѣнія по причинѣ ея близкаго сосѣдства съ древней церковью св. Климента, находившейся саженьяхъ въ 40 южнѣе ея, на другой сторонѣ лощины или балки, ихъ раздѣлявшей. Въ документахъ о башнѣ передается:

Опись 1628 г. ¹⁾:

«На Климецкой на проходной башни пицаль поменши полуторной мѣдная».

Опись 1655 г. ²⁾:

«Климентовская проходная каменная башня, отъ подошвы вверхъ 7 сажень, въ длину и поперегъ по 8½ саж. и съ стѣною, стѣна толщиною 2 сажени. И та башня съ обѣихъ сторонъ пообвалилася 2 сажени по верхніе бои; а кровли на той башнѣ нѣтъ, огнила и обвалилася безъ остатку и отъ мокроты отъ дождя и отъ снѣгу сыплется камень и достальное розно».

Опись 1665—67 г. ³⁾:

«Башня каменная, круглая Климентовская, проходная отъ приходу съ лица; а проходъ въ той башни изъ верхняго боя каменною лѣстницей въ средней и въ нижній бои и отъ того подошевного бою проходные небольшіе ворота въ деревянной городѣ. А та башня стоитъ безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу сверху та башня осыпалася съ обѣ стороны по верхней бой на сажень. Вышина башнѣ съ восинны стороны 6 сажень съ третью сажени, въ длину и поперегъ во всѣ стороны по 8 сажень, съ третью сажени; толщина стѣнъ въ верхнихъ

¹⁾ См. Приложение VIII

²⁾ См. Приложение IX.

³⁾ См. Приложение XII.

бояхъ въ окнахъ по сажени, да около оконъ въ быки по сажени, въ среднемъ бою толщина башнѣ и съ окнами трехъ сажень, а въ нижнемъ бою 4 сажень».

Опись 1676 г. ¹⁾:

«А та башня мѣрою въ ширину девяти сажень безъ четверти, отъ подошвы вверхъ 7 саж. 2 аршина и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплется».

Опись 1685 г. ²⁾:

«Да въ той башни проходъ былъ въ земляной городъ, тайникъ и тотъ засыпался каменьемъ и проходу нѣтъ».

Опись 1692 г. ³⁾:

«И та башня отъ мокроты сверху до подошвы вся сыплется, кровли на башни нѣтъ и мосты всѣ сгнили.... и тайникъ и нижній бой засыпался и проходу въ тайникъ нѣтъ».

Относительно размѣровъ башни во всѣхъ спискахъ съ 1676—1698 г. цифры приводятся одинаковыя.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Къ раскопкамъ въ Климентовской башнѣ было приступлено одновременно внутри и снаружи. По мѣрѣ удаленія наполнявшаго верхній этажъ ея завала начало обнаруживаться, что внутреннее очертаніе башни имѣетъ форму не круглую, а цилиндро-призматическую, близко напоминающую планъ уже описанной Стрѣлочной башни, причемъ ниже и самыя стѣны оказались настолько еще въ цѣлости, что сохранили свою наружную плитняную облицовку. Далѣе обнаружилось, что въ верхнемъ этажѣ имѣются четыре полукруглыхъ амбразуръ, изъ коихъ три въ западной половинѣ обращены въ разныхъ направленіяхъ въ поле, а четвертая—по направленію приблизительно вдоль южнаго фаса городища. Своды амбразуръ выведены изъ плитъ, съ такою-же облицовкою стѣнъ, а полы или подошвы вымощены булыгами, устья же амбразуръ забраны плитняными стѣнками, съ устроенными въ нихъ бойницами ⁴⁾. Изъ числа этихъ

¹⁾ См. Приложение XIII.

²⁾ См. Приложение XIV.

³⁾ См. Приложение XIV.

⁴⁾ Всѣ бойницы болѣе или менѣе уже разрушены, такъ что нѣсколько лучше сохранилась лишь одна западная, по крайней мѣрѣ уцѣлѣло ея тыловое отверстіе, вышиною 1 арш. 2 вер. и шир. 1 арш. 7¹/₂ вер.

Въ техническомъ отношеніи не безъинтересно отмѣтить здѣсь замѣченное въ кладкѣ амбразуръ и бойницъ присутствіе мѣстами кирпича, иногда отдѣльными штуками, иногда-же цѣлыми правильными рядами, а именно:

Въ амбразурѣ восточной: близъ разрушеннаго праваго (верхняго) угла тыловаго отверстія бойницы—остатки кирпичной кладки (три кирпича).

Въ юго-западной: горизонтальный рядъ кирпичей (очень тонкихъ) въ сохранившейся части внутренней лѣвой щеки бойницы и примыкающей къ ней поперечной стѣнкѣ амбразуры. Въ правой щекѣ бойницы—два такихъ-же ряда кирпичей.

Въ западной: нѣсколько отдѣльныхъ кирпичей въ кладкѣ правой стѣны амбразуры, близъ устья послѣдней.

Рис. 21. Верхний этаж Климентовской башни, съ внутренней стороны.

амбразуръ размѣры трехъ оказались одинаковыми, четвертая же гораздо короче, причемъ южнѣе ея открылся по близости еще прямоугольный пролетъ или проходъ, видимо выводившій на совершенно заваленную щебнемъ внутреннюю, въ стѣнѣ башни, каменную лѣстницу. По очисткѣ пролета за нимъ оказалась маленькая площадка, освѣщенная небольшимъ, совершенно разрушеннымъ, наружнымъ окномъ, прорѣзаннымъ въ массивѣ башни, съ площадки же одна вѣтвь лѣстницы направлялась внутри башенной стѣны наверхъ и выводила на гребень развалинъ послѣдней, другая же (см. ниже) спускалась куда-то внизъ, постепенно заворачивая въ сторону, соотвѣтственно закругленію самой башни. Наконецъ, въ сѣверной сторонѣ башни обнаружился и выходъ внутрь крѣпости, совершенно до тѣхъ поръ маскировавшійся съ обѣихъ концовъ земляными осыпями, который, по окончательной очисткѣ, представилъ видъ сводчатой, довольно широкой и слегка искривленной каменной галлерей, съ вымощеннымъ булыгами поломъ и приступкомъ на половинѣ длины послѣдняго (Табл. XXIII). Табл. XXIII. Весь выходъ облицованъ плитою, конецъ же его приходился на уровнѣ горизонта внутренняго двора, гдѣ башня запиралась воротами, для навѣски которыхъ сохранился даже вдѣланный въ кладку массивный желѣзный крюкъ, или устой ¹⁾.

¹⁾ По открытіи изнутри башни этого выхода, на потолкѣ и подшивѣ незаваленной середины его оказалось изобиліе крупныхъ сталактитовъ и сталагмитовъ, какъ результатъ просачиванія воды сквозь массивъ кладки надъ выходомъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были до вершка

При дальнѣйшемъ углубленіи раскопки обнаружилась уже подошва верхняго этажа, имѣвшая квадратно-полукруглое очертаніе, причемъ задняя (юго-восточная) половина ея представляла сплошную, вымощенную булыгами площадку, а въ полукруглой передней (сѣв.-западн.) обозначился верхній край цилиндрической внутренней нижняго этажа (см. рис. 21). Отсюда уже совершенно измѣнился и самый характеръ завала башни, до сихъ поръ состоявшаго изъ земли и упавшихъ со стѣнъ камней, а глубже представившаго уже черный вязкій грунтъ, въ которомъ послѣднихъ попадалось уже очень мало, что можетъ указывать на давность его образованія, когда башня была еще сравнительно въ лучшемъ положеніи.

Работы, производившіяся, между тѣмъ, снаружи послѣдней, обнаружили, что видѣвшееся близъ подошвы башни (съ южн. стороны) сводчатое полукруглое отверстіе представляло родъ слуховаго или наблюдательнаго окна, ниже котораго находился небольшой входной пролетъ и за нимъ, какъ уже сказано, сводчатая камера; по мѣрѣ очистки послѣдней отъ заполнявшаго ее щебня, выяснилось, что она составляла проходъ, направлявшійся внутрь башни, причемъ передняя (большая) часть его была значительно выше задней, такъ что покрывавшіе ихъ своды соединялись большимъ уступомъ. Одновременно съ этимъ въ восточной стѣнѣ прохода (въ его передней части) обнаружился еще узкій входъ, сплошь заваленный слежавшимся щебнемъ и неизвѣстно куда ведшій, но назначеніе его не замедлило открыться, такъ какъ при первыхъ-же ударахъ ломомъ въ наполнявшій его завалъ, изъ упоминаемаго входа неожиданно рухнула цѣлая масса щебня и мусора, образовавшая своего рода каменный каскадъ, который въ теченіи нѣсколькихъ минутъ стремился откуда-то сверху и затѣмъ открылось, что это была очень узкая, устроенная въ толщѣ стѣны каменная лѣстница, въ верхнемъ концѣ которой показался дневной свѣтъ;—лѣстница вывела во второй этажъ башни.

Дальнѣйшая расчистка упомянутой нижней камеры привела къ сплошному грунтовому завалу, при углубленіи въ который начали происходить опасные обвалы сверху, такъ какъ сводъ надъ камерой уже окончился, почему стало

толщиною и придавали весьма оригинальный видъ этому темному, еще закрытому съ противоположнаго конца проходу, производившему впечатлѣніе какъ-бы подземелья. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы еще разъ указать на ту легковѣрность, съ которою мѣстными жителями принимаются разные вздорные слухи о мнимыхъ таинственностяхъ Староладожскаго городища: рабочіе, никогда не видѣвшіе ранѣ подобныхъ известковыхъ образований, назвали упомянутые сталагмиты «статуями», и вотъ въ Ладогѣ тогда-же не замедлилъ распространиться слухъ объ открытіи подземелья съ языческими идолами! Очень можетъ быть, что рассказы объ этомъ циркулируютъ и понынѣ, да вѣроятно еще и съ немалыми прикрасами.

яснымъ, что проходъ достигъ уже внутренности башни; очевидно, что онъ представлялъ тотъ «тайникъ», о которомъ упоминалось въ описяхъ XVII ст.; при раскопкахъ выяснились слѣдующія конструктивныя подробности: съ лицевой стороны устье туннеля и сводъ надъ нимъ плитняные, съ прибавкою мѣстами кирпича, часть же стѣны надъ устьемъ (входомъ), въ которомъ устроено слуховое окно — вся изъ кирпича. Въ началѣ тайника широкій (въ 1 аршинъ) каменный порогъ, снаружи котораго еще такой-же приступокъ, у края же входа (съ западн. стороны) два вдѣланныхъ въ кладку желѣзныхъ крюка, или устоя для навѣски дверей. Своды вообще выведены изъ плетъ, но стѣны прохода

Рис. 22. Тайникъ въ башнѣ во второй этажъ.

плитняныя только въ своей нижней половинѣ ¹⁾, въ верхней же сложены изъ кирпича; кирпичною-же оказалась и стѣна надъ сводомъ ²⁾ въ болѣе низкой части прохода, по крайней мѣрѣ съ наружной своей (къ выходу) стороны, весь же полъ вымощенъ крупными бѣлыми камнями. Въ боковыхъ стѣнахъ болѣе высокой части прохода, въ концѣ и въ началѣ по два квадратныхъ гнѣзда, по всей вѣроятности, для вставки концовъ балокъ, расположенныя ниже упомянутаго слуховаго окна, а у самого начала прохода, съ обѣихъ сторонъ еще два подобныхъ-же углубленія, изъ которыхъ одно (въ западной стѣнѣ) весьма глубокое, видимо служившее для помѣщенія выдвижнаго бруса, которымъ могли изнутри запирались двери. Что касается внутренней лѣстницы, то она сохранилась гораздо хуже, съ значительными трещинами въ сводахъ ³⁾ и поврежденіями ступеней, такъ что сообщеніе по ней является небезопаснымъ и затруднительнымъ. Нижній, нѣсколько искривленный маршъ ея состоятъ изъ 15 высокихъ плитняныхъ ступеней, мѣстами поддѣланныхъ кирпи-

¹⁾ Въ нѣсколькихъ мѣстахъ однако и здѣсь видны отдѣльные кирпичи.

²⁾ Самый сводъ выведенъ изъ плетъ.

³⁾ Мѣстами въ сводахъ видны отдѣльные кирпичи.

чемъ, и выводилъ въ средній этажъ, на площадку, освѣщенную небольшимъ наружнымъ окномъ, съ которой былъ проходъ внутрь башни, за площадкой же лѣстница вторымъ маршемъ (въ 12 ступеней) поднималась еще выше и оканчивалась отверстіемъ въ гребень развалинъ башни. Стѣны лѣстницы въ нижней ее половинѣ кирпичныя, въ верхней же изъ плиты и на половинѣ подъема кирпичная перемычка (см. рис. 22).

Раскопка нижняго этажа башни обнаружила, какъ уже сказано, цилиндрическую его форму, причемъ завалъ здѣсь представлялъ какъ-бы плотно слежавшуюся горѣлую землю, сырую и вязкую, въ которой мѣстами попадался и мелкій уголь, въ самой же подошвѣ подъ заваломъ встрѣченъ еще прослойкъ щебенки съ известкой, достигавшій въ разныхъ мѣстахъ толщины отъ $\frac{1}{4}$ до 1 аршина. Амбразуръ въ нижнемъ этажѣ оказалось три (двѣ въ западной сторонѣ и одна въ юго-восточной), мѣсто четвертой же занималъ вышеупомянутый тайникъ, приходившійся какъ—разъ на уровнѣ внутренней подошвы башни. Конструкція амбразуръ въ общемъ одинаковая съ верхними, исключая западной, въ лѣвой сторонѣ которой близи устья прорѣзана еще вторая, косая бойница; однако, въ составѣ строительнаго матеріала любопытно отмѣтить присутствіе кирпича, который и здѣсь замѣчается во многихъ мѣстахъ кладки, представляя быть можетъ, слѣды позднѣйшихъ починокъ ¹⁾.

По окончательной очисткѣ нижняго этажа, въ подошвѣ башни обнаружилось еще цилиндрическое помѣщеніе, въ родѣ круглаго подполья, расположеннаго эксцентрически относительно внутренности самой башни и представлявшаго видъ широкаго каменнаго колодца въ валунной кладкѣ; дномъ подполья служилъ крѣпкій материковый песчаникъ, въ наполнявшемъ же его завалѣ найдены два вертикально стоявшихъ дубовыхъ бревна, длиною въ 2 и 3 аршина, но болѣе не оказалось ничего.

¹⁾ Нѣкоторыя, сюда относящіяся подробности заключаются въ слѣдующемъ:

Западная амбразура: въ нижней половинѣ боковыхъ стѣнъ ряды кирпичей; низъ и верхъ поперечной стѣнки (замыкающей устье амбразуры) — изъ плитъ, а бока изъ кирпича. Тыловое отверстіе бойницы цѣло (вышина его 1 арш. 1 вер., ширина 1 арш. $8\frac{3}{4}$ вер.), остальная часть разрушена, причемъ боковыя внутреннія щеки кирпичныя-же. Боковыя щеки другой бойницы (косой) въ той-же амбразурѣ также кирпичныя, а низъ и верхъ изъ плитъ.

Сѣверо-западн. амбразура: нижняя половина боковыхъ стѣнъ, въ передней (къ устью) части, сплошь изъ кирпича, бойница почти разрушена; въ стулѣ ея, щекахъ и надъ верхомъ — ряды кирпичей.

Юго-восточная: въ нижней части правой стѣны амбразуры — ряды кирпичей. Бойница разрушена, по остаткамъ щекъ видѣнъ кирпичъ; вставки изъ него-же замѣтны и въ поперечной стѣнкѣ, надъ бойницею.

Рис. 23. Вид из амбразурной ниши на Климентовскую башню.

Наконецъ, остается упомянуть, что для опредѣленія вышины нынѣшнихъ развалинъ башни, снаружи послѣдней (съ сѣв.-западн. стороны) было произведено обнаженіе фундамента (посредствомъ перпендикулярной къ основанію башни траншеи) и отъ начала послѣдняго измѣрено отвѣсное превышеніе гребня башни, оказавшееся = 5 саж. 15 вер.¹⁾; измѣреніе башни здѣсь-же, но съ внутренней стороны, именно отъ гребня до уровня подошвы нижнихъ амбразуръ, дало около 4 саж. 1³/₄ ар.

Этимъ изслѣдованіе Климентовской башни было окончено, что же касается вещественныхъ находокъ, сдѣланныхъ во время работъ, то и здѣсь таковыя были крайне скудны, заключааясь лишь въ нѣсколькихъ малозначущихъ предметахъ²⁾. Наконецъ должно прибавить, что при повѣрочныхъ работахъ 1893 г., для снятія новыхъ чертежей городища³⁾, были обнаружены на покрытомъ

¹⁾ Превышеніе лежащей здѣсь-же сѣв.-западн. бойницы нижняго этажа (считая отъ ея верхняго края) надъ фундаментомъ, составляетъ 3 ар. 10 вер.; послѣдній соотвѣтствуетъ уровню проходящей здѣсь дороги.

²⁾ А именно: а) Въ подошвѣ выхода изъ средняго этажа на крѣпостной дворъ найдены обломки желѣза и часть слюдянаго оконца отъ фонаря; б) Въ подошвѣ нижняго этажа башни—два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, костяной обломокъ въ видѣ трубчатого ножеваго черенка и другой какъ-бы отъ костяной ложки, два черепка (стекляный и глиняный) и нѣсколько обломковъ желѣза; в) Въ амбразурахъ около тайника—въ одной сапожная подковка, часть ножа, два обломка желѣза и мѣдная шведская монета 1573 г., въ другой—конскій черепъ, вѣроятно еще въ давніе времена сюда извнѣ случайно попавшій.

³⁾ См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ отдѣльномъ приложеніи.

Табл. XIX.

осыпью гребень башни слѣды существованія семи сквозныхъ пролетовъ, изъ которыхъ пять несомнѣнно отъ бывшихъ амбразуръ, шестой, быть можетъ, также, а седьмой видимо служилъ для сообщенія съ примыкавшей съ запада стѣною ограды (табл. XIX).

Табл. XLII—XLVI.

Общіе результаты изслѣдованія Климентовской башни показаны на прилагаемыхъ чертежахъ (табл. XLII—XLVI).

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемая изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Башня была круглая, имѣла три боя, т. е. трехъярусную оборону и была покрыта деревянной крышей.

2. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами.

Изъ совокупности всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній, общій планъ постройки Климентовской башни хотя и выясняется довольно хорошо, однако, въ вопросѣ о ея первоначальной вышинѣ, встрѣчаются неясности, въ виду разногласія документальныхъ указаній. Такъ, въ описи 1655 года внѣшняя вышина башни показана 7 сажень, въ свѣдѣніяхъ 1665—1667 г. — $6\frac{1}{3}$ саж., въ остальныхъ — 7 саж. 2 арш.; но указаніе 1665—1667 г. не представляется вѣроятнымъ ¹⁾ и притомъ оно стоитъ одиночно, почему болѣе вѣроятными слѣдуетъ признать тѣ, по которымъ башня имѣла отъ 7 — $7\frac{2}{3}$ сажени. Сравнивая эту цифру съ нынѣшней наружной вышиной развалинъ ($5\frac{1}{3}$ саж.), получается, что башня утратила отъ своей первоначальной вышины около одной трети, т. е. величину вполне достаточную для устройства того третьяго закрытаго этажа, о которомъ свидѣлствуется въ описи 1665—1667 г. и который, какъ обнаружено раскопками, начинался на уровнѣ нынѣшняго гребня развалинъ.

Общая конструкція Климентовской башни представляетъ извѣстную аналогію съ башней Стрѣлочной, которой она, однако, уступаетъ въ размѣрахъ своего внутренняго помѣщенія и отличается еще тѣмъ, что была «проходною», т. е. имѣла выходъ внаружу крѣпости. Въ башнѣ было три закрытыхъ этажа, сообщавшихся внутренней, въ массивѣ стѣны, лѣстницей, и выходъ изъ средняго этажа на крѣпостной дворъ, гдѣ она запиралась воротами. Этажи раздѣлялись деревянными полами (мостами), причемъ въ нижнемъ былъ устроенъ еще малый

¹⁾ Напр., принявъ въ расчетъ нынѣшнюю вышину развалинъ башни ($5\frac{1}{3}$ саж. до фундамента), выходитъ, что въ настоящее время она уменьшилась всего на сажень, или, что столько-же занималъ ся третій, нынѣ не существующій этажъ (считая начало его отъ сохранившагося гребня), чего, конечно, недостаточно.

выходъ (тайникъ), прикрытый извнѣ перпендикулярнымъ къ башнѣ землянымъ валомъ. Сохранившіяся детали этого тайника обнаруживаютъ нѣкоторыя подробности его устройства: въ своей передней (лицевой) части, сравнительно бѣльшей, онъ былъ двухъэтажнымъ, причемъ верхнее помѣщеніе, отдѣлявшееся отъ нижняго, какъ видно, лишь простымъ деревяннымъ помостомъ или поломъ, служило чѣмъ-то въ родѣ караулки надъ входными дверями и освѣщалось наружнымъ слуховымъ окномъ. Расположеніе гнѣздъ для укрѣпленія опорныхъ поперечныхъ брусевъ, на которыхъ былъ настланъ упомянутый помостъ, указываетъ, что сообщеніе снизу съ караулкой должно было производиться по какой-то лѣсенкѣ, черезъ люкъ въ томъ-же помостѣ, такъ какъ гнѣзда для концовъ балокъ лежатъ въ началѣ и концѣ послѣдняго и слѣдов. помостъ представлялъ сплошной потолокъ надъ всею этою половиною тайника. Присутствіе кирпичной кладки въ верхнихъ частяхъ стѣнъ послѣдняго и кругомъ слуховаго окна могутъ давать поводъ думать, не устроено-ли это верхнее помѣщеніе и самое окно лишь во времена болѣе позднія, въ виду чего первоначальный тайникъ могъ быть просто въ видѣ низкаго (въ 3 арш.) сквознаго коридора, или порлета, изъ внутренности башни. Длина тайника (12 аршинъ) даетъ наглядное понятіе о капитальности стѣнъ нижняго этажа, толщина которыхъ здѣсь (согласно свѣдѣніямъ 1665—1667 г.) равнялась 4 саженимъ, выше же она значительно уменьшалась (въ среднемъ—3 и въ верхнемъ 2 сажени), что-же касается плана самихъ этажей, то начертаніе нижняго и средняго представляетъ существенное различіе. Снаружи башня была круглою, облицована плитою и имѣла, вѣроятно, форму цилиндрическую, судя, по крайней мѣрѣ, по башнѣ Роскатной, хорошо сохранившаяся мѣстами поверхность которой ясно представляетъ эту-же форму, причемъ разница въ толщинѣ стѣнъ разныхъ этажей Климентовской башни, могла получиться насчетъ расширенія внутренняго пространства послѣднихъ. Что касается вопроса о томъ, могла-ли башня вѣнчаться еще зубцами, то, въ виду разнорѣчія документальныхъ показаній о вышинѣ самой башни, положительно рѣшить его трудно ¹⁾. Наконецъ, можно прибавить, что верхъ башни былъ покрытъ деревянной конической крышей.

Южная половина западнаго фаса составляла часть всей ограды, наиболѣе доступную для непріятеля, такъ какъ она была совершенно открытою съ сухаго пути, вслѣдствіе уклона рѣчки Ладожки, дѣлающей здѣсь крутой поворотъ въ

Участокъ ограды между Климентовской и Воротной башнями.

¹⁾ Напр. если башня имѣла $7\frac{2}{3}$ сажени, то при нѣкоторомъ, сравнительномъ уменьшеніи высоты третьяго этажа, могло остаться мѣсто и для зубцовъ.

Табл. IV.

сторону на западъ (табл. IV). Здѣсь-же пролегаетъ, какъ пролегаль и въ древности, непосредственный путь сообщенія крѣпости съ самой Ладогой, черезъ проѣздную Воротную башню, такъ что вообще упоминаемый участокъ долженъ былъ обращать на себя особое вниманіе строителей, по крайней мѣрѣ, относительно степени прочности самой постройки. Въ зависимости-ли отъ этого, или по другимъ причинамъ, но здѣсь каменная ограда дѣйствительно наиболѣе сохранилась и до нашихъ дней, несмотря на свою семивѣковую давность, и производитъ до сихъ поръ грандіозное впечатлѣніе величавостью своихъ развалинъ.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Подходя со стороны Ладogi къ городищу, глазамъ представляется огромная, слегка покатая къ основанію стѣна, вышиною до 4 сажень, наружная поверхность которой, изъѣденная вѣками, состоитъ изъ обнаженныхъ валуновъ внутренней кладки, ежеминутно грозящихъ паденіемъ и дѣйствительно ежегодно весною обваливающихся (табл. IX). Подошва ея маскируется осыпью и вдоль стѣны пролегаетъ дорога, съ небольшимъ отлогимъ подъемомъ къ Воротной башнѣ, на поверхности же стѣны въ трехъ мѣстахъ зияютъ черныя отверстія разрушенныхъ и заваленныхъ изнутри бойницъ.

Табл. IX.

Со стороны двора городища тотъ-же участокъ представляетъ почти сплошную, поросшую травой осыпь, вышиною около 1½ сажени, по которой можно подняться на самый гребень стѣны, но послѣдній уже настолько утонился отъ разрушенія поверхностей стѣны, что мѣстами нынѣ едва проходимъ.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ) внѣшній видъ того-же участка представляется почти одинаковымъ съ нынѣшнимъ (по крайней мѣрѣ, относительно вышины), причемъ на планахъ показаны въ стѣнѣ три амбразуры, въ документахъ же XVII в. сообщаются слѣдующія указанія:

Опись 1655 г. ¹⁾:

«Отъ тое Климентовской башни до Воротной каменной башни прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 18½ сажень, высота стѣны съ подшвы до зубцовъ 4½ сажень, въ толщину стѣна въ 3 сажени безъ чети; а нынѣ по тому пряслу вмѣсто зубцовъ стоятъ тарасы деревянныя; а то прясло стоитъ отъ приходу съ лица, безъ кровли и во многихъ мѣстѣхъ то прясло отъ мокроты сыплется розно».

Опись 1665—1667 г. ²⁾.

¹⁾ См. Прилож. IX.

²⁾ См. Прилож. XII.

Отъ тое башни (Климентовской) до Воротной каменной башни прясло каменная стѣны съ приходу-жъ съ лица, въ длину по стѣнѣ 18 сажень съ полусаженью; толщина стѣнъ 3 сажени ¹⁾; вышиною то прясло съ загородные стороны 4 сажени, а внутри города та стѣна вышиною въ 1½ сажени. А стоитъ та стѣна безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно. Да на томъ-же пряслѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ непокрыты и огнили».

Опись 1676 г. ²⁾:

«...Прясло каменное въ длину до Воротной каменной башни 18 сажень съ полусаженью, въ ширину 2 сажени 2 аршина, въ вышину отъ подшвы 4 сажени 2 четверти; а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили».

Въ остальныхъ спискахъ размѣры приводятся тѣ-же, что и въ 1676 г., съ добавленіемъ, — что «на томъ пряслѣ были поставлены деревянные рубленые тарасы и тѣ огнили и развалились и та стѣна отъ мокроты камень сыплется врознь и нижніе бои каменемъ и землю засыпало и заросло».

в) Факты, обнаруженные раскопками.

Произведенныя на этомъ участкѣ работы были направлены къ изслѣдованію устройства оборонительныхъ приспособленій, присутствіе которыхъ указывалось тремя отверстиями бойницъ на наружной поверхности стѣны, и къ возможному выясненію конструкціи послѣдней въ строительномъ отношеніи. По освобожденіи бойницъ отъ заполнявшихъ ихъ заваловъ, за ними оказались въ стѣнѣ, какъ и на сѣверномъ участкѣ того-же фаса, три сквозныхъ сводчатыхъ амбразуры, съ выходами на внутренній дворъ городища (Табл. XXIII), но бывшихъ съ этой стороны совершенно замаскированными осыпями стѣны и наростомъ почвы. Двѣ изъ нихъ (средняя и южная) находились на одной высотѣ, сѣверная же расположена значительно

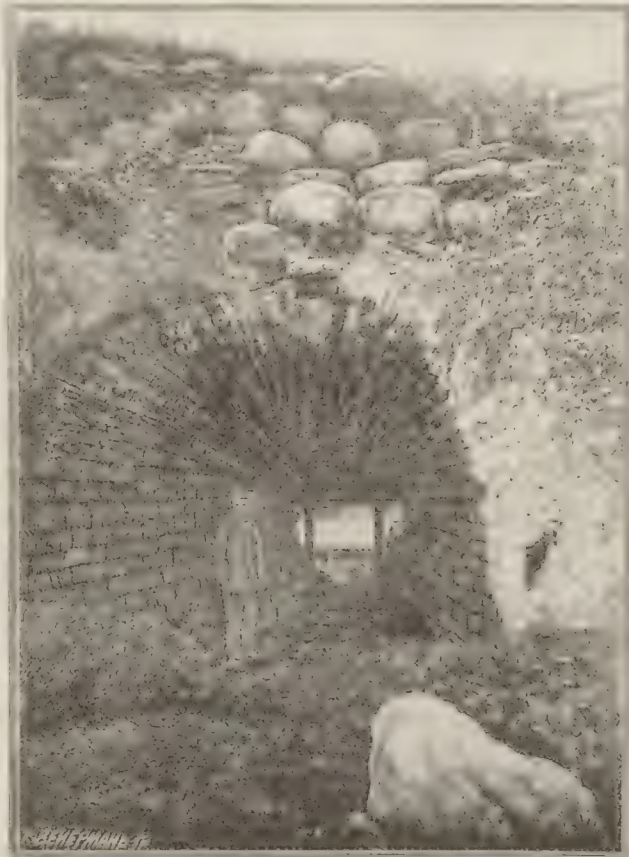

Рис. 24. Южная амбура стѣны съ наружной стороны.

¹⁾ Верхняя, что надо заключать изъ показанія той-же описи относительно другаго участка западнаго фаса, гдѣ поясняется, что толщина считана «съ зубцами».

²⁾ См. Прилож. XIII.

ниже прочих ¹⁾, вероятно для достижения болѣе удобнаго обстрѣла, или фланговой обороны воротъ, находившихся рядомъ съ ней въ вѣздной (Воротной) башнѣ. Своды и щеки амбразуръ плитняны, нѣкогда покрытыя штукатуркой, полошвы же вымощены булыгами, на которыхъ лежалъ черный культурный слой (толщиной до полуаршина), давшій разныя находки предметовъ какъ житейскаго обихода, такъ и военнаго снаряженіе ²⁾, очевидно попавшихъ сюда еще въ то время, когда самыя амбразуры не были завалены, т. е. согласно показанію описей—не позже конца XVII столѣтія.

Табл. XLVII.

Результаты изслѣдованія всѣхъ трехъ амбразуръ показаны на чертежахъ (Табл. XLVII).

При очисткѣ средней амбразуры обнаружилось обстоятельство, на первый взглядъ довольно любопытное, именно, что въ каменной подошвѣ ея оказались двѣ круглыхъ (ок. фута діам.), лежавшихъ почти рядомъ отдушины, уходившія куда-то наклонно внизъ въ кладку и притомъ настолько глубоко, что въ нихъ можно было вложить довольно длинную жердь. Для выясненія цѣли этихъ загадочныхъ отверстій, съ наружной стороны стѣны была произведена въ соответственномъ направленіи раскопка стѣнной осыпи и разобрана на протяженіи ок. 3 арш. каменная кладка, причемъ оказалось, что подъ осыпью у подошвы стѣны сохранилась еще часть плитняной облицовки послѣдней, а ниже шла уже кладка фундамента изъ булыгъ (безъ облицовки), выведенная на глубину около аршина, подъ которымъ находился уже темный сырой песокъ. Нѣсколько выше основанія стѣны, въ плитняной ея облицовкѣ обнаружались четыре круглыхъ отверстія, лежавшихъ на одномъ уровнѣ на аршинъ другъ отъ друга, которыя оказались устьями четырехъ параллельныхъ цилиндрическихъ каналовъ, расположенныхъ поперегъ стѣны и глубоко въ нее уходившихъ, насколько это можно

¹⁾ Вершина свода ея находится надъ фундаментомъ (съ наружной стороны стѣны) въ 6 арш. 6 вершкахъ, слѣдов. подошва превышаетъ фундаментъ всего приблизительно на 3 1/2 арш.

²⁾ Предметы находокъ были слѣдующіе: обломки посуды, дверныя или сундучныя оковки, нѣсколько ножей, ножницы, обрывокъ цѣпи, обломокъ сабли, чугунное ядро, привязная шпора, конская подковка (формы двулистника, подъ переднюю часть копыта), мѣдный наконечникъ какъ-бы отъ ноженъ, обломокъ бронзоваго украшенія или обложки съ остатками надписи, желѣзный крюкъ, наконечникъ повидимому костыля, костяной черепокъ и разныя обломки желѣза.

Таб. XLIV

Изъ остатковъ посуды представляетъ археологическій интересъ часть довольно большой, цилиндрическо-полусферической чаши, украшенной синей поливой и нѣсколькими гербами, подъ которыми кругомъ чаши идетъ нѣмецкая надпись; послѣдняя, къ сожалѣнію, не поддается чтенію, такъ какъ состоитъ болѣею частью изъ сокращеній и начальныхъ буквъ словъ и ктому-же отъ чаши сохранилась лишь одна половина (см. таб. LXIV); на одномъ отдѣльномъ ея фрагментѣ означенъ годъ 1596, такъ что сопоставляя ее съ находкой въ Климентовской башнѣ шведской монеты 1573 г. (см. стр. 215), можно заключить, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ слѣдами военнаго занятія Ладogi иноземцами въ концѣ XVI и нач. XVII столѣтія.

было выслѣдить ¹⁾). Каналы эти пересѣкались тремя другими, проходившими вдоль стѣны, непосредственно надъ первыми, и лежавшими также на разстояніи около аршина другъ отъ друга, причемъ наружныи находился почти у самой поверхности стѣнной облицовки (всего на $\frac{1}{2}$ арш.), въ длину-же они тянулись въ обѣ стороны за предѣлы разобранной кладки. Наконецъ, въ самой глубинѣ послѣдней, непосредственно за третьимъ продольнымъ каналомъ, у праваго края, открылась и разгадка тѣхъ отдушинъ, о которыхъ упоминалось выше и которыя могли еще разъ давать поводъ къ разнымъ предположеніямъ о мнимыхъ таинственностяхъ «Рюриковой крѣпости»: въ кладкѣ стѣны обнаружился еще одинъ каналъ, но вертикальный и видимо долженствовавшій (судя по его направленію) имѣть сообщеніе съ одной изъ сказанныхъ отдушинъ въ амбразурѣ, что дѣйствительно и подтвердилось, когда въ проломѣ начали жечь солому, а въ амбразурѣ въ отдушину лить воду; въ обоихъ случаяхъ дымъ и вода проходили вверхъ и внизъ по вертикальному каналу и, такимъ образомъ, сдѣлалось яснымъ, что всѣ эти цилиндрическія пустоты въ стѣнной кладкѣ представляли частью слѣды лѣсовъ, бывшихъ во время постройки, частью же слѣды заложенныхъ въ кладку бревенъ, быть можетъ для большей прочности всего сооруженія, подобно тому, какъ то-же было замѣчено и въ нѣкоторыхъ изъ башенъ ²⁾).

Для дальнѣйшаго уясненія характера постройки стѣны были произведены развѣдочныя раскопки съ обѣихъ сторонъ ея, близъ вѣздныхъ воротъ среднен (Воротной) башни, а именно: съ внутренней стороны была окопана часть стѣны, непосредственно примыкающая съ юга къ находящейся здѣсь (около башни) амбразурѣ (сѣверной), причемъ оказалось, что подъ осыпью стѣна сохранила еще свою плитняную облицовку; послѣдняя, выведенная совершенно отвѣсно, начиналась внизу отъ уровня подошвы упомянутой амбразуры и сохранилась вверхъ до высоты потолка, или свода ея, т. е. на протяженіи около 3 арш., ниже же непосредственно слѣдовалъ уже фундаментъ, соотвѣтствовавшій такимъ образомъ уровню подошвы той-же амбразуры и выступавшій на 1 аршинъ отъ

¹⁾ Изъ нихъ крайній былъ свободенъ лишь на сажень, а далѣе въ немъ находилось дерево (дубъ); другой, длиною $4\frac{1}{2}$ арш., упирался концомъ въ кладку стѣны, а остальные два уходили еще далѣе, за предѣлы пролома, и въ одномъ изъ нихъ также открыты слѣды сгнившаго дерева. Внутренность всѣхъ довольно правильная, покрытая видимо остатками известковой обмазки.

²⁾ Вышеупомянутая разборка кладки вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружила, что внутренность послѣдней въ сильной степени подвергается разрушительному дѣйствію сырости, такъ какъ въ массивѣ стѣны вездѣ замѣтны известковые протечи, вслѣдствіе просачиванія дождевыхъ водъ, а мѣстами видны даже образованія сталактитовъ. По окончаніи работъ разобранное мѣсто было снова задѣлано, причемъ на память будущему были замурованы въ кладку нѣсколько предметовъ, именно: бутылка съ сѣменами овса и ржи, серебряная монета, мѣдная пластинка съ наколотымъ на ней изображеніемъ городища, и глиняная статуетка—издѣліе кустарей Новгородской губерніи.

поверхности стѣны. Самый фундаментъ состоитъ изъ трехъ рядовъ булыжной кладки и углубляется также всего на аршинъ, также же подъ нимъ лежитъ черноватый грунтъ.

Не безъинтересно отмѣтить еще, что при окапываніи той-же стѣны въ $2\frac{1}{2}$ арш. южнѣе упомянутой амбразуры былъ обнаруженъ край какъ-бы бывшаго здѣсь обвала или пролома, начинавшагося внизу отъ черты фундамента и ясно выслѣживавшагося вверхъ приблизительно до границы сохранившейся облицовки, причемъ въ верхней своей части онъ оказался забраннымъ плитняной кладкой, сложенной на сухо (безъ цемента). Проломъ этотъ, или обвалъ, какъ видно, не былъ однако сквознымъ, потому что извѣтъ, на наружной поверхности стѣны никакихъ слѣдовъ его незамѣтно.

Измѣреніе стѣны здѣсь, отъ черты фундамента до гребня, дало $2\frac{2}{3}$ сажени отвѣсной вышины.

Раскопка съ наружной стороны стѣны была произведена соотвѣтственно вышеописанной. Здѣсь, подъ осыпью, выше современнаго уровня проходящей у стѣны дороги въ городище, оказался сохранившимся также небольшой остатокъ лицевой поверхности стѣны (всего лишь два ряда тесаныхъ плитъ), но облицовка эта углублялась отвѣсно еще на $\frac{3}{4}$ арш. ниже уровня дороги, такъ что послѣдній слѣдовательно въ настоящее время уже возвысился, сравнительно съ первоначальнымъ ¹⁾; надобно замѣтить однако, что эта нижняя часть облицовки состоитъ изъ плитъ какъ бы совсѣмъ неотесанныхъ, почему можетъ являться нѣкоторое сомнѣніе, въ принадлежности ихъ къ надземной кладкѣ и въ цѣлостности.

Ниже упомянутой облицовки также обнаруженъ фундаментъ изъ четырехъ рядовъ булыжной кладки, углубляющійся нѣсколько болѣе одного аршина, далѣе же слѣдуетъ уже грунтъ (черная земля).

Что касается размѣровъ стѣны здѣсь, то отвѣсная вышина ея снаружи, отъ черты фундамента до гребня, оказалась 11 ар. 5 вер., т. е. снаружи стѣна спускается ниже поверхности городища лишь на $3\frac{1}{4}$ аршина, толщина же стѣны въ ея нижнихъ частяхъ (между сохранившимися съ обѣихъ сторонъ облицовками) найдена равною $9\frac{1}{4}$ аршинамъ.

1) Данные для реставраціи, почерпаемая изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.

¹⁾ Немного ближе къ въѣзнымъ воротамъ (именно подъ самымъ устьемъ амбразуры), это превышеніе составляетъ уже цѣлый аршинъ, такъ какъ дорога идетъ отлогимъ подъемомъ. Равнымъ образомъ и внутри стоящей здѣсь рядомъ башни (Воротной), каменная подошва нижнихъ амбразуръ приходится значительно ниже современнаго уровня внутренней подошвы башни.

1. Стѣна была съ зубцами, имѣла двухъярусную оборону и была покрыта деревянной кровлей (Описи 1655 и 1665—67 г.).
2. Снаружи стѣны, впрочемъ, они могли, и въ предположеніи оренбургской крепости существовалъ «отводный острогъ (полисадъ) съ ренеткой» 1665—67 г.).

Сравнительная цѣлость остатковъ описаннаго участка ограды, даетъ возможность весьма близко возстановить первоначальный ея видъ. Протяженіе участка точно опредѣляется существующими понынѣ развалинами башенъ на его оконечностяхъ (Климентовской и Воротной), наружная же вышина опредѣляется древними документами довольно согласно въ 12—12½ аршинъ и такъ какъ въ эту цифру не входили позднѣйшія деревянные надстройки (тарасы)¹⁾, которыми уже въ 1655 г. замѣнены были вѣнчавшіе стѣну каменные зубцы²⁾, то изъ сравненія съ современной намъ вышиной послѣдней (11 ар. 5 вер.) получается, что стѣна съ того времени уменьшилась всего лишь на аршинъ, т. е. что процессъ ея разрушенія шелъ главнымъ образомъ на счетъ боковыхъ поверхностей, распадавшихся довольно равномерно. Поэтому, зная изъ тѣхъ-же документовъ, что высота зубцовъ была 3 аршина, можно видѣть, что снаружи вся стѣна первоначально достигала около 5 сажень³⁾, съ внутренней же стороны, или съ поверхности городища, та-же вышина при этихъ условіяхъ составляла около 4 сажень.

Толщина ограды (по верху) показывается всѣми документами въ 8 арш., а въ свѣдѣніяхъ 1655 и 1665—67 г.—9 арш., почему изъ сравненія съ произведенными измѣреніями ея-же въ нижнихъ, хорошо сохранившихся частяхъ у начала фундаментовъ (9¼ арш.) получается разница весьма незначительная, или другими словами—что боковыя поверхности стѣны были бы почти отвѣсныя. Можно даже думать, что незначительную покатость имѣла собственно лишь одна наружная отлогость ея, такъ какъ выше было уже указано, что обнаруженная раскопками плитная облицовка внутренней поверхности стѣны оказалась выведенною совершенно отвѣсно.

Въ связи съ тѣмъ-же вопросомъ о толщинѣ описываемой ограды, нельзя не указать и на то обстоятельство, что южная изъ имѣющихся здѣсь амбра-

¹⁾ См. опись 1655 г.; равнымъ образомъ въ описяхъ 1685 г. и послѣдующихъ приводится та-же вышина 12½ арш., хотя тарасы на стѣнѣ показываются уже развалившимися.

²⁾ Или немного болѣе, если зубцы XVII в. считаны отъ поверхности земли, а не отъ фундамента.

³⁾ По крайней мѣрѣ близъ Воротной башни.

зурь оказалась значительно длиннее двух остальных, изъ чего можно заключить, что поперечные размеры стѣны были, повидимому, неодинаковы, именно, что въ южномъ своемъ концѣ она была нѣсколько толще, нежели въ сѣверномъ (у Воротной башни), быть можетъ въ зависимости отъ самого плана постройки и расположенія упомянутой башни.

Относительно способа сооруженія стѣны, раскопками, какъ уже сказано, выяснилось, что подошвы ея отлогостей находятся и здѣсь на разныхъ уровняхъ: наружная отлогость спускается до подошвы городища, внутренняя оканчивается на поверхности послѣдняго, или на уровнѣ крѣпостнаго двора, соответственно съ чѣмъ и фундаментъ подъ стѣною расположенъ съ наружной стороны значительно ниже, чѣмъ съ внутренней.

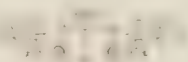
Въ общемъ, стѣна представляла полигональную ограду до 5 саж. вышиною, облицованную плитою и увѣнчанную рядомъ зубцовъ (толщиною и вышиною въ одну сажень); она имѣла двухъярусную оборону (изъ трехъ амбразуръ и изъ за зубцовъ), причемъ могла фланкироваться изъ расположенныхъ на ея оконечностяхъ башенъ и была покрыта деревянной кровлей, но къ 1655 году гребень стѣны уже лишился вѣнчавшихъ его зубцовъ, которые были замѣнены деревянными тарасами.

Въ документахъ XVII в. указывается еще на существованіе у той-же стѣны «отводнаго острога», о которомъ опись 1655 г. поясняетъ, что онъ назначался для «военнаго обереганья»; по свѣдѣніямъ 1665—1667 года острогъ имѣлъ въ длину 15 сажень, въ болѣе-же позднихъ спискахъ о немъ говорится какъ уже о развалившемся, но сообщаются еще нѣкоторыя подробности, напр. въ 1685 г.: «Да отъ тое проходной каменной башни (Воротной) съ приходу съ лица отъ воротъ былъ стоячій острогъ отводной и у того острогу были решетки запорныя и тотъ острогъ и решетки огнили и развалились до остатку и припору къ городовымъ воротамъ нѣтъ». Острогъ этотъ, т. е. родъ полисада изъ заостренныхъ, вертикально поставленныхъ бревенъ, судя по его протяженію (15 саж.) и по выраженію описи объ его направленіи — «съ прихода съ лица» ¹⁾, шелъ параллельно или вдоль стѣны, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи и замыкался въ концѣ решеткой, причемъ, по всей вѣроятности, снаружи былъ прикрытъ земляной присыпью ²⁾.

¹⁾ Точно также описи выражаются и о направленіи всего западнаго фаса, расположеннаго «съ прихода съ лица», причемъ въ 1692 г. еще поясняется — «отъ нѣмецкаго свейскаго рубежа».

²⁾ Напр. въ описи Суздаля 1676 г.: «А около городу острогу нѣтъ, острожная осыпь въ прошлыхъ годѣхъ испорчена на селитренное вареніе» (Дополн. акт. истор., т. IX, № 9).

Что касается того, существовать-ли онъ при первоначальномъ построеніи крѣпости, или же быть устроенъ лишь въ послѣдствіи, рѣшить за немѣнимъ данныхъ нельзя.

Изъ вышеизложеннаго детальнаго обозрѣнія развалинъ Старолadoжскаго городища, складывается общій видъ этой грандіозной постройки въ тотъ отдаленный періодъ, когда она была еще въ полной цѣлости. Передъ нами рисуется пятибашенная каменная твердыня, нѣсколько напоминающая характеръ древнихъ итальянскихъ укрѣпленій, съ ихъ башнями по угламъ и по серединѣ длинныхъ фасовъ, но, получившая примѣнительно къ конфигураціи занятаго ею пункта, форму вытянутаго треугольника. Изъ числа башенъ три угловыхъ круглыя, обнесены низкимъ, слегка наклоннымъ покоемъ и отдѣленнымъ послѣдній небольшимъ полукруглымъ карнизомъ, а изъ остальныхъ двухъ боковыхъ: одна (западная)—четыреугольная, а другая (восточная)—въ видѣ закругленнаго спереди прямоугольника. Башни соединялись каменными, увѣнчанными рядомъ зубцовъ стѣнами и все сооруженіе облицовано было тесаной плитой и покрыто деревянными крышами. Рядъ бойницъ съ сводчатыми за ними амбразурами, расположенныхъ въ одну линію на протяженіи стѣнъ ограды и цѣлая система таковыхъ-же устроенныхъ въ различныхъ этажахъ всѣхъ пяти башенъ, а также линія стѣнныхъ зубцовъ, составляли всѣ приспособленія крѣпости для пассивной обороны метательнымъ оружіемъ. Наружное сообщеніе производилось черезъ проѣзныя ворота въ боковой западной башнѣ и малый потайной выходъ—въ башнѣ юго-западной, а для обезпеченія гарнизона водою былъ устроенъ подъ другой боковой башней (на Волховѣ) колодезь, совершенно скрытый отъ непріятеля.

Общее обозрѣніе крѣпости.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ планъ и конструкція всей постройки въ ея первоначальномъ видѣ, сооруженіе которой, по всей вѣроятности, не обошлось безъ участія иностранныхъ мастеровъ господствовавшей тогда на западѣ Романской школы, занесшихъ изъ Новгорода и Пскова вліяніе Романскаго стиля даже въ Ростово-Суздальскую область, какъ напр. это усматривается въ памятникахъ XII в. церковнаго зодчества послѣдней ¹⁾. Быть можетъ даже, что и самая постройка производилась тѣми странствующими артелями вольныхъ каменъ-

¹⁾ Гр. А. Уваровъ: «Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ» (труды I Археологич. съѣзда).

пиковъ, которыя существовали тогда на западѣ ¹⁾, такъ какъ новгородцы издревле славились лишь плотничествомъ и едва-ли имъ было по силамъ справиться однимъ съ такою задачей въ специальной области каменнаго дѣла, какой являлось возведеніе ладожской крѣпости. Можно при этомъ указать и на ту аналогію, которая существуетъ между способами постройки напр. тѣхъ-же древнихъ храмовъ Ростово-Суздальской области и ладожскаго городища, стѣны которыхъ одинаково сложены изъ залитыхъ известью валуновъ, съ облицовкой изъ тесанаго камня и заложеными внутрь дубовыми связями ²⁾; такимъ образомъ строительные приемы въ обоихъ случаяхъ употреблены тѣ-же самые.

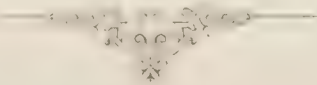
Какъ бы то ни было, но останавливаясь съ удивленіемъ передъ огромной массой труда и матеріала, затраченныхъ на возведеніе этой неприступной для своего времени твердыни, нельзя однако не замѣтить, что капитальность всего сооруженія не выдержана во всѣхъ его частяхъ въ одинаковой степени и что строителями недостаточно оцѣнены были мѣстные грунтовые условія, о чемъ могутъ свидѣтельствовать такіе факты, какъ уже указывавшаяся выше своеобразная конструкція стѣнъ ограды, не имѣвшихъ подъ собою надежнаго основанія, характеръ разрушенія ихъ въ разныхъ мѣстахъ на западномъ и восточномъ фасахъ (опалзываніе и смѣщеніе массивовъ кладки), паденіе средней восточной башни и обнаруженное раскопками въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отсутствіе твердаго материка подъ слабыми фундаментами стѣнъ, вмѣсто котораго оказывались еще почвенные слои. Что касается башенъ, за исключеніемъ средней восточной (уже несуществующей), то колоссальные остатки ихъ, сохранившіеся до нашихъ дней, въ особенности башенъ Стрѣлочной и Климентовской, свидѣтельствуютъ о незыблемой прочности этихъ гигантскихъ сооружений, на которую, повидимому, и были обращены главнѣйшія заботы строителей, стремившихся сдѣлать эти твердыни несокрушимыми противъ всякихъ покушеній тогдашней полиорцетикки.

Наконечъ относительно названій самыхъ башенъ остается замѣтить, что считать ихъ современными построенію городища основаній не имѣется. Названіе «Климентовской» башни очевидно находится въ связи съ лежавшимъ южнѣе ея храмомъ во имя св. Климента, но онъ сооруженъ лишь въ 1153 году, т. е. спустя приблизительно 40 лѣтъ послѣ основанія крѣпости. Равнымъ образомъ названіе «Роскатной» башни едва-ли могло явиться ранѣе конца XIV ст. (если еще не позже), т. е. лишь въ связи съ введеніемъ огнестрѣльныхъ орудій, которыми обусловилось и появленіе самыхъ «роскатовъ», какъ мѣста для

¹⁾ Артлебенъ: «По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ» (тамъ-же).

²⁾ П. Полевой: Очерки рус. исторіи въ памятникахъ быта, II, 195.

помѣщенія тѣхъ-же орудій, да и самая башня въ 1628 году именуется еще «Большимъ роскатомъ», точно также, какъ Тайничная—«Тайничнымъ роскатомъ». Названія «Воротной» и «Стрѣлочной», безъ сомнѣнія, также несомнѣнно, потому что въ нихъ звучитъ терминологія позднѣйшая; во всякомъ случаѣ, однако, всѣ эти наименованія встрѣчаются уже установившимися не позже половины XVII столѣтія.

Въ тѣсной связи съ каменнымъ городомъ (крѣпостью) находился еще въ Ладогѣ-же *Городъ деревянный*, существованіе котораго рядомъ съ первымъ выясняется документально уже въ первой половинѣ XVII вѣка и который составлялъ съ каменнымъ какъ-бы одну общую систему ¹⁾. О слѣдахъ этихъ деревянныхъ укрѣпленій приходилось упоминать уже выше ²⁾: они лежатъ южнѣе каменнаго городища, непосредственно за отдѣляющей здѣсь послѣднее большой лощиной или балкой, впадающей въ Волховъ (табл. XLVIII и XLIX), и представляютъ нынѣ цѣпь неправильныхъ холмовидныхъ насыпей, окаймляющихъ съ юга и запада берегъ Волхова.

Городъ Деревянный.

Табл. XLVIII и XLIX.

Рис. 25. Остатки Деревяннаго города съ юго-западн. стороны.

¹⁾ Подобное совмѣстное существованіе каменныхъ и деревянныхъ укрѣпленій встрѣчается и въ другихъ городахъ, напр. въ Тулѣ и Новгородѣ (Доп. акт. истор. т. IX, №№ 13 и 83).

²⁾ См. стр. 5 и 203.

Пространство между Волковымъ и этими насыпями представляетъ площадь, изборозженную глубокими провалами, образовавшимися отъ подземныхъ вымокъ песка, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдаются остатки каменныхъ массивовъ отъ нѣкогда стоявшей здѣсь древней церкви св. Климента ¹⁾. Въ болѣе глубокой древности здѣсь, вѣроятно, существовало земляное городище, а въ XVII в. являются уже упомянутыя укрѣпленія, именуемыя въ документахъ «Деревяннымъ городомъ», а иногда — «Землянымъ», причемъ въ послѣднемъ названіи какъ-бы звучитъ воспоминаніи именно о томъ-же городищѣ (земляномъ) ²⁾.

Рис. 26. Мѣсто, гдѣ стояла церковь св. Климента, въ Земляномъ городѣ.

Когда именно эти, сравнительно новѣйшія, укрѣпленія были возведены, точнаго извѣстія не имѣется, но надо думать, что не ранѣе XVII столѣтія; въ свѣдѣніяхъ 1628 г. о нихъ совершенно не упоминается (см. приложенія), но въ 1655-мъ говорится, что «Въ Ладогѣ другой городъ деревянный, поставленъ былъ по земляному валу, подлѣ каменного города» и притомъ показывается уже какъ огнившій и развалившійся. Въ переписныхъ книгахъ Ладogi 1646 г.

¹⁾ См. стр. 41.

²⁾ Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ, данной Успенскому дѣвичью монастырю въ Ладогѣ, въ 1684 г. (Документы Новгород. казенной палаты въ Археогр. комиссіи, № 425), между прочимъ, упоминается, что въ даточныхъ книгахъ 1618 г. показаны отданными ему-же (изъ числа угодіи запустѣвшаго Рождественскаго монастыря въ Ладогѣ-же) двѣ полянки — «что у городской земляной стѣны», въ чемъ быть можетъ также скрывается указаніе на остатки вала прежняго землянаго городища.

начитъ также два города — «каменный и земляной», но болѣе определенное указаніе читается въ челобитной ладожанъ 1649 года ¹⁾, въ которой между прочимъ говорится, что — «въ нынѣшнемъ 157 году велѣно въ Ладогѣ городъ дѣлать деревянной», т. е. какъ-бы указывается на время основанія послѣдняго; однако, въ виду дальнѣйшихъ мотивовъ, развиваемыхъ въ той-же челобитной, нельзя остановиться и на упомянутомъ годѣ, ибо далѣе прибавляется — «а подѣлывали, государь, въ Ладогѣ каменный городъ и деревянный не однимъ ладожскимъ уѣздомъ и воеводы писали о томъ къ тебѣ государю и смѣтныя городовыя росписи посылали въ Новгородскую Четверть», т. е. указывается, слѣдовательно, на прошлое время.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ указаній можно только заключить, что новыя деревянные укрѣпленія, быть можетъ, возведены были въ періодъ между 1628 и 1649 г.

Вновь построенный «Деревянный городъ», судя по сообщаемымъ документами измѣреніямъ ²⁾, имѣлъ приблизительно видъ неправильнаго четырехугольника, восточный фасъ котораго (около 75 саж.) тянулся вдоль берега Волхова, переходилъ черезъ упоминавшуюся уже лошину или балку и упирался въ каменную Роскатную башню стараго городища. Съ сѣверной стороны, обращенной къ послѣднему, ограды онъ не имѣлъ, а отдѣлялся рвомъ, которымъ былъ окруженъ съ трехъ остальныхъ сторонъ, укрѣпленія же его состояли изъ землянаго вала, съ деревянной рубленой стѣной (вышиною вмѣстѣ съ валомъ до 3 саж.), находившагося на восточномъ, южномъ и западномъ фасахъ, и трехъ деревянныхъ-же башенъ, изъ которыхъ одна, въѣздная, стояла всего въ 13 саженихъ отъ Климентовской башни каменнаго городища ³⁾, а двѣ прочихъ были расположены на юго-западномъ и юго-восточномъ углахъ города; въ проѣздной башнѣ находились ворота съ калиткой, снаружи которыхъ, на протяженіи 15 сажень, шелъ стоячій острогъ съ запорной рѣшеткой. Въ описи 1665—67 г., башни носятъ слѣдующія названія: ближайшая къ каменному городищу именуется Воротною, юго-западная — Наугольною и юго-восточная — Бережною (на берегу Волхова); вышина ихъ была отъ 3—4 сажень, по плану-же начертанія всѣ были

¹⁾ См. Прилож. V.

²⁾ Впрочемъ не вполне согласнымъ между собою. Въ особенности отдѣльно отъ прочихъ стоятъ указанія 1665.—67 г., но такъ какъ прочія рознятся менѣе, то вѣрнѣе придерживаться послѣднихъ.

³⁾ Мѣстоположеніе этой въѣздной башни можетъ опредѣляться весьма точно: по указаніямъ документовъ она, какъ уже сказано, находилась въ 13 саж. отъ Климентовской башни, съ которой соединялась валомъ; послѣдній уцѣлѣлъ и понынѣ (см. стр. 204) и имѣетъ почти ту-же длину, слѣдов. въѣздная башня стояла какъ разъ у его оконечности.

шестиугольными ¹⁾; кромѣ того, на протяженіи ограды были въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены «быки» ²⁾, т. е. болѣе или менѣе значительные, обнесенные рубленой-же стѣной выступы наружу, а нѣкоторые и внутрь ограды (для открытаго помѣщенія огнестрѣльныхъ орудій) ³⁾, каковыхъ на западномъ фасѣ было два, а на южномъ и восточномъ—по одному, при ширинѣ каждаго быка (т. е. по протяженію ограды) отъ 11—24 сажень и длинѣ (поперегъ ограды) отъ 4—12 сажень. Наконецъ въ деревянномъ-же городѣ былъ устроенъ также особый скрытый «подлазъ» или «тайникъ къ Волхову», съ колодезѣмъ, въ который посредствомъ трубы была проведена вода изъ рѣки, а у юго-западной Наугольной башни внутри города находился еще прудъ, быть можетъ, питавшій водою наружный ровъ крѣпости.

Что касается продолжительности существованія Деревяннаго города, то онъ уже въ 1655 г. находился въ полномъ упадкѣ: «И тотъ деревянный городъ, башни и деревянные городовыя прясла и отводные быки и у воротъ острогъ и решетка, все огнило и развалилось безъ остатку» ⁴⁾. Повидимому однако, онъ послѣ того былъ возобновленъ, или по крайней мѣрѣ капитально исправленъ, ибо въ свѣдѣніяхъ 1665—67 г. о немъ-же читается, что — «тотъ деревянный городъ весь въ цѣлѣ и покрытъ, опрочѣ одной Наугольной» (башни), но спустя всего четыре года положеніе крѣпости снова значительно уже ухудшилось: стоячій острогъ у Воротной башни подгнилъ и развалился, колодезь засыпался и мостъ надъ нимъ обвалился, да и весь городъ по словамъ донесенія 1676 г. — «во многихъ мѣстахъ стоитъ безъ кровли и отъ мокроты гніетъ и валится врознь». Къ 1685 году начали грозить паденіемъ нѣкоторыя части стѣнъ, что вынудило наконецъ произвести небольшой ремонтъ ихъ, именно въ 1686 г., когда былъ починенъ и вновь покрытъ крышами западный фасъ ограды, но и го не весь ⁵⁾, все-же прочее осталось въ прежнемъ видѣ, судя по извѣстію 1692 г., передающему, что—«на томъ деревянномъ городѣ и на башняхъ и по

¹⁾ По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству описи 1665—67 г., въ другихъ же, хотя онѣ показаны круглыми, но очевидно лишь приблизительно, ибо при постройкѣ изъ деревянныхъ вѣнцовъ, башни должны быть многогранными.

²⁾ Или «выводы», какъ они названы въ описи 1668 г.

³⁾ Въ чемъ состояла разница между быками и роскатами въ нашей древней терминологіи, неизвѣстно, назначеніе же тѣхъ и другихъ одинаковое. Въ каменныхъ постройкахъ, напр. башняхъ, слово быки употреблялось въ смыслѣ контрфорсовъ.

⁴⁾ См. прилож. IX.

⁵⁾ См. прилож. XIV и Опись 1698 г. въ Журн. Мин. внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29. Повидимому объ этомъ именно ремонтѣ и упоминается въ челобитной Николаевского Медвѣдскаго монастыря 1686 г. (см. стр. 151); но въ послѣдней прибавлено еще и о починкѣ одной изъ башенъ и пороховаго погреба, о чемъ въ воеводскихъ донесеніяхъ однако не оговаривается.

городу мостовъ нѣтъ и отъ мокроты все гніетъ и валится». Наконецъ, въ 1697 г. говорится, что, вдобавокъ къ прежнему разрушенію, начали валиться самыя башни, напр. Наугольная (юго-западн.), которая «подгнила и шатнулася за городъ и городовая стѣна отъ тое башни отстала и валится врознь, тайникъ и колодезь все огнило безъ остатку, ровъ осыпалась и заросла, прудъ и трубы (для спусканія воды въ ровъ) огнили и заросли и вода стоитъ въ городѣ»!

Упомянутое сооруженіе новыхъ деревянныхъ укрѣплений можетъ объясняться все болѣе и болѣе обнаруживавшимся упадкомъ старой (каменной) крѣпости, затруднительностью капитальнаго ея ремонта, а также и тѣсною ея расположенію, къ концу-же XVII стол. какъ та, такъ и другая видимо были уже заброшены. Тѣмъ не менѣе, за обѣими до послѣдняго времени продолжало все-таки удерживаться какъ-бы извѣстное военное значеніе, потому что въ нихъ продолжало состоять артиллерійское вооруженіе, хранились нѣкоторые запасы, находился постоянный гарнизонъ и содержались караулы при вѣздахъ. Такъ, по свѣдѣніямъ 1628 г. въ каменной крѣпости числилось на вооруженіи 27 орудій (пищалей и тюфяковъ), отъ $\frac{1}{4}$ — $5\frac{1}{2}$ фн. калибра ¹⁾ и къ нимъ припасовъ — 20 пуд. пороха и 1160 ядеръ, артиллерійскихъ же чиновъ было всего шесть пушкарей и два воротника. Приблизительно то-же самое находимъ и позднѣе, несмотря на сказанную пристройку новой деревянной крѣпости: напр., въ 1668 г. общее число орудій въ обѣихъ показано 26, а въ 1669-мъ — 30, равно какъ и въ послѣдующіе, въ теченіи которыхъ наличность артиллеріи колеблется между тѣми-же цифрами, такъ что съ расширеніемъ крѣпости составъ ея вооруженія не увеличился. Всѣ орудія размѣщались по башнямъ, въ деревянной же крѣпости маленькими затинными пищалями были воо-

Вооруженіе.

¹⁾ Онѣ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: На Воротной башнѣ—18 пищалей (въ томъ числѣ 16 мелкихъ затинныхъ) и 2 тюфяка; на Стрѣлочной—2, на Тайничной—1, на Роскатной и Климентовской по 2 пищали и 1 тюфяку.

Въ 1655 г. въ каменной крѣпости: на Воротной башнѣ 2 пищали и въ воротахъ тюфякъ мѣдный — 1; на Стрѣлочной — пищалей 19 (въ томъ числѣ 16 малыхъ затинныхъ) и тюфякъ желѣзный—1; на Климентовской башнѣ пищаль 1 и на стѣнѣ между Воротной и Климентовской башнями пищалей 2 и тюфякъ 1. Ко всѣмъ орудіямъ исчислено 1330 ядеръ.

Въ 1665—67 г. въ обѣихъ крѣпостяхъ: Въ каменной — на Климентовской башнѣ 2, на Воротной—3, на Стрѣлочной—3 и на Роскатной—1. Въ деревянной—на Воротной и Наугольной башняхъ по 1 и кромѣ того на башняхъ-же и быкахъ 15 пищалей затинныхъ.

ружены и быки, устроенные въ нѣсколькихъ мѣстахъ по ея оградѣ. Но значительную часть и этого скромнаго вооруженія, скоро пришлось убрать въ кладовыя, такъ какъ съ упадкомъ исправности крѣпости, для многихъ орудій уже не находилось мѣста; напр. въ свѣдѣніяхъ 1676 г., по башнямъ ихъ исчислялось только 11 (9 въ каменной крѣпости и 2 въ деревянной), остальные же 18 (въ томъ числѣ 15 пицалей затѣнныхъ) показаны лежащими — «въ амбарѣ у цѣловальника, для того что поставить на городской стѣнѣ и въ башняхъ негдѣ». То-же самое встрѣчается и въ свѣдѣніяхъ 1685 г., по донесенію же 1692 г. въ каменной крѣпости ихъ стояло всего 7, а въ деревянной лишь 1 — въ воротахъ; въ сущности, и эти немногія были для обороны совершенно безполезны, по состоянію какъ самой крѣпости, такъ и матеріальной части ея артиллеріи, ибо напр. въ 1655 г. упоминаются такія орудія, у которыхъ «станки и колеса огнили безъ остатку» и указывается, что «наряду (пушкамъ) безъ станковъ и безъ колесъ въ осадное время быть отнюдь не мочно», или въ донесеніи 1692 г., что — «пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великой нуждою и подъ тѣми пушками станки и колеса сгнили и въ нужное время къ тѣмъ пушкамъ придти будетъ немочно, что мостовъ въ башняхъ нѣтъ»!

Что касается гарнизона крѣпости, то какъ въ 1628 г., такъ и въ концѣ XVII стол., въ немъ числилось около 200 стрѣльцовъ и казаковъ, съ разными при нихъ начальными людьми ¹⁾, причемъ на обязанности его-же лежало содержаніе переменныхъ карауловъ еще въ трехъ сосѣднихъ съ Ладогою пунктахъ, именно — верстахъ въ 40 (на нѣмецкомъ рубежѣ) въ Лавуйскомъ острожкѣ ²⁾ и на двухъ заставахъ при Волховскомъ и Сяскомъ устьяхъ (верстахъ въ 15—20 отъ Ладоги), въ которыхъ постоянно находились съ заставными головами небольшія команды отъ 10—20 человекъ стрѣльцовъ и казаковъ (въ Лавуйскомъ острожкѣ даже съ пушками), смѣнявшіяся черезъ каждыя двѣ, три недѣли изъ Ладоги-же.

¹⁾ См. ч. I — Населеніе.

²⁾ Т. е. на рѣкѣ Лавѣ, впадающей въ Ладожское озеро западнѣе Волхова. Въ свѣдѣніяхъ 1662 г. о немъ говорится: «Указалъ великій государь послать межевыхъ судей... межъ Ладоги и острожка на усть рѣки Лавуи у Ладожскаго озера, гдѣ та рѣка въ Ладожское озеро впала... (Документы Новгородск. Губернск. Правленія въ Археогр. Комиссіи: Книга великаго государя грамотамъ, 170—173 г., — «Столпъ межевой 170 г.»).

Въ заключеніе описанія Староладожскаго городища, остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ древнихъ памятникахъ, ютящихся и понынѣ среди его развалинъ, именно о двухъ храмахъ во имя св. великомучениковъ Георгія и Дмитрія.

Первый изъ нихъ — каменная церковь во имя св. Георгія (Табл. L—LV) представляетъ драгоценный историческій памятникъ, быть можетъ, существовавшій еще до построенія самой крѣпости, такъ какъ названіе храма ставятъ въ связь съ именемъ Ярослава I (въ крещеніи Георгій), княжившаго въ Новгородѣ, по мнѣнію же другихъ постройка его относится къ XII вѣку, т. е. признается современной городищу и приурочивается къ княженію въ Новгородѣ Мстислава Владиміровича ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, глубокая древность церкви не подлежитъ сомнѣнію, что доказывается планомъ и способами ея постройки, открытыми въ ней фресками и нѣсколькими дошедшими до насъ (нынѣ уже несуществующими) надписями, изъ числа находившихся когда-то на первоначальной обмазкѣ стѣнъ ²⁾. Та-же древность храма подтверждается и свидѣтельствами историческими, ибо изъ лѣтописи извѣстно, что въ 1446 г. Архіепископъ Евонмій — «заложилъ монастырь св. Георгія въ городкѣ въ Ладогѣ и церковь св. Георгія поновилъ и подписа, пдѣже отпало и покрыю чешуею и бысть крестыномъ приѣзжнще» ³⁾, т. е. рѣчь идетъ объ обращеніи той-же церкви въ монастырь, но не о самомъ ея основаніи; объ этомъ-же свидѣтельствуется и въ грамотѣ 1678 г. митрополита Корнилія, въ которой говорится, что — «та де церковь великомученика Георгія строеніе преосвященнаго Евонмія архіепископа Великаго Новогграда и Пскова» ⁴⁾. Затѣмъ древ-

Древніе памятники въ
городищѣ.

Табл. L—LV.

¹⁾ В. Прохоровъ: Христіанскія древности и археологія, 1871 г., кн. I.

Названіе церкви здѣсь сопоставляется съ именемъ Мстислава въ крещеніи — Георгій; по другимъ свѣдѣніямъ (Д. Иловайскій: Исторія Россіи, т. I, ч. I, 199), онъ именовался не Георгій, а Θεодоръ.

²⁾ Нынѣ извѣстны только четыре надписи (изъ числа бывшихъ въ олтарѣ), сохранныхъ въ Исторіи русск. іерархіи архимандрита Амвросія (IV, 138), а именно:

1) Гіи помози равноу своємѣ Панкратовѣ дѣмѣ святаго Сергія.

2) Мѣца Гыновара въ осмы дѣнь престависѣ Гофия Дроцилова.

3) Мѣца Августѣ дѣнь престависѣ ра Кожн Петро Домажировицѣ на стѣго Влѣдѣрна въ дѣнь.

4) Мѣца Октавра въ осмы дѣнь престависѣ равно Гіи Гюрги Писцковици.

Палеографическіе признаки этихъ надписей и собственные имена здѣсь встрѣчающіяся, считаются не позднѣе XIII столѣтія.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, 123. По другимъ спискамъ это было въ 1445 году.

⁴⁾ См. прилож. XVI. Грамота эта извлечена нами изъ числа старинныхъ бумагъ, бережно сохраняемыхъ почтеннымъ жителемъ Старой Ладogi мѣщаниномъ В. Парфеновымъ.

ность послѣдней свидѣтельствуется и другими документами, напр., въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1631 г. говорится, что—«храмъ страсотерпца Христова Георгія въ Ладогѣ одинъ, строенье нашихъ прародителей давныхъ лѣтъ»¹⁾. причемъ поясняется, что—«Божіе милосердіе образы и книги и ризы и колокола данье наше-жъ, а до раззоренья де было въ тотъ монастырь наше жалованье годовая руга деньги и хлѣбъ и милостыня», т. е. что самая церковь издревле была ружная и строения государева, а не приходскаго.

Такимъ образомъ, Георгіевскій храмъ является памятникомъ, вполне гармонирующимъ съ окружающими его вѣкодавними развалинами городища, но историческихъ свѣдѣній о немъ сохранилось очень мало. Обращенный въ 1446 г., какъ уже сказано, въ монастырь, онъ съ этихъ поръ упоминается уже подъ названіемъ Георгіевского Застѣннаго монастыря²⁾, которое удерживается за нимъ еще и въ 1775 г., т. е. въ теченіи болѣе 300 лѣтъ. Изъ скудныхъ о немъ свѣдѣній видно, что монастырь существовалъ въ бѣдности; такъ уже грамотою архіепископа Леоніда 1572 г.³⁾ онъ былъ освобожденъ отъ платежей разныхъ пошлинъ въ домовую казну преосвященнаго, въ началѣ-же XVII вѣка въ эпоху смуты онъ подвергся вмѣстѣ съ Ладогой полному раззоренію, и только въ 1618 году послѣдовало его новое освященіе (2 Іюня) игуменомъ Медвѣдскаго монастыря Ѳеодоритомъ, причемъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ немъ въ 1628 г. состоялъ только одинъ іеромонахъ съ причтомъ⁴⁾, по писцовымъ же книгамъ 1629 г.—«въ томъ монастырѣ игумена и братьи нѣтъ, а у Егорья великомученика служатъ попъ мірской, да дьячекъ, да пономарь, да проскурня и тѣмъ соборяномъ руга идетъ изъ Великого Новагорода изъ Дворцоваго приказу»⁵⁾. Черезъ два года, однако, въ монастырѣ

¹⁾ См. Прилож. XV.

²⁾ Такъ въ переписной книгѣ Вотской пятины 1500 года, уже значатся «поземщики Егорьевскаго монастыря изъ Ладоги изъ за стѣны». Самое названіе находится очевидно въ связи съ расположеніемъ монастыря внутри каменнаго городища.

³⁾ Таковая существовала въ монастырѣ еще въ 1745 г., какъ видно изъ описи этого-же времени, найденной нами въ числѣ документовъ, хранящихся у ладожскаго мѣщанина В. Парфенова (См. прилож. XVII).

⁴⁾ Матеріалы для стат. Рос. Имперіи, изд. Мин. внутр. дѣлъ, отд. I, 63. (Также Ист.—статистич. свѣд. о С.-Петербур. епархіи, 1884 г., вып. IX, 133).

⁵⁾ См. прилож. XV. О размѣрѣ руги здѣсь-же говорится: «Въ монастырь мученика Георгія въ Ладогу по окладу годового 16 гривенокъ, темьяну 8 алтынъ, да пудъ воску 40 алтынъ, да того-жъ монастыря проскурницѣ да старцомъ двумъ человѣкомъ и всего шти человѣкомъ годовые руги по окладу 4 рубли 6 алтынъ 4 деньги, и всего въ тотъ монастырь на церковный обиходъ и церковникомъ и старцомъ шти человѣкомъ по окладу годовые руги 5 руб. 21 алт. 4 деньги».

Подтвердительныя ружныя грамоты 1646 и 1680 г. тому-же монастырю, существовали въ послѣднемъ еще въ 1745 году.

снова упоминается общежитіе, покрайней мѣрѣ въ той-же вышеуказанной грамотѣ 1631 г. уже говорится, что—«быль челомъ изъ Ладogi Егорьевскаго монастыря черной попъ Корнилей съ братьею и съ причетники..., вотчины де къ той церкви нѣтъ ни одной чети, а приходу-де у той церкви нѣтъ, а былъ-де у нихъ только одинъ бобыль на новочищенномъ починкѣ на поженкѣ и въ прошломъ 137 году того ихъ бобыля приписали къ нашимъ рядкамъ». Тотъ-же недостатокъ и нужда монастырская видны изъ грамоты митрополита Корнилія 1678 г., которою онъ вновь освобождаетъ монастырь отъ поставки подводъ, какъ было изстари—«потому что мѣсто убогое, земли и прихожанъ нѣтъ и кормятся своею работою..., и мы преосвященный Корнилій пожаловали, подводъ и кормовъ съ нихъ за ихъ скудость, и города Ладogi попомъ съ причетники въ подводы и въ кормы подмоги, имѣть не указали» ¹⁾.

Затѣмъ имѣются свѣдѣнія, что къ 1764 г. Застѣнный монастырь былъ уже упраздненъ и Георгіевская церковь въ штатахъ того времени значится уже приходскою ²⁾, а въ 1837-мъ она утратила было даже свою самостоятельность, такъ какъ указомъ С.-Петербургской Духовной консисторіи была приписана къ Успенскому монастырю въ Ладогѣ; однако, по прошенію мѣстныхъ прихожанъ, обязавшихся даже давать денежное содержаніе причту церкви, указомъ той-же консисторіи 1839 г. древнему Георгіевскому храму снова было возвращено независимое положеніе ³⁾, въ какомъ онъ остается и по настоящее время ⁴⁾.

Вотъ все немногое, что извѣстно объ исторіи этого представителя древняго церковнаго зодчества Новгородской области. Относительно его сохранности нельзя не замѣтить, что если древній видъ храма и измѣнился уже во многомъ, то не столько подъ тяжестью вѣковъ, пережитыхъ самимъ памятникомъ, сколько отъ темнаго усердія своихъ-же почитателей. Можно напр. указать на судьбу

¹⁾ См. прилож. XVI.

²⁾ Матеріалы для стат. Рос. имп., издан. Минист. Внутр. дѣлъ, отд. I, 63.

³⁾ Изъ документовъ Георгіевской церкви. По указаніямъ Ист.-ст. свѣдѣній о С.-Петерб. епархіи, самостоятельность церкви восстановлена въ 1837 же году.

⁴⁾ Изъ прежнихъ священнослужителей Георгіевской церкви, въ разныхъ документахъ и изданіяхъ, упоминаются: Въ 1592 г. (1572-мъ?)—Діонисій (строитель); въ 1618-мъ—Василій; въ 1646 и 1649-мъ—Нафанаилъ; въ 1669-мъ—Василій Васильевъ; въ 1670-мъ—Гавріиль Ѳедоровъ; въ 1671-мъ—черный попъ Филаретъ; въ 1678—85 г. Левъ Ивановъ; въ 1685-мъ—Апикій Аристарховъ; въ 1701-мъ—Иванъ Харлампіевъ; въ 1717—26 г.—Никифоръ Михайловъ; въ 1730-мъ—Евстратій Никифоровъ; въ 1755—77 г.—Ѳедоръ Тимоѳеевъ; въ 1777—83-мъ—Иванъ Ѳедоровъ; въ 1783—1813-мъ—Николай Аонасеевъ; въ 1817—48-мъ—Николай Ѳедоровъ; въ 1849—52-мъ—Александръ Мудролюбовъ и въ 1852—70 г.—Іоаннъ Малоземовъ.

драгоценной по своей глубокой древности фресковой живописи, покрывавшей когда-то всю внутренность Георгіевской церкви, существованіе которой впервые было обнаружено около 1780 года преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ ¹⁾, и хотя въ то время она скрывалась подъ слоемъ неизвѣстно когда наведенной на нее штукатурки ²⁾, но находилась еще въ цѣлости. Были-ли освобождены тогда преосвященнымъ всѣ фрески, или-же только часть ихъ, свѣдѣній не имѣется, но безъ извѣстнаго поврежденія конечно не обошлось и въ то время, что можно видѣть хотя-бы изъ факта открытія нѣсколькихъ уже упоминавшихся древнѣйшихъ надписей, найденныхъ подъ фресковой живописью, да и вѣроятной неумѣлости лицъ, производившихъ тогда снятіе верхней штукатурки. Во всякомъ случаѣ, большая часть фресокъ осталась, однако, еще въ цѣлости и просуществовали до 1847 г. ³⁾, когда на нихъ наложили руки новѣйшіе ревнители храмоваго благолѣпія, рѣшившіе, по случаю производившагося ремонта церкви, отбѣить множество фресокъ и заштукатурить стѣны вновь, что и было осуществлено съ полнымъ успѣхомъ ⁴⁾, а немногія уцѣлѣвшія затѣмъ изображенія, были, какъ видно, забѣлены известкой.

Слухъ объ этомъ дошелъ однако до Духовной консисторіи, которая въ 1850 г. поручила члену новолодожскаго Духовнаго правленія іеромонаху Аполлосу распорядиться очисткой оставшихся фресокъ, что и было исполнено, а затѣмъ предписала, чтобы послѣднія были охранены отъ всякаго поврежденія, въ 1857-мъ же году Святѣйшимъ Синодомъ было поручено надворному совѣтнику Львову осмотрѣть остатки тѣхъ-же фресокъ, съ которыхъ частью и были

¹⁾ Матеріалы для стат. Рос. имперіи, издан. Мин. Вн. дѣлъ, отд. I, 63. Въ вопросѣ о древности сооруженія самого храма важно еще то обстоятельство, что подъ росписнымъ фресковымъ слоемъ была обнаружена тогда-же еще болѣе древняя стѣнная обмазка, весьма тонкая, на которой были найдены вышеупоминавшіяся надписи (см. стр. 233).

²⁾ Быть можетъ, передъ освященіемъ церкви въ 1618 г. (П. Кеппенъ: Списокъ рус. памятникамъ, № 38). Во времена архіепископа Евѣимія (XV в.) фрески, видимо, оставались еще открытыми, ибо слова лѣтописи о ремонтѣ церкви въ 1446 г.—что владыко въ ней—«подписа идѣже отпало», по всей вѣроятности, относятся именно къ подправленію стѣнной живописи.

³⁾ Такъ, еще П. Кеппенъ упоминаетъ о рисункѣ или копіи «образа св. Аверкія, курсунскаго письма, снятомъ 5 Іюня 1821 г. въ старой Ладогѣ, въ церкви св. великомученика Георгія» (Списокъ русскимъ памятникамъ, № 38).

⁴⁾ Ист.-стат. свѣд. о С.-Петербур. епархіи, вып. IX, 133.

Повидимому слѣды этихъ-же дѣяній были встрѣчены и покойнымъ В. Прохоровымъ, который нашелъ въ сосѣдней съ церковью башнѣ городища (Роскатной) цѣлую груду обломковъ штукатурки, съ фрагментами фресковой на нихъ живописи (Христ. древн. и археологія, 1871 г., кн. II).

сняты имъ рисунки, но болѣе отккрыть въ церкви подобныхъ изображеній Львову не удалось ¹⁾.

Въ 1858 г. уцѣлѣвшія еще фрески были срисованы покойнымъ В. Прохоровымъ и вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ самой церкви появились въ его изданіи ²⁾,

¹⁾ Указанія эти почерпнуты изъ донесенія причта Георгіевской церкви 1859 г. Считаемо справедливымъ привести здѣсь нѣкоторыя объясненія того-же причта, по поводу гибели фресокъ: въ донесеніи говорится, что — существующія въ Георгіевской церкви фрески (т. е. остатки отъ 1847 г.?) были по неосторожности забрызганы (sic) известью, во время штукатуренія и отдѣлки церкви въ 1847 г. (объ отбивкѣ штукатурки и свалкѣ ея въ башню ничего не упоминается), въ связи съ чѣмъ и находится распоряженіе консисторіи 1850 г. объ ихъ очисткѣ. Далѣе въ донесеніи развивается, что имѣющіеся еще въ разныхъ мѣстахъ на стѣнахъ церкви остатки изображеній, большею частью не въ полномъ видѣ (напр. однѣ руки или ноги, головы и т. под.) и потому не представляютъ ничего историческаго цѣлаго, а между тѣмъ даютъ храму уродливость и безобразіе (sic); причтъ затрудняется вносить даже въ описи упоминаемыя изображенія, такъ какъ не знаетъ названій послѣднихъ, кромѣ нѣкоторыхъ лучше сохранившихся, а не только описывать ихъ на бумагѣ, и что всѣхъ вообще изображеній на стѣнахъ Георгіевской церкви можно считать до 20, а фигуръ въ нихъ до 80-ти.

Въ дополненіе къ тому-же не безынтересно привести здѣсь найденную нами въ старыхъ бумагахъ Георгіевской церкви черновую опись тѣхъ-же фресокъ, составленную, повидимому, около 1854 года.

«Какъ въ самой церкви, такъ и въ олтарѣ имѣются на стѣнахъ изображенія святыхъ. Надъ входною западною дверью изображеніе Божіей Матери и шести апостоловъ, сидящихъ на двенадцати отдѣльныхъ престолахъ, чтобы судить 12 колѣнъ израилевыхъ. За престолами судій предстоятъ лики вооруженныхъ ангеловъ, готовые исполнить приговоръ. По южной стѣнѣ (обращенные лицомъ къ судьямъ) подсудимыя толпы женъ, идущихъ на судъ робко, съ поникшими главами. На правой низкой аркѣ у праваго клироса имѣется изображеніе св. мученицы съ небольшимъ осьмиконечнымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ; на лѣвой аркѣ у лѣваго клироса ликъ чудотворца Николая. По южной стѣнѣ къ иконостасу движется сонмъ святыхъ и блаженныхъ, провождаемый ко Святой Святыхъ ликомъ ангеловъ. Въ куполѣ церкви, значительно испорченномъ сыростью (сколько можно видѣть снизу) стоятъ между оконъ патріархи или пророки, а самый сводъ поддерживаютъ ангелы. Въ олтарѣ въ полукуполѣ жертвенника имѣется изображеніе архангела съ распростертыми крылами, — какъ бы преклонившись къ жертвеннику небесный стражъ охраняетъ святыню. Точно такое-же изображеніе и въ полукуполѣ діаконника; впадина діаконника вся занята весьма легко писаннымъ на ней изображеніемъ св. великомученика Георгія на бѣломъ чешуйчатомъ конѣ, съ красноватой гривой и хвостомъ, перетянутымъ на серединѣ въ узелъ; въ ногахъ коня лежитъ чудовище, на шею котораго накинута петля изъ убруса, другой конецъ косо держитъ въ рукѣ дѣвица, которая была обречена на снѣдь чудовищу. Съ изображеніями выше городскихъ стѣнъ взираютъ съ изумленіемъ царственные и другія лица. Подъ изображеніемъ великомученика написаны три евангелиста (безъ символическихъ животныхъ). На горнемъ мѣстѣ въ серединѣ окно, вровень съ нимъ обращены къ нему съ правой стороны два святителя въ бѣлыхъ крестовыхъ ризахъ, подъ нимъ на отдѣльномъ антабментѣ, въ кругахъ, обрамленныхъ и связанныхъ между собой орнаментными завитками прекраснаго стиля, изображенія двухъ евангелистовъ (также безъ символическихъ животныхъ)».

²⁾ Христіанскія древности и археологія 1871 г.

но такъ какъ воспроизведеніе ихъ заставляеть желать лучшаго, то нынѣ тѣ-же фрески, вновь скопированныя съ натуры подъ руководствомъ академика В. В. Сулова, помѣщаются и въ настоящемъ изданіи.

Много измѣненій потерпѣлъ и внѣшній видъ древняго храма, къ которому въ новѣйшее время пристроили съ западной стороны теплую церковь съ каменной колокольней, пробили новыя окна, передѣляли покрытія и проч., но подобныя-же измѣненія извѣстны и ранѣе. Такъ, въ 1683 — 1684 году игуменъ Лаврентій — «каменную вельми обвѣтшанную церковь Георгіеву обновилъ и вновь трапезу каменную-же придѣлалъ» ¹⁾; въ 1745-мъ при храмѣ значилась каменная паперть и каменная колокольня «въ трехъ столпахъ», на которой было пять небольшихъ колоколовъ, но церковная глава еще сохраняла свои древній видъ, будучи обита какъ и въ XV вѣкѣ — «чешуею» (гонтомъ). Во всякомъ случаѣ и эти древнія пристройки нынѣ не существуютъ, такъ какъ вмѣсто каменной колокольни въ церковныхъ вѣдомостяхъ 1829 года уже значится колокольня деревянная, вѣроятно та-же самая, которая видна на изображеніяхъ Ладони Бороздина 1809 г. (см. стр. 181, рис. 15), но до того ветхая, что угрожала паденіемъ (разобрана въ 1837 году), паперть-же была сломана въ послѣднее время, при пристройкѣ теплой церкви съ новой каменной-же колокольней, существующей въ настоящее время.

Почти ничего не сохранилось и изъ предметовъ древняго церковнаго обихода, на который въ такой степени мало обращалось вниманія даже въ половинѣ текущаго столѣтія, что по посѣщеніи въ 1858 г. Георгіевской церкви петербургскимъ вице-губернаторомъ, послѣдній заявляя Духовной консисторіи о существованіи въ этомъ древнемъ храмѣ стѣнной живописи, почти всей закрытой штукатуркой, прибавлялъ, что «церковныя древности въ немъ, какъ-то старинныя ризы замѣчательныя по своему покрою, матеріи и узорамъ, оловянные сосуды, дарохранительница, древняя купель и иконостасъ, сохраняются безъ особой бережливости и вообще замѣтно мало заботливости о сохраненіи этихъ замѣчательныхъ древностей». Впрочемъ, можно прибавить, что немногое уже, за исключеніемъ развѣ церковныхъ облаченій, находилось въ той-же церкви и полтора-ста лѣтъ назадъ, какъ можно видѣть изъ описи ся 1745 года ²⁾. Одинъ изъ любопытныхъ предметовъ, принадлежавшихъ когда-то Георгіевскому храму, хранится нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, куда онъ

¹⁾ Извѣстія церковно-археологич. общества при Кіевской Духовной академіи, 1883 г., вып. VI, 28.

²⁾ См. прилож. XVІІ.

поступилъ въ 1821 г. ¹⁾: онъ представляетъ родъ небольшого желѣзнаго ящичка, съ искривленнымъ прорѣзомъ на верху, привѣшенный на цѣпи къ размыкающемуся желѣзному-же кольцу, которое видимо надѣвалось на шею (табл. LXIII), причемъ весь приборъ, вѣроятно, предназначался служить чѣмъ-то въ родѣ церковной кружки для сбора подаянія, быть можетъ, налагавшагося въ видѣ наказанія или покаянной эпитеміи на провинившагося.

Табл. LXIII.

Другой храмъ въ городищѣ — маленькая деревянная церковь во имя св. великомученика Димитрія Селунскаго (табл. LVI—LVIII), находящійся съ сѣверной стороны Георгіевскаго (въ разстояніи всего 5—6 саж.), служитъ нынѣ только напоминаніемъ о бывшей на мѣстѣ ея въ прежнія времена подобной-же деревянной церкви, съ тѣмъ-же престоломъ, такъ какъ сооруженъ лишь въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. О времени построенія прежней церкви свѣдѣній не имѣется, но судя по тому, что о ней умалчивается въ переписной книгѣ 1500 г. и что въ 1730 г. ее принуждены были разобрать за ветхостью, можно заключать, что она сооружена, вѣроятно, въ началѣ XVII ст., однако, едва-ли ранѣе раззоренія Ладогѣ въ смутное время, такъ какъ при занятіи послѣдней непріятелемъ сіи было-бы трудно спастись отъ истребленія. Во всякомъ случаѣ, старая Димитріевская церковь упоминается уже въ переписныхъ книгахъ 1646 г. ²⁾, причемъ о ней, вмѣстѣ съ Георгіевской, говорится, что въ обѣихъ—«образы и книги и ризы и колокола строенье государево». Въ 1730 г. священникъ Георгіевскаго Застѣннаго монастыря Евстратій, подалъ съ прихожанами челобитье, что «издревле въ томъ Застѣнномъ монастырѣ чрезъ многія лѣта была деревянная церковь во имя великомученика Димитрія построена, которая уже весьма нынѣ огнила и обветшала и служить въ ней невозможно», почему и просили о перестройкѣ ея, вслѣдствіе чего въ Декабрѣ мѣсяцѣ того-же года состоялся указъ, чтобы старую церковь разобрать и на томъ-же мѣстѣ построить вновь, а прежній церковный лѣсъ, что годно, употребить на то-же церковное или оградное строеніе, обветшавшій-же сжечь при рѣкѣ и пепель, завязавъ въ холстъ, опустить въ воду ³⁾. Въ 1731 г. она была уже перестроена и освящена, причемъ изъ свѣдѣній 1745 года видно, что церковь была крыта тесомъ, глава обита чешуею (гонтомъ) и на ней укрѣпленъ деревянный, окованный жестью крестъ.

Табл. LVI—LVIII.

¹⁾ Н. П. Кондаковъ: Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ, стр. 130.

²⁾ См. прилож. II.

³⁾ Изъ старыхъ бумагъ Георг. церкви (см. также Ист.-стат. свѣд. о С.-Петербур. епархіи, вып. IX. 133).

Въ настоящее время Димитріевской храмъ находится уже въ состояніи полного разрушенія, такъ какъ, неподдерживаемый ремонтомъ, представляетъ только печальную руину, ежечасно грозящую окончательнымъ паденіемъ ¹⁾).

М. В. Бранденбургъ.

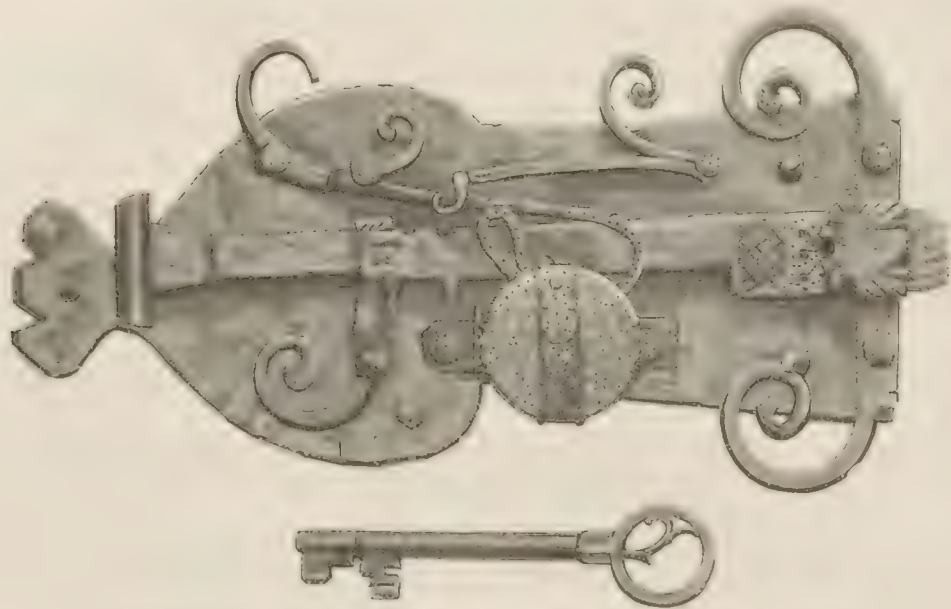
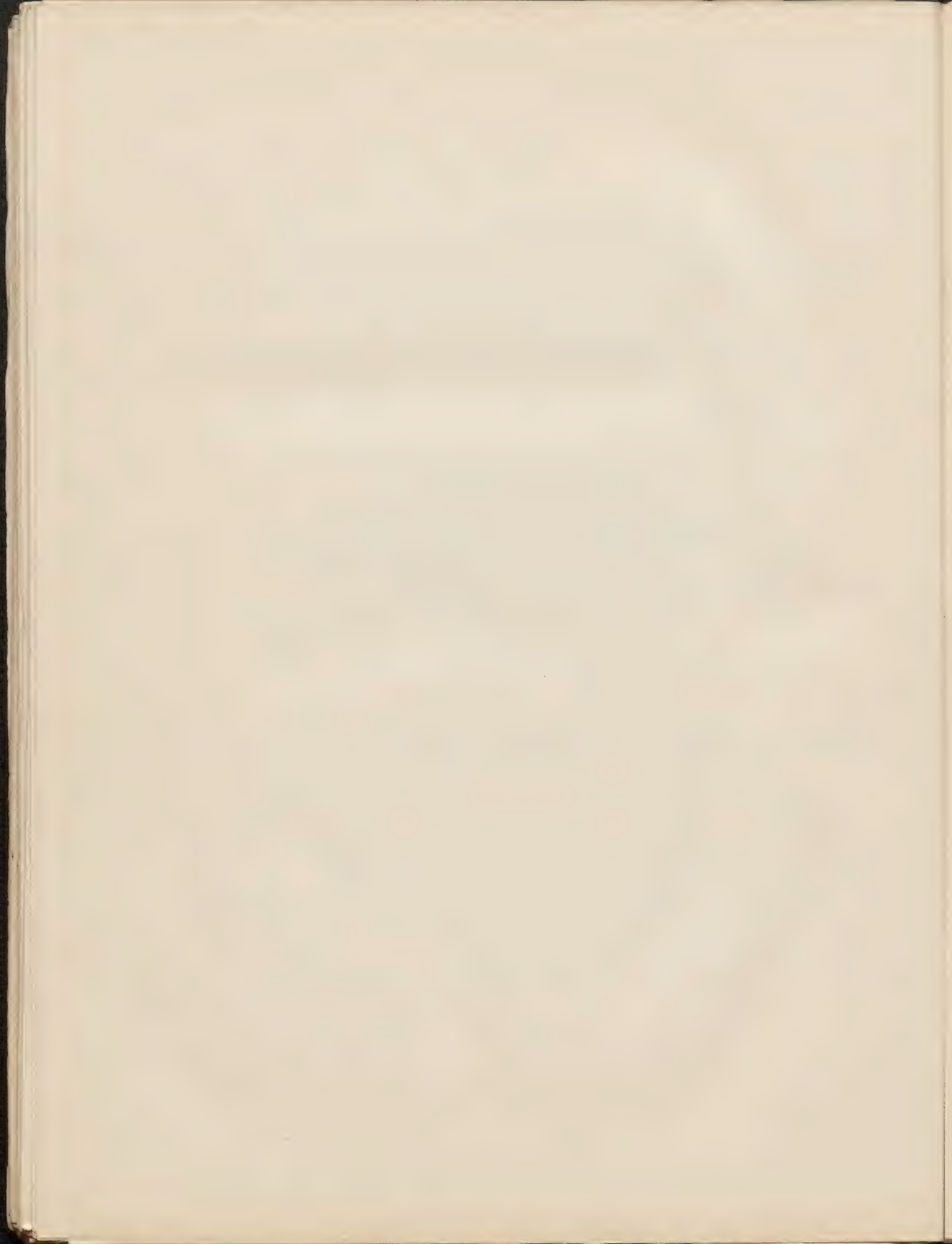

Рис. 27. Старинный замок изъ Димитріевской церкви.

¹⁾ Въ церковныхъ описяхъ 1854 г. онъ показанъ уже очень ветхимъ. Замѣчательно, однако, что когда въ 1865 г. валаамскій игуменъ Дамаскинъ сдѣлалъ предложеніе пріобрѣсти покупкою этотъ запущенный и разрушающійся памятникъ, для перенесенія его на Валаамъ, то прихожане и причтъ уклонились, ссылаясь на то, что онъ имъ дорогъ какъ мѣстная древность, что на Валаамѣ фасадъ его, вѣроятно, подвергнется измѣненіямъ и проч.!—Своеобразная привязанность къ старинѣ, если взять во вниманіе то состояніе храма, до котораго онъ дошелъ въ послѣднее время!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложение I.

Извлечение из переписной оброчной книги Вотской пятины 1500 г.

(Новгородскія писцовыя книги, т. III).

Въ Вотской пятинѣ городъ Ладога на рѣкѣ на Волховѣ.

На посадѣ люди дутіе:

Въ Богородскомъ концѣ дворъ Данилко Труфановъ Муха, дѣти его Микула да Мако-
дыко, дв. Михалъ да Сенка Попови дѣти Иванови Стребуховы, дв. Тарасъ Евстратовъ, дв.
Гришка Захаровъ, дв. Микифорко Аврамовъ, дв. Ослошко Гришинъ, дв. Ондрашко Микитинъ,
сынъ его Сидко да братъ Ондранковъ Иванко, дв. Овдишка Ослошова.

А въ Никольскомъ концѣ дворъ Аврамко Василевъ староста.

Дворовъ 9, а людей 11 человекъ.

На посадѣ-жъ въ Богородскомъ-же концѣ люди средніе: дворъ Данилко Микитинъ, дв.
Олеерко да Матюкъ Леоновы, дв. Захарко да Селиверстикъ Олексѣевы, дв. у попа Микулы,
сынъ его Микитка, дв. Ивашко Палкинъ, дв. Ленка Захаровъ, дв. Оедко Юшковъ Воробинъ,
дв. Палка Якимовъ.

А въ Никольскомъ концѣ: дворъ Митроха Першинъ, дѣти его Ивашко да Труфанко, дв.
Ортемко Матѣевъ, дв. Онцифорко Ескинъ, дв. Микула Яхновъ, сынъ его Юшко, дв. Яшко
Ермолинъ, дв. Терешко Деминовъ, дв. Костко Кировъ, дв. Гришка да Аврамко Степановы.

Дворовъ 15, людей 19 человекъ.

На посадѣ-жъ люди молодые:

Въ Богородскомъ концѣ — дворъ Еска Дороховъ, дв. Омелица Севастьяновъ, дв. Палка
Селиверстовъ, дв. Юрка Грихновъ, дв. Калинка Кировъ, дв. Ивашко Карповъ, дѣти его
Осташко да Васко, дв. Ондрашко Парѣевъ, дв. Тимошка Ермолинъ.

А въ Семеновскомъ концѣ — дворъ Олексѣйко Исаковъ кожевникъ, дв. Максимко Лукья-
новъ, дв. Куземка Микулинъ, дв. Микитка Іевль, дв. Демешко Байко, дв. Алексѣйко Ивашковъ,
дв. Дмитръ Селивановъ, дв. Семенъ Селиверстовъ, дв. Ивашко Карповъ портной мастеръ да
Васко Палкинъ, дв. Онтонко Топорковъ, дв. Яшко да Онтушко Данилковы, дв. Мартышко
Метюхинъ, дв. Палка Оонмьяновъ, дв. Ивашко Щорко Ивашковъ-же.

А за рѣкою за Ладогою въ Климатскомъ концѣ — дворъ Манушка Ивашковъ, дв. Гаврилко
Якушовъ, дв. Гришка Малышъ Игнатовъ, дв. Онанка Щербениха, дв. Филиппко Оорѣмовъ, дв.
Титко плотникъ, дв. Лукьянко Строй, дв. Оксенко Карповъ.

А въ Никольскомъ концѣ — дворъ Лучка Телячевъ, дв. Терешка Логиновъ, дв. Наумко Карповъ, дв. Онитка Проскурнинъ, дв. Давыдко Митрофановъ, дв. Ореоса Ондриѣиновъ скорнякъ, дв. Куземка Алексѣевъ, дв. Гришка Сенкинъ, дв. Ооимьянко Васковъ, дв. Ондриѣико Степанковъ, дв. Лучка Якушовъ, дв. Ларіонко Олексѣевъ, дв. Ооимьянко Климовъ, дв. Климко Ортемовъ, сынъ его Яшко, дв. Власко Ондриѣиковъ, дв. Манко Кировъ, дв. Игнатъ Оксеновъ дѣти его Михалъ да Курьянко, дв. Ивашко Олуховъ, а мѣсто подъ нимъ Яковльское Тюткина, дв. Тараско Онаньинъ, дв. Гридка Мининъ, дв. Минка Олуховъ, дв. Ульянко Степанковъ, дв. Палка Кировъ.

Дворовъ 54, а людей 66 человекъ, да дворъ Демешкинской пустъ.

А се на посадѣ-жъ люди молодые на монастырскихъ мѣstechъ и на церковныхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ-же и во всѣ потуги.

На монастырскихъ мѣstechъ:

Николского монастыря изъ Ладого, въ Николскомъ концѣ, поземщики люди молодые — дворъ Оедко Гришинъ, дв. попъ Осѣй Рожественской, дв. Онашка Лукинъ, дв. Ивашка Тѣеритинъ, дв. Ивашко Ивановъ, дв. Осипко Красковъ.

Дворовъ 6, людей 6 человекъ и съ попомъ; а позему даютъ монастырю 8 денегъ да полове изъ хмелю.

Егорьевского монастыря изъ Ладого изъ за стѣны, поземщики люди молодые, въ Богородицкомъ концѣ: дв. Куземка Олферовъ паснокъ. А въ Семеновскомъ концѣ — дв. Титка Остаховъ, дв. Савка Василевъ да дьякъ Дмитръ Трофимовъ, дв. Ивашко да Куземка Онкудиновы, дв. Демешко Митрохинъ, дв. Оедко Ереминъ. А въ Спаскомъ концѣ — дв. Онашка Матюковъ. А въ Никольскомъ концѣ — дв. Петрокъ да Ивашко Ивашковы, дв. Ивашко Логиновъ.

Дворовъ 9, а людей 12 человекъ; а позема даютъ монастырю полдесяты деньги, да изъ хмелю полове.

А на церковныхъ мѣstechъ Богородицкіе поземщики люди молодые, въ Богородицкомъ концѣ — дворъ Микитка Мишутинъ, дв. Микитка Климовъ, дв. Микулка Василевъ, сынъ его Микитка, дв. Климко Яковль, сынъ его Демехъ, дв. Нестерко Ворона Сидоровъ, дв. Мосѣйко Семеновъ, дв. Васка да Ондриѣанко Матюковы, дв. Ивашко да Онашко Кипреяновы.

Дворовъ 8, а людей 12 человекъ; а позему даютъ попомъ 16 денегъ.

Спаскіе поземщики люди молодые, въ Спаскомъ концѣ — дворъ Нестерко Онтушовъ, дв. Савка Васковъ, дв. Ивашко Оовановъ, дв. Якушъ Ивашковъ, дворъ сторожъ Спаской Гришка Оатьяновъ, дв. Микиорко Деминъ да Васко Прокошовъ, да ихъ-же дворъ пустъ.

Дворовъ съ людьми 6, а людей 17; а позему даютъ попу 6 денегъ.

Воскресенскіе поземщики въ Семеновскомъ концѣ — дворъ Васко Оксеновъ, а позему даетъ попу 2 деньги.

И всѣхъ дворовъ въ Ладозѣ на посадѣ по старому писму, лутчихъ и середнихъ и молодыхъ и поземщиковъ и съ монастырскими дворами съ поземными и съ церковными 80 дворовъ и 1 дворы, а людей въ нихъ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ поземщики и съ тѣми что на монастырскихъ мѣstechъ и на церковныхъ, 174 человекъ. А великого князя оброку давали полчетверта рубля новгородскіе.

А по новому писму всѣхъ дворовъ на посадѣ въ Ладозѣ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ, и съ тѣми дворами что на монастырскихъ мѣstechъ и на церковныхъ, 108 дворовъ, а

людей въ нихъ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ тѣми людьми что на монастырскихъ мѣстехъ и на церковныхъ, 137 человекъ. А великого князя оброку положено на нихъ 1½ рубля новгородская.

И при старомъ прибыло дворовъ 24, а людей убыло 37 человекъ, а оброка убыло 2 рубля.

А нетяглыхъ дворовъ въ Ладозѣ на посадѣ своеземцовъ въ Богородицкомъ концѣ—дворъ Андрѣйка Семенова, а въ немъ дворники Ефимко, Владка, да сынъ его Кондратка; а съ городчаны въ оброкъ тянутъ-же.

А се дворы нетяглые-жъ—дворъ попъ Ооонасей Спаской, дв. попъ Улянь Богородицкой, дв. попъ Микулъ Семеновской.

Да въ Николскомъ концѣ у Клемянта святого дворъ намѣстничъ, да дворъ тиунъ.

Да въ Ладозѣ-жъ велѣно давати мѣста на дворы городскимъ людямъ ладожаномъ, Семену Порожскому Мартынову сыну Анаткина, а давати ему мѣста отъ рѣки отъ Ладоги отъ мельницы отъ Егорьевскіе что за стѣною, да на Могилникъ къ Варяжской улицѣ, да прямо къ часовнѣ, да къ Пречистой. А ставити имъ дворы первой рядъ отъ Пречистые берегомъ по горѣ къ Семену Святому и ко Воскресенью и до Петра святого; а изоставятъ тотъ рядъ, и Семену велѣти имъ ставити въ другой рядъ позади тѣхъ дворовъ до Варяжской улицы; а мѣра двору поперегъ 10 сажень, а въ длину 15 сажень. А пашни имъ на тѣхъ мѣстехъ и хмелинковъ не метати и не пахати безъ дворовъ. А Семену давати мѣста на пономаревыхъ мѣстехъ и на своеземцовыхъ и на монастырскихъ и на городскихъ людей полянахъ съ ряду.

Приложение II.

Переписная книга города Ладоги 1646 года.

Лѣта 7154 году по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, стольникъ Григорей Даниловичъ Долгорукой да подъячей Иванъ Раковской изъ Помѣстного приказу по наказу за приписью дьяка Микиты Головинина, въ Новгородикемъ уѣздѣ въ Вотцкой пятинѣ писали городъ Ладогу и въ городѣ церкви и поповъ и дьяконовъ и дьячковъ дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи и ихъ дѣтей и которые живутъ на церковныхъ земляхъ и на посадѣ церкви и поповы и дьяконовы дворы и дьячковы и пономаревы и поповъ и дьяконовъ и дьячковъ, и пономарей и ихъ дѣтей и ладоженъ и посадскихъ людей дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи и ихъ братью и дѣтей и племянниковъ и бобылей и бобылокъ и бобыльскихъ дѣтей и сосѣдей и подсосѣдниковъ и захребетниковъ и бѣглыхъ посадскихъ людей и въ которомъ году кто сбѣжалъ и сколько въ городѣ Ладогѣ и на посадѣ церквей и поповыхъ и дьяконовыхъ и бобыльскихъ дворовъ которые живутъ на церковныхъ земляхъ и сколько посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ и кто имяны во дворѣхъ людей съ отцы и съ прозвищи и что у нихъ братья и дѣтей и племянниковъ и бобылей и бобыльскихъ дѣтей и сосѣдей и подсосѣдниковъ и кто имяны бѣглыхъ посадскихъ людей и въ которомъ году кто сбѣжалъ, и то писано въ сихъ книгахъ имянно порознь и по статьямъ.

Городъ Ладога каменной на рѣкѣ на Волховѣ, а въ немъ соборная церковь каменная во имя Георгія Стратотерпа, другая церковь древяна клетки во имя Дмитрея Селунского, образы и книги и ризы и колокола строенье государево; на церковной землѣ келья соборного попа Наонаила, дворъ дьячокъ Янко Епиоаньевъ сынъ Балавинской, келья проскурня Марицы, да на соборной землѣ живутъ на рѣкѣ на Ладожкѣ дворъ нищей Игнашко прозвище Княжевъ у него сынъ Минка, дворъ нищей Микитка Ивановъ у него сынъ Ерооейко, дворъ нищей Максимко Ивановъ питаются Христовымъ именемъ, дворъ Родка Ларивоновъ сынъ кузнецъ, у него братъ Ларка. Да въ Земляномъ городѣ церковь древяная клетки во имя Климонта папы римского, образы и книги и ризы и колокола строенье приходское; дворъ попа Ондreja Оедорова, у него дѣти Мосѣйко, Куземка трехъ лѣтъ, живетъ на Никольской землѣ; дворъ дьякона Еорема Тимофѣева, у него дѣти Поликарпикъ четырехъ лѣтъ, Васка по другому году, живетъ въ Пушкарской слободѣ у матери; дворъ дьячекъ Матюшка Демидовъ, у него дѣти Микифорко пяти лѣтъ. Оска по первому году; дворъ пономарь Мишка Михайловъ, у него сынъ Родка четырехъ лѣтъ; дворъ проскурня Дарьца Мосѣева, у ней сынъ Олешка.

Посадъ Ладожской, а въ немъ посадскіе люди на рѣкѣ на Волховѣ: дворъ бобыль Ондрюшка Сысоевъ сынъ кожевникъ, у него сынъ Антошка; дворъ Матюшка Максимовъ, у него дѣти Захарка да Игнашко; дворъ Микифорко Ларионовъ сынъ Жолуткинъ, у него племянникъ Анашко Ивановъ, въ томъ же дворѣ женился брата его родного на Иванова женѣ Желуткина на Оедосѣй казакъ Тимошко Ортемьевъ сынъ Тотаркинъ; дворъ Кирилко Бѣляевъ; дворъ вдова Оедора Иванова дочь Угрева, у ней сынъ Оедка; дворъ бобыль Калишка Оедоровъ; дворъ вдова Обросимова жена Иванова Василиса, у ней сынъ Сенка; дворъ вдова Анниша Мишкина жена Полянского, у ней сынъ Ивашко; дворъ бобыль Степанко Степановъ сынъ Барановъ; дворъ Ондрюшка Михайловъ сынъ Хорошевъ, у него дѣти Сенка, Матюшка, а тотъ Матюшка сбѣжалъ во 154 году; дворъ бобыль Янка Лукинъ, у него сынъ Овдокимко; дворъ Гаврилко да Ивановъ Алексѣевы дѣти Лешкина, у Иванка дѣти Микиоорко да Миронко; дворъ Оедотко Гавриловъ сынъ Пастуховъ; дворъ Жданко Парфеньевъ сынъ Киселевъ, у него сынъ Ооонка семи лѣтъ; дворъ Петрушка Ермолинъ сынъ Барсуковъ, дворъ бобыль Савко Дементьевъ; дворъ Ивашко Кириловъ сынъ Шваревъ, у него братъ Ларко; дворъ Ортюшка Ооонасьевъ сынъ Немковъ, у него дѣти Ивашко, Пароенко; дворъ Антишко Романовъ, у него братъ Петрушко да Сенка Прокоѣевы дѣти Гиблне; дворъ Сенка Елисеевъ сынъ Гагринъ, у него дѣти Осташко да Игнашко; дворъ Томилко Потапьевъ сынъ Борыгинъ, у него дѣти Якушко да Осташко; дворъ бобыль Костка Аристовъ; дворъ Демко Ооминъ сынъ Екушевъ, у него сынъ Микулко посадской человекъ Корнилко Степановъ сынъ Вепревской, а живетъ на подворѣ у казака у служивого; дворъ Кирилко Исаковъ, у него сынъ Іевко; дворъ Максимко Микиооровъ сынъ Рюминъ, у него дѣти Іевко да Яшко осми лѣтъ; дворъ Жданко Оофановъ; дворъ Самошко Семеновъ сынъ Кулешевъ; дворъ Родка Васильевъ сынъ Летягинъ; дворъ бобыль Демка Ортемьевъ сынъ Лотоновъ, у него сынъ Патрскейко десяти лѣтъ; дворъ Мишка Ооонасьевъ сынъ Тянутой; дворъ Дмитрейко Денисьевъ сынъ сапожникъ, у него сынъ Корнилко да бобыль Ивашко Ооминъ сынъ Паршинъ, живетъ въ Земляномъ городѣ на подворѣ у сына боярского у Агѣя Петрова сына Увалова

И всего въ городѣ Ладогѣ посадскихъ 24 двора, людей въ нихъ 52 человекъ, бобыльскихъ 7 дворовъ, а людей въ нихъ 10 человекъ, да на церковной землѣ живущихъ 3 двора, а людей

въ нихъ 6 человекъ. И всего въ городѣ въ Ладогѣ посадскихъ и бобыльскихъ и съ тѣми что живутъ на церковной землѣ 34 двора, а людей въ нихъ 68 человекъ.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, № 8559, л. 30 и № 984, л. 51).

Приложение III.

Переписная книга Ладоги 1678 года.

Лѣта 7186 по государеву цареву и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержца указу и по наказу изъ Помѣстного приказу за приписью дьяка Ивана Рагозина, стольникъ князь Василій Ѳеодоровичъ Жирового-Засѣкинъ переписывалъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ городѣ Ладогѣ посадскихъ людей и въ Вотичкой пятинѣ въ Полуской и въ Корельской половинахъ въ погостѣхъ и въ волостѣхъ въ патриаршихъ и въ митрополичьихъ и во архіепископскихъ и епископскихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ и на церковныхъ земляхъ и бояръ и окольных и думныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ и иноземцевъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и вдовъ и недорослей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ дворѣхъ людей, крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и захребетниковъ и приимышевъ и дѣтенышевъ и монастырскихъ служекъ и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ.

Города Ладоги посадскихъ людей:

Дворъ староста Ларка Ѳеодоровъ сынъ Охряевъ, живетъ съ отцомъ своимъ съ Ѳедкою Тимоофеевымъ въ одномъ дворѣ, у него братъ Ондрюшка Ѳеодоровъ; дворъ Ивашко Петровъ; дворъ Еоремко Семеновъ; дворъ Лозарко Семеновъ свѣчникъ, у него дѣти Ефимко 12 лѣтъ, Ротка 7 лѣтъ; дворъ Ооонка Аверкіевъ прозвище Киселевъ, у него сынъ Гришка 12 лѣтъ; дворъ Микиоорко да Мирошка Ивановы дѣти Лешкина, у Микиоорко дѣти Андрюшка да Елисейко 8 лѣтъ, у Мирошка дѣти Ивашко да Уляшко 5 лѣтъ; дворъ Сенка Андреевъ сынъ Харышевъ, у него дѣти Левка да Омоско 12 лѣтъ; дворъ Ѳедка Григорьевъ; дворъ Ларка Матофеевъ съ племянникомъ Назаркою Игнатьевымъ, у Ларки сынъ Гаврилко 13 лѣтъ; дворъ Петрушка Ѳеодоровъ съ братомъ Ларкою Ивановымъ; дворъ Петрушка Микиооровъ съ братьею съ Онанкою да съ Васкою Желутковыми; дворъ Евко да Тараска Андреевы и у Евка сынъ Гришка 14 лѣтъ, да племянникъ у нихъ Артюшка Силинъ; дворъ Богдашко Кондратьевъ, у него сынъ Аоонка 7 лѣтъ; дворъ Титко Овдокимовъ сынъ Онининъ; дворъ Якушко да Юшка Конановы, у Якушка сынъ Степашко 10 лѣтъ, у Юшки сынъ Ѳедка 6 лѣтъ; дворъ Ивашко Петровъ; дворъ Гараска Яковлевъ; дворъ Коземка Андреевъ, у него сынъ Ивашко 5 лѣтъ; дворъ Исачко Семеновъ, у него сынъ Гаврилка; дворъ Силка Омосовъ, у него сынъ Савка; дворъ Матюшка да Савка да Карпушка Васильевы дѣти Немковы; дворъ Емелка Елизарьевъ сынъ Потилинъ; дворъ Иванко Амосовъ сынъ свѣшникъ, у него сынъ Антипко; дворъ Богдашко да Вавилка Семеновы дѣти Гагринны, у Богдашка сынъ Кирилка 5 лѣтъ; дворъ Якушка Пароеневъ сынъ Губаревъ, у него подсосѣдникъ Дорошка Григорьевъ, у Дорошки сынъ Ивашко; дворъ Ефимко Остаевъ Гагринъ; дворъ Пароенко Дементьевъ съ зятемъ съ Оилкою Аввакумовымъ; дворъ Ермолка Петровъ; дворъ Пароенко Микиооровъ Мысовъ; дворъ Пентелейко Дементьевъ, у него дѣти Симошко да Сысойко

9 лѣтъ; дворъ Матюшка Андреевъ Хорышевъ, у него сынъ Ивашко 6 лѣтъ; дворъ Осташка Андреевъ сынъ Якушовъ, у него дѣти Овоонка да Викулка; дворъ Гришка Овоонасьевъ сынъ Немковъ, у него сынъ Трофимко 13 лѣтъ; дворъ Ерошка Тимооѣвъ сынъ Охряевъ, у него дѣти Еотюшка да Ортюшка; дворъ Сенка Оедоровъ Скорѣковъ, у него дѣти Оедка большой да Оедка 6 лѣтъ; дворъ Васка Яковлевъ; дворъ Оедка Лукинъ; дворъ Оомка да Степашко Ивановы дѣти Гутыревы; дворъ Васка Елизарьевъ сынъ Помялинъ, у него сынъ Гришка, да братъ Матюшка; дворъ Наумко да Тихашко Ивановы; дворъ Петрушка Ивановъ; дворъ Гришка Ларіоновъ кузнецъ; дворъ Сергушка Аристарховъ, у него пасынокъ Сенка; дворъ Ерошка Микитинъ; дворъ бобыль Андрюшка Ларіоновъ; дворъ бобыль Максимко Дмитриевъ, у него сынъ Конашко 13 лѣтъ; дворъ бобыль Сенка Оедоровъ съ зятемъ Степашкомъ Леонтьевымъ; дворъ бобыль Терешка Терентьевъ; дворъ бобыль Іевко Кириловъ съ братомъ Ивашкомъ, у Іевка сынъ Исачко 11 лѣтъ, у Ивашка сынъ Моска; дворъ бобыль Оедка Тимооѣвъ съ братомъ Мишкою; дворъ бобылка вдова Иреница посадского человѣка Антиповская жена Гиблова; дворъ бобылка вдова Анница посадского человѣка Пароеневская жена Губарева.

Всего города Ладоги посадскихъ людей 44 двора, людей въ нихъ 44 человѣка, братья у нихъ которые тягло тянутъ 12 человѣкъ, дѣтей въ возрастѣ 15 человѣкъ, недорослей 17 человѣкъ, племянниковъ 2 человѣка, зять 1 человѣкъ, подсосѣдникъ съ сыномъ 1 человѣкъ. Бобыльскихъ 6 дворовъ, людей въ нихъ 6 человѣкъ, братья у нихъ 2 человѣки, дѣтей 3 человѣки, зять 1 человѣкъ. Бобылкиныхъ 2 двора.

Обоего посадскихъ людей и бобыльскихъ и бобылкиныхъ 52 двора. А въ переписныхъ книгахъ 154 году князь Григорій Долгорукова, посадскихъ людей 24 двора, 7 дворовъ бобыльскихъ, да на церковной земли 3 двора; и сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ 154 году по переписки 186 году прибыло посадскихъ людей 17 дворовъ, бобыльской 1 дворъ.

(Московс. Архивъ Мин. Юст., № 8571, л. 1).

Приложѣніе IV.

Челобитная ладожскихъ посадскихъ людей, 1652 г.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси, быють челомъ сироты твои государевы съ порубежного города изъ Ладоги ладожскихъ посадскихъ людей старостишка Иванъ Полянской, во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто.

Въ прошлыхъ государь годѣхъ послѣ нѣмецкого раззоренья и мирного договору собралосѧ насъ сиротъ твоихъ посадскихъ тяглыхъ людишекъ съ разныхъ городовъ Корельского и Орѣховского города на твое государево имя въ твою государеву отчину въ городъ Ладогу 49 семей и твои государевы всякіе подати и тягла городовые и посольскіе отпуски и въ подводы и въ цѣловальники и въ житничные цѣловальники и къ сѣзжей избѣ и къ тюремѣ въ сторожи и въ полача и въ бирича и черезъ рѣку Волховъ въ перевозчика, все тянули вмѣстѣ съ ладожскими уѣздными людьми съ твоими государевыми дворцовыми и съ помѣщицкими и съ монастырскими крестьяны въ седмую выть, а тѣ крестьяне всего Ладожскаго уѣзда тянули шесть вытей. И тѣ государь старинные посадскіе тяглые люди многіе померли, а иные розбрелися врознь, а насъ

бѣдныхъ достальныхъ посадскихъ людишекъ осталось въ тяглѣ всего 23 человекъ по нынѣшней по 160 годъ; а то городовое тягло и всякіе подати платимъ противъ прежнихъ посадскихъ людей и тянемъ безъ переводу на всякой годъ, а торгового промислишка у насъ сиротъ твоихъ въ Ладогѣ онбаровъ и лавокъ въ ряду нѣтъ и въ лавкахъ у насъ сиротъ твоихъ никто не сидитъ, а сидятъ въ Ладогѣ въ ряду въ лавкахъ и въ онбарахъ по посадамъ и въ Стрѣлецкой слободѣ торгуютъ все стрѣльцы и козаки и пушкарники и ихъ стрѣлцкіе и казацкіе и пушкарские дѣла и захребетники, которые ни въ стрѣльцахъ ни въ козакахъ ни въ пушкаряхъ не служатъ, а живутъ въ избыткахъ. А мы сироты твои посадскіе людишки отъ того обнищали и одолжали великими долги. А какъ по твоему государеву указу пріѣзжаютъ въ городъ въ Ладогу твои государевы послы и посланники и въ прошломъ государь во 159 году по твоему государеву указу были межевые судьи и подводы ставили все мы сироты твои и стояли у насъ въ посадѣ многое время и дрова и лучину у насъ держали, а того Ладожского уѣзду твои государевы дворцовые и помѣщичіе и монастырскіе крестьяне тѣхъ подводъ и становъ и ни въ чемъ намъ сиротамъ твоимъ не помогаютъ и волосного старосты со всего уѣзду по твоему государеву указу и по грамотѣ въ Ладогѣ для всякихъ твоихъ государевыхъ городовыхъ дѣлъ для счету и для подводъ не ставятъ чинятся слабыми, только государь въ тѣхъ твоихъ государевыхъ во всякихъ городовыхъ расходѣхъ и въ подводахъ погибаетъ одни мы сироты твои посадскіе людишки. А нынѣ государь Ладожского уѣзду твои государевы дворцовые и помѣщичіе и монастырскіе крестьяне, въ томъ во всемъ въ городовомъ тяглѣ и въ податяхъ въ Ладогѣ не судимы и ни въ чемъ съ нами сироты твоими не считаются; а Ладожского уѣзду Никольского Медвѣдичьего монастыря крестьяне прежде сего и по нынѣшней 160 годъ были во всемъ въ городовомъ дѣлѣ и въ подводахъ въ счетѣ въ четвертой выти въ тяглѣ, а нынѣ государь тѣхъ Медвѣдичьего монастыря крестьяне отнимаются Звенигородскимъ Сторожевскимъ монастыремъ и хотятъ быть всѣ Ладожского уѣзду крестьяне въ избыткахъ, а твоего государева тягла и всякихъ податей въ Ладогу платить и службы служить не хотятъ, и намъ сиротамъ твоимъ въ томъ Ладожскомъ городовомъ тяглѣ и во всякихъ податяхъ и въ службахъ однимъ будетъ въ конецъ погибнуть и достальнымъ врознь разбредиться по твоей государственой отчинѣ.

Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, пожалуй насъ бѣдныхъ сиротъ своихъ, вели государь тѣмъ Ладожского уѣзду своимъ государевымъ дворцовымъ и помѣщичьимъ и монастырскимъ крестьяномъ тянуть въ городъ Ладогу во всякіе твои государевы городовые тягла и въ подати и въ подводы и въ службы съ нами сироты твоими по прежнему поровну въ шесть вытей, а намъ сиротамъ твоимъ вели государь тянуть въ седмую выть по прежнему-жъ и вели государь о томъ дать намъ свою государеву грамоту и по своему государеву указу и по грамотѣ вели государь тѣмъ крестьяномъ всего Ладожского уѣзду для счету того городского тягла и всякихъ податей и для подводъ и служебъ поставити волосного старосту съ нами сироты твоими вмѣстѣ. А въ прошломъ государь въ 154 году били мы сироты челомъ тебѣ государю на тѣхъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ и на помѣщичьихъ и на монастырскихъ о томъ-же тяглѣ и о податяхъ и о подводахъ, и о всемъ нашемъ челобити изъ Новгородской Четверти дана намъ твоя государева счетная грамота, что имъ съ нами во всемъ счестся и передъ нами во всякіе твои государевы доходы тянуть, а не изъ Дворца, а во Дворцѣ насъ сиротъ твоихъ Ладожского города и съ уѣзды ни въ чемъ не вѣдаютъ, а вѣдаютъ насъ въ Новгородской Четверти твои государевы дѣяки думной Михайло

Къ сей челобитной Никольскаго Медвѣдскаго монастыря игумень Кипріянь вмѣсто того монастыря крестьянъ по ихъ вѣльню руку приложилъ.

Къ сей челобитной ладожской посадской староста Артюшка Нѣмковъ и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто по ихъ вѣльню руку приложилъ.

Къ сей челобитной Успенской попъ Аристарихе государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ по ихъ вѣльню руку приложилъ.

Къ сей челобитной Иванскаго монастыря дьяконъ Ефремище вмѣсто того-жъ монастыря крестьянъ по ихъ вѣльню руку приложилъ.

Къ сей челобитной Егорьевской черной попъ Нафанаилище вмѣсто дворянскихъ и дѣтей боярскихъ крестьянъ по ихъ вѣльню руку приложилъ.

Къ сей челобитной вмѣсто Никольскихъ крестьянъ съ посаду съ Ладогѣ атаманъ казачей Стаднековъ по ихъ вѣльню руку приложилъ.

(Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1886 г., кн. II, Слѣд.).

Приложение III.

Наказъ Ладожскому воеводѣ Желтухину, 1671 г.

Лѣта 7179 года Февраля въ 28 день Великій государь и Великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея В. и М. и Б. Россіи самодержецъ, велѣлъ Симону Васильевичу Желтухину за службы и за раны быть въ новгородскомъ пригородѣ въ Ладогѣ на Иваново мѣсто Панафидина, а Ивану Панафидину по указу Великаго государя съ того срока вѣлно ѣхать къ Москвѣ.

И Симону Желтухину пріѣхавъ въ Ладогу взять у Ивана Панафидина ключи городовые и нарядъ и въ казнѣ зелье и свинецъ и всякіе пушечные и въ житницахъ всякіе хлѣбные запасы и наказы прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей и государевы указныя грамоты о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ и деньги что есть въ сборѣ и книги приходныя и расходныя деньгамъ и хлѣбу и списки ладожскихъ казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и всякихъ служивыхъ людей, и тому всему роспись за Ивановою рукою Панафидина и во всемъ съ нимъ росписаться и быть Симону Желтухину.

Въ Ладогѣ по городу и въ воротѣхъ караулы и сторожи держать попрежнему и къ городу и ко всякимъ городовымъ крѣпостямъ, къ наряду и къ зелейной и къ свинцовой казнѣ потому-жъ береженье держать великое, чтобы городу и всякимъ городовымъ крѣпостямъ, и наряду и зелейной и свинцовой казнѣ ни отъ кого порухи никакіе ее было. И Симону беречь того накрѣпко, чтобъ въ Ладогѣ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣхъ воровства и корчемъ и б.. дни и зерни и табаку ни у кого не было, а которые люди учнутъ какимъ воровствомъ воровать, или корчму и б.. дню и зернь и табакъ держать, и Симону тѣхъ людей отъ воровства унимать и корчемное питье вынимая отдавать на кабакъ, и на корчемникѣхъ и на питухѣхъ имать заповѣди по прежнему государеву указу, а что кому и за какую вину наказанье учинить и ему о томъ писать въ Великій Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Ивановичу Морозову съ товарищи. А которые люди въ управныхъ дѣлѣхъ учнутъ на кого бить челомъ государю, и ему тѣхъ людей по челобитнымъ судить и сыски вся

кими сыскивать и по суду своему и по сыску межъ ими управа дѣлать безволочитно; а пошлины съ судныхъ дѣлъ имать по прежнему государеву указу съ рубля по гривнѣ, да пересуду и праваго десятка по 7 алтынъ по 2 деньги съ суда; и тѣ пошлинные и заповѣдныя деньги записывать въ книги себѣ статьею и посылать тѣ деньги въ Великій Новгородъ съ иными денежными доходами вмѣстѣ; а спорныхъ судныхъ дѣлъ не вершить, а для вершеня всякія судныя дѣла отсылать въ Великій Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Морозову съ товарищи.

Да и того ему беречь накрѣпко и заказъ всякимъ людямъ о томъ учинить, чтобы въ Ладогѣ въ городѣ и на посадѣ и въ слободахъ въ лѣтніе жаркіе дни всякіе люди избѣ и мылень не топили и въ вечеру поздно съ огнемъ не сидѣли и не ходили, а для хлѣбнаго печеня и гдѣ ѣсть варить велѣть подѣлать печи въ огородѣхъ и на поляхъ мѣстѣхъ въ землѣ не близко хоромъ и отъ вѣтру велѣть печи огородить, чтобъ однолично отъ огня было береженье великое. Да въ лѣтнюю-же пору велѣть въ городѣ на онбарѣхъ и въ рядѣхъ на всѣхъ лавкахъ и во дворѣхъ по всѣмъ хоромамъ держать мѣрники и кади съ водою и съ вѣники, для береженя отъ пожарнаго времени.

А котораго числа въ Ладогу пріѣдетъ и что въ Ладогѣ наряду и зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ, и что въ Ладогѣ служилыхъ и жильцкихъ людей съ пищальми и со всякими бои, и каковъ въ Ладогѣ мѣрою городъ и всякія городовныя крѣпости, и каковы въ Ладогѣ тайники и колодези и какова въ нихъ вода и въ осадное время водою скудно не будетъ-ли, и ему о томъ о всемъ писать къ великому государю, а отписку велѣть подавать въ Розрядъ дьякомъ думному Семену Титову да Василью Семенову да Петру Кавелину, и въ Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Морозову съ товарищи о томъ отписать-же. И о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ и о вѣстяхъ писать ему въ Великій Новгородъ, а мимо Великого Новгорода о вѣстяхъ и ни о какихъ государевыхъ дѣлѣхъ къ Москвѣ не писать и гонцовъ нарочныхъ къ великому государю къ Москвѣ изъ Ладоги никакими дѣлами не присылать, для того что Ладога новгородской пригородъ и всякія государевы дѣла велѣно вѣдать въ Новгородѣ боярамъ и воеводамъ.

А однолично Симону жить въ Ладогѣ съ великимъ береженьемъ неоплошно и государевымъ всякимъ дѣломъ промыслять по сему государеву наказу и по государевымъ указнымъ грамотамъ и смотря по тамошнему дѣлу и во всемъ государеву дѣлу искать прибыли и ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ для своей корысти обидѣ и иныхъ никакихъ налогъ не дѣлать и ладожскихъ служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жильцкихъ людей отъ проѣзжихъ ото всякихъ людей оберегать, чтобы имъ обидѣ и продажъ и иныхъ никакихъ налогъ ни отъ кого не было; а проѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей въ Ладогѣ не держать и напрасно на ладожскихъ на служилыхъ и на посадскихъ и на уѣздныхъ и на проѣзжихъ на всякихъ людей не наметываться и убытковъ никому никакихъ не дѣлать.

А только къ городу и ко всякимъ городовымъ крѣпостямъ и къ наряду, къ государевѣ къ зелейной и къ свинцовой казнѣ и ко всякимъ дѣламъ береженье держать не учнетъ, или учнетъ ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ продажи и налоги дѣлать и въ Ладогѣ проѣзжихъ, торговыхъ всякихъ людей учнетъ держать и въ томъ имъ учинить убытки, или въ Ладогѣ учинится какое дурно его оплошкою и небе-

реженьемъ, а послѣ про то сыщется, и Симону за то отъ великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея В. и М. и Б. Россіи самодержца быть въ великой опалѣ.

(Московский архивъ Министерства Юстиціи: Столбы Новгородскаго Стола, св. 8024.)

Приложение XII.

Росписной списокъ ок. 1628 г. (неми...)

Въ Новгородскихъ пригородѣхъ:

Въ Ладогѣ воевода князь Василей княжъ Петровъ сынъ Кропоткинъ. А съ нимъ по прежней росписи людей: дѣтей боярскихъ новгородцевъ 17 человекъ. Да съ сотникомъ ладожскимъ и орѣховскимъ стрѣльцовъ 100 человекъ. Съ головою съ Петромъ Обольяниновымъ: атамановъ 2 человекъ, ясауловъ 2 человекъ, казаковъ 120 человекъ, пушкарей 6 человекъ, воротниковъ 2 человекъ. Да ладожскихъ и орѣховскихъ посадскихъ людей 40 человекъ. И всего въ Ладогѣ всякихъ людей 289 человекъ.

А наряду въ Ладогѣ по князь Васильевѣ росписи Кропоткина:

На большомъ роскатѣ пицаль большая полуторная мѣдная въ станку на колесахъ, а къ ней 10 ядеръ, 6 гривенокъ ядро.

Пицаль полуторная мѣдная, а къ ней 250 ядеръ по 2 гривенки ядро.

Да на той же башнѣ тюфякъ мѣдной дробовой; дробу къ нему нѣтъ.

Пицаль мѣдная менши полуторной, а къ ней 300 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядръ.

2 пицали мѣдныя менши полуторныхъ, одна русская, а другая нѣмецкая, на станкѣхъ, а къ нимъ 70 ядеръ по 2 гривенки ядро.

15 пицалей затинныхъ, да пицаль испорчена; станки худы; а къ нимъ 200 ядеръ желѣзныхъ.

Да въ воротѣхъ тюфякъ мѣдной, ядеръ къ нему и дроби нѣтъ.

Пицаль полуторная мѣдная, а въ ней 300 ядеръ по 3 гривенки ядро.

Пицаль нѣмецкая желѣзная долгая старинная, а къ ней 10 ядеръ, вѣсомъ въ четверть гривенки ядро.

Въ казнѣ 84 пуда 25 гривенокъ на голо зелья. Да 3 свиньи свинцу навѣшены. Да съченово свинцу съ пудъ.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Розрядныя, вѣзка I, № 12.)

Приложение XIII.

Приемная вѣдомость ладожскаго воеводы Василя Неплюева, 1628 г.

136 году іюля въ 9 день писалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Осодоровичу всея Россіи изъ Ладоги воевода Василя Неплюевъ, что онъ взялъ у князя Василя Кропоткина на городѣ наряду и въ казнѣ зелья и свинецъ и всякіе пушечные запасы и списки дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ и казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и всякихъ жилыхъ и жилищныхъ людей.

(Математ. Архив МГУ, Юбилейный Акт Родственников, 1984, т. 1, № 12, с. 68, 69).

Приложєніе IX.

Роспись Великаго Новагорода пригорода города Ладоги, 1655 г.

Городъ Ладога каменный, другой городъ былъ деревянный; по валу подлѣ тѣхъ городовъ съ одной стороны рѣка Волховъ, а съ другую сторону подлѣ каменнаго города рѣка Ладожка, впала рѣка Ладожка у каменнаго-жъ города въ рѣку въ Волховъ; а около деревяннаго города отъ рѣки Волхова до рѣчки Ладожки, ровъ, а около того рву надолобъ и честику нѣтъ, и ровъ во многихъ мѣстѣхъ осыпался. А мѣрою каменный городъ отъ рѣки отъ Волхова, отъ большого каменнаго роскату, къ рѣкѣ къ Ладожкѣ до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменнаго и деревяннаго по валу, деревянной стѣны прясло въ длину 19 сажень съ четию сажени, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и впредь непрочна; а прежь сего то прясло было каменное и обрушилось безъ остатку до подшвы; отъ того прясла внизъ, подлѣ рѣчки Ладожки, Климентовская проходная каменная башня, отъ подшвы вверхъ 7 сажень, въ длину и поперегъ по $8\frac{1}{2}$ сажень и съ стѣною, стѣна толщиною 2 сажени. И та башня съ обѣихъ сторонъ пообвалилася 2 сажени по верхніе бои; а кровли на той башнѣ нѣтъ, огнила и обвалилася безъ остатку, и отъ мокроты, отъ дождя и отъ снѣгу, сыплется камень и достальное розно. Да въ той же башнѣ стоитъ пищаль поменьше полуторной, мѣдная, въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 300 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, станокъ и колеса у той пищали огнили безъ остатку.

Отъ тое отъ Климентовской башни до Воротной каменной башни прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ $18\frac{1}{2}$ сажень, вышина стѣны съ подшвы до зубцовъ $4\frac{1}{2}$ сажень, въ толщину стѣна въ 3 сажени безъ чети; а нынѣ по тому пряслу вмѣсто зубцовъ стоятъ тарасы деревянные; а то прясло стоитъ отъ приходу съ лица безъ кровли и во многихъ мѣстѣхъ то прясло отъ мокроты сыплется розно.

Да на томъ же пряслѣ пищаль болыши полуторной мѣдная, на гнилѣмъ станку безъ колесъ, къ той пищали по кружалу 29 ядеръ, вѣсомъ по 6 гривенокъ ядро; пищаль поменьше тое полуторной мѣдная, на гнилѣмъ станку безъ колесъ, къ той пищали по кружалу 120 ядеръ, вѣсомъ по полътри гривенки ядро; тюфякъ мѣдный въ гнилѣмъ станку на кошкахъ, ядеръ и дробинъ къ нему нѣтъ. На томъ же пряслѣ колоколь сполошной мѣдный, вѣсомъ 50 гривенокъ и съ языкомъ.

Отъ того прясла каменная четверугольная башня Воротная стоитъ безъ кровли и отъ мокроты та башня сверху поосыпалась во многихъ мѣстѣхъ; да подъ тою-жъ башней стоитъ въ полаткѣ государева зелейная казна и пушечныя ядра и свинець. И та полатка гораздо мала и государевъ казнѣ стоятъ въ той полаткѣ тѣсно и отъ мокроты каплетъ; и впредь въ той полаткѣ государевой казнѣ зелейной быть не мочно, потому что отъ мокроты и отъ казны чинится поруха, а надобно подъ ту зелейную казну устроить погребъ добрый; а кѣмъ тотъ погребъ устроить и о томъ что государь укажетъ. А мѣрою та Воротная башня и съ стѣною въ длину и поперегъ по 8 сажень, стѣна толщиною въ 2 сажени, вверхъ отъ подшвы та башня 7 сажень.

На той Воротной башнѣ въ окнахъ 2 пищали полуторныя мѣдныя въ станкахъ на колесахъ; къ тѣмъ пищалемъ 109 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; станки и колеса у тѣхъ

пищали огнили; подъ тою-же башнею въ воротѣхъ тюфякъ мѣдный въ станку, колеса огнили ядеръ и дроби къ нему нѣтъ.

Отъ тое Воротной башни, до наугольной Стрѣлочной каменной башни, которая стоитъ межъ рѣкою Волхова и Ладожки, каменной стѣны прясло подлѣ рѣки Ладожки, въ длину по стѣнѣ 28 сажень, вверхъ стѣна отъ подшвы къ зубцамъ 4 сажени, толщина стѣнъ 3 сажени безъ чети. И того прясла отъ Стрѣлочной башни въ длину на 20 сажень половина толщины той каменной стѣны съ загородной стороны обвалилась въ рѣку въ Ладожку до подшвы, и которое цѣлое мѣсто того прясла 8 сажень, и та стѣна стоитъ безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно.

Большая каменная наугольная круглая Стрѣлочная; въ длину и поперегъ 8 сажень, вверхъ отъ подшвы та башня 7 сажень, кровля на той башнѣ огнила и сверху отъ мокроты та башня осыпается. На той башнѣ нарядъ: пищаль полуторная мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 370 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, колеса у той пищали гнили; пищаль полуторная желѣзная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 52 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пищаль полковая долгая, скорострѣльная желѣзная на козлѣ, къ той пищали 10 ядеръ вѣсомъ въ $\frac{1}{4}$ гривенки ядро; тюфякъ нѣмецкой желѣзной судовой на козлѣ, ядеръ и дроби къ нему нѣтъ; 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, да 16-я ломавая, къ тѣмъ пищалемъ 340 ядеръ желѣзныхъ.

Отъ той Стрѣлочной башни до Тайничной каменной башни подлѣ рѣки Волхова, прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 23 сажени, вверхъ стѣна отъ подшвы и съ зубцами $5\frac{1}{4}$ сажень; и та стѣна осыпалась во всю стѣну на $\frac{1}{2}$ сажени; а стоитъ та стѣна безъ кровли, а нынѣ то достальное каменной стѣны прясло сыплется розно и валится въ рѣку Волховъ.

Башня Тайничная каменная, отъ подшвы вверхъ 4 сажени, въ длину 5 сажень съ полу-саженью, толщина 2 сажени; и та башня стоитъ безъ кровли, и вся до подшвы отъ каменной стѣны отсѣла больше сажени и отвисла. И только тое башни вскорѣ не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскорѣ вся безъ остатку до подшвы обвалится въ рѣку въ Волховъ, и колодезь въ той Тайничной башнѣ обрушится и вода камнемъ и известью и пескомъ засыплется. А колодезь подъ той башней съ водою, а вода въ тотъ тайникъ и въ колодезь приведена была трубами изъ рѣки Волхова, и тѣ трубы не почищены и нынѣ засыпались и воды въ томъ тайничномъ колодезѣ нѣтъ. А надъ тѣмъ колодеземъ въ той башнѣ своды каменные, а около того колодезя мостъ намощенъ плитою. И отъ того колодезя въ каменный городъ въ палатку выведенъ тайникъ противъ стѣны, въ длину въ 3 сажени, а стѣны и своды и лѣстница у того тайника каменная, а палатка, въ которую тотъ тайникъ приведенъ, въ длину 1 сажени, поперегъ въ сажень, вверхъ полъ двѣ сажени, а стѣна толщиною полсажени. А надъ тою полаткою были рубленые тарасы деревянные и покрыта была палатка тесомъ и дерномъ, и та кровля вся безъ остатку обвалилась и тайникъ и палатка отъ мокроты сыплется розно и вода въ колодезѣ землею засыпалась. А опричь того тайника воды въ каменномъ городѣ нигдѣ нѣтъ.

Отъ тое Тайничной башни до большого каменного роскату, подлѣ рѣки Волхова, по валу прясло деревянное, рубленая стѣны, въ длину 28 сажень, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли. А прежъ сего потому мѣсту была каменная стѣна, и та каменная стѣна вся до подшвы обвалилась въ рѣку въ Волховъ безъ остатку, а каменная подшва у той стѣны цѣла, а съ

подшвы вверхъ та каменная стѣна была вышиною и съ зубцами $5\frac{1}{4}$ сажень, а поперегъ тое стѣны была толщина полъдвѣ сажени.

Башня каменная Роскатная наугольная круглая, подлѣ рѣки Волхова, межъ городовъ каменного и земляного; вышина башни вверхъ подшвы до зубцовъ 6 сажень, въ длину и поперегъ по 8 сажень, толщина стѣны 2 сажени; а на верху тое Роскатной башни нынѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянныя тарасы и тѣ тарасы огнили и развалились безъ остатку, вверхъ тѣ тарасы въ сажень; а стоитъ та Роскатная башня безъ кровли и отъ мокроты сыплется и валится розно.

И всего тотъ каменный городъ, башни и прясла, около всего города мѣрою по стѣнѣ и съ башнями $154\frac{1}{4}$ сажени.

Да у того-жъ у каменнаго города у цѣлаго у каменнаго прясла, да у прясель разсыпныхъ, подошвыные бои землею засыпались и заросли, и нарядъ въ тѣхъ боѣхъ поставить не мошно. Да у каменнаго-жъ города отъ Воротной башни для городовыя крѣпости и воротнаго обереганья поставленъ острогъ да рѣшетка.

Да въ Ладогѣ другой городъ деревянный; поставленъ былъ по земляному валу, подлѣ каменнаго города; и тотъ деревянный городъ, башни и деревянныя городовыя прясла и отводныя быки и у воротъ острогъ и рѣшетка, все огнило и развалилось безъ остатку и земляной валъ того деревяннаго города во многихъ мѣстѣхъ осыпался. А мѣрою тотъ земляной валъ, по которому былъ деревянный городъ, отъ каменнаго города, отъ Роскатныя башни, отъ каменныя по валу стѣнныя прясла и башенныя мѣста и быки около всего того деревяннаго города къ каменному городу, до Климентовской проходной башни каменной 209 сажень, а деревяннаго города стѣны съ тарасы и съ облами рубленые были вверхъ 2 сажени. И тотъ деревянный городъ, будетъ государь укажетъ, весь надобно дѣлать вновь, а безъ того деревяннаго города быть отнюдь не мочно, что Ладога стала близко нѣмецкаго рубежа. Да изъ того-жъ деревяннаго города выведенъ былъ подлазъ къ рѣкѣ къ Волхову, а въ томъ подлазѣ былъ колодезь съ водою, и тотъ подлазъ обрушился весь безъ остатку и колодезь засыпался и воды въ томъ деревянномъ городѣ въ осадное время, окромѣ того подлазу, не будетъ.

Да у того-жъ у деревяннаго города стоитъ нынѣ деревянная гнилая башня Воротная, а ворота въ тотъ деревянный городъ подъ тою башнею одни и иныхъ воротъ нѣтъ; и та башня вся безъ остатку огнила и ворота въ землю осыли, и тѣми ворота пѣшіе люди ходятъ съ великою нужею, а на лошадяхъ тѣми ворота ѣздить отнюдь не мочно. Да у той же деревянной гнилой башни, около тѣхъ воротъ, для городовой и воротной крѣпости, стоялъ отводной деревянный тынъ съ рѣшеткой, и тотъ тынъ съ рѣшеткой все огнило и развалилось.

Да въ Ладогѣ-жъ обоихъ городовъ, каменнаго и деревяннаго, дву воротъ городовыхъ воротныхъ 7 ключей. Да въ государевѣ казнѣ въ съѣзжей избѣ, по росписному списку Григорья Карамышева, принято у него, Григорья, на лицо, что онъ Григорій объявилъ и отдалъ 14 рубл. 6 алт. съ деньгой.

Да приказныхъ дѣлъ: государевы грамоты и новгородскія и олонецкія отписки и судныя и приказныя всякія дѣла, по его Григорьеву росписному списку. Да въ государевѣ казнѣ зелья ручного и пушечнаго наголо безъ дерева 95 пудъ 22 гривенки; да ядеръ желѣзныхъ, которыя къ пищали не пригодились, большихъ и малыхъ 256 ядеръ: да три свиньи свинцу невзвѣшены, потому что такихъ вѣсовъ въ Ладогѣ нѣтъ; да свинцу 14 пудъ 10 гривенокъ. Да въ государевыхъ житницахъ: государева четвертнаго и дворцоваго хлѣба: дворцоваго 32 четьи ячменю

170 четьи овса, да четвертного хлѣба: 19 четьи съ осьминою ячменю въ государеву отда- точную мѣру.

Да въ прошломъ во 155 году, по государеву.... указу присыланъ былъ въ Ладогу съ Москвы изъ Новгородской Четверти при Васильѣ Оничковѣ каменныхъ дѣлъ подмастерье Ромашко Невѣровъ, для тое города Ладоги, каменнаго и деревяннаго, подлинной городской смѣты. И тѣ городовыя всякія крѣпости и подѣлки смѣчалъ подлинно, и во что то городовое дѣло станетъ и въ сколько мѣсяцевъ и сколькими людьми то городовое дѣло мочно дѣлать и на то все городовое дѣло надобно городовыхъ всякихъ запасовъ и камня и песку и извести и бутового камня и лѣсу и тесу и гвоздья и мастеровъ, и тому всему городовому дѣлу и крѣпостямъ подлинная смѣтная роспись за руками послана, и о всемъ о томъ Василій Оничковъ писалъ къ государю... къ Москвѣ въ Новгородскую Четверть съ тѣмъ-же каменныхъ дѣлъ подмастерьемъ съ Ромашкою Невѣровымъ. И по се время тѣ оба города не подѣланы и достальныя башни и каменныя прясла безъ кровлей нынѣ безъ остатку валяются, а безъ подѣлки въ тѣхъ городѣхъ въ осадное время отнюдь сидѣть будетъ нельзя и ни въ чемъ некоторыми дѣлы. А отъ нѣмец- кого свейскаго рубежа городъ Ладога всего 30 верстъ, и ѣздить въ государеву сторону мимо Ладоги нѣмецкіе посланники и гонцы и торговые люди пріѣзжаютъ почасту и городовое нестроенье видятъ.

А осадныхъ запасовъ въ Ладогѣ въ государевѣ казнѣ: ломовъ и кировъ и заступовъ и фитилей, и иныхъ никакихъ осадныхъ запасовъ, сверхъ сей росписи, нѣтъ; а хлѣба въ госу- даревыхъ житницахъ гораздо мало и тотъ хлѣбъ весь лежалый и впредь непроченъ; а пороху и ядеръ не отъ велика-жъ, и безъ запасного хлѣба и безъ пороху и безъ ядеръ и безъ осад- ныхъ запасовъ, и наряду безъ станковъ и безъ колесъ въ осадное время быть отнюдь не мочно.

А хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ въ Ладогѣ въ государеву казну ни отколѣ ничего не приходитъ. Да въ Ладогѣ-жъ государевыхъ служилыхъ и всякихъ жилецкихъ людей: голова стрѣлецкій и козацій, а у него въ двухъ станицахъ 81 человекъ козаковъ съ самопалы, а само- палы у казаковъ свои; да у нихъ же 2 знамени и 2 барабана государевыхъ казенныхъ; и нынѣ тотъ голова на государевѣ службѣ въ Витебскѣ и съ козаки. Да у него-жъ въ приказѣ въ Ладогѣ 100 человекъ стрѣльцовъ съ самопалы, а самопалы у нихъ государевы орленные; да у нихъ же государевы два знамени и два барабана. Да посадскихъ людей 58 человекъ съ само- палы и съ топоры и съ копья; да у наряду 6 человекъ пушкарей, да Ладожскаго яму охотни- ковъ 20 человекъ съ топоры и съ копьемъ.

(Н. Поповъ: Акті Московскаго Государства, т. II, № 777).

Приложение X.

Опись Ладоги 1668 года.

Новгородскіе пригороды.

Въ городѣ Ладогѣ воевода Аоанасей Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ, Іюня съ 7 числа 175 году.

А по отпискѣ и по книгамъ окольничего и воеводы князя Дмитрея Алексѣевича Долгорукого, да дьяковъ Дмитрея Шубина да Ивана Рубцова Марта 1 числа нынѣшняго 176 году:

Городъ каменной промежъ рѣкъ Волхова и Ладожки.

2 башни каменныхъ съ проѣзжими вороты и въ томъ числѣ одна башня безъ кровли, отъ дождю во многихъ мѣстѣхъ осыпалась.

3 башни глухихъ, тѣ башни во многихъ мѣстѣхъ осыпались; а Тайничная башня полъ которою колодезь и та башня отъ городовыя стѣны до подошвы вся отсѣла, и только тое башни починить и воды въ каменномъ городѣ не будетъ.

По мѣрѣ города и съ башни 151 сажень.

Къ тому-жъ каменному городу сдѣланъ городъ деревянной рубленой: Башня съ проѣзжими вороты; 2 башни глухихъ. По мѣрѣ города съ башнями и съ выводи 221 сажень.

Людей: атаманъ казачей 1, есаулъ 1, рядовыхъ казаковъ 48, дѣтей ихъ и племянниковъ 3, стрѣльцовъ 100, дѣтей ихъ и племянниковъ 7, пушкарей 6, посадскихъ людей 37, дѣтей ихъ и братья и племянниковъ 14, посадскихъ людей зарубѣжскихъ выходцовъ 17, дѣтей ихъ и братья и племянниковъ 6, ямскихъ охотниковъ 24, дѣтей ихъ 2, захребатниковъ и бѣглыхъ 6; зарубѣжскихъ выходцовъ, которые порядились въ посадъ и взяли государево жалованье, а нынѣ живутъ за монастыри и за помѣщики,—30, дѣтей ихъ и братья 14 человекъ. Всего въ городѣ въ Ладогѣ всякихъ чиновъ людей 271 человекъ.

По городу и въ проѣзжихъ воротахъ и въ глухихъ башняхъ наряду:

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 50 ядеръ, восемь ядро по 6 гривенокъ.

2 пищали мѣдныхъ въ станкѣхъ на колесахъ, къ нимъ 486 ядеръ, вѣсомъ ядро по 3 гривенки.

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 400 ядеръ, вѣсомъ ядро по 3 гривенки безъ чети.

2 пищали мѣдныя въ станкѣхъ на колесахъ, а къ нимъ 106 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

Пищаль полуторная желѣзная, къ ней 52 ядра, вѣсомъ по полъ три гривенки ядро.

Пищаль желѣзная на козлѣ, къ ней 2 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

2 тюфяка мѣдныхъ, дробь къ нимъ и пушкаря нѣтъ.

Тюфякъ желѣзный на козлѣ, дробь и пушкаря къ нему нѣтъ.

15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, къ нимъ 340 пулекъ желѣзныхъ.

Въ казнѣ зелья 89 пудъ безъ дерева, до невѣшанного въ трехъ бочкахъ; невѣшанъ для того что слежался.

38 пудовъ свинцу, 9 пудовъ фитилю, 3 знамени киндячныя ветхи, 102 мушкета съ жаграми, да порченыхъ 27 мушкетовъ, 30 топорковъ и бердышевъ.

Въ житницѣ четвериковаго хлѣба 44 чети безъ четверика ржи, 26 чети безъ полуосмины овса; а тотъ хлѣбъ въ прѣмочную мѣру. Да стрѣльческаго и четвериковаго хлѣба 10 чети съ четверикомъ и съ полъ полчетверика ржи. 8 четвертей съ полуосминою и съ четверикомъ безъ полъ полчетверика овса. И тотъ хлѣбъ въ прѣмочную мѣру.

Въ Ладогѣ-жъ въ казнѣ прислано изъ Лавужскаго острога: 3 пунки мѣдныхъ въ станкѣхъ на колесахъ, 6 знаменъ киндяшныхъ, 4 барабана, лукашко барабанное, 4 алебарды, 30 ядучныхъ драгунскихъ, 50 бердышей пѣлыхъ и ломаныхъ, 7 топориковъ пѣлыхъ и ломаныхъ, 150 копейничныхъ безъ древокъ, 98 пикъ длинныхъ и короткихъ съ древками, 3 фурмы мѣдныхъ большихъ, 5 фурмы желѣзныхъ малыхъ, трубка фитильная, горшокъ желѣзной, 3 уполни желѣзныхъ, уполовня ломаная, лейка желѣзная, безмѣтъ, 3 кожи барабанныхъ дѣланныхъ, 11 версвокъ барабанныхъ, 5 пудовъ зелья ручнаго, 95 пудовъ фитиля, 4 пуда 18 гривенокъ зелья пушечнаго,

2 пуда 2 чети зелья нарядного въ мѣшкахъ, 10 аршинъ холсту, 4 пуда 25 гривенокъ пеньки, 1 топора дровосѣчныхъ, 4 желѣза пожные, 8 мѣшковъ кожаныхъ пороховыхъ, 84 ядра пушечныхъ, пруть да два обломка желѣза невѣшеного, 2 кирки, 2 скобели.

И изъ того числа на Лавужскую заставу дано знамя киндяшная цвѣтное, барабанъ; стрѣльцамъ и казакомъ 20 человѣкамъ по фунту зелья и свинцу.

Да въ государевѣ казні денежныя казни 2 алтына 4 деньги.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Московскаго Стола 1668г., кн. № 61, л. 444).

Приложене XI.

Опись Ладоги 1669 года.

Въ Новгородскихъ пригородѣхъ.

Въ Ладогѣ новгородецъ Аонасей Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ, отпущенъ Іюня въ 7 числѣ 175 году, наказъ данъ съ вичомъ, росписался того-жъ году Іюня въ 28 числѣ.

Городъ Ладога, а въ ней два города.

Городъ каменной, въ немъ два ворота проѣзжіе, 3 башни глухихъ.

И подъ глухою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою, а въ осадное время въ томъ колодезѣ воды не будетъ, потому что тайникъ осыпался, а иного колодезя въ каменномъ городѣ нѣтъ и водою будетъ скудно.

Всего каменного города съ стѣны и съ башнями по мѣрѣ 151 сажень, а сажень въ 3 аршина; и того города стѣна во многихъ мѣстахъ осыпалась.

Городъ деревянной: Въ немъ проѣзжіе ворота да двѣ башни глухихъ, да три быка отводные; а по мѣрѣ того города съ башнями и съ быки 221 сажень въ трехаршинную сажень.

Обоего каменного и деревянного города по мѣрѣ кругомъ 372 сажени.

На городѣ колоколъ всполошной вѣсомъ 50 гривенокъ и съ языкомъ.

Людей: стрѣльцовъ 100 человѣкъ, казаковъ 52, пушкарей 6, казачьихъ дѣтей 4. И изъ тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ стоятъ на заставѣхъ въ Лавуйскомъ острожку отъ Ладоги 40 верстъ съ головою по 20 человѣкъ, перемѣняются въ двѣ недѣли. На Волховскомъ устьѣ отъ Ладоги 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ за 20 верстъ, съ головами по 10 человѣкъ.

Посадскихъ людей 46 человѣкъ, ямскихъ охотниковъ 26 человѣкъ, подсосѣдниковъ и бобылей 5, выходцовъ Орѣшковаго уѣзду которые рядились въ посадъ 23 человѣка.

Всего служилыхъ и житецкихъ всякихъ чиновъ людей 262 человѣка.

Наряду:

Пищаль мѣдная на колесахъ, въ длину полчетыре аршина съ вершкомъ, къ ней 167 ядеръ желѣзныхъ, по 3 гривенки ядро.

Пищаль мѣдная болши полуторной, длина 4 аршина съ четью, толстина 5 вершковъ; къ ней 50 ядеръ желѣзныхъ, по 6 гривенокъ безъ чети ядро.

Пищаль мѣдная-жъ, къ ней 400 ядеръ желѣзвыхъ, по 3 гривенки безъ чети ядро.

Пищаль верховая, а тюфякъ тожъ мѣдной.

Пищаль полуторная желѣзная въ станку на колесахъ, длина 3 аршина, въ казнѣ 6 вершковъ; къ ней 52 ядра желѣзныхъ въ полтри гривенки ядро.

Пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 60 ядеръ желѣзныхъ въ полтри гривенки ядро.

Пищаль полковая желѣзная долгая на козлѣ, къ ней 2 ядра желѣзныхъ въ четь гривенки ядро, да въ тотъ-же вѣсъ 50 ядеръ повелики.

Пищаль мѣдная поменши полуторной въ станку на колесахъ, длина 3 аршина съ четью, толщина 5 вершковъ; къ ней 319 ядеръ желѣзныхъ по 3 гривенки ядро.

Пищаль верховая, а тюфякъ тожъ мѣдной; ядеръ и дроби къ нему нѣтъ.

Тюфякъ желѣзной нѣмецкой судовой на козлѣ, въ длину аршинъ, въ дулѣ четырехъ вершковъ; ядеръ и дроби нѣтъ.

По деревянному городу наряду:

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четью, въ казнѣ 5 вершковъ къ ней 46 ядеръ желѣзныхъ по 2 гривенки ядро.

3 пищали полковыхъ мѣдныхъ въ станкахъ на колесахъ.

Тюфякъ мѣдный въ станку на кошкахъ, длина аршинъ съ четью, талстина полъ аршина.

Да въ башняхъ на быкахъ 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, а къ тѣмъ пищалемъ 340 пулекъ желѣзныхъ по 7 и по 8 пулекъ въ гривенку.

И того-жъ деревянного города къ рѣкѣ Волхову подлазъ, а въ подлазѣ колодезь съ водою.

Зелья ручного 17 пудъ съ четью, пушечного мокрого 23 пуда 18 гривенокъ, 2 пуда 2 чети въ мѣшкахъ нарядного зелья. Свинцу 3 свиньи, а въ нихъ 26 пудъ; свинцу-жъ въ 3 кусахъ 10 пудъ, свинцу-жъ сѣченого и въ пулкахъ 2 пуда, всего 38 пудъ. Фетилю 14 пудъ, 3 знамени кицашныхъ ветчаныхъ, 102 мушкета съ жаграми, 27 мушкетовъ порченныхъ безъ жагръ, 37 топориковъ цѣлыхъ и ломаныхъ, 30 полицъ бѣлаго желѣза, ломъ, 4 буравца, 4 барабана, лукошко барабанное, 4 алебарда, 30 лядунокъ драгунскихъ, 50 бердышевъ цѣлыхъ и ломаныхъ, 150 копеецъ пичныхъ безъ древокъ, 98 пикъ долгихъ и короткихъ съ древками, 3 фурмы мѣдныхъ большихъ, 5 фурмъ желѣзныхъ малыхъ, трубка фетильная, горшокъ желѣзной, 3 уполовника желѣзныхъ, уполовня ломаная; лейка желѣзная, безмѣтъ, 3 кожи барабанныхъ, 11 концовъ веревокъ барабанныхъ, 10 аршинъ холсту, пенки 4 пуда 25 гривенокъ, 16 топоровъ дровосѣчныхъ, 4 желѣза ножные, 8 мѣшковъ кожаныхъ пороховыхъ; 84 ядра пушечныхъ, пруть желѣза, 2 обломка невѣшеного, 2 кирки желѣзныхъ, 2 долота, 2 скобели. Соли запасной 12 пудъ безъ чети.

А денегъ и хлѣба въ казнѣ и въ житницахъ стрѣлцаго и четверичного никакова нѣтъ.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Московскаго Стола 1669 г., кн. № 62, и 412).

Приложение XII.

«Переписная роспись новгородскому пригороду Ладогѣ башнямъ и стѣнамъ и всякимъ городовымъ крѣпостямъ и Великого Государя зелейной и свинцовой казнѣ и хлѣбу и запасной соли и наряду и ядрамъ и фитилю и всякимъ пушечнымъ запасомъ и служилымъ и посадскимъ и всякихъ чиновъ жилацкимъ людямъ и по колку челоуѣкъ стрѣльцовъ и иныхъ служилыхъ людей въ городѣ и по воротамъ и по стѣнамъ и у зелейной и у свинцовой казны на нараулѣхъ и на сторожахъ и въ колно день перемѣняются и наковъ городъ и что по которому городу прѣѣзжихъ воротъ и глухихъ башенъ и иныхъ крѣпостей и которыя крѣпости въ цѣлѣ и накова которая башня мѣрою и что отъ башни до башни и всея городовой стѣны по мѣрѣ сажень и сколько нынѣ по пересмотру и по спискамъ въ Ладогѣ на лицо Великого Государя служилыхъ людей и посадскихъ и всякихъ жилацкихъ людей». 1665—67 г.

Городовыхъ воротныхъ 4 ключи: Ладога городъ каменной промежъ Волхова и рѣки Ладожки.

Башня каменная круглая Климонтовская, проходная отъ приходу съ лица; а проходъ въ той башни изъ верхнего бою каменною лѣстницею въ средней и въ нижней бою и отъ того подошвенного бою проходные небольшие ворота въ деревянной городъ; а та башня стоитъ безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу отъ мокроты сверху та башня оснилася съ обѣ стороны по верхней бою на сажень. Вышина башнѣ съ вонные стороны 6 сажень съ третью сажени, въ длину и поперегъ во всѣ стороны по 8 сажень съ третью сажени; толщина стѣнъ въ верхнихъ боехъ въ окнахъ по сажени, да около оконъ въ быки по сажени, въ среднемъ бою толщина башнѣ и съ окнами трехъ сажень, а въ нижнемъ бою четырехъ сажень.

Да на той-же башнѣ пицаль мѣдная въ станку на гнилыхъ колесахъ, въ длину та пицаль полчетверта аршина съ вершкомъ, въ дулѣ толщина четырехъ вершковъ, въ казнѣ толщина въ полшеста вершка; къ той пицали по кружалу 167 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь у той пицали Куземка Мининъ. И къ той пицали надобно колеса новые противъ прежнего вышиною два аршина безъ четверти, ступицы у колесъ въ отрубѣ по полуаршину, да ось дубовая длиною 3 аршина; а станокъ у той пицали не горазно поогнилъ. Да на той-же башнѣ въ среднемъ бою тюфакъ желѣзный нѣмецкой судовой на козлѣ, въ длину 1 аршинъ, въ казнѣ и въ дулѣ четырехъ вершковъ; ядеръ и дроби и пушкаря къ нему нѣтъ.

Отъ тое башни до Воротной каменной башни прясло каменная стѣна съ приходу-жъ съ лица, въ длину по стѣнѣ 18 сажень съ полсаженью; толщина стѣнъ 3 сажени; вышиною то прясло съ загородные стороны 4 сажени, а внутри города та стѣна вышиною въ 1½ сажени. А стоитъ та стѣна безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно. Да на томъ-же пряслѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ непокрыты и огнили.

Башня каменная Воротная четверугольная, въ длину и поперегъ по 8 сажень, въ верхѣ съ потшвы и съ загородные стороны 7 сажень. Толщина башнѣ въ верхнихъ и въ среднихъ и въ подошвенныхъ боехъ противъ Климонтовской приходной башни. А стоитъ та башня безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу и отъ мокроты сверху во многихъ мѣstechъ поосыпалось.

Да на той-же башнѣ въ верхнихъ боехъ пицаль больша полуторной мѣдная, длиною 4 аршина съ четвертью; въ дулѣ толщина 5 вершковъ, въ казнѣ 7 вершковъ. Къ той пицали по кружалу 50 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по шти гривенокъ ядро; пушкарь у той пицали Ортюшка Куделинъ. А станокъ и колеса у той пицали огнили и надобно къ той пицали станокъ противъ прежняго длиною въ 5 аршинъ, подъ колесами ширина станку 10 вершковъ, въ хвостѣ поларшина, толщина въ 1½ вершка, а колеса вышиною въ 2 аршина безъ четверти, ступицы въ отрубѣ по полуаршину; подъ станокъ въ колеса ось длиною въ сажень.

Да въ той-же башнѣ другая пицаль мѣдная въ станку на гнилыхъ колесахъ, длиною въ 3 аршина съ четвертью, въ дулѣ толщина 4 вершка, въ казнѣ 5 вершковъ; къ той пицали по кружалу 400 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по три гривенки безъ четверти ядро, пушкарь у той пицали Ивашко Куделинъ. И къ той пицали надобны новые колеса противъ прежнего, вышиною 2 аршина безъ четверти, ступицы колесныя въ отрубѣ въ поларшина, ось подъ станокъ въ колеса въ 3 аршина; станокъ у той пицали нѣтъ.

Да въ той-же башнѣ въ нижнемъ бою городовые проѣзжіе ворота, а въ тѣхъ проѣзжихъ воротехъ пицаль верховая, а тюфакъ тожъ мѣдная, въ станку на гнилыхъ колесахъ, въ длину въ аршинъ съ четвертью, въ казнѣ толщина въ поларшина, въ дулѣ девяти вершковъ; ядеръ

и дробь и пушкаръ къ ней нѣтъ и не было. И къ той пищали надобно новые колеса вышиною 2 аршина, ступицы у колесъ въ отрубѣхъ девяти вершковъ, ось въ 3 аршина.

Да подъ тою-же Воротней башнею въ полаткѣ стоитъ Великого Государя зелейная и свинцовая камра.

А иныхъ воротъ, опрочѣ тѣхъ проѣзжихъ воротъ, въ каменномъ городѣ нѣтъ. только есть проходные небольшіе ворота изъ каменного города въ деревянный городъ подъ Климентовскую каменную проходную башнею и тѣ писаны выше сего.

Да отъ тѣхъ-же проѣзжихъ воротъ отводной острогъ съ решеткою, въ длину 15 сажень.

Отъ той Воротней башни до Стрѣлочной каменной башни прясло каменные стѣны возлѣ рѣки Ладожки, въ длину 28 сажень съ полусаженью; и той каменной стѣны отъ Воротней башни 15 сажень съ полусаженью цѣло, только стоитъ непокрыто и отъ мокроты камень сыплется розно. Вышина стѣнъ съ загородные стороны 3 сажени съ третью сажени; толщина стѣнъ и съ зубцами трехъ сажень, а безъ зубцовъ въ двѣ сажени, а зубцы вышиною и толщиною по сажени. Да того-же прясла къ Стрѣлочной башнѣ 13 сажень каменные стѣны съ загородной стороны обвалилось за городъ по валу и въ рѣку Ладожку, а обвалилось той стѣны и съ зубцами толщины на 2 сажени съ третью сажени, а осталось цѣлыя стѣны того-жъ прясла всего толщиною на сажень съ третью и надъ тѣмъ обрушеннымъ мѣстомъ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили безъ остатку; а стоитъ то прясло все безъ кровли.

Башня глухая Стрѣлочная каменная круглая, межъ рѣкъ Волхова и Ладожки. Вышина башнѣ съ подошвы вверхъ полшести сажени, въ длину и поперегъ та башня во всѣ стороны по полдесяти сажени: въ окнахъ толщина въ сажень, да отъ оконъ быки по сажени; и всего въ верхнемъ бою въ окнахъ и въ быкахъ толщина башни 2 сажени, а въ среднемъ бою 3 сажени, а въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и во многихъ мѣstech поосыпалось.

Да на той-же башнѣ пищаль полуторная желѣзная, въ станку на колесахъ, длиною 3 аршина, въ дулѣ четырехъ вершковъ, въ казнѣ шти вершковъ. Къ той пищали по кружалу 52 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ по полтретьи гривенки ядро; пушкаръ у той пищали Ефимко Устиновъ. Колеса и станокъ у той пищали цѣлы.

Пищаль поменши полуторной мѣдная, въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина, въ казнѣ четырехъ вершковъ, въ дулѣ трехъ вершковъ. Къ той пищали 60 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро, пушкаръ у ней нѣтъ; колеса и станокъ у той пищали цѣлы.

Пищаль полковая желѣзная долгая, на козлѣ; въ длину 4 аршина безъ четверти, толщина въ дулѣ въ вершокъ, въ казнѣ въ полтора вершка. Къ той пищали два ядра желѣзныхъ вѣсомъ въ четверть гривенки ядро, да въ томъ-же вѣсѣ 8 ядеръ, только къ той пищали тѣ ядра повелику.

Отъ той Стрѣлочной башнѣ до Тайничной каменной башнѣ, подлѣ рѣки Волхова прясло каменные стѣны, стоитъ непокрыто безъ кровли, въ длину по стѣнѣ 18 сажень, вышина стѣнъ отъ рѣкъ отъ Волхова полчетверти сажени, толщина въ сажень съ четвертью; а подошвенные бои у тое стѣнѣ землею засыпались заросли, и то прясло все обвисло въ рѣку въ Волховъ, а отъ мокроты камень сыплется розно на обѣ стороны.

Тайничная круглая каменная глухая башня, отъ рѣки отъ Волхова вверхъ 3 сажени, въ длину и поперегъ 5 сажень. И та башня вся до подошвы отъ каменные стѣны, стѣны осыла сверху на полторы сажени, а у подошвы на полсажени, а стоитъ безъ кровли и отъ дождю и

отъ снѣгу отъ мокроты съ обѣ стороны сыплется розно. А подъ тою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою и сверху надъ колодеземъ своды каменные; а въ тотъ тайникъ изъ каменнаго города входъ полаткою и лѣстница каменная, и толко той башнѣ до подошвы не разобрать и вновь вскорѣ не сдѣлать и та башня вся безъ остатку до подошвы обвалится въ рѣку Волховъ и вода въ томъ тайникѣ въ колодезѣ каменемъ засыплется и въ осадное время въ Ладогѣ въ каменномъ городѣ воды не будетъ, потому что иного колодезя и воды въ каменномъ городѣ опрочѣ того тайничнаго колодезя нѣтъ.

Отъ Тайничной башни Роскатные каменные башни подлѣ рѣки-жъ Волхова городовые деревянные рубленые стѣны съ тарасы прясло въ длину 29 сажень, а та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и огнила и развалилась; а прежь сего по тому мѣсту была каменная стѣна и та стѣна вся обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку.

Башня глухая каменная Роскатная круглая, вышиною въ полшесты сажени, вдоль и поперегъ во всѣ стороны по полдевяты сажени; толщина съ окнами въ верхнемъ бою въ 2 сажени, въ среднемъ бою въ 3 сажени, въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и отъ дождю и отъ снѣгу отъ мокроты съ обонхъ сторонъ осыпалась на сажень по верхній бой.

Да въ той-же башнѣ въ среднемъ бою пицаль мѣдная поменши полуторной, въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четвертью, въ казиѣ толщина 5 вершковъ, въ дулѣ четырехъ вершковъ. Станокъ и колеса у той пицали цѣлы; къ той пицали по кружалу 319 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкаръ у той пицали Гришка Мининъ.

Отъ тое Роскатной башни до Климонтовской каменной проходной башни, межъ городовъ каменного и деревяннаго, земляной валъ съ Роскатною башнею наравно, вышиною полшестыхъ сажень; а къ тому валу прясло городовые деревянные рубленые стѣны стоитъ безъ кровли и огнило, въ длину 18 сажень.

Да промежъ каменного-жъ и деревяннаго городовъ... (ровъ?) ¹⁾ въ глубину въ 2 сажени и та ровъ оплыла во многихъ мѣстѣхъ.

И всего каменнаго города стѣны и съ башнями по мѣрѣ 151 сажень, а сажень въ 3 аршина.

Городъ деревянной.

Отъ каменнаго города отъ Климонтовской каменной проходной башни съ приходу съ лица, по валу деревянные рубленые крытые стѣны съ тарасы до деревянной Воротной башни 12 сажень.

Башня Воротная деревянная покрытая рубленая, съ облами (обламами), въ шесть угловъ; вышина башнѣ до шатра и съ обламами четырехъ сажень, поперегъ во всѣ стороны по 3 сажени съ третью. Да подъ тою башнею въ городъ проѣзжіе ворота съ калиткою, а въ воротѣхъ пицаль верховая, тюфякъ тожъ, мѣдная, въ станку на кошкахъ; станокъ цѣлъ. Въ длину та пицаль въ аршинъ съ четвертью, въ казиѣ толщина поларшина, въ дулѣ 9 вершковъ.

Да около тѣхъ городскихъ воротъ съ воинны стороны за городомъ обведенъ стоячій острогъ съ решеткою, мѣрою 15 сажень. Отъ тое башне деревянные-жъ рубленые-жъ стѣны съ тарасы до перваго быка по валу 7 сажень; вышина стѣнъ по всему деревянному городу отъ валу вверхъ въ 2 сажени. Быкъ поперегъ отведенъ за городъ 5 сажень безъ трети, а въ длину тотъ быкъ по валу 15 сажень. Да того-жъ быка поперегъ въ городъ 5 сажень, а по валу въ

¹⁾ В. и Г. въ рукописяхъ: ровъ.

томъ быкъ стоитъ деревянная рубленая стѣна съ тараси и съ обламами и покрыта сверху стѣна въ 2 сажени-жъ. Отъ того быку до другаго быка прясло деревянныя-жъ рубленныя крытые стѣны по валу 28 сажень безъ трети сажени.

Быкъ деревянныя-жъ открытые стѣны поперегъ по валу за городъ отведено 6 сажень, а въ длину до Наугольной башни по валу-жъ 11 сажень безъ трети сажени.

Башня деревянная глухая, рублена въ шесть угловъ, стоитъ не покрыта, съ обламами. Вверхъ вышины башни 4 сажени безъ трети сажени, поперегъ во всѣ стороны по 4 сажени съ третью. Да въ той-же башнѣ въ среднемъ бою пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четвертью, въ дулѣ 3 вершка, въ казнѣ 5 вершковъ. Къ той пищали по кружалу 46 ядеръ желѣзныхъ, въсомъ по 2 гривенки ядро; пушкаръ у той пищали Дмитрей Коросляковъ, а станокъ и колеса у той пищали въ цѣлѣ.

Отъ той башне къ рѣкѣ Волхову до быку деревянныя-жъ рубленныя крытые стѣны по валу 10 сажень. Быкъ, по валу въ городъ отведено деревянныя-жъ рубленныя крытые стѣны поперегъ 7 сажень, а вдоль того быка по валу 24 сажени, да за городъ по валу тогожъ быка отведено 5 сажень; а по томъ быку стоитъ деревянная-жъ крытая рубленая стѣна. Отъ того быка до Бережной башни по валу городовыя деревянныя рубленныя крытые-жъ стѣны 8 сажень.

Башня Бережная глухая рубленая въ шесть угловъ, покрыта; вышины башнѣ съ обламами до шатра 3 сажени, поперегъ во всѣ стороны по 4 сажени безъ трети.

А тѣ всѣ деревянныя три башни и быки и деревянная рубленая стѣна отъ каменного города, стоитъ въ цѣлѣ отъ приходу съ лица.

Отъ той Бережной башне по валу, подлѣ рѣки Волхова, деревянныя городовыя рубленныя крытые стѣны 10 сажень безъ трети сажени; и отъ того отведено быковъ въ городъ по валу 4 сажени стѣны, да отъ того быка до каменного города до Роскатной каменной башни подлѣ рѣки Волхова, по земляному валу, городовыя деревянныя рубленныя простые стѣны прясло въ длину 57 сажень.

А тотъ деревянный городъ весь въ цѣлѣ и покрытъ, опрочѣ одной Наугольной; а вышиною стѣна у всего деревянного города рублена съ тарасы въ двѣ сажени.

Да въ томъ-же деревянномъ городѣ по башнямъ и въ быкахъ 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, длиною пищали по $1\frac{1}{2}$ и по 2 аршина; къ тѣмъ пищалямъ 340 пулектъ желѣзныхъ, въсомъ по 7 и по 8 пулектъ въ гривенку.

Да изъ того-же деревянного города подлазъ къ рѣкѣ къ Волхову, а въ подлазѣ колодезь съ водою.

А ровъ около деревянного города глубиною въ 3 и въ 4 сажени, и та ровъ во многихъ мѣстѣхъ оплыла и надобна та ровъ по прежнему чистить.

Всего деревянного города стѣны и башенъ съ быками по мѣрѣ 221 сажень. А мѣряны тѣ города и башни и стѣны государевою указною саженью, а сажень въ три аршина. А надолбъ и чесноку и частику около обоихъ городовъ каменного и деревянного и около рву нѣтъ.

Да въ Ладогѣ-же Великого Государя въ казнѣ подъ Воротнею каменною башнею въ полаткѣ, на лицо зелья ручного 40 пудъ, да пушечного 90 пудъ съ четвертью, на голо безъ дерева. И въ томъ числѣ мокрого пушечного зелья въ трехъ бочкахъ на голо-жъ безъ дерева 29 пудъ. А стоитъ та Воротняя башня безъ кровли и отъ дождю каплетъ и государевѣ зеленой казнѣ чинится отъ того великая поруха.

Да въ той-же полаткѣ 3 свиньи свинцу, а въ нихъ по вѣсу 26 пудъ, да въ трехъ кусахъ свинцу-жъ 10 пудъ, да сѣченого свинцу въ пулкахъ 2 пуда; и всего свинцу 38 пудъ. Фитилю 9 пудъ; 3 знамени киндячные ветчаны; 102 мушкета съ жаграми, да порченныхъ безъ жагръ 27 мушкетовъ; 30 топориковъ и бердышевъ.

Да Великого Государя въ житницахъ стрѣleckого хлѣба 72 четверти съ полусосеминною и съ четверикомъ ржи, 31 четверть съ полусосеминною овса въ отлаточную мѣру, да запасные соли 12 пудъ.

Да въ Приказной избѣ Великого Государя въ казнѣ денегъ по росписному списку Терентя Елагина восемь денегъ; да по росписному-жъ списку Терентя-жъ Елагина государевы приказные всякіе дѣла въ Приказной избѣ.

Да въ Ладогѣ-жъ Великого Государя служилыхъ людей 100 человекъ стрѣльцовъ съ ружьемъ съ самопалы, а иные съ мушкеты; да у нихъ-же въ сотнѣ 2 знамени, 2 барабана; а ружье у нихъ и знамена и барабаны государевы. Атаманъ, да есаулъ; да у нихъ въ станицѣ 50 человекъ пѣшихъ казаковъ съ ружьемъ съ самопалы; да у нихъ-же въ станицы знамя, да барабанъ государевы, а ружье у нихъ казаковъ свое.

Да въ Ладогѣ-жъ пушкарей 6 человекъ, а имена ихъ писаны выше сего у наряду.

И всего въ Ладогѣ Великого Государя служилыхъ людей стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей 158 человекъ. И тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ по указу Великого Государя стоятъ на заставѣ на нѣмецкомъ рубежѣ въ Лавуйскомъ острожкѣ и по нѣмецкому рубежу отъ Ладоги за 40 верстъ съ заставнымъ головою безпрестанно по 20 человекъ, да изъ пушкарей въ Лавуйскомъ острожкѣ у наряду по 2 человекъ, а перемѣняются онѣ въ двѣ недѣли.

Да на заставѣ-жъ съ заставнымъ головою на Волховскомъ устьѣ отъ Ладоги за 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ отъ Ладоги за 20 верстъ, изъ тѣхъ-же стрѣльцовъ и изъ казаковъ стоятъ безпрестанно по 5 человекъ, а перемѣняются они въ три недѣли.

Да въ городѣ Ладогѣ въ каменномъ городѣ у городовыхъ воротъ и Великого Государя зеленойной и свинцовой казны стоятъ на караулѣ безпрестанно-жъ стрѣльцовъ-же и казаковъ по 6 человекъ, да въ деревянномъ городѣ у городовыхъ воротъ по 4 человекъ, а перемѣняются онѣ по денно въ сутки.

Да въ Ладогѣ-жъ казачьихъ дѣтей и племянниковъ 10 человекъ, а у стрѣльцовъ у которыхъ есть дѣти и племянники и тѣ не писаны, потому что малы.

Да посадскихъ людей и ихъ братья и дѣтей и племянниковъ 48 человекъ, и въ томъ числѣ посадскихъ людей 7 человекъ съ ружьемъ съ самопалы и съ сабли, 24 человекъ съ самопалы, а 17 человекъ съ копья, а иные съ топоры.

Да Ладожского яму охотниковъ 27 человекъ съ боемъ съ топоры; да подсосѣдниковъ и бобылей Ладожскаго-же яму 5 человекъ съ топоры-же.

А въ Приказной избѣ Великого Государя у дѣлъ подъячей Федотко Зеленинъ, сидитъ по государевѣ грамотѣ въ прошломъ во 173 году, а государева денежнаго жалованья окладъ неучиненъ.

Да зарубежскихъ выходцовъ, которые въ прошломъ во 167 году рядились за Великого Государя въ Ладогу въ посадъ на вѣчное житье, нынѣ на лицо 27 человекъ съ боемъ съ топоры.

И всего въ городѣ въ Ладогѣ по перепискѣ на лицо Великого Государя служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жплецкихъ людей 277 человекъ.

Да зарубежскихъ выходцовъ, которые рядились за Великого Государя въ Ладогу въ посадъ на вѣчное житіе въ прошлыхъ во 167 и во 168 годѣхъ и имали Великого Государя жалованье въ Великомъ Новѣгородѣ по рублю денегъ да по четверти ржи на семью, и тѣ зарубежскіе выходцы въ Ладогѣ ницѣ не живутъ и дворовъ себѣ не строятъ, а живутъ въ бѣгахъ въ новгородскомъ и въ ладожскомъ уѣздѣ въ государственныхъ дворцовыхъ селехъ и въ ряднахъ и за монастыри и за помѣщики, своимъ самовольствомъ безъ указу Великого Государя четыре семьи. И о тѣхъ о бѣглыхъ зарубежскихъ выходцахъ о сыску что Великій Государь укажетъ.

(По новѣйшему списку акад. А. А. Куника съ рукописи П. А. М. По

)

Приложение XIII.

Описи Ладоги 1676 и 1677 г. ¹⁾

Городъ Ладога каменной и по городу нарядъ:

На Климантовской проходной круглой каменной башни пицали полуторная мѣдная въ станку на колесахъ; къ той пицали по кружалу 162 ядра, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, пушкаръ Куземка Микинъ (* Мининъ). А та башня мѣрою въ ширину девяти сажень безъ четверти, отъ подошвы вверхъ 7 сажень 2 аршина; и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплетна.

Отъ тое башни прясло каменное въ длину до Воротной каменной башни мѣрою 18 сажень съ полусаженью, въ ширину 2 сажени 2 аршина, въ вышину отъ подошвы 4 сажени 2 четверти; а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили (* и та стѣна безъ кровли отъ мокроты сыплетца и валитца врознь).

На Воротной каменной четвероугольной башни пицаль поболши полуторной, мѣдная, въ станку на колесахъ; къ той пицали по кружалу 47 ядеръ, вѣсомъ по 6 гривенокъ ядро, пушкаръ Ефимко Устиновъ. А та башня мѣрою въ ширину 8 сажень, въ вышину 7 сажень 2 чети, и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли (* отъ мокроты) сыплетца. Да на той-же башни пицаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пицали по кружалу 311 ядеръ вѣсомъ по 3 гривенки ядро безъ четверти (* чети); пушкаръ Давыдко Росляковъ. Да на той-же башни пицаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пицали по кружалу 55 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкаръ Карпушка Ефремовъ.

И отъ тое башни прясло каменное до Стрѣлочной каменной (* круглой) башни (* къ рѣки Ладожки), въ длину 29 сажень, въ вышину (* то прясло) 4 сажени съ четвертью (* четью) и съ зубцами, въ ширину 2 сажени 2 аршина; да того-жъ прясла половина обвалилась въ рѣку Ладожку въ длину 13 сажень и съ зубцами, и вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили (* и отъ мокроты то прясло сыплетца и валитца врознь), а то прясло съ приходу съ лица отъ нѣмецкого рубежа.

¹⁾ Списокъ 1677 года, какъ почти тождественный съ первымъ (1676 г.), здѣсь не приводится, такъ какъ въ немъ описаны только башни, находившіяся въ Ладогѣ въ 1677 г.

Башня каменная. Стрѣлочная круглая, въ ширину 9 сажень безъ четверти (* чети), въ вышину 6 сажень съ полусаженью; и сверху та башня безъ кровли (* отъ мокроты) сыплетца по верхніе бои.

И отъ тое каменной (* *итѣ*) башни къ (* до) Тайничной каменной-же башни подлѣ рѣки Волхова (* *прясло* каменное-жъ къ рѣки Волхову) въ длину 23 сажени съ полусаженью, въ вышину 5 сажень съ полусаженью (* и съ зубцами), въ ширину полъ двѣ сажени, и то *прясло* (* отъ мокроты безъ кровли) сыплетца въ рѣку Волховъ и въ городъ.

Тайничная каменная башня въ ширину 6 сажень и та башня по указу Великого Государя разобрана сверху по нижней сводъ, для того что начала валитца и сыпатца въ рѣку Волховъ, а то полое мѣсто зарублено вновь деревянною стѣною, и та стѣна въ вышину 5 сажень съ полусаженью; да подъ той башней колодезь и вода проведена съ рѣки Волхова и тотъ колодезь землею и камнемъ засыпало, только надобно вычистить, въ нужное время въ городъ водою будетъ скудно.

И отъ тое Тайничной каменной башни до Роскатной каменной башни *прясло* подлѣ рѣки Волхова (* къ рѣки Волхову) въ длину 38 сажень съ полусаженью, а на томъ *пряслѣ* бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годѣхъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а въ то мѣсто поставлена была деревянная рубленая стѣна и вся огнила и развалилась (* *валитца врознь*).

Башня каменная Роскатная круглая надъ рѣкою Волховомъ, въ ширину 8 сажень съ полусаженью, въ вышину 6 сажень безъ полуаршина, и та башня сверху (* отъ мокроты) сыплетца. А въ той башни пищаль поменши полуторной, мѣдная въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 314 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь Гришка Мининъ.

И отъ тое башни промежъ городовъ каменного и деревянного къ Климентовской проходной каменной башни валъ земляной и по тому валу бывала каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ тарасы всѣ огнили и валятца врознь; а въ длину то *прясло* 19 сажень съ полусаженью.

А тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта и въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣнѣ.

Да въ томъ же каменномъ городѣ у проходныхъ воротъ пищаль верховая а *тюфякъ* тожъ мѣдной, въ станку на колесахъ; ядеръ и дроби и гранатъ и пушкаря нѣтъ.

Три пушки полковыхъ мѣдныхъ, въ станкѣхъ на колесахъ; къ тѣмъ пушкамъ (* *пищалемъ*) по кружалу 84 ядра.

Да у того-жъ каменного города (* съ приходу) съ лица у воротъ былъ острогъ стоячей отводной и у тово острогу были решетки запорныя и тотъ острогъ весь огнилъ и развалился до остатку и рѣшетки огнили и припору къ городовымъ воротамъ нѣтъ и запускная решетка сверху у (* *приходной каменной*) башни огнила-жъ (* *вся*).

Городъ деревянной:

Отъ каменной Климантовской проходной башни до Воротной деревянной (* *проходной*) башни, *прясло* (* *деревянная стѣна*) въ длину 13 сажень, въ вышину полъ двѣ сажени, въ ширину сажень съ аршиномъ.

Башня Воротная круглая деревянная (* *проходная*), въ ширину 3 сажени съ аршиномъ.

въ вышину полчетыре сажени; подъ тое башнею въ воротѣхъ пицаль верховая тюфякъ тожъ мѣдной, на кошкахъ (* въ стану на колесахъ); ядеръ и дроби и гранатъ и пушкаря нѣтъ. И въ тѣхъ воротъ съ приходу съ лица поставлены остроги стоячие и у того острогу рѣшетки запорныя и то все огнило и валитца врознь и рѣшетки не запираются.

И отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни прясло по земляному валу и съ отводными быками мѣроу въ длину 77 сажень съ полусаженью (* 76); въ вышину прясла и быки по 2 сажени, въ ширину сажень съ аршиномъ.

Башня Наугольная круглая деревянная, у пруда, въ ширину 4 сажени 2 четверти (* чети), въ вышину 4 сажени; и въ тое башни пицаль поменьши полторной мѣдная въ стану на ко-
скахъ, къ той пицали по кружалу 42 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкарь Михалъ Мининъ.

Отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни, къ Никольской слободѣ, въ длину прясло по земляному валу и съ (* отводными) быками 59 саж., въ вышину прясло и съ (* *нынѣ*) быки полдвѣ сажени безъ четверти въ ширину 1 сажень съ аршиномъ.

Башня Наугольная круглая деревянная, къ рѣкѣ Волхову, въ ширину 4 сажени безъ четверти, въ вышину 3 сажени.

И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло подлѣ (* къ) рѣкѣ Волхову (Волхову) въ длину и съ отводными быки 73 сажени съ полусаженью, въ вышину 2 сажени безъ четверти, въ ширину 1 сажень съ аршиномъ.

Да въ томъ городѣ тайникъ къ рѣкѣ Волхову, а вода прѣдела съ рѣкѣ Волхову. А въ томъ тайникѣ обрубленъ (* *нынѣ*) колодезь (* и на томъ тайникѣ мостъ обвалился) и тотъ колодезь сверху землею засыпало и мостъ обвалился и въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно только надобно вычистить (* будетъ не вычистить и труба которая выведена изъ города для воды въ рѣку Волховъ и та труба огнила).

А тотъ городъ деревянный во многихъ мѣстѣхъ стоитъ безъ кровли и отъ мокроты гниетъ и валитца врознь (* а около того города ровъ и та ровъ осинается и заросла, то о о надобно вычистить).

Да Великого Государя въ казны (* въ анбарѣ): пицаль полторная желѣзная, къ той пицали по кружалу 47 ядеръ, пушкаря нѣтъ, а вѣсомъ ядро по 2 гривенки. Пицаль полковая желѣзная долгая, къ той пицали 2 ядра, вѣсомъ въ четверть (* чети) гривенки ядро, да въ тотъ-же вѣсъ 45 ядеръ, только къ той пицали повелики. Тюфякъ нѣменкой желѣзной сучковъ, ядеръ и дроби и пушкаря нѣтъ. 15 пицалей затинныхъ безъ станковъ и тѣ пицали лежатъ въ анбарѣ у цѣловальника, для того что поставить на городской стѣны и въ башняхъ негдѣ.

Да Великого Государя въ казнѣ (* зелейная казна) зелья ручного на голо безъ дерева 10 пудъ, да пушечного зелья 50 пудъ съ четвертью (* четью). Да въ томъ же числѣ мокроу пушечного и ручного зелья на голо-жъ безъ дерева 29 пудъ, 3 свиными свинцу бѣлыми, да въ дву кусахъ и въ пулкахъ свинцу-же по вѣсу 12 пудъ; фитилю 12 пудъ.

У тое Великого Государя казны городничей Матоѣй Быковъ.

Да запасной соли 11 пудъ 2 чети, да сухарей 14 чети съ полуосминой (* за приѣмомъ цѣловальника).

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Розрядныя—Десятины 1676 г. кн. 280, л. 79 об.; 1677 г. кн. 295 л. 97)

пушкарь Ефимъ Устиновъ. А та башня мѣрою отъ подошвы вверхъ 7 сажень 2 чети, поперегъ 8 сажень, и сверху та башня и до подошвы отъ мокроты камень сыплетца врознь. Да въ той же башни пинали именни полуторной мѣная въ станку на колесахъ, къ той пинали по кружалу 311 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро безъ чети, пушкарь Довыдко Росляковъ. Да въ той же башни пинали именни полуторной мѣная въ станку на колесахъ, къ той пинали по кружалу 55 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки ядро, пушкарь Карпушка Ефремовъ. Да отъ тое проходной каменной башни съ приходу съ лица отъ воротъ былъ стоячей острогъ отводной и у тое острогу были решетки запершия и тѣмъ острогъ и решетки огнили и развалились до останку и приносу къ городовымъ воротамъ нѣтъ; и у тое Воротной башни ¹⁾ запускная решетка сверху и та решетка огнила и отъ башни отвалилась ²⁾.

А отъ тое башни прясло каменная стѣна до Стрѣлочной круглой каменной башни къ рѣкѣ Ладонки, мѣрою въ длину 29 сажень, въ верхъ отъ подошвы 4 сажени съ четью и съ зубцами, поперегъ ³⁾ 2 сажени 2 аршина; да тоу-жъ прясла обвалилось въ рѣку Ладожку въ длину 13 сажень и съ зубцами, а вѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили, и отъ мокроты то прясло сверху до подошвы камень сыплетца и валяется врознь ⁴⁾. А то прясло каменное съ приходу съ лица отъ нѣмецкого рубежа и нижніе бои въ томъ пряслѣ камнемъ засыпало.

Башня Стрѣлочная каменная круглая, мѣрою отъ подошвы вверхъ 6 сажень съ полусаженью, поперегъ 9 сажень безъ четверти, и та башня ⁵⁾ сверху до подошвы отъ мокроты камень сыплетца врознь ⁶⁾.

И отъ тое башни до Тайничной каменной башни прясло каменная стѣна къ рѣкѣ Волхову, мѣрою въ длину 23 сажени съ полусаженью, отъ подошвы вверхъ 5 сажень съ полусаженью и съ зубцами, поперегъ 1½ сажени; и то прясло отъ мокроты и до подошвы половины стѣны осыпастца въ рѣку Волховъ и въ городъ ⁷⁾ и верхніе бои землею и камнемъ засыпало и заросли ⁸⁾.

Тайничная каменная круглая башня, стоитъ передъ рѣкою Волховомъ, мѣрою поперегъ 6 сажень, и та башня ⁹⁾ сверху по нижней сводъ разобрана, для того что начала валитца и пинаи сыплетца въ рѣку Волховъ ¹⁰⁾, а то полое мѣсто зарублено деревяною стѣною, а та стѣна въ вышину 5 сажень съ полусаженью. Да въ той же башни колодезь, вода проведена съ рѣки

¹⁾ А* и Б* — Въ продолжикъ воротѣхъ.

²⁾ А* и Б* — Башня профъзная четверугольная А на той башни въ верхнемъ бою пинали мѣдныя-жъ полуторной (В* по мѣрѣ 4 аршина съ четвертью) въ станку на колесахъ, а къ ней 47 ядеръ; двѣ пинали мѣдныя-жъ на колесахъ, а къ тѣмъ пиналемъ 311 ядеръ; да въ нижнемъ бою 2 пинали мѣдныя полковые (В* по полдѣва аршина полдѣва вершка) въ станкахъ на колесахъ. Да полъ тою-жъ профъзкою башнею учинена въ стѣнѣ полатка и въ той полатки стоитъ великихъ государей зелейная и свинцовая казна. (В* — И на башнѣ кровли нѣтъ и мости всѣ сгнили и провалились, а пинали стоятъ въ башенныхъ окнахъ и въ нужное время къ тѣмъ пиналемъ прийти нельзя).

³⁾ А* и Б* — И съ зубцами.

⁴⁾ А* и Б* — И городова стѣна сверху и до подошвы вся розсыпалась въ рѣку Ладожку.

⁵⁾ А* и Б* — Безъ кровли.

⁶⁾ В* — Та башня безъ кровли сыплетца и валитца врознь и мости всѣ огнили и провалились.

⁷⁾ А* Б* и В* — И то прясло отвалилось въ рѣку Волховъ и въ городъ. В* и стоитъ безъ кровли.

⁸⁾ А* Б* и В* — И то полое мѣсто зарублено было тарасами и тѣ тарасы огнили и обвалились въ рѣку Волховъ.

⁹⁾ А* Б* и В* — И на башнѣ мѣра 180 футовъ.

¹⁰⁾ В* — И останки пиналей и пиналей сыплетца и валитца врознь въ рѣку Волховъ.

Възвѣдъ и тотъ колодезь и камень и каменьемъ засыпано, только надъ бѣмъ вычистить и срубить, а въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно; а полъ у башни къ колодезю выложено бѣмъ по обѣ стороны стѣна каменная и та стѣна тожъ обвалилась и окна каменьемъ и землею засыпано и заросли и подолва у тое башни отсѣла и валитца въ рѣку Волховъ.

Отъ тое Тайничной башни до Роскатной круглой каменной же башни прясло ¹⁾ къ рѣки Волхову, мѣрою въ длину 38 сажень съ полусаженью; а на томъ пряслѣ бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годахъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а вмѣсто тое стѣны поставлена была деревянная рубленая стѣна и та вся огнила и развалилась врознь ²⁾.

Башня Роскатная каменная круглая надъ рѣкою Волховомъ, а въ той башни ³⁾ пищаль поменши полуторной мѣдная ⁴⁾ въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 314 ядеръ, въсомъ по 3 гривенки ядро; пушкаръ Гришка Мининъ. А та башня мѣрою вверхъ отъ подолвы 6 сажень безъ полуаршина ⁵⁾, поперегъ въ ширину 8 сажень безъ полуаршина ⁶⁾. И та башня отъ мокроты сверху до подолвы камень сылетца и валитца врознь.

И отъ тое башни, промежъ городовъ каменного и деревянного, къ Климентовской проходной каменной башни земляной валъ и по тому валу была каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ огнили и развалились ⁷⁾; а въ длину то прясло мѣрою 19 сажень съ полусаженью.

А тотъ каменный городъ башни и прясла весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта, въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣны съ великою нуждою ⁸⁾ и въ нужное время къ тѣмъ пищалемъ придти будетъ немочно, что мостовъ въ башни нѣтъ.

Да въ томъ же городѣ у проходныхъ воротъ ⁹⁾ пищаль верховая тюфякъ тожъ мѣдной ¹⁰⁾, въ станку на колесахъ; ядеръ и гранатъ и пушкаря нѣтъ. Три ¹¹⁾ пушки полковыя мѣдныя въ станкахъ на колесахъ; къ тѣмъ пищалемъ по кружалу 84 ядра ¹²⁾.

Городъ деревянной:

Отъ каменной Климентовской проходной башни до ¹³⁾ Воротней деревянной башни прясло ¹⁴⁾ деревянная стѣна по земляному валу, мѣрою въ длину 13 сажень, вверхъ 1½ сажени, поперегъ ¹⁵⁾ сажень съ аршиномъ ¹⁶⁾.

¹⁾ А и Б. — Городъ каменный.

²⁾ А и Б. — Безъ остатка.

³⁾ А, Б и В. — Въ деревнѣ селѣ.

⁴⁾ В. — По мѣрѣ 3 аршина 3 вершка.

⁵⁾ А и Б. — 6 сажени.

⁶⁾ А и Б. — На башни кровли и въ ней мостовъ нѣтъ.

⁷⁾ А и Б. — Безъ остатка.

⁸⁾ А и Б. — И по тѣмъ починкамъ станинъ и колеса къ стѣнамъ.

⁹⁾ А, Б и В. — У Прятальной и бѣмъ колодезю.

¹⁰⁾ В. — По мѣрѣ аршина съ четвою.

¹¹⁾ А и Б. — Три пищали.

¹²⁾ А и Б. — Ядеръ и проба къ тѣмъ пушкамъ много.

¹³⁾ А, Б и В. — Прятальной.

¹⁴⁾ А, Б и В. — Городъ каменный.

¹⁵⁾ А и Б. — Въ ширину.

¹⁶⁾ А, Б и В. — И то прясло (В. въ примечаніи въ 194 году) починено и мосты и покрыто.

Башня В р. линии 7) круглая деревянная проходная, мѣрою отъ подошвы вверхъ въ вышину полчети сажени, поперегъ 3 сажени съ аршиномъ; подъ тое башней въ воротѣхъ 2) пищацъ верховой т. фякъ тожъ мѣдной на кошкахъ; ядеръ и дробн, гранатъ и пушкаря нѣтъ. И отъ тѣхъ воротъ съ приходу съ лица поставлены были острогъ стоячей деревянной и решетка у того острогу была запорная и то все огнило и развалилось 3), а къ башеннымъ воротамъ никакова припору нѣтъ и воротней щитъ въ тое проходной башни не запираетна, все огнило.

Отъ тое башни со Наугольной круглой деревянной башни по земляному валу прясло деревянная стѣна и съ отводными быки мѣрою въ длину 76 сажень съ полусаженью 4), въ вышину то прясло и быки 1 1/2 сажени, поперегъ сажень съ аршиномъ 5).

Башня Наугольная круглая деревянная у пруда, поперегъ 4 сажени 2 чети 6), въ вышину 4 сажени 7); въ тое башни пищацъ поменьше полторной мѣдная въ станку на колесахъ, въ той пищацъ по кружалу 42 ядра, въсомъ по 2 гривенки ядро; пушкаръ Михалка Мининъ. А подъ тое башню въ прошлыхъ годѣхъ была вода выпущена за городъ въ ровъ и у тое башни колодезь, только надобно вычистить, а вода выпущена трубою за городъ 8).

Отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни къ Никольской слободѣ прясло 9) деревянная стѣна 59 сажень, въ вышину прясло и съ быки 10) по 1 1/2 сажени безъ чети, поперегъ сажень съ аршиномъ.

Башня круглая Наугольная деревянная къ рѣкѣ Волхову, на быку, поперегъ мѣрою 1 сажени безъ чети, въ вышину 11) 3 сажени.

И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло 12) по земляному валу 13), мѣрою то прясло и съ отводными быки 14) въ длину 78 сажени съ полусаженью, въ вышину 15) 2 сажени, безъ чети 16), поперегъ сажень съ аршиномъ.

Да въ томъ деревянномъ городѣ тайникъ къ рѣкѣ Волхову и въ томъ тайникѣ колодезь, вода приведена трубою съ рѣки Волхова, и та труба вся огнила и въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно и мостъ надъ тѣмъ колодеземъ верхней огнилъ и провалился, а обрубъ въ томъ тайникѣ деревянные тарасы 17) и тѣ все огнили и обвалились, только надобно тотъ колодезь вычистить 18).

1) А* и Б* — Простыя.

2) А* и Б* — Тюфякъ мѣдной верховой.

3) А* и Б* — Безъ остатку.

4) А* и Б* — 77 сажень съ полусаженью.

5) А* и Б* — И то прясло починено не все.

6) А* Б* и В* — 2 сажени.

7) В* — И та башня подгнила и шатнулась за городъ и городовая стѣна отъ тое башни отвалилась и просты и валица врознь.

8) В* — А у тое башни въ городѣ прудъ и изъ того пруда прежь сего была проведена труба за городъ въ ровъ трубою и тѣ трубы огнили и заросли и вода стоитъ въ городѣ и прудъ травою заросъ и засорился.

9) А* и Б* — Городовые стѣны.

10) В* — И быки.

11) В* — Поперегъ.

12) А* Б* и В* — Террасы (В* — сѣнныя).

13) А* Б* и В* — И въ рѣкѣ Волхову.

14) А* Б* и В* — И быки.

15) А* Б* и В* — Сажени.

16) А* Б* и В* — 2 сажени безъ чети.

17) А* Б* и В* — Выходъ сѣнныя и сѣнныя тарасы.

18) А* Б* и В* — Въ тайникѣ колодезь.

А тотъ городъ деревянный жьсть стоять съвъ кровли и въ многихъ мѣстахъ на вѣсную сторону стѣна валяла да горѣть и отъ мокроты гнѣсть¹⁾).

А около того²⁾ города Ладогои ровъ и та ровъ осыпалась и заросла травой, только надобно вычистить для вѣснаго проходу и всякого времени.

Да Великихъ Государей въ казни въ онбарѣ пицаль полугорная желѣзная, къ той пицали по кружка у 47 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривеники ядро; пушкаря нѣтъ.

Пицаль пашовая желѣзная дѣлая, къ той пицали 2 ядра вѣсомъ въ чети гривеники ядро, да въ тотъ же вѣсъ 45 ядеръ, помянутою³⁾.

Тѣ фижы нѣме той желѣзной судовъ 8, ядеръ и дробы и пушкаря нѣтъ.

15 пицалей затинныхъ безъ станковъ и тѣ пицали въ онбарѣ у цѣловальника посадского человека в Іевка Андреева, а на городской стѣны поставить и въ банняхъ нигдѣ и не на сѣтъ⁴⁾.

Да Великихъ Государей зеленые казны ручного зелья на лицо 100 пудъ съ деревомъ, да пушечново мокрова зелья 52 пуда 2 чети. Свинцовые казны въ трехъ⁵⁾ свиньяхъ цѣлыхъ да въ дву кусахъ и въ пулкахъ по перевѣсу 41 пудъ⁶⁾; и у тое казни городничей Матоей Быковъ⁷⁾, да цѣловальникъ⁸⁾ посадской человекъ Іевко Андреевъ⁹⁾.

Да¹⁰⁾ въ казни Великихъ Государей на пріемомъ цѣловальника Іевка Андреева:

Мушкетеровъ 111 цѣлыхъ, да ломаныхъ съ пашками станками 18 мушкетеровъ¹¹⁾; 8 топорниковъ, бердышевъ цѣлыхъ 40 да ломаныхъ 30, 3 барабаны ветчаныхъ. 30 лядунокъ драгунскихъ ветчаныхъ¹²⁾, 90 копеецъ пичныхъ безъ древокъ, 40 долгихъ древокъ съ конейцами, 32 пикн съ копейцами, 27 копеецъ короткихъ¹³⁾, 3 фурмы мѣдныхъ, одна ломаная въ томъ-же числѣ, 4 фурмы желѣзныхъ малыхъ, трубка фитильная, горшокъ желѣзной въ чемъ свинець тають, 4 уполовника желѣзныхъ цѣлыхъ и ломаныхъ, двои желѣза ножные, 4 кокота желѣзныхъ для пожарнаго времени, бивилы чѣмъ фитиль вѣсятъ, веревокъ барабанныхъ 6 концовъ, 3 мѣшка кожаныхъ пороховымъ, 2 скобелы малыхъ¹⁴⁾, 2 долота, 4 кирки да 2 малыхъ, буравецъ судовой, 5 ломиковъ желѣзныхъ, 2 заступа желѣзныхъ, желѣза бѣлого 22 листа, 4 прута желѣза, да пруть желѣза-жѣ. А что фитилю и пенки и тотъ фитиль и пенка сгнили. 3 круга желѣзныхъ¹⁵⁾. 2 паруса для прѣсушки зеленые казны¹⁶⁾.

¹⁾ А* и Б* — На томъ деревянномъ городѣ и на банняхъ и по городу мостовъ нѣтъ и отъ мокроты гнѣсть и валяла да горѣть и отъ мокроты гнѣсть.

²⁾ А* Б* и В* — Крестовый.

³⁾ А* и Б* — Пицаль полугорная желѣзная, къ той пицали по кружка по 4 гривеники.

⁴⁾ А* и Б* — 15 пицалей затинныхъ безъ станковъ. 1090 ядеръ тѣхъ вѣсъ пицалей, которые поставлены на сѣтъ.

⁵⁾ А* и Б* — 3 свиньи.

⁶⁾ А* и Б* — 39 пудъ.

⁷⁾ А* и Б* — Олѣга Андреевъ сынъ Быковъ.

⁸⁾ А* и Б* — Иванъ Матѣевъ.

⁹⁾ А* — Федка Абакумовъ. Б* — Филка Абакумовъ. А* . Б* и В* — И та зеленая и свинцовая казна стоитъ въ каменномъ городѣ подъ проѣзжею каменною баннею въ полаткѣ (В* — да и чети).

¹⁰⁾ А* и Б* — Въ каменномъ-же городѣ в каравльни 3 кокота да соха для пожарнаго времени.

¹¹⁾ А* и Б* — 12 пудъ фити.

¹²⁾ А* и Б* — 2 лукошка барабанныхъ.

¹³⁾ А* и Б* — 7 древокъ долгихъ безъ копеецъ. 30 пикъ на однихъ концахъ копейца.

¹⁴⁾ А* и Б* — 3 пуда пенки.

¹⁵⁾ А* и Б* — 6 круговъ пушечныхъ желѣзныхъ.

¹⁶⁾ А* — 6 колесъ пушечныхъ. Хлѣбныхъ запасовъ Великихъ Государей въ житницахъ и вѣсовъ большихъ на

Да въ Ладогѣ Великихъ Государей служивыхъ людей военныхъ казаковъ: атаманъ Семенъ Матвѣевъ сынъ Ростиславъ: полкостинъ есаулъ П. А. Лосовиковъ, Я. Г. Овчинниковъ рядъ вое казаки: Митрофанъ Вейковъ... (перечисляется 45 чел.).

Ружье у нихъ карабины и пистолеты и сабли.

Ихъ дѣти и братья и племянники... (перечисляется 11 чел.).

Стрѣльцы: пятидесятники К. Быковъ, С. Горчаковъ... (кроме ихъ перечисляется еще стрѣльцовъ 99 человекъ).

Ружье у нихъ стрѣльцовъ самопалы и знамена и барабаны и алебарды Великихъ Государей.

Ихъ дѣти, братья и племянники... (перечисл. 26 чел.).

П... казаки:

Атаманъ Е. М. Лосовиковъ, есаулъ Молинъ... (перечисл. 50 чел.).

Ружье у нихъ казаковъ самопалы свои, алая Великихъ Государей.

Ихъ дѣти и братья и племянники... (перечисл. 21 чел.).

Ладожскаго яму охотники... (перечисл. 20 чел.).

Ихъ дѣти и братья и племянники (13 чел.).

Два человекъ воротники.

Ладожскіе посадскіе люди: О. Охряновъ, Е. Охряновъ... (19 чел.).

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи. Дѣла казенныя по разбору № 44, д. 904, кн. № 80, д. 733 и 1420: кн. № 86, д. 762)

Приложѣніе XII.

Грамота Приказа Большаго Дворца ладожскому воеводѣ Василию Ѳеодоровичу Неплюеву: о возвращеніи Георгіевскому Старо-Ладожскому монастырю починка и бобыльскаго двора. 1631 года Іюня 26-го.

Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси въ Ладогѣ воеводѣ нашему Василию Ѳеодоровичу Неплюеву. Билъ намъ челомъ и отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичу Московскому и всея Руси изъ Ладогѣ Егорьевскаго монастыря черной пошъ Корнилей съ братьею и съ причетники: наше де богомолье храмъ страсто-терпца Христова Георгія въ Ладогѣ одинъ строснѣ нашихъ прародителей дѣланныхъ дѣл, а вѣч-чины де къ той церкви нѣтъ ни одной чети, а Божіе милосердіе братья и сестры у ризы и посто-кола данье наше-жѣ, а до раззоренья де было въ тотъ монастырь наше жалованье годовая руга деньги и хлѣбъ и милостыня и тѣмъ питались и свѣчи и темьянъ и вино служебное строили тѣмъ-же нашимъ жалованьемъ, а послѣ-де раззоренья даютъ имъ ругу въ треть и то съ оску-дѣньемъ; а приходу де у той церкви нѣтъ, а былъ де у нихъ только одинъ бобыль Кононко-

чемъ нарядъ вѣсятъ, въ городѣ Ладогѣ нѣтъ. В* — А съ судныхъ дѣлъ пошлины въ Приказной избѣ нѣтъ. А съ судныхъ дѣла были при воеводѣ Данилѣ Бачмановѣ у стрѣльцовъ и у казаковъ въ малыхъ искѣхъ и съ тѣхъ судныхъ дѣлъ пошлины искать не указано, а которые деньги взяты съ мировыхъ челобитныхъ и съ тѣхъ памятей и на тѣ деньги въ Приказную избу куплена бумага и свѣчи салныя и дрова. В* Да въ каменномъ городѣ на проѣзжей каменной башнѣ...

дѣтьми и съ племянники на новоочищенномъ починкѣ на поженкѣ и жилъ по книгамъ да гѣмъ монастыремъ лѣтъ съ тридцать и болши. И въ прошломъ во 137 году писень Федоръ Мавринъ да подъячей Кононовъ того ихъ бобыля приписали къ нашимъ рядкомъ мимо приправочныхъ книгъ, и намъ бы ихъ пожаловать, того починка и бобыля отнимать не велѣтъ.

А въ приказѣ Большаго Дворца въ писцовыхъ книгахъ Федора Маврина 37 году написано: Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Богоявленскомъ погостѣ у озера Ладожского наша дворцовая деревня Лопатицы у рѣки Лопатицы, что поставлена на монастырской прежняго Егорьевскаго монастыря землѣ изъ Ладогѣ, а нынѣ та пожня отписана на насъ во Дворецъ, потому что въ томъ монастырѣ игумена и братъи нѣтъ а у Егорья Великомученика служить попъ мірской да дячекъ, да пономарь да проскурня, и тѣмъ саборяномъ руга идетъ наша изъ Великого Новгорода изъ Дворцоваго приказу. А въ новгородскомъ смѣтномъ спискѣ прошлаго 137 году написано: Въ монастырь мученика Георгія въ Ладогѣ по окладу годового 16 гривенокъ, темьну 8 алтынъ, да пудъ воску 40 алтынъ, да того-жъ монастыря проскурницѣ да старшомъ дьякомъ словѣкомъ и всего шти человекъ годовые руги по окладу 4 рубли 6 алтынъ 4 деньги, и всего въ тотъ монастырь на церковный обиходъ и церковникомъ и старцомъ шти человекъ по окладу годовые руги 5 рублей 21 алтынъ 2 деньги. . . . (Слѣдуетъ распоряженіе о возвращеніи починка и бобыля монастырю).

Документы Новгородской Каменки. Писма въ Археографической Коммисіи, № 1021.

Приложенеіе XVI.

Грамота митрополита Корнилія Георгіевскому Застѣнному монастырю, 1678 г.

Божією милостію великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Великого Новгорода и Великихъ Лукъ. Въ нынѣшнемъ во 186 году Генваря въ 16 день былъ челомъ намъ преосвященному митрополиту изъ Ладогѣ Георгіевскаго Застѣннаго монастыря попъ Левъ Ивановъ съ причетники, а въ челобитной ихъ написано: Въ прошлыхъ-де годахъ изстари по жалованной грамотѣ преосвященного Леонида архіепископа Великого Новгорода и Пскова и которъ... были архіепископы и по подписнымъ челобитнымъ преосвященныхъ Авоонія и Никона митрополитовъ Великого Новгорода и Великихъ Лукъ; для ихъ бѣдности съ нихъ подводы не имать, а та де церковь Великомученика Георгія строеніе преосвященного Евонмія архіепископа Великого Новгорода и Пскова; а нынѣ подводы съ нихъ емлютъ противъ иныхъ вотчинныхъ монастырей и приходскихъ церквей и имъ-де подводы ставить противъ вотчинныхъ монастырей и приходскихъ церквей нѣтъ мочь, потому что мѣсто убогое, земли и прихожанъ нѣтъ и кормятся своею работою, и намъ преосвященному митрополиту пожаловати его попа Льва съ причетники противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и подписныхъ челобитенъ, не велѣтъ съ нихъ подводы имать для ихъ бѣдности и о томъ дать имъ нашу преосвященного митрополита грамоту. И мы великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Великого Новгорода и Великихъ Лукъ слушавъ челобитья попа Льва съ причетники пожаловалъ: подводу и кормъ съ нихъ посланъ... за ихъ скудость и по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ и города

Ладогн попомъ съ причетники въ подводѣ и въ кормѣ съ него пона Льва съ причетники подмоги имать не указали. А у подлинной грамотѣ написано: къ сей жалованной грамотѣ великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Новаграда и Великихъ Лукъ велѣлъ печать свою приложити.

Изъ документовъ, принадлежащихъ старолдожскому мѣщанину В. И. Парфенову).

Приложение XVII.

Опись Георгіевскаго Застѣннаго монастыря 1745 г.

Въ Георгіевскъ иъ Застѣнный монастырь:

Церковь во имя Великомученика Георгія съ наперкомъ, каменный, двѣ главы; на вѣнцѣ на церкви обита чешуен; крестъ деревянный, обложенъ бѣлымъ сукномъ.

Въ серединѣ церкви:

Двери царскія и сѣнь писаны краски, у царскихъ дверей столпы рѣзные, по мѣстамъ высеребряны; надъ царскими дверьми образъ Распятія писанъ краски.

По правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ:

Образъ Спасителя писанъ краски, на немъ вѣнецъ серебряный гладкій позлащенъ; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна, подъ ней кисть нитяная.

Образъ Великомученика Георгія въ Чудесѣхъ, писанъ краски, на немъ вѣнецъ и гривенка и малыхъ два вѣнца серебряныя гладкіе; на ономъ образѣ покровецъ желтаго атласу съ плетенкомъ золотнымъ; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна, подъ ней кисть нитяная.

Образъ Пресвятыя Богородицы всѣмъ скорбящимъ, писанъ краски, на немъ вѣнецъ съ короною и гривенка серебряныя гладкія; на немъ-же подзоръ жемчужный, серьги жемчужны, четыре креста серебряныхъ, покровецъ малой камки красной; у того-же образа и на серебряны и позлащены чеканнаго дѣла. Предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна небольшая, подъ ней кисть шелковая съ золотомъ.

По лѣвую сторону царскихъ дверей:

Образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія писанъ краски, на немъ покровецъ пестряди бумажной; подъ тѣмъ образомъ пелена выбойки бумажной красной; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна луженая, подъ ней кисть черного шелку.

Образъ Николая Чудотворца въ Чудесѣхъ, писанъ краски; на немъ три вѣнца чеканные серебряныя позлащены рѣзные; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна луженая, подъ ней кисть нитяная; около того образа кіотъ деревяной столпы витые. На сѣверныхъ дверяхъ образъ пророка Давида писанъ краски.

Въ верху Деисусъ апостоловъ пророковъ праздниковъ, писанъ краски.

У праваго крылоса образъ Живоначальныя Троицы писанъ краски; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна небольшая, подъ ней кисть нитяная; на немъ вѣнецъ серебряный позлащенъ гладкой.

У лѣваго крилоса образъ Великомученика Оеодора Стратилата писанъ красной; весьма ветхъ. Въ олтарѣ:

Престоль обложенъ выбойкой бумажной, на немъ антиминскъ бѣлаго холста. Литень шелковый, покровъ тафтой зеленой ветхой.

На престолѣ евангеліе печатное въ дѣсть обложено бархатомъ зеленымъ, евангелисты серебряные позлащены ветхія; крестъ благословляющій деревянный писанъ красной. За престоломъ выносныхъ образъ Пресвятыя Богородицы писанъ красной, крестъ рѣзной писанъ красной, ветхія.

На жертвенникѣ одежда крашенниная ветхая, на немъ сосуды оловянные, дарохранительница оловянная, лѣвица серебряная ветхая, укропникъ, два ковша мѣдные небольшіе, блюдо оловянное вѣсомъ 6 фунтовъ, другая чаша оловянная вѣсомъ 2 фунта.

Разнаго обложенія:

Ризы камки красной, оплечье атласу травчатого по мѣстамъ травы золотыя, наподольникъ камки желтой, подложены крашенниной.

Ризы тафты красной, оплечье штофу бѣлаго, наподольникъ тафты зеленой, весьма ветхія.

Ризы выбойки бумажной, оплечье бархату чернаго.

Ризы бѣлаго изарбата, травы съ золотомъ разныхъ шелковъ, оплечье золотное, наподольникъ двосиничной камки.

Ризы штофу зеленого травчатого, оплечье штофу голубаго, обложены лентою, наподольникъ отласу синяго.

Ризы желтыя, аркія съ оплечье красное съ травами, наподольникъ полосатый бѣлый.

Ризы отласу чернаго съ оплечье полосатое, наподольникъ отласу синяго.

Ризы бѣлыя полотняныя ветхія.

Ризы выбойки крашенниной.

Подризникъ стамеду травчатого краснаго, оплечье бархату алаго.

Подризникъ выбойки бумажной красной.

Епитрахиль штофовая, опушена лентомъ чернымъ, пуговицы оловянные. Епитрахиль голи красной, опушена лентомъ чернымъ, пуговицы мѣдные. Епитрахиль желтая съ лентами зелеными. Епитрахиль отласу краснаго, опушена синей камкой.

Орарь лентовой по красной земли. Орарь бумажный травчатый ветхой. Поясъ нитяной. Поручи штофу травчатого красныя.

Поручи мишурныя трои. Поручи выбойки бумажной ветхія.

Воздухи тафты алой, обложены тафтою зеленою. Воздухи камки васильковой, обложены платомъ полуселковымъ. Воздухи камки красной. Двѣ пелены выбойки бумажной. Пелена отласу полосатаго, обложена камкою вишневою. Платъ полотняный малый съ подкистью шелковой красною.

Подсвѣщникъ выносной жестиной. Два кадила мѣдныхъ.

У Царскихъ дверей завѣса крашенниная.

Въ оной перви паникадило мѣдное небольшое, подъ нимъ кисть нитяная; въ верху лампада оловянная, полъ ней кисть шелковая.

Хоругвин, на ней образъ Великомученика Георгія писанъ красной.

Евангеліе толковое воскресное; апостолъ; псалтирь съ возсѣдованіемъ двѣ тріоди постная и цвѣтная; уставъ, двѣ минеи общихъ, прологъ полугодовой.

Въ ней иконы: псалтырь, ермолѣй, служебникъ, служба и бѣла, зарисованы въ медьбѣнѣ.

Въ четверти: две стѣны, грѣбникъ, вѣнокъ.

На оной перкви колокольня въ трехъ столпахъ каменная, въ ней пять колоколовъ небольшихъ, изъ нихъ одинъ разбитой.

Вторая церковь Великомученика Димитрія деревянная, крытая тесомъ, глава обита чешуей, крестъ деревяной, обложенъ обѣлымъ жѣлѣзомъ.

Двери царскія, сѣнь и столпцы писаны краски. По правую сторону Царскихъ дверей жѣстныхъ ообразовъ:

Образъ Спасителя въ писанъ краски, на немъ вѣнецъ чеканной серебряный позлащенъ; прѣдъ тѣмъ образомъ двѣ лампы невелики мѣдныя луженыя, одна кисть нитяная, другая мажовая.

По лѣвую сторону Царскихъ дверей образъ Пресвѣтлѣи Богородицы писанъ краски, оураку того образа кисть стѣйная мастертва, прѣдъ тѣмъ образомъ полена выбѣлки бумажной. Вверху Деисусъ апостоловъ, прѣдъ нимъ прѣдѣлы писаны краски.

За правымъ крылосомъ образъ Распятія Господня писанъ краски.

Въ олтарѣ престолъ обложенъ выбѣлки бумажной.

На престолѣ евангеліе печатное въ десть, обложено зеленымъ бархатомъ, безъ евангелистовъ.

На жертвенникѣ одинъ потиръ, дискосъ, ошляпникъ.

При выше означенныхъ двухъ церквахъ въ окнахъ 15 оконныхъ простѣловъ стекла. Церковныхъ денегъ 33 копейки.

Въ томъ монастырѣ государевыхъ грамотъ и ярлыковъ и прочихъ писемъ значится:

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича всея Россіи 7151 г., за приписью дьяка Ивана Ѳедорова, за черною восковою печатью, о дачѣ въ Георгіевской монастырь изъ государственной казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья; на двухъ столпцахъ.

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодора Алексѣевича всея Россіи 7188 года, за приписью дьяка Семѣна Комнина, о выдачѣ въ Георгіевской монастырь изъ государственной казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья; на пяти столпцахъ.

Списокъ съ жалованной грамоты преосвященнаго Леоніда архіепископа Великаго Новгородскаго и Пскова 7080 г., о неплатежѣ въ домовую его преосвященства казну никаковыхъ пошлинъ; на столпцахъ.

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Россіи 7139 г., за приписью дьяка Максима Чиркова, за восковою черною печатью, объ отдачѣ въ Георгіевскій монастырь новопоселеннаго починка поженки и крестьянина Конона съ дѣлами и повинностями; на четырехъ столпцахъ.

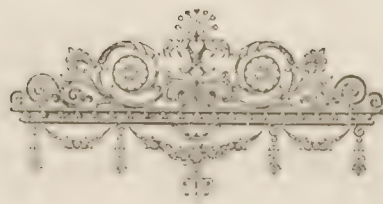
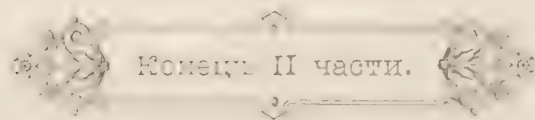
Память В. Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича всея Россіи 7160 г., за приписью дьяка Ивана Димитрева, о просмотрѣ и мѣри: цѣркви вѣи того монастыря: сѣми, отъ Палатиской посады и отъ прочихъ слободъ; на трехъ столпцахъ.

Списокъ съ жалованныя грамоты великого князя и святого пресвященнаго Киріиѣи, митрополита Великаго Новогорода и Великихъ Лукъ, чтобы съ Георгіевскаго монастыря подводы не сиранивать; 186 году, на одномъ столбѣ.

Въ платежѣ въ Новгородскую архіерейскую казну церковной дани, описе не находится разныхъ годовъ.

А божіе выписаннаго при томъ Георгіевскомъ Застѣнномъ монастырѣ, потребнаго къ описи быть не находится.

(Изъ описей, изданныхъ старолдожскому мѣстечку В. П. Нардінъ).

В. В. Сусловъ.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

АРХИТЕКТУРНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

СТАРОЙ ЛАДОГИ.

(Пояснительный текстъ къ таблицамъ).

Староладожское городище, сlyingщее въ мѣстномъ преданіи подъ именемъ «Рюриковой крѣпости», весьма любопытный памятникъ военной архитектуры, относящійся къ XII столѣтію ¹⁾. Не мѣнѣ интересна и церковь, въ немъ находящаяся, во имя Св. Георгія. Сооруженія городища изучались и зарисовывались разными лицами уже давно и нѣсколько разъ. Рисунки съ нѣкоторыхъ древностей изданы Прохоровымъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ специальныхъ и подробныхъ рисунковъ сдѣлано не было. Императорское русское археологическое общество, рѣшивъ опубликовать памятники полностью, удостоило меня порученіемъ сдѣлать техническое изслѣдованіе, обмѣры, подлежащіе чертежи, копіи съ фресокъ и нѣкоторыя фотографіи всѣхъ архитектурныхъ памятниковъ Старой Ладogi.

Для точнаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе сохранившихся архитектурныхъ формъ сооруженія городища, а равно для уясненія границъ стѣнъ, мною дѣлались, во время обмѣровъ, различныя раскопки, расчистки стѣнъ отъ мусора и растительности и разныя другія развѣдки. Такой ходъ дѣла далъ возможности уяснить границы облицовочныхъ частей построекъ городища, обнаружить нѣкоторыя затеряныя отъ разрушенія стѣнъ архитектурныя формы, опредѣлить основаніе фундаментовъ и наконецъ обмѣрить все въ подробномъ видѣ.

¹⁾ Новгородская лѣтопись (П. С. Л. III стр. 4) повѣствуетъ «въ томъ же лѣтѣ (6624) Павль Посадникъ Ладожскій заложилъ Ладогѣ городъ камянь».

Крайняя разрушенность городища, неопредѣленность отвѣсныхъ и горизонтальныхъ линій, цѣлыя горы мусора, растительности и пр. все, конечно, доставило массу затрудненій какъ въ обмѣрахъ, такъ и въ составленіи чертежей. Чтобы избѣжать нѣкоторыхъ затрудненій и при разсматриваніи рисунковъ, къ нимъ примѣнены условные приемы, по которымъ легко можно ориентироваться въ отношеніи какого угодно мѣста, формы, размѣра и т. п. Условность эта выражается въ слѣдующемъ:

Условные приемы въ чертежахъ каменнаго городища.

а) Почти на всѣхъ общихъ и детальныхъ рисункахъ показанъ уровень рѣки Волхова, такъ что всѣ высоты извѣстныхъ частей городища легко можно измѣрить отъ указанной линіи.

б) Въ нѣкоторыхъ чертежахъ, гдѣ уровень Волхова приходится очень низко, взята линія XX существующаго нынѣ пола церкви св. Георгія. Эта линія, въ тоже время, показана въ зависимости отъ уровня рѣки Волхова (на четыре сажени выше послѣдняго).

в) Всѣ планы башенъ выражены въ опредѣленныхъ горизонтальныхъ сѣченіяхъ, на извѣстной высотѣ отъ рѣки Волхова.

г) Каждый планъ выражается, по-этажно, отъ одной линіи сѣченія до другой, причемъ въ первыхъ этажахъ показаны разрѣзные части стѣнъ (съ границами ихъ основанія) и окружающихъ ихъ насыпей, во вторыхъ этажахъ, разрѣзные части и уклоны разрушенныхъ стѣнъ до линіи сѣченія 1-го этажа (съ обозначеніемъ границъ послѣдняго); въ третьихъ этажахъ разрѣзные части и уклоны разрушенныхъ стѣнъ до второго этажа (съ границами первыхъ двухъ этажей).

д) Разрѣзные части каменной кладки стѣнъ обозначены штриховкой изъ цѣльныхъ линій. Штриховка изъ разрывныхъ линій означаетъ разрѣзы насыпей и подфундаментнаго грунта.

е) На общихъ и детальныхъ планахъ нивелирныя линіи подписаны и выражены пунктиромъ, состоящимъ изъ черточекъ съ точкою между ними.

ж) Линіи вертикальныхъ сѣченій (разрѣзовъ) показаны на планахъ подъ буквами, а линіи горизонтальныхъ сѣченій (плановъ) подписаны на разрѣзахъ по-этажно.

з) Для нагляднаго соотношенія одного этажа къ другому, въ планахъ верхнихъ этажей показаны одновременно нижніе этажи; одинъ линіями (въ разрѣзѣ), а другой пунктиромъ.

и) При изслѣдованіи глубины подошвы стѣнъ, раскопки дѣлались главнымъ образомъ по линіямъ разрѣзовъ. Другія раскопки производились для провѣрокъ

и выясненія архитектурныхъ формъ и границъ ихъ. Положеніе всѣхъ фундаментовъ и глубина ихъ ясно показаны на чертежахъ.

і) Границы существующихъ облицовокъ (хотя бы одного ряда), обрисовывающія какую либо форму, въ планахъ показаны прямыми линіями. Изветшалыя или осыпавшіяся части стѣнъ обозначены извилистыми линіями.

к) Размѣры всѣхъ частей сооруженія, видимыхъ на чертежахъ, могутъ быть измѣрены по масштабамъ, а потому отдѣльные поясненія, по этому пункту, при описаніи городища, исключены.

По общему виду въ планѣ городище имѣетъ форму утюга. Пространство, обнесенное стѣнами, распространяется въ ширину до 35 саж., а въ длину до 73 саж. Городище расположено на возвышенномъ мысѣ при впаденіи рѣчки Ладожки въ р. Волховъ. Съ восточной стороны оно круто подходитъ къ рѣкѣ Волхову, а съ сѣверо-западной стороны спускается къ рѣкѣ Ладожкѣ.

Въ срединѣ западнаго фаса городища находится Воротная башня (лит. II). Отъ нея идутъ толстыя стѣны къ двумъ угловымъ башнямъ; на сѣверъ къ Стрѣлочной (лит. I), а на югъ къ Климентовской (лит. III). Общій видъ показанъ на табл. IX. Отъ Стрѣлочной башни по восточному фасу крѣпости стѣна идетъ къ лѣстницѣ бывшей Тайничной башни (лит. V), приходящейся почти противъ Воротной башни. Отъ лѣстницы стѣна направляется къ юго-восточной Раскатной (лит. IV), угловой башнѣ городища (табл. XIII). Между этой башней и Климентовской возвышается сплошной валъ (табл. XX).

Въ южной части двора городища находятся двѣ церкви Св. Георгія и Св. Димитрія Солунскаго.

Во время нивелированія двора городища и внѣшнихъ уровней его, а также при общихъ промѣрахъ стѣнъ и башенъ, производились всевозможныя раскопки и оголялись подошвы основанія стѣнъ. Чтобы ориентироваться въ высотахъ различныхъ частей сооруженій и въ соотношеніи ихъ другъ къ другу, въ разрѣзахъ показанъ уровень рѣки Волхова, отъ котораго и можно брать всѣ высоты по масштабу.

Разрѣзы по линіямъ *A B C D E F* и *F W* (табл. IV и V). Поверхность двора довольно неровная. Наибольшее пониженіе двора замѣчается противъ бывшей Тайничной башни. Наибольшее повышеніе мѣстности около южнаго вала городища. Въ лѣвой части перваго разрѣза, представлена Стрѣлочная башня, затѣмъ рядъ вновь открытыхъ амбразуръ *P' O' N' M' L'* и *K'*, расположенныхъ въ восточной стѣнѣ городища; въ срединѣ—раскопка *A'* и осыпь *y* надъ лѣстницей,

Общее расположеніе башенъ и стѣнъ Старо-Ладожскаго каменнаго городища.

Таблица IV.

Разрѣзы каменнаго городища по спеціальнымъ нивелировкамъ.

Табл. V—VIII.

идущей со двора городища къ р. Волхову. Въ разрѣзѣ по линіи F W показанъ общій силуэтъ церкви Св. Георгія и разрѣзъ южнаго вала городища съ западнымъ фасомъ Раскатной башни ¹⁾. Высоты главныхъ пунктовъ отъ уровня р. Волхова, выражены въ цифрахъ на самыхъ разрѣзахъ. *Разрѣзъ по линіи GHI* (табл. IV и VI). Въ лѣвой части чертежа изображена Воротная башня; вблизи послѣдней — сторожка и службы (показаны на общемъ планѣ подъ лит. VIII и IX). Въ право идетъ спускъ къ рѣкѣ Волхову, покрытый растительностью (надъ спускомъ показанъ бугоръ, приходящійся надъ лѣстницей). Главнѣйшія повышенія и пониженія уровня двора крѣпости показаны въ соотвѣствующихъ мѣрахъ отъ уровня р. Волхова.

Разрѣзъ по линіи KLM (табл. IV и VII). Съ лѣвой стороны представленъ профилъ спуска, идущаго отъ алтаря церкви Св. Георгія къ р. Волхову ²⁾. Въ серединѣ спуска обозначена дорожка, ведущая со двора городища къ основанію Раскатной башни, часть которой показана на чертежѣ. Разрѣзъ церкви выраженъ силуэтомъ, такъ какъ спеціальныя разрѣзы представлены на особыхъ таблицахъ. Въ правой части чертежа изображенъ разрѣзъ амбразуры I' (западной крѣпостной стѣны). Влѣво отъ нея видѣнъ южный валъ городища, вправо Климентовская башня (съ основаніемъ амбразуръ III-го этажа).

Разрѣзъ по линіямъ NOP и PQR (табл. IV и VIII). На чертежѣ представлены собственно два разрѣза въ соединенномъ видѣ. Съ лѣвой стороны показанъ разрѣзъ Климентовской башни съ частью крѣпостной стѣны и колокольной, а съ правой — алтарная часть церкви Св. Георгія и разрѣзъ Раскатной башни. Внешнія и внутреннія границы основанія стѣнъ въ башняхъ (какъ и въ предыдущихъ разрѣзахъ) представлены на основаніи раскопокъ и обмѣровъ. Уклоны подошвъ основанія стѣнъ, обозначены пунктиромъ, такъ какъ глубокихъ подкоповъ подъ стѣны не дѣлалось и, можетъ быть, подошвы стѣнъ идутъ уступами по уклонамъ городища.

**Земляное городище, гдѣ былъ
деревянный городъ (Крѣпость).**
Табл. XLVIII и XLIX.

Земляное городище расположено въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ югу отъ каменнаго и отдѣляется отъ послѣдняго дорожкой, идущей изъ селенія Старой Ладогы (около подошвы южнаго вала каменнаго городища) къ рѣкѣ Волхову.

Земляное городище по характеру обихъ возвышеній имѣетъ въ планѣ фигуру квадрата съ нѣсколько заостренными углами.

¹⁾ Въ разрѣзѣ церкви и справа отъ нея, обозначены буквами встрѣчныя линіи другихъ разрѣзовъ и нивелировокъ.

²⁾ Выставленныя цифры на общемъ чертежѣ обозначаютъ обмѣры главныхъ повышеній и пониженій вала; въ верху таблицы представленъ детальный чертежъ окопки стѣны вала.

Восточная часть городища выходит къ р. Волхову, южная ограничивается ручьемъ и прилегающимъ къ нему болотомъ. Съ западной стороны городище оканчивается валомъ, у подошвы котораго существовалъ ровъ: на мѣстѣ послѣдняго въ настоящее время группируются маленькія болота, а которыми идетъ большая дорога изъ С. Ладоги въ Никольскій мужской монастырь.

Близъ каменнаго городища (къ сѣверу отъ него) у берега рѣки Волхова сохраняются остатки древней каменной церкви. Отъ нихъ уцѣлѣлъ только низъ стѣнъ, дающихъ, однако же, опредѣленный планъ церкви. Подобныя же развалины находятся также не далеко отъ крѣпости, къ сѣверо-западу отъ нея.

Руины церквей въ селеніи

Старой Ладоги.

Табл. LIX и LX.

Переходя къ подробному описанію поименованныхъ древнихъ сооружений, я считаю долгомъ оговориться, что задача, возложенная на меня Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ, заключалась лишь въ техническомъ разсмотрѣніи современнаго состоянія вышеозначенныхъ памятниковъ — историческая же и археологическая стороны описанія ихъ, равно какъ и геологическое опредѣленіе мѣстности, на которой возвышается каменное городище и разсмотрѣніе послѣдняго съ военной точки зрѣнія — вслѣдствію принадлежатъ Н. Е. Бранденбургу, уже давно и всесторонне потруившемуся надъ раскопками каменнаго городища и изученіемъ древностей Старой Ладоги.

Описаніе Каменнаго Городища.

Для опредѣленія внутреннихъ границъ Воротной башни, оставшихся не выясненными, была сдѣлана вокругъ стѣнъ сплошная окопка: при этомъ, внутреннія стѣны, идущія ниже существующаго уровня двора, оказались вполнѣ сохранившимися (съ наружною облицовкой); очертаніе ихъ показано на планѣ 1-го этажа (табл. XXIV). Съ окопкою основанія стѣнъ, обнаружены и полныя границы амбразуръ. Воротная арка (табл. XXIX разрѣзъ по линіи CDEH) идетъ въ глубь земли до 1 арш. 6 верш. На этой глубинѣ обнаруженъ булыжный камень, настланный въ видѣ мостовой.

Воротная башня.

Табл. XXIV—XXIX.

При раскопкѣ б' (планъ 1-го эт.) около вѣшнихъ воротъ башни и амбразуръ i' также былъ обнаруженъ булыжный камень, настланный довольно ровно; по этимъ даннымъ ясно, что на указанной глубинѣ шелъ первоначальный уровень двора крѣпости, при этомъ замѣчается уклонъ его къ вѣшнымъ воротамъ. Мѣста раскопокъ и части мостовой показаны въ планѣ 1-го этажа и въ разрѣзѣ. Въ стѣнахъ башни сохранились круглые каналы, показанные на чертежахъ 10 и 11.

Первый этаж.
Табл. XXIV.

буквой б. Въ этихъ каналахъ, видимо, проходили деревянные связи, которыя съ теченіемъ времени сгнили.

Первый этажъ болѣе или менѣе сохранился въ первобытныхъ формахъ; общее состояніе амбразуръ слѣдующее:

Амбразура i'—наружная облицовка амбразуры не сохранилась. Облицовочные ряды кладки самага свода и сѣверной опорной стѣны уцѣлѣли. Вся амбразура еще довольно прочная; боевое отверстіе *e* внутри сохранилось, но съ наружной стороны разрушилось.

Амбразура i''—облицовка начала отверстія не сохранилась. Своды и обѣ опорныя стѣны уцѣлѣли хорошо. Отверстіе *e'* сохранилось на половину (осыпались внѣшніе откосы).

Амбразура i'''—въ такомъ-же состояніи, но только сводъ ея со двора башни обветшалъ.

Поверхности сводовъ амбразуръ не особенно правильныя. Своды, толщиною отъ 10 до 12-ти вершковъ, сдѣланы изъ плитняка толщиною отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ. Кладка стѣнъ довольно правильная, хотя постели ея не вездѣ одинаковой высоты, т. е. одни ряды кладки толще, другіе тоньше. Плиты разной длины; толщина же ихъ отъ 2-хъ до 4-хъ вершк. Облицовка внутреннихъ стѣнъ башни почти вся утратилась, уцѣлѣла лишь незначительная часть ея около лѣсенки, ведущей изъ палатки *д*.

Длина облицовочныхъ плитъ отъ 8-ми до 18-ти вершк. Средняя толщина 2½ вершк.; плиты входятъ въ стѣну, примѣрно на 8 вершк. Палатка *д* (табл. XXIV и XXV) перекрыта коробовымъ сводомъ. Облицовка стѣнъ и свода сохранилась хорошо. Лѣсенка, идущая изъ палатки во второй ярусъ башни, сохранилась лишь частью. Отверстіе полукруглой двери на лѣсенку заключалось въ прямоугольной впадинкѣ; перемычки надъ дверью не сохранилось. Въ двухъ стѣнахъ палатки находятся каналы *бб*. Плитнаго пола въ помѣщеніи не сохранилось.

Наружныя ворота въ южной стѣнѣ башни позднѣйшія (кирпичныя). Отъ внутреннихъ восточныхъ воротъ сохранилась лишь одна арка надъ проѣздомъ ¹⁾. Судя по тому, что подъ нею уцѣлѣли остатки другой перемычки *з*, нѣсколько эллиптической формы (разрѣзъ по линіи АВІН), надо думать, что все пространство *ж. ж. ж. ж.* (табл. XXIV) было перекрыто сводомъ, на которомъ и была частью обоснована лѣстница, ведущая изъ палатки *д* во второй этажъ башни.

¹⁾ Облицовка арки хотя сохранилась, но сильно вывѣтрилась — круглое очертаніе арки получило неправильный видъ. Толщина перемычки 11 вершк. Арка въ общемъ очень ветхая. Въ пятахъ Воротной арки сохранились желѣзные дверные крюки.

Такое-же устройство было, вѣроятно, и надъ вышними воротами, такъ что внутреннее пространство собственно башни было квадратное и перекрывалось очевидно деревяннымъ потолкомъ.

Амбразура *и* была окопана извнѣ для обмѣровъ ея. Свода надъ нею не существуетъ. Наружная стѣнка, замыкающая амбразуру, уцѣлѣла въ высоту на 1 арш. 3 вершк. отъ пола. Въ серединѣ амбразуры растетъ дерево и насыпанъ мусоръ. Начало свода замѣтно по обшивочнымъ наклоннымъ рядамъ кладки. Восточная стѣна амбразуры очень ветхая.

Въ амбразурѣ *и'* сводъ уцѣлѣлъ въ шалыгѣ всего на 1 арш. Облицовка замѣтна незначительными частями; видна главнымъ образомъ булыжная кладка и иструхлявившіяся плиты. Надъ остаткомъ свода возвышается кладка до 1 1/2 арш. Середина амбразуры засыпана мусоромъ и камнями. Наружная стѣнка почти разрушилась—замѣтно лишь основаніе ея.

Амбразура *и''* въ подобномъ-же состояніи. Бойничныхъ отверстій въ означенныхъ амбразурахъ совсѣмъ не уцѣлѣло.

При расчисткѣ гребня стѣнъ Юго-Восточнаго угла башни, обнаруженъ проходъ *к*. Въ основаніи его сохранилась облицовка, нѣсколько вывѣтрившаяся. Проходъ этотъ, вѣроятно, принадлежалъ къ внутренней лѣстницѣ въ III-й эт.

При расчисткѣ верхней части стѣнъ сѣверо-восточнаго угла башни, открыты границы широкаго прохода *л*. Границы эти выражаются въ остаткахъ облицовочныхъ рядовъ кладки (табл. XXVII—XXVIII). Указанный проходъ съ означенными на рисункахъ очертаніями, очевидно, принадлежалъ III-му этажу башни и велъ на гребень крѣпостной стѣны, расположенной между Воротной и Стрѣлочной башнями. Въ проходѣ этомъ, видимо, находилась дверь, такъ какъ на западномъ заплечикѣ сохранился желѣзный крюкъ. Проходъ замощенъ булыжнымъ камнемъ довольно ровно. Самый спускъ на стѣну состоитъ изъ неровной булыжной кладки. Здѣсь кстаті можно высказать слѣдующее предположеніе: Проходъ *л* при означенной ширинѣ, очевидно, не могъ продолжаться въ толщѣ восточной стѣны башни, такъ какъ западная стѣнка прохода была-бы на вѣсу. Очень вѣроятно, что указанный проходъ выходилъ на широкій уступъ стѣны II-го этажа, какъ это наблюдается и въ другихъ башняхъ.

Съ южнаго фаса башни видны позднѣйшія кирпичныя ворота. Отъ этихъ воротъ идетъ дорожка около крѣпостной стѣны и уклонъ насыпи, облегающей основаніе башни.

Облицовка стѣнъ сохранилась только по юго-западному углу, причемъ нѣкоторые ряды уцѣлѣли вполнѣ, остальная масса стѣны въ разрушенномъ состояніи. Съ западнаго фаса основаніе башни покрыто мусоромъ. Около амбразуры

Второй этажъ.
Табл. XXXV.

Третій этажъ.
Табл. XXXVI.

Наружный видъ башни.
Табл. IX, X и XXI.

(табл. XIV) была сделана раскопка *в* для определения глубины фундамента. Граница его обозначена на разрезе FEDC. Внешняя поверхность стѣны надъ насыпью, состоитъ изъ плитной кладки съ прослойкою мелкихъ булыжныхъ камней. Сохраняются, между прочимъ, и остатки сильно выветрившейся облицовки. Боевыя отверстія амбразуръ 1-го этажа снаружи нѣсколько разрушены; перекрыты онѣ плитами. Надъ означенными амбразами плитная кладка пропадастъ и выступаютъ булыги (къ сѣверу съ остатками раствора, а къ югу оголенные).

Стѣны къ вершинѣ значительно суживаются и оканчиваются тонкимъ гребешкомъ. Булыжная кладка правильныхъ постелей не имѣетъ; среди мелкихъ камней встрѣчается болѣе правильная кладка и это наблюдается въ мѣстахъ соединенія булыжной кладки съ облицовочными плитами. Вполнѣ уцѣлѣвшая облицовка видна въ нѣсколькихъ рядахъ кладки на углахъ башни (въ ширину до 2-хъ арш. 8 вершк.), причемъ менѣе выветрившаяся поверхность находится на самыхъ углахъ.

Сѣверный фасадъ въ основаніи покрытъ насыпью, идущей почти съ хребта стѣны. Этой насыпью даже закрыто боевое отверстіе сѣверной амбразуры 1^{'''} (1-го этажа башни). Облицовки въ массѣ стѣны почти не сохранилось — она видна лишь на углу башни. На восточномъ фасѣ (со двора) поверхности стѣнъ около воротъ и двери, ведущей въ полатку, состоятъ изъ плитной кладки, большей частью выветрившейся. Дверь въ полатку съ полукруглой перемычкой заключена въ прямоугольную впадину (глубиною въ 3 вершка), въ послѣдней сохранился дверной желѣзный крюкъ. Среди выкрошившейся облицовки встрѣчаются въ восточно-сѣверномъ углу башни гладкіе облицовочные ряды плитъ. Въ верхней половинѣ стѣны видны лишь оголенные булыги.

Говоря о технической сторонѣ постройки башни, приходится добавить нѣсколько словъ о самой кладкѣ стѣнъ и сводовъ. Стѣны собственно сложены изъ большихъ булыгъ (средняго размѣра въ 10 вершк.), проложенныхъ мѣстами для устойчивости мелкимъ булыжнымъ камнемъ и въ рѣдкихъ случаяхъ плитою. Пространство между камнями сплошь залито известковымъ растворомъ. Облицовочныя плиты стѣнъ соединяются съ булыжною кладкою, до извѣстной степени, штрабами (уступами).

Облицовочные ряды плитъ въ амбразурахъ, въ большинствѣ случаевъ, различной мѣры; въ 10-ти рядахъ кладки, примѣрно до 2-хъ арш. высоты, плиты толщиной отъ 5-ти вершк. до 1¹/₂ вершка. Длина ихъ отъ 6-ти вершк. до 1 арш. 1¹/₂ вершка. Швы облицовочной кладки толщиной отъ ¹/₈ вершка до 1 вершка, частью притерты

Въ мѣстахъ, гдѣ кромки плитъ сбиты, растворъ заходитъ на камень и выравнивается подъ общую поверхность стѣны.

Своды и арки имѣютъ надлежащія полукруглыя покрывающія, при этомъ, плиты сильно расширились по радіусу, тамъ вставляли маленькія плиты, имѣвшія значеніе клина. Бойничныя отверстія перекрыты горизонтально бойничными плитами. Къ сѣверо-восточному углу Воротной башни примыкаетъ крѣпостная стѣна, идущая къ Стрѣлочной башнѣ.

Примѣчаніе. Очертаніе *м. м...*, показанное въ планѣ 2-го этажа Воротной башни, означаетъ границы горизонтальнаго сѣченія 1-го этажа. Очертаніе *н. н...* въ третьемъ этажѣ башни, означаетъ сѣченіе 2-го этажа.

Стѣна закрыта осыпями, обросшими травой и деревьями, такъ что она представляется почти сплошнымъ валомъ. Для уясненія границы и измѣренія стѣны (со стороны двора) была сдѣлана окопка ея. Облицовка стѣны обнаружена нѣсколько ниже уровня земли двора; она хорошо сохранилась и дала возможность опредѣлить ея внутреннее очертаніе. Лицевая поверхность восточной стѣны Воротной башни сначала даетъ направленіе и стѣнѣ крѣпости, но затѣмъ стѣна послѣдней дѣлаетъ четыре перелома, образуя общую выпучину стѣны между указанными башнями (очертаніе ея показано на общемъ планѣ (табл. IV). Между означенными башнями, въ стѣнѣ сохранились три амбразуры.

Амбразура g' (табл. XXIX). Внутреннія стѣны ея до пять свода уцѣлѣли, но облицовка ихъ сильно пострадала. Сводъ со двора крѣпости, почти на половину разрушился. Остальная часть его нѣсколько искривилась. Надъ сводомъ возвышается булыжная кладка до $2\frac{1}{2}$ арш. Отъ внѣшней стѣнки, замыкающей амбразуру, сохранилась только нижняя ея часть (до бойничнаго отверстія).

Амбразура R' (табл. IV). Отъ этой амбразуры уцѣлѣли только внутреннія стѣнки (ниже пять свода) съ облицовкой до пяти рядовъ плитной кладки: наружной поперечной стѣнки совсѣмъ не сохранилось. Полъ амбразуры засыпанъ мусоромъ.

Амбразура T'. Сводъ ея провалился. Внутреннія стѣнки частью уцѣлѣли; подъ мусоромъ видны облицованные ряды кладки.

Толщина крѣпостной стѣны, между означенными башнями, достигаетъ четырехъ саженой. Внѣшняя и внутренняя границы подошвы стѣны, опредѣлены раскопками противъ амбразуры *g'*.

Въ соединеніи вершины крѣпостной стѣны съ Воротною башней идетъ (аршина на 2) заможенный спускъ изъ башни на стѣну, а затѣмъ тропинка

Стѣна между Воротной и Стрѣлочной башнями.

Табл. IV.

Видъ стѣны со двора.
Табл. XII.

последней представляется, въ видѣ дорожки, заросшей травой. По бокамъ упомянутого спуска, идетъ оголенная осыпь булыжной кладки стѣны.

До средней амбразуры R' стѣна покрыта волнистыми насыпями, заросшими травой и деревьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала выступаютъ разрушенныя части кладки. Гребень стѣны постепенно понижается отъ Воротной башни къ амбразурѣ R'. Къ сѣверу отъ последней стѣна менѣе закрывается насыпями. Около стрѣлочной башни она представляется оголенною и въ основаніи ея видна облицовка. Гребень стѣны отъ средней амбразуры снова поднимается и идетъ къ вершинѣ стѣны стрѣлочной башни.

Видъ стѣны съ наружнаго
фасада.

Табл. IX и X.

Булыжная кладка видна лишь въ вершинѣ стѣны, а плитная около очертанія разрушенныхъ амбразурныхъ отверстій.

Въ общемъ, стѣна имѣетъ скорѣе видъ вала, покрытаго травой и деревьями. Насыпь, состоящая изъ обвалившейся кладки стѣны и образующая валъ около нея, идетъ отъ линіи шалыгъ амбразурныхъ сводовъ. Между Воротной башней и амбразурой R' насыпь спускается довольно ровнымъ уклономъ, но далѣе, къ сѣверу, она кос-гдѣ выпучивается. Въ этихъ мѣстахъ видны огромные массивы обрушившихся частей стѣны, съ облицовочными и перемычечными рядами кладки.

Лицевая поверхность крѣпостной стѣны наиболѣе пострадала у амбразуръ R' и T'. Самыя амбразуры представляются въ слѣдующемъ видѣ: боевого отверстия амбразуры F не сохранилось; существующая нижняя часть внѣшней поперечной стѣнки, замыкающей амбразуру, осыпалась. Отъ амбразуры R' сохранились границы внутреннихъ стѣнъ ея до пять свода. Наружной облицовки стѣны въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не замѣчается. Въ амбразурѣ T' видны внутреннія стѣнки ея, оканчивающіяся къ внѣшнему фасу крѣпости уступами. Въ стѣнкахъ видны начальные ряды свода амбразуры. При расчисткѣ мусора ниже этой амбразуры, обнаружилась наклонная плитная кладка; при этомъ плиты идутъ сначала опускаясь внѣшними концами, а затѣмъ концы ихъ постепенно поднимаются. Вся кладка имѣетъ вогнутое очертаніе и тянется на 4 саж. Ниже продолжается насыпь до рѣчки Ладожки. Положеніе описанной кладки и др. наблюденія надъ процесомъ разрушенія стѣны даютъ поводъ думать, что внѣшняя часть толщи стѣны отделилась отъ общей массы и сползла по направленію общаго уклона грунта (отъ двора крѣпости къ рѣчкѣ Ладожкѣ).

Стрѣлочная башня.
Табл. XXXI—XXXII.

Для обмѣровъ башни и опредѣленія глубины фундаментовъ, были расчищены нѣкоторыя границы стѣнъ, верхнія амбразуры и сдѣланы надлежащія раскопки. Границы всѣхъ стѣнъ и фундаментовъ показаны на чертежахъ.

Входъ въ башню (со двора) почти разрушенъ; сохранилась однако облицовка прохода и наружная четверть двернаго проема. Здѣсь видѣнъ остатокъ двернаго желѣзнаго крюка. Въ нижній этажъ спускаются по лѣстницѣ, устроенной въ толщѣ стѣны.

Амбразура б въ полной сохранности. Облицовка выкрошилась лишь незначительными частями. Южная половина свода опирается на самостоятельную стѣнку, приложенную къ общей массѣ стѣны. Полъ состоитъ изъ мелкаго, довольно ровнаго булыжника. Амбразурное отверстіе на половину въ прочномъ состояніи; отслоилась только часть перемычечной плиты.

Амбразура б'—кромка свода нѣсколько обветшала. Сводъ и опорныя стѣны, вполне сохранились. Плиты подъ амбразурнымъ отверстіемъ разрушились, полъ неровный, съ углубленіемъ въ серединѣ. Сводъ кончается по направленію указанному пунктиромъ. Плиты въ сводѣ амбразуры нѣсколько толще, чѣмъ въ опорныхъ стѣнахъ. Углы амбразуръ *б* и *б'* изветшали.

Амбразура б'' въ полной сохранности. Облицовочныя плиты довольно крупныя (въ 9 рядахъ 2 арш. 3 вершк.).

Амбразура б''' внутри вполне уцѣлѣла. Плиты въ стѣнахъ и въ сводѣ до 6 вершк. толщиною и до 1 арш. 6 вершк. длиною. Вся кладка представляется очень монументальною.

Въ пятахъ сводовъ нѣкоторыхъ амбразуръ проложены длинныя плиты. Толщина сводовъ 9 вершк. Облицовка стѣнъ также очень хорошо сохранилась. Швы кладки довольно тонкіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кромки облицовочныхъ плитъ отбиты и выровнены растворомъ, швы кажутся толстыми. Въ амбразурахъ 1-го этажа Стрѣлочной башни и вообще въ болѣе уцѣлѣвшихъ частяхъ крѣпости замѣчается случайная притирка растворомъ цѣлыхъ плоскостей (плитъ грубой тески и сводовъ, гдѣ по отнятіи опалубника оставался затвердѣлый прыскъ). Встрѣчающаяся притирка неровныхъ плоскостей сдѣлана заподлицо болѣе гладкихъ поверхностей плитъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неровности плитъ выступаютъ изъ-за плоскости притирки растворомъ. Изъ всего видно, что стѣны крѣпости не были оштукатурены надлежащимъ образомъ.

Нѣкоторая обветшалость внутренней облицовки замѣчается въ юго-западномъ углу башни и въ выступѣ лѣстницы. Въ серединѣ башни навалены булыги и мусоръ.

Второй этажъ находится на уровнѣ двора крѣпости. Внутренняя форма башни представляется съ сѣвера полукруглою, а съ юга прямоугольною. У входа въ башню устроена площадка. Полъ послѣдней застланъ плитою. Въ восточной стѣнѣ находится дверь на лѣстницу, ведущую въ нижній и третій этажи. Пере-

Первый этажъ.
Табл. XXX.

Второй этажъ.
Табл. XXXI.

мычки надъ дверью не сохранилось, но границы ея, вмѣстѣ съ заплечникомъ и облицовкою, уцѣлѣли. Направо изъ двери ступени поднимаются до вершины разрушенной стѣны. Налѣво, лѣстница идетъ тремя поворотами внизъ. Ступени и облицовка стѣнъ лѣстничной клѣтки хорошо сохранились. Ступени состоятъ изъ одной и двухъ плитъ. На табл. XXXIII представленъ спеціальный разрѣзъ лѣстницы (въ развернутомъ видѣ). Последняя перекрыта уступами, состоящими изъ маленькихъ сводиковъ *i i* и горизонтальныхъ плитъ *к. к.*...

Амбразура з. Сводъ разрушенъ ниже пяти. Облицовка уцѣлѣла только внизу, но и та осыпалась. Боевого отверстія совсѣмъ не сохранилось. Поперечная стѣнка уцѣлѣла лишь въ основаніи. Надъ амбразурой выступаютъ крупныя булыги.

Амбразура з'. Сводъ сохранился въ шалыгѣ до 2 арш. ширины ближе къ внѣшней сторонѣ. Надъ сводомъ поднимается булыжная кладка высотой до 3 арш., которая кончается тонкимъ гребешкомъ; на последнемъ, между прочимъ, виденъ кусокъ правильной плитной кладки (табл. XXXIII чертежъ надъ верхнимъ разрѣзомъ); вѣроятно, это остатокъ амбразуры III-го этажа башни. Въ опорныхъ стѣнахъ амбразуры прочная облицовка замѣтна только по низу—полъ амбразуры заваленъ камнями и мусоромъ. Поперечная наружная стѣнка амбразуры уцѣлѣла меньше, чѣмъ до половины высоты. Наружное боевое отверстіе совершенно исчезло.

Амбразура з'' въ подобномъ-же состояніи какъ и предыдущая. Въ булыжной кладкѣ замѣчается забутка ея мелкой плитой и щебнемъ. Заливка стѣнъ растворомъ очень толстая.

Амбразура з'''. Сводъ ея сохранился въ шалыгѣ до 1½ арш. ближе къ внѣшней сторонѣ башни. Надъ сводомъ поднимается кладка изъ булыгъ до 3-хъ арш. Ровная облицовка сохранилась въ южной опорной стѣнѣ выше пола, остальная осыпалась. Поперечная наружная стѣнка уцѣлѣла до 1½ арш.; боевое отверстіе разрушилось. Надъ массивами стѣнъ башни вершины булыжной кладки шире, чѣмъ надъ сводами. Наибольшая осыпь стѣнъ замѣчается изъ внутренности башни. Облицовка между амбразурами встрѣчается только въ основаніи. II-го этажа, и то лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Съ фасада башни облицовка замѣтна лишь въ немногихъ мѣстахъ. Часть ея наблюдается около боевого отверстія восточной амбразуры *б'''* (планъ I-го этажа). Затѣмъ встрѣчается на южной стѣнѣ при входѣ въ башню со двора крѣпости (*ж* планъ II-го этажа). Въ юго-восточномъ углу башни (планъ II-го эт.), выходящемъ во дворъ, обнаруженъ заплечикъ *Ј* съ правильной облицовкой. При раскопкѣ къ сѣверу отъ угла *Ј* опредѣлился массивъ булыжной кладки *к*,

Внѣшній видъ башни,
Табл. X—XII и XV

выходящей изъ башни. Совершенно ровная облицовка его находится по линіи *л* и здѣсь-же проходитъ горизонтальный выступной полуваль въ видѣ пояса стѣны. Отъ послѣдней идетъ облицовка самой башни съ крутымъ закругленіемъ. Признаки облицовки находятся также въ плоскости *Г*. По расчисткѣ мусора около амбразурнаго отверстія *г* (планъ I-го этажа) выяснились ряды плитной кладки *р* нѣсколько вздернутой вверхъ. Кладка эта по плану имѣетъ закругленное очертаніе и идетъ уступами ниже отверстія амбразуры. Можно думать, что она принадлежала къ облицовкѣ сѣверо-восточной части крѣпостной стѣны, но почему кладка имѣетъ закругленное очертаніе—сказать трудно. При разборкѣ указанной выпучившейся кладки обнаружился у стѣны башни (выше отверстія амбразуры) выступъ съ валикомъ. Онъ сливается съ общей круглотою башни и идетъ по направленію, какъ показано на планѣ I-го эт. пунктиромъ (табл. XXX). Изъ всѣхъ наблюденій видно, что валикъ проходилъ надъ отверстиями амбразуръ I-го эт. по всему фасу башни въ видѣ пояса. Стѣны башни выше валика идутъ вертикально, а ниже вала съ сильнымъ уклономъ (разрѣзъ по линіи *м-п*, табл. XXX).

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи насыпи къ востоку отъ башни открылись массивы стѣны *с* и *с'*, съ облицовочными рядами кладки. Очевидно это боковыя стѣнки амбразуры. Постели плитной кладки нѣсколько наклонены въ сторону двора крѣпости. Между стѣнами *с* и *с'* сохранился полъ (неровный). Высота его отъ основанія амбразурнаго отверстія *г* на 3 арш. 6 вершк. Изъ всѣхъ указанныхъ раскопокъ и наблюденій надъ оставшимися массивами кладки видно, что сѣверо-восточная часть крѣпостной стѣны, отдѣлившись отъ башни, сползла внизъ по наклону общаго пониженія грунта (отъ двора крѣпости къ рѣкѣ Волхову).

Вся южная стѣна *ж* башни (планъ II эт.), выходящая во дворъ и прилегающая къ ней крѣпостная стѣна *м*, также были окопаны для точнаго опредѣленія ихъ границъ и угла соединенія. Подъ существующимъ нынѣ уровнемъ двора, въ означенныхъ стѣнахъ сохранилась, болѣе или мѣнѣе, вся облицовка. Общій видъ башни со двора представленъ на табл. XII. Сѣверо-западный и сѣверо-восточный фасады башни видны на табл. X и XI. Стѣна башни южнаго фаса, со двора, уцѣлѣла на высоту до 4-хъ аршинъ. Направо отъ входа видны ступени внутренней лѣстницы, выходяція на самый хребетъ стѣны.

Съ внѣшней стороны стѣны башни сильно осыпались. Осыпь стѣнъ даетъ башнѣ форму усѣченнаго конуса. Основаніе башни засыпано камнями и мусоромъ. Въ нижнихъ частяхъ стѣнъ встрѣчается плитная кладка (остатки обли-

цовки), верхніяже части стѣны состоятъ изъ оголенныхъ булыгъ. Ровная облицовка стѣнъ видна съ восточнаго фаса въ соединеніи стѣны *л* съ башней, около нижней амбразуры *г* и въ другихъ мѣстахъ подъ насыпью. Откосы амбразурныхъ отверстій нижняго этажа полуразрушены и частью засыпаны. Противъ амбразуры *б'* была произведена окопка стѣны для опредѣленія глубины ея основанія. Всѣ размѣры башни и ея частей выражены на чертежахъ.

Примѣчаніе. Линія *о* на планѣ II-го этажа означаетъ границы сѣченія плана I-го этажа, линія *п* III-го этажа означаетъ границы сѣченія плана II-го этажа.

Стѣна между Стрѣлочной башней и лѣстницей, ведущей къ колодцу.

Табл. IV и V.

Къ восточной сторонѣ Стрѣлочной башни примыкаетъ описанная полуразрушенная сѣверо-восточная часть крѣпостной стѣны. Она пропадаетъ подъ небольшимъ повышеніемъ общаго уровня двора городища. Съ наружной стороны, стѣна имѣетъ видъ вала (идущаго къ рѣкѣ Волхову), покрытаго густой растительностью, среди которой виднѣется и кладка стѣнъ. При раскопкахъ и по удаленіи земли со щебнемъ, довелось открыть направленіе стѣны и цѣлый рядъ амбразурныхъ отверстій безъ сводовъ.

Амбразура P' (табл. IV). Какъ было указано выше, имѣетъ какое-то случайное положеніе, ибо между остаткомъ стѣны, прилегающей къ башнѣ, и западной стѣнкой амбразуры замѣчается разрывъ. Вертикальная поверхность стѣны между амбразурой *P'* и *O'*, выходящей во дворъ, хотя сложена изъ плитъ, но довольно грубой тески.

Амбразура O'. Сохранились части внутреннихъ стѣнъ ея, высотой до 1 арш. 8 вершк. (по пяти рядовъ плитной кладки отъ пола). Въ рядахъ кладки замѣчаются булыжные камни и плиты съ неровными поверхностями; постели кладки имѣютъ нѣсколько наклонное положеніе, вмѣстѣ съ этимъ и стѣна, выходящая во дворъ, идетъ не въ отвѣсъ. Въ верхней части сѣверной стѣнки амбразуры виденъ рядъ наклонной плиты—начало свода. Отъ амбразуры *O'* до амбразуры *N'*, стѣна имѣетъ сравнительно ровную поверхность; но она не облицована плитой, а сложена довольно правильно изъ булыжнаго камня; стѣна въ верхнѣ кончается въ одинъ рядъ камня, отъ котораго идетъ внѣшняя осыпь стѣны къ Волхову.

Амбразура N'. Уцѣлѣла часть внутреннихъ стѣнъ амбразуры съ восемью рядами сводчатаго покрытія (до 2½ арш. высотой отъ пола). Въ кладкѣ встрѣчаются булыжные камни и плита (по преимуществу тонкая). Съ внѣшней стороны стѣны амбразуры, сильно осыпались, опорныя стѣнки свода амбра-

зуры нѣсколько наклонены въ сторону двора городища, вѣдствие чего и ряды кладки имѣютъ наклонное положеніе. Въ стѣнѣ между Стрѣлочной башней и амбразурой М', наблюдается не только крайняя разрушенности кладки, но и какіе-то слѣды переломовъ стѣны по вертикальному направленію. Между амбразурами N' и М' стѣна болѣе или менѣе прочная.

Отъ амбразуры М' сохранилась часть внутреннихъ стѣнъ ея, высотой и шириною до 1½ арш. Облицовка довольно ветхая и неровная. Швы сѣверной стѣнки нѣсколько наклонены въ сторону двора, тогда какъ въ южной стѣнѣ кладка имѣетъ почти горизонтальные ряды.

Линіи угловъ, составляющихъ направленіе амбразуры и стѣны, довольно ясны въ кладѣ. Верхушки массивовъ, между амбразурами, закрываются наноснымъ слоемъ земли, несного поднимавшимся противъ уровня двора крѣпости. Стѣны между описанными остатками амбразуръ въ вершинахъ очень тонкія, къ основанію же значительно расширяются и съ внѣшней стороны даютъ общій уклонъ оснѣ стѣны. Такимъ образомъ, внутреннія поверхности стѣнъ амбразуръ Р' О' N' и М' имѣютъ видъ треугольника, нѣсколько наклоненнаго вершиною въ сторону двора. Кладка стѣны между амбразурами М' и Е снаружи оголена (сплошь лицевъ булыжника).

Амбразура Г. Южная внутренняя стѣна ея сохранилась въ высоту до 2 арш. 6 вершк. Въ вершинѣ стѣны замѣтны пятниковые ряды свода. У пола амбразуры кладка расширяется до 2 арш. Ряды облицовочныхъ плитъ имѣютъ горизонтальное положеніе. Углы стѣнъ амбразуры, выходящіе во дворъ, довольно правильные и отчасти даютъ направленіе какъ самой стѣнѣ, такъ и амбразурному проѣму въ ней. Отверстіе амбразуры къ внѣшнему фасу стѣны суживается. Въ другихъ амбразурахъ точно прослѣдить форму отверстія являлось затруднительнымъ, хотя довольно замѣтно, что стѣнки въ другихъ амбразурахъ также не параллельны. Снаружи общая поверхность стѣны имѣетъ видъ оголенной булыжной кладки.

Амбразура К. Стѣнки сохранились высотой отъ пола амбразуры до 2-хъ арш. Облицовка ихъ несовсѣмъ ровная.—Углы массивовъ, составляющихъ отверстіе амбразуры и выходящіе во дворъ, имѣютъ отвѣсное положеніе.

Полы всѣхъ амбразуръ ровной застилки не имѣютъ. Уровень ихъ по направленію къ Стрѣлочной башнѣ постепенно понижается. Полъ амбразуръ Р' и О', не показанныхъ на продольномъ разрѣзѣ городища (по линіи ABCDEF) понижается въ каждой на 0.25 саж.

Стѣны, ограничивающія всѣ шесть амбразуръ, въ ветхомъ состояніи. Въ лицевыхъ поверхностяхъ кладки ихъ встрѣчаются плита и булыжныи камень.

Обдѣлка стѣнъ, въ смыслѣ правильности и чистоты кладки, значительно грубѣе по вниманію обдѣлки стѣнъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ сооруженія городища. Принимая наклонное положеніе рядовъ кладки въ поверхностяхъ, составляющихъ амбразуры Р' О' N' и M', и горизонтальные ряды кладки въ амбразурахъ M' L' и K', а также случайное положеніе амбразуръ Р', разломы стѣны, выпученность кладки въ основаніи Стрѣлочной башни и общій характеръ разрушенія стѣны,—приходится заключить, что сѣверо-восточная часть крѣпостной стѣны до амбразуръ M', сползла съ своего мѣста всей своей массой по уклону грунта, идущаго отъ двора крѣпости къ рѣкѣ Волхову. Движеніе это коснулось, видимо, главнымъ образомъ сѣверной части стѣны, а затѣмъ постепенно уменьшалось до амбразуръ M'. Съ этого мѣста стѣна оставалась почти на своемъ мѣстѣ. Здѣсь можно допускать только частичное отдѣленіе вѣнечной толщи стѣны. Въ этомъ случаѣ пласты кладки могли сползать или прямо обваливаться.

Изъ всѣхъ наблюденій надъ процессомъ разрушенія разсматриваемой стѣны, можно предположить, что первоначальное направленіе ея (со двора крѣпости) подходило къ южному фасу Стрѣлочной башни, какъ показано на общемъ планѣ пунктиромъ Z'.

Табл. IV и XXXVI.

Раскопка А'. Для уясненія дальнѣйшаго направленія крѣпостной стѣны, произведена специальная раскопка и расчистка видѣвшейся кладки, около амбразуръ K, (планъ и разрѣзъ раскопки представленъ на таблицѣ XXXVI-й).

Со стороны двора стѣна облицована на высоту 1 арш. 14 вершк.; въ основаніи ея проложенъ рядъ булыжной кладки и сдѣланъ выступъ, состоящій изъ двухъ рядовъ кладки (вверху плита, а внизу булыжный камень). Направленіе этой части стѣны совпадаетъ съ направленіемъ части стѣны, идущей уже около лѣстницы. При дальнѣйшей окопкѣ выступа обнаружено еще два уступа б и в, ниже которыхъ находится довольно ровная поверхность г. Указанные уступы, видимо, не случайнаго происхожденія; можетъ быть, они служили всходомъ на амбразуры стѣны. Поверхность-же г не есть-ли уровень первоначальнаго двора крѣпости? Съ вѣнечнаго фаса расчищенная часть стѣны представляется совершенно разрушенною и видна исключительно булыжная кладка, въ которой, между прочимъ, находятся круглые горизонтальные каналы д д.

На одну сажень дальше раскопки А' была сдѣлана вторая раскопка въ глубину до 6 арш. отъ хребта стѣны. Здѣсь былъ открытъ одинъ уступъ (обдѣланный плитой) на глубинѣ 3 арш. 6 вершк. Уступъ этотъ выступаетъ на 2 арш. и

углубляется на 2 арш. 10 вершк. На аршинъ выше подошвы уступа замѣчается щебень и на немъ рядъ плиты, нѣсколько наклонно прикасающіеся къ стѣнѣ. Вѣроятно, это остатокъ мостовой первоначальнаго двора.

Къ югу хребетъ стѣны значительно поднимается и оканчивается крутымъ уклономъ къ лѣстницѣ бывшей Тайничной башни. По снятіи наноснаго слоя земли съ вершины уклона обнаружилась облицовочная кладка У (табл. IV и V—общій планъ городища и разрѣзъ по линіи ABCDEF). Направленіе облицовки стѣны со двора крѣпости, почти совпадаетъ съ направлениемъ стѣны, идущей по амбразуре М'.

Къ выше приведенному описанію внѣшняго фаса крѣпостной стѣны между руинами Тайничной башни и Стрѣлочной слѣдуетъ добавить: отъ амбразуръ Р', О' и N' уклонъ стѣны (къ рѣкѣ) идетъ сплошной и, вмѣстѣ съ мусоромъ на ней, обросъ травой и кустами; по уклону торчатъ булыжные камни. Вся эта внѣшняя часть осыпи, до амбразуры М', при раскопкахъ не дала никакихъ опредѣленныхъ формъ кладки. Далѣе идетъ оголенная осыпь булыжной кладки. Внѣшнія стѣны около амбразуры М', L' и K' и раскопки А, почти до самой лѣстницы, имѣютъ видъ оголенной булыжной (почти отвѣсной) кладки. У подошвы ея противъ амбразуры K', среди булыжной кладки, встрѣтилась какая-то задѣлка стѣны плитою; по выборкѣ послѣдней—ничего особеннаго не открыто. Аршинъ на восемь ниже хребта стѣны начинается пологій уклонъ къ рѣкѣ Волхову, покрытый растительностію (Общій видъ показанъ на табл. XI и XIII). Въ такомъ видѣ стѣна входитъ въ руины бывшей Тайничной башни.

Почти въ серединѣ восточнаго фаса городища сохранилась широкая каменная лѣстница, идущая со двора къ рѣкѣ Волхову. Послѣ окопки сохранившихся стѣнъ, очистки мусора и растительности на нихъ, выемки земли изъ колодца и развѣдки облицовочныхъ поверхностей въ остаткахъ кладки, выяснилось:

Клѣтка перваго марша лѣстницы окаймляется линіей облицовочною кладкою а, а, а... (Табл. XXXIV). За облицовочными плитами обнаружился щебень. Означенная кладка а, а... довольно ветхая, особенно кругомъ верхней площадки а'. Ступенныя плиты всей лѣстницы, грубой тески; онѣ болѣе или менѣе сохранились, но нѣкоторыя изъ нихъ сдвинуты со своихъ мѣстъ.

Часть свода, существовавшая надъ серединою главнаго марша, еще въ недавнее время обрушилась; выше нить свода, однако-же, сохранилось до 5-ти рядовъ наклонной кладки. Надъ остатками свода находится забутка и масса мусора. Сводъ надъ лѣстницей былъ коробовой-ползучій. Онъ начинается въ разстояніи отъ угла а'' на 3 арш. 13 в. (табл. XXXV разрѣзъ по линіи АВ.), до

Остатки разрушившейся Тайничной башни.

Табл. XIV, XXXIV и XXXV.

этого же мѣста облицовка стѣны идетъ выше свода. Пяты послѣдняго устроены на высотѣ 1 арш. 7 в. отъ ступеней и имѣютъ наклонныя постели, которыя переходятъ къ основанію лѣстницы въ горизонтальныя ряды; вслѣдствіе этого кладка является неправильной. Въ нижнемъ концѣ марша, по бокамъ его, обнаружены остатки массивовъ, совершенно потерявшихъ опредѣленныя формы, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдаются облицовочныя ряды кладки. Такъ напр. въ выступающей части массива *б* (табл. XXXIV) сохранились пяты арки и нѣсколько рядовъ наклонной кладки. Тоже встрѣчается въ кладкѣ *г*. Направляющія арокъ въ этихъ массивахъ идутъ черезъ маршъ лѣстницы, но не совпадаютъ въ одно общее направленіе. Получили-ли эти массивы передвиженіе во время разрушенія башни, или они служили опорой различныхъ арокъ, сказать трудно. Въ кладкѣ *в* сохранилась облицовка по вертикальному направленію.—Вѣроятно, это остатокъ амбразурной стѣнки.

Надъ средней и надъ нижней частями главнаго марша возвышаются крутыя осыпи стѣнъ. Глубокихъ окопокъ около всѣхъ каменныхъ массивовъ сдѣлать было невозможно, ибо они оказались весьма разрушенными и грозили паденіемъ. Возстановить какія-либо общія архитектурныя формы башни, по обнаруженнымъ остаткамъ кладки, не представлялось никакой возможности. Положеніе каждаго массивовъ и ихъ облицовокъ показано на планѣ и разрѣзѣ лѣстницы. При окопкѣ внѣшней кладки *е* и *д* въ юго-восточной части лѣстницы, гдѣ являлась возможность допустить соединеніе стѣны башни со стѣною крѣпости, обнаруженъ уголъ кладки съ облицовкой. Послѣдняя идетъ къ югу на 4 арш. 13 в. (табл. XXXIV) и, вѣроятно, выражаетъ собою внѣшнюю облицовку крѣпостной стѣны. Другое же направленіе облицовки означаетъ, повидному, внѣшнее очертаніе бывшей башни.

Сохранившаяся облицовка въ остаткахъ Тайничной башни вообще выветрилась, камни разслоились и выкрошились.—Болѣе сохранившіяся части находятся въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтровъ. Совершенно разрушенныя части стѣнъ покрыты мусоромъ. Растворъ въ наружной кладкѣ потерялъ свое сцепленіе (крошится). Въ мѣстахъ болѣе уцѣлѣвшихъ, растворъ довольно твердый и иногда вязкій.

Колодезь, находящійся въ концѣ главнаго марша лѣстницы—до 2-хъ арш. глубиною и окруженъ дубовымъ срубомъ. Общій видъ лѣстницы съ восточной стороны показанъ на таб. XIV.

**Стѣна между лѣстницей и
Раскатной башней.**

Табл. IV, VII, XIII, XV и XXXV.

Эта часть крѣпости съ внѣшняго фаса представлялась въ видѣ двухъ уклонъ, раздѣленныхъ дорожкой, идущей почти отъ середины двора городища къ восточному фасу Раскатной башни. Въ верхнемъ уклонѣ противъ церкви замѣча-

лась правильная облицовочная кладка и разрушенные части ее. Въ нижнемъ уклонѣ, поднимающемся довольно круто отъ рѣки Волхова до дорожки къ уровню двора, опредѣленныхъ формъ кладки совершенно не встрѣчалось, за исключеніемъ облицовки около развалинъ Колодезной башни. Въ общемъ оба уклона представляются скорѣе всего землянымъ валомъ. Отъ основанія нижняго уклона идетъ отмель рѣки Волхова. Вершина верхняго уклона почти не поднимается надъ уровнемъ двора городища. Вся стѣна между дѣвятиной и Стрѣлочной башней представлялась совершенно утратившеюся или скорѣе скрытою сплошнымъ валомъ. (Общій видъ на табл. XIII). Для вскрытія остатковъ стѣны по верхней части вала были сдѣланы значительныя раскопки. Въ оконкахъ хребта вала, на разстояніи 7 и 10 саж. отъ колодца, обнаружены крайне ветхія и незначительныя части плитной и булыжной кладки; при этомъ плиты имѣютъ нѣсколько наклонное положеніе. Около кладки находится щебень и мусоръ.

Раскопка В' (табл. IV и XXXV) дала опредѣленные результаты. Подъ глубокимъ слоемъ земли и щебня, обнаружена плитная кладка невысокихъ и тонкихъ стѣнокъ а и б. Лицевыя поверхности стѣнокъ болѣе или менѣе ровныя. Между стѣнками и подъ основаніемъ ихъ находится мелкій щебень и земля.

Около раскопки В' начинается дорожка, идущая къ рѣкѣ Волхову. Въ насыпь отъ уровня двора до линіи уклона дорожки была скрыта и при этомъ открылась слѣдующая картина: Противъ алтаря церкви св. Димитрія Солунскаго (таб. VII) начинается обветшалая плитная кладка а, (табл. IV')—часть стѣны которая идетъ къ раскатной башнѣ на протяженіи до 5 саж. Горизонтальная поверхность кладки неровная. Толщина кладки въ вершинѣ около 1 аршина. Внутренняя поверхность стѣны, выходящая во дворъ, болѣе или менѣе ровная. Приходится думать, что стѣна эта есть остатокъ внутренней облицовки крепостной стѣны, булыжная же масса кладки отдѣлилась и разрушилась. По направленію сѣверной стѣны каменной церкви св. Георгія (таб. VI)—указанную часть стѣны закрываетъ новая плитная кладка б, выступающая на 1½ арш. (табл. IV' и VII, разрѣзъ по линіи ХУ). Вѣшняя поверхность ее простирается къ югу на 3 саж. и состоитъ изъ 21 ряда ровныхъ облицовочныхъ плитъ, на высоту болѣе 2½ арш. Направленіе ее идетъ на 1 арш. 6 вершк. восточнѣе сѣверныхъ амбразурныхъ отверстій I-го и II-го этажей Раскатной башни. Въ верхней части стѣны видны каналы, идущіе въ глубь кладки. Надъ описанной стѣною, почти противъ середины алтаря ц. св. Георгія, сохранились незначительныя остатки стѣны в в, опредѣляющіе проходъ шириною 1 арш. 10 в. Между указанными остатками кладки идетъ спускъ з, во внутрь рѣ-

ности вымощенный плитой. Въ основаніи описанной равной поверхности стѣны *б*, сохранилось четыре уступа *д*, имѣющіе видъ ступеней (табл. XV). Съ боковъ этихъ уступовъ, въ одну линію съ нижнимъ изъ нихъ поднимается еще новая осыпавшаяся плитная кладка *е*, идущая къ югу на разстояніе 11 арш. 4 верш., которая затѣмъ нѣсколько загибается. Съ внѣшняго фасада ея видны каналы, проходящіе въ глубь стѣны, въ разстояніи одинъ отъ другаго на 2 аршина. Вышеозначенные ступенчатые уступы и прилегающая къ нимъ кладка выступаютъ отъ поверхности гладкой стѣны *б* на 1 арш. 5 вершк. Въ виду того, что ступени упираются прямо въ стѣну, то значеніе ихъ становится загадочнымъ. Кладка, простирающаяся къ югу отъ этихъ ступеней, представляется въ разрушенномъ видѣ и ряды плитъ ея при загибѣ имѣютъ нѣсколько вздернутое положеніе. Внутреннее очертаніе этой части стѣны имѣетъ перегибъ *ж* (табл. IV'), идущій къ юго-западу. Дальше кладка имѣетъ совершенно разрушенный видъ. Часть ея з снова выгибается къ внѣшнему фасу крѣпости. Между этимъ выгибомъ и частью стѣнки *а'*, примыкающей къ сѣверному фасу Раскатной башни (табл. IV' и XXXVII) идетъ разрывъ кладки, заполненный кирпичомъ.

Изъ общаго наблюденія надъ остатками указанныхъ облицовочныхъ поверхностей стѣнъ можно предполагать, что вся часть стѣны, противъ алтаря церкви св. Георгія сползла со своего мѣста внизъ, при этомъ направленіе стѣны *ж*, можетъ быть, совпадало съ линіей кладки *и* прилегающей къ Раскатной башнѣ со двора городища (табл. XXXVIII), а облицовка кладки *е* (табл. VII), съ поверхностью стѣны *а'*, примыкающей къ Раскатной башнѣ. Общее же направленіе стѣны отъ Раскатной башни къ разрушившейся Тайничной башнѣ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ нѣкоторое извѣстное очертаніе.

Форма башни видна по планамъ.

Раскатная башня.
Табл. XVI—XX и XXXVII—
XL.
Первый этажъ.
Табл. XXXVII.

Амбразура а. Сводъ совершенно прочный. Щековая облицовка выветрилась. Стѣна, замыкающая амбразуру, полуразрушена; наружное отверстіе въ ней также сильно пострадало (перемычная плита уцѣлѣла, но самыя стѣнки пролета осыпались); отверстіе на половину закрывается извнѣ насыпью (табл. XVII).

Амбразура а'. Сводъ сохранился очень хорошо, но облицовочная поверхность его нѣсколько изветшала. Опорныя стѣны находятся въ прочномъ видѣ. Амбразурное отверстіе (на 10 вершк. отъ пола) въ достаточной сохранности. Отъ основанія отверстія, снаружи идетъ не высокая насыпь, спускающаяся къ р. Волхову.

Амбразура а". Сводъ, опорныя стѣны и амбразурное отверстіе сохранились очень хорошо (табл. XVI). Облицовка пострадала незначительными частями. Поверхности стѣны между амбразурами и лѣстницей находятся въ прочномъ состояніи; въ основаніи башни (изъ нутра) встрѣчаются ряды облицовочной кладки, совершенно ровные и ясно опредѣляющіе грушевидную форму внутренняго очертанія башни. Верхняя часть стѣны 1-го этажа осыпалась. Полъ башни, вѣроятно, выбранъ и въ настоящее время заваленъ камнями.

Входъ на лѣстницу идетъ черезъ высокій приступокъ. Ступени перваго марша отлично сохранились. Лѣстничная клѣтка покрыта уступчатыми сводами (табл. XI; разрѣзъ по линіи *ABCD*). Облицовка стѣны лѣстницы довольно прочная; осыпались лишь кромки внутреннихъ угловъ. Тремя маршами лѣстница поднимается во второй этажъ башни.

Второй этажъ приходится почти на уровнѣ двора городища; опредѣленной формы внутреннихъ стѣнъ не сохранилось, хотя признаки облицовки встрѣчаются.

Второй этажъ.
Табл. XXXVIII.

Проходъ въ башню i. Сводъ надъ проходомъ почти весь разрушился, незначительная часть его (въ шалыгѣ въ одинъ камень, и въ пятахъ до $2\frac{1}{4}$ арш.) поддерживается временными деревянными подставками. Боковыя стѣнки части сохранились, но облицовка сильно выкрошилась. При входѣ въ башню сохранились заплечики самого входа: въ одномъ изъ нихъ уцѣлѣлъ желѣзный дверной крюкъ (на 13 вершк. ниже линіи пята свода).

Въ юго-западной внутренней части башни обнаружена площадка 2-го этажа, приходящаяся на уступъ стѣны 1-го этажа; отъ нея идутъ двѣ лѣстницы: одна з, какъ было указано выше, спускается въ 1-й этажъ, а вторая и поднимается къ вершинѣ стѣны западной части башни.

Лѣстница и состоитъ изъ одного марша въ 15 ступеней: она была открыта подъ мусоромъ и растительностью. Ступени вполне сохранились, подъемъ ихъ доходитъ до 8 вершк. Стѣна, спускающаяся отъ ступеней, осыпалась. Въ другой стѣнѣ надъ ступенями видны остатки облицовочныхъ плитъ. Означенная лѣстница, очевидно, шла въ третій этажъ башни. Боковой видъ ея показанъ на разрѣзѣ по линіи *ABCD* (табл. XL).

Амбразура ж. Внутренняя часть ея съ наружнымъ боевымъ отверстіемъ сохранилась довольно хорошо (табл. XVI). Фасадная же сторона амбразуры (и нутра башни) разрушилась.

Амбразура ж' сохранилась въ такомъ-же разл. разл. и преставляющая.

Амбразура ж'' разрушилась съ внешней (табл. XVII) и съ внутренней (табл. XVIII) сторонъ. Отъ свода уцѣлѣла только средняя его часть и то прѣдметъ ветхой стѣны.

поддерживается деревянными лежнями и подпорами). Стѣнка амбразурнаго наружнаго отверстія сохранилась очень мало.

Лицевыя поверхности амбразурныхъ отверстій и устоевъ между ними разрушились; въ стѣнахъ видна оголенная булыжная кладка. Осыпь стѣнъ идетъ наклонно до I-го этажа, а потому прослѣдить точно внутреннія границы стѣнъ II-го этажа не представлялось возможнымъ.

Въ юго-восточной сторонѣ башни, ниже пола амбразуръ (на 1 арш. 6 вершк.), видны круглыя отверстія (гнизда) и часть бревенчатой обвязки (надъ дверью лѣстницы и амбразурами *a* и *a'* перваго этажа). Очевидно, что въ этомъ мѣстѣ обосновывался деревянный полъ II-го этажа башни.

Третій этажъ.
Табл. XXXIX.

По расчисткѣ вершины стѣнъ башни былъ обнаруженъ цѣлый рядъ амбразурныхъ проемовъ III-го этажа. Уцѣлѣли собственно только нижнія части массивовъ кладки между амбазурами, высотой до $1\frac{3}{4}$ арш.

Отъ амбразуры *p* (планъ и разрѣзъ по линіи *ABCD*) сохранились внутреннія части амбразурныхъ стѣнъ (на высоту 1 арш.) и замощенный полъ.

Отъ амбразуры *o* уцѣлѣла часть только западной облицовочной стѣны. Границы другой стѣны, находившейся надъ ветхимъ остаткомъ свода амбразуры *ж* (II-го этажа), утратились.

Къ амбазурамъ *o*, *p*, и устью между ними, примыкаетъ часть уцѣлѣвшаго каменнаго пола *n* или, скорѣе, уступа стѣны I-го этажа. Собственно полъ былъ, очевидно, деревянный, въ уровень замощенія уступа *n*. Облицовочная поверхность устоя и маленькій уступъ между полами амбразуръ и башни даютъ общую форму внутренности III-го этажа.

Амбразура *n* сохранилась полнѣе; она замыкается невысокой (12 вершк.) поперечной стѣнкой (табл. XI, разрѣзъ по линіямъ *EF* и *E'F'*). Амбразурнаго отверстія не уцѣлѣло, ровная облицовка стѣнъ амбразуры замѣчается лишь около пола ея.

Амбразура *m* находится въ подобномъ-же видѣ, но только стѣны ея болѣе осыпались. Въ полахъ амбразуръ *n* и *m* видны наклонные каналы, показанные на планѣ пунктиромъ.

Проемъ *л*.—Въ сѣверной части башни обнаружена одна облицовочная стѣна, облицовка второй стѣны разрушалась. Въ виду того, что поперечной стѣны, замыкающей проемъ, не замѣчено на извѣстномъ разстояніи, можно думать, что данное мѣсто служило проходомъ изъ башни на восточную стѣну крѣпости.

На внутреннихъ стѣнахъ башни между амбазурами видны, среди булыжныхъ камней, остатки плитной кладки. Отъ заштрихованныхъ на чертежахъ границъ стѣнъ и отъ очертанія сохранившихся половъ въ амбазурахъ показана

стены кладки. Обширный фрагмент амбразуры III-го яруса башни представлен особо на табл. XIX.

Къ западной сторонѣ послѣдней примыкаетъ южный валъ крѣпости. Стѣна башни въ этомъ мѣстѣ была окопана; при этомъ обнаружилась хорошо сохранившаяся облицовка всей западной стороны башни, ясно опредѣлившая наружную форму ея.

Наружный видъ башни.

Въ началѣ внѣшняго спуска вала открытъ загибъ *d* (табл. XXXIX) стѣны башни съ облицовочными поверхностями (примѣрно, на линіи сѣченія плана III-го этажа).—Въ этомъ загибѣ оказалась площадка *e*, застланная плитою; она замыкается невысокой стѣной *k*, обнаруженной внутри вала; подъ площадкой и стѣнкой насыпана земля со щебнемъ. Назначеніе этого загиба становится непонятнымъ. Внѣшній уклонъ вала, частью засыпанный камнями и мусоромъ, обнимаетъ башню до восточнаго ея фаса. Облицовка южной стороны башни почти совсѣмъ не сохранилась; видна исключительно булыжная кладка и кое-гдѣ прослойка пліть.

Амбразура *ж''* (II-го этажа) представляется въ безформенномъ видѣ. Облицовка восточной части башни болѣе или менѣе сохранилась въ прочномъ видѣ. Поверхности облицовочныхъ пліть, однако-же, выветрились. Лучше всего сохранился сѣверо-восточный фасъ башни (табл. XVI): здѣсь видны почти вполне уцѣлѣвшія боевыя отверстія амбразуръ *a''* (I-го этажа) и *ж* (II-го этажа). Къ перемычному камню первой амбразуры примыкаетъ выступной валъ *f* (поясъ башни).

Къ западу отъ амбразуры *a''*, на разстояніи 1 арш. 4 в., изъ кладки стѣны башни (почти подъ прямымъ угломъ) выступаетъ на 1 арш. часть стѣны съ облицовкой въ 4 ряда. Подъ основаніемъ стѣнки замѣчены булыжные камни. Отъ основанія амбразуры *a''* идетъ крутой подъемъ къ уровню двора городища, въ слѣдствіе чего продолженіе стѣны башни, до сѣверо-западнаго угла ея пропадаетъ въ насыпи.

Въ разстояніи одного аршина отъ амбразуры *ж*, къ западу, видна уступчатая кладка въ видѣ штрабы; затѣмъ идетъ вертикальная щель въ девяти рядахъ плітной кладки. Дальше отъ щели, аршина на два, кладка неровная, а затѣмъ опять встрѣчаются ряды облицовки (на 4 арш. 4 вершк. отъ амбразуры). Въ общемъ вся сѣверная часть башни облицована плитою, грубой тески; булыжники очень мало; въ стѣнѣ попадаются круглые каналы. При окопѣ разсматриваемой части стѣны, въ основаніи ея встрѣтилась булыжная кладка, повышающаяся ко двору крѣпости, что опредѣляетъ наклонную линію фундамента. Въ сѣверо-западномъ углу башни (планъ II-го эт.), ниже уровня двора крѣпости

аршина на два, оказался выступъ башни *в* (вѣроятно цоколь ея) и часть облицовочной кладки *з*, примыкающей (почти перпендикулярно) къ башнѣ. Выступъ *в* и стѣнка *з* идутъ въ глубь насыпи на нѣсколько рядовъ. За облицовкой *г*, находится земля и мусоръ. Нижнія вертикальныя поверхности угла около входной амбразуры *і*, довольно ровныя.

**Валь между Раскатной и
Климентовской башнями.
Табл. IV, XX, и XLI.**

Южный валь городища идетъ почти въ одинъ уровень съ вершинами стѣнъ, примыкающихъ къ нему башенъ. Съ вѣншей и внутренней сторонъ онъ покрытъ довольно ровнымъ сплошнымъ слоемъ земли, поросшимъ травою. Уклоны вала идутъ примѣрно подъ 45° . Основаніе его съ вѣншего фаса крѣпости достигаетъ нижнихъ этажей башенъ и далѣе спускается къ дорожкѣ, идущей между каменнымъ и деревяннымъ городищами, къ рѣкѣ Волхову. Со стороны двора валь значительно ниже. Общая форма его по плану имѣетъ двояко выпуклое очертаніе. По хребту вала замѣтны остатки плитной кладки. При раскопкѣ вала, въ соединеніи его съ вѣншимъ загибомъ стѣны Раскатной башни, была обнаружена тонкая стѣнка. Она приходится на высотѣ III-го этажа и идетъ въ глубь вала аршина на $1\frac{1}{2}$. Подъ стѣной и позади ея—щебень и земля. Въ пяти саженьяхъ отъ башни, по внутренней чертѣ хребта вала, выпучивается плитная кладка съ крутымъ откосомъ во дворъ; ряды кладки нѣсколько наклонены въ глубь вала (табл. IV). При окопкѣ этой кладки, опредѣленныхъ формъ ея не обнаружилось.—Далѣе къ Западу идетъ сплошной (извилистый) гребешекъ кладки по направленію къ Климентовской башнѣ.

При сплошной поперечной раскопкѣ *с'* вала (табл. XLI) обнаружались остатки стѣнокъ въ видѣ нѣсколькихъ уступовъ. Вышеупомянутый гребешекъ оказался верхней границей сплошной стѣнки *в* (сложенной изъ плитъ) толщиной до $2\frac{1}{2}$ арш. и глубиною около одного аршина. По склону вала, идущаго къ двору городища, встрѣчались лишь отдѣльные безформенные куски кладки. Въ основаніи вала обнаруженъ уступъ *б*, ограниченный двумя рядами кладки, ниже котораго идетъ какъ-бы уровень (*а*) первоначальнаго двора крѣпости. Съ вѣншей стороны вала сильно понижаются два уступа *з* и *д*, обложенные съ угловъ плотными рядами кладки. Дальше означенныхъ уступовъ идетъ по линіи уклона вала сплошная кладка *е*, состоящая изъ наклонныхъ рядовъ плитъ. Вздернутое положеніе послѣднихъ даетъ поводъ предполагать, что вся указанная кладка сползла съ болѣе возвышенной части вала, но въ какомъ мѣстѣ она находилась и имѣла-ли вертикальное положеніе—сказать трудно. Всего вѣроятно, она, въ существующемъ видѣ, имѣетъ значеніе облицовки вала.

По раскопкѣ послѣдняго въ другихъ мѣстахъ также наблюдались остатки тонкихъ стѣнъ, съ болѣе или менѣе общимъ направленіемъ лицевыхъ поверхностей.

Общій видъ вала представленъ на табл. XX. Въ соединеніи его съ Климентовской башней видны остатки крѣпостной стѣны, непосредственно соединенной съ кладкою самой башни. Со стороны двора городища облицовочная поверхность этой стѣны *э* (табл. XLIII) обнаружена частью въ насыпи вала. Направленіе стѣны отклоняется къ сѣверу отъ общей линіи вала и идетъ ко входу въ Климентовскую башню. Съ внѣшней стороны вала также замѣчается граница указанной стѣны съ незначительнымъ изломомъ очертанія ея (табл. XLIV). Стѣна отъ входа въ Климентовскую башню уцѣлѣла на разстояніе 8 арш., а затѣмъ идетъ шебень. Съ внѣшней стороны обнаружены уступы стѣны. Направленіе послѣдней, повидимому, давало извнѣ выпуклое очертаніе вала.

Полъ перваго этажа Климентовской башни видимо, былъ вынутъ, такъ какъ оголена часть подошвы стѣны.

Амбразура а'. Сводъ довольно прочный, стѣны въ нижней части ихъ перелицованы кирпичемъ. Войничное отверстіе амбразуры и углубленіе *з*, въ видѣ втораго добавочнаго отверстія, также исправлены. Перемычечныя и нижнія плиты внутри отверстій древнія. Полъ амбразуры замощенъ булыжнымъ камнемъ. Щелевая поверхность свода, выходящая во внутрь башни, вывѣтрилась (табл. XLVI разрѣзъ по линіямъ *FE* и *DE*).

Амбразура а'' — почти въ такомъ-же состояніи, но только перемычечная плита надъ отверстіемъ разрушилась.

Амбразура а'''. — Сводъ сохранился хорошо. Западная поверхность стѣны немного исправлена. Облицовочныя плиты очень толстыя. Внѣшнее амбразурное отверстіе разрушено; въ бокахъ его видна починка кладки кирпичемъ до пять свода амбразуры. Снаружи отверстіе полузасыпано насыпью, прилегающей къ башнѣ.

Между амбразами *а''* и *а'''* вверху видны гнѣзда въ стѣнѣ, которыя, вѣроятно служили для задѣлки въ нихъ потолочныхъ бревенчатыхъ прогоновъ.

Амбразура б' перекрыта двумя коробовыми сводами, изъ которыхъ одинъ на высотѣ амбразурныхъ сводовъ, а другой въ томъ-же направленіи, по значительно повышается надъ первымъ (разрѣзъ по линіи *ABC* (табл. XLV). Въ одной изъ стѣнъ находится дверь, ведущая на лѣстницу. Своды амбразуры или скорѣе прохода, древніе, довольно прочные, но стѣны сильно исправлены; вся облицовка двери, ведущей на лѣстницу, и стѣна около нея кирпичныя.

Климентовская башня.

Табл. XIX—XXIII и XLII—XLVI.

Первый этажъ.

Такая-же поправка видна на обѣихъ стѣнахъ всей повышенной части амбразуры. Сплошная кирпичная кладка находится также надъ нижнимъ сводомъ амбразуры до очертанія верхняго свода.

Амбразура замыкается стѣнкой, въ которой устроена полукруглая дверь. Перемычка надъ дверью древняя, но выше перемычки облицовка стѣны идетъ сплошь кирпичная. Верхней части этой стѣны не сохранилось, граница разрушенія ея около пятъ свода въ видѣ прогнутой линіи (табл. XXI). Съ внѣшней стороны облицовка двери не сохранилась. Надъ перемычкою ея идутъ сначала ряды древней плитной кладки, а затѣмъ кирпичной. На высотѣ 1 арш. 6 вершк. отъ пола амбразуры находится въ одной изъ стѣнъ каналъ *c* (разрѣзъ по линіи ABC), очевидно, сдѣланный для двернаго деревяннаго засова. Подъ каналомъ (на 10 вершк. отъ пола) выступаетъ изъ угла желѣзный дверной крюкъ. Въ толщѣ самой арки виднѣется желѣзная пластина, устроенная вѣроятно для двернаго замка.

Лѣстница (направленіе ея показано на планахъ, а самый всходъ въ разрѣзѣ по линіямъ ab, cd, ef gh и fk.; Табл. XLVI. Отъ амбразуры *b*, лѣстница поднимается сначала во второй, а затѣмъ въ третій этажъ башни. Облицовка стѣнъ лѣстничной кѣтки до II-го этажа почти сплошь кирпичная (позднѣйшая). Ступени сложены изъ плитъ. Покрытіе лѣстницы состоитъ изъ ряда уступовъ въ видѣ отдѣльныхъ сводиковъ. Первые два свода внизу лѣстницы *ю*, *ю* кирпичные, а верхніе три изъ плиты. Уступы между указанными сводами покрыты горизонтально цѣлыми плитами. Площадка лѣстницы находится на высотѣ II-го этажа башни. На площадку выходитъ свѣтовое отверстіе *л* (табл. XLIII) поверхности котораго сильно обветшали. Облицовка двери *л'* выветрилась. Надъ продолженіемъ лѣстницы (въ III-й этажъ) внутренняго покрытія ея не сохранилось. Верхнія ступени изветшали.

Внѣшнія границы стѣнъ башни, а равно и линія основанія ихъ были определены нѣсколькими раскопками и показаны на планахъ и разрѣзахъ подъ буквою *ф*. Ряды плитной кладки, означенные на разрѣзѣ по линіямъ FE и DE подъ буквою *ф*, выражаютъ облицовку стѣнъ. Она изветшала и осыпалась.

Въ сѣверо-восточномъ углу башни со двора находится проходъ *и* во II-й этажъ ея (съ небольшимъ поворотомъ къ югу). Полъ прохода нѣсколько ниже современнаго уровня двора крѣпости. Облицовка свода и стѣнъ амбразуры сильно обветшали. Надъ сводомъ идетъ полуразрушенная кладка выше основанія III-го этажа. Въ лучшемъ состояніи облицовка находится въ стѣнахъ прохода около пола. На этой-же высотѣ сохранились заплечики при внѣшнемъ дверномъ проемѣ. Облицовочныя фасадныя поверхности прохода совершенно разрушились.

Второй этажъ.
Табл. XLIII.

Внутреннія границы стѣнъ башни II-го этажа расширяются противъ стѣнъ I-го этажа, образуя съ одной стороны уступъ стѣны, а съ другой обширную площадку, на которую выходитъ лѣстничная дверь *к'* и амбразура *ж*.

Амбразура ж. Сводъ и стѣны послѣдней сохранились, хотя облицовочные ряды кладки разслоились. Отъ амбразурнаго отверстія уцѣлѣла только одна его сторона. Перемычка вмѣстѣ съ верхней частью поперечной амбразурной стѣнки, совершенно разрушилась.

Амбразура ж'. Сводъ и опорныя стѣны ея, ближе къ внѣшней сторонѣ башни, болѣе или менѣе сохранились. Фасадная облицовка амбразуры съ частью свода осыпалась. Внѣшняя стѣнка, замыкающая амбразуру, а равно и боевое отверстіе въ ней—полуразрушены. Въ откосѣ отверстія замѣтна цокольная кладка изъ кирпичемъ.

Амбразура ж''. Сводъ довольно прочный, восточная часть его нѣсколько разрушилась. Сѣверная стѣна пострадала мало. Въ южной стѣнѣ облицовка частями выпала. Внутренніе откосы боевого отверстія и перекрытіе его сохранились. Наружные откосы разрушились. Полъ амбразуры нѣсколько выше горизонтальнаго уступа стѣны нижняго этажа. (Разрѣзъ по линіямъ *FE* и *DE*, табл. XLVI).

Амбразура ж''',—въ подобномъ-же состояніи, какъ и предыдущая, но отъ боевого отверстія уцѣлѣло только одинъ внутренний откосъ. Границы амбразуръ *ж'*, *ж''*, *ж'''* и прохода *и*, а также и устоевъ между ними—уцѣлѣли лишь въ самомъ основаніи II-го этажа. Выше идетъ осыпь облицовки, а затѣмъ и самой кладки стѣнъ и сводовъ.

Внутренняя лѣстница въ башнѣ достигаетъ основанія III-го этажа. Съ боковъ верхней площадки ея идетъ осыпь стѣнъ. (По направленію лѣстницы видна крупная булыжная кладка, идущая подъ уровень хребта южнаго вала крѣпости). По удаленіи всего мусора съ гребня стѣнъ башни, обнаружился цѣлый рядъ остатковъ амбразуръ III-го этажа. Остатки эти выражаются лишь въ основаніяхъ амбразурныхъ стѣнъ и пола около нихъ.

Амбразура м. Отъ нея сохранилась часть только одной облицовочной стѣнки и незначительная площадь пола.

Проходъ М. Означенный проемъ сохранился во всю толщину стѣнки башни. Въ восточной части его уцѣлѣло пять рядовъ плитной облицовочной кладки, а въ западной семь рядовъ. Поверхность облицовки изветшала. По линіи *и* сохранился маленькій уступъ въ полу; такой-же уступъ замѣчается съ внѣшней стороны прохода, откуда идетъ лѣстничная настилка *м* по гребню крѣпостной стѣны. Въ остаткахъ стѣнъ прохода находятся каналы *ы*. Описываемый проемъ *М*.

Третій этажъ.
Табл. XLIV.

очевидно, служилъ проходомъ на западную стѣну крѣпости, причемъ каналы *и*, были слѣланы для дверного засова, а настилка *и*—для схода на крѣпостную стѣну.

Амбразура н. Восточная стѣнка возвышается на шесть рядовъ облицовочныхъ плитъ, а противоположная на три ряда. Съ внѣшней стороны амбразуры уцѣлѣла часть поперечной стѣнки.

Амбразуры о, п, р и с уцѣлѣли также лишь въ своемъ основаніи. Облицовка попадаетъ съ ровными поверхностями и вывѣтрившимися; отъ амбразуры *с* уцѣлѣла часть лишь одной стѣнки. Ребро уступа стѣнки II-го этажа все осыпалось. Площадка уступа доходила до 4 арш. 6 вершк. шириною. Часть ея, *у* прилегающая къ основанію стѣны III-го этажа, сохранилась и замощена плитою.

Полъ амбразуръ повышается надъ указанной площадкой *у* до 12 вершк. Ниже пола амбразуръ облицовочная поверхность основанія стѣны III-го этажа вполне сохранилась и дала возможность опредѣлить его общую внутреннюю форму.

Видъ на остатки амбразурныхъ стѣнъ съ южнаго вала городища показанъ на табл. XIX.

Наружный видъ башни.

Стѣна башни со двора имѣетъ форму входящаго угла. Ровная облицовка сторонъ ея замѣчается подъ насыпями. Верхъ стѣны *н* представляется въ полуразрушенномъ видѣ. Основаніе южнаго фаса башни закрывается уклономъ южнаго вала городища, при этомъ засыпана амбразура *а'''* (I-го этажа). Облицовка стѣны выше насыпи встрѣчается рѣдко. Остатки ея замѣчаются у внѣшняго отверстія амбразуры *ж* (II-го этажа табл. XX) и въ немногихъ другихъ мѣстахъ. Съ фасада видна собственно внутренняя (булыжная) кладка стѣнъ съ незначительною прослонкой плитами.

Внѣшній проходъ изъ башни *б*, съ фасада наполовину закрытъ насыпью, послѣдняя, однако-же, была вынута до основанія прохода (разрѣзъ по линіи ABC табл. XLV). На фасадѣ виднѣется лишь подсводное (надъ дверью) отверстіе, причемъ видна и кладка свода амбразуры съ поправками кирпичемъ (табл. XXI). Съ западной стороны башни наружная насыпь почти исчезаетъ. Внѣшнее отверстіе амбразуры *а'* (I-го этажа) съ боковъ оправлено кирпичемъ. Ниже указанного отверстія идетъ плитная кладка уступами. Выше отверстія, почти до II-го этажа, видна изветшавшая плитная кладка, а затѣмъ до хребта стѣны оголенная булыжная кладка (табл. IX). Углы отверстія амбразуры *ж'* (II-го эт.) разрушены. Съ западнаго фаса башни вообще видны кирпичныя поправки стѣнъ.

Отверстіе амбразуры ж' (II-го этажа) сохранилось лучше, чѣмъ предыдущихъ. По бокамъ его видна полуразрушившаяся плитная кладка, а выше отверстія булыжная. У основанія III-го этажа башни проходитъ кольцо плитной кладки. Отверстія остальныхъ амбразуръ и состояніе стѣнъ въ такомъ-же родѣ. Около амбразуръ ж''' и а'' проходитъ въ стѣнѣ глубокая наклонная щель, почти во всю высоту башни.

Остатки амбразурныхъ стѣнъ III-го этажа представляются снаружи, въ видѣ невысокихъ зубцовъ. Наибольшая осыпь стѣнъ башни произошла у вершины ея. Нижняя граница подошвы стѣнъ опредѣлилась раскопками и показана на планахъ и разрѣзахъ подѣ буквою ф. Судя по остаткамъ облицовокъ стѣнъ, имѣющихъ нѣсколько наклонную поверхность, и устройству III-го этажа башни приходится заключить, что общая форма башни имѣла видъ усѣченно-коническій. Въ подтвержденіе этому служитъ внѣшняя граница стѣны прохода М въ III-мъ этажѣ ясно опредѣляющая форму башни.

Общій видъ Климентовской башни со двора городища представленъ на табл. XXIII. Таковой же видъ башни до раскопокъ, произведенныхъ Н. Е. Бранденбургомъ, показанъ на табл. XXII.

Примѣчаніе. Граничная линія башни ц. ц... (Табл. XLIII) соответствуетъ стѣнѣ 1-го этажа. Линія х. х... (Табл. XLIV) совпадаетъ съ сѣченіемъ стѣнъ второго этажа. Стѣна ѵ (планъ II-го эт.)—начало западной крѣпостной стѣны; стѣна з сохранилась лишь до показанныхъ границъ и скрывалась подѣ южнымъ валомъ.

Сѣверная часть Климентовской башни переходитъ въ крѣпостную стѣну съ тремя амбразурами D' E' и F'. Гребень стѣны довольно узкій и идетъ почти въ одну линію съ гребнемъ прилегающихъ къ ней башенъ. Стѣна съ наружнаго фаса сильно разрушена, особенно верхняя ея часть, гдѣ виденъ почти исключительно оголенный крупный булыжникъ (табл. IX), среди котораго въ забуткѣ попадаются плиты и мелкій камень. Заливка растворомъ очень толстая. Въ булыжной кладкѣ замѣтны постели и даже перевязь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна прослойка кладки плитою. Облицовочная плита замѣтна только около амбразурныхъ отверстій.

Съ середины высоты стѣны къ низу наблюдается обветшавшая плитная кладка, остатки облицовочныхъ плитъ. Наружные откосы амбразурныхъ отверстій вмѣстѣ съ прилегавшею къ нимъ наружною кладкою стѣны разрушились.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны амбразурные своды. Послѣдніе вообще ограничивались внѣшней стѣной, замыкающей амбразуру. Помѣщенія послѣднихъ служатся къ внѣшней поверхности крѣпостной стѣны. Пяты сводовъ идутъ

Стѣна между Климентовской и
Воротной башнями.

Табл. IV, VI, IX и XLVII.

горизонтально, въ сторону двора своды расширяются, вследствие чего шалыги ихъ имѣютъ наклонное положеніе.

Амбразура D' (табл. XXIII и XLVII). Вертикальная поверхность сѣверной стѣны Климентовской башни (со двора), идетъ до ближайшей стѣны амбразуры *D'* и затѣмъ, дѣлая уголъ *a*, понижается и продолжается по другому направленію *ab*. Облицовка стѣны у означеннаго угла *a* возвышается до 2-хъ арш. 4 вершк. отъ пола амбразуры и около послѣдняго расширяется въ видѣ неопредѣленнаго выступа (плитной кладки), подъ которымъ видны булыжные камни (XLVII разрѣзъ по линіи АВ). На другой сторонѣ амбразуры облицовка крѣпостной стѣны отступаетъ въ глубь и принимаетъ новое направленіе *cd*, по которому устроены сводъ амбразуры.—Линіи стѣны *cd* и *be* встрѣчаются около второй амбразуры (табл. IV). Такимъ образомъ, оказываются незащищенными какіе-то неправильные выступы крѣпостной стѣны и части (*abie*) пола амбразуры. Сводъ послѣдней толщиною 12 вершк.; внѣшняя часть свода амбразуры до 3 арш. разрушилась; на остальной части свода возвышается булыжная кладка. Облицовка внутреннихъ стѣнъ амбразуры до пяти свода хорошо сохранилась. Толщина плитъ отъ 2-хъ до 5-ти вершк., длина доходитъ до 1 арш. 2-хъ вершк., Внѣшняя стѣнка, замыкающая амбразуру, полуразрушена. Отъ нея сохранилось только основаніе и верхъ боевого отверстія. Общій видъ амбразуры со двора представленъ на табл. XXIII.

Амбразура E', табл. XLVII. Линія основанія крѣпостной стѣны, на уровнѣ пола разсматриваемой амбразуры, дѣлаетъ какой-то случайный выгибъ *ж*. Выше этого выступа стѣна и сводъ амбразуры идутъ по общему прямому направленію къ воротной башнѣ. Сводъ амбразуры нѣсколько провисъ. Общее состояніе ея хуже предыдущей амбразуры.

Амбразура F' приходится рядомъ съ Воротной башней. Внутреннія стѣны ея довольно прочныя. Отъ свода не уцѣлѣла лишь щековая поверхность его. Внѣшняя стѣнка полуразрушена, боевое отверстіе сохранилось только въ нижней своей части. Облицовка самой стѣны крѣпости (около амбразуры) довольно прочная.

Все три амбразуры имѣютъ нѣсколько различный размѣръ. Самая глубокая амбразура *D'*, меньшая изъ трехъ *F'*. Полъ послѣдней амбразуры значительно ниже пола другихъ двухъ амбразуръ. (Табл. VI). Основаніе стѣны со двора закрыто насыпями. Вмѣстѣ съ этимъ, частью засыпанъ полъ амбразуръ *E'* и *F'*.

Основаніе стѣны извнѣ крѣпости почти не закрывается насыпью; около стѣны проходитъ дорожка въ крѣпость, и потому осыпь стѣнъ всегда отбрасы-

налась къ рѣчкѣ Ладожкѣ. Наружный фасъ стѣны показанъ на табл. IX-й. Глубина подошвы основанія крѣпостной стѣны опредѣлялась при каждой амбразурѣ особою раскопкою и на основаніи сдѣланныхъ обмѣровъ показана на рисѣхъ разрѣзахъ амбразуръ. Также выражены и всѣ главныя нивелирныя линіи и обмѣры нынѣ существующаго уклона двора городища (табл. VI). Разсмотрѣнная стѣна крѣпости сходится съ направленіемъ восточной стѣны Воротной башни (Табл. IV)

Земляное городище находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ югу отъ каменнаго городища и отдѣляется отъ послѣдняго лишь дорожкой, идущей изъ селенія Старой Ладогѣ къ рѣчкѣ Волхову. Сѣверо-восточная часть городища поднимается отъ дорожки холмами и, въ общемъ, наиболѣе возвышенная; она представляетъ собою цѣлые ряды бугровъ и проваловъ, идущихъ къ югу до деревянной часовни ¹⁾ (поставленной на мѣстѣ существовавшаго храма во имя св. Климента). Въ провалахъ наблюдаются разрушенныя части стѣнъ, арокъ и сводовъ. Массы эти покрыты наноснымъ слоемъ земли и частью покрыты растительностію такъ что осмотръ ихъ представляется, безъ предварительныхъ раскопокъ, крайне затруднительнымъ (разрѣзъ по линіи *KMNO*).

Далѣе къ югу, по хребту берега рѣки Волхова, глубокіе провалы исчезаютъ и мѣстность представляется въ мелкихъ буграхъ и рытвинахъ.

Профиль мѣстности (относительно рѣки Волхова) по линіи *KMNO* показанъ на табл. XLIX. Общій уклонъ отъ городища къ рѣчкѣ идетъ довольно значительный (примѣрно въ 45). Отъ часовни къ югу мѣстность до 30 саж. довольно ровная, а затѣмъ идутъ уклоны, у подошвы которыхъ проходитъ ручей, обнесенный изгородью. Послѣдняя и ограничиваетъ городище съ южной стороны. На сѣверо-западъ отъ часовни группируются провалы вплоть до построекъ церковнаго припта (лит. 5—6). Далѣе мѣстность спускается до уровня дороги, пролегающей черезъ селеніе Ладогѣ въ сосѣдній Никольскій монастырь. Вся сѣверо-западная часть городища замыкается частными постройками (Лит. 1. 2. 3). Къ западу отъ часовни мѣстность сначала идетъ ровная, а затѣмъ (саж. въ 25) возвышаются два продолговатые кургана *aa*, (разрѣзъ по линіи *PQR*) имѣющіе въ основаніи около 10 саж. шир. и 13 саж. длины. Курганы имѣютъ по четыре ската, южный изъ нихъ болѣе правильной формы. Высота ихъ около 6 арш. У западной

Земляное городище въ селеніи Старой Ладогѣ, гдѣ былъ «деревянный городъ» (Крѣпость).

Табл. XLVIII и XLIX

¹⁾ Часовня показана на генеральномъ планѣ городища около буквы Q.

подошвы кургановъ идетъ неширокая площадка *б*, а за нею оврагъ *в*. Надъ оврагомъ мѣстность снова повышается и идетъ къ дорогѣ съ небольшими возвышенностями. Юго-западная часть городища оканчивается небольшими уклонами различныхъ направлений, которые ограничиваются съ запада болотами, а съ юга ручьемъ (разрѣзъ по линіи *QSI'*).

Церковные памятники Старой Ладogi.

Церковь Св. Георгія въ камен-
номъ городищѣ.
Табл. L—LV.

Въ южной сторонѣ двора городища сохранилась весьма интересная въ археологическомъ отношеніи каменная церковь во имя св. Георгія, построенная въ XII ст. Новгородскимъ посадникомъ Павломъ. Къ церкви примыкаетъ одноэтажная пристройка, въ которой находятся два придѣла ¹⁾. Съ западной стороны этой пристройки возвышается каменная колокольня. Та и другая части церкви построены въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Общій видъ церкви представленъ на табл. L. Самая церковь въ планѣ почти квадратная, въ общемъ обыкновеннаго типа постройки древне-русскихъ храмовъ XI—XIII столѣтій. Построеніе ея, въ смыслѣ параллельности стѣнъ, крайне неправильное, что видно на прилагаемыхъ планахъ (табл. LI). Подобная-же неправильность наблюдается въ вертикальныхъ плоскостяхъ стѣнъ и пилястръ. Западные пилоны имѣютъ форму невысокихъ столбовъ, съ которыхъ идутъ арки и своды, приходящіеся подъ хорами церкви. Къ пилонамъ приставлены клиросы. Восточное дѣленіе храма составляетъ алтарь съ тремя полукружіями. Иконостасъ поздній и поставленъ значительно отступя отъ восточныхъ пилоновъ. Среднія дѣленія церкви покрыты коробовыми сводами, причемъ восточный сводъ сливается съ полукупольнымъ покрытіемъ главной абсиды. Боковыя части алтаря покрыты самостоятельно плоскими полукупольными сводами. Въ центральной части церкви возвышается барабанъ, поставленный на четырехъ подпружныхъ аркахъ, пять которыхъ сливаются съ плоскостями стѣнъ.

Въ толщѣ западной стѣны устроена каменная лѣстница *с*, ведущая на хоры (табл. LI). Она покрыта горизонтальными плитами въ видѣ цѣлаго ряда уступовъ. Положеніе ступеней и самага перекрытія показано пунктиромъ на разрѣзѣ по линіи *CD*. Табл. LV. Хоры состоятъ изъ двухъ угловыхъ помѣщеній *к* и *л* (покрытыхъ коробовыми сводами), соединенныхъ деревяннымъ переходомъ *м*.

¹⁾ На мѣстѣ этой пристройки находилась болѣе древняя пристройка (XVII ст.) безъ колокольни. Видъ ея вмѣстѣ съ церковью помѣщенъ въ изданіи В. Прохорова «Христіанскія древности».

Въ восточныхъ стѣнкахъ означенныхъ помѣщеній *к* и *л* устроены ниши *н* и *н'*. Кроме того въ помѣщеніи *л* находятся маленькія камеры *н*, *н'* въ толщѣ западной стѣны.

На хорахъ въ помѣщеніяхъ *к* и *л*, вѣроятно, находились особые придѣлы церкви, причемъ ниши *н* и *н'* могли служить мѣстами для престоловъ.

Окна въ церкви, за исключеніемъ оконъ на хорахъ (сѣвернаго и южнаго), всѣ не первоначальнаго устройства; многія изъ нихъ перекрыты деревянными досками вмѣсто каменныхъ перемычекъ. Пилястры *и* и *и'* въ малыхъ абсидахъ частью срублены (табл. IIV, поперечный разрѣзъ). Вообще, церковь не мало утратила своихъ первоначальныхъ архитектурныхъ формъ. Для разслѣдованія нѣкоторыхъ древнихъ частей храма были сдѣланы кое гдѣ развѣдки, давшія довольно существенные результаты.

Во время изслѣдованія подпольнаго пространства въ главной абсидѣ алтаря выяснилось слѣдующее:

Подъ современнымъ деревяннымъ поломъ церкви и плитами подъ нимъ находится слой мусора и песку до глубины 1 ар. 4 в. На этомъ уровнѣ обнаруженъ первобытный полъ церкви, состоящій изъ бетонной заливки (разрѣзъ по линіи АВ). Къ стѣнѣ абсиды примыкаетъ каменное сидѣнье *а* (длиною 1 ар. 1 вершк., шир. $11\frac{3}{4}$ вершка и высотой $9\frac{1}{2}$ вершк.). На глубинѣ 8 вершк. отъ уровня деревяннаго пола сохраняется древнее фресковое украшеніе стѣны абсиды—разводами (въ видѣ волнъ, росписанныхъ зелеными и красными полосами).

Въ разстояніи 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершк. отъ сидѣнья находится древній каменный престолъ *б*; онъ приходится подъ нынѣ существующимъ престоломъ.

Вторая раскопка была сдѣлана въ сѣверо-западномъ углу церкви; здѣсь также была обнаружена подъ деревяннымъ поломъ позднѣйшая насыпь, въ которой, между прочимъ, открылась масса кусковъ штукатурки съ древнею живописью, совершенно однохарактерной съ нынѣ существующими фресками въ храмѣ. Означенные куски фресокъ, несомнѣнно, принадлежатъ древней стѣнной росписи храма, которая почему-то была отбита и, съ повышеніемъ пола, смѣшана съ мусоромъ. На сѣверной стѣнѣ до глубины 15 в. отъ современнаго пола обнаружена древняя штукатурка съ остатками фресковаго украшенія въ видѣ пояса, состоящаго изъ треугольниковъ. Определеннаго уровня древняго пола въ раскопкѣ не оказалось, но слѣды его замѣчались на глубинѣ до 1 арш. 7 в. Въ западной стѣнѣ церкви открыта кирпичная задѣлка (планъ 1-го этажа и разрѣзъ по линіи ЕЖ) прямоугольнаго проема *г*. Задѣлка была частью выбрана, и въ толщѣ стѣны обнаружилось продолговатое помѣщеніе, перекрытое коро-

коробовидн. стѣномъ, глиномъ 2 арш. 14 верш., высота 3 арш. и ширина 14 верш.).

Въ сѣверо-восточн. к. западному проему находится въ юго-западномъ углу храма входъ, ведущій на лестницу, а по стѣпываніи въ полъ въ церкви двери, эта очевидно, возмннена.

При окопкѣ наружной стѣны церкви, приходящейся противъ внутренней раскопки сѣверо-западнаго угла, оказалось слѣдующее: тотчасъ подъ современнымъ уровнемъ земли въ стѣнѣ открылась булыжная кладка: — затѣмъ на глубинѣ 1 арш. 5 верш. около пилястры замѣчена наклонная плита 2 вершка толщиной (табл. I.V' разрѣзъ по линіи *СД*). Она закрываетъ выступъ кладки (на 8 верш. глубины и на 1 1/4 арш. ширины) въ самомъ основаніи церкви. Такой-же уступъ наблюдается около стѣны дальше къ востоку, но въ разрушенномъ видѣ. Около покрытія уступа плитами встрѣтились другія плиты и булыги; можно предположить, что означенный уступъ есть начало фундамента или поколя стѣны, отъ котораго шелъ замощеный дворъ крѣпости.

Изъ раскопокъ видно, что уровень древняго пола церкви, а равно и наружный уровень земли повысились до настоящаго времени примѣрно на 1 1/2 арш.

Съ внѣшней стороны церковь св. Георгія имѣетъ совершенно простыя формы. Фасады ея представлены на табл. LII и LIII. Архитектурныя украшенія видны лишь въ главномъ карнизѣ, но и тотъ позднѣйшаго происхожденія ¹⁾; ибо при отбивкѣ штукатурки на западномъ фасадѣ подъ карнизомъ, была обнаружена задѣлка полукружій *ж ж* (табл. LII); эта задѣлка отвѣчаетъ положенію внутреннихъ сводовъ, и очень вѣроятно, что древнѣйшее покрытіе церкви было по сводамъ, причемъ въ означенныхъ задѣлкахъ *ж ж* могли начинаться выступныя полукружія, сливающіяся съ плоскостями пилястровъ. Подтвержденіемъ посводнаго покрытія церкви можетъ также служить то обстоятельство, что нижняя часть оконъ барабана заложены (табл. LIV) до скатовъ существующей крыши.

Въ барабанѣ находится восемь оконъ, но четыре изъ нихъ задѣланы наглухо. Древняя нижняя граница оконъ показана на разрѣзахъ пунктиромъ. Кладка надъ парусами (на чердакѣ) разломана. Съ повышеніемъ крыши вѣроятно, былъ надложенъ и барабанъ, такъ какъ выше линіи, означенной на фасадахъ пунктиромъ, идетъ иная облицовка стѣны, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ церкви. Съ повышеніемъ барабана, вѣроятно, уничтоженъ и древній карнизъ

¹⁾ Въ изданіи В. Прохорова «Христіанскія древности» на рисунокъ ц. Св. Георгія карнизъ совсѣмъ невиденъ, профили его дѣйствительно поздніе, фризы же имѣющіе болѣе древній характеръ, вѣроятно заимствованы отъ старинныхъ построекъ.

его. Что касается существующаго наружнаго коническаго покрытія самого барабана, увѣнчаннаго деревянною шейкой и восьмигранной главою, то приходится сказать, что такихъ формъ въ древнѣйшихъ церквахъ не встрѣчается. Судя по восьми-гранной обдѣлкѣ главы и деревянной конструкціи шейки, устройство разсматриваемаго покрытія можно отнести не ранѣе, какъ къ XVIII ст.

Все существующія окна церкви, а равно и двери, судя по формѣ устройства тѣхъ и другихъ, несомнѣнно сдѣланы и затѣмъ частью расширены, сравнительно, въ позднее время. Сохранившіяся первоначальныя окна въ настоящее время въ задѣланномъ видѣ и скрываются подъ штукатурку. При отбивкѣ послѣдней, въ верхней части алтарной стѣны было обнаружено три древнихъ окна. Такія-же полукруглыя окна, и примѣрно на той-же высотѣ, открыты въ среднихъ дѣленіяхъ церкви на сѣверномъ и южномъ фасадахъ. Положеніе и величина древнихъ оконъ показаны на фасадахъ пунктиромъ (Табл. LII и LIII). Первоначальная форма оконъ имѣетъ видъ прямого полукруглаго проема безъ всякихъ откосовъ и впадинокъ.

При осмотрѣ чердачнаго помѣщенія западной пристройки церкви, усмотрѣна въ древней стѣнѣ задѣлка наружнаго окна з (разрѣзъ по линіи АВ табл. LIV). По отбитіи штукатурки, выше означеннаго окна оказалась вторая болѣе древняя перемычка. Эти открытія опредѣлили, что въ проемѣ древняго окна, было когда то (вѣроятно въ XVII ст.) устроено окно меньшаго размѣра, которое уже и было задѣлано на-глухо. Границы указанныхъ древнихъ оконъ показаны на западномъ фасадѣ. При отбивкѣ штукатурки на внѣшнихъ стѣнахъ церкви, для обнаруженія задѣланныхъ древнихъ оконъ, кладка стѣнъ оказалась не вполне правильною. Она состоитъ изъ плитныхъ и кирпичныхъ рядовъ; въ общемъ наблюдается, что черезъ одинъ рядъ плиты идутъ два ряда кирпича. Въ 10 рядахъ кладки примѣрно до $1\frac{3}{4}$ арш. Перемычки надъ древними окнами кирпичныя въ 4 вершка толщиною.

Остается сказать нѣсколько словъ о состояніи церкви въ смыслѣ ея прочности. Въ стѣнахъ наблюдается масса крупныхъ и мелкихъ трещинъ. Онѣ произошли главнымъ образомъ отъ устройства новыхъ оконъ въ церкви безъ надлежащихъ перемычекъ и отъ повышенія дверей. Наиболѣе замѣтныя трещины видны: въ замкахъ подпружныхъ арокъ (изъ нихъ въ сѣверной и южной трещины поднимаются въ барабанѣ), въ стѣнахъ противъ подпружныхъ арокъ (трещины идутъ отъ сводовъ и проходятъ около оконъ почти до пола церкви), затѣмъ замѣтны щели во многихъ мѣстахъ надъ перемычками оконъ и дверей. Куполъ въ барабанѣ также очень обветшалъ и черезъ него даже просачивается вода во время дождей. Снаружи церковь представляется ветхою. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ видны плохія починки стѣнъ и пилястровъ. Штукатурка частями отстала отъ стѣнъ и известняковъ.

Помимо архитектурной стороны, церковь св. Георгія представляетъ большой интересъ благодаря сохранившимся частямъ стѣнной фресковой живописи. Всѣ изображенія, нанесенныя на прилагаемые разрѣзы (табл. LIV и LV) и приведенныя въ деталяхъ были сняты на прозрачный коленкоръ въ натуральную величину (двумя тонами и частью въ краскахъ, соответствующихъ оригиналамъ). Описаніе фресокъ изложено ниже.

**Церковь во имя Св. Димитрія
Солунскаго**
Табл. LVI—LVIII.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ц. св. Георгія находится весьма интересная деревянная церковь, построеная въ самомъ началѣ XVIII ст. Она имѣла значеніе вѣроятно *теплой церкви*. По крайней мѣрѣ, такой типъ постройки «клецки» на сѣверѣ россіи предназначался для зимнихъ богослуженій. Входъ въ церковь находится въ юго-западномъ углу ея ¹⁾. Передъ входомъ устроенъ навѣсъ *в* на колонкахъ (рундукахъ) съ боочнымъ перекрытіемъ; онъ примыкаетъ къ паперти *и*, въ которой сдѣлана лѣсенка на чердакъ. Изъ паперти входятъ въ продолговатое помѣщеніе для молящихся. Оно несомнѣнно раздѣлялось въ серединѣ стѣною на два помѣщенія—*Трапезную* и собственно *церковь*. Стѣна эта была вырублена, что подтверждаетъ наружный видъ церкви самостоятельностью каждого помѣщенія. Кромѣ того, какъ изнутри, такъ и снаружи видны концы поперечной стѣны. Въ трапезной находится печь *с* поздняго устройства. Въ серединѣ самой церкви около стѣнъ поставлены клиросы *дд* (разрѣзъ по линіи *AB*). Солея возвышается на одну ступень. Стѣнка, отдѣляющая алтарь, отъ церкви устроена съ широкимъ проемомъ для Царскихъ Вратъ и сѣверной двери. Алтарное помѣщеніе ограничено пятью стѣнами. Иконостасъ разоренъ и нѣкоторыхъ иконъ не достаетъ. Между прочимъ, уцѣлѣли старинныя Царскія Врата.

Полъ въ церкви за исключеніемъ солеи и алтаря засланъ плитою (очевидно поздній). Въ окнахъ вѣдланы желѣзныя рѣшетки. Въ колодахъ оконъ устроены скобы, для засововъ, которыми запирали оконныя ставни, нынѣ не сохранившіяся. Высота потолка въ алтарѣ 2 арш. 15 вершк.—въ трапезной 2 арш. 10 вершк. Внутри церкви у сѣверной стѣны стоитъ весьма любопытный деревянный крестъ во всю высоту помѣщенія; онъ весь покрытъ надписями, съ клеймами вырѣзанными въ деревѣ. Такой крестъ представленъ на табл. L.

¹⁾ Съ внутренней стороны двери существуетъ весьма любопытный дверной желѣзный замокъ; рисунокъ его помѣщенъ въ концѣ текста Н. Е. Бронденбурга. Конструкція замка совершенно открыта.

Подобные кресты встрѣчаются изрѣдка въ деревянныхъ церквахъ Архангельской и Вологодской губерній.

Церковь св. Димитрія покрыта двухскатными крышами, причемъ тесъ послѣднихъ оканчивается вырѣзками въ видѣ стрѣлъ. Алтарь перекрытъ на пять скатовъ и обшитъ тесомъ. Торцы срубовъ зашиты досками. Надъ церковью возвышается шейка съ крестомъ безъ главки. Последняя въ недавнее время, за ветхостью, упала. Она сохраняется по настоящее время, и на рисунокъ восточнаго фасада размѣръ и форма ея показаны пунктиромъ (Табл. LVIII).

Середина церкви (вслѣдствіи вырубки стѣны) сильно осѣла и продольные фасады покривились. Самые срубы также весьма ветхи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны сквозныя щели. Детальное устройство церкви видно на прилагаемыхъ чертежахъ и въ перспективныхъ видахъ.

Отъ двухъ другихъ древнихъ церквей старой Ладogi уцѣлѣло только основаніе стѣнъ и пилоновъ на высоту до 3 арш. Планы церквей сходны между собой и представляютъ обычный типъ нашихъ древнѣйшихъ церковныхъ построекъ. На табл. LIX представленъ планъ основанія церкви, находящейся вблизи каменнаго городища, къ сѣверу отъ него около рѣки Волхова. Высота сохранившихся стѣнъ и столбовъ показана на продольномъ разрѣзѣ. Кладка стѣнъ правильныхъ постелей не имѣетъ. Она состоитъ изъ плитняка различной мѣры (отъ 2-хъ до 4-хъ вершк.) съ прослойкою кирпича. Въ болѣе правильныхъ частяхъ кладки девять рядовъ ея равняются 1 арш. 4 вершк. Швы кладки отъ $\frac{1}{2}$ в. до 1 вершк. Кирпичъ по преимуществу встрѣчается неполныхъ размѣровъ (половнякъ); настоящій размѣръ его 7 вершк. длины, 4 вершк. ширины, 1 верш. толщины. Кирпичъ довольно плотный и ровной массы. Растворъ смѣшанъ съ кирпичнымъ порошкомъ и имѣетъ желтоватый оттѣнокъ.

Неправильныя кромки плитъ въ кладкѣ задѣланы растворомъ подъ общую поверхность стѣны, одновременно съ возведеніемъ зданія. Въ главной абсидѣ сохранилось сѣдалище *a*, въ серединѣ котораго отдѣлено каменными плитами (стоймя) особое сидѣнье. Въ южной абсидѣ существуетъ часть стѣнки съ дверью *e* и сидѣнье *b*, расположенное по полукруглой стѣнѣ. Въ Сѣверной абсидѣ уцѣлѣла часть кладки *c* (вѣроятно основаніе жертвенника) и угольникъ *d*, огражденный плитами. Въ церкви размѣщено четыре столба. Съ сѣверной и южной сторонъ сохранились части дверей *i* и *h*. Съ западной стороны выступаетъ пристройка съ большимъ входнымъ проемомъ; очевидно, эта пристройка имѣла значеніе паперти. Въ сѣверной части западной стѣны устроена ниша *ж*. Съ противоположной стороны уцѣлѣли слѣды входа на лѣстницу, которая, повиди-

Руины двухъ древнихъ каменныхъ церквей.

Табл. LIX и LX.

тому вела на хоры. Внутри церкви, около северной и южной стѣнъ, существуютъ каменные скамьи *д д*. Въ западномъ концѣ означенныхъ стѣнъ находятся ниши (аркасоли) въ стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась древняя штукатурка съ признаками фресковой живописи и съ изображеніями четырехконечныхъ крестовъ (вдавленными контурами).

На табл. LX изображенъ планъ сохранившихся стѣнъ второй церкви. Алтарь ея обращенъ на юго-востокъ. Развалины находятся собственно около селенія Старой Ладogi, на берегу рѣчки Ладожки. Устройство и состояніе стѣнъ, а равно и характеръ материала, почти одинаковы съ вышеописанными руинами.

Въ планѣ алтаря также сохранилось сидѣніе *а*, но безъ средняго мѣста. Иконостасъ отдѣляется низенькою каменною стѣнкою *б*. Съ сѣверо-восточной стороны къ церкви примыкаетъ пристройка *в*, въ которую ведетъ дверь изъ церкви. Внутри храма сохраняются остатки четырехъ пилоновъ. Въ юго-западной стѣнѣ уцѣлѣла нижняя часть двери въ церковь, передъ которою лежатъ большія плиты. Въ серединѣ сѣверо-западной стѣны устроены главные входъ въ церковь. По бокамъ видны, въ толщѣ стѣны, входы на лѣстницы: ступени частью сохранились и очевидно вели на хоры. Около стѣнъ, внутри церкви, находятся каменные скамьи *г*. Видъ стѣнъ и столбовъ показанъ на продольномъ разрѣзѣ.

Стѣнопись въ церкви Св. Георгія.

Въ прошломъ столѣтіи вся роспись храма находилась подъ слоемъ окрасокъ и штукатурки. При Новгородскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, около 1780 г. древняя роспись была вскрыта, причемъ обнаружены и нѣкоторыя надписи, выцарапанныя въ штукатуркѣ, относящіяся къ XII—XIII ст. При исправленіи церкви въ 1849 г., фрески были отбиты и въ настоящее время сохранились лишь незначительныя части ихъ ¹⁾. Общее расположеніе уцѣлѣвшихъ изображеній помѣщено на разрѣзахъ церкви табл. LIV и LV. Въ отдѣльности они представлены на табл. LXV—XC.

Въ центрѣ купола изображенъ сидящимъ на радугѣ Господь Вседержитель (табл. LXV) съ благословляющею десницею: въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ свитокъ. Изображеніе Вседержителя окружено радужнымъ ореоломъ (сіяніемъ славы), который поддерживаютъ поднятыми руками восемь ангеловъ, обращенныхъ попарно другъ къ другу и взирающихъ на Вседержителя (табл. LXVI—LXIX).

Ниже ангеловъ идетъ второй рядъ изображеній: здѣсь, съ восточной стороны, представлена Божія Матерь съ воздѣтыми молитвенно руками. По бокамъ

¹⁾ В. Прохоровъ «Христіанскія древности».

Ея—два ангела съ красными крыльями. Въ одной рукѣ у нихъ жезлы, а другой они показываютъ на Спасителя, изображеннаго въ куполѣ (табл. LXX). Далѣе, въ ряду этихъ изображеній, по кругу барабана, идутъ двѣнадцать апостоловъ. Большинство изъ нихъ съ приподнятой къ изображенію Вседержителя головой. Въ рисунокѣ фигуръ выражены различныя движенія, отвѣчающія основной мысли изображеній въ куполѣ—Вознесенію ⁴⁾. Между апостолами изображены стилизованныя деревья (табл. LXXI—LXXIII). Къ сожалѣнію, краски и контура изображенія Вседержителя, нѣкоторыхъ ангеловъ и апостоловъ сохранились въ плохомъ видѣ. Надписи надъ апостолами исчезли.

Ниже описанныхъ изображеній, въ восьми простѣнкахъ оконъ барабана, находятся изображенія пророковъ съ развернутыми свитками въ рукахъ (табл. LXXIV—LXXVI, LXXVIII и LXXIX). Среди пророковъ представлены царь Давидъ и царь Соломонъ (табл. LXXIV), Михей (табл. LXXV) и др. (надписи которыхъ плохо сохранились или совсѣмъ исчезли). Надъ изображеніями пророковъ написаны арочки съ растительнымъ орнаментомъ въ видѣ завитковъ.

Откосы оконъ росписаны весьма интересными орнаментами (табл. LXXVII). Средины ихъ, приходящіяся надъ центромъ полукружія оконъ, показаны на таблицахъ черточками. Порядокъ ихъ означенъ нумерами 1—8, причемъ орнаментъ подъ № 1 находится въ откосѣ западнаго окна барабана. Орнаменты, къ сожалѣнію, сохранились плохо.

Въ полукуполѣ сѣверной абсиды церкви находится колоссальное поясное изображеніе Архангела Гавріила въ княжеской одеждѣ (табл. LXXX). Въ правой рукѣ архангелъ держитъ жезлъ; лѣвой части изображенія не сохранилось. Въ сводѣ южной абсиды представлено также поясное изображеніе Архангела Михаила со строгимъ выраженіемъ лица. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ сферу (табл. LXXXI).

Отъ изображенія Евхаристіи въ главной абсидѣ сохранилась лишь часть престола и двѣ ноги (одна Спасителя, а другая апостола). Ниже Евхаристіи уцѣлѣли изображенія двухъ святителей во весь ростъ (табл. LXXXII). Святители въ бѣлыхъ кресчатыхъ фелоняхъ и омофорахъ. На хитонахъ видны красноватыя полосы, идущія до подоловъ. Святители держатъ въ рукахъ свитки со славянскимъ текстомъ (буквы сильно стерлись). Подъ указанными изображеніями представлены въ кругахъ, обрамленныхъ орнаментами, также святители; надъ однимъ изъ нихъ сохранилась надпись Іоаннъ Милостивый (табл. LXXXIV, рис. 3).

⁴⁾ Изображенія пророковъ показаны на таблицахъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ въ барабанѣ (справа ближайшее къ ангелу изображеніе подъ № 1, слѣва — подъ № 12, табл. LXXI—LXXIII).

Въ діаконникѣ, на полукруглой стѣнѣ его, представлено изображеніе патрона церкви, Св. Георгія на сѣромъ конѣ (табл. LXXXIII). Онъ поражаетъ змія въ видѣ крокодила съ рогомъ на головѣ и съ прижатыми къ бокамъ крыльями. Царевна, обреченная на съѣденіе змію и спасенная Святымъ воиномъ, въ бѣломъ одѣяніи. Изъ-за горы видна башня, съ которой смотрятъ на совершающееся чудо царь, царица и придворные. Изображеніе св. Георгія *на конѣ* является для насъ по своей древности и композиціи единственнымъ памятникомъ до настоящаго времени. Подъ изображеніемъ св. Георгія, въ кругахъ обрамленныхъ орнаментами, представлены въ пояскомъ видѣ святители (табл. LXXXIV № 1—2)¹⁾, надъ однимъ изъ нихъ уцѣлѣла подпись Анѳимъ.

Въ жертвенникѣ, на сѣверной стѣнѣ, изображена очистительная жертва Іоакима и Анны, принесшихъ по овну. Передъ ними во храмѣ представленъ первосвященникъ, принимающій жертву (табл. LXXXV).

При входѣ изъ церкви въ діаконникъ, на пилястрахъ видны изображенія отдѣльныхъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ воинъ, другой, какъ видно изъ надписи, св. Севастіанъ, третій мученикъ. Одежда на нихъ украшена шитыми оплечьями. Сверху накинута плащъ съ четверугольнымъ украшеніемъ на полахъ (табл. LXXXVI).

На южной стѣнѣ самой церкви, около діаконника, изображенъ пророкъ Даніилъ (табл. LXXVIII, рисунокъ 3); надъ нимъ, въ кругу, поясное изображеніе мученика Агафона. Подъ изображеніемъ пророка уцѣлѣла часть какой то картины, гдѣ видны гора и группа лицъ, вѣроятно праведниковъ (рисунокъ № 2). Надъ южнымъ прямоугольнымъ окномъ справа (табл. LV разрѣзъ по линіи VI) видна группа ангеловъ, относящихся, повидимому, къ цѣлой картинѣ, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась (табл. XC).

На южной аркѣ подъ хорами, находится поясное изображеніе мученицы (св. Маріи). Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на сѣверной аркѣ представленъ Св. Николай Чудотворецъ въ бѣломъ омофорѣ. Изображенія эти заключены въ росписныя рамки въ видѣ арочекъ и пилястръ съ капителями (табл. LXXXVII).

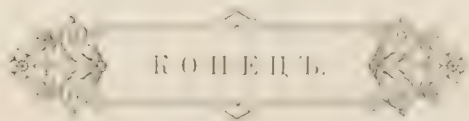
Въ юго-западномъ углу церкви (между окномъ и западной стѣной) представлена группа грѣшниковъ (табл. LXXIX рисунокъ № 2), обращенныхъ лицами къ западу и, очевидно, имѣющихъ прямое отношеніе къ сюжету Страшнаго Суда, часть котораго сохранилась на западной стѣнѣ церкви. Подъ группой этихъ фигуръ, находится отдѣльно изображеніе мученика (табл. LXXIX, рисунокъ № 3).

¹⁾ Изображеніе № 1-й соединяется съ изображеніемъ № 2.

На западной стѣнѣ находятся остатки картины Страшнаго Суда. Отъ всего изображенія сохранились собственно только апостолы, сидящіе на престолахъ (табл. LXXXVIII—XC). Позади ихъ ангельскія силы, которыя держатъ въ одной рукѣ жезлы, а въ другой сферы съ изображеніемъ креста Господня.

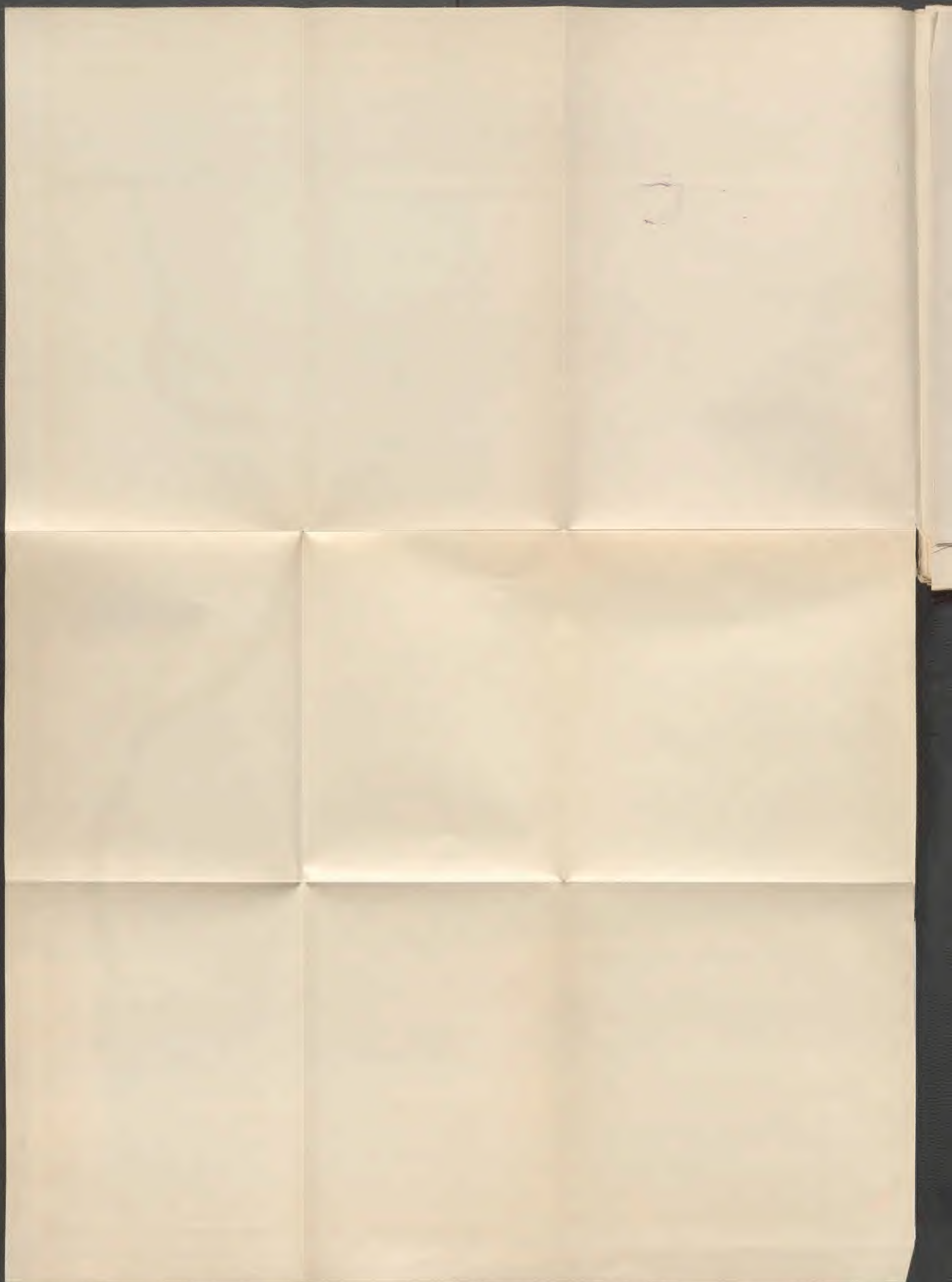
Средняя часть картины ограничивается росписной трехлопастной арочкой съ орнаментами надъ ней. Центральное изображеніе Спасителя совсѣмъ не уцѣлѣло. Изъ предстоящихъ сохранились, и то неполностью, изображенія Божіей Матери и задняя часть фигуры Іоанна Предтечи. Съ сѣверной стороны, уцѣлѣли только два апостола и два ангела (табл. XC). Съ южной (въ болѣе сохранномъ видѣ) два апостола, Божія Матерь и пять ангеловъ (табл. LXXXVIII). Четыре апостола, изображенные на южномъ сводѣ (подъ хорами) очень плохой сохранности (табл. LXXXIX).

На таблицѣ XC, кромѣ указанныхъ изображеній, представленъ рисунокъ двухъ драконовъ, обращенныхъ къ цвѣтку. Этотъ сюжетъ находится среди надписей на каемкѣ, подъ изображеніемъ мученицы Маріи (табл. LXXXVII).

1778-79 г.
Составилъ Н. Е. Бранденбургъ.
Приблизительный масштабъ 200 с. в 1 дюймъ.

[illegible]

91.05 - 20 hours - 20
August 28

КАРТА ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

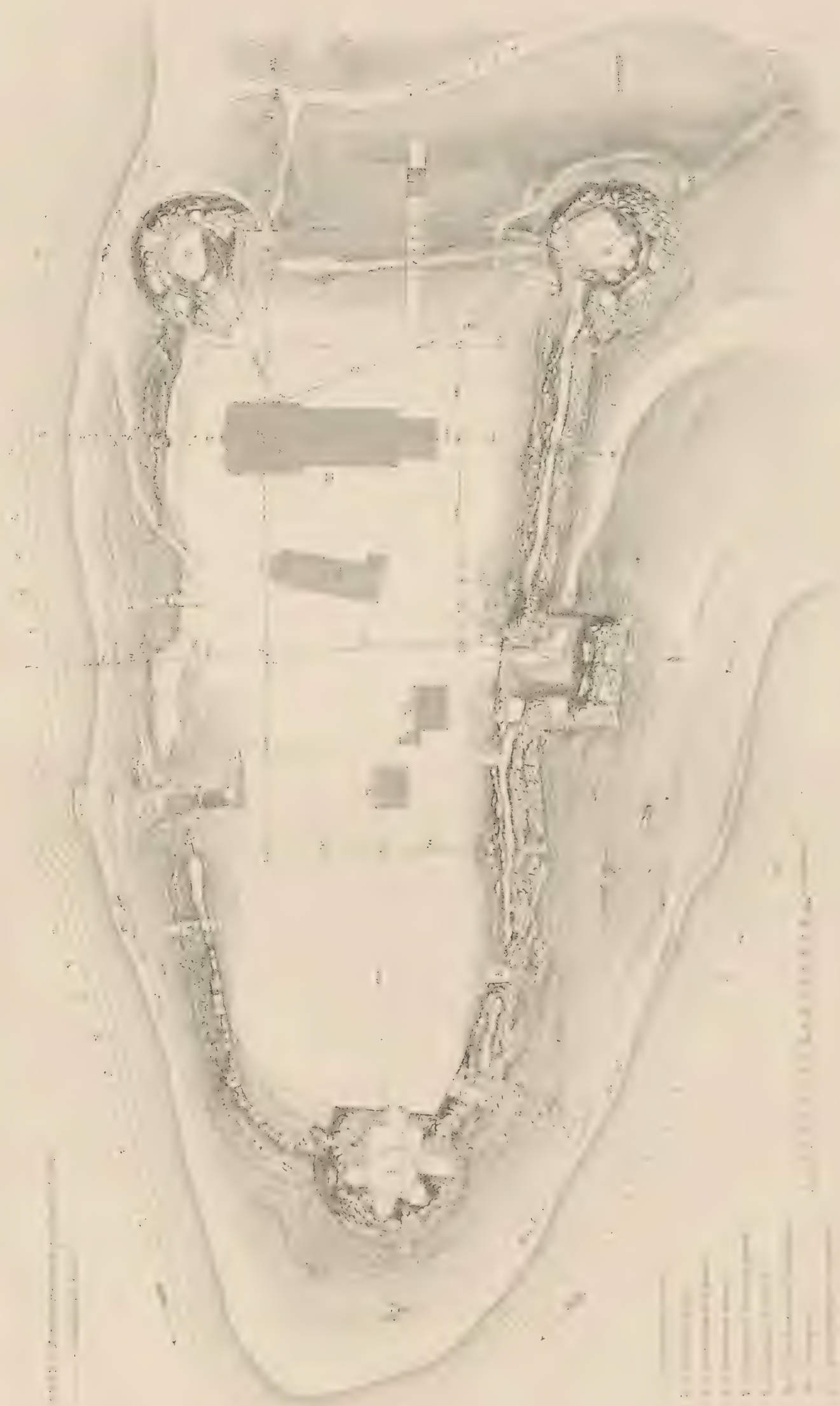
Масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ.

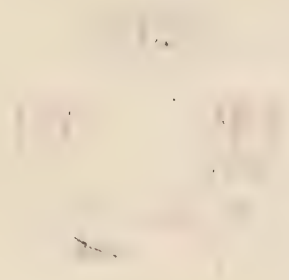
Таб. III.

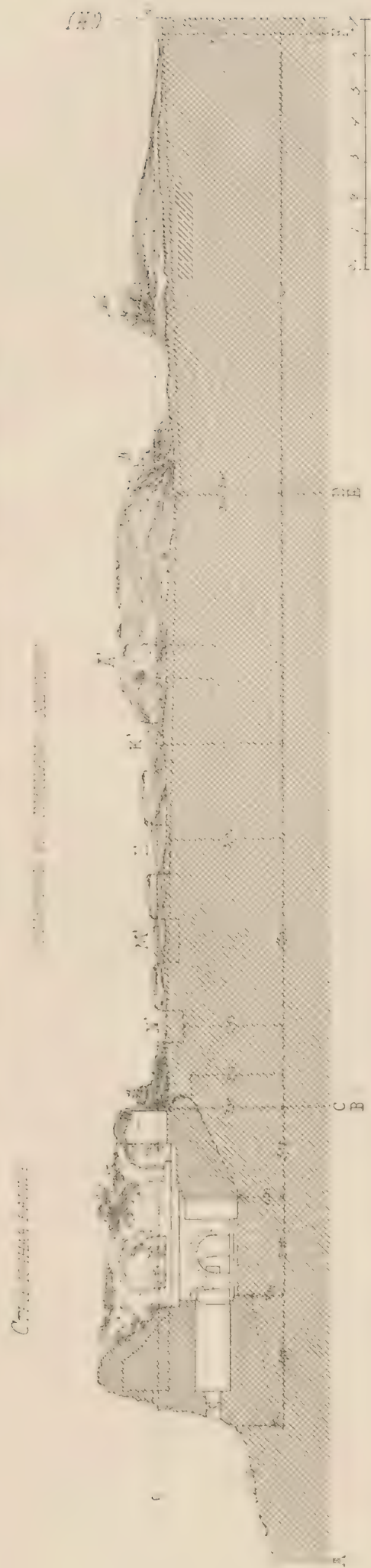
версты 0 4 8 12 16 20 24 28 32 36 40 44 48 52 56 60 64 68 72 76 80 84 88 92 96 100

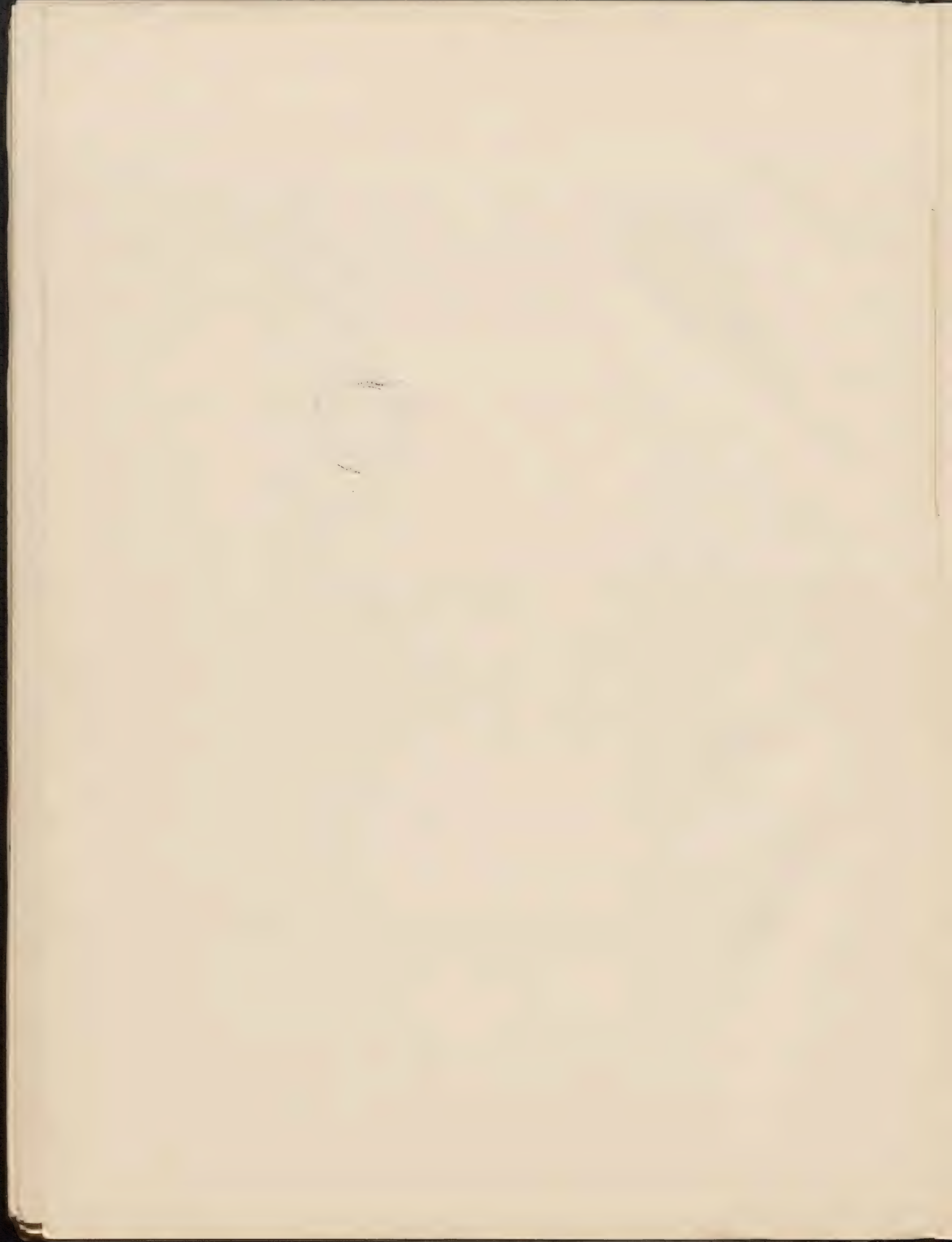

ГЕНЕРАЛЬНИЙ ПЛАНЪ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

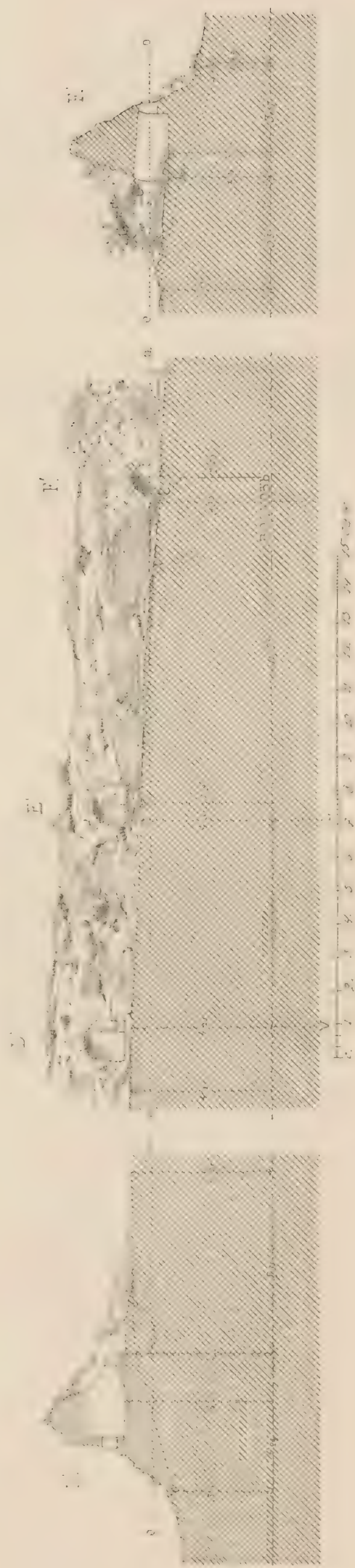

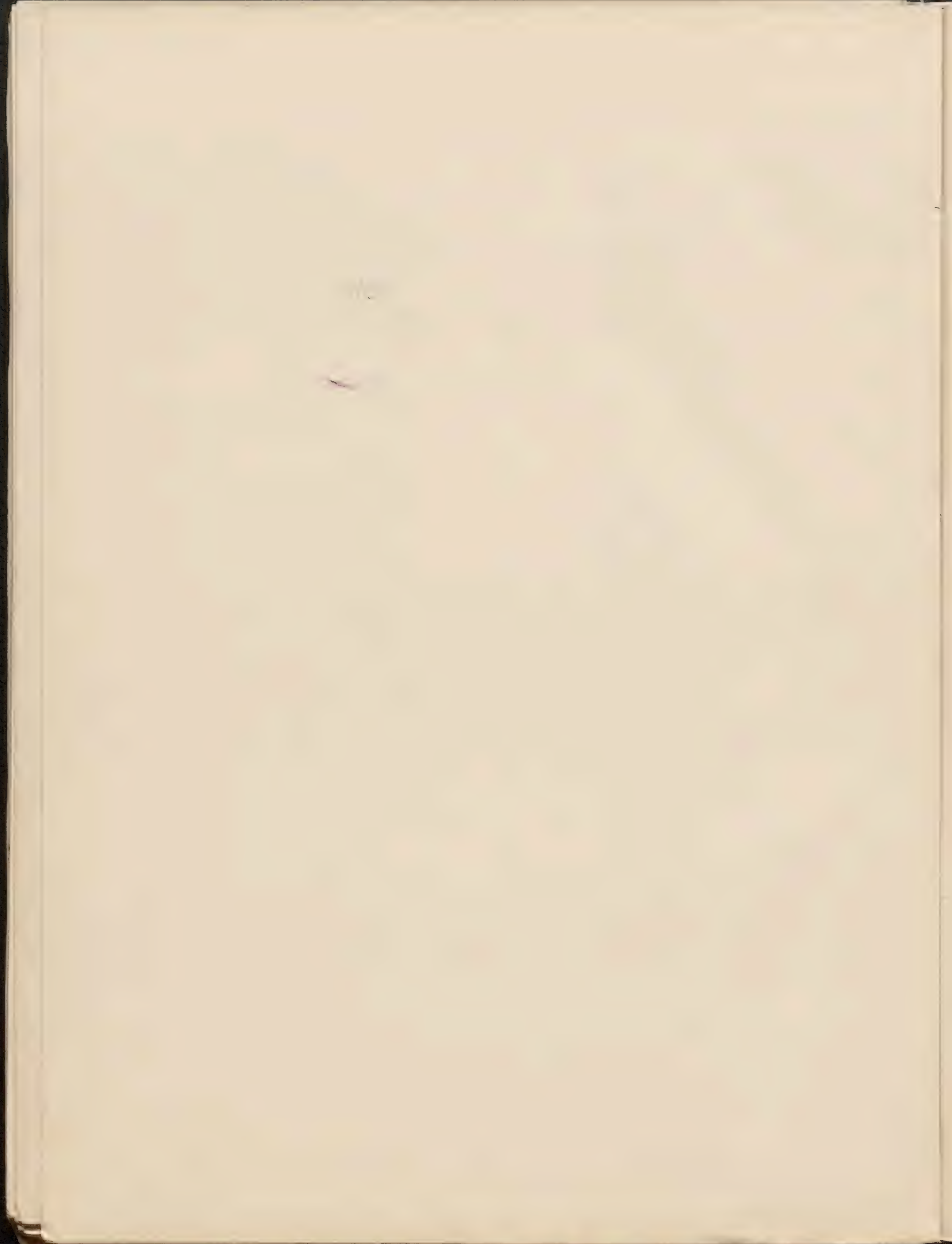

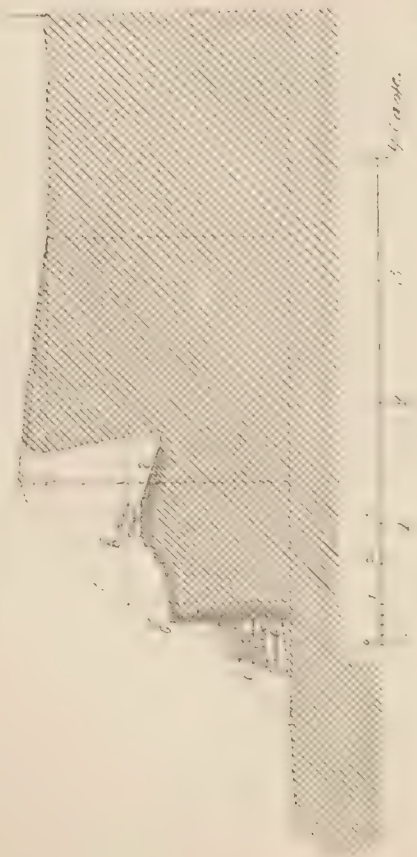
РАЗРЕЗЫ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦИАЛЬНОЙ НИВЕЛИРОВКЕ

РАЗРЕЗЫ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦИАЛЬНОЙ НИВЕЛИРОВКѢ.

РАЗРЕЗЪ ПО ЛИНІИ ХУ.

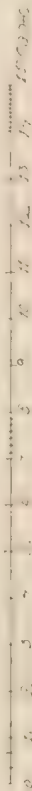
ОКОШНА ВОСТОЧНОЙ СТѢНЫ
ГОРОДИЩА, ПРИБЛИЗЪ АЛТЫНЪ
ПРЕДЪМЪ ПО ЛИНІИ ХУ.

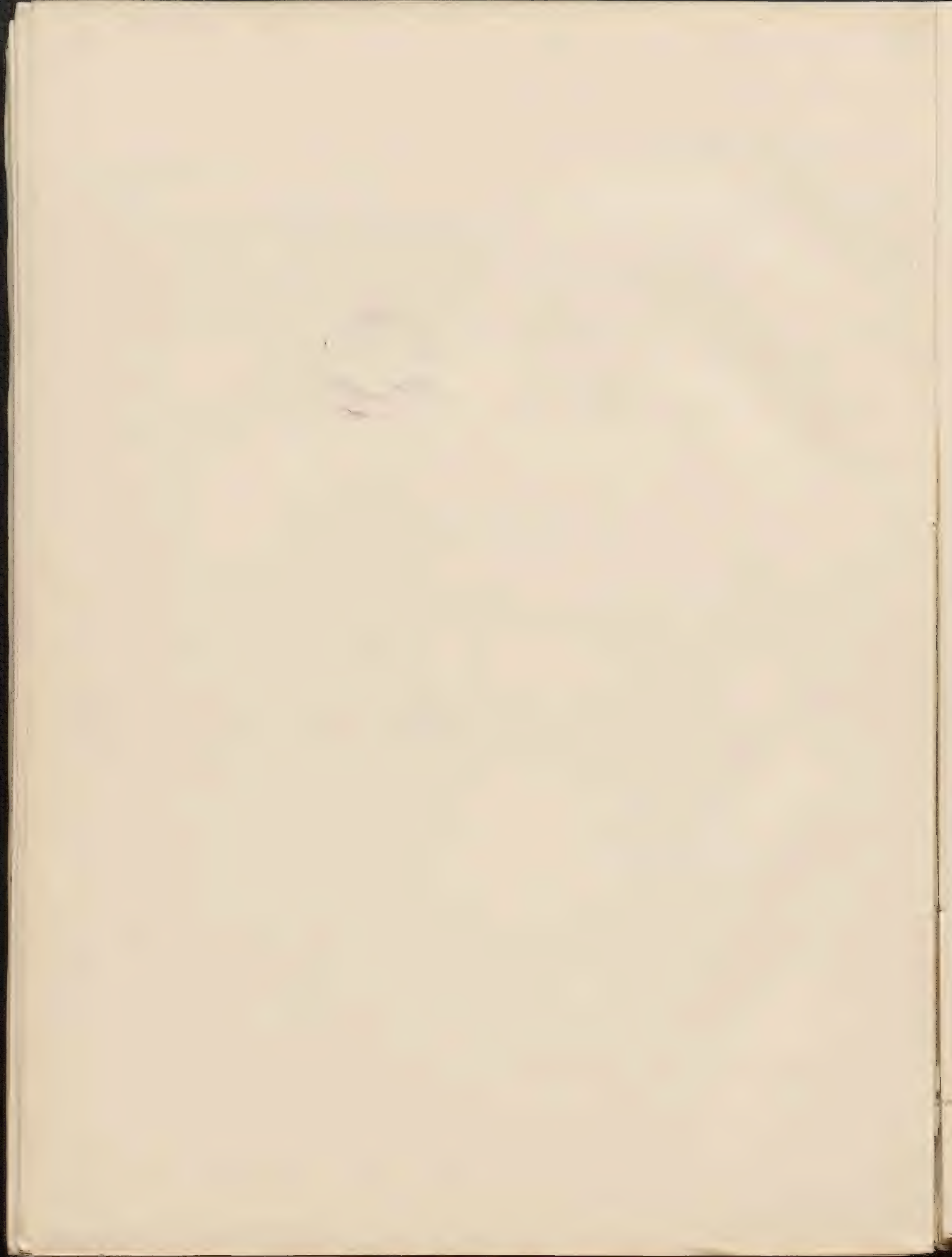
РАЗРЕЗЪ ПО ЛИНІИ КД.

ОКОШНА ВОСТОЧНОЙ СТѢНЫ
ГОРОДИЩА, ПРИБЛИЗЪ АЛТЫНЪ
ПРЕДЪМЪ ПО ЛИНІИ КД.

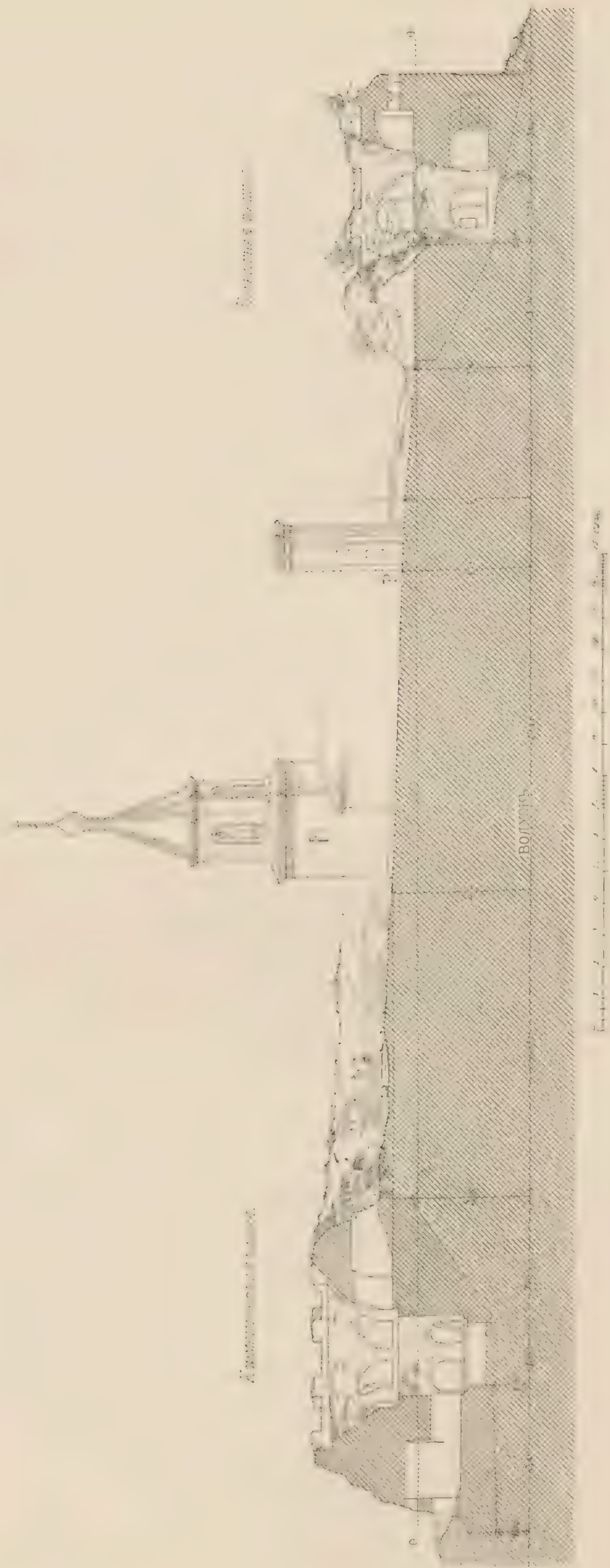
РАЗРЕЗЪ ПО ЛИНІИ КД.

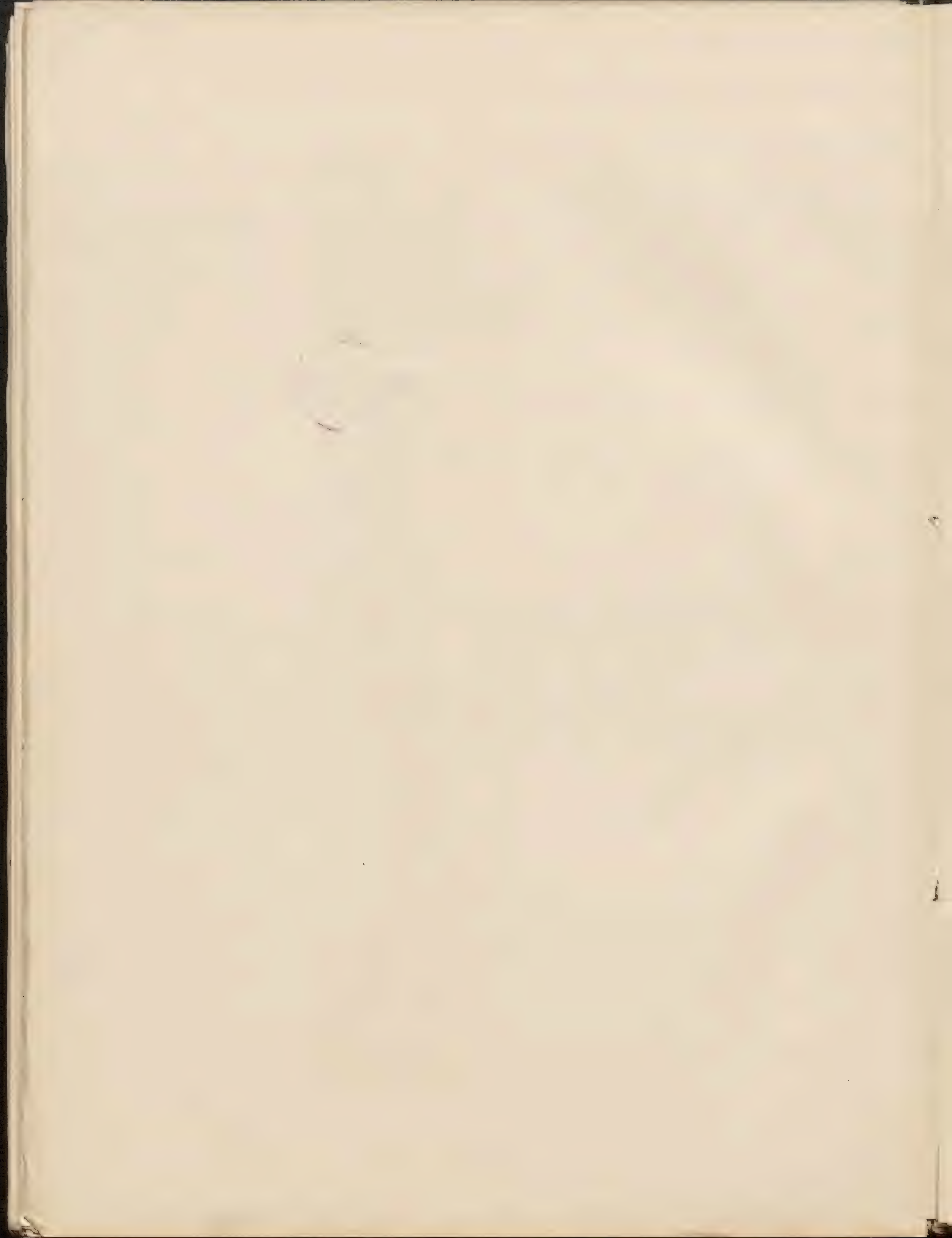

РАЗРѢЗЪ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦІАЛЬНОЙ ЛИНЕИТИРОВОКѢ

СНѢЖНИКЪ, 1900 г. (по плану, составленному въ 1900 г.)

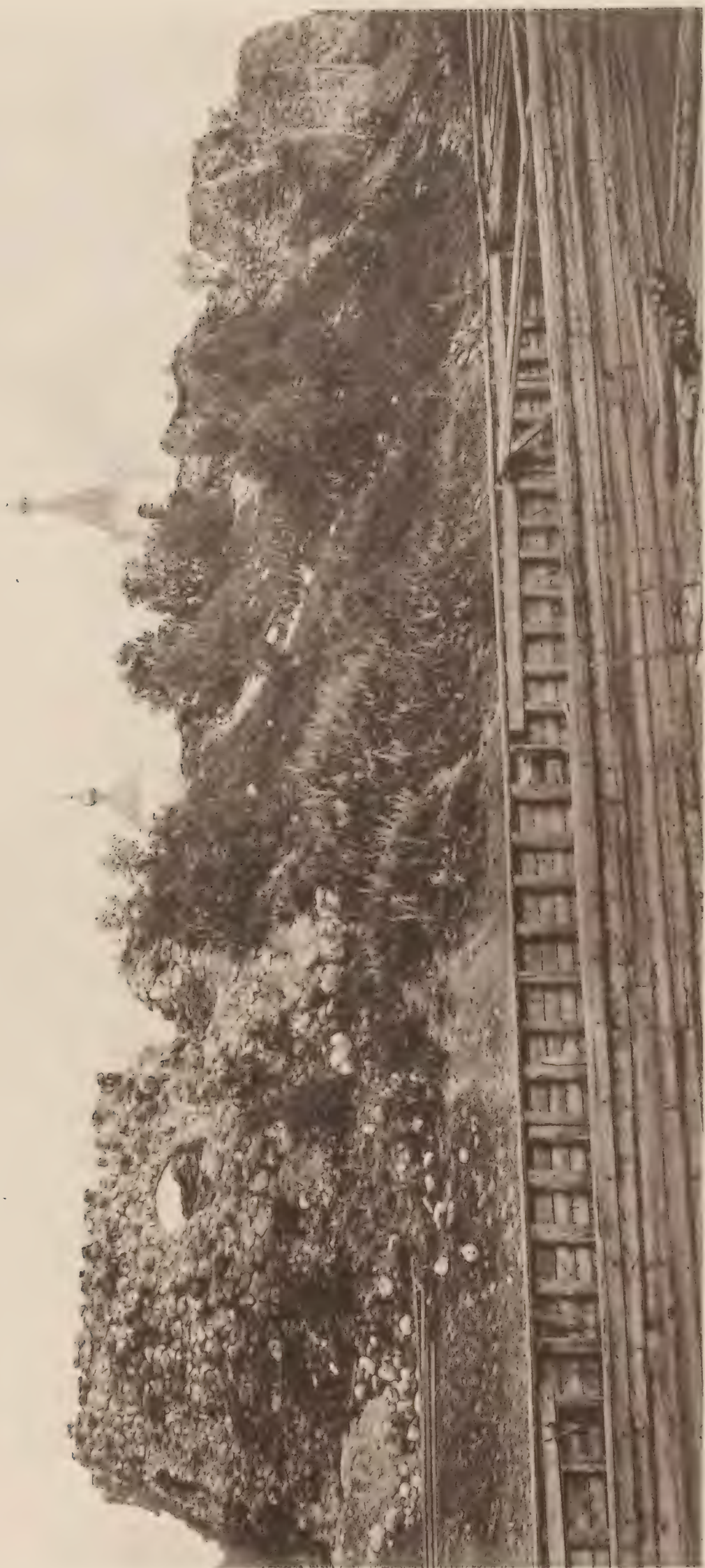

ОПШТИНСКА ЗАГРАДА ПОСРЕДСТВОМ КОЈЕЈ СЕ СВЕЊА СТОЈИ

БНДЪ ГОРОДИЩА СЪ СЕВЕО-ЗАПАДНОЮ СТОРОНОЮ.

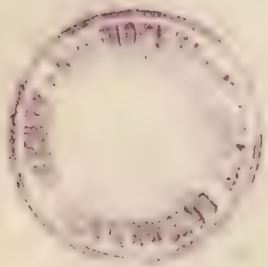

ВИДЪ ГОРОДИЩА СЪ СѢВЕРНОЙ СТОРОНЫ.

VIEW OF SAN FRANCISCO FROM THE TOWER OF THE COAST GUARD

ОБЩІЙ ВИДЪ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

ЛЕСТНИЦА КЪ КОЛОДЦУ ПОДЪ ЕЛЬЩЕЮ ТАГНИЧНОЮ БАШНЕЮ

ВОСТОЧНАЯ АМФИБАТРА ПО СТРОИТЕЛЬНОМУ МАТЕРИАЛУ

ОСТАТКИ ОСТАТКОВ СТЕН ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА

СНИМКИ СДЕЛАНЫ В 1924 ГОДУ

РАСКАТНАЯ БАШНЯ СЪ СЪВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

РАСКЛАТНАЯ БАШНЯ СЪ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

THE FACTORY FALLS (TO FACTORY) OF STONOR, AREA, TORONTO.

ВИДЪ ОСТАТКОВЪ АМБРАЗУРЪ III-ГО ЭТАЖА РАСКАТНОЙ БАШНИ.

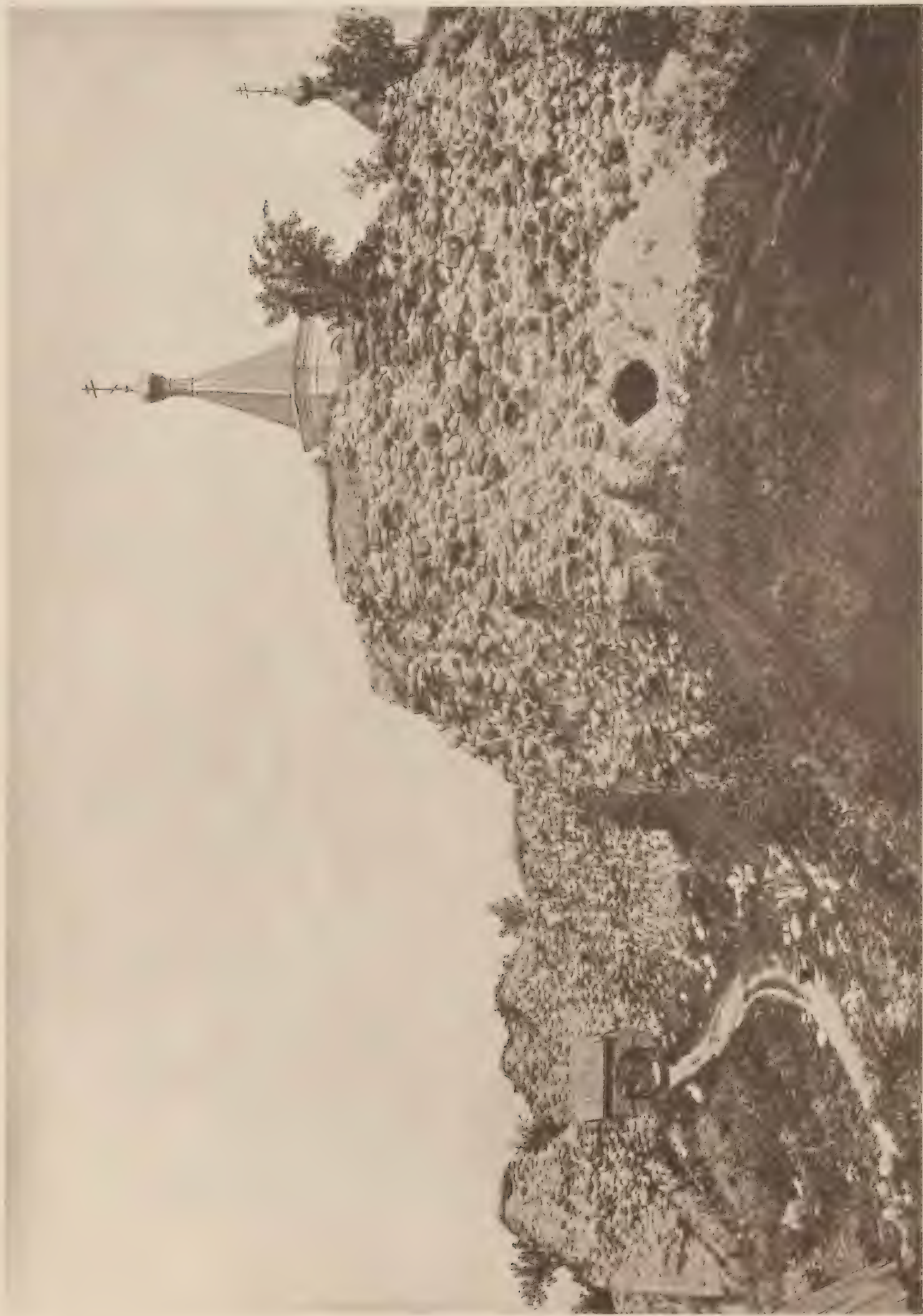
ВИДЪ ОСТАТКОВЪ АМБРАЗУРЪ III-ГО ЭТАЖА КЛИМЕНТОВСКОЙ БАШНИ.

ОШЕРЪ ИЛИ ГРОДИЦА СЪ ВЪЗНОСИТЕЛНЫМЪ

ВИДЪ КЛИМЕНТОВСКОЙ БАШНИ СЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

VIEW FROM THE SOUTH SIDE OF THE MOUNTAIN (SEE PAGE 100)

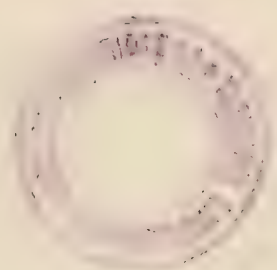

АЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ (ВИДЪ СЪ КОЛОКОЛЬНИ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ)

ИЗЛОТНАЯ БАШНЯ.

ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

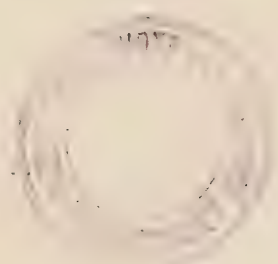
ΕΡΩΤΗΜΑΤΑ ΠΑΛΙΝ

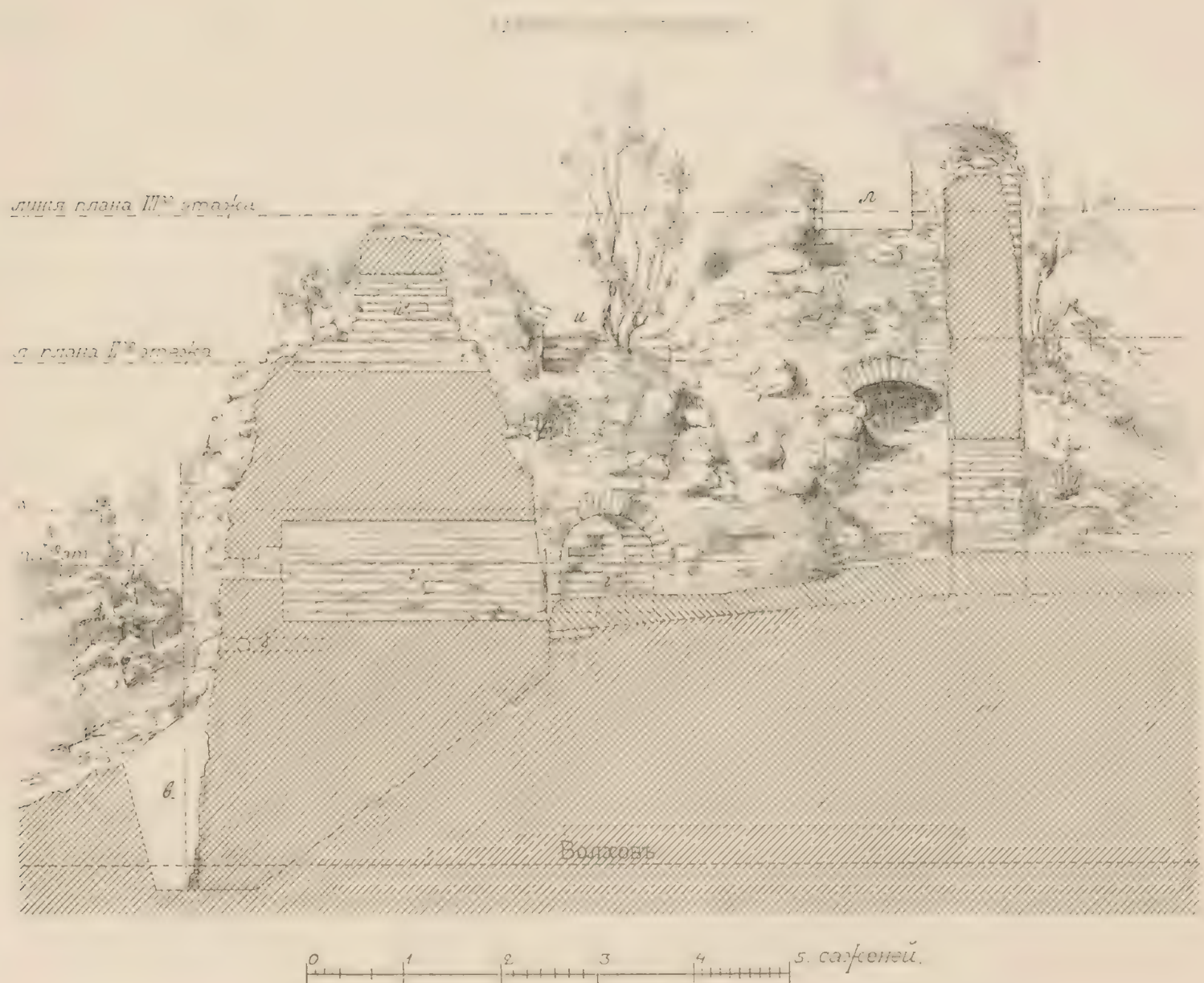

ГОРОТНАЯ БАШНЯ.

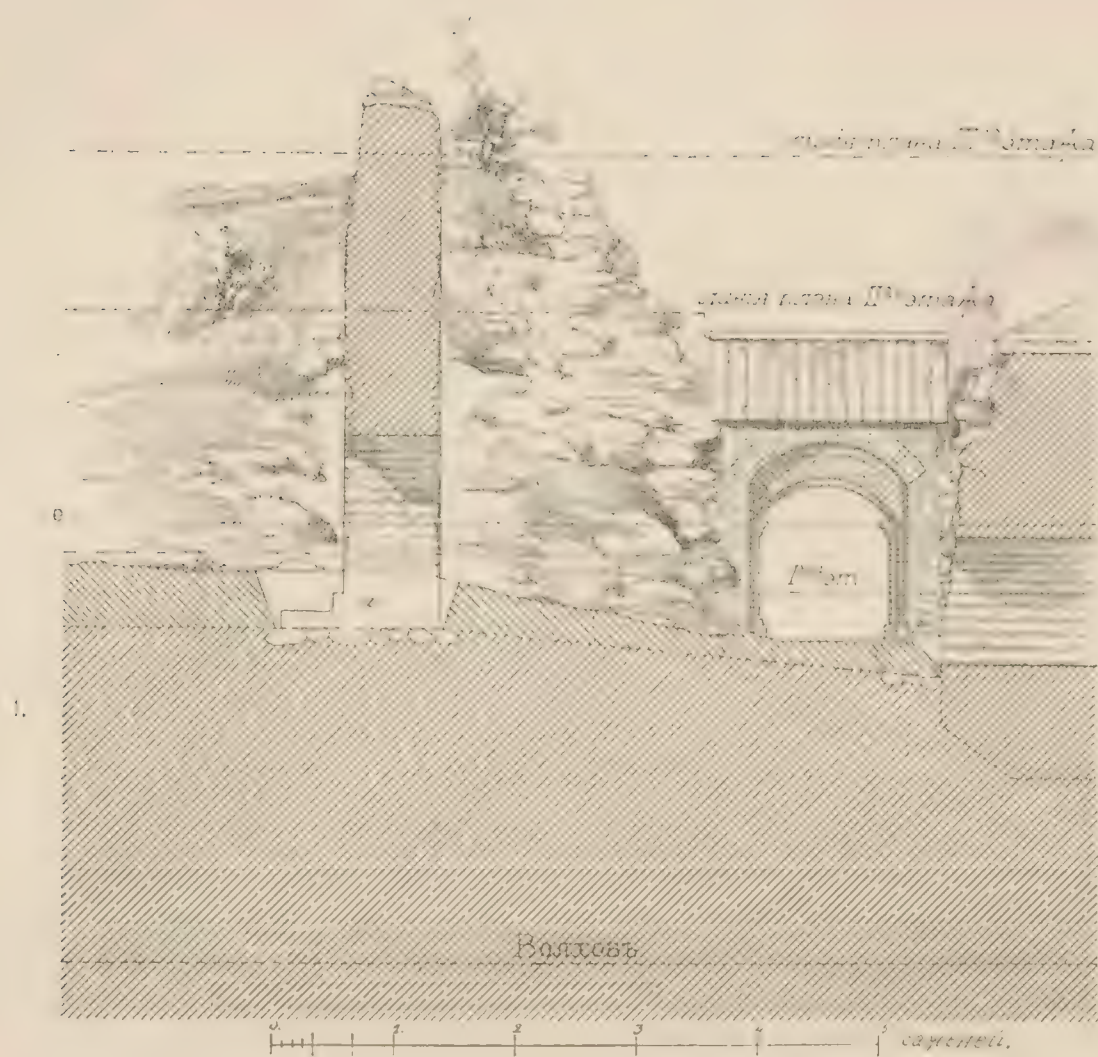

БОРОВАЯ БАШНЯ.

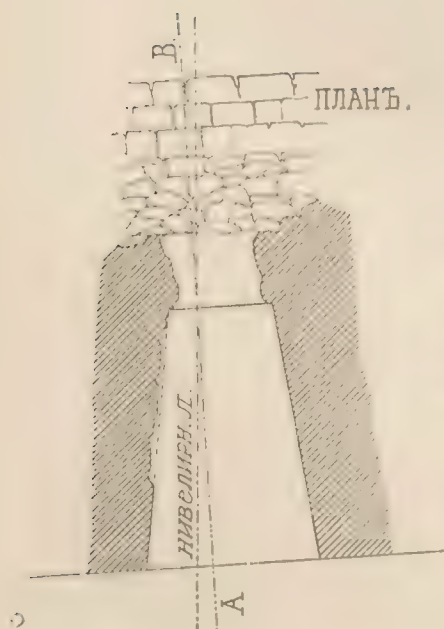

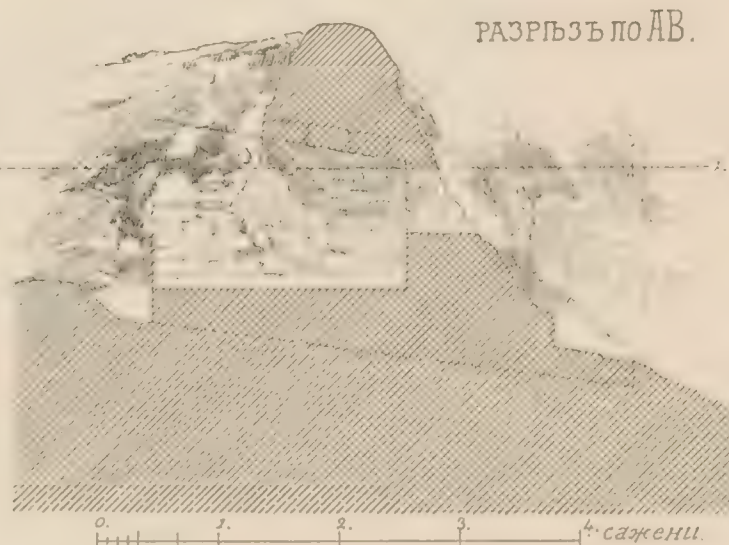
ВОРОТНАЯ БАШНЯ

План и разрезъ башни въ алтарѣ церкви въ селѣ Воротино, 1881 г.

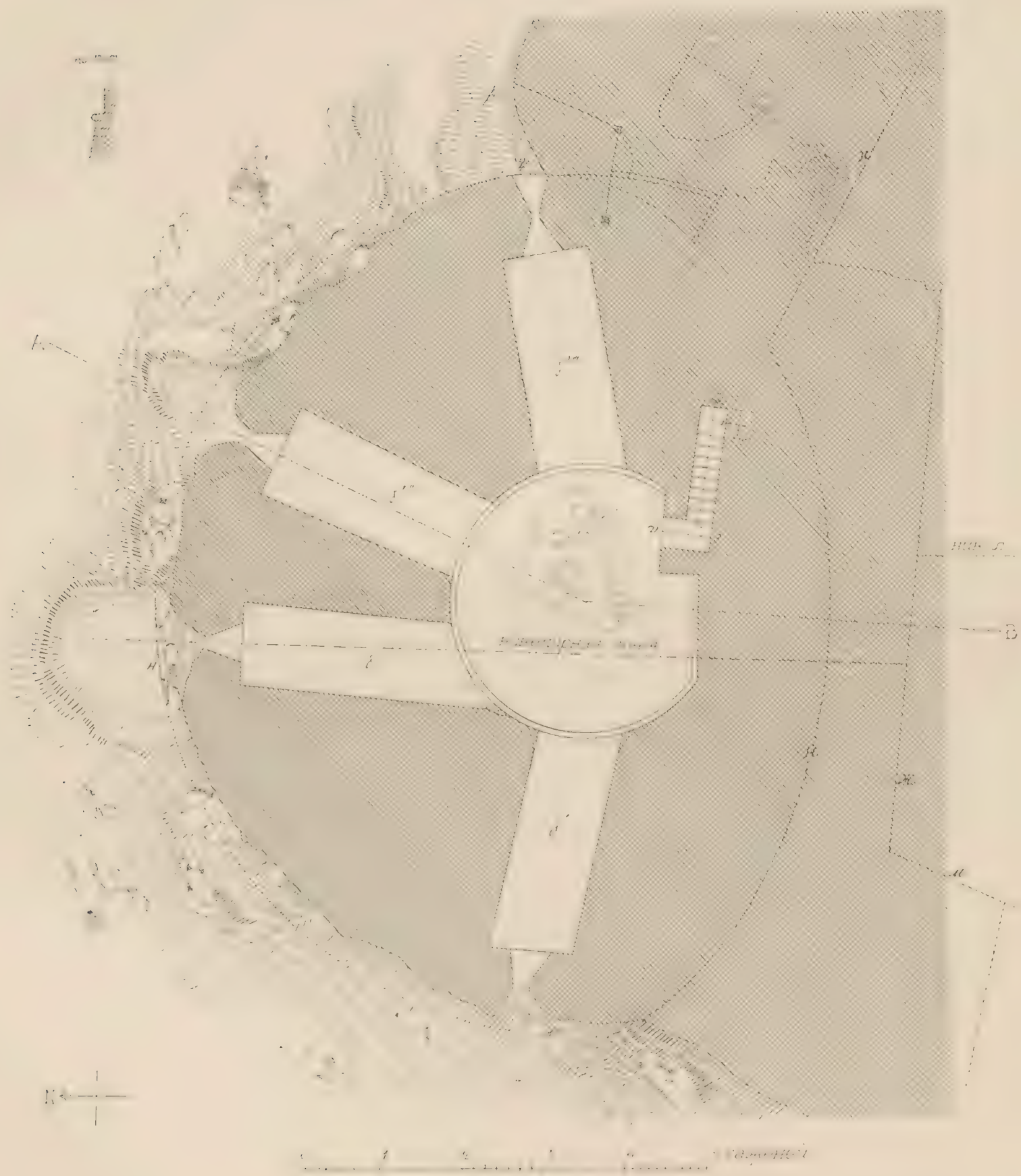

xx - современный уровень
лола церкви въ алтарѣ.

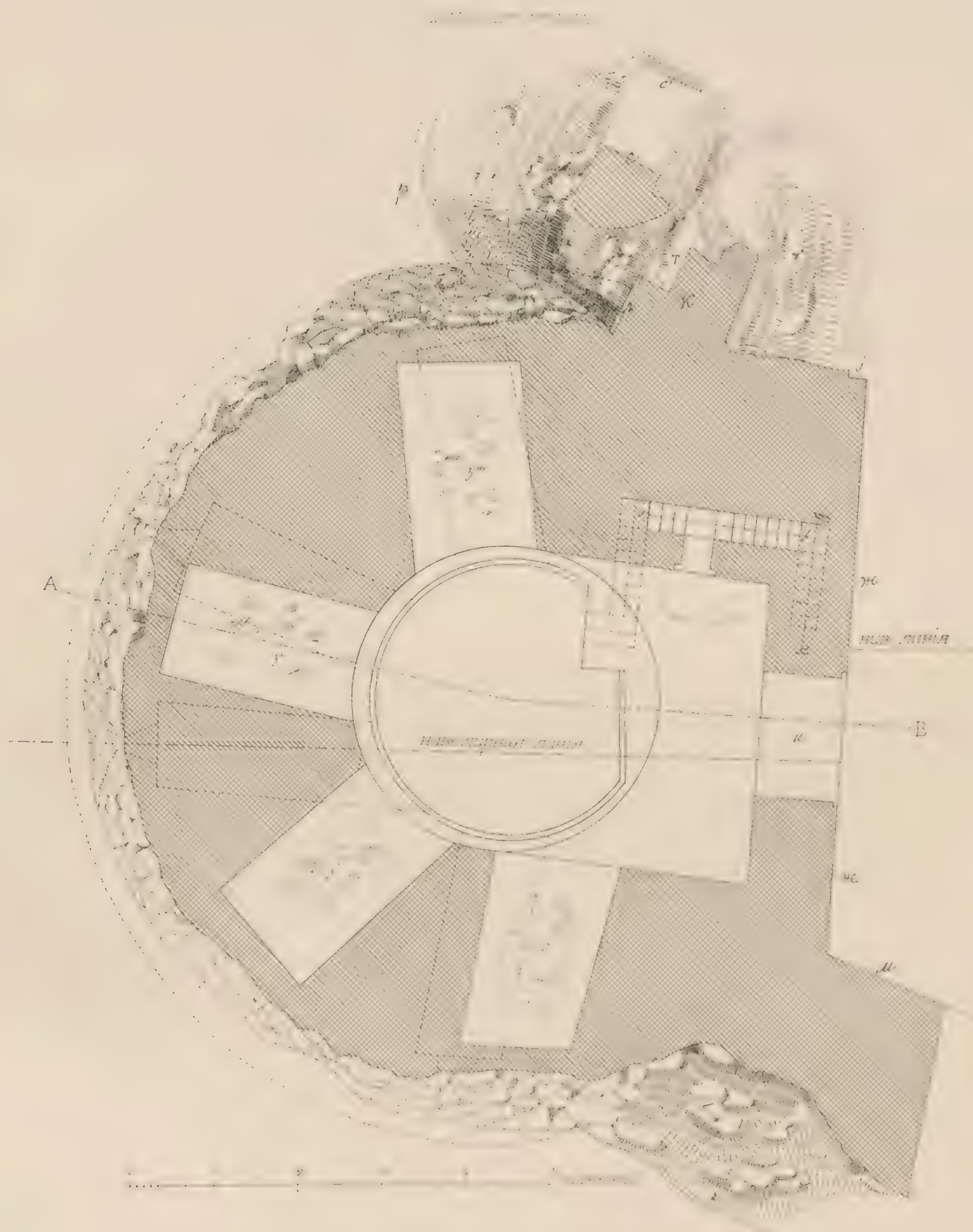

СТРЕЛОЧНАЯ БАШНЯ

СТРЕЛОЧНАЯ БАШНЯ.

СТРЕЛОЧНАЯ БАШНЯ

ПЛАНЫ И РИСУНКИ

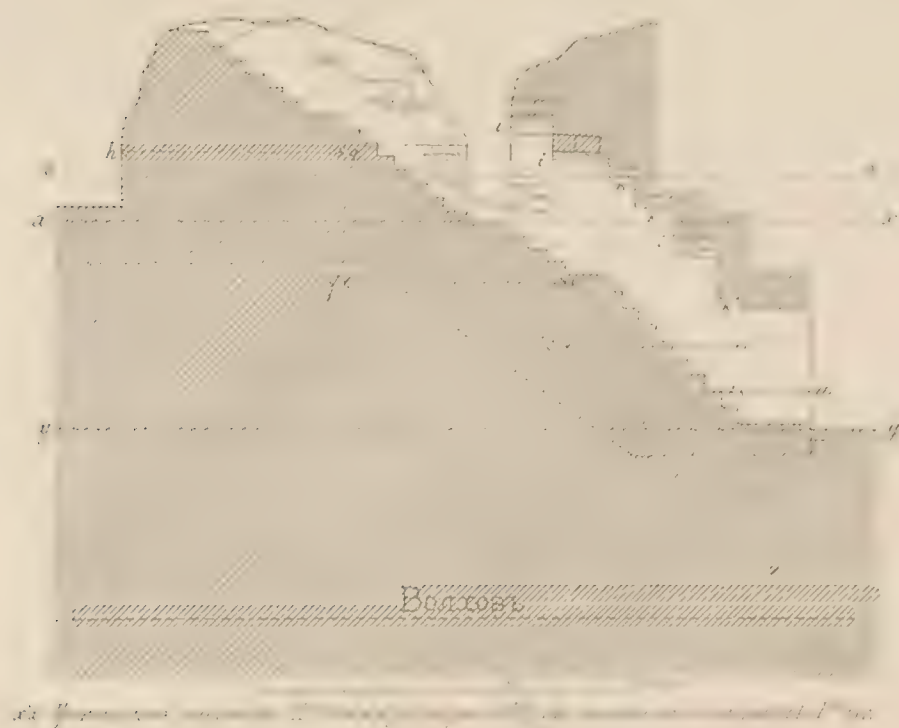

СТРЕЛОВАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЫ ПО ЛИНИИ ab, cd, ef и г.

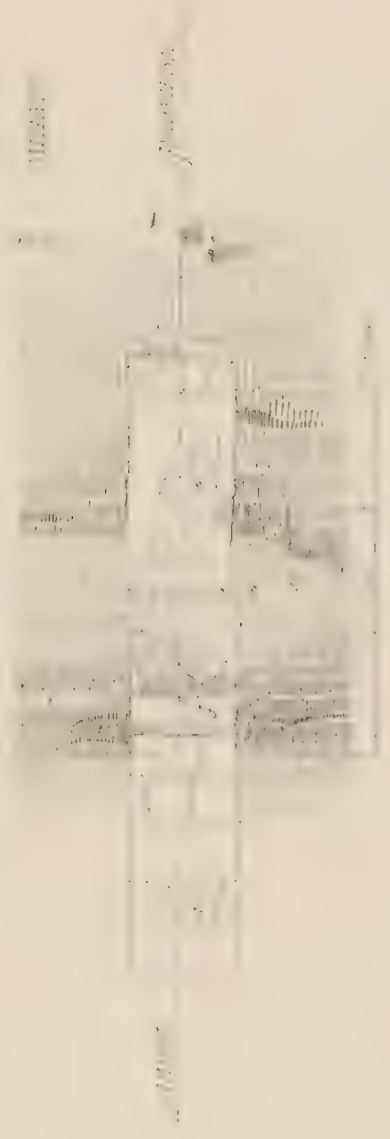
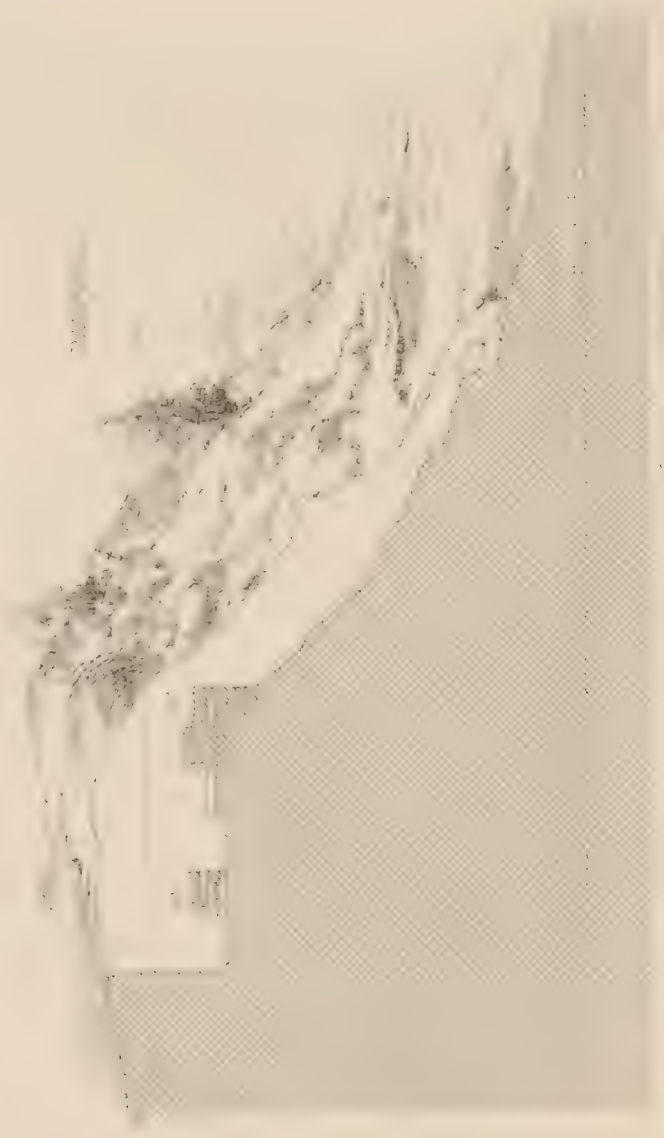
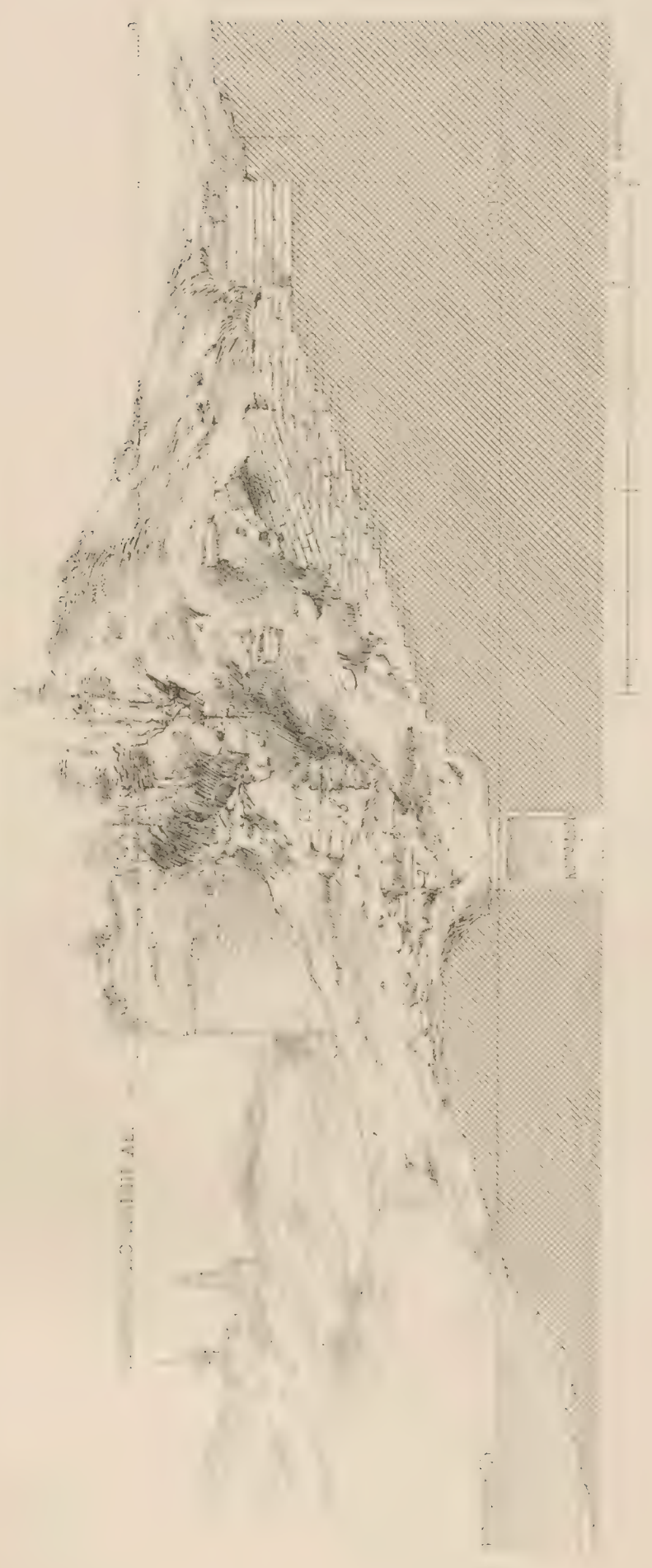

ПЛАНЪ ПЛОЩАДИ КЪ КОЛОДНИ ДОМЪ АНДРЕЕВЪ ЗАТЪВНИИ ЗАВОДЪ
НА ВОСТОЧНОМЪ САСЪ Г. МОСКВА.

THE TOWN OF BOSTON, AS SEEN FROM THE WATER, 1860.

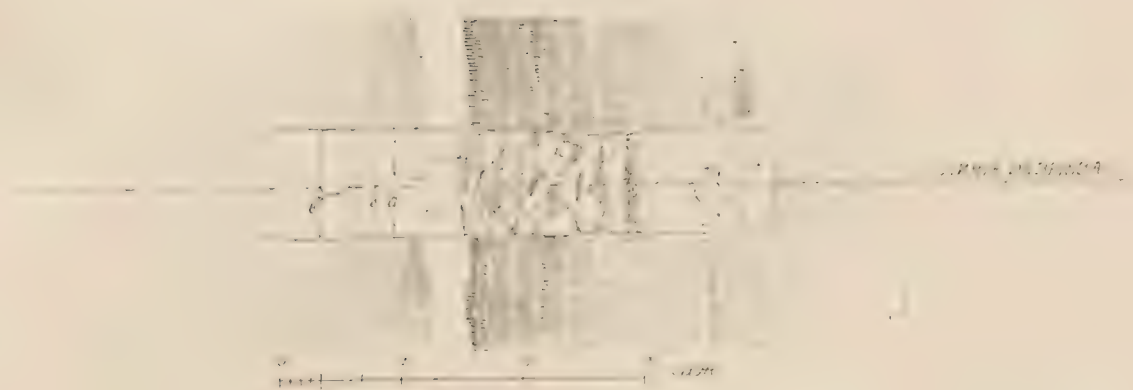
THE TOWN OF BOSTON, AS SEEN FROM THE WATER, 1860.

PLAN OF THE SITE OF THE
ANCIENT CITY OF SODOM

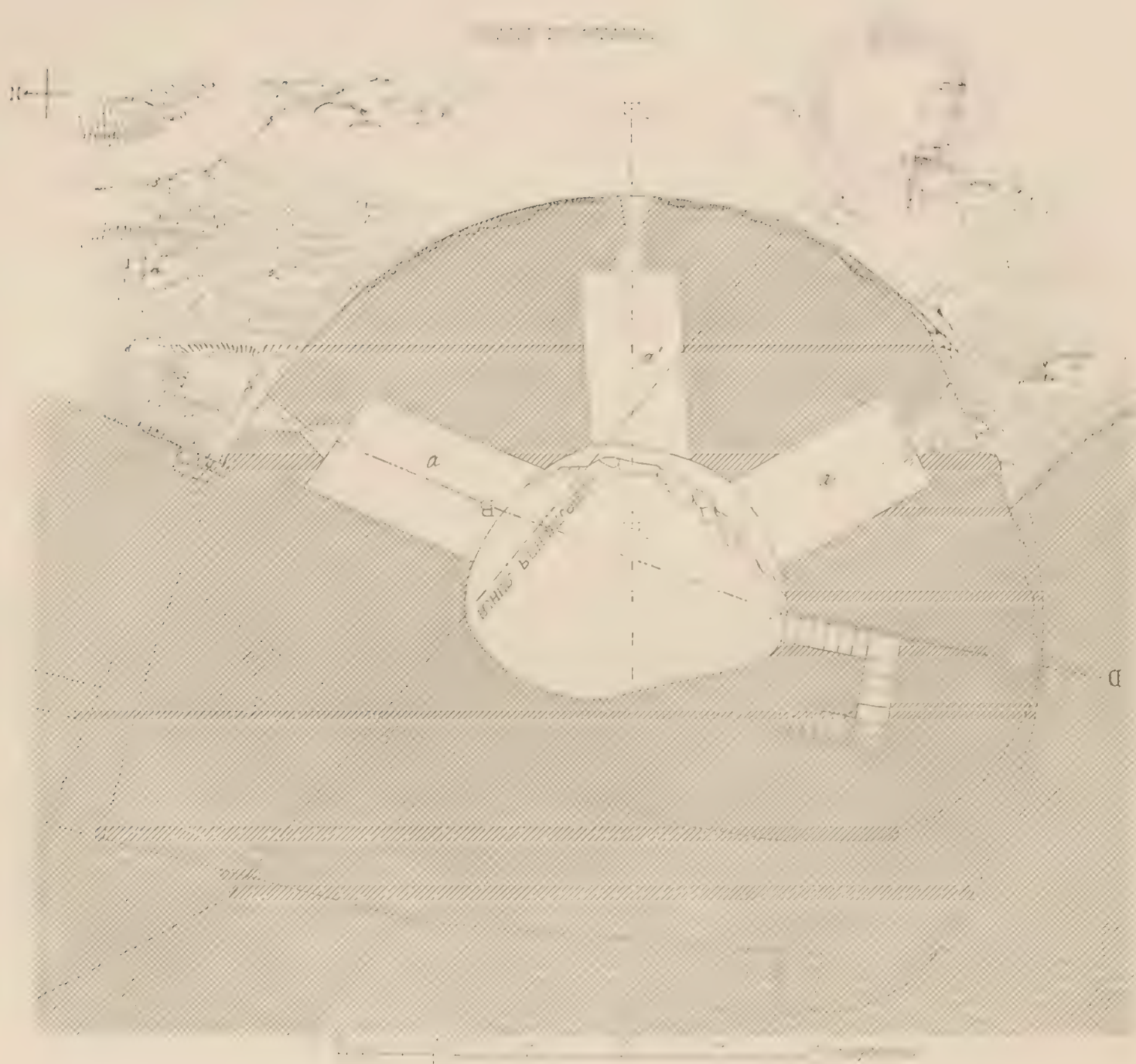

PLAN OF THE SITE OF THE
ANCIENT CITY OF GOMORRAH

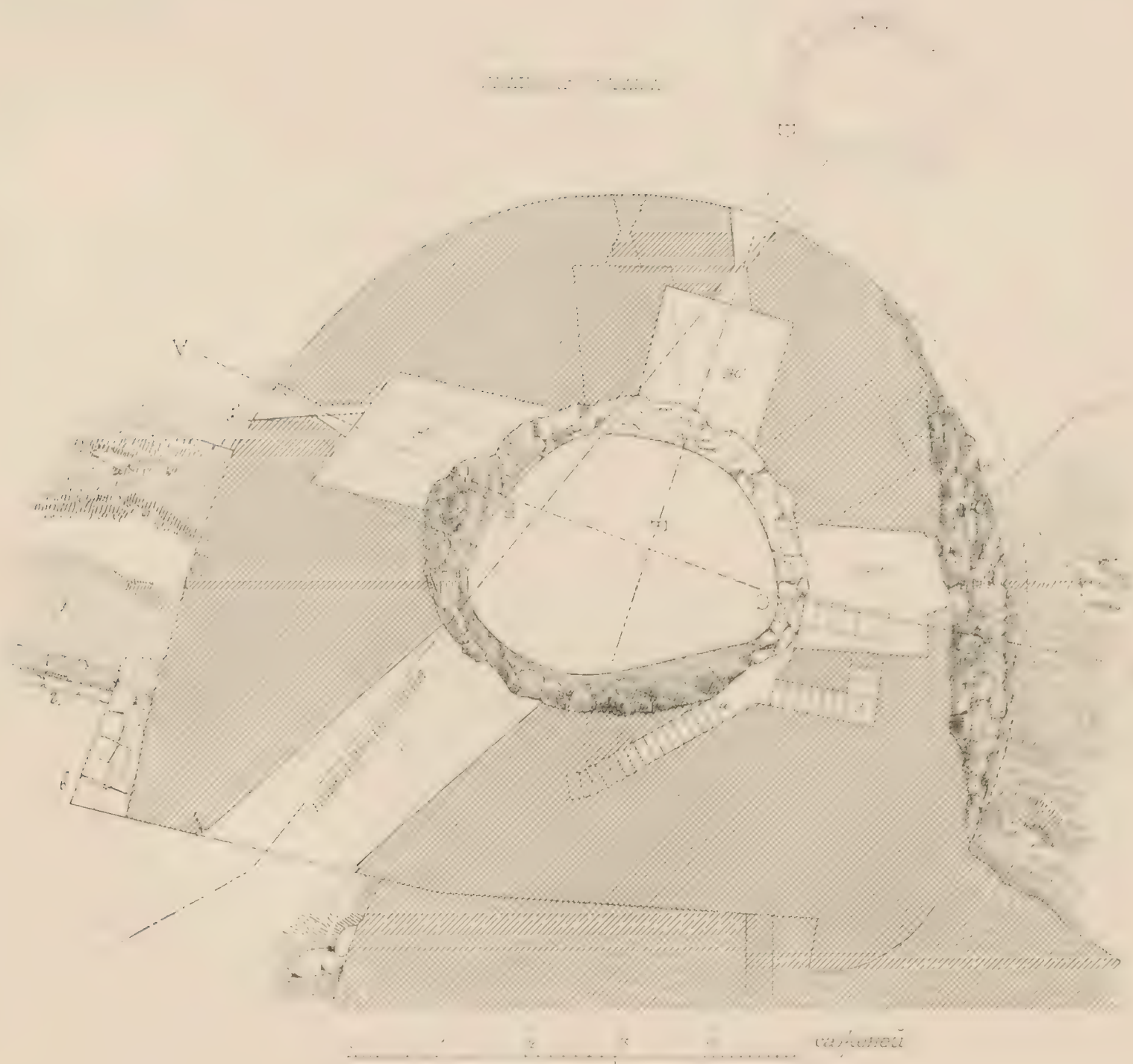

РАСКЛАДНАЯ БАШНЯ.

РАСКАТНАЯ БАШНЯ

РАСКЛАДКА БАШНИ.

ПЛАТФОРМА

РАСПОЛЖЕНИЕ БАШНИ

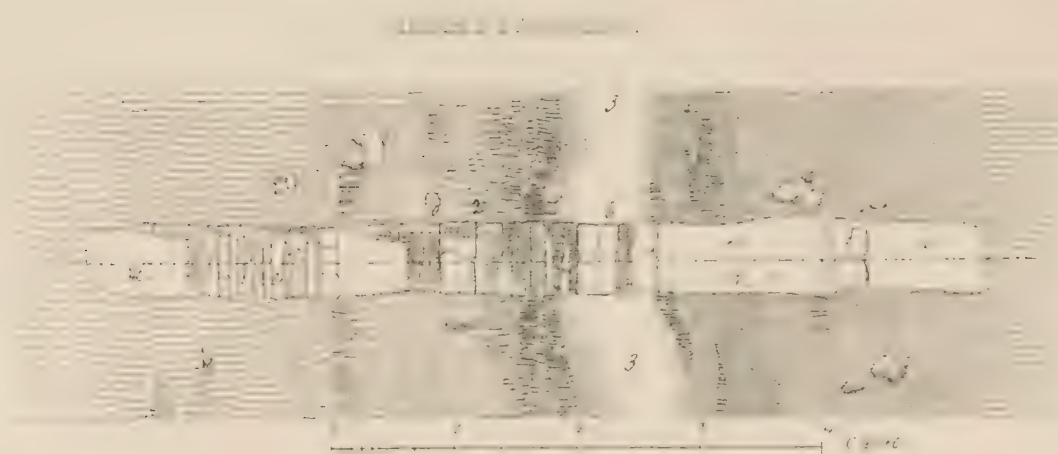
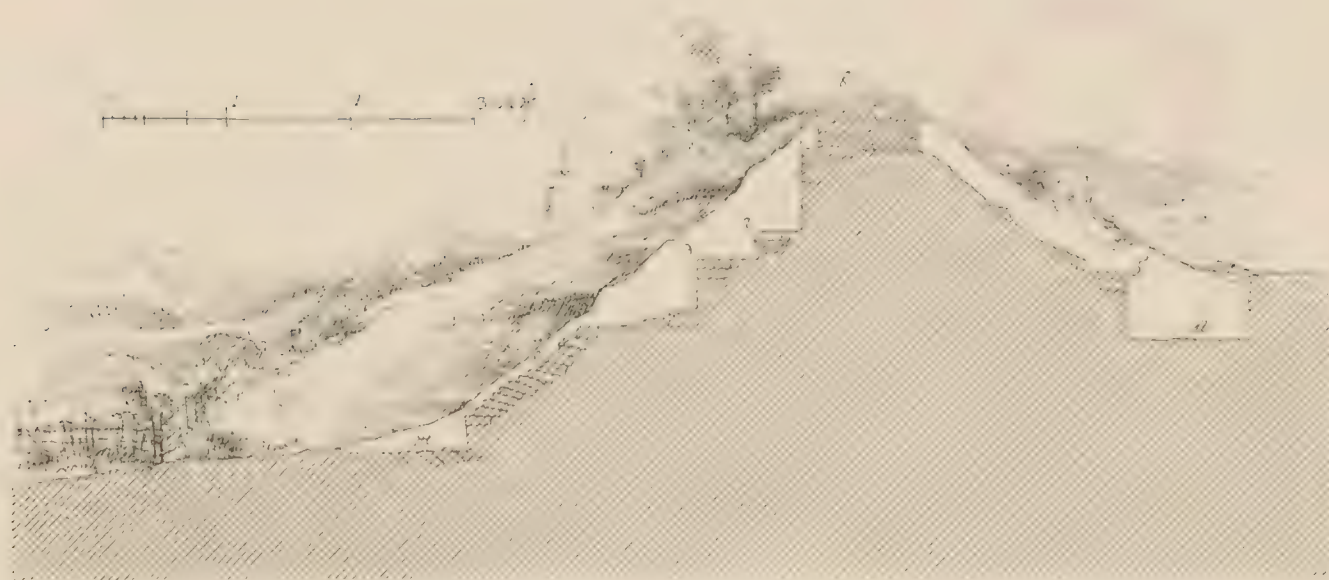
РАСПОЛЖЕНИЕ БАШНИ

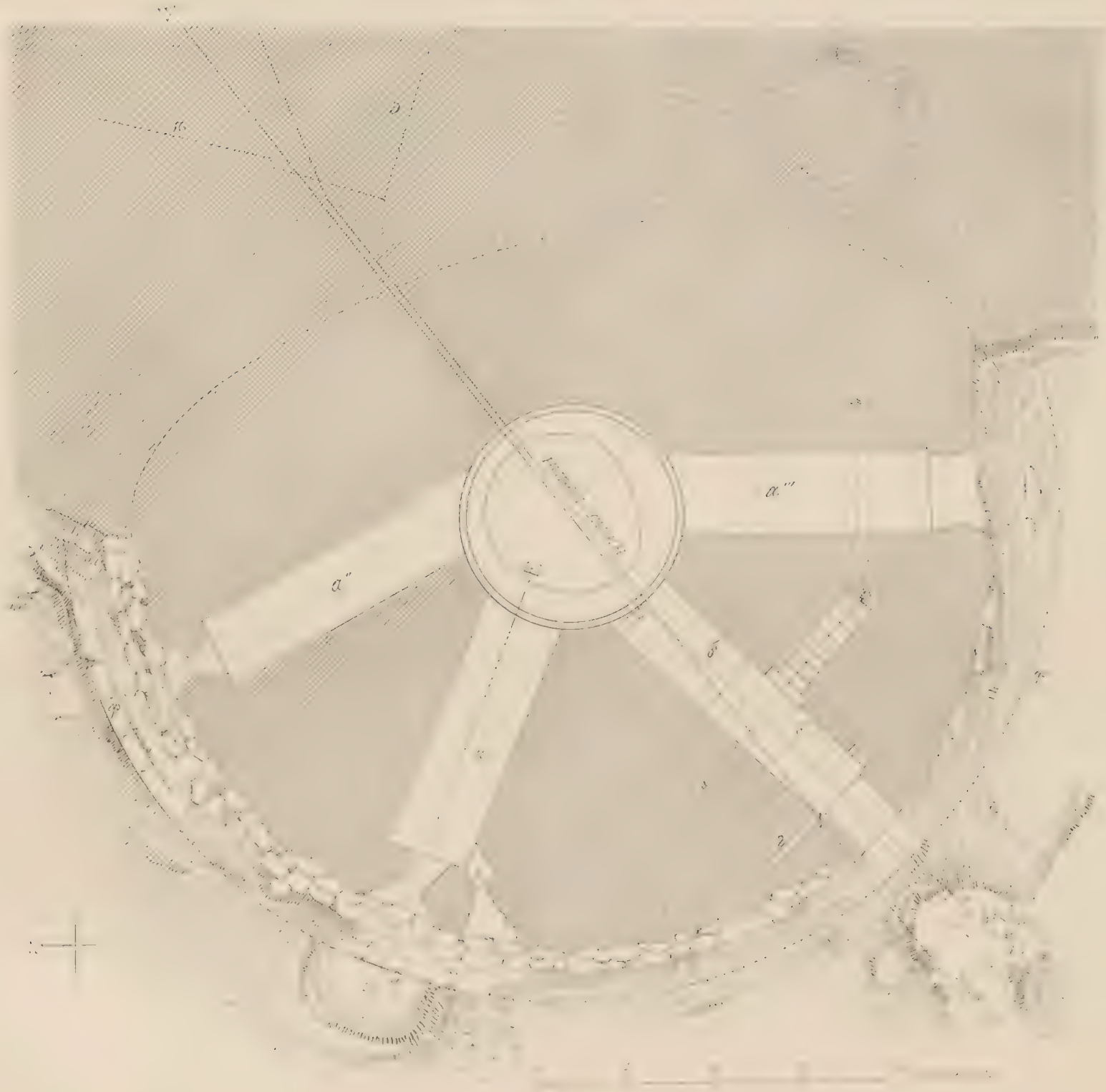
РАЗВЕДОЧНАЯ РАСКОПКА С

на территории Восточного участка

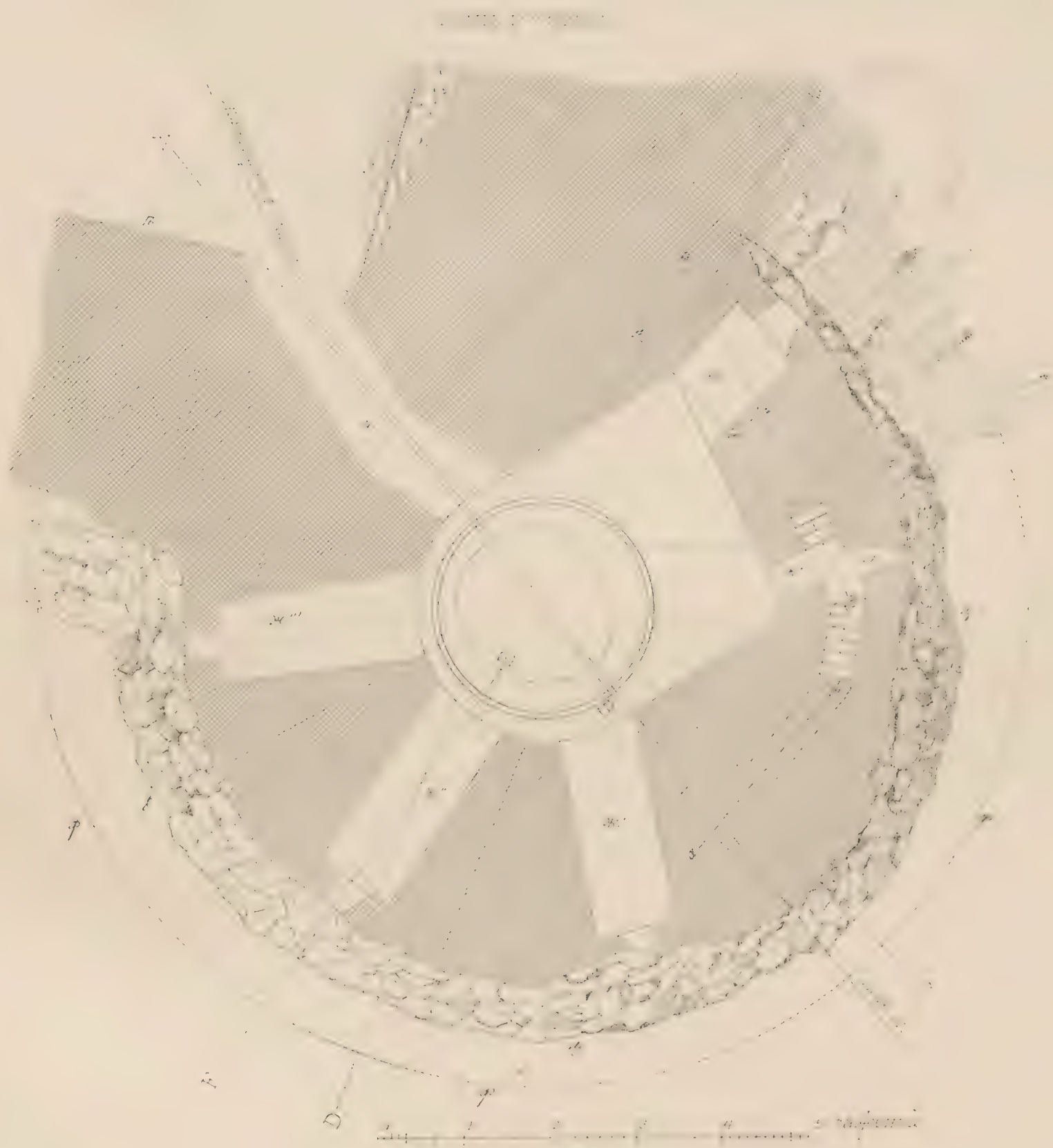

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

ЦИМЕНТОБЕТОННАЯ БАШНЯ

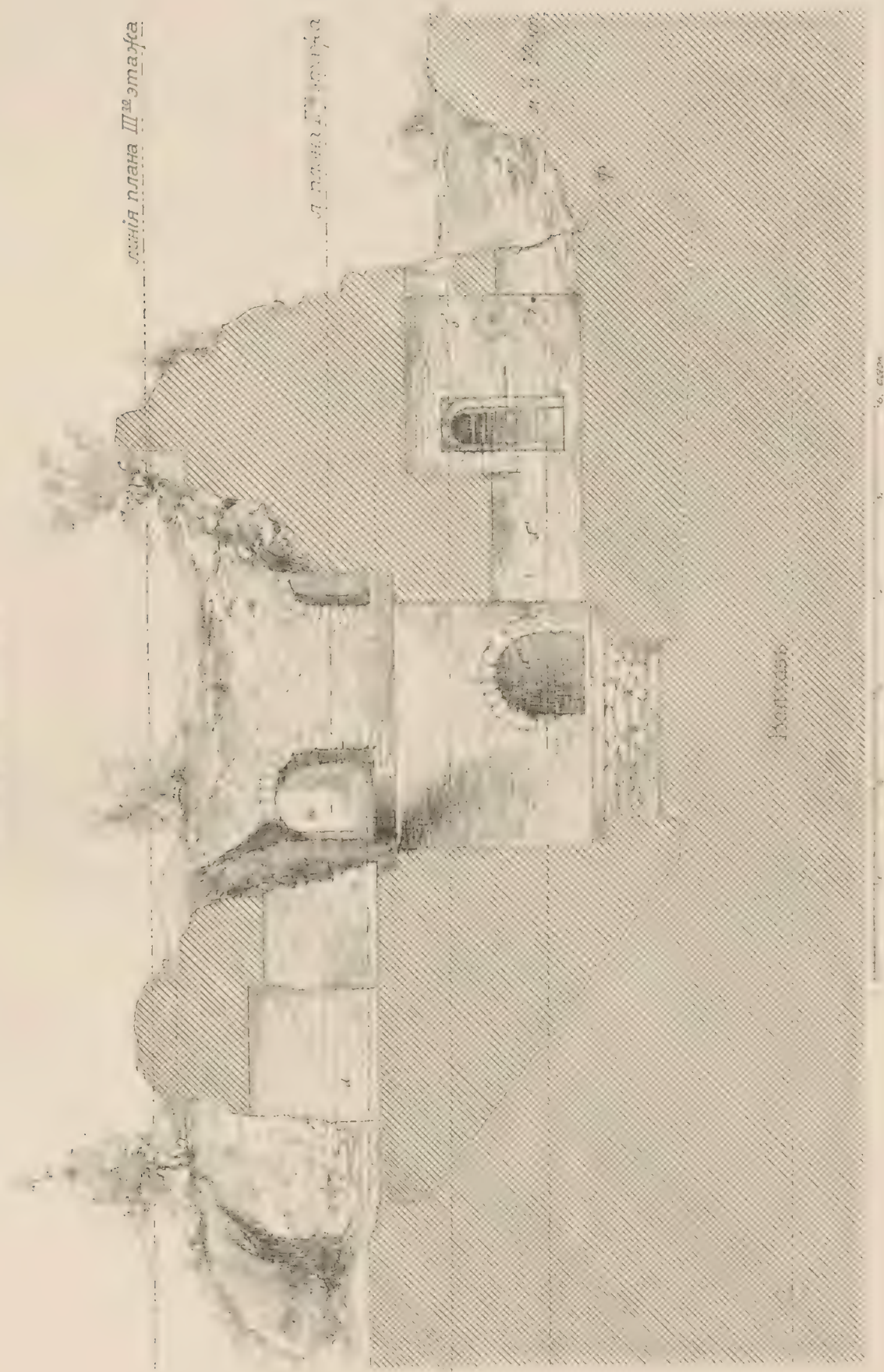
КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ

Вид с юго-запада

КЛИНЕНТОВСКАЯ БАШНЯ

План и фасад башни
по данным арх. М. М. М. М.

2.

1.

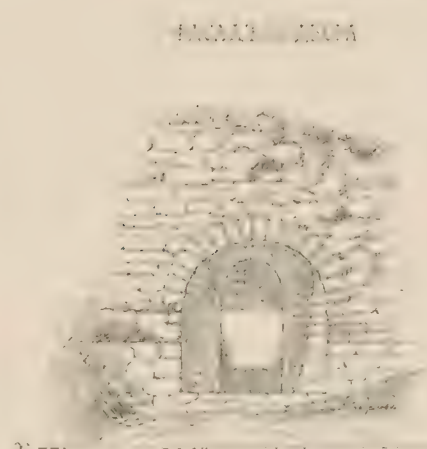

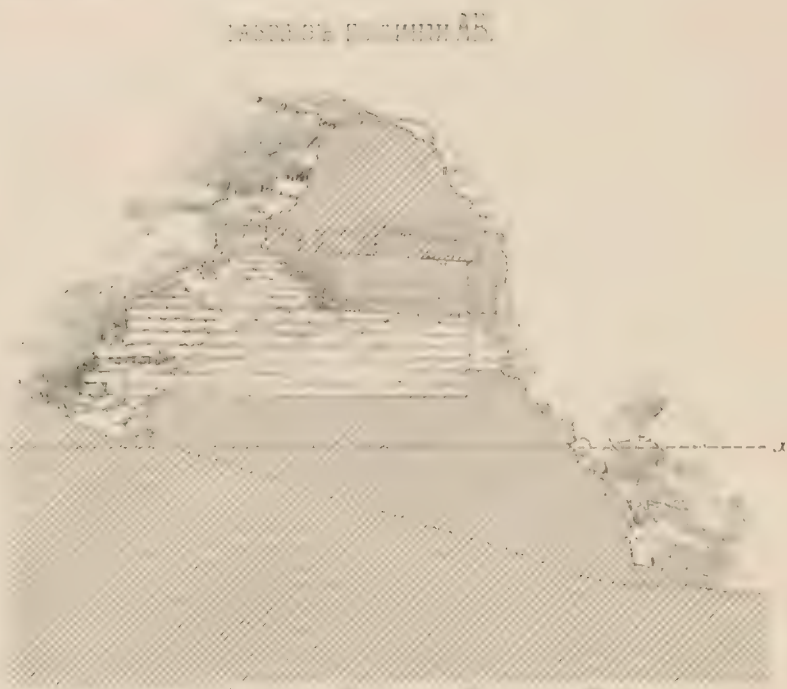
АМБРАЗУРЫ ВЪ СТЕНѢ МЕЖДУ КИМЕНТОГСКОЙ И ГОРОДНОЙ БАШНЯМИ
(См. планъ въ стр. 100)

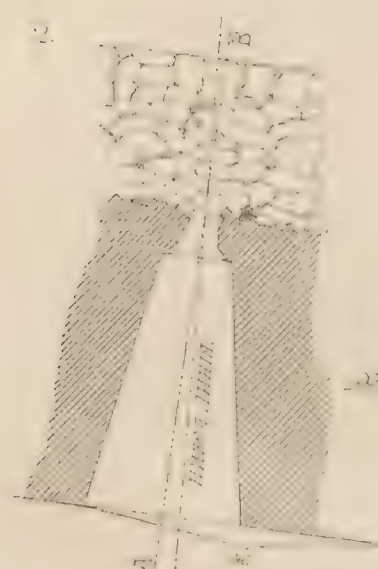
ПЛАНЪ АМБРАЗУРЫ

ХХ - СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ
ПОЯСЪ ЦѢПЕЙ А В. И. ПУШКИНЪ.

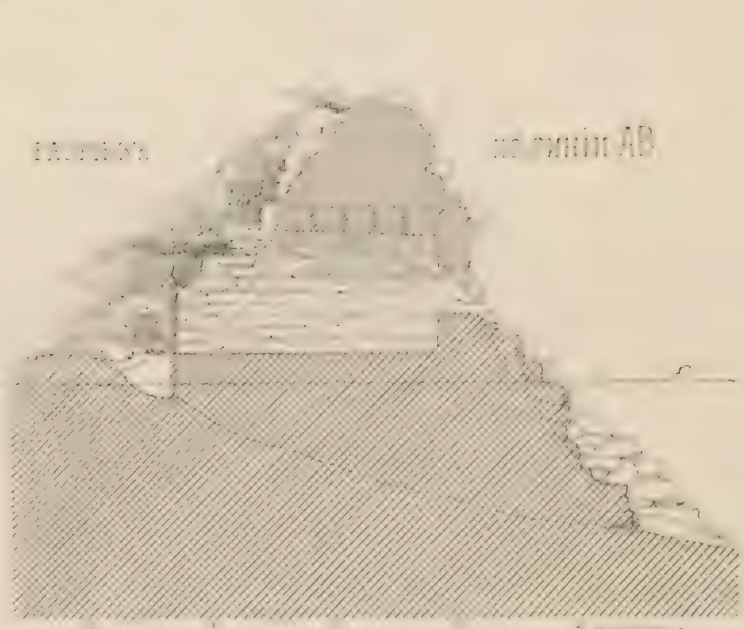
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

ПЛАНЪ АМБРАЗУРЫ

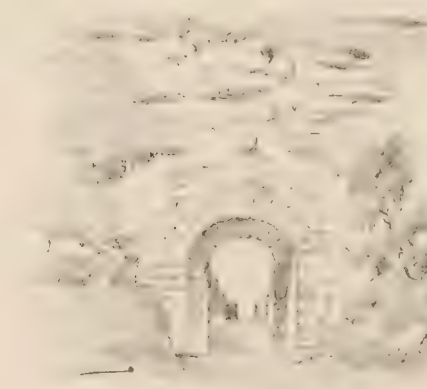
ХХ - СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ
ПОЯСЪ ЦѢПЕЙ В. И. ПУШКИНЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

ПЛАНЪ АМБРАЗУРЫ

ХХ - СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ
ПОЯСЪ ЦѢПЕЙ В. И. ПУШКИНЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

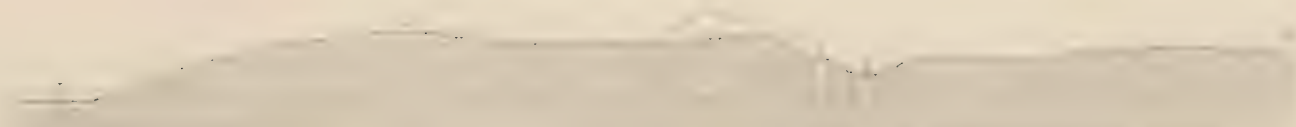
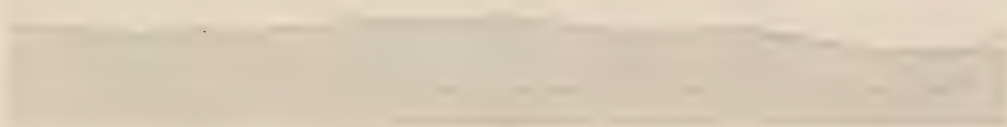

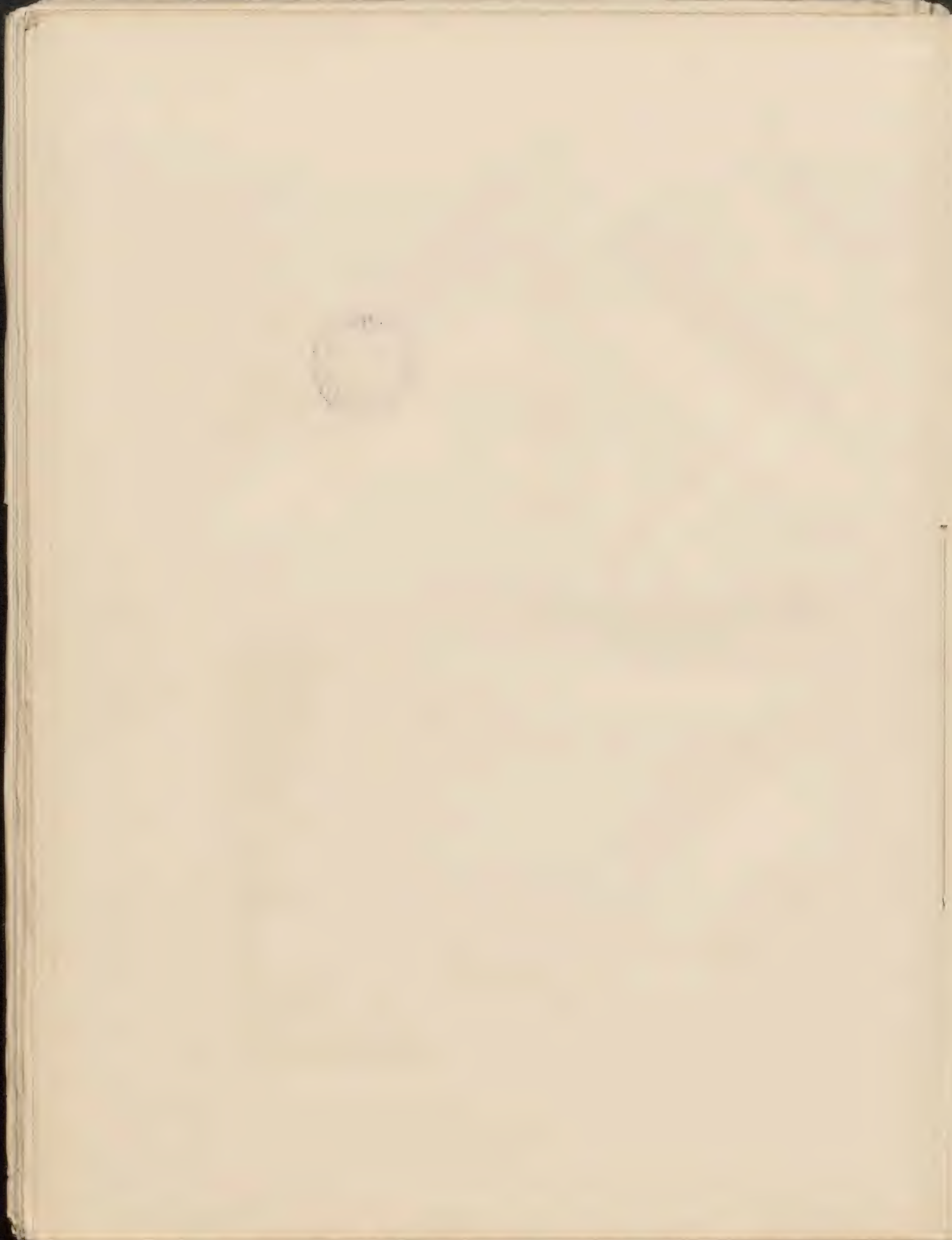
ПЛАНЪ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.
ГДѢ БЫЛЪ „ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОДЪ“ (КРЕПОСТЬ).

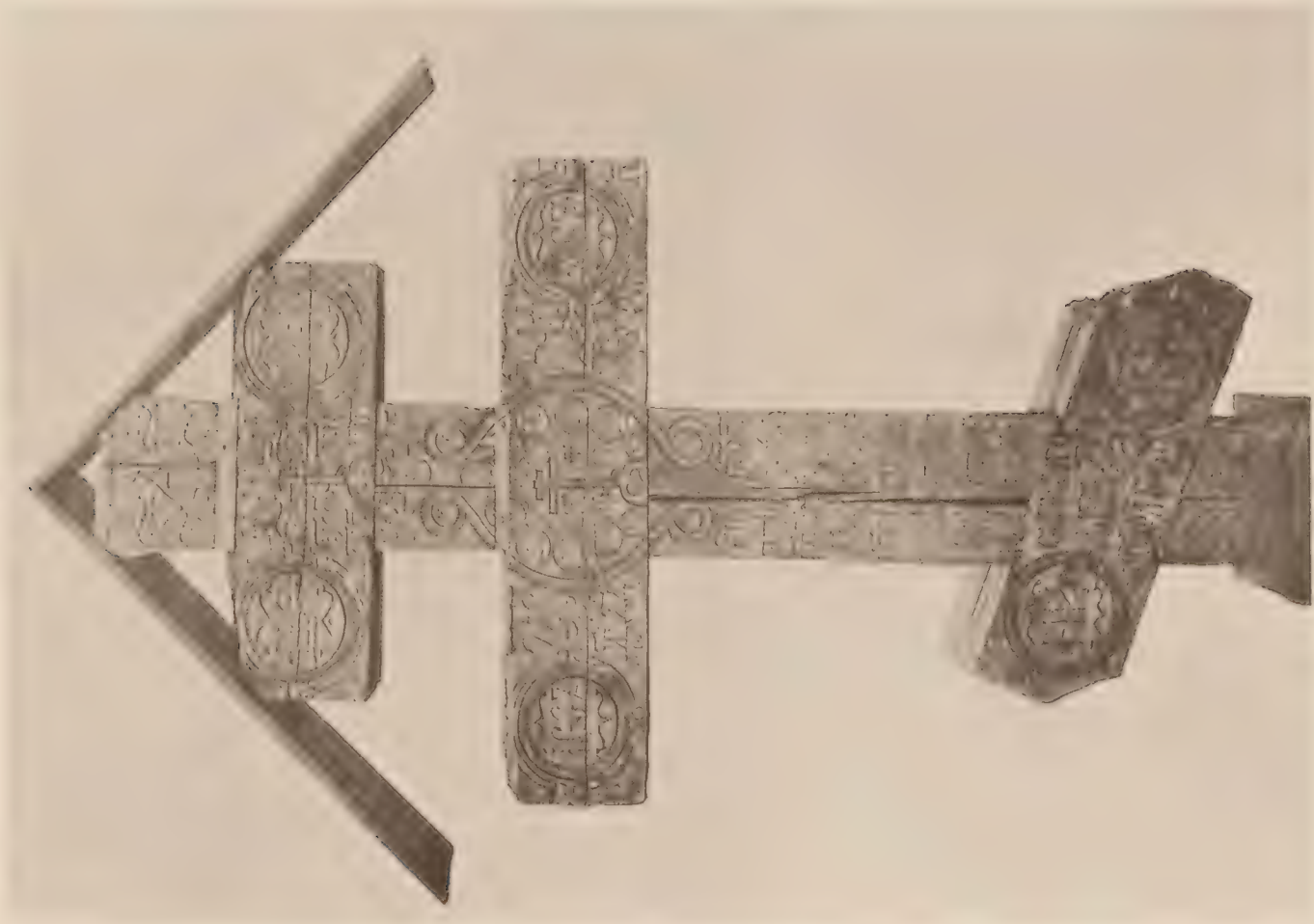
РАБЕТА НА ПЕРВОТО ПОСОБИЕ. ГДЕ НАСЪ - ПОСЛЕДНИТЕ ПОСОБИЕ (18 ПОСЛЕ)

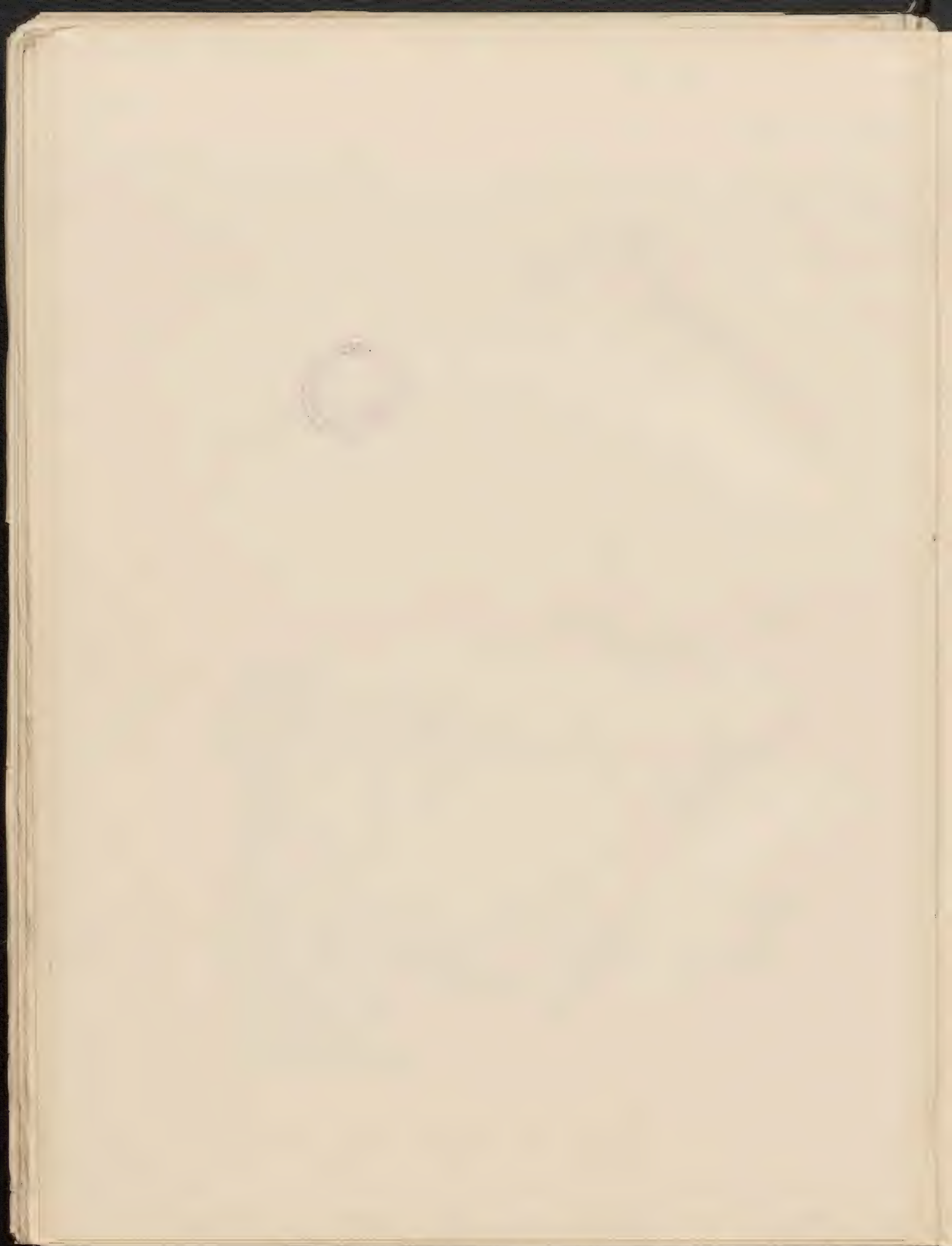

ЦРКВЬ СЪВЪСВѢТІА СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЪ (144 Г.).

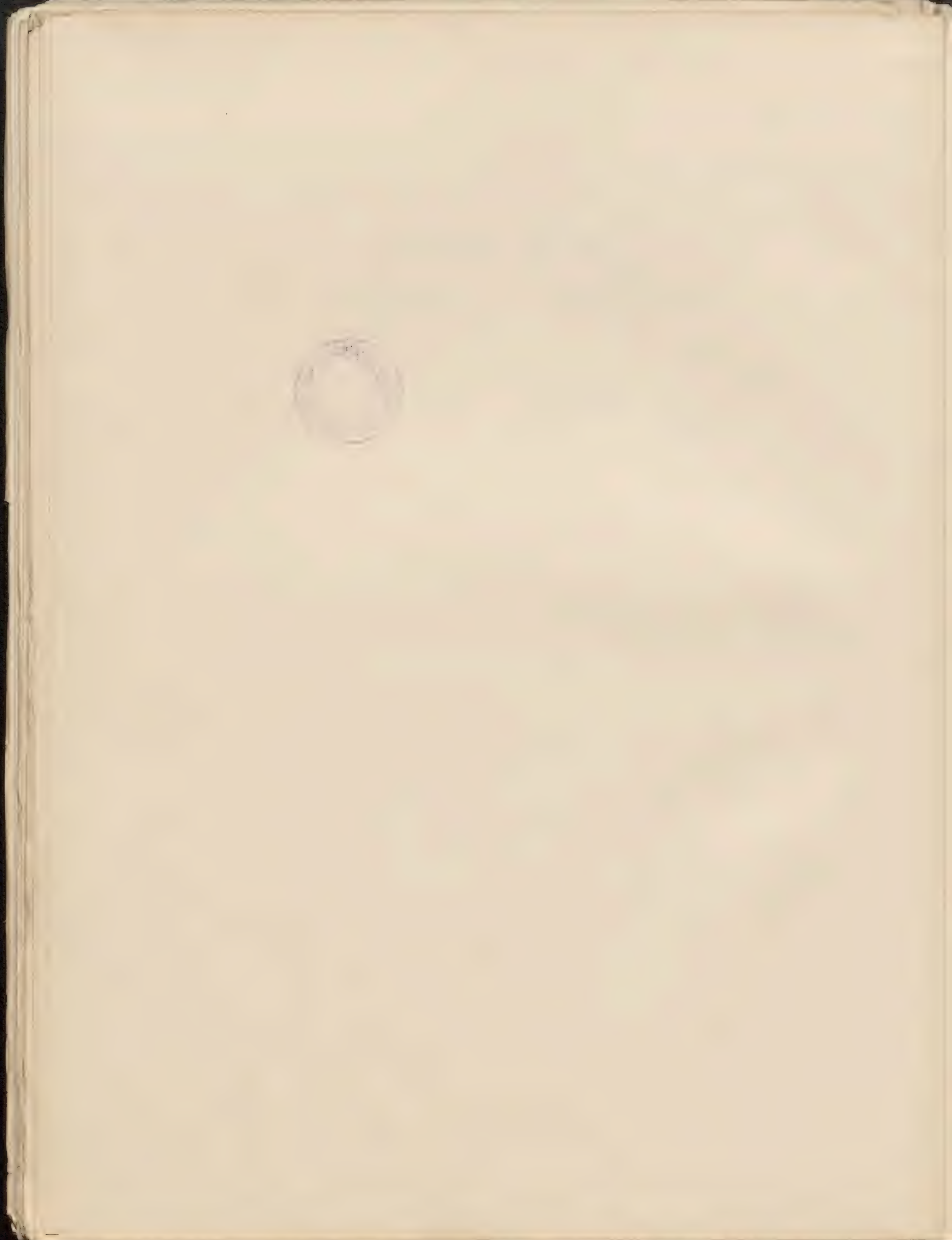
ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ІЗЪ КАМЕННЫМЪ ГОРОДИЩЕМЪ
ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

Планъ церкви.

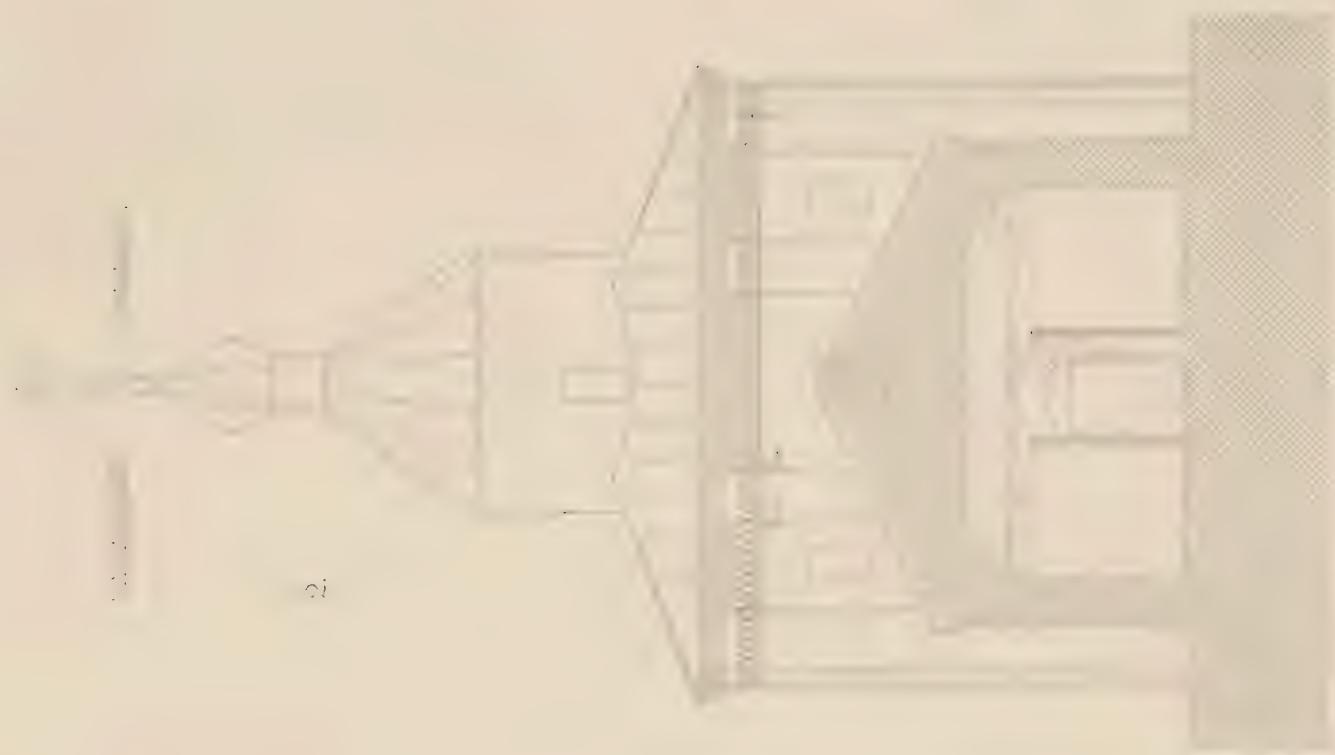
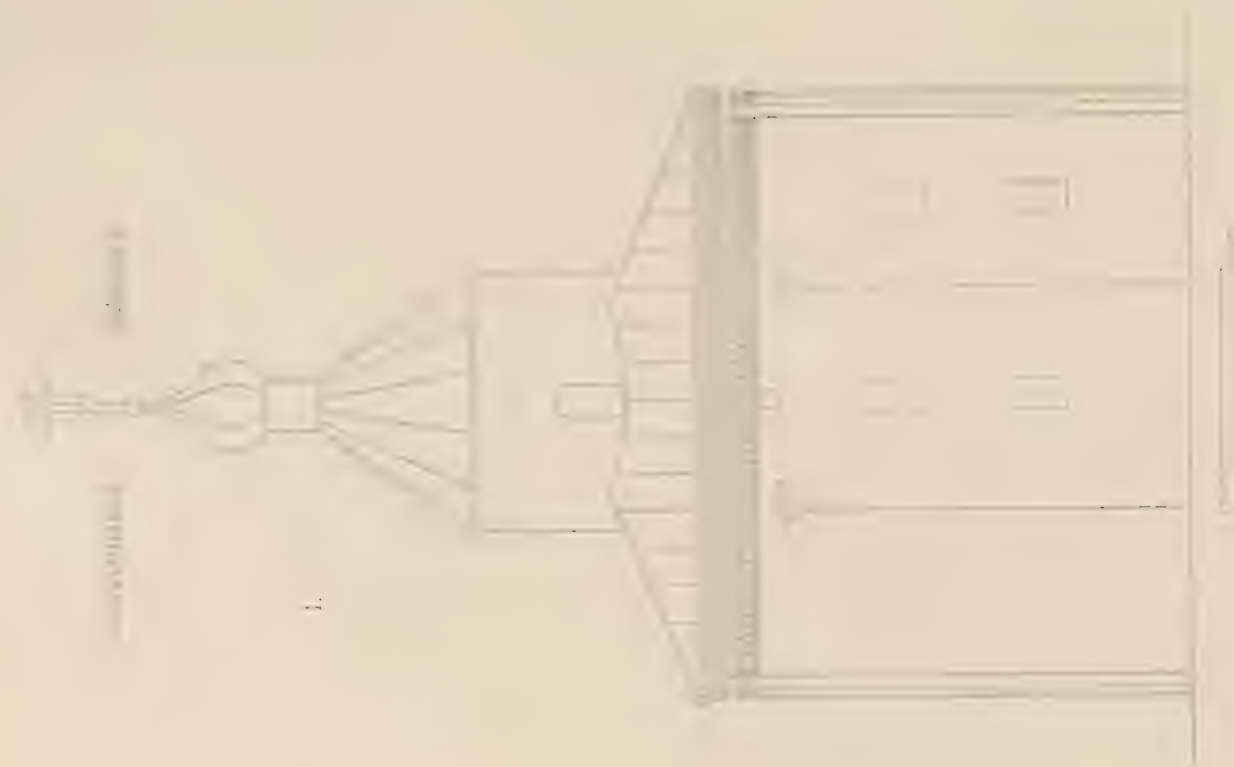

Планъ города.

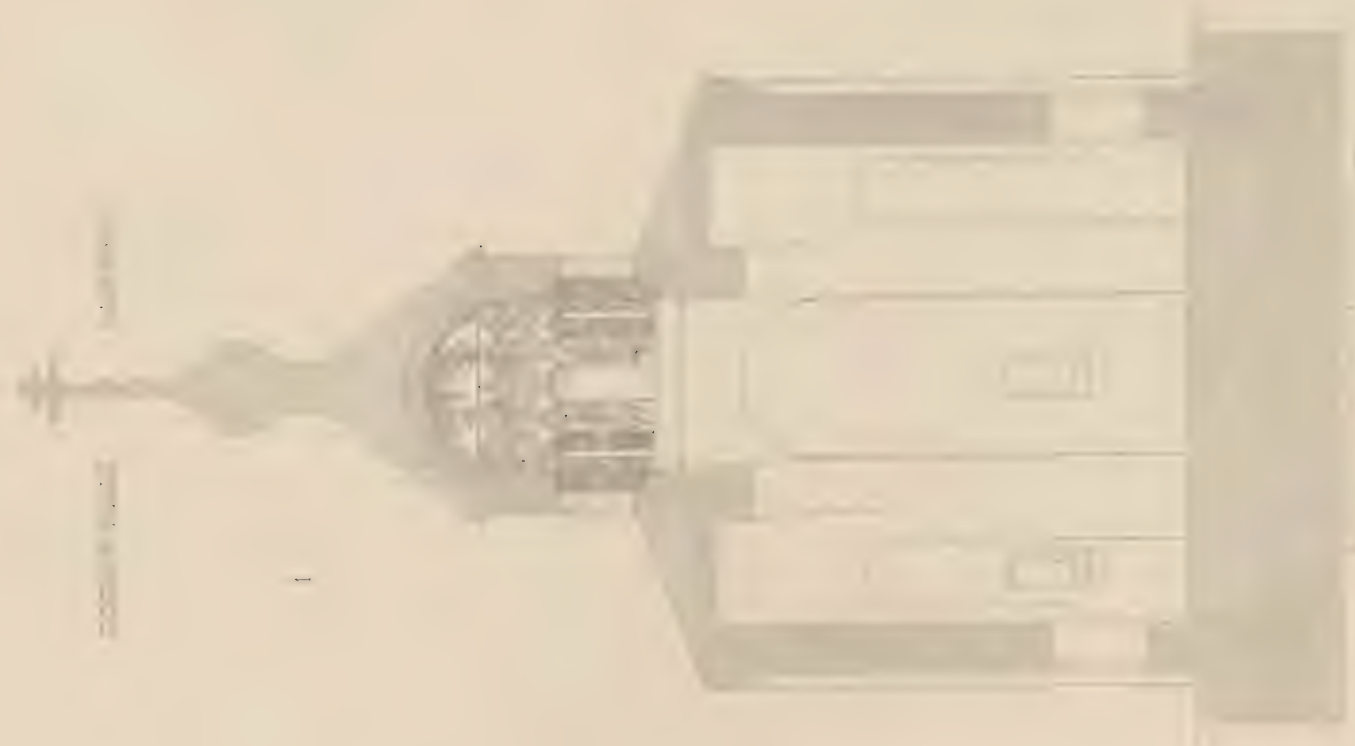
ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІИ БЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

Св. Георгій въ Каменномъ Городе

ЦЕРКОВЬ СВ. ГИОРГИ ВЪ КАМЛЕННУЮ ГОРОДИЩЕ

ЦЕРКОВЬ СЪ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

ВНУТРЕННЯЯ ПЕРСПЕКТИВА

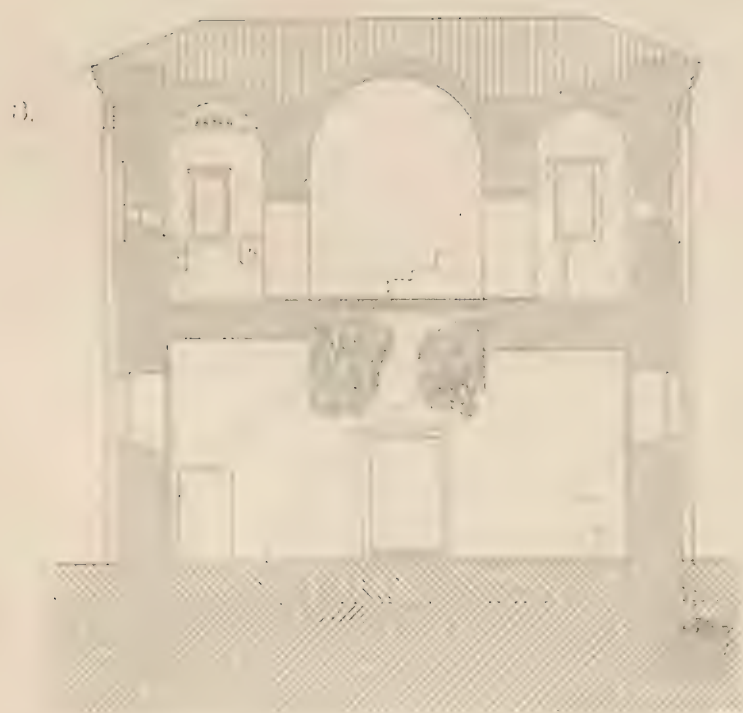
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

ВНУТРЕННЯЯ ПЕРСПЕКТИВА

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

ВНУТРЕННЯЯ ПЕРСПЕКТИВА

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

ВНУТРЕННЯЯ ПЕРСПЕКТИВА

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

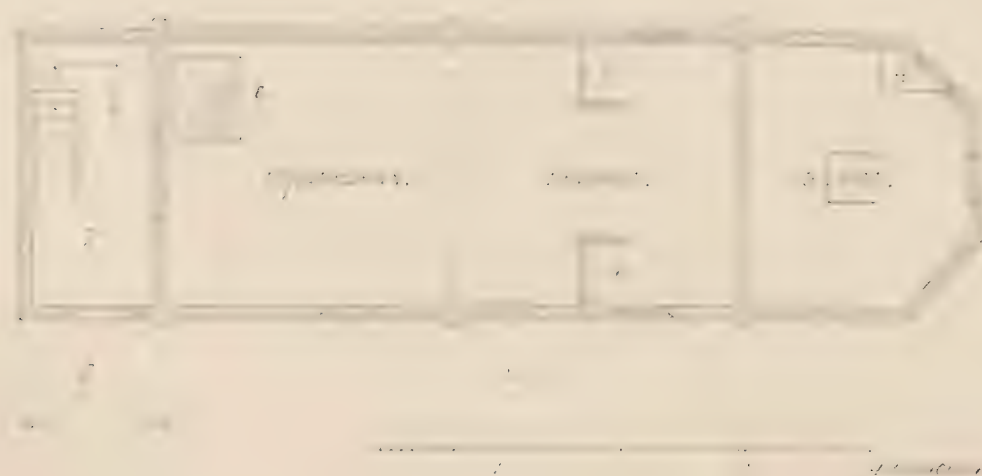
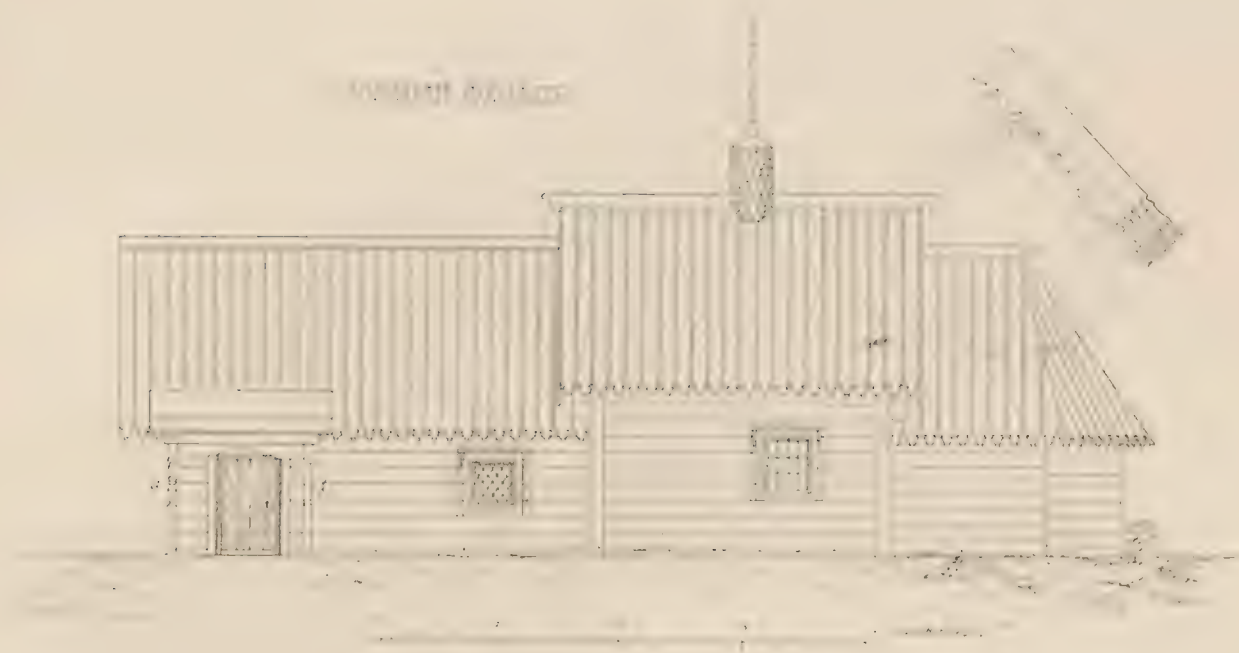
VIEW OF THE CHURCH AND THE HOUSE OF THE FATHER OF THE FATHERS

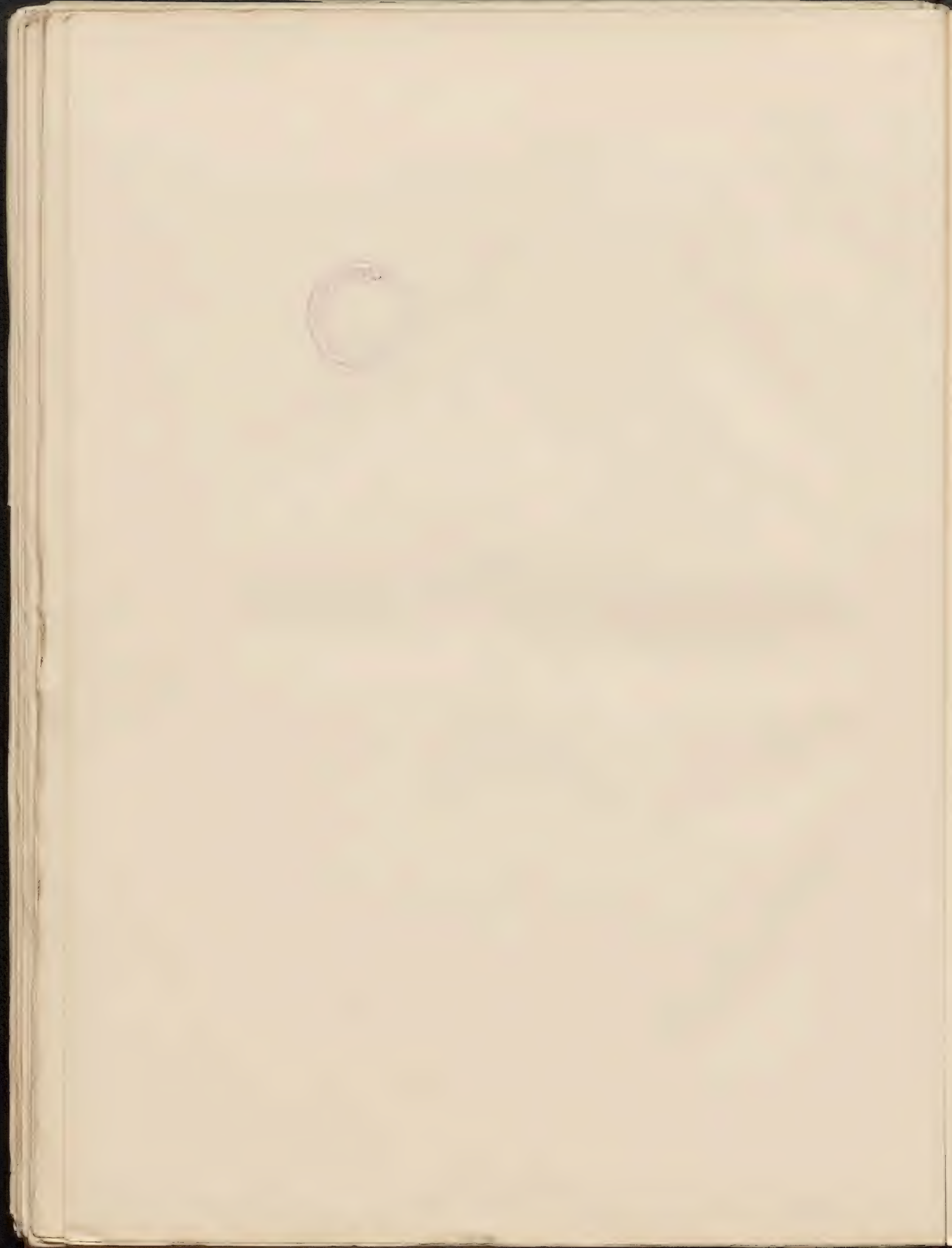

ЦЕРКОВЬ СВ. ДИМИТРИЯ СОЛНЦЕВАГО

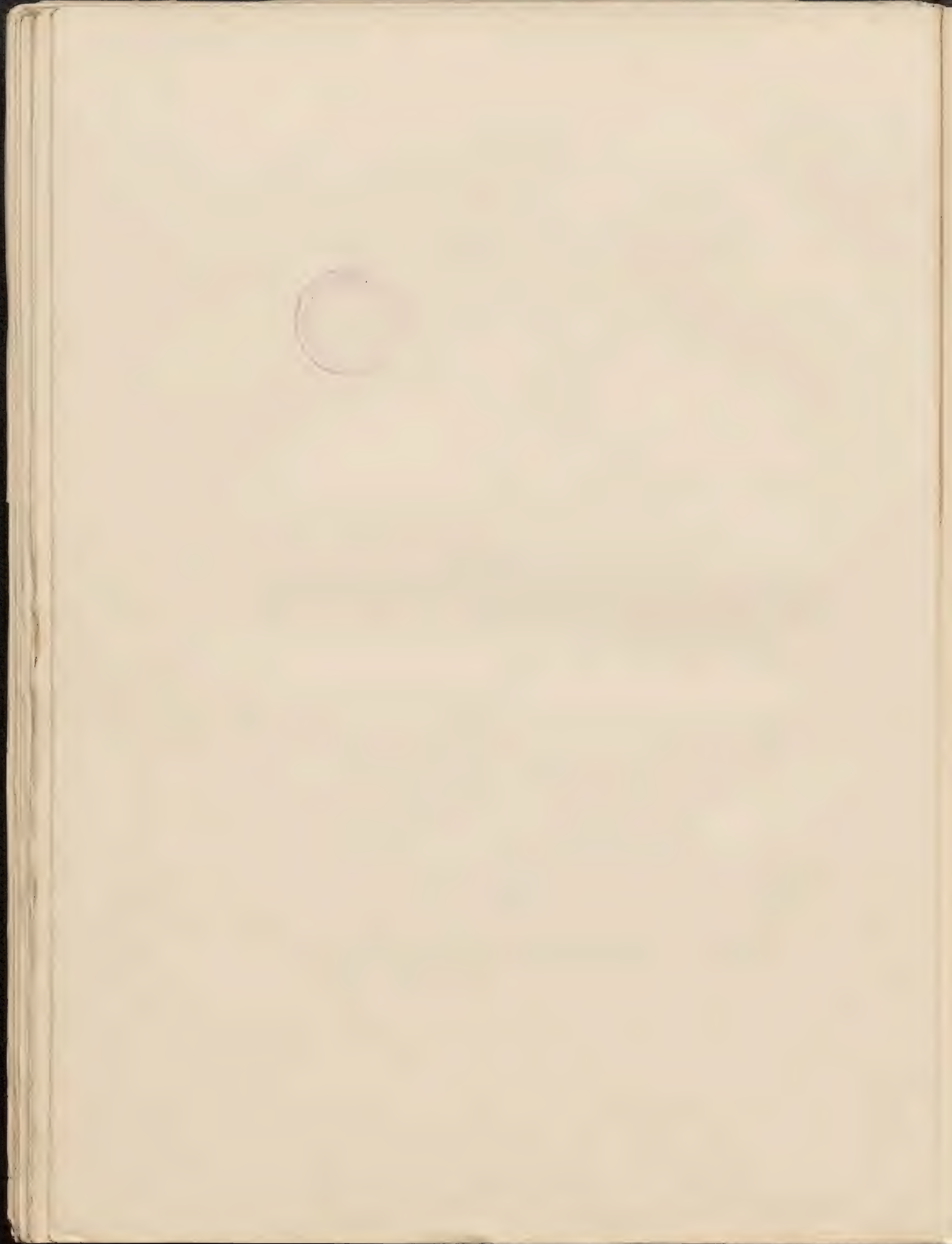
(План и фасад)

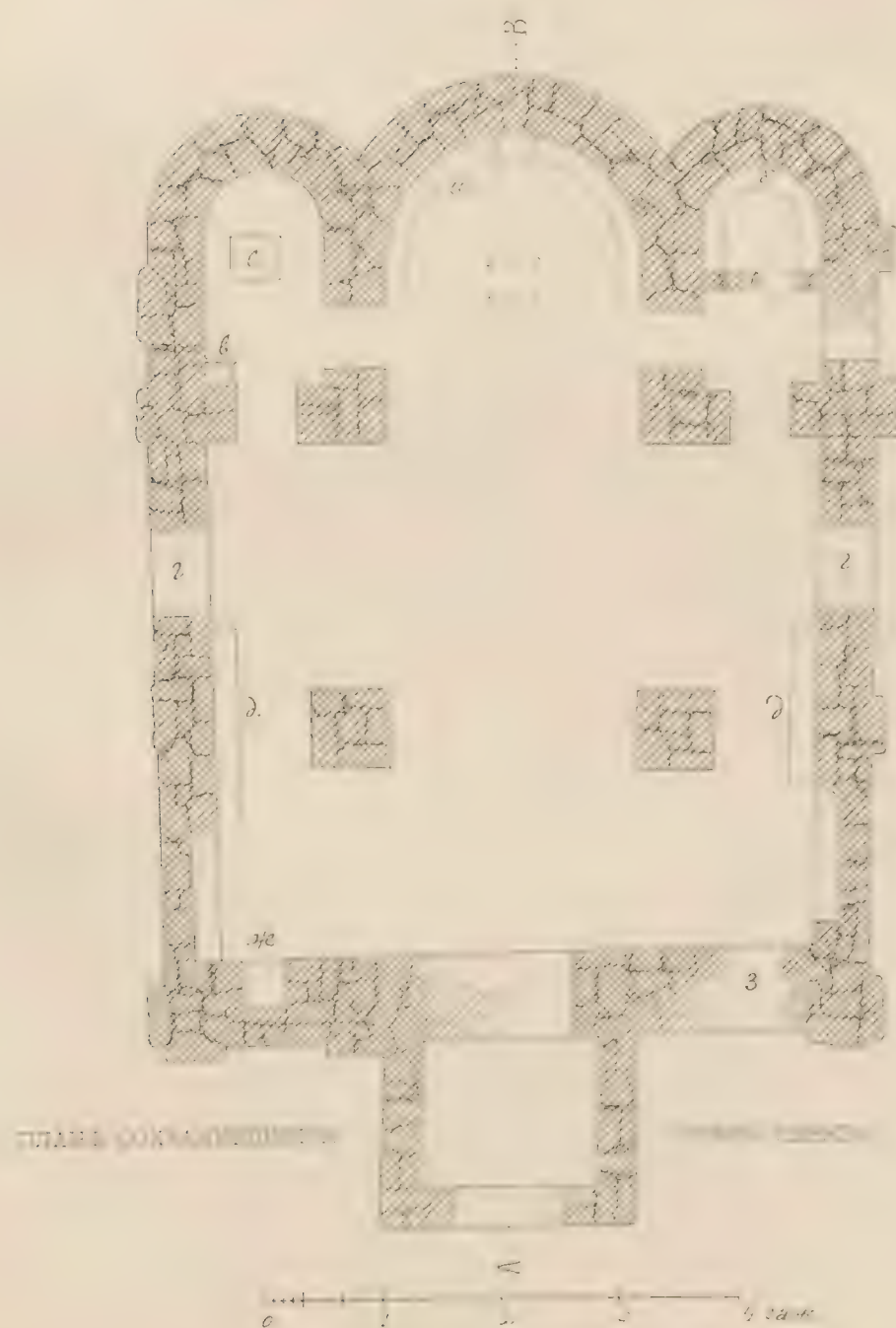
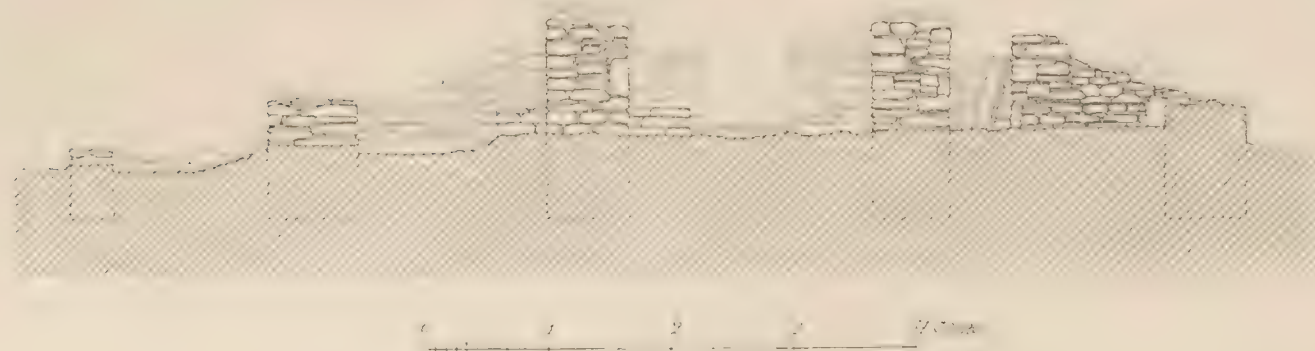

ЦЕРКОВЬ СВ. ДИМИТРИЯ СОЛУНСКАГО ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩЕ.

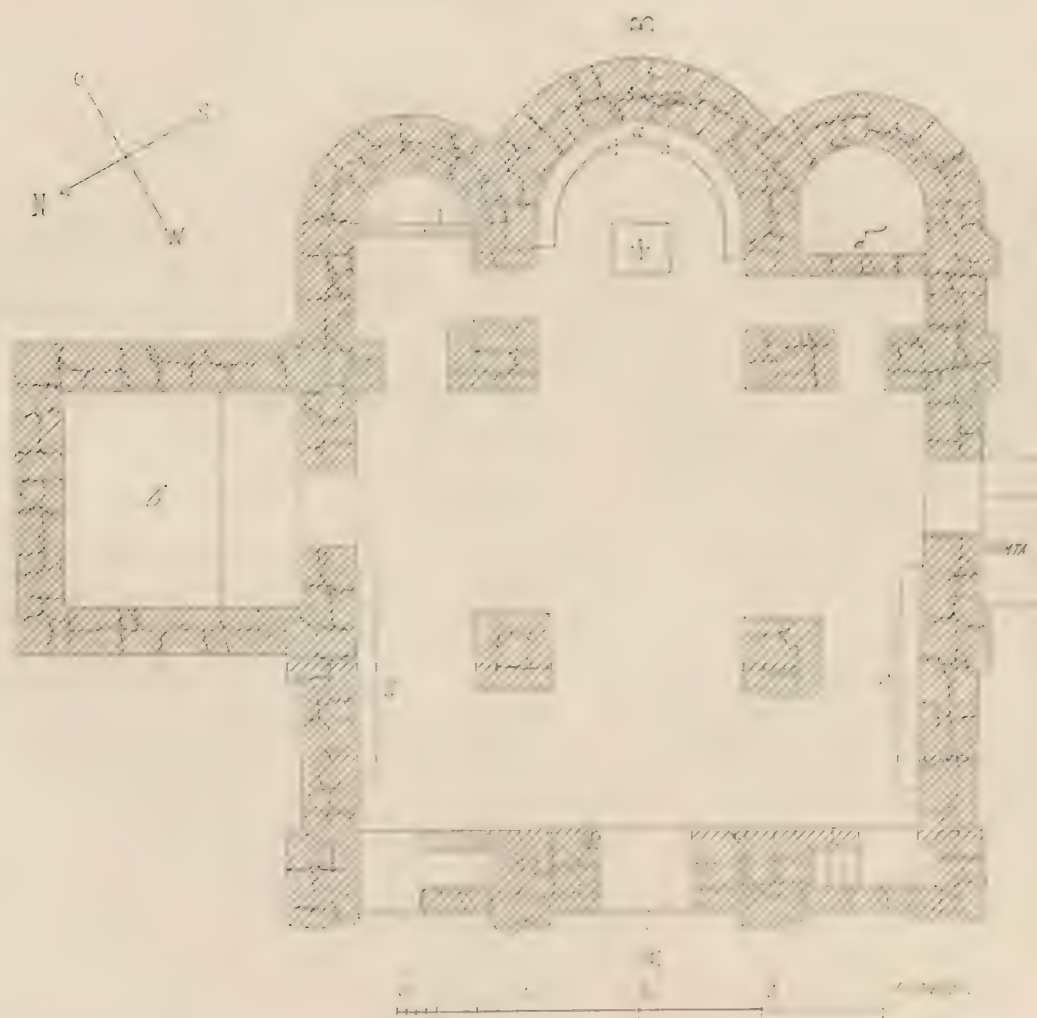
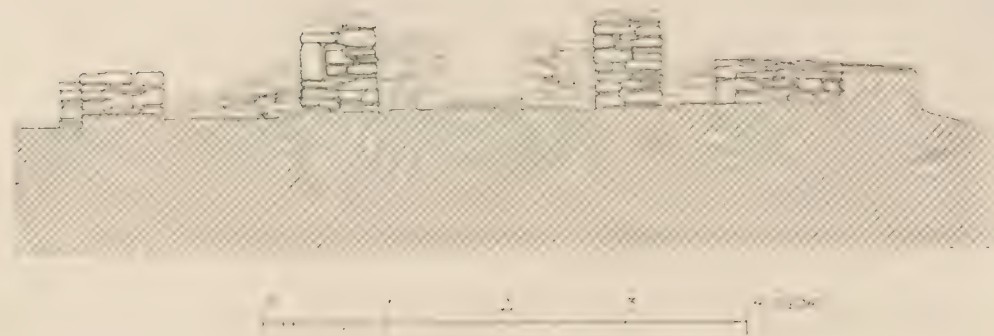

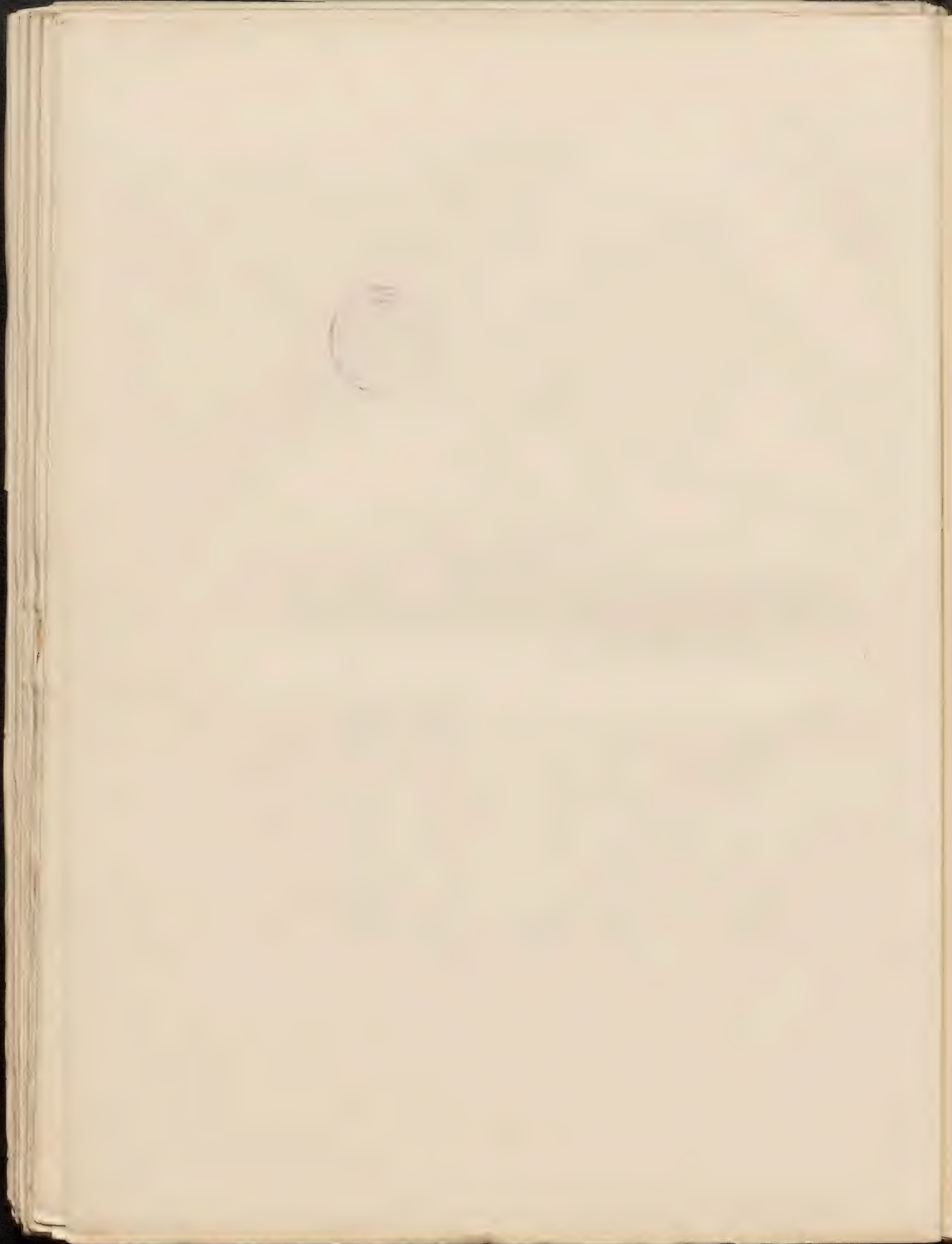
РАЗВАТИНЫ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ НА БЕРЕГУ Р. БОТКОЛА

ОСТАТКИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ НА ГЕБЕГУ В. ЛАДОЖИ.

Фрагменты штукатурки съ вырѣзанными надписями и изображеніями.

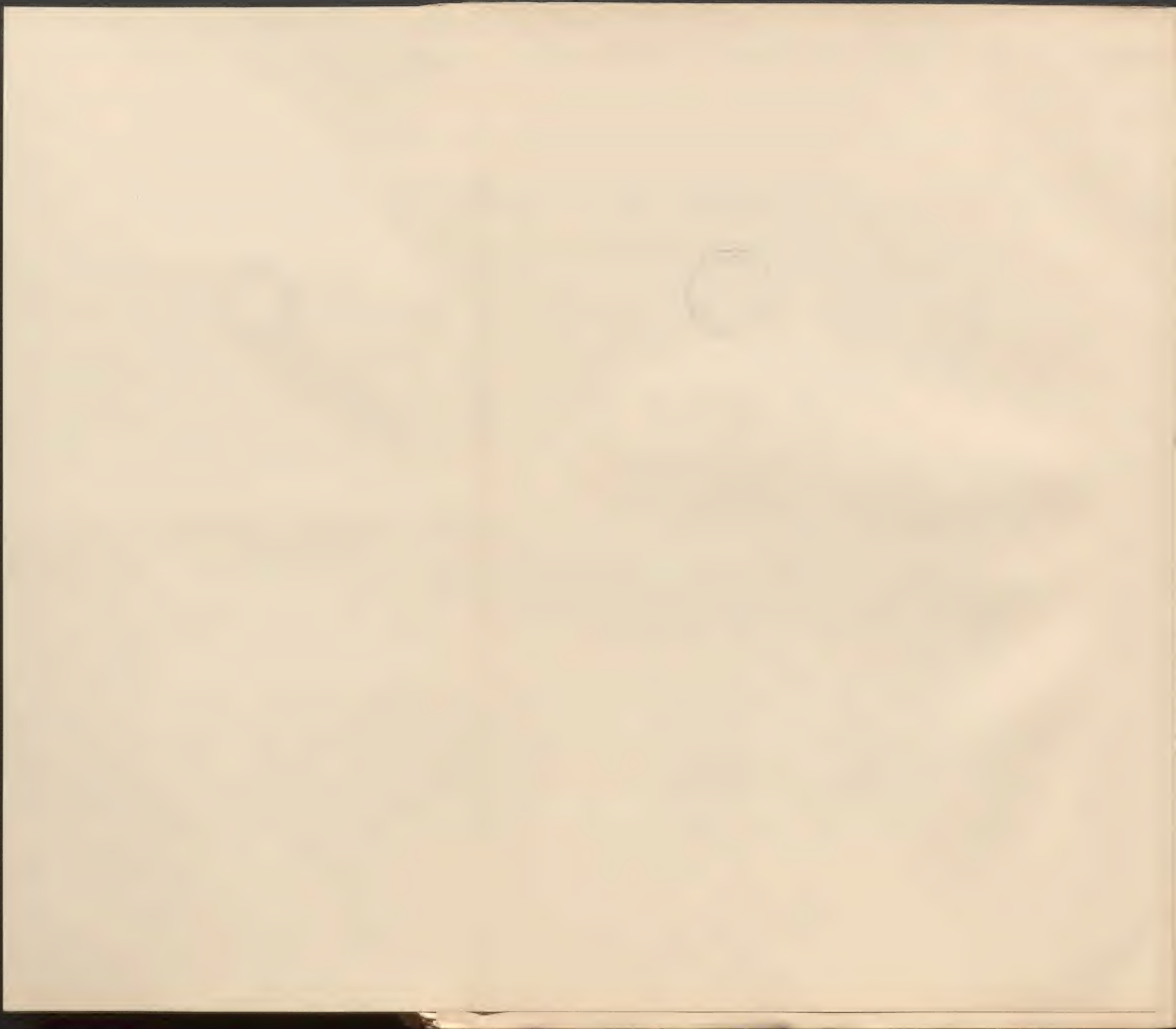
(Изъ развалинъ храмовъ таб. LIX и LX.)

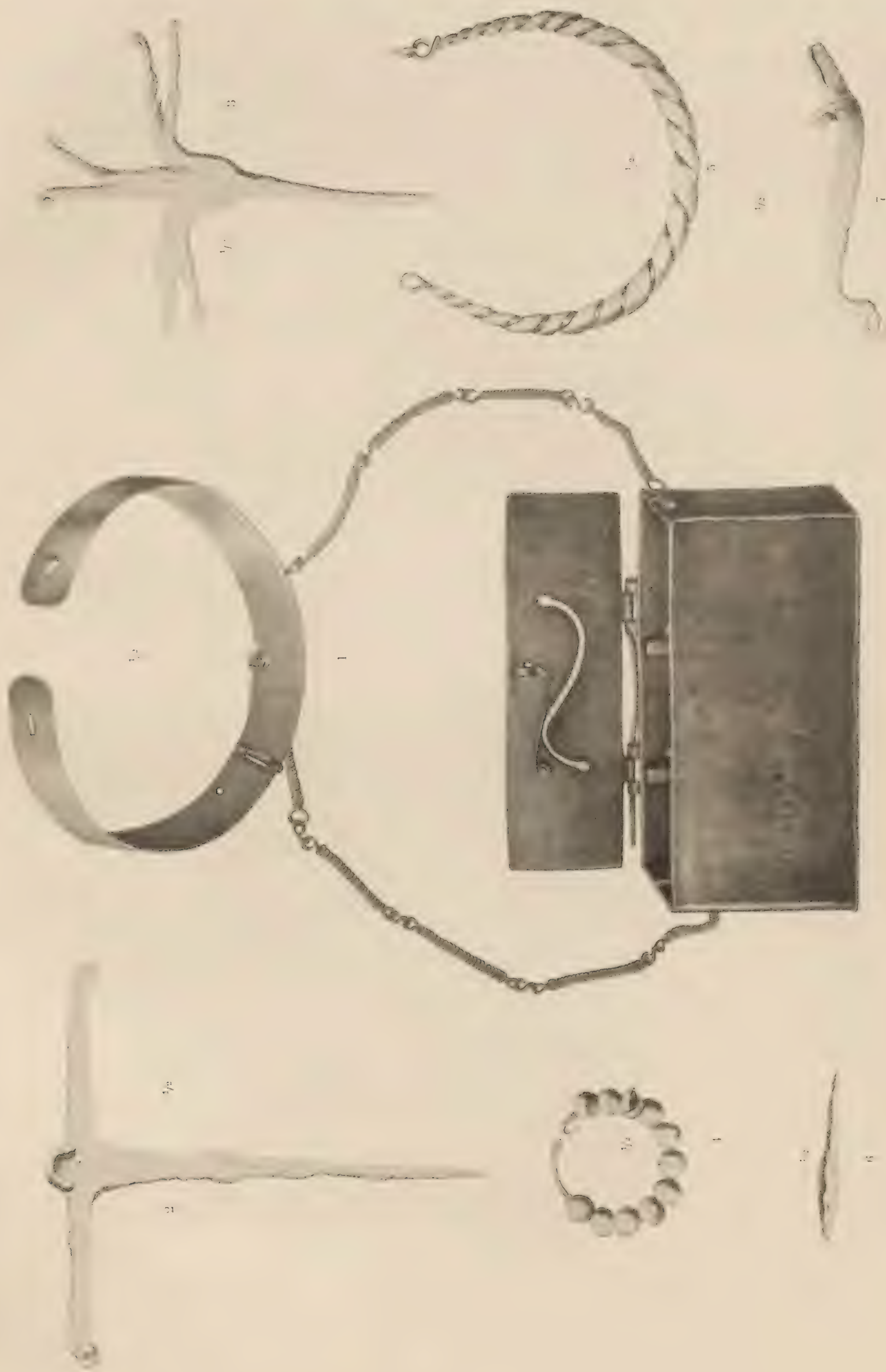

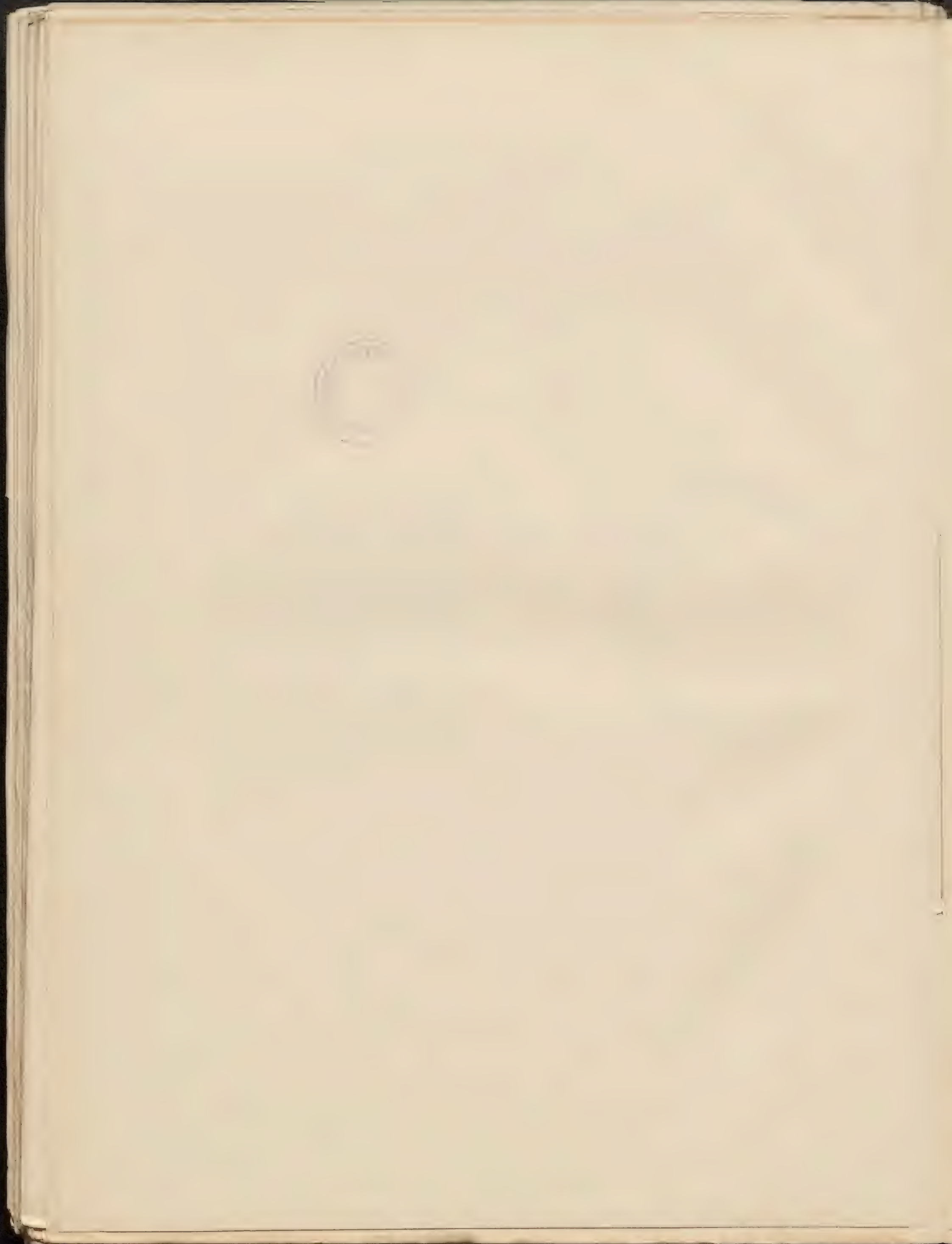
Фрагменты литукатурки съ вырѣзанными надписями и изображениями.

(Изъ развалинъ храма таб. LIX и LX.)

Находки въ каменномъ городищѣ: 1-Желѣзный ящикекъ на шейникѣ (б.м. покаянная сборная кружка для подаяній).
2-Желѣзная развалина храма таб. LXII; 3-Желѣзная развалина храма таб. LXII; 4-Желѣзная развалина храма таб. LXII; 5-Желѣзная развалина храма таб. LXII; 6-Желѣзные наконечники стрѣлы (въ завалѣ Климент.
башни); 7-Желѣзная шпора (въ амбразурѣ западной стѣны).

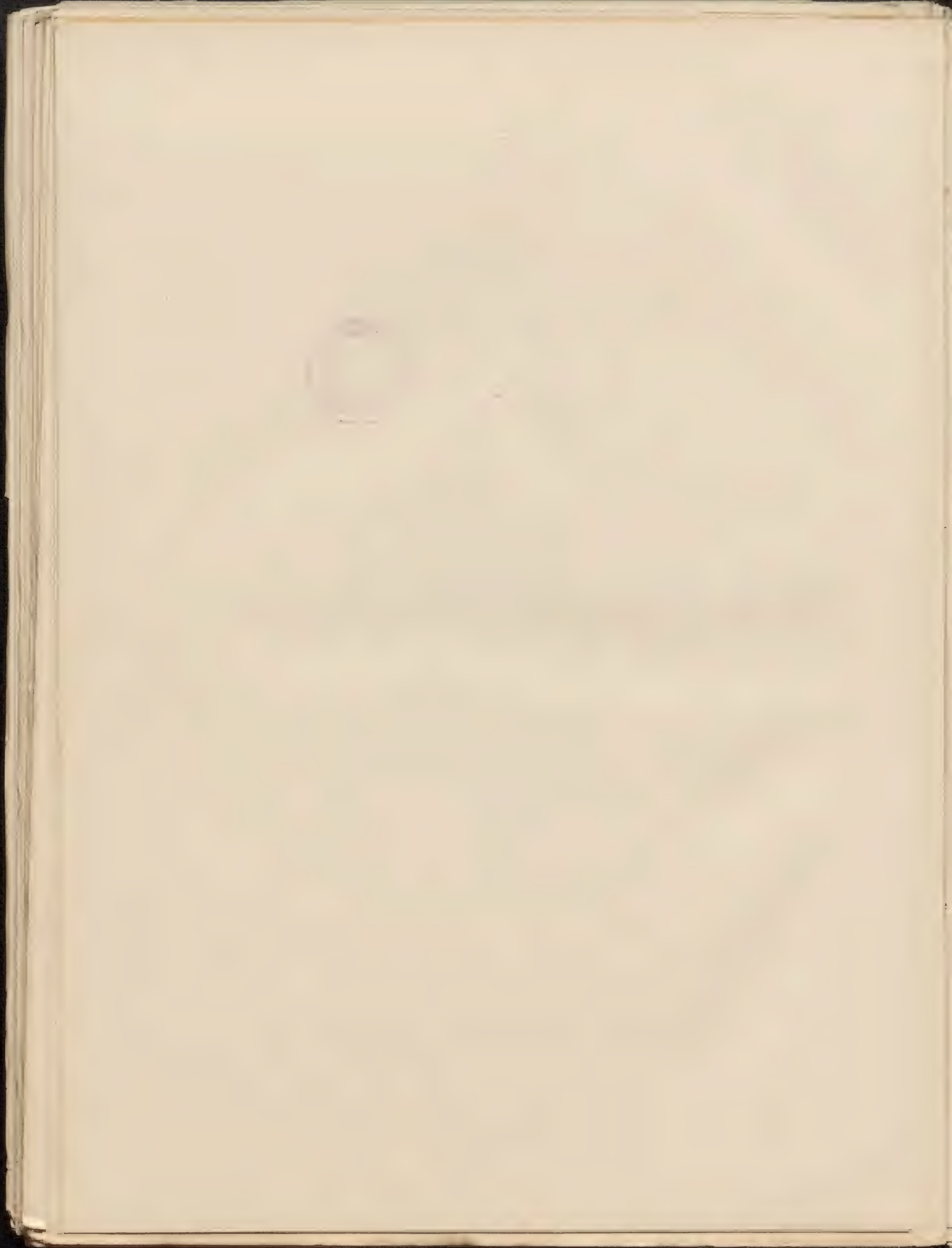

Начертаніи въ каменныхъ городищахъ.

FIGURA DEI REVERENDI PATRIS LUDOVICI DE VITTORE ANTONII S. J. MAGISTRI

ANGEL GUARDIAN OF THE GATE TO THE TEMPLE OF THE LORD

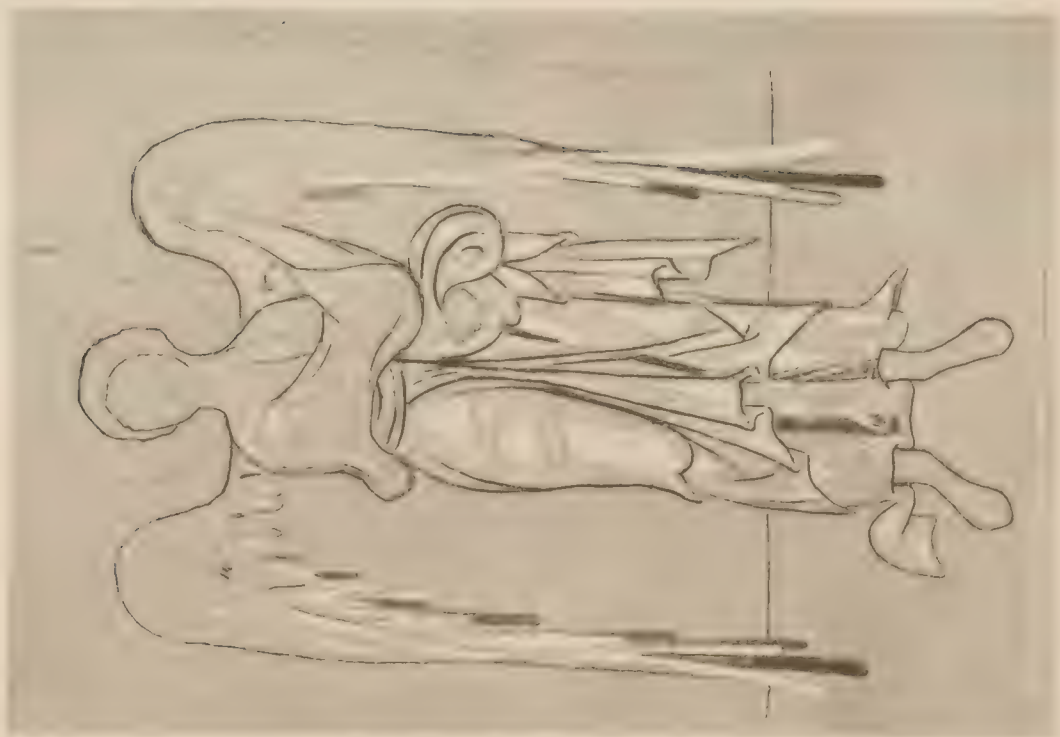
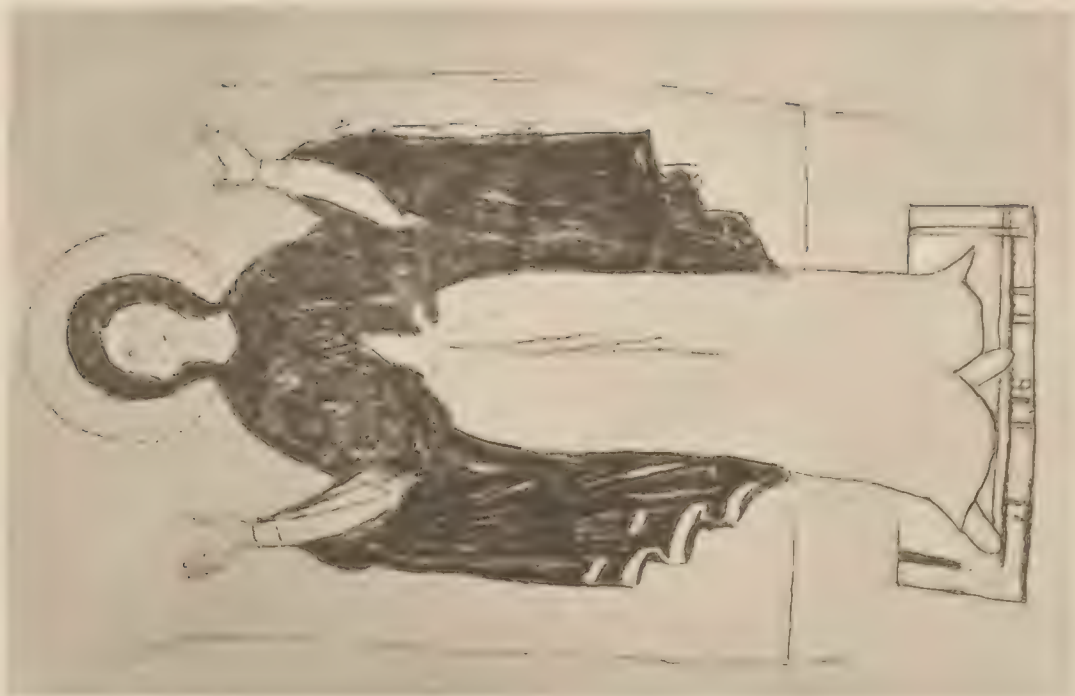

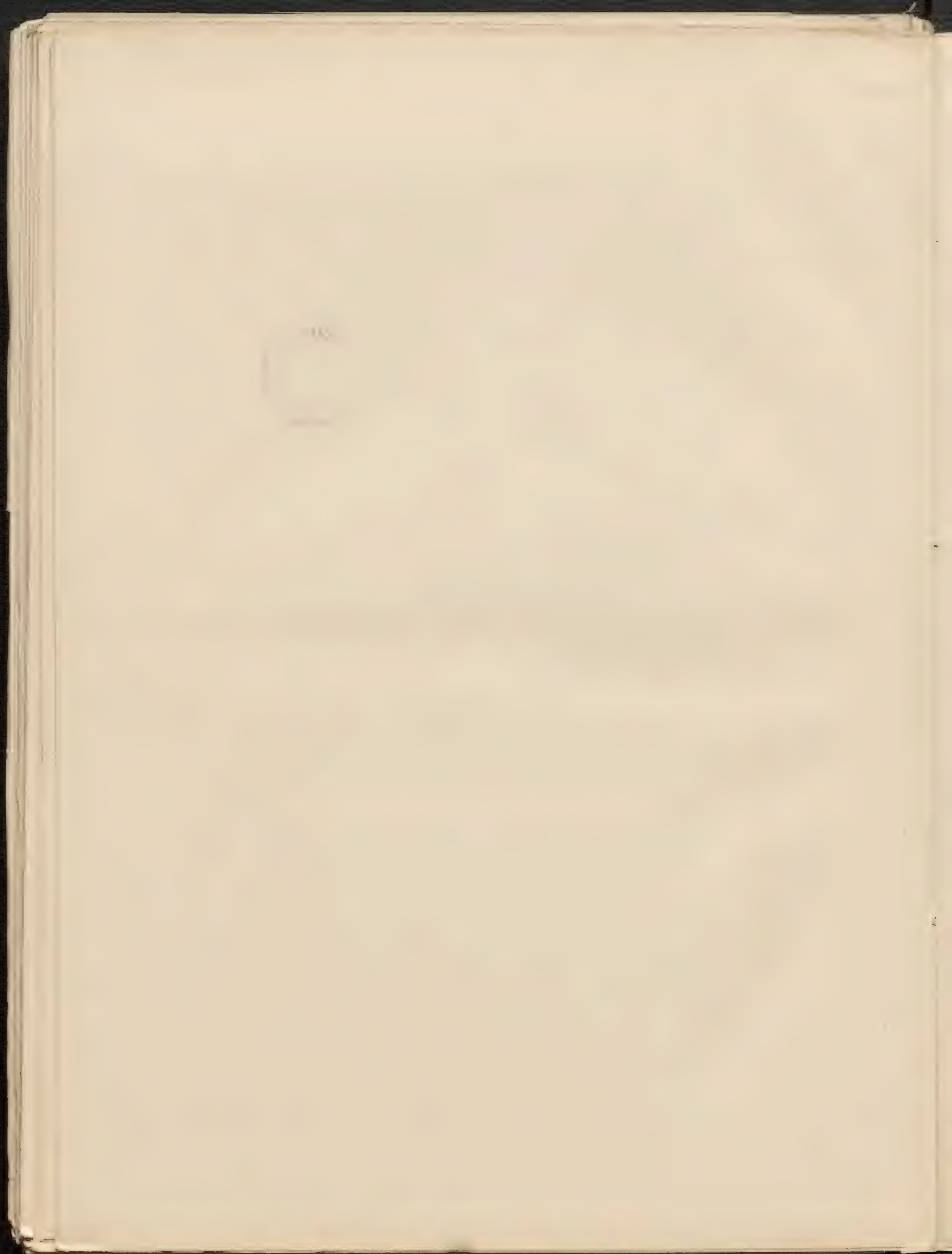

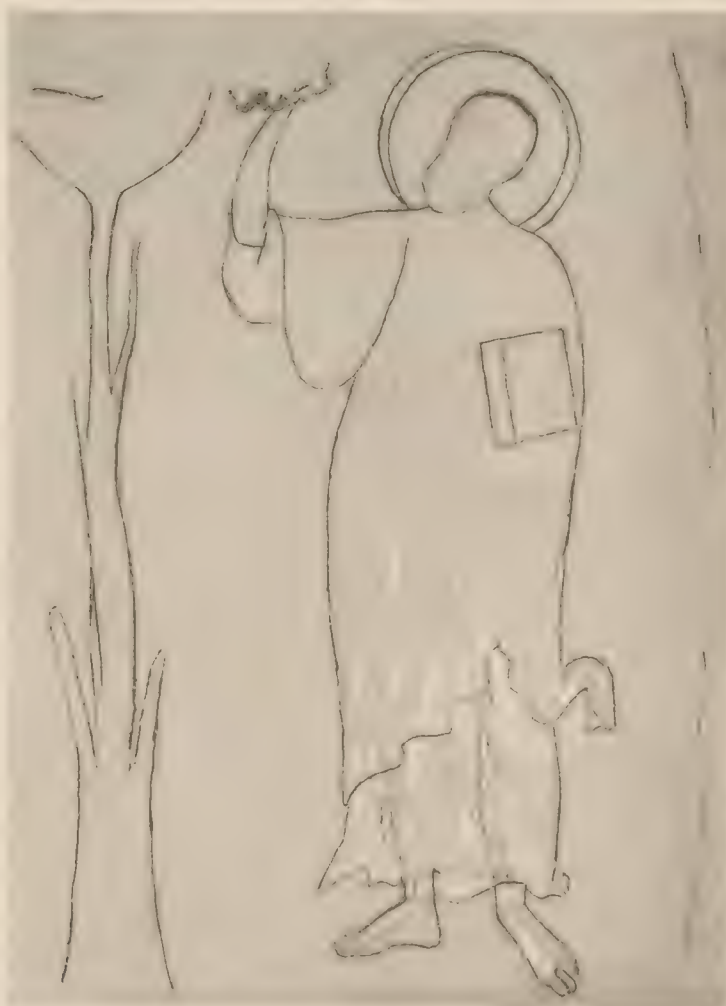
ANGEL WITH SWORD AND SHIELD (THE SOCIETY OF ST. JOHN)

ANGEL WITH SWORD AND TORCH. ANGEL WITH SWORD AND TORCH. ANGEL WITH SWORD AND TORCH.

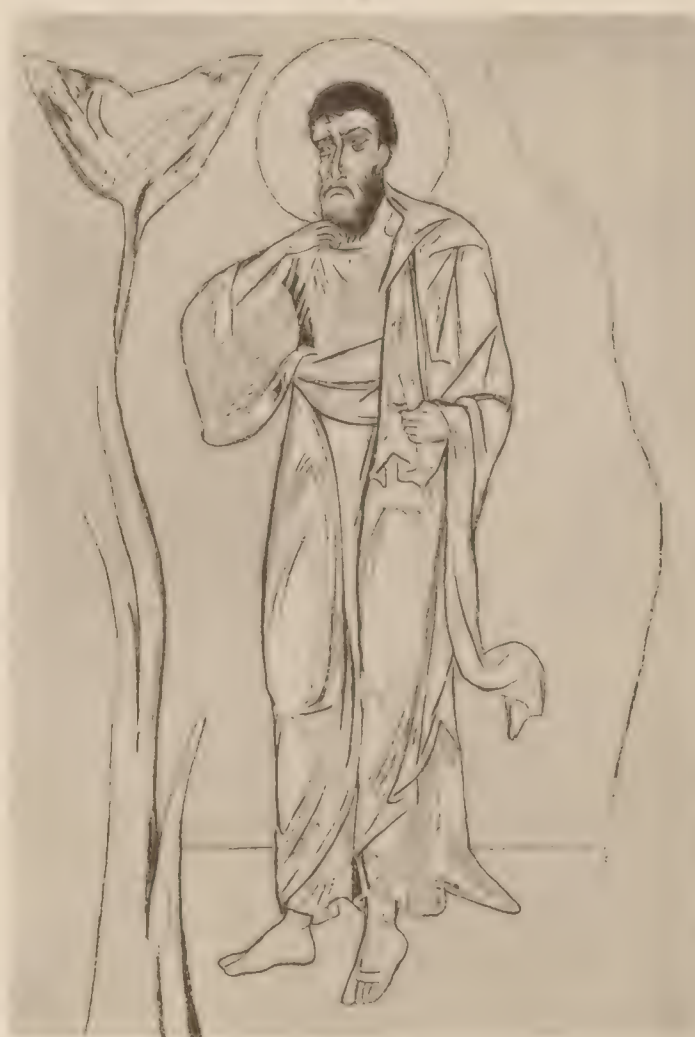
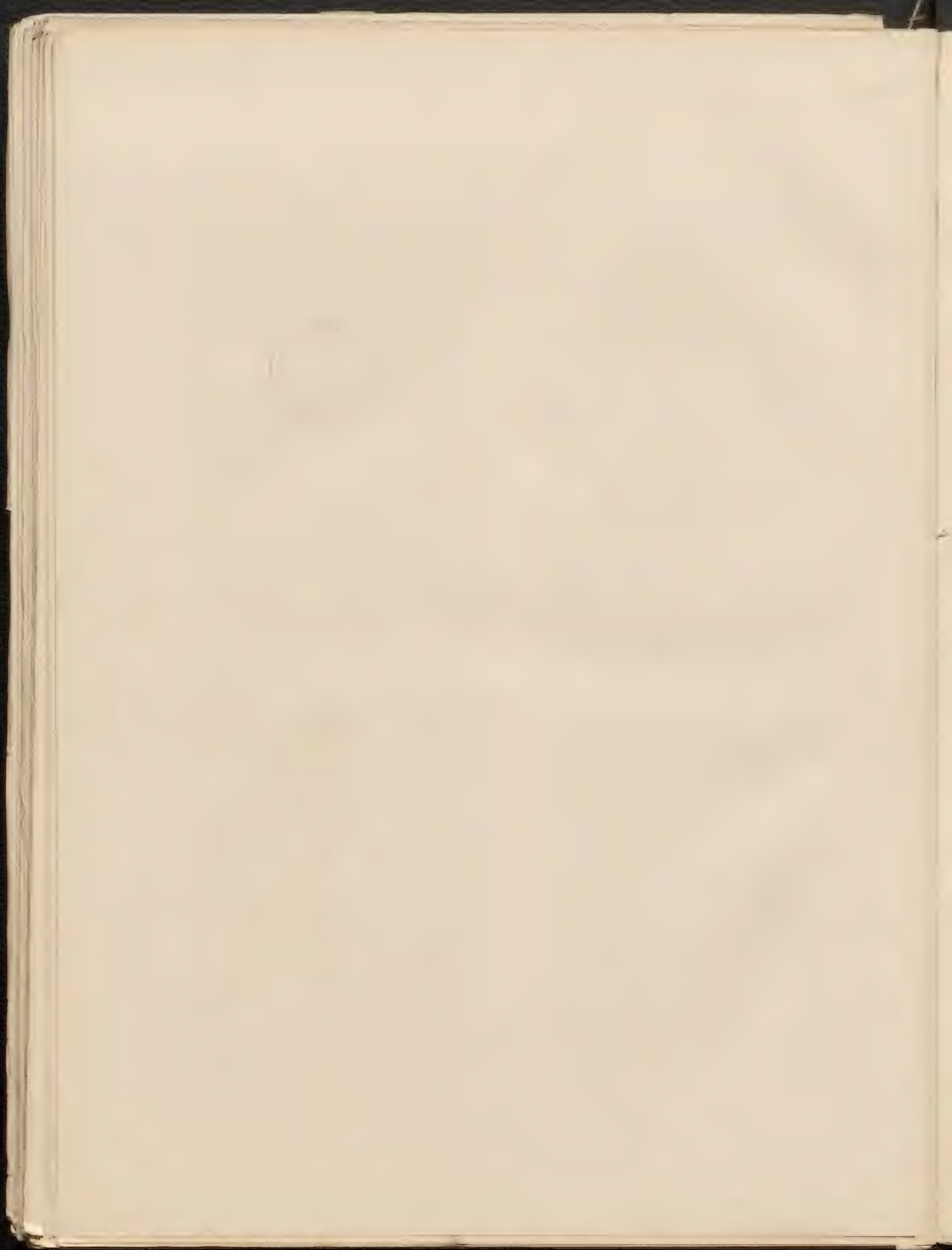
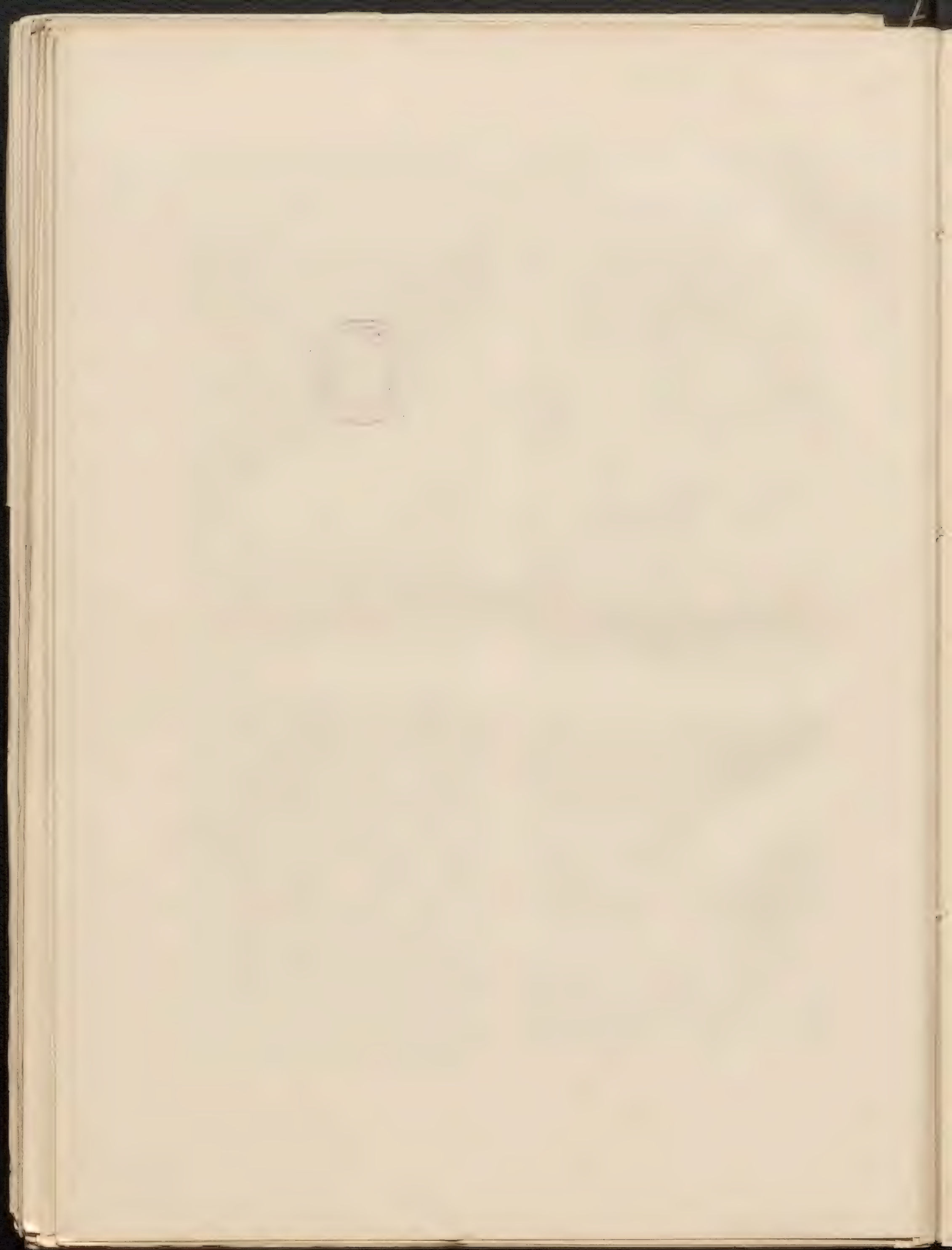

FIGURE 1. THE SAINTS OF THE ISRAELITE TRIBE OF LEVI

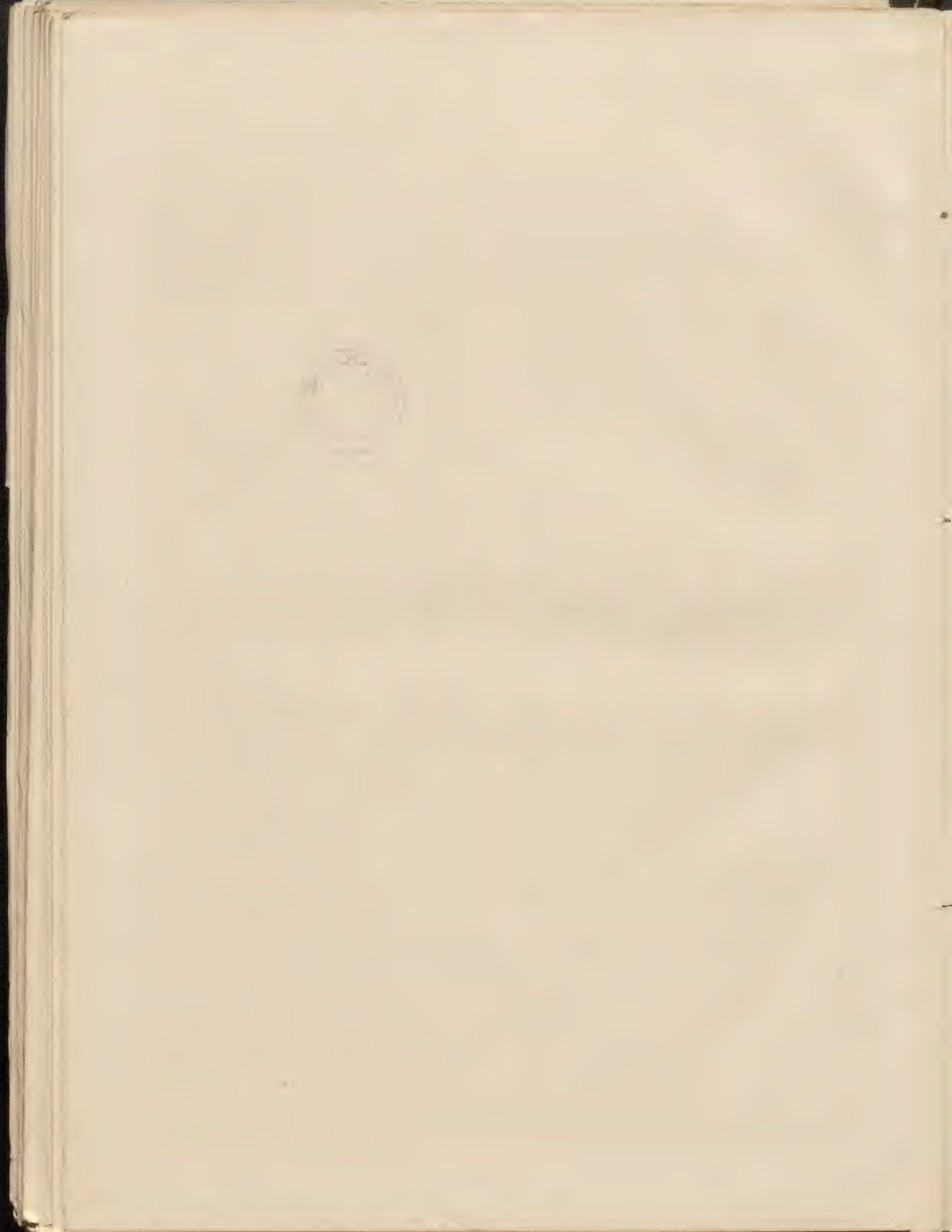
СВЯТЫЙ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ И СВЯТЫЙ ПАВЛЪ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Two panels of religious art, likely icons or frescoes, depicting standing figures with halos, possibly saints or Christ, framed by decorative arches.

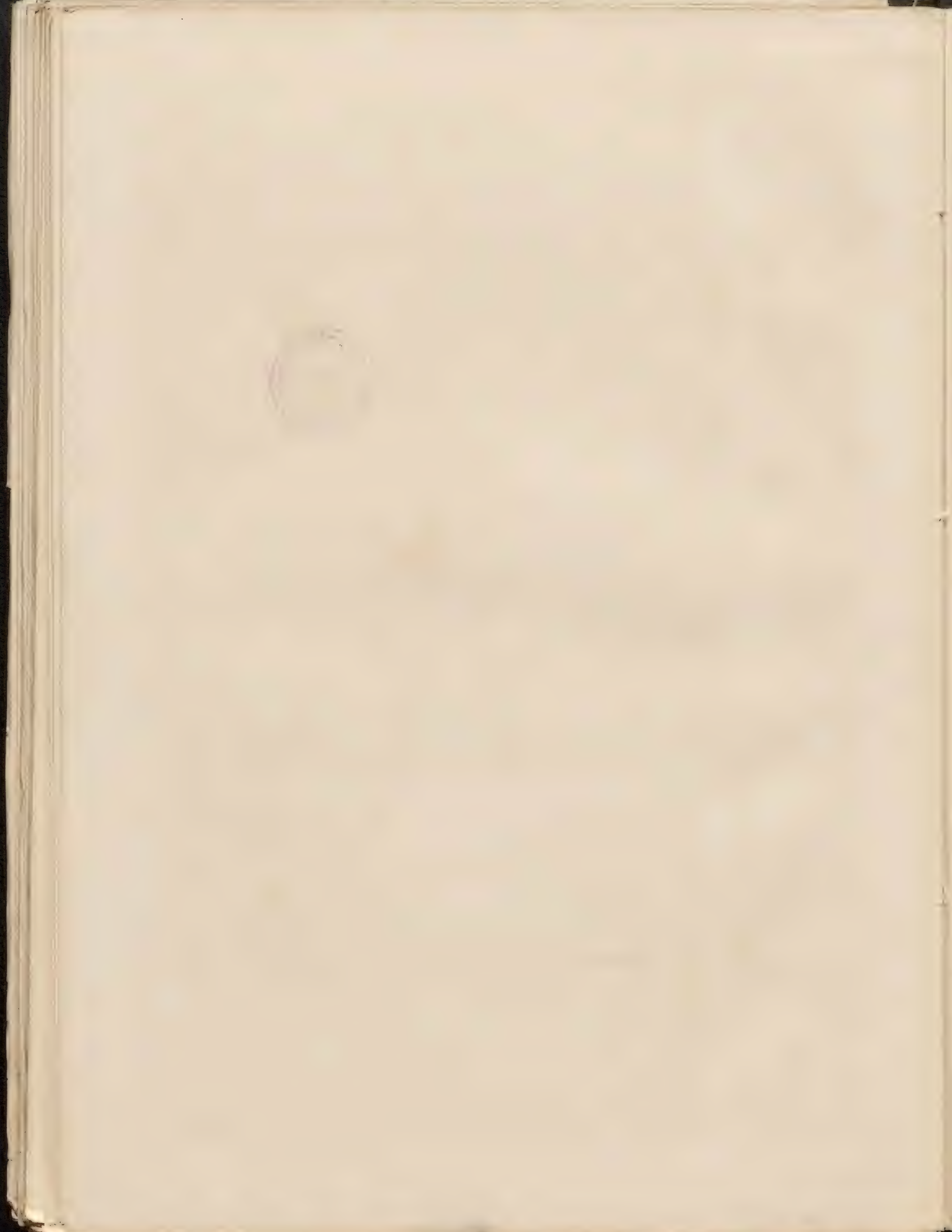
FIGURE 1. THE SAINTS AND PROPHETS OF THE OLD TESTAMENT. FIGURE 2. THE SAINTS AND PROPHETS OF THE NEW TESTAMENT.

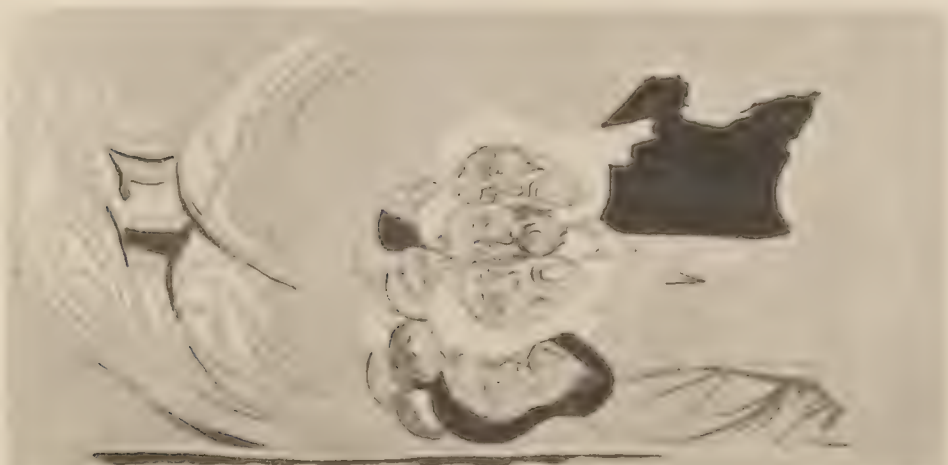
THESE BORDERS
WERE DESIGNED
BY THE ARTIST
FOR THE
ILLUSTRATION OF THE
MIDDLE-AGE ROMANCE

THESE BORDERS
WERE DESIGNED
BY THE ARTIST
FOR THE
ILLUSTRATION OF THE
MIDDLE-AGE ROMANCE

Manuscript page from the Book of Hours of Charles V, showing the initial 'C' for 'Christus' and the figure of Christ seated on a throne.

Manuscript page from the Book of Hours of Charles V, showing a group of figures, possibly a family or a group of saints, gathered around a central figure.

17

137

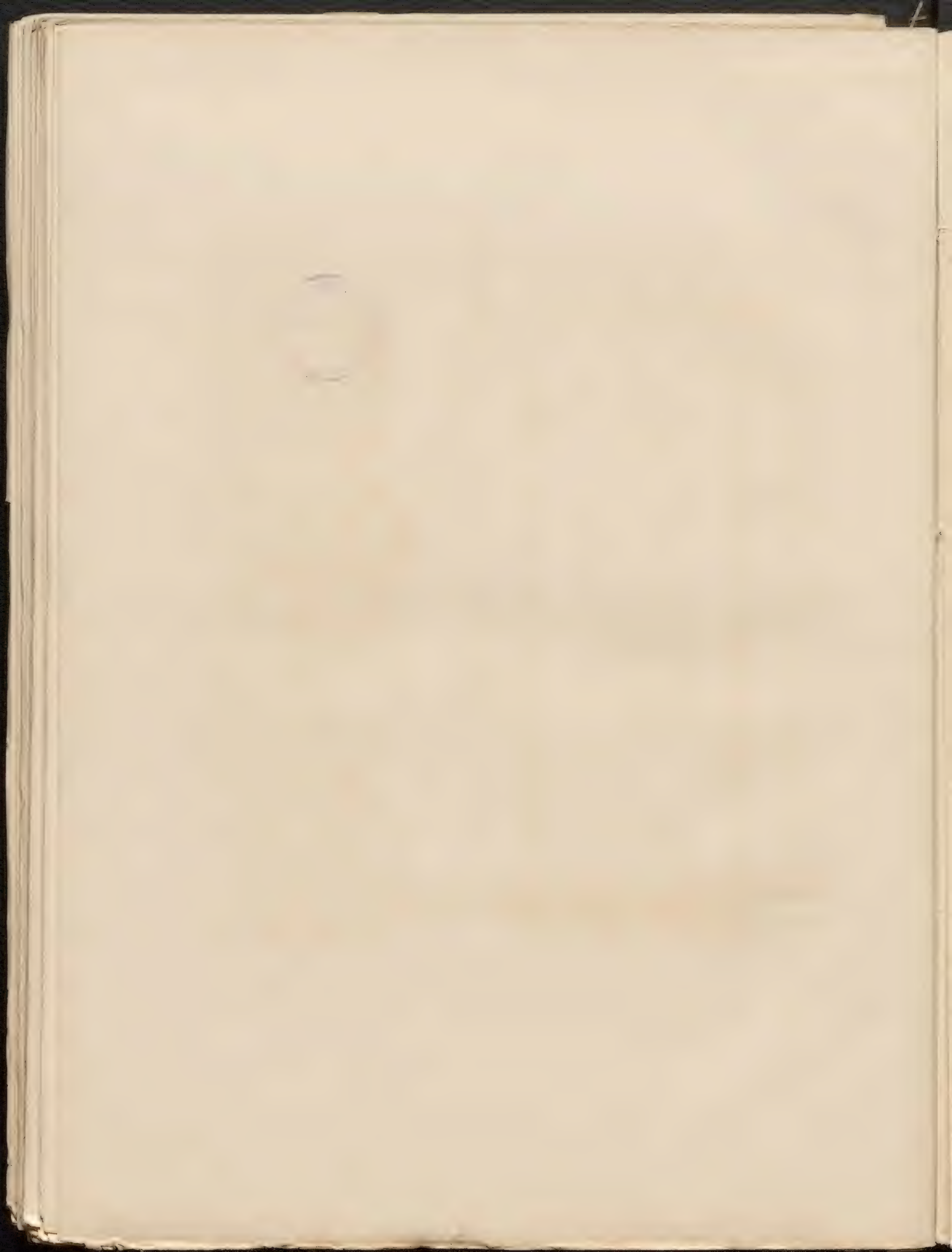
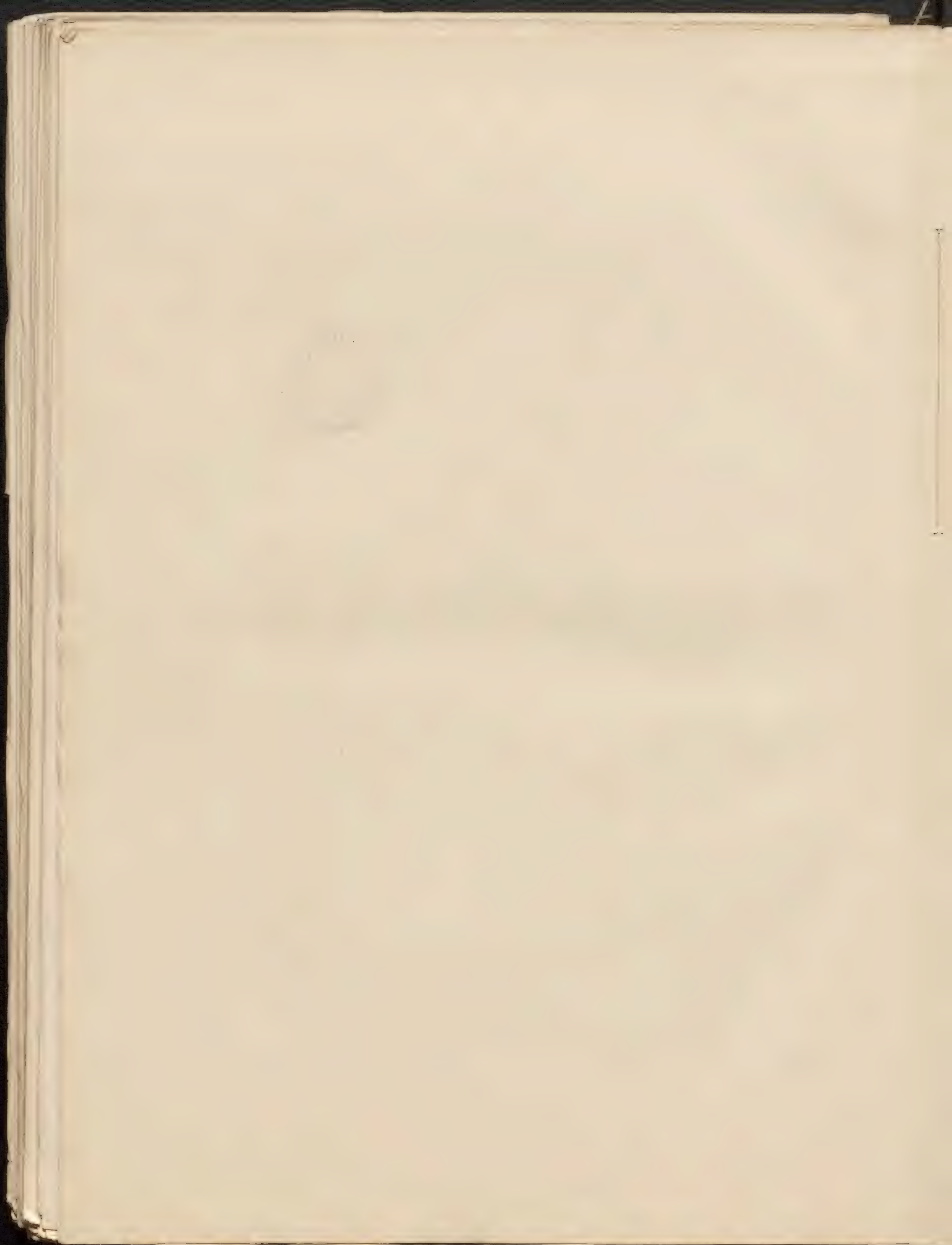

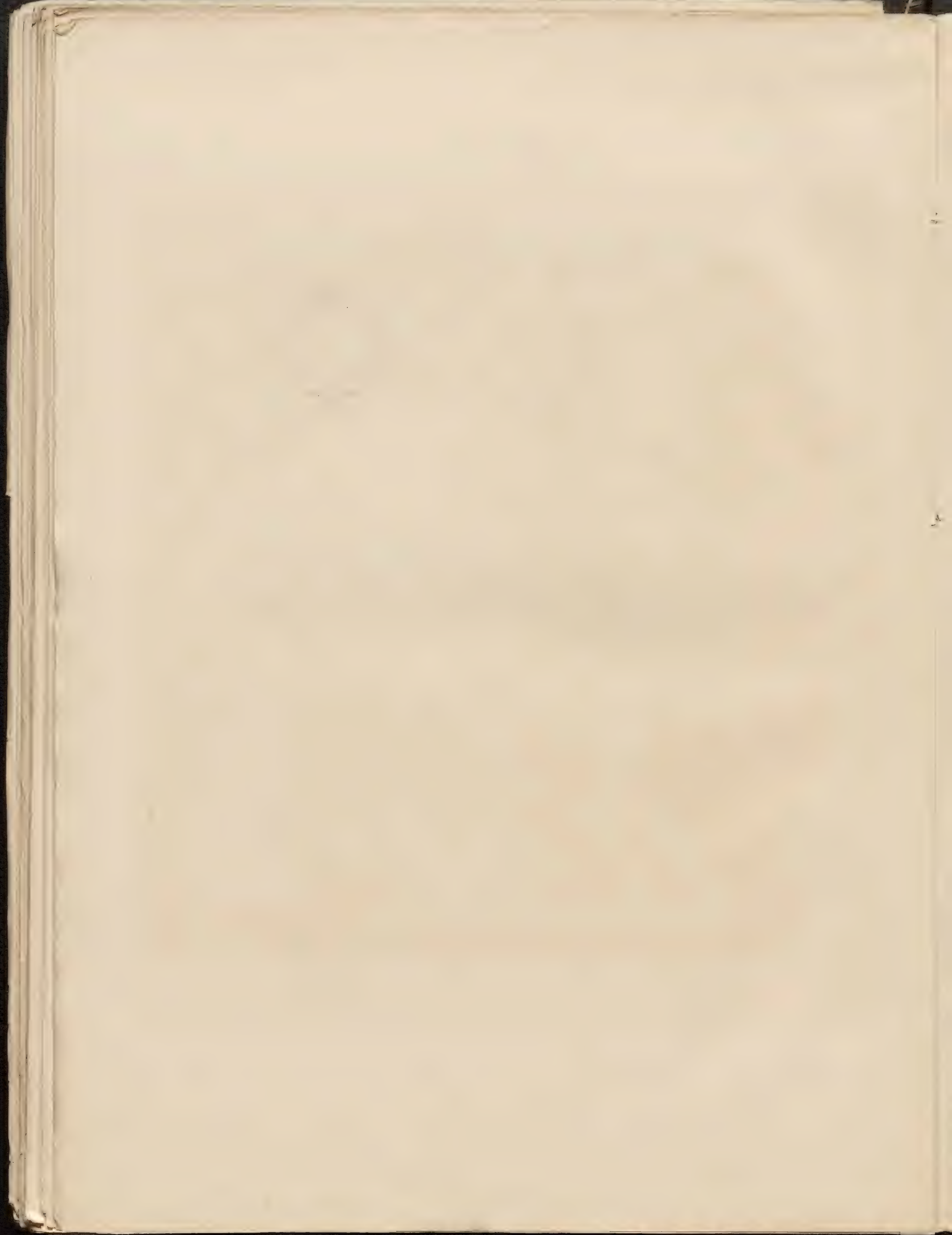

Illustration of a woman in ornate clothing, holding a large, round, flat object (possibly a mirror or a shield) in her left hand and a long, thin object (possibly a sword or a staff) in her right hand.

Two standing figures, likely saints or bishops, holding large, decorated scrolls. The figure on the left has a halo and a beard, while the figure on the right also has a halo and a beard. Both figures wear long, patterned robes. The scrolls they hold contain text in a medieval script, with some words clearly legible, such as 'CITATI' on the left scroll and 'BLAHO' on the right scroll. The background is plain, and the overall style is characteristic of late medieval manuscript art.

St. George slaying the dragon

St. George slaying the dragon

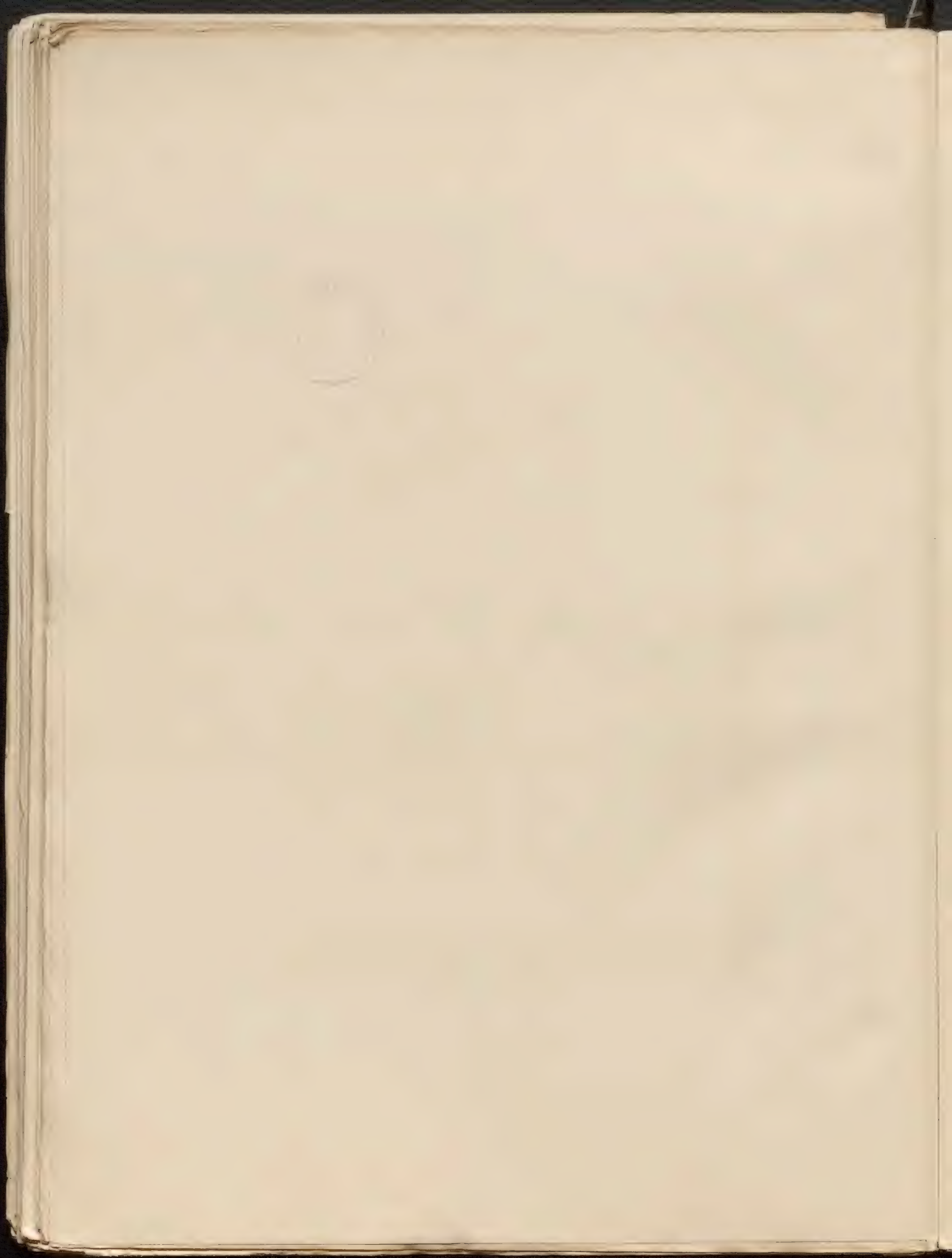

Portrait of St. John the Evangelist

Portrait of St. John the Evangelist

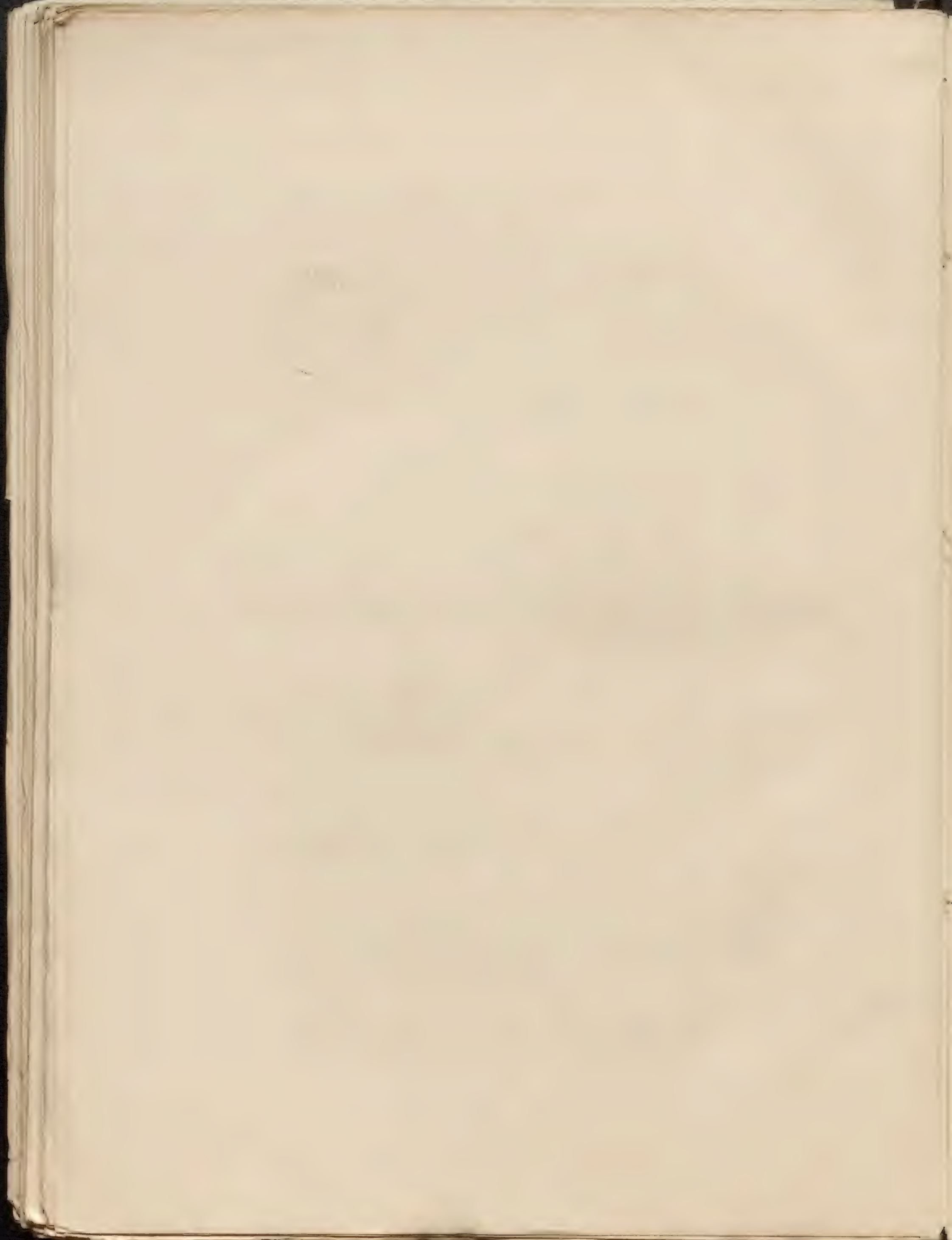

Fig. 1. The King of the South Sea Islands. Fig. 2. The King of the North Sea Islands. Fig. 3. The King of the East Sea Islands.

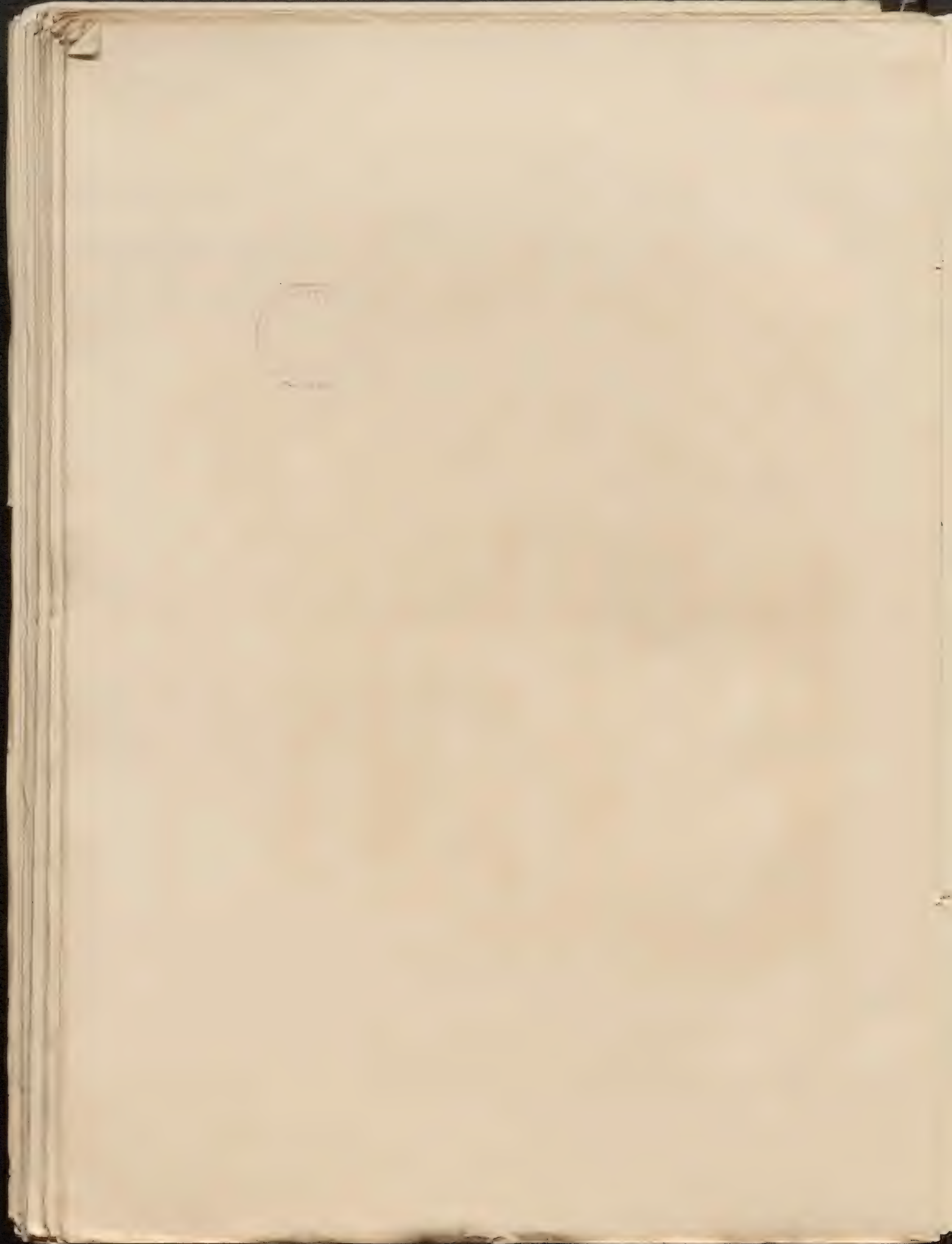

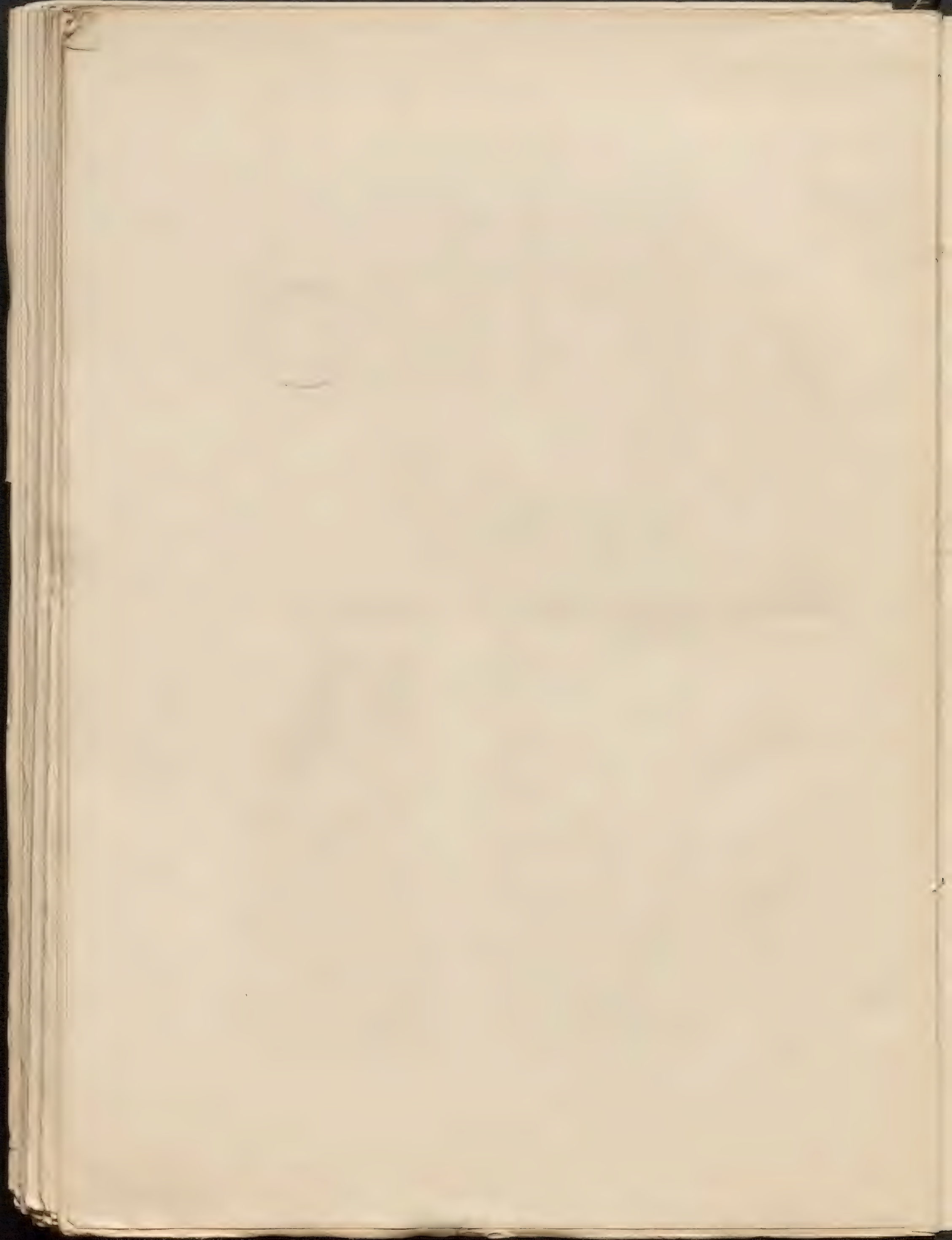

— 155 —

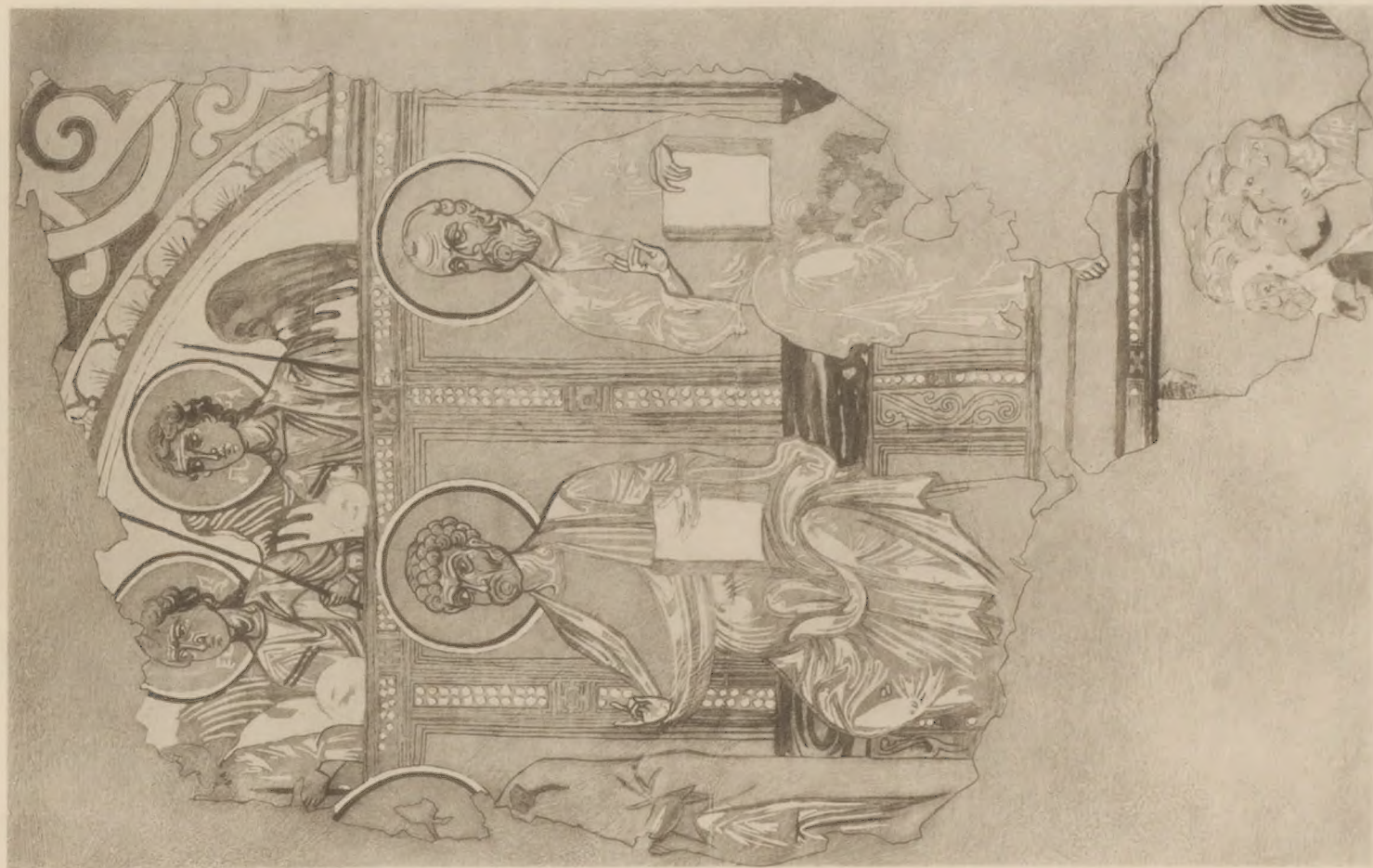

ИЗОБРАЖЕНИЕ АНГЕЛОВЪ НА ЮЖНОЙ СТѢНѢ Ц. СВ. ГЕОРГІЯ.

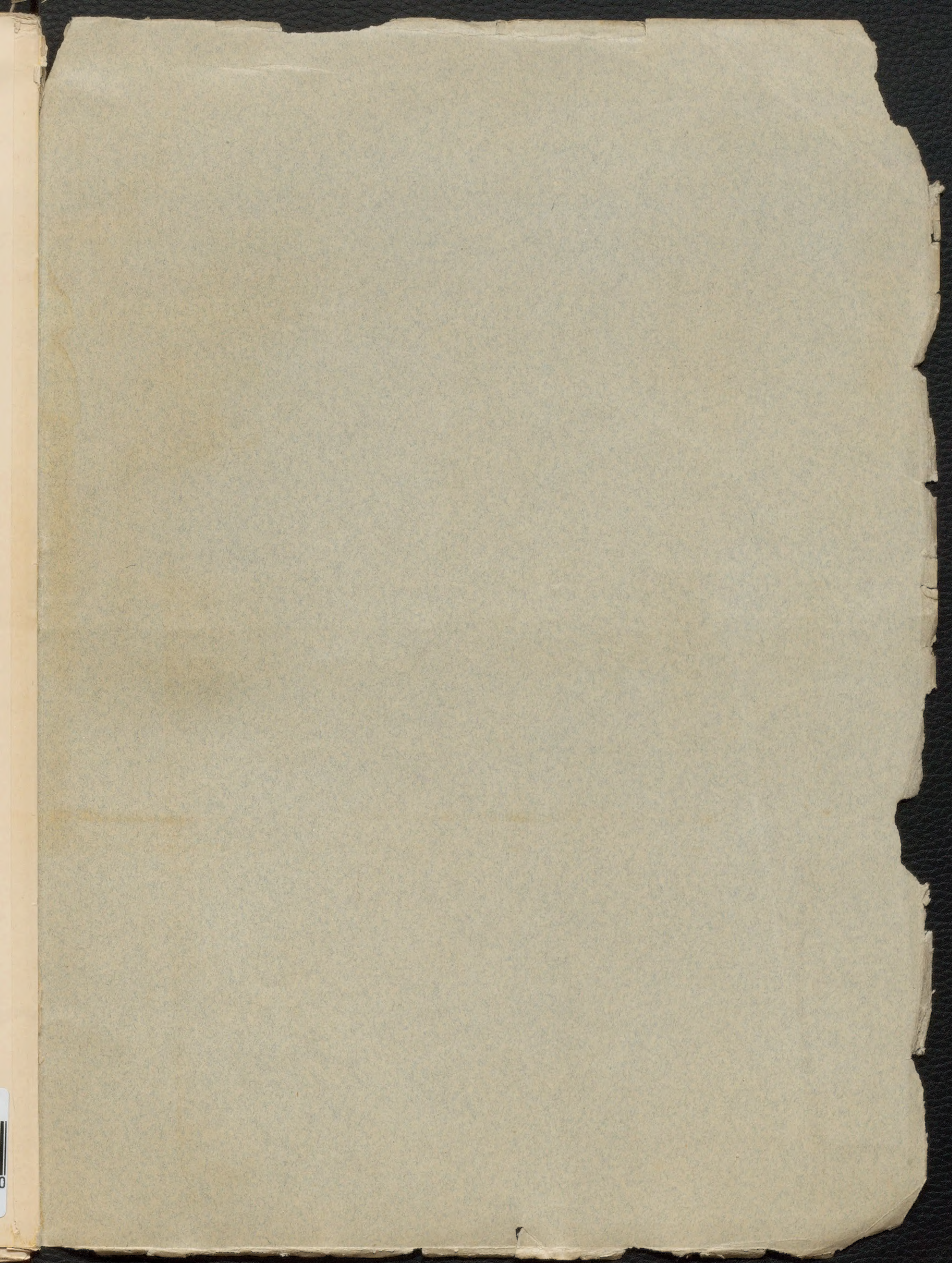

ДРАКОНЫ ПОДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ МУЧЕНИЦЫ МАРІИ.

ПРАВAYA ЧАСТЬ КАРТИНЫ СТРАШНАГО СУДА.

207

